

ЗАКАТ
и
ПАДЕНИЕ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

История
упадка и разрушения
Великой
Римской Империи
ЭДУАРДА ГИББОНА

Народная библиотека
«ОГОНЬКА»

ЭДУАРД
ГИББОН

ЗАКАТ
И
ПАДЕНИЕ
РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

Том II

МОСКВА 2008
ТЕРРА **ТЕРРА**
КНИЖНЫЙ КЛУБ

УДК 930.9
ББК 63.3(0)
Г46

Художник
С. ГЕРАСКЕВИЧ

Гиббон Э.

Г46 История упадка и разрушения Великой Римской империи: Закат и падение Римской империи: В 7 т. Т. 2 / Пер. с англ. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 2008. — 576 с.

ISBN 978-5-275-01702-1 (т. 2)

ISBN 978-5-275-01700-7

Во втором томе своего монументального труда Э. Гиббон обращается к бурной истории Римской империи первой половины IV в. Автор блистательно описывает эволюцию христианства, отношение к нему римского государства, реформы, произведенные императорами, и, наконец, триумф новой религии. Под пером историка оживают характеры Константина Великого, его сыновей, молодого Юлиана Отступника, Ария, Афанасия Александрийского — людей, определивших лицо этого непростого периода римской истории.

УДК 930.9
ББК 63.3(0)

ЭДУАРД ГИББОН ЗАКАТ И ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

*В семи томах
Том второй*

Редактор *Т. Чугунова*. Художественный редактор *О. Скочко*. Корректор *М. Лубнина*

Подписано в печать 20.11.07 г. Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,24. Уч.-изд. л. 37,25. Заказ № 0727180.

ТЕРРА—Книжный клуб. 127206, Москва, Чуксин тупик, д. 9.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-275-01702-1 (Т. 2)
ISBN 978-5-275-01700-7

© ТЕРРА—Книжный клуб, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

второй части

Глава XV

Распространение христианской религии. Чувства, нравы, число и положение первых христиан 15

Н. Э.

Важность этого исследования
Его трудности
Пять причин успехов христианства
I. Первая причина. Усердие иудеев
Его постепенное усиление
Их религия более способна к обороне, чем к завоеваниям.
Более либеральное рвение христиан
Упорство и аргументы верующих иудеев
Назарейская церковь в Иерусалиме
Эбиониты
Гностики
Успехи и влияние этих сект
Демоны как боги древности
Отвращение христиан к идолопоклонству
Обряды
Искусства
Празднества
Усердие христиан
II. Вторая причина.
Учение о бессмертии души между философами.
Между язычниками греческими и римскими
Между варварами и иудеями
Между христианами
Приближение конца мира
Учение о тысячелетнем царствии
Гибель Рима и всего мира
Язычники обречены на вечные мучения
Их опасения заставляют их обращаться в христианство
III. Третья причина. Способность творить чудеса,
принадлежавшая первобытной церкви
Возражения против нее
Как трудно определить период времени,
когда совершались чудеса
Польза чудес
IV. Четвертая причина.
Добродетели первых христиан
Результаты их раскаяния в грехах
Заботливость о своей репутации

Нравственность отцов церкви
Принципы человеческой натуры
Первые христиане осуждали удовольствия и роскошь
Их мнение касательно брака и целомудрия
Их отвращение
к занятиям военным и административным
V. Пятая причина.
Деятельность христиан
в сфере церковного управления
Первоначальная свобода и равенство
Назначение епископов
президентами коллегии пресвитеров
Провинциальные соборы
Единство церкви
Развитие епископской власти
Преобладание епархиальных церквей
Честолюбие римского первосвященника
Миряне и клир
Добровольные приношения и доходы церкви
Распределение доходов
Отлучение от церкви
Публичное покаяние
Величие епископской власти
Перечисление пяти причин
Слабость политизма
Скептицизм языческого мира
оказывается благоприятным для новой религии
Равно как для спокойствия
и единства Римской империи
Исторический взгляд на развитие христианства
На востоке
Церковь в Антиохии
В Египте
В Риме
В Африке и в западных провинциях
Вне пределов Римской империи
Общая цифра христиан и язычников
Были ли первые христиане людьми
незнатными и необразованными
Некоторые исключения
по отношению к учености
Некоторые исключения по отношению
к общественному положению и богатству
Христианство находит более благоприятный
прием между людьми бедными и простодушными
Оно отвергнуто некоторыми
выдающимися людьми первого и второго столетий
Их пренебрежение к пророчествам и чудесам
Общее молчание касательно затмения
во время страданий Иисуса Христа

Глава XVI

Образ действий римского правительства по отношению к христианам
с царствования Нерона до царствования Константина 102

Н. Э.

	Христианство гонимо римскими императорами
	Исследование причин этого факта
	Мятежный нрав иудеев
	Терпимость иудейской религии
	Иудеи придерживались,
	а христиане уклонились от религии своих предков
	Христианство обвиняют в атеизме,
	и народ и философы не понимают его
	Единство и соборы христиан
	считаются опасным заговором
	Их нравы подвергаются клевете
	Их неблагоразумная манера защищать себя
	Чем руководствовались императоры
	в своем образе действий по отношению к христианам
	Они пренебрегали христианами,
	считая их за иудейскую секту
	Пожар Рима в царствование Нерона
	Жестокое наказание христиан, как поджигателей города
	Замечания на то место Тацита,
	где идет речь о преследовании христиан Нероном
	Угнетение иудеев и христиан Домицианом
	Казнь консула Климента
	Невежество Плиния касательно христиан
	Траян и его преемники устанавливают
	легальный способ преследования христиан
	Народные смуты
	Суд над христианами
	Человеколюбие римских судей
	Незначительное число мучеников
	Пример карфагенского епископа Киприана
	Его опасное положение и бегство
257	Его изгнание
	Его осуждение на смертную казнь
	Его мученичество
	Различные подробности мученичества
	Рвение первых христиан
	Оно постепенно ослабевает
	Три способа избегать мученичества
	Переходы от строгости к веротерпимости и обратно
	Десять гонений
	Предполагаемые эдикты Тиберия и Марка Антония
180	Положение христиан в царствование Коммода и Севера
211-249	Положение христиан в царствование преемников Севера
244	Положение христиан в царствование Максимиана

- Филиппа и Деция
 252-260 Положение христиан в царствование Валериана, Галлиена и его преемников
 260 Павел Самосатский; его характер
 270 Он лишен звания антиохийского епископа
 274 Приговор приведен в исполнение Аврелианом
 284-303 Спокойствие и благосостояние церкви при Диоклетиане
 Развитие фанатизма и суеверия между язычниками
 Максимиан и Галерий наказывают нескольких христианских солдат
 Галерий убеждает Диоклетиана начать всеобщее гонение
 303 Разрушение церкви в Никомедии
 Первый эдикт против христиан
 Фанатизм и наказание одного христианина
 Пожар дворца в Никомедии, приписываемый вине христиан
 Приведение в исполнение первого эдикта
 Разрушение церквей
 Следующие эдикты
 303-311 Общая цель гонения
 В западных провинциях при Констанции и Константине
 В Италии и Африке при Максимиане и Севере
 При Максении
 В Иллирии и на востоке при Галерии и Максимиане
 311 Галерий издает эдикт о веротерпимости
 Спокойствие церкви
 Максимиан готовится возобновить гонение
 313 Конец гонений
 Вывод касательно страданий мучеников и исповедников
 Число мучеников
 Заключение

Глава XVII

Основание Константинополя. — Политическая система Константина и его преемников. — Военная дисциплина. — Дворец. — Финансы .. 191

Н. Э.

- 324 Проект новой столицы
 Положение Византии
 Описание Константинополя
 Босфор
 Константинопольская гавань
 Пропонтида
 Геллеспонт
 Выгодное положение Константинополя
 Основание города
 Его размеры

- Ход работ
- Здания
- Население
- Привилегии
- 330 или 334 Освящение
- 300-500 Форма правления в Римской империи
- Иерархия государственных должностей
- Три разряда рангов
- Четыре разряда должностей
- I. Консулы
- Патриции
- II. Преторианский префект
- Префекты римский и константинопольский
- Проконсулы, вице-префекты и пр.
- Губернаторы провинций
- Профессия юристов
- III. Военные должностные лица
- Разделение войск
- Уменьшение состава легионов
- Трудности рекрутских наборов
- Увеличение числа варварских союзников
- IV. Семь дворцовых министров
- 1. Камергер
- 2. Министр двора
- 3. Квестор
- 4. Государственный казначей
- 5. Личный казначей
- 6, 7. Начальники дворцовой стражи
- Агенты, или официальные шпионы
- Употребление пытки
- Финансы
- Общий налог, или индикт
- Его распределение в форме поголовной подати
- Налог на торговлю и промышленность
- Добровольные подарки
- Заклучение

Глава XVIII

Характер Константина. — Война с готами. — Смерть Константина. —
 Разделение империи между его тремя сыновьями. — Персидская
 война. — Трагическая смерть Константина Младшего
 и Константа. — Узурпация Магненция. — Междоусобная война. —
 Победа Констанция 261

Н. Э.

Характер Константина
 Его добродетели
 Его пороки
 Его семейство

- 324 Добродетели Криспа
 Зависть Константина
 325 Эдикт Константина
 326 Опала и смерть Криспа
 Императрица Фауста
 Сыновья и племянники Константина
 Их воспитание
 Нравы сарматов
 Их поселения вблизи от Дуная
 331 Война с готами
 334 Изгнание сарматов
 337 Смерть и погребение Константина
 Придворные партии
 Умерщвление принцев
 337 Разделение империи
 310 Персидский царь Шапур
 Положение Месопотамии и Армении
 342 Смерть Тиридата
 337-360 Персидская война
 348 Битва при Сингаре
 338, 346,
 350 Осада Нисибина
 340 Междоусобная война и смерть Константина
 350 Умерщвление Константа
 Магненций и Ветранион принимают титул императоров
 Констанций отказывается от вступления в переговоры
 Низвергает Ветраниона
 351 Начинает войну с Магненцием
 Битва при Мурсе
 352 Завоевание Италии
 353 Последнее поражение и смерть Магненция

Глава XIX

Констанций один остается императором. — Возвышение и смерть Галла. — Опасное положение и возвышение Юлиана. — Война с сарматами и персами. — Победы Юлиана в Галлии 308

Н. Э.

- Могущество евнухов
 Воспитание Галла и Юлиана
 351 Галл объявлен цезарем
 Жестокости и неблагоразумие Галла
 354 Умерщвление императорских министров
 Опасное положение Галла
 Его опала и смерть
 Опасность и спасение Юлиана
 355 Он послан в Афины
 Вызван в Милан

- Объявлен цезарем
Гибель Сильвана
357 Константин посещает Рим
Новый обелиск
357, 358,
359 Войны с квадами и сарматами
358 Переговоры с Персией
359 Вторжение Шапура в Месопотамию
Осада Амиды
360 Осада Сингары
Поведение римлян
Вторжение германцев в Галлию
Поведение Юлиана
356 Его первая кампания в Галлии
357 Его вторая кампания
Битва при Страсбурге
358 Юлиан побеждает франков
357, 358,
359 Совершает три экспедиции за Рейн
Восстанаавливает галльские города
Гражданское управление Юлиана
Описание Парижа

Глава XX

Мотивы, постепенность и последствия обращения Константина в христианство. — Легальное основание и устройство христианской, или католической, церкви 354

Н. Э.

- 306-337 Время обращения Константина в христианство
Его языческие суеверия
306-312 Он покровительствует христианам Галлии
313 Миланский эдикт
Польза и красоты христианской морали
Теория и практика пассивного повиновения
Божественное право Константина на престол
324 Общий эдикт о веротерпимости
Преданность и рвение христианской партии
Ожидание и уверенность, что совершится чудо
I. Labarum или знамение креста
II. Сон Константина
III. Появление крестного знамения на небе
Обращение Константина
в христианство могло быть искренним
Четвертая эклога Вергилия
Благочестие и привилегии Константина
Отлагательство его крещения
до последних минут жизни

- 312-438 Распространение христианства
 Перемена национальной религии
 Различие между властями духовной и светской
 Положение епископов при христианских императорах
 I. Избрание епископов
 II. Рукоположение духовенства
 III. Собственность
 IV. Гражданская юрисдикция
 V. Духовные кары
 VI. Свобода публичной проповеди
 VII. Привилегия законодательных собраний

Глава XXI

Преследование еретиков. — Секта донатистов. — Споры, вызванные Арием. — Афанасий. — Травматическое состояние церкви и империи при Константине и его сыновьях. — Терпимость язычества 401

- 312 Африканская распря
 315 Ересь донатистов
 Споры о св. Троице
 306 до Система Платона
 Н.Э. Логос
 300 до Н. Э. Учение о нем в александрийской школе
 Н.Э.
 97 О нем пишет апостол Св. Иоанн
 Евиониты и докеты
 Таинственный характер Троицы
 Фанатизм христиан
 Авторитет церкви
 Партии
 318 Еретические мнения Ария
 Три системы учения о Троице
 I. Арианизм
 II. Тритеизм
 III. Савеллианизм
 325 Никейский собор
 Homodislon
 Арианские верования
 Верования западной, или латинской, церкви
 360 Собор в Римини
 Поведение императоров в вопросе об арианской распре
 324 Равнодушие Константина
 325 Его рвение
 328-337 Он преследует ариан и православную партию
 337-361 Констанций покровительствует арианам
 Арианские соборы
 Характер и приключения Афанасия

330	Преследование Афанасия
336	Его первое изгнание
341	Его вторичное изгнание
349	Ему возвращено прежнее положение
351	Гнев Констанция
353-355	Соборы в Арелате и в Милане
355	Осуждение Афанасия
	Ссылки
356	Третье изгнание Афанасия из Александрии
	Его поведение
356-362	Его удаление
	Арианские епископы
	Раздоры
	I. Рим
	II. Константинополь
	Жестокосердие ариан
345 и сл.	Восстание и ярость донатистов-циркумцеллионов
	Их религиозные самоубийства
312-361	Общий характер христианских сект
	Константин относится снисходительно к язычеству
	И его сыновья

Глава XXII

Галльские легионы провозглашают Юлиана императором. — Его поход и успехи. — Смерть Констанция. — Гражданское управление

Юлиана..... 481

	Недоверие Констанция к Юлиану
	Опасение и зависть Констанция
360	Галльским легионам приказано идти на Восток
	Их ропот
	Они провозглашают Юлиана императором
	Его протесты и невинность
	Его послание к Констанцию
360, 361	Его четвертая и пятая экспедиции за Рейн
361	Безуспешные переговоры и объявление войны
	Юлиан готовится напасть на Констанция
	Его поход от Рейна в Иллирию
	Он оправдывает свое предприятие
	Военные приготовления
361	Смерть Констанция
361	Юлиан вступает в Константинополь
361	Он признан всей империей
	Его гражданское управление и частная жизнь
	Дворцовые преобразования
	Судебная палата
	Наказание невинных и виновных

Великодушные Юлиана
Его любовь к свободе и к республике
Его заботы о греческих городах
Юлиан как оратор и как судья
Его характер

Глава XXIII

Религия Юлиана. — Всеобщая веротерпимость. — Он пытается восстановить и преобразовать языческое богослужение. — Он хочет вновь построить Иерусалимский храм. — Коварство, с которым он преследует христиан. — Фанатизм и несправедливость обеих партий..... 521

- Религия Юлиана
- 351 Его воспитание и вероотступничество
Он принимает мифологию язычества
Аллегории
Богословская система Юлиана
Фанатизм философов
Посвящение и фанатизм Юлиана
Его религиозная скрытность
Он пишет против христианства
- 361 Всеобщая терпимость
- 361-363 Усердие и благочестие, обнаруживаемые Юлианом
в восстановлении язычества
Преобразование язычества
Философы
Обращение в язычество
Иудеи
Описание Иерусалима
Богомольцы
- 363 Юлиан пытается снова соорудить в Иерусалиме храм
Это предприятие не удалось
Быть может, вследствие сверхъестественных явлений
Пристрастие Юлиана
Он запрещает христианам преподавать в школах
Опала и угнетение христиан
Их заставляют восстанавливать языческие храмы
Храм и священная роща Дафны
Пренебрежение к Дафне и ее профанация
- 362 Перенесение смертных останков и столкновение в храме
Юлиан приказывает запереть антиохийский собор
Георгий Каппадокийский угнетает Александрию и Египет
- 361 Он убит народом
Ему поклоняются как святому и мученику
- 362 Афанасий снова занимает епископский престол
Юлиан преследует его и изгоняет
- 361-362 Усердие и нетерпимость христиан

ИСТОРИЯ УПАДКА И РАЗРУШЕНИЯ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

ГЛАВА XV

Распространение христианской религии. - Чувства, нравы, число и положение первых христиан

Беспристрастное, но вместе с тем и рациональное исследование успехов и утверждения христианства можно считать за весьма существенную часть истории Римской империи. В то время как явное насилие раздирало это громадное политическое тело, а тайные причины упадка подтачивали его силы, чистая и смиренная религия тихо закралась в человеческую душу, выросла в тишине и неизвестности, почерпнула свежие силы из встреченного ею сопротивления и наконец водрузила победоносное знамение креста на развалинах Капитолия. Ее влияние не ограничилось ни продолжительностью существования, ни пределами Римской империи. После стольких переворотов, совершавшихся в течение тринадцати или четырнадцати столетий, эту религию все еще исповедуют те европейские нации, которые как в искусствах и науках, так и в военном деле опередили все другие народы земного шара. Благодаря предприимчивости и усердию европейцев она широко распространилась до самых отдаленных берегов Азии и Африки, а путем заведения европейских колоний она прочно утвердилась от Канады до Хилинов в таких странах, которые были вовсе неизвестны древним.

Но как бы ни было полезно и интересно такое исследование, оно сопряжено с двумя значительными затруднениями¹⁾. Скучное и подозрительное содержание церковной истории редко дает нам возможность разгонять густой мрак, который висит над первым веком христианской церкви; с другой стороны, великий закон беспристрастия слишком часто заставляет нас указывать несовершенства тех христиан, которые проповедовали Евангелие или уверовали в него, не получив вдохновения свыше; а в глазах невнимательного наблюдателя их недостатки могут набросить тень на веру, ко-

тую они исповедовали. Но и негодование благочестивого христианина, и воображаемое торжество нечестивца прекратятся, лишь только они припомнят, не только кем, но и кому было ниспослано божественное откровение. Теолог может предаваться удовольствию изображать религию в той первобытной ее чистоте, с которою она низошла с небес. Но на историке лежит более грустная обязанность. Он должен указать ту неизбежную примесь заблуждений и искажений, которая вкралась в эту религию во время ее долгого пребывания на земле среди слабых и выродившихся существ.

Весьма естественно, что наша любознательность внушает нам желание исследовать, какими способами христианская вера одержала столь замечательную победу над религиями, установленными на земле. На этот вопрос можно дать ясный и удовлетворительный ответ: этой победой христианская религия обязана неопровержимой ясности самой доктрины и верховному промыслу ее Творца. Но так как истина и доводы рассудка редко находят благосклонный прием в этом мире, и так как благодать Провидения часто нисходит до того, что пользуется страстями человеческого сердца и общими условиями человеческого существования как орудиями для достижения своих целей, то да будет нам дозволено задаться с должным смирением вопросом не о том, конечно, какие были главные причины быстрых успехов христианской церкви, а о том, какие были их второстепенные причины. Тогда мы, может быть, найдем, что следующие пять причин, как кажется, были те, которые всего более благоприятствовали и содействовали ее успехам: I. Непокколебимое и, если нам будет дозволено так выразиться, не терпящее противоречий усердие христиан, правда заимствованное из иудейской религии, но очищенное от тех низких и неуживчивых наклонностей, которые, вместо того чтобы привлекать язычников к вере Моисея, отталкивали их от нее. II. Учение о будущей жизни, усовершенствованное всякого рода добавочными соображениями, способными придать этой важной истине вес и действительную пользу. III. Способность творить чудеса, которую приписывали первобытной церкви. IV. Чистая и строгая нравственность христиан. V. Единство и дисциплина христианской республики, мало-помалу образовавшей самостоятельное и беспрестанно расширявшееся государство в самом центре Римской империи²).

I. Мы уже говорили о том, какая религиозная гармония царствовала в древнем мире и с какой легкостью самые не-

сходные между собою и даже враждовавшие друг с другом народы заимствовали один у другого или по меньшей мере взаимно уважали суеверия один других³⁾. Только один народ не захотел примкнуть к этому безмолвному соглашению всего человеческого рода. Иудеи, томившиеся в течение многих веков под владычеством ассирийских и персидских монархов в самом низком рабстве⁴⁾, вышли из своей неизвестности под управлением преемников Александра, а так как они размножались с поразительной быстротой сначала на востоке, а потом и на западе, то они скоро возбудили любопытство и удивление в других народах⁵⁾. Непреклонное упорство, с которым они держались своих религиозных обрядов, и необщительность их нравов заставляли видеть в них особую породу людей, явно высказывавших или весьма слабо скрывавших свою непримиримую ненависть ко всему человеческому роду⁶⁾. Ни насилия Антиоха, ни ухищрения Ирода, ни пример соседних наций никогда не могли склонить иудеев к тому, чтобы они присоединили к учреждениям Моисея изящную мифологию греков⁷⁾. Придерживаясь принципов всеобщей религиозной терпимости, римляне охраняли суеверия, к которым чувствовали презрение⁸⁾. Снисходительный Август дал приказание, чтобы в Иерусалимском храме были совершены жертвоприношения и вознесены молитвы о благополучии его царствования⁹⁾, тогда как самый последний из потомков Авраама сделался бы предметом отвращения и для самого себя, и для своих соотечественников, если бы воздал такую же почесть Капитолийскому Юпитеру. Но умеренность завоевателей не в состоянии была заглушить щекотливых предрассудков их подданных, которых тревожили и оскорбляли языческие понятия, неизбежно проникавшие в находившуюся под римским владычеством провинцию¹⁰⁾. Безрассудная попытка Калигулы поставить свою собственную статую в Иерусалимском храме не удалась вследствие единодушного сопротивления народа, который боялся такого поругания святыни гораздо более, нежели смерти¹¹⁾. Привязанность этого народа к Моисееву закону была так же сильна, как и его ненависть к иностранным религиям; а так как его благочестивые влечения наталкивались на стеснения и сопротивление, то они с особым напряжением расчищали себе путь и превращались по временам в бешеный поток.

Это непреклонное упорство, казавшееся древним столь отвратительным или столь смешным, получило более возвышенный характер с тех пор, как Провидение поведало нам

таинственную историю избранного народа. Но благочестивая и даже требовательная привязанность, которую обнаруживали к Моисеевой религии иудеи, жившие после сооружения второго храма, покажется еще более удивительной, если мы сравним ее с упорным неверием их предков. В то время как закон был ниспослан на горе Синае при раскатах грома, как волны океана и течение планет были приостановлены для удобства израильтян, а мирские награды и наказания были непосредственными последствиями их благочестия или их неповиновения, они беспрестанно бунтовали против очевидного величия их божественного монарха, ставили идолов различных наций в святилище Иеговы и даже перенимали фантастические обряды, совершавшиеся в палатках арабов или в городах Финикии¹²⁾. По мере того как Небо справедливо отказывало в своем покровительстве столь неблагодарной расе, ее вера мало-помалу крепла и очищалась. Современники Моисея и Иисуса Навина взирали с беспечным равнодушием на самые удивительные чудеса. А в менее отдаленные времена, в то время как иудеи терпели страшные бедствия, вера в эти чудеса спасала их от всеобщего заражения язычеством, так что этот оригинальный народ - в нарушение общеизвестных принципов человеческого ума - по-видимому, с большею твердостью и с большею готовностью верил в традиции своих дальних предков, чем в свидетельство своих собственных чувств¹³⁾.

Иудейская религия была удивительно хорошо приспособлена для обороны, но никогда не была годна для завоеваний, и число новообращенных, как кажется, никогда не превышало в значительной мере числа вероотступников. Божеские обещания были первоначально даны одному семейству, и только этому семейству был предписан отличительный обряд обрезания. Когда потомство Авраама умножилось, как песчинки на дне морском, Божество, из уст которого оно получило систему законов и обрядов, объявило себя собственным и как бы национальным Богом Израиля и с самой тщательной заботливостью отделило свой любимый народ от остального человеческого рода. Завоевание Ханаанской земли сопровождалось столькими чудесами и таким кровопролитием, что победоносные иудеи оказались в непримиримой вражде со всеми своими соседями. Им было приказано истребить некоторые из самых преданных идолопоклонству племен, и исполнение этой божеской воли редко замедлялось слабостью человеколюбия. Им было запрещено вступать в

браки или союзы с другими нациями, а запрещение принимать иностранцев в свою конгрегацию, которое в некоторых случаях было пожизненным, почти всегда распространялось до третьего, до седьмого и даже до десятого поколения. Обязанность проповедовать язычникам религию Моисея никогда не предписывалась законом, а иудеи никогда не были расположены налагать ее на себя добровольно.

В вопросе о приеме новых граждан этот необщительный народ руководствовался себялюбивым тщеславием греков, а не великодушной политикой Рима. Потомки Авраама ласкали себя мыслию, что к ним одним перешел по наследству завет, и боялись уменьшить цену этого наследства беспрепятственным его дежом с разными чужеземцами. Расширившиеся сношения с другими народами расширили сферу их знаний, но не ослабили их предрассудков, и всякий раз, как Бог Израилев приобретал новых поклонников, он был этим обязан гораздо более непостоянному характеру политизма, нежели деятельному усердию своих собственных миссионеров¹⁴). Религия Моисея, по-видимому, была установлена для одной только страны и только для одного народа, и если бы в точности исполнялось предписание, что каждое лицо мужского пола должно три раза в году предстать перед лицом Иеговы, то иудеи никогда не могли бы распространиться далее узких пределов обетованной земли¹⁵). Правда, это препятствие было устранено разрушением Иерусалимского храма, но самая значительная часть иудейской религии была вовлечена в это разрушение, и язычники, долго дивившиеся странным рассказам о пустом святилище¹⁶), никак не могли понять, что могло быть предметом и что могло быть орудием такого богослужения, у которого не было ни храмов, ни алтарей, ни священников, ни жертвоприношений. Однако даже во времена своего упадка иудеи не переставали заявлять притязания на лестные для их гордости исключительные привилегии вместо того, чтобы искать общения с чужеземцами; они не переставали держаться с непреклонной твердостью тех постановлений своей религии, исполнение которых на практике еще было в их власти. Различия, установленные между днями и между кушаньями, а также множество других мелочных, но вместе с тем стеснительных постановлений их религии были диаметрально противоположны привычкам и предрассудкам других народов и потому внушали этим последним отвращение и презрение. Уже только один мучительный и даже опасный

обряд обрезания мог оттолкнуть от дверей синагоги того, кто пожелал бы обратиться в иудейскую веру¹⁷⁾.

При таких-то условиях появилось на свет христианство, опиравшееся на влияние Моисеева закона, но высвободившееся из-под тяжести его оков. Как старая система, так и новая требовали исключительной преданности к истине религии и к единству Божию, и все, чему стали с тех пор получать человечество касательно свойств и предназначений Высшего Существа, усиливало уважение к этому таинственному учению. Божественный авторитет Моисея и пророков был не только признан, но и упрочен, как самая солидная основа христианства. С самого начала мира непрерывный ряд предсказаний предвещал и подготавливал давно ожидавшееся пришествие Мессии, которого - в угоду грубым понятиям иудеев - изображали чаще в виде короля или завоевателя, нежели в виде пророка, мученика и Сына Божия. Его очистительная жертва и довершила и упразднила неудовлетворительные жертвоприношения, совершавшиеся в иудейском храме. Прежние обряды, состоящие только из типов и фигур, были заменены чистым и духовным культом, одинаково приспособленным и ко всем климатам, и ко всяким положениям человеческого рода, а посвящение посредством крови было заменено более невинным способом посвящения посредством воды. Обещание божеских милостей, вместо того чтобы ограничиваться исключительно потомством Авраама, могло распространяться на всех - на свободных людей и на рабов, на греков и на варваров, на иудеев и на язычников. Одним только членам христианской церкви были предоставлены разного рода привилегии, способные вознести новообращенного с земли на небо, способные усилить его благочестие, обеспечить его благополучие и даже удовлетворить то тайное чувство гордости, которое под видом благочестия вкрадывается в человеческую душу; но вместе с тем всему человеческому роду позволяли и даже предлагали приобретать это славное отличие, которое не только раздавалось в виде милости, но и налагалось в виде долга. Самая священная обязанность новообращенного заключалась в том, чтоб распространять между его друзьями и родственниками неоценимые дары, которые он получил, и в том, чтобы предостерегать их от отказа, который был бы строго наказан, как преступное нежелание подчиниться воле хотя и благого, но грозного по своему всемогуществу божества.

Впрочем, церковь высвободилась из оков синагоги не вдруг и не без затруднений. Иудейские новообращенные, признававшие Иисуса за того Мессию, пришествие которого было предсказано их древними оракулами, уважали его как пророка, поучавшего добродетели и религии, но они упорно держались обрядов своих предков и желали подчинить этим обрядам язычников, которые беспрестанно увеличивали число верующих. Эти иудействующие христиане, по-видимому, не без основания ссылались на божественное происхождение Моисеева закона и на неизменные совершенства его великого Творца. Они утверждали, что если бы Высшее Существо, которое вечно пребывает неизменным, вознамерилось отменить те священные обряды, которые служили отличием избранного Им народа, то их отмена была бы не менее ясна и торжественна, чем их первоначальное установление; что вместо частых заявлений, предполагавших или подтверждавших вечность Моисеевой религии, на эту религию смотрели бы как на временную систему, долженствующую существовать только до пришествия Мессии, который преподаст человеческому роду более совершенную веру и более совершенный культ¹⁸); что сам Мессия и беседовавшие с ним на земле его ученики не стали бы поощрять своим примером самое точное соблюдение Моисеева закона¹⁹), а объявили бы перед целым миром об отмене этих бесполезных и устарелых обрядов и не допустили бы, чтоб христианство в течение стольких лет бесславно смешивалось с различными сектами иудейской церкви. Таковы, как кажется, были аргументы, к которым прибегали для защиты приходившей в совершенный упадок Моисеевой религии; но трудолюбие наших ученых богословов вполне объяснило двусмысленные выражения Ветхого Завета и двусмысленное поведение апостольских проповедников. Систему Евангелия следовало развивать мало-помалу, и нужно было с большой сдержанностью и деликатностью произносить обвинительный приговор, столь несогласный с наклонностями и предрассудками новообращенных иудеев.

История иерусалимской церкви служит убедительным доказательством того, как были необходимы такие предосторожности и как было глубоко впечатление, произведенное иудейской религией на умы ее последователей. Первые пятнадцать иерусалимских епископов были все без исключения иудеи, над которыми был совершен обряд обрезания, а конгрегация, в которой они председательствовали, соединяла за-

кон Моисея с учением Христа²⁰⁾. Понятно, что первоначальные традиции церкви, основанной только через сорок дней после смерти Христа и управлявшейся почти столько же лет под непосредственным руководством его апостолов, считались за образец правоверия²¹⁾. Дальние церкви очень часто прибегали к авторитету своей почтенной матери и помогали ей в нужде сборами добровольных пожертвований. Но когда многочисленные и богатые общины образовались в больших городах империи - в Антиохии, Александрии, Эфесе, Коринфе и Риме, уважение, которое внушал Иерусалим всем христианским колониям, стало незаметным образом ослабевать. Положившие основу церкви иудейские новообращенные или, как их впоследствии называли, назареи скоро были подавлены всевозрастающей массой новообращенных, переходивших под знамя Христа из различных религий политеизма, а язычники, сбросившие с себя, с одобрения своего особого апостола, невыносимое бремя Моисеевых обрядов, в конце концов стали отказывать своим более взыскательным собратям в такой же терпимости, какой они вначале смиренно просили для самих себя. Назареи сильно пострадали от гибели храма, города и общественной религии Иудеи, так как, хотя они и отказались от религии своих предков, они были тесно связаны своими нравами с своими нечестивыми соотечественниками, несчастья которых язычники приписывали презрению высшего божества, а христиане более основательно приписывали его гневу. Назареи удалились из развалин Иерусалима на другую сторону Иордана в небольшой городок Пеллу, где старая церковь томилась более шестидесяти лет в одиночестве и неизвестности²²⁾. Они находили для себя некоторое утешение в частых посещениях священного города и в надежде, что они когда-нибудь снова поселятся в тех местах, к которым и природа и религия внушали им и любовь и благоговение. Но в конце концов свирепый фанатизм иудеев был причиной того, что в царствование Адриана чаша их бедствий переполнилась: римляне, выведенные из терпения их беспрестанными возмущениями, воспользовались правами победы с необычайной строгостью. Император основал на горе Сион²³⁾ новый город под названием Aelia Capitolina, дал ему привилегии колонии и, запретив иудеям приближаться к нему под страхом самых строгих наказаний, поставил там гарнизоном римскую когорту для наблюдения над исполнением его приказа. Назареем представлялся только один способ избежать

окончательной гибели, и в этом случае сила истины нашла для себя подпору во влиянии мирских интересов. Они выбрали своим епископом духовного сановника языческого происхождения Марка, который, по всему вероятно, был уроженцем Италии или которой-нибудь из латинских провинций²⁴). По его настоянию самая значительная часть конгрегации отказалась от Моисеева закона, которого она постоянно держалась в течение более ста лет. Этим принесением в жертву своих привычек и привилегий назареи купили свободный доступ в колонию Адриана и более прочно скрепили свою связь с католической церковью²⁵).

Когда имя и почетные отличия иерусалимской церкви были перенесены на гору Сион, тогда жалкие остатки назареев, отказавшихся следовать за своим латинским епископом, подверглись обвинениям в ереси и расколе. Они по-прежнему жили в Пелле, распространились оттуда по селениям, находившимся в окрестностях Дамаска, и основали незначительную церковь в Сирии в городе Берее, или, как его теперь называют, в Алеппо²⁶). Название назареев скоро стали находить слишком почетным для этих христианских иудеев и дали им презрительный эпитет эбионитов, обозначающий предполагаемую бедность как их ума, так и их положения²⁷).

Через несколько лет после восстановления иерусалимской церкви возникли сомнения о том, может ли надеяться быть спасенным тот, кто искренно признает Иисуса за Мессию, но все-таки не перестает соблюдать закон Моисея. Человеколюбивый характер Юстина Мученика заставил его ответить на этот вопрос утвердительно, и, хотя он выражался с самой сдержанной скромностью, он высказался в пользу таких несовершенных христиан, если только они будут довольствоваться исполнением Моисеевых обрядов и не будут настаивать на их всеобщем исполнении или на их необходимости. Но когда от Юстина настоятельно потребовали, чтоб он сообщил мнение церкви, он признался, что между православными христианами много таких, которые не только отказывают своим иудействующим собратьям в надежде спасения, но даже уклоняются от всякого с ними обмена дружеских услуг, гостеприимства и приличий общежития²⁸). Более суровое мнение, как и следовало ожидать, одержало верх над более мягким, и последователи Моисея навсегда отделились от последователей Христа. Несчастные эбиониты, отвергнутые одной религией как вероотступники, а другой как

еретики, нашли вынужденными принять более определенный характер, и, хотя некоторые следы этой устарелой секты встречаются даже в четвертом столетии, они мало-помалу слились частью с христианской церковью, частью с синагогой²⁹⁾.

В то время как православная церковь держалась середины между чрезмерным уважением к закону Моисея и незаслуженным презрением к нему, различные еретики, впадая в противоположные крайности, вовлеклись в заблуждения и сумасбродства.

Удостоверенная истина иудейской религии привела эбионитов к тому заключению, что она никогда не может быть уничтожена; а из ее предполагаемых несовершенств гностики опрометчиво заключили, что она никогда не была установлена божественной мудростью. Против авторитета Моисея и пророков можно сделать некоторые возражения, которые сами собою возникают в скептическом уме, хотя они и могут происходить лишь от нашего незнакомства с отдаленной древностью и из нашей неспособности составить себе правильное понятие о божественных предначертаниях. Гностики горячо взялись за эти возражения и смело доказывали их основательность, опираясь на свои шаткие научные познания³⁰⁾. Так как эти еретики большею частью отвергали чувственные наслаждения, то они с негодованием нападали и на многоженство патриархов, и на любовные похождения Давида, и на сераль Соломона. Они не знали, как согласить завоевание Ханаанской земли и истребление доверчивых туземцев с обыкновенными понятиями о человеколюбии и справедливости. Но когда они вспоминали о длинном ряде убийств, экзекуций и поголовных истреблений, запятнавших почти каждую страницу иудейских летописей, они признавали, что палестинские варвары относились к своим врагам-язычникам с таким же жестокосердием, с каким они относились к своим друзьям и соотечественникам³¹⁾. Переходя от приверженцев закона к самому закону, они утверждали, что религия, которая состоит только из кровавых жертвоприношений и мелочных обрядов и в которой как награды, так и наказания носят исключительно плотский и мирской характер, не может внушать любви к добродетели и не может сдерживать пылкость страстей. Гностики относились с нечестивой насмешкой к повествованию Моисея о сотворении мира и грехопадении человека; они не могли с терпением выслушивать рассказы об отдохновении божества

после шестидневного труда, о ребре Адама, о садах Эдема, о древе жизни и древе познания добра и зла, о говорящем змее, о запрещенном плоде и об обвинительном приговоре, произнесенном над всем человеческим родом в наказание за легкий проступок, совершенный его первыми прародителями³²⁾. Бога Израилева гностики нечестиво выдавали за такое существо, которое доступно страстям и заблуждениям, которое прихотливо в раздачах своих милостей, неумолимо в своем мщении, низко подозрительно во всем, что касается его суеверного культа, и ниспосылает свое покровительство только одной нации, ограничивая его пределами земной временной жизни. В таком характере они не могли найти ни одной черты, характеризующей премудрого и всемогущего Отца вселенной³³⁾. Они допускали, что религия иудеев была в некоторой мере менее преступна, нежели идолопоклонство язычников, но их основным учением было то, что Христос, которому они поклонялись как первой и самой блестящей эманации божества, появился на земле для того, чтобы спасти человеческий род от его различных заблуждений, и для того, чтобы поведать новую систему истины и совершенства. Самые ученые отцы церкви, по какой-то странной снисходительности, имели неосторожность одобрить лжеумудрствование гностиков. Сознывая, что буквальное толкование Священного Писания противно всем принципам и веры и разума, они воображали, что они гарантированы от всяких нападков и неуязвимы под прикрытием того широкого аллегорического забрала, которым они старательно прикрывали все самые слабые стороны Моисеевых законов³⁴⁾.

Один писатель сделал более простодушное, чем правдивое, замечание, что девственная чистота церкви ни разу не была нарушена расколом или ересью до царствования Траяна или Адриана, то есть в течение почти ста лет после смерти Христа³⁵⁾. Мы, с своей стороны, сделаем гораздо более основательное замечание, что в течение этого периода последователи Мессии пользовались и для своих верований, и для своих обрядов более широкою свободой, чем какая когда-либо допускалась в следующие века. Когда условия вступления в христианское общество мало-помалу сузились, а духовная власть господствующей партии сделалась более требовательной, от многих из самых почтенных последователей христианского учения стали требовать, чтоб они отказались от своих личных мнений; но это привело лишь к тому, что они стали заявлять эти мнения более решительно, стали

делать выводы из своих ложных принципов и наконец открыто подняли знамя бунта против единства церкви. Гностики были самые образованные, самые ученые и самые богатые из всех, кто носил название христиан, а их прозвище, обозначающее превосходство знаний, или было принято ими самими из гордости, или было дано им в насмешку завистливыми противниками. Они почти все без исключения происходили от языческих семейств, а главные основатели секты, как кажется, были родом из Сирии или из Египта, где теплый климат располагает и ум, и тело к праздности и к созерцательному благочестию. Гностики примешивали к христианской вере множество заимствованных или от восточной философии, или даже от религии Заратустры возвышенных, но туманных идей касательно вечности материи, существования двух принципов и таинственной иерархии невидимого мира³⁶). Лишь только они углубились в эту обширную пропасть, у них не оказалось другого руководителя, кроме необузданной фантазии, а так как стези заблуждений разнообразны и бесконечны, то гностики незаметным образом разделились более чем на пятьдесят различных сект³⁷), между которыми самыми известными, как кажется, были василидиане, валентиане, маркиониты и в более позднюю эпоху манихеи. Каждая из этих сект могла похвастаться своими епископами и конгрегациями, своими учеными богословами и мучениками³⁸), а вместо признанных церковью четырех Евангелий еретики пустили в ход множество повествований, в которых деяния и слова Христа и его апостолов были приспособлены к их учениям³⁹). Гностики имели быстрый и обширный успех⁴⁰).

Они наводнили Азию и Египет, утвердились в Риме и проникали иногда в западные провинции империи. Они стали размножаться преимущественно во втором столетии; третье столетие было эпохой их процветания, а в четвертом и пятом они были подавлены преобладающим интересом более модных сюжетов полемики и мощным влиянием господствовавшей власти. Хотя они беспрестанно нарушали спокойствие церкви и нередко унижали ее достоинство, они не замедляли распространения христианства, а скорей содействовали ему. Самые резкие возражения и предубеждения новообращенных язычников были направлены против Моисеева закона, но им был открыт доступ в многие христианские общины, не требовавшие от их неразвитых умов веры в предварительное откровение. Их верования мало-помалу крепили и расширя-

лись, а церковь в конце концов обращала в свою пользу завоевания самых заклятых своих врагов⁴¹⁾.

Но как бы ни были различны мнения православных, эбионитов и гностиков касательно божественности или обязанности Моисеева закона, все они были в одинаковой мере одушевлены тем исключительным религиозным рвением и тем отвращением к идолопоклонству, которыми иудеи отличались от других народов древнего мира. Философ, считавший многобожие за составленную руками человека смесь обмана с заблуждениями, мог скрывать свою презрительную улыбку под маской благочестия, не опасаясь, чтоб его насмешка или его одобрение могли подвергнуть его мщению какой-нибудь невидимой силы, так как подобные силы были в его глазах не более как созданиями фантазии. Но языческие религии представлялись глазам первобытных христиан в гораздо более отвратительном и гораздо более страшном виде. И церковь, и еретики были одного мнения насчет того, что демоны были и творцами, и покровителями, и предметами идолопоклонства⁴²⁾. Этим разжалованным из звания ангелов и низвергнутым в адскую пропасть мятежным духам было дозволено бродить по земле для того, чтобы мучить тело грешных людей и соблазнять их душу. Демоны скоро подметили в человеческом сердце природную склонность к благочестию, стали ею злоупотреблять и, коварным образом отклонив человеческий род от поклонения его Создателю, присвоили себе и место, и почести, принадлежащие Верховному Божеству. Благодаря успеху своих злонамеренных замыслов они удовлетворили свое собственное тщеславие и свою жажду мщения и вместе с тем вкусили единственного наслаждения, какое еще было им доступно, - получили надежду сделать человеческий род соучастником в своем преступлении и в своем бедственном положении. Тогда утверждали или по меньшей мере воображали, что эти мятежные духи распределили между собой самые важные роли политеизма, что один демон присвоил себе имя и атрибуты Юпитера, другой - Эскулапа, третий - Венеры, быть может, четвертый - Аполлона⁴³⁾ и что благодаря своей продолжительной опытности и воздушной натуре они исполняли с искусством и достоинством принятые на себя роли. Скрываясь в храмах, они устраивали празднества и жертвоприношения, выдумывали басни, произносили изречения оракулов и нередко даже творили чудеса. Христиане, которые могли так легко объяснять все неестественные явления вмешательст-

вом злых духов, без труда и даже охотно принимали самые нелепые вымыслы языческой мифологии. Но к их вере в эти вымыслы примешивалось чувство отвращения. В их глазах даже самое легкое изъятие уважения к национальному культу было бы непосредственным преклонением перед демоном и мятежом против величия Божия.

Вследствие таких понятий самая существенная и самая трудная обязанность христианина заключалась в том, чтоб не запятнать себя исполнением какого-нибудь языческого обряда. Релугия древних народов не была лишь умозрительной доктриной, преподаваемой в школах или проповедуемой в храмах. Бесчисленные божества и обряды политеизма были тесно связаны со всеми деловыми занятиями и со всеми удовольствиями и общественной, и частной жизни; по-видимому, не было возможности уклониться от их исполнения, не отказавшись вместе с тем от всяких сношений с другими людьми, от всяких общественных обязанностей и развлечений⁴⁴). Важные вопросы касательно заключения мира или объявления войны рассматривались и решались при жертвоприношениях, на которых обязаны были присутствовать и должностные лица, и сенаторы, и солдаты, - одни в качестве председателей, а другие в качестве участвующих лиц⁴⁵). Общественные зрелища составляли существенную принадлежность приятного на взгляд благочестия язычников, которые были убеждены, что боги смотрят как на самое приятное для них приношение на те игры, которые праздновались государем и народом в установленные в их честь торжественные дни⁴⁶). Христианин, с благочестивым отвращением избегавший гнусных зрелищ цирка и театра, попадался в адскую ловушку всякий раз, как за приятельской пирушкой происходили возлияния вина с призыванием богов-покровителей и с пожеланиями друг другу счастья⁴⁷). Когда невеста, сопровождаемая свадебным кортежем, с притворным нежеланием переступала порог своего нового жилища⁴⁸) или когда печальная похоронная процессия медленно двигалась в направлении к костру⁴⁹), христианин покидал тех, кто был для него всех дороже, из опасения сделаться соучастником в преступлении, которое сопряжено с исполнением этих нечестивых обрядов. Всякое искусство и всякое ремесло, имевшее малейшую связь с сооружением или с украшением идолов, считалось оскверненным грязью идолопоклонства⁵⁰), а результатом этого строгого приговора было то, что большинство членов общины, занимавшееся либеральными или

ремесленными профессиями, было осуждено на вечную нищету. Если мы остановим наше внимание на многочисленных остатках древности, то мы найдем, что, кроме изображений богов и священных орудий их культа, и дома, и одежда, и мебель язычников были обязаны самыми роскошными из своих украшений тем изящным формам и привлекательным вымыслам, которым фантазия греков придала такую долговечность⁵¹). Даже такие искусства, как музыка и живопись, как красноречие и поэзия, истекали из того же нечистого источника. В глазах отцов церкви Аполлон и музы были органами адского духа, Гомер и Вергилий - самыми вышшими из их служителей, а великолепная мифология, наполняющая и одушевляющая произведения их гения, имела назначением превозносить славу демонов. Даже в общеупотребительном языке Греции и Рима было множество таких привычных нечестивых выражений, которые осторожный христианин мог по нечаянности произнести или выслушать без протеста⁵²).

Опасные искушения, со всех сторон подстерегавшие неосторожного верующего, делались для него вдвое более опасными в дни торжественных празднеств. Эти празднества были так искусно организованы и так искусно распределены по различным временам года, что суеверие всегда принимало внешний вид удовольствия, а иногда и вид добродетели⁵³). Некоторые из самых священных праздников римского требника имели назначением: встречать новые январские календы торжественными мольбами о благополучии всего общества и каждого из граждан; предаваться благочестивым воспоминаниям об умерших и о живых; подтверждать ненарушимость границ поземельной собственности; приветствовать при наступлении весны жизненные силы, дающие плодородие; увековечить воспоминание о двух самых достопамятных эрах Рима: об основании города и об основании республики - и восстановить во время гуманной разнузданности Сатурналий первобытное равенство человеческого рода. О том, какое отвращение внушали христианам эти нечестивые церемонии, можно составить себе некоторое понятие по той тонкой разборчивости, которую они выказывали в одном гораздо менее тревожном случае. В дни общего веселья древние имели обыкновение украшать двери своих домов фонарями и лавровыми ветвями и надевать на головы гирлянды из цветов. С этим невинным и приятным для глаз обычаем, пожалуй, можно бы было примириться, если бы

можно было смотреть на него как на чисто гражданское установление. Но, к несчастью, оказывалось, что двери находились под покровительством домашних богов, что лавровое дерево посвящено любовнику Дафны и что гирлянды из цветов хотя и употреблялись часто как символы радости или печали, но первоначально назначались на служение суеверию. Те из христиан, которые из страха соглашались сообразоваться в этом случае с обычаями своей родины и с требованиями начальства, мучили себя самыми мрачными мыслями; они боялись и упреков своей собственной совести, и порицаний со стороны церкви, и угроз божеского мщения⁵⁴).

Вот какое заботливое было нужно внимание для того, чтоб охранить чистоту Евангелия от заразительного духа идолопоклонства. Последователи установленной религии бессознательно исполняли и в общественной, и в частной жизни суеверные религиозные обряды, к которым их привязывали воспитание и привычка. Но всякий раз, как совершались эти обряды, они давали христианам повод заявлять против них горячий протест. Благодаря таким часто повторяющимся протестам в христианах постоянно укреплялась привязанность к их вере, а по мере того как росло их усердие и принятая ими против господства демонов война велась с большим одушевлением и с большим успехом.

II. Сочинения Цицерона⁵⁵) выставляют в самом ярком свете невежество, заблуждения и сомнения древних философов касательно вопроса о бессмертии души. Когда они хотели научить своих последователей не бояться смерти, они внушали им ту простую и вместе с тем печальную мысль, что роковой удар, прекращающий нашу жизнь, избавляет нас от житейских невзгод и что тот не может более страдать, кто перестал существовать. Однако в Греции и Риме были некоторые мудрецы, составившие себе более возвышенное и в некоторых отношениях более основательное понятие о человеческой натуре, хотя и следует сознаться, что в таких отвлеченных исследованиях их разум часто руководствовался их воображением, а их воображение повиновалось голосу их тщеславия. Когда они с удовольствием обозревали обширность своих умственных способностей, когда они прилагали разнообразные способности памяти, фантазии и рассудка к самым глубоким умозрениям или к изучению самых важных вопросов и когда они воодушевлялись желанием славы, переносившим их в будущее века, далеко за пределы смерти и могилы, - тогда они не могли допускать, чтоб их смешивали с

живущими в полях животными, и не могли верить, чтобы то существо, к достоинствам которого они питали самое искреннее уважение, должно было довольствоваться небольшим местом на земле и немногими годами жизни. Задавшись такой благоприятной для человеческого рода мыслью, они призывали к себе на помощь науку или, скорее, язык метафизики. Они скоро пришли к убеждению, что так как ни одно из свойств материи не может быть применено к деятельности ума, то, стало быть, человеческая душа есть такая субстанция, которая отлична от тела, чиста, несложна и духовна, что она не может подвергаться разложению и доступна для гораздо более высокой степени добродетели и счастья после того, как она освободится от своей телесной тюрьмы. Из этих ясных и возвышенных принципов философы, шедшие по стопам Платона, вывели весьма неосновательное заключение: они стали утверждать не только то, что человеческая душа бессмертна в будущем, но и то, что она существовала вечно, и стали смотреть на нее как на часть того бесконечного и существующего самим собою духа, который наполняет собой и поддерживает вселенную⁵⁶). Учение, до такой степени выходившее за пределы человеческих понятий и человеческого опыта, могло служить для философов развлечением в часы досуга; оно могло в тиши уединения приносить падающей духом добродетели луч надежды; но слабое впечатление, которое оно производило в школах, скоро изглаживалось развлечениями и деловыми занятиями обыденной жизни. Нам достаточно хорошо известны действия, характеры и мотивы самых выдающихся людей, живших во времена Цицерона и первых цезарей, так что мы можем положительно утверждать, что они никогда не руководствовались в своих поступках сколько-нибудь серьезной уверенностью в наградах или в наказаниях будущей жизни. И в судах, и в римском сенате самые даровитые ораторы не боялись оскорбить своих слушателей, называя эту доктрину пустым и нелепым мнением, которое с презрением отвергается всяким, кто не лишен образования и рассудка⁵⁷).

Так как, несмотря на самые благородные усилия, философия оказалась способной лишь слегка выразить желание, надежду или, по большей мере, вероятие будущей жизни, то одно только божественное откровение могло удостоверить существование и описать положение той невидимой страны, которая должна принимать души людей после их отделения от тела. Впрочем, в популярных религиях Греции и Рима мы

усматриваем несколько существенных недостатков, которые делали их неспособными к разрешению такой трудной задачи. 1. Общая система их мифологии не опиралась ни на какие солидные доказательства, и самые умные между язычниками уже не подчинялись ее незаконно захваченному авторитету. 2. Описание ада было предоставлено фантазии живописцев и поэтов, которые населяли его столькими призраками и чудовищами и распределяли награды и наказания с таким неуважением к законам, справедливости, что самая близкая человеческому сердцу истина была заглушена и обезображена нелепой примесью самых сумасбродных вымыслов⁵⁸). 3. Благочестивые политеисты Греции и Рима едва ли считали учение о будущей жизни за одно из основных положений своей религии. Так как провидение богов касалось скорее целых обществ, чем частных лиц, то оно проявлялось преимущественно на видимом театре здешнего мира. Мольбы, с которыми язычники обращались к алтарям Юпитера и Аполлона, выражали их заботливость о мирском благополучии и их невежество или равнодушие касательно будущей жизни⁵⁹). Важная истина бессмертия души проповедовалась и с большим старанием, и с большим успехом в Индии, в Ассирии, в Египте и в Галлии, а так как мы не можем приписывать это различие превосходству знаний у варваров, то мы должны приписать его влиянию лиц духовного звания, которые умели обращать мотивы добродетели в орудия честолюбия⁶⁰).

Казалось бы, что столь существенный для религии принцип мог быть поведен путем откровения избранному народу Палестины в самых ясных выражениях и что он мог бы быть безопасно вверен наследственной священнической расе Аарона. Но мы должны преклоняться перед таинственными декретами Провидения⁶¹), когда мы усматриваем, что учение о бессмертии душ опущено в Моисеевом законе: на него делаются неясные намеки пророками, а в течение длинного периода времени, отделяющего египетское пленение от вавилонского, как упования, так и опасения иудеев, по-видимому, ограничивались тесными рамками земной жизни⁶²). После того как Кир дозволил изгнанной нации возвратиться в обетованную землю, и после того как Эздра восстановил древние памятники ее религии, в Иерусалиме мало-помалу образовались две знаменитые секты - саддукеи и фарисеи⁶³). Первые из них, состоящие из самых зажиточных и самых выдающихся членов общества, строго придерживались бук-

вального смысла Моисеева закона и из чувства благочестия отвергали бессмертие души как такое учение, которое не имеет поддержки в содержании священных книг, считавшихся ими за единственное основание их веры. А фарисеи присовокупляли к авторитету Св.Писания авторитет преданий и под именем преданий принимали некоторые умозрительные положения, заимствованные от философии или от религии восточных народов. Учение о судьбе или предопределении, об ангелах и духах и о наградах и наказаниях в будущей жизни были в числе этих новых догматов веры; а так как фарисеи, благодаря строгости своих нравов, успели привлечь на свою сторону большинство иудейского народа, то бессмертие души сделалось преобладающим убеждением синагоги под управлением государей и первосвященников из рода Маккавеев. По своему характеру иудеи не были способны ограничиться таким холодным и вялым одобрением, какое могло удовлетворить ум политеиста, и лишь только они допустили мысль о будущей жизни, они взялись за нее с тем рвением, которое всегда было отличительной чертой всей нации. Впрочем, их усердие ничего не прибавило ни к ее очевидности, ни даже к ее правдоподобию; поэтому, хотя догмат загробной жизни и бессмертия души и был внушен человеку природой, одобрен рассудком и принят суеверием, он мог получить санкцию божественной истины только от авторитета и примера Христа.

Когда обещание вечного блаженства было предложено человеческому роду с тем условием, чтоб он уверовал в Евангелие и подчинялся его заповедям, неудивительно, что столь выгодное предложение было принято огромным числом людей всяких религий, всякого звания и из всех провинций Римской империи. Древние христиане были воодушевлены таким презрением к своему земному существованию и такой твердой уверенностью в бессмертии души, о которых не может дать нам сколько-нибудь правильного понятия шаткая и неполная вера новейших веков. В первобытной церкви влияние этой истины приобретало громадную силу благодаря одному ожиданию, которое хотя и не оправдалось на деле, но имеет право на уважение по своей практической пользе и по своей древности. В то время существовало общее убеждение, что близок конец мира и что затем наступит царствие небесное. Приближение этого чудесного события было предсказано апостолами; предание о нем было сохранено их первыми учениками; а те, которые принимали в буквальном смысле

слова самого Христа, были обязаны ожидать второго и славного пришествия Сына Человеческого среди облаков прежде, нежели совершенно исчезнет то поколение, которое видело его скромное положение на земле и которое еще могло быть свидетелем бедствий иудеев в царствования Веспасиана и Адриана. Прошедшие с тех пор семнадцать столетий научили нас, что не следует придавать слишком тесный смысл таинственному языку пророчеств и откровений, но пока мудрые цели Провидения позволяли церкви держаться этого заблуждения, оно имело самое благотворное влияние на верования и поведение христиан, живших в благоговейном ожидании той минуты, когда весь земной шар и все разнообразные племена человеческого рода задрожат от появления их божественного Судии⁶⁴).

Древнее и очень распространенное учение о тысячелетнем царствии было тесно связано с ожиданием второго пришествия Христа. Так как сотворение мира было окончено в шесть дней, то его продолжительность в настоящем его положении была определена в шесть тысяч лет, согласно с преданием, которое приписывалось пророку Илии⁶⁵). Путем точно такой же аналогии было сделано заключение, что за этим длинным периодом тяжелых усилий и споров, уже почти закончившимся⁶⁶), наступит полный радостей тысячелетний отдых и что Христос, окруженный торжествующим сонмом святых и избранных, спасшихся от смерти или чудным образом воскресших, будет царствовать на земле до того времени, которое назначено для последнего и общего воскресения мертвых. Эта надежда была так привлекательна для верующих, что они поспешили разукрасить столицу этого благословенного царства *Новый Иерусалим* самыми яркими красками фантазии. Так как предполагалось, что его обитатели не утратят своей человеческой природы и своих чувственных влечений, то для них было бы слишком утонченно благополучие, состоящее из одних чистых и духовных наслаждений. Сады Эдема с их удовольствиями пастушеской жизни уже не годились для того развитого состояния, которого достигло общество времен Римской империи. Поэтому был воздвигнут город из золота и драгоценных камней; окружающая его местность была с избытком наделена земными продуктами и вином, а в пользовании всеми этими благами добродушные жители не должны были стесняться никакими недоверчивыми постановлениями об исключительном праве собственности⁶⁷). Веру в такое тысячелетнее царствие тща-

тельно поддерживали все отцы церкви, начиная с Юстина Мученика⁶⁸⁾ и Иринея, который беседовал с непосредственными учениками апостолов, и кончая Лактанцием, который был наставником сына Константина⁶⁹⁾. Если она, может быть, и не была принята повсюду, она все-таки, как кажется, была господствующим чувством между православными верующими, а так как она очень хорошо согласовалась с желаниями и опасениями человеческого рода, то она в значительной мере содействовала распространению христианской веры. Но когда церковь получила довольно прочную организацию, эта временная подпора была отложена в сторону. Учение о царствии Христа на земле было сначала отнесено к числу глубокомысленных аллегорий, потом мало-помалу было низведено в разряд сомнительных и бесполезных верований и наконец было отвергнуто, как нелепая выдумка еретиков и фанатиков⁷⁰⁾. Это таинственное предсказание, до сих пор входящее в состав священных книг, а в ту пору считавшееся благоприятным для общераспространенного мнения, едва не подверглось церковной опале⁷¹⁾.

В то время как последователям Христа были обещаны благоденствие и слава мирского владычества, неверующим грозили самыми страшными бедствиями. Сооружение Нового Иерусалима должно было подвигаться вперед вместе с постепенным разрушением мистического Вавилона, а пока царствовавшие до Константина императоры упорствовали в привязанности к идолопоклонству, название Вавилона применялось к Риму и к Римской империи. Для него был приготовлен целый ряд всевозможных нравственных и физических несчастий, какие только могут обрушиться на благоденствующую нацию: внутренние раздоры и вторжение самых свирепых варваров из самых отдаленных северных стран, моровая язва и голод, кометы и солнечные затмения, землетрясения и наводнения⁷²⁾. Все это были лишь приготовительные тревожные предзнаменования той великой катастрофы, когда родину Сципионов и Цезарей должен был истребить нисшедший с неба огонь, и когда город семи холмов, вместе с своими дворцами, храмами и триумфальными арками, должен был погрузиться в огромное море пылающей серы. Впрочем, тщеславие римлян могло находить некоторое для себя утешение в том, что с концом их владычества должно было окончиться и существование всего мира, который, уже испытав однажды гибель от воды, должен был подвергнуться вторичному и быстрому истреблению от огня. Уве-

ренность христиан в таком всеобщем пожаре удачно согласовалась и с восточными преданиями, и с стоической философией, и с явлениями природы; даже та страна, которой, по религиозным мотивам, было предназначено сделаться первоначальной причиной и главной сценой пожара, была всех лучше приспособлена для такой роли по своей природе и по своим физическим условиям, так как в ней находились и глубокие пещеры, и пласты серы, и многочисленные огнедышащие горы, о которых нам дают лишь весьма слабое понятие вулканы Этны, Везувия и Липарских островов. Даже самые спокойные и самые неустрашимые скептики не могли не сознаться, что уничтожение тогдашней системы мира посредством огня было само по себе чрезвычайно правдоподобно. А христианин, опиравшийся в своем веровании не столько на обманчивые доводы рассудка, сколько на авторитет традиции и на толкование Св. Писания, с ужасом ожидал события, которое он считал несомненным и близким, и так как его ум был постоянно занят этой мыслью, то в каждом бедствии, обрушивавшемся на империю, он видел верный признак наступающего разрушения мира⁷³).

Осуждение на вечную гибель самых мудрых и самых добродетельных язычников за то, что им была неизвестна божественная истина, или за то, что они не верили в нее, кажется в наше время оскорблением здравого смысла и чувства человеколюбия⁷⁴). Но первобытная церковь, будучи более тверда в своей вере, без колебаний обрекала большую часть человеческого рода на вечные мучения. Из милосердия, быть может, и дозволялось надеяться на спасение Сократа или некоторых других древних мудрецов, руководствовавшихся светом разума прежде, нежели воссиял свет Евангелия⁷⁵); но относительно тех, кто после рождения или смерти Христа упорно держался прежней привычки поклоняться демонам, единогласно утверждали, что ни один из них не может ожидать помилования от справедливости прогневанного божества. Эти суровые идеи, с которыми древний мир был вовсе незнаком, по-видимому, внесли дух озлобления в такую систему, которая была основана на любви и согласии. Узы родства и дружбы нередко разрывались от различия религиозных верований, а христиане, томившиеся в этом мире под гнетом язычников, нередко до того увлекались жаждой мщенья и сознанием своего духовного превосходства, что с наслаждением сравнивали свое будущее торжество с мучениями, которые ожидали их противников.

«Вы любите зрелища, - восклицает суровый Тертуллиан, - ожидайте же величайшего из всех зрелищ - последнего и неизменного суда над всей вселенной. Как я буду любоваться, как я буду смеяться, как я буду радоваться, как я буду восхищаться, когда я буду смотреть, как столькие гордые монархи и воображаемые боги будут стонать в самых глубоких пропастях преисподней; как столькие сановники, преследовавшие имя Господа, будут жариться в более жарком огне, чем какой они когда-либо зажигали для гибели христиан; как столькие мудрые философы вместе с введенными в заблуждение учениками будут делаться красными среди пламени; как столькие прославленные поэты будут трепетать перед трибуналом не Миноса, а Христа; как столькие трагические актеры будут более обыкновенного возвышать свой голос для выражения своих собственных страданий; как столькие плясуны !» Но человеколюбивый читатель, надеюсь, позволит мне задернуть завесу над остальной частью этой страшной картины, которую усердный африканец дорисовывает с большим разнообразием натянутых и безжалостных острот⁷⁶⁾.

Между первыми христианами, без сомнения, было немало таких, характер которых более согласовался с смирением и милосердием той веры, которую они исповедовали. Многие из них искренно сожалели об опасностях, которые угрожали их друзьям и соотечественникам, и выказывали самое добросердечное усердие в своих стараниях спасти этих несчастных от ожидавшей их гибели. Беспечный политеист, напуганный новыми и неожиданными опасностями, от которых не могли доставить ему надеждой защиты ни его священники, ни его философы, очень часто приходил в ужас от угрозы вечных мучений и покорялся. Его опасения содействовали успехам его веры и разума, и как только в его уме зарождалось подозрение, что христианская религия, может быть, и есть та религия, которая истинна, его уже нетрудно было убедить в том, что он поступит самым предусмотрительным и самым благоразумным образом, если перейдет в нее.

III. Сверхъестественные дарования, которые приписывались христианам даже в этой жизни и которые ставили их выше всего остального человеческого рода, конечно, служили утешением для них самих и вместе с тем очень часто способствовали убеждению неверующих. Кроме случайных чудес, которые иногда могли совершаться благодаря непосредственному вмешательству божества, приостанавливавшие

го действие законов природы для пользы религии, христианская церковь со времен апостолов и первых их учеников⁷⁷⁾ заявляла притязание на непрерывный ряд сверхъестественных способностей: она приписывала себе дар языкознания, видений и пророчеств, способность изгонять демонов, исцелять страждущих и воскрешать мертвых. Знание иностранных языков нередко сообщалось современникам Ириней, хотя сам Ириней должен был бороться с трудностями варварского диалекта в то время, как он проповедовал Евангелие жителям Галлии⁷⁸⁾. Божественное вдохновение - все равно, сообщалось ли оно в форме видений во время бдения или в форме видений во время сна, - было, как рассказывают, щедро изливаемо на верующих всякого разряда - как на женщин, так и на старцев, как на молодых мальчиков, так и на епископов. Когда их благочестивые души были подготовлены молитвами, постом и бдениями к восприятию сверхъестественного импульса, они утрачивали чувство самосознания и в экстазе высказывали то, что им было внушено, делаясь в этом случае простыми орудиями святого духа, точно так, как труба или флейта служит орудием для того, кто на ней играет⁷⁹⁾. По негодованию Мозгейма (стр.221) можно составить себе понятие о том, каковы были чувства лютеранских богословов. Следует прибавить, что видения большею частью имели целью или разоблачить будущую судьбу церкви, или руководить ее тогдашней администрацией. Изгнание демонов из тела тех несчастных, которых им было дозволено мучить, считалось за замечательное, хотя и весьма обыкновенное, торжество религии, а древние поборники христианства часто ссылались на него как на самое убедительное доказательство истины христианской религии. Эта внушительная церемония обыкновенно совершалась публично в присутствии многочисленных зрителей; страждущий исцелялся благодаря могуществу или искусству заклинателя, а побежденный демон громко сознавался, что он был из числа баснословных богов древности, незаконно присвоивших себе право быть предметами поклонения для человеческого рода⁸⁰⁾. Но чудесное исцеление самых застарелых или даже самых сверхъестественных недугов не может возбуждать в нас удивления, когда мы припоминаем, что во времена Ириней, то есть около конца второго столетия, воскресение из мертвых вовсе не считалось необыкновенным происшествием, что это чудо часто совершалось, в случае надобности, путем продолжительного поста и совокупных молитв всех

верующих данной местности и что воскресшие впоследствии жили довольно долго среди тех, чьим молитвам они были обязаны своим воскресением⁸¹). В такую эпоху, когда вера могла похвастаться столькими удивительными победами над смертью, по-видимому, трудно было найти оправдание для скептицизма тех философов, которые, несмотря ни на что, отвергали или осмеивали учение о воскрешении мертвых. Один знатный грек свел всю религиозную полемику к этому важному пункту и дал антиохийскому епископу Феофилу слово, что немедленно перейдет в христианскую религию, если хоть один человек восстанет из мертвых в его глазах. Довольно странно то, что высшее духовное лицо главной восточной церкви, несмотря на горячее желание обратить своего друга в христианскую религию, заблагорассудило отклонить этот прямой и разумный вызов⁸²).

Несмотря на то что чудеса первобытной церкви приобрели санкцию столетий, на них недавно сделано было нападение в одном смелом и остроумном исследовании⁸³), которое хотя и нашло в публике самый благосклонный прием, но, как кажется, произвело общий скандал как в среде наших отечественных богословов, так и в среде богословов других протестантских церквей⁸⁴). В нашем противоположном взгляде на этот предмет мы руководствуемся не какими-либо особыми аргументами, а нашей манерой смотреть на вещи и мыслить и главным образом тем, что мы привыкли требовать известной степени достоверности от доказательств сверхъестественных происшествий. На историке вовсе не лежит обязанность высказывать свое личное мнение об этом щекотливом и важном спорном вопросе; но он не должен умалчивать о том, как трудно отыскать такую теорию, которая могла бы согласовать интересы религии с интересами разума, как трудно сделать надлежащее применение такой теории и как трудно с точностью определить границы того счастливого периода, которому не были знакомы заблуждение и обман и за которым можно признать дар сверхъестественных способностей. Начиная с первого из отцов церкви и кончая последним из пап, идет непрерывный ряд епископов, святых, мучеников и чудес, а развитие суеверий совершается так постепенно и почти незаметно, что мы не знаем, на котором из звеньев мы должны прервать цепь традиции. Каждый век свидетельствует о достоверности ознаменовавших его сверхъестественных событий, и его свидетельство, по-видимому, не менее веско и не менее достойно уважения,

чем свидетельство предшествующего поколения; таким образом, мы незаметно доходим до того, что сами сознаем нашу непоследовательность, если жившим в восьмом и двенадцатом столетиях почтенному Беде и святому Бернару отказываем в таком же доверии, какое так охотно оказывали жившим во втором столетии Юстину и Иринею⁸⁵). Если бы достоверность каких-либо из числа этих чудес могла быть основана на их явной пользе и уместности, то всегда находились бы достаточные мотивы для вмешательства свыше, так как в каждом веке были неверующие, которых нужно было увидеть, были еретики, которых нужно было опровергнуть, и были языческие народы, которых нужно было обратить в истинную веру. А между тем, так как всякий верующий в откровение убежден в достоверности чудес, а всякий здравомыслящий человек убежден в том, что они прекратились, то неизбежно следует допустить существование такого периода времени, в течение которого способность творить чудеса была отнята у христианской церкви или внезапно, или мало-помалу. Все равно, какая бы ни была избрана для этой цели эра - смерть ли апостолов, введение ли в Римской империи христианства, уничтожение ли ереси Ария⁸⁶), - мы, во всяком случае, должны удивляться равнодушию живших в то время христиан. Они не переставали поддерживать свои притязания и после того, как утратили дар. Легковерие стало заменять веру, фанатизму дозволили выражаться языком вдохновения, а то, что было плодом случайности или хитрости, стали объяснять сверхъестественными причинами. Недавние примеры настоящих чудес должны бы были ознакомить христиан с путями Провидения и должны бы были приучить их (если нам будет дозволено употребить весьма неудовлетворительное выражение) распознавать манеру божественного Художника. Если бы самый даровитый из новейших итальянских живописцев вздумал украсить свои слабые подражания именами Рафаэля или Корреджио, такой дерзкий обман был бы немедленно разоблачен и возбудил бы сильнейшее негодование.

Независимо от того или другого мнения о чудесах первобытной церкви после времен апостольских, послушный и мягкий характер верующих во втором и третьем столетиях случайно оказался полезным делу истины и религии. В новейшие времена тайный и даже невольный скептицизм уживается с самым сильным расположением к благочестию. Чувство, допускающее веру в сверхъестественные истины,

является не столько активным убеждением, сколько холодным и пассивным согласием. Так как наш разум или по меньшей мере наше воображение давно уже привыкло соблюдать и уважать неизменный порядок природы, то оно недостаточно подготовлено к тому, чтобы выдерживать видимое действие Божества. Но в первые века христианства положение человеческого рода было совершенно иное. Самые любознательные или самые легковверные язычники нередко склонялись на убеждение вступить в такое общество, которое заявляло притязание на способность творить чудеса. Первобытные христиане постоянно держались на мистической вочве, а их умы приучились верить в самые необыкновенные происшествия. Они чувствовали или воображали, что на них беспрестанно нападают со всех сторон демоны, что их подкрепляют видения, что их поучают пророчества и что молитвы церкви чудным образом спасают их от опасностей, от болезней и даже от смерти. Действительные или воображаемые чудеса, для которых они, по их убеждению, так часто служили целью, орудием или зрителями, к счастью, так же легко, но с гораздо большим основанием располагали их верить в подлинные чудеса евангельской истории; таким образом, те сверхъестественные происшествия, которые не переходили за границы их собственного опыта, внушали им самую твердую уверенность в таких таинственных событиях, которые, по их собственному сознанию, заходили за пределы их понимания. Это-то глубокое убеждение в сверхъестественных истинах и было так прославляемо под именем веры, то есть под именем того умственного настроения, которое выдавалось за самый верный залог божественной благодати и будущего блаженства и считалось за главное или даже за единственное достоинство христианина. По мнению самых строгих христианских наставников, те православные добродетели, которыми могут отличаться и неверующие, не имеют никакого значения или влияния в деле нашего спасения.

IV. Но первобытный христианин доказывал истину своей веры своими добродетелями, и многие не без основания полагали, что божественное учение, просвещавшее или подчинявшее себе разум, вместе с тем очищало сердца верующих и руководило их действиями. И первые поборники христианства, свидетельствовавшие о душевной чистоте своих собратьев, и позднейшие писатели, прославлявшие святость своих предков, описывают самыми яркими красками улучшение нравов, происшедшее в мире благодаря проповедованию

Евангелия. Так как я намерен останавливаться только на тех человеческих мотивах, которые содействовали влиянию откровения, то я слегка упомяну о двух причинах, по которым жизнь первых христиан натурально должна была сделаться более чистой и более строгой, нежели жизнь их языческих современников или их выродившихся преемников, - а именно об их раскаянии в прежних прегрешениях и об их похвальном желании поддержать хорошую репутацию общества, к которому они принадлежали.

То был очень старый, внушенный невежеством или злобой неверующих упрек, будто христиане привлекали на свою сторону самых ужасных преступников, которые при малейшем расположении к раскаянию легко склонялись на убеждения смыть водою крещения преступность своего прошлого поведения, для искупления которого им не давали никаких средств храмы языческих богов. Но если мы очистим это обвинение от всяких искажений, мы найдем, что оно делает церкви столько же чести, сколько оно содействовало увеличению числа верующих⁸⁷⁾. Приверженцы христианства могут, не краснея, сознаться, что многие из самых знаменитых святых были до своего крещения самыми отъявленными грешниками. Кто ведет жизнь, сколько-нибудь согласную с правилами милосердия и честности, тот извлекает из убеждения в своей правоте такое чувство спокойного самодовольства, что становится нелегко доступным для тех внезапных эмоций стыда, скорби и ужаса, которые были причиной стольких удивительных обращений в христианство. Но проповедники Евангелия, следуя примеру своего божественного Учителя, не пренебрегали обществом таких мужчин и в особенности таких женщин, которые были подавлены сознанием, а нередко и последствиями, своих пороков. Так как эти несчастные переходили от грехов и суеверий к славной надежде бессмертия, то они принимали решение посвятить свою жизнь не только добродетелям, но и покаянию. Желание совершенства делалось в их душе господствующею страстию, а всем хорошо известно, что, когда рассудок обрекает себя на холодное воздержание, наши страсти с быстротой и стремительностью переносят нас через те пространства, которые лежат между самыми противоположными крайностями.

После того как новообращенные поступили в число верующих и были допущены к пользованию таинствами христианской церкви, их стало удерживать от возвращения к

прежней порочной жизни другое соображение, хотя и менее возвышенное, но весьма честное и почетное. Всякое отдельное общество, оторвавшееся от той нации или той религии, к которой прежде принадлежало, немедленно делается предметом общих и завистливых наблюдений. В особенности, когда число его членов незначительно, на его характер могут влиять добродетели и пороки лиц, входящих в его состав; тогда каждый из его членов вынужден следить с самым напряженным вниманием и за своим собственным поведением, и за поведением своих собратьев, потому что он имел бы свою долю как в общем позоре, так и в приобретенной обществом хорошей репутации. Когда жившие в Вифинии христиане были приведены на суд к Плинию Младшему, они уверяли проконсула, что не только не вступали ни в какой заговор, но даже были связаны торжественным обязательством воздерживаться от таких преступлений, которые нарушают частное или общественное спокойствие, - от воровства, грабежа, прелюбодеяния, клятвопреступления и мошенничества⁸⁸). Почти через сто лет после того Тертуллиан мог с благородной гордостью похвастаться тем, что очень немногие христиане подвергались уголовным наказаниям иначе, как за свою религию⁸⁹). Их серьезный и уединенный образ жизни, не допускавший свойственных тому веку развлечений и роскоши, приучал их к целомудрию, воздержанию, бережливости и ко всем скромным семейным добродетелям. Так как они большею частью занимались какой-нибудь торговлей или каким-нибудь ремеслом, то лишь благодаря самой строгой честности и самому приветливому обхождению могли устранять недоверие, которое так легко возникает в нечестивых людях ко всему, что имеет внешний вид святости. Презрение к свету развивало в них привычки к кротости, смирению и терпению. Чем более их преследовали, тем более они сближались друг с другом. Их любовь к ближнему и великодушная доверчивость были подмечены неверующими и очень часто употреблялись во зло их вероломными друзьями⁹⁰).

Нравственности первых христиан делает большую честь тот факт, что даже их ошибки или, правильнее сказать, их заблуждения происходили от излишка добродетели. Епископы и ученые богословы, - которые свидетельствуют нам о том, каковы были верования, принципы и даже житейские правила их современников, и которые могли влиять на них своим авторитетом, - изучали Св. Писание не столько со зна-

нием дела, сколько с благочестием и нередко принимали в самом буквальном смысле те суровые правила Христа и апостолов, к которым благоразумие позднейших комментаторов применяло более свободный и более иносказательный способ объяснений. Стараясь превознести совершенства Евангелия над мудростью философии, ревностные отцы церкви довели обязанности умерщвления своей плоти, нравственной чистоты и терпения до такой высокой степени, которой едва ли можно достигнуть и которую еще труднее сохранить при нашей теперешней слабости и развращенности. Такая необыкновенная и возвышенная доктрина неизбежно должна была внушать народу уважение, но она не могла располагать к себе тех светских философов, которые в этой временной жизни принимают в руководство лишь чувства, внушаемые природой, и интересы общества⁹¹).

В самых добродетельных и самых благородных натурах мы усматриваем две совершенно естественные склонности - влечение к удовольствию и влечение к деятельности. Если первое из этих влечений облагорожено искусством и наукой, если оно украшено тем, что есть привлекательного в светской жизни, и если оно очищено от всего, что несогласно с требованиями бережливости, здоровья и репутации, оно служит главным источником счастья в частной жизни. Влечение к деятельности - более могущественный принцип, но его плоды более сомнительного характера. Оно часто ведет к гневной раздражительности, к честолюбию и к жажде мщения, но, когда им руководят честность и благотворительность, оно делается источником всех добродетелей; а когда к этим добродетелям присоединяются равные им дарования, то может случиться, что семейство, государство или империя обязаны своей безопасностью и своим благосостоянием неустрашимому мужеству одного человека. Поэтому влечению к удовольствиям мы можем приписать все, что есть самого приятного в жизни, а влечению к деятельности - все, что в ней есть полезного и достойного уважения. Такой характер, в котором оба этих влечения соединяются и действуют сообща, по-видимому, дает самое законченное понятие о человеческой натуре. Равнодушный и непредприимчивый характер, лишенный этих обоих влечений, был бы всеми единогласно признан за такой, который совершенно неспособен ни доставлять индивидуальное счастье, ни приносить какую-либо общественную пользу. Но первые христиане желали быть приятными или полезными не в *этом* мире.

Приобретение знаний, упражнение нашего ума или нашего воображения и приятное течение ничем не стесняемой беседы могут занимать просвещенного человека в часы досуга. Но суровые отцы церкви или с отвращением отвергали подобные развлечения, или допускали их с крайней осмотрительностью, потому что презирали знания, которые не вели к спасению, и видели во всяком легком разговоре преступное злоупотребление даром слова. При теперешних условиях нашего существования тело так неразрывно связано с душой, что, казалось бы, наш собственный интерес требует, чтобы мы умеренно и без вреда для себя вкушали те наслаждения, которые доступны этому верному нашему товарищу. Но наши благочестивые предки рассуждали иначе; тщетно стараясь подражать совершенству ангелов, они пренебрегали или делали вид, будто пренебрегают, всеми земными и телесными наслаждениями⁹²). Некоторые из наших чувств необходимы для нашего сохранения, некоторые для нашего пропитания и некоторые для приобретения познаний; в этих случаях не было возможности запрещать пользование ими; но первое приятное ощущение считалось за тот момент, с которого начиналось употребление их во зло. От бесчувственного кандидата на звание небожителя требовали, чтоб он не только не поддавался грубым приманкам вкуса или обоняния, но даже чтоб он старался не слышать нечестивой гармонии звуков и чтоб он смотрел с равнодушием на самые законченные произведения человеческого искусства. Нарядные одежды, великолепные дома и изящная обстановка считались вдвойне преступными, так как в них выражались и гордость, и чувственность; внешняя простота и выражение скорби на лице были более приличны для христианина, уверенного в своей греховности, но не уверенного в своем спасении. В своих порицаниях роскоши отцы церкви чрезвычайно мелочны и входят в малейшие подробности⁹³); в числе различных предметов, возбуждающих их благочестивое негодование, мы находим: фальшивые волосы, одежды всех цветов, кроме белого, музыкальные инструменты, золотые и серебряные вазы, мягкие подушки (так как голова Иакова покоилась на камне), белый хлеб, иностранные вина, публичные приветствия, пользование теплыми банями и привычка брить бороды, которая, по выражению Тертуллиана, есть ложь на нашу собственную наружность и нечестивая попытка улучшить произведение Создателя⁹⁴). Когда христианство проникло в сферы людей богатых и образованных, исполне-

ние этих странных требований было предоставлено - точно так же, как оно было бы предоставлено в наше время, - тем немногим людям, которые желали достигнуть высшей степени святости. Впрочем, для низших слоев человеческого общества и нетрудно, и вместе с тем приятно заявлять притязания на особые достоинства, основанные на презрении к той роскоши и к тем наслаждениям, которые фортуна сделала недоступными для них. Добродетель первобытных христиан, подобно добродетели первых римлян, очень часто охранялась бедностью и невежеством.

Целомудренная строгость отцов церкви в том, что касалось взаимных отношений между лицами обоего пола, истекала из того же принципа - из их отвращения ко всем наслаждениям, которые, удовлетворяя чувственные влечения людей, унижают их духовную природу. Они охотно верили, что, если б Адам не вышел из повиновения Создателю, он жил бы вечно в состоянии девственной чистоты, а какой-нибудь неоскорбительный для целомудрия способ размножения населил бы рай породой невинных и бессмертных существ⁹⁵). Брак был дозволен его падшим потомкам только как необходимое средство для продолжения человеческого рода и как узда - хотя и не вполне удовлетворительная - для сдерживания природной распущенности чувственных влечений. В нерешительности, с которой православные казуисты относятся к этому интересному вопросу, видно замешательство людей, неохотно одобряющих такое учреждение, которое они допускают по необходимости⁹⁶). Перечисление весьма причудливых и входящих в мелкие подробности законов, которыми они обставили брачное ложе, вызвало бы улыбку на устах юноши и краску на лице девушки. Они единогласно держались того мнения, что первого брака вполне достаточно для всех целей природы и общества. Чувственная супружеская связь была доведена до такой чистоты, которая делала ее похожей на мистическую связь Христа с его церковью, и она признавалась не расторжимой ни разводом, ни смертью. Вторичный брак был клеймен названием законного прелюбодеяния, и те, которые оказывались виновными в таком нарушении христианской чистоты, скоро лишались и покровительства церкви, и ее подаваний⁹⁷). Так как чувственные влечения считались преступными, а брак допускался лишь ради человеческой немощи, то отцы церкви поступали согласно с этими принципами, считая безбрачное состояние за самое близкое к божескому совершенству. Древний Рим с

крайним трудом поддерживал учреждение шести весталок⁹⁸), а первобытная церковь была наполнена множеством лиц обоего пола, обрекших себя на вечное целомудрие⁹⁹). Немногие из числа этих последних, и между прочим ученый Ориген, нашли более благоразумным обезоружить искусителя¹⁰⁰). Одни из них были вовсе нечувствительны к плотским вожделениям, а другие всегда одерживали над ними победу. Девы, родившиеся в жгучем африканском климате, презирая постыдное бегство перед врагом, вступали с ним в борьбу лицом к лицу; они позволяли священникам и диаконам разделять с ними ложе и среди любовного пламени гордились своей незапятнанной чистотой. Но оскорбленная натура иногда вступала в свои права, и этот новый вид мученичества привел лишь к тому, что послужил поводом для нового скандала в недрах церкви¹⁰¹). Впрочем, между христианскими аскетами (это название они заимствовали от своих мучительных упражнений) были и такие, которые, благодаря тому, что были менее самонадеянны, вероятно, имели более успеха. Утрата чувственных наслаждений возмещалась и вознаграждалась сознанием своего духовного превосходства. Даже язычники были склонны оценивать достоинства самопожертвования сообразно с его бросающимися в глаза трудностями, а отцы церкви изливали бурные потоки своего красноречия для прославления этих целомудренных невест Христовых¹⁰²). Таковы были первые зачатки тех монашеских принципов и учреждений, которые в следующие века перевесили все мирские достоинства христианства¹⁰³).

Деловые занятия были противны христианам не менее, чем удовольствия земной жизни. Они не знали, как согласить защиту своей личности и собственности с той смиренной доктриной, которая велит позабывать прошлые обиды и напрашиваться на новые. Их душевная простота была оскорблена употреблением клятв, пышной обстановкой суда и оживленными прениями общественных собраний; их человеколюбивое невежество не могло понять, чтобы можно было законным образом проливать кровь наших собратьев мечом правосудия или мечом войны даже в тех случаях, когда их преступные или враждебные попытки угрожают спокойствию и безопасности всего общества¹⁰⁴). Они признавали, что при менее совершенном иудейском законодательстве свыше вдохновенные пророки и короли - помазанники Божии пользовались, с дозволения Небес, всеми правами, какие предоставляла им иудейская конституция. Христиане понимали и

признавали, что такие учреждения могли быть необходимы для тогдашней системы мира, и охотно подчинялись власти языческих правителей. Но в то время как они проповедовали правила пассивного повиновения, они отказывались от всякого деятельного участия в гражданском управлении или в военной защите империи. Может быть, и допускалась некоторая снисходительность по отношению к тем, кто еще прежде своего обращения в христианство предавался таким свирепым и кровожадным занятиям¹⁰⁵⁾, но христианин не мог принять на себя звание воина, должностного лица или государя, не отказавшись от своих более священных обязанностей¹⁰⁶⁾. Это холодное или даже преступное пренебрежение к общественному благосостоянию навлекало на них презрение и упреки язычников, которые часто задавались вопросом, какова была бы участь империи, со всех сторон атакованной варварами, если бы весь человеческий род стал придерживаться малодушных чувств новой секты¹⁰⁷⁾? На этот оскорбительный вопрос защитники христианства давали неясные и двусмысленные ответы, так как они не желали раскрывать тайную причину своей беспечности - ожидание, что прежде, нежели совершится обращение всего человеческого рода в христианство, перестанут существовать и войны, и правительства, и Римская империя, и самый мир. Следует также заметить, что в этом случае положение первых христиан весьма удачно согласовалось с их религиозной разборчивостью и что их отвращение к деятельной жизни содействовало скорее к их освобождению от службы, нежели к их устранению от гражданских и военных отличий.

V. Но человеческий характер - как бы он ни возвышался или как бы он ни унижался под влиянием временного энтузиазма - непременно мало-помалу возвратится к своему настоящему и натуральному уровню и снова проявит те страсти, которые, по-видимому, всего лучше согласуются с его настоящим положением. Первобытные христиане отказались от мирских забот и удовольствий, но в них не могло совершенно заглухнуть влечение к деятельности; оно скоро ожило и нашло для себя новую пищу в церковном управлении. Самостоятельное общество, восставшее против установленной в империи религии, нашло вынужденным принять какую-нибудь форму внутреннего устройства и назначить в достаточном числе должностных лиц, которым было вверено не только исполнение духовных обязанностей, но и светское управление христианской общиной. Безопасность этой об-

щины, ее достоинство и ее расширение порождали даже в самых благочестивых людях такое же чувство патриотизма, какое римляне питали к республике, а по временам такую же, как у римлян, неразборчивость средств, которые могли бы привести к столь желанной цели. Честолюбивое желание возвыситься самим или возвысить своих друзей до церковных отличий и должностей прикрывалось похвальным намерением употребить на общую пользу ту власть и то влияние, которых они считали себя обязанными добиваться единственно для этой цели. При исполнении их обязанностей им нередко приходилось разоблачать заблуждения еретиков и изгонять их из лона того общества, спокойствие и благосостояние которого они пытались нарушить. Правителей церкви учили соединять мудрость змия с невинностью голубя, но от привычки начальствовать первое из этих качеств изощрилось, а последнее мало-помалу подверглось нравственной порче. Достигшие какого-либо общественного положения христиане приобретали и в церковной, и в мирской сфере влияние своим красноречием и твердостью, своим знанием людей и своими деловыми способностями; а в то время, как они скрывали от других и, может быть, от самих себя тайные мотивы своих действий, они слишком часто увлекались всеми буйными страстями деятельной жизни, получавшими добавочный отпечаток озлобления и упорства благодаря примеси религиозного рвения.

Управление церковью часто было как предметом религиозных споров, так и наградой за них. Богословы римские, парижские, оксфордские и женеvские враждовали и спорили друг с другом из-за того, чтоб низвести первоначальный апостольский образец¹⁰⁸⁾ до одного уровня с их собственной системой управления. Немногие писатели, изучавшие этот предмет добросовестно и с беспристрастием, держатся того мнения¹⁰⁹⁾, что апостолы отклоняли от себя роль законодателей и предпочитали выносить частные случаи скандалов и раздоров, нежели лишать христиан будущих веков возможности, ничем не стесняясь, изменять формы церковного управления сообразно с изменениями времени и обстоятельств. Из того, как управлялись церкви в Иерусалиме, Эфесе и Коринфе, можно составить себе понятие о той системе управления, которая с их одобрения была принята в первом столетии. Христианские общины, образовавшиеся в ту пору в городах Римской империи, были связаны только узами веры и милосердия. Независимость и равенство служили осно-

вой для их внутренней организации. Недостаток дисциплины и познаний восполнялся случайным содействием пророков¹¹⁰⁾, которые призывались к этому званию без различия возраста, пола и природных дарований и которые лишь только чувствовали божественное вдохновение, изливали внушения Св. Духа перед обществом верующих. Но пророческие наставники нередко употребляли во зло эти необыкновенные способности или делали из них дурное применение. Они обнаруживали их некстати, самонадеянно нарушали порядок службы в собраниях и своей гордостью и ложно направленным усердием возбудили - в особенности в апостольской церкви в Коринфе - множество прискорбных раздоров¹¹¹⁾. Так как существование пророков сделалось бесполезным и даже вредным, то у них были отняты их полномочия и самое звание было уничтожено. Публичное отправление религиозных обязанностей было возложено лишь на установленных церковно-должностных лиц, на епископов и пресвитеров, и оба эти названия, по своему первоначальному происхождению, как кажется, обозначали одну и ту же должность и один и тот же разряд личностей¹¹²⁾. Название пресвитеров обозначало их возраст или, скорее, их степенность и мудрость. Титул епископа обозначал надзор над верованиями и нравами христиан, вверенных их пастырскому попечению. Соразмерно с числом верующих более или менее значительное число таких епископальных пресвитеров руководило каждой зародившейся конгрегацией с равною властью и с общего согласия¹¹³⁾.

Но и самое полное равенство свободы нуждается в руководительстве высшего должностного лица, а порядок публичных совещаний скоро создает должность председателя, облеченного по меньшей мере правом отбирать мнения и исполнять решения собрания. Ввиду того, что общественное спокойствие часто нарушалось бы ежегодными или происходящими по мере надобности выборами, первые христиане учредили почетную и постоянную должность и стали выбирать одного из самых мудрых и самых благочестивых пресвитеров, который должен был, в течение всей своей жизни, исполнять обязанности их духовного руководителя. При таких-то условиях пышный титул епископа стал возвышаться над скромным названием пресвитера, и тогда как это последнее название оставалось самым натуральным отличием членов каждого христианского сената, титул епископа был присвоен званию председателя этих собраний¹¹⁴⁾.

Польза такой епископской формы управления, введенной, как кажется, в конце первого столетия¹¹⁵⁾, была так очевидна и так важна как для будущего величия, так и для тогдашнего спокойствия христианства, что она была немедленно принята всеми христианскими общинами, разбросанными по империи, приобрела весьма скоро санкцию древности¹¹⁶⁾ и до сих пор уважается самыми могущественными церквями и восточными и западными, как первобытное и даже как божественное установление¹¹⁷⁾. Едва ли нужно упоминать о том, что благочестивые и смиренные пресвитеры, впервые удостоившиеся епископского титула, не имели и, вероятно, не пожелали бы иметь той власти и той пышной обстановки, которые в наше время составляют принадлежность тиары римского первосвященника или митры немецкого прелата. Нетрудно в немногих словах обрисовать тесные рамки их первоначальной юрисдикции, которая имела главным образом духовный характер и только в некоторых случаях простиралась на светские дела¹¹⁸⁾. Она заключалась в заведовании церковными таинствами и дисциплиной, в надзоре за религиозными церемониями, которые незаметно делались более многочисленными и разнообразными, в посвящении церковных должностных лиц, которым епископ указывал их сферу деятельности, в распоряжении общественной казной и в разрешении всех тех споров, которых верующие не желали передавать на рассмотрение языческих судей. В течение продолжительного периода епископы пользовались этими правами по совещании с пресвитерской коллегией и с согласия и одобрения собравшихся христиан. Первые епископы считались не более как первыми из равных и почетными служителями свободного народа. Когда епископская кафедра делалась вакантной вследствие смерти, новый президент избирался из числа пресвитеров голосованием всей конгрегации, каждый член которой считал себя облаченным в священническое достоинство¹¹⁹⁾.

Таковы были мягкие и основанные на равенстве учреждения, которыми управлялись христиане в течение более ста лет после смерти апостолов. Каждая община составляла сама по себе отдельную и независимую республику, и, хотя самые отдаленные из этих маленьких государств поддерживали взаимные дружеские сношения путем переписки и чрез посредство особых депутатов, христианский мир еще не был в ту пору объединен каким-либо верховным авторитетом или законодательным собранием. Но по мере того как верующие

увеличивались числом, они все более и более сознавали выгоды более тесной связи между их взаимными интересами и целями. В конце второго столетия церкви, возникшие в Греции и в Азии, приняли полезное учреждение провинциальных соборов¹²⁰⁾, и есть основание думать, что они заимствовали образец таких представительных собраний от знаменитых учреждений своего собственного отечества - от амфикистий, от Ахейского союза или от собраний ионических городов. Скоро вошло в обычай, а затем и был издан закон, что епископы самостоятельных церквей должны собираться в главном городе провинции в назначенное время весной или осенью. В своих совещаниях они пользовались советами выдающихся пресвитеров и сдерживались в пределах умеренности присутствием слушавшей их толпы¹²¹⁾. Их декреты, получившие название канонов, разрешали все важные споры касательно верований и дисциплины, и они весьма естественно пришли к убеждению, что Святой Дух будет щедро изливать свои дары на собрание представителей христианского народа. Учреждение соборов до такой степени соответствовало и влечениям личного честолюбия, и общественным интересам, что в течение немногих лет было принято на всем пространстве империи. Кроме того, была заведена постоянная корреспонденция между провинциальными соборами, которые сообщали один другому и взаимно одобряли свои распоряжения; таким образом католическая церковь приняла форму и приобрела силу большой федеральной республики¹²²⁾. Так как законодательный авторитет отдельных церквей был мало-помалу заменен авторитетом соборов, то епископы, благодаря установившейся между ними связи, приобрели более широкую долю исполнительной и неограниченной власти, а лишь только они пришли к сознанию общности своих интересов, они получили возможность напасть соединенными силами на первобытные права своего духовенства и своей паствы. Прелаты третьего столетия незаметно перешли от увещаний к повелительному тону, стали сеять семена будущих узурпаций и восполняли свои недостатки силы и ума заимствованными из Св. Писания аллегориями и напыщенной риторикой. Они превозносили единство и могущество церкви, олицетворявшиеся в епископском звании, в котором каждый из епископов имел равную и нераздельную долю¹²³⁾. Они нередко повторяли, что монархи и высшие сановники могут гордиться своим земным и временным величием, но что одна только епископская

власть происходит от Бога и простирается на жизнь в другом мире. Епископы были наместниками Христа, преемниками апостолов и мистическими заместителями первосвященника Моисеевой религии. Их исключительное право посвящать в духовный сан стесняло свободу и клерикальных, и народных выборов; если же они в управлении церковью иногда сообразовывались с мнениями пресвитеров или с желаниями народа, они самым тщательным образом указывали на такую добровольную снисходительность как на особую с их стороны заслугу. Епископы признавали верховную власть собраний, составленных из их собратьев, но в управлении своими отдельными приходами каждый из них требовал от своей паствы одинакового слепого повиновения, как будто эта любимая их метафора была буквально верна и как будто пастух был по своей природе выше своих овец¹²⁴). Впрочем, обязательность такого повиновения установилась не без некоторых усилий с одной стороны и не без некоторого сопротивления с другой. Демократическая сторона церковных учреждений во многих местностях горячо поддерживалась ревностной или себялюбивой оппозицией низшего духовенства. Но патриотизму этих людей дано было позорное название крамолы и раскола, а епископская власть была обязана своим быстрым расширением усилиям многих деятельных прелатов, умевших, подобно Киприану Карфагенскому, соединять хитрость самых честолюбивых государственных людей с христианскими добродетелями, по-видимому, подходившими к характеру святых и мучеников¹²⁵).

Те же самые причины, которые вначале уничтожили равенство между пресвитерами, ввели и между епископами превосходство ранга, а вслед за тем и превосходство юрисдикции. Всякий раз, как они собирались весной или осенью на провинциальные соборы, различие личных достоинств и репутации между членами собрания было очень заметно, а толпа управлялась мудростью и красноречием немногих из них. Но для порядка публичных совещаний нужны были более постоянные и менее внушающие зависть отличия, поэтому обязанности всегдашнего председательства на соборах каждой провинции были возложены на епископов главных городов, а эти честолюбивые прелаты, вскоре получившие высокие титулы митрополитов и первосвятителей, втайне готовились присвоить себе над своими сотоварищами - епископами такую же власть, какую епископы только что присвоили себе над коллегией пресвитеров¹²⁶). Вскоре и меж-

ду самими митрополитами возникло соперничество из-за первенства и из-за власти; каждый из них старался описать в самых пышных выражениях мирские отличия и преимущества того города, в котором он председательствовал, многочисленность и богатство христиан, вверенных его пастырскому попечению, появившихся в их среде святых и мучеников и неприкосновенность, с которой они оберегали предания и верования в том виде, как они дошли до них через целый ряд православных епископов от того апостола или от того из апостольских учеников, который считался основателем их церкви¹²⁷). По всем, как светским, так и церковным, мотивам превосходства нетрудно было предвидеть, что Рим будет пользоваться особым уважением провинций и скоро заявит притязание на их покорность. Общество верующих в этом городе было соразмерно по своей многочисленности с значением столицы империи, а римская церковь была самая значительная, самая многолюдная и по отношению к западу самая древняя из всех христианских учреждений, из которых многие были организованы благочестивыми усилиями ее миссионеров. Тогда как Антиохия, Эфес и Коринф могли похвастаться тем, что основателем их церквей был один из апостолов, берега Тибра считались прославленным местом проповеднической деятельности и мученичества двух самых великих апостолов¹²⁸), и римские епископы были так предусмотрительны, что заявляли притязание на наследование каких бы то ни было прерогатив, приписывавшихся личности или сану Св. Петра¹²⁹). Итальянские и провинциальные епископы были готовы предоставить им первенство звания и ассоциации (такова была их осторожная манера выражаться) в христианской аристократии¹³⁰). Но власть монарха была отвергнута с отвращением, и честолюбие Рима встретило со стороны народов Азии и Африки, такое энергичное сопротивление его духовному владычеству, какого не встречало в более ранние времена его светское владычество. Патриотический Киприан, управлявший с самою абсолютною властью карфагенскою церковью и провинциальными соборами, с энергией и с успехом восстал против честолюбия римского первосвященника, искусным образом связал свои интересы с интересами восточных епископов и, подобно Ганнибалу, стал искать новых союзников внутри Азии¹³¹). Если эта Пуническая война велась без всякого кровопролития, то причиной этого были не столько умеренность, сколько слабость борющихся прелатов. Их единственным оружием были брань

и отлучения от церкви, и эти средства они употребляли друг против друга в течение всего хода борьбы с одинаковой яростью и с одинаковым благочестием. Грустная необходимость порицать какого-нибудь папу, святого или мученика приводит в замешательство новейших католиков всякий раз, как им приходится рассказывать подробности таких споров, в которых поборники религии давали волю страстям, более уместным в сенате или в военном лагере¹³²).

Развитие церковного влияния породило то достопамятное различие между мирянами и клиром, которое не было знакомо ни грекам, ни римлянам¹³³). Первое из этих названий обозначало вообще всех христиан, а второе, согласно с самым значением этого слова, было усвоено избранными людьми, которые, отделившись от толпы, посвящали себя религиозному служению и образовали знаменитый класс людей, доставивший для новейшей истории самые важные, хотя и не всегда самые назидательные, сюжеты рассказа. Их взаимная вражда по временам нарушала спокойствие церкви в ее младенческом возрасте, но их усердие и деятельность были направлены к одной цели, а жажда власти, вкрадывавшаяся (под самой искусной личиной) в душу епископов и мучеников, поощряла их к увеличению числа их подданных и к расширению пределов христианской империи. У них не было никакой светской силы, и в течение долгого времени гражданские власти не помогали им, а отталкивали их и притесняли; но они уже приобрели и употребляли в подчиненной им среде два самых могущественных орудия управления - награды и наказания, извлекая первое из благочестивой щедрости верующих, а второе - из их религиозных убеждений.

1. Общность имущества, которая так приятно ласкала изображение Платона¹³⁴) и которая существовала в некоторой степени в суровой секте ессеев¹³⁵), была на короткое время принята первоначальной церковью. Усердие первых новообращенных заставляло их продавать те земные имущества, к которым они питали презрение, класть к стопам апостолов полученную за них сумму и довольствоваться равной со всеми долей в общем дележе¹³⁶). Распространение христианской религии ослабило и мало-помалу совсем уничтожило это великодушное обыкновение, которое в руках менее чистых, чем апостольские, очень скоро было бы извращено и подало бы повод к злоупотреблениям благодаря свойственному человеческой натуре эгоизму; поэтому тем, кто обращался в

новую веру, было дозволено сохранять их родовые имущества, делать новые приобретения путем завещаний и наследств и увеличивать свое личное состояние всеми законными путями торговли и промышленности. Вместо безусловного самопожертвования проповедники Евангелия стали принимать умеренные приношения, а верующие на своих ежедневных или ежемесячных собраниях вносили в общий фонд добровольные даяния, сообразно с временными нуждами и соразмерно с своим достатком и благочестием¹³⁷⁾. Никакие, даже самые незначительные, приношения не отвергались, но верующим старательно внушали, что Моисеев закон не утратил своей божественной обязательной силы в том, что касается десятинной подати, и что так как иудеи, при менее совершенном законодательстве, были обязаны платить десятую часть всего своего состояния, то последователям Христа следует отличить себя более широкой щедростью¹³⁸⁾ и приобрести некоторые преимущества отказом от тех излишних сокровищ, которые так скоро должны быть уничтожены вместе с самой вселенной¹³⁹⁾. Едва ли нужно упоминать о том, что неверные и колеблющиеся доходы каждой отдельной церкви изменялись сообразно с бедностью или богатством верующих и смотря по тому, были ли эти последние рассеяны по ничтожным деревушкам или сосредоточивались в каком-нибудь из больших городов империи. Во времена императора Деция должностные лица были того мнения, что жившие в Риме христиане обладали весьма значительными богатствами, что при исполнении своих религиозных обрядов они употребляли золотые и серебряные сосуды и что многие из их новообращенных продавали свои земли и дома для увеличения общественного фонда секты - конечно, в ущерб своим несчастным детям, которые обращались в нищих благодаря тому, что их родители были святые люди¹⁴⁰⁾.

Вообще не следует относиться с доверием к подозрениям, которые высказываются чужестранцами и недоброжелателями, но в настоящем случае такие подозрения приобретают весьма определенный отпечаток правдоподобия благодаря следующим двум фактам, которые предпочтительно перед всеми дошедшими до нас сведениями указывают нам на определенные цифры или вообще дают возможность составить себе ясное понятие об этом предмете. В царствование императора Деция епископ карфагенский, обратившийся к верующим с приглашением выкупить их нумидийских единоверцев, захваченных в плен степными варварами, со-

брал сто тысяч сестерциев (более 850 ф.ст.) с такой христианской общины, которая была менее богата, нежели римская¹⁴¹⁾. Почти за сто лет до вступления на престол Деция римская церковь получила в дар двести тысяч сестерциев от одного чужестранца родом из Понта, пожелавшего переселиться в столицу¹⁴²⁾. Приношения делались большею частию деньгами, а христианские общины и не желали и не могли приобретать сколько-нибудь значительную земельную собственность, которая была бы для них обременительна. Несколькими законами, изданными с такою же целью, как и наши статуты о неотчуждаемой недвижимой собственности, не дозволялось никаким корпорациям приобретать недвижимые имения путем пожертвований или завещаний без особой на то привилегии или без особого разрешения от императора или от сената¹⁴³⁾, которые редко бывали расположены давать такие разрешения секте, которая сначала была предметом их презрения, а потом стала внушать им опасения и зависть. Впрочем, до нас дошли сведения об одном происшедшем в царствование Александра Севера факте, который доказывает, что указанные ограничения иногда можно было обходить или что они иногда отменялись и что христианам было дозволено владеть землями в пределах самого Рима¹⁴⁴⁾. С одной стороны, успехи христианства, а с другой — междоусобные войны, раздиравшие империю, ослабили строгость этих постановлений, и мы видим, что в конце третьего столетия много значительных недвижимых имений перешло в собственность к богатым церквам Рима, Милана, Карфагена, Антиохии, Александрии и других больших итальянских и провинциальных городов.

Епископ, натурально, был поверенным церкви; общественные капиталы были вверены его попечению без всякой отчетности или контроля; пресвитерам он предоставлял лишь исполнение духовных обязанностей, а более зависимым по своему положению диаконам поручал лишь заведование церковными доходами и их распределение¹⁴⁵⁾. Если верить заносчивым декламациям Киприана, между его африканскими собратьями было слишком много таких, которые при исполнении своих обязанностей нарушали все правила не только евангелического совершенства, но даже нравственности. Некоторые из этих нечестивых церковных поверенных расточали церковные богатства на чувственные наслаждения, некоторые другие употребляли их на цели личного обогащения и на мошеннические предприятия или давали их

взаймы из-за хищнических процентов¹⁴⁶). Но пока денежные взносы христиан были добровольные, злоупотребление их доверием не могло часто повторяться, и вообще то употребление, которое делалось из их щедрых пожертвований, делало честь обществу. Приличная часть откладывалась на содержание епископа и его духовенства; значительная сумма назначалась на расходы публичного богослужения, очень приятную часть которого составляли братские трапезы, называвшиеся *агарае*. Все остальное было священной собственностью бедных. По благоусмотрению епископа она расходовалась на содержание вдов и сирот, увечных, больных и престарелых членов общества, на вспомоществования чужестранцам и странникам и на облегчение страданий заключенных и пленников, в особенности в тех случаях, когда причиной их страданий была их твердая преданность делу религии¹⁴⁷). Великодушный обмен подаяний соединял самые отдаленные одну от другой провинции, а с самыми мелкими конгрегациями охотно делились собранными пожертвованиями их более богатые собратья¹⁴⁸). Это учреждение, обращавшее внимание не столько на достоинства нуждающихся, сколько на их бедственное положение, весьма существенно содействовало распространению христианства. Те из язычников, которые были доступны чувствам человеколюбия, хотя и осмеивали учение новой секты, не могли не признавать ее благотворительности¹⁴⁹). Перспектива немедленной материальной помощи и покровительства в будущем привлекала в ее гостеприимное лоно многих из тех несчастных существ, которые вследствие общего к ним равнодушия сделались бы жертвами нужды, болезни и старости. Также есть некоторое основание думать, что множество детей, брошенных их родителями согласно с бесчеловечным обыкновением того времени, нередко были спасаемы от смерти благочестивыми христианами, которые крестили их, воспитывали и содержали на средства общественной казны¹⁵⁰).

II. Каждое общество, бесспорно, имеет право удалять из своей среды и от участия в общих выгодах тех из своих членов, которые отвергают правила, установленные с общего согласия. В пользовании этим правом христианская церковь направляла свои кары преимущественно на самые позорные преступления, в особенности на убийства, мошенничества и невоздержание, а также на авторов или приверженцев каких-либо еретических мнений, осужденных приговором епископов, и на тех несчастных, которые или по собственному

влечению, или под гнетом насилия запятнали себя после крещения каким-нибудь актом идолопоклонства. Последствия отлучения от церкви имели частью светский и частью духовный характер. Христианин, против которого оно было произнесено, лишался права что-либо получать из приношений верующих; узы как религиозного братства, так и личной дружбы разрывались; он делался нечестивым предметом отвращения для тех, кого он всего более уважал, или для тех, кто его всего более любил, и его исключение из общества достойных людей налагало на его личность такую печать позора, что все отворачивались от него или относились к нему с недоверием. Положение этих несчастных отлученных было само по себе очень неприятно и печально, но - как это обыкновенно случается - их опасения далеко превосходили их страдания. Выгоды христианского общения касались вечной жизни, и отлученные не могли изгладить из своего ума страшную мысль, что осудившим их церковным правителям божество вверило ключи и от ада и от рая. Правда, еретики, которые находили для себя опору в сознании честности своих намерений и в лестной надежде, что они одни открыли настоящий путь к спасению, старались в своих отдельных собраниях снова приобрести те мирские и духовные выгоды, в которых им отказывало великое христианское общество. Но почти все те, которые сознательно впали в пороки и в идолопоклонство, сознавали свое жалкое положение и горячо желали быть снова восстановленными в правах членов христианского вероисповедания.

Касательно того, как следовало обходиться с этими кающимися грешниками, в первобытной церкви существовали два противоположных мнения: одно - основанное на справедливости, другое - основанное на милосердии. Самые суровые и непреклонные казуисты лишали их навсегда и без всяких исключений даже самого низкого места в среде того святого общества, которое было опозорено ими или покинуто, и, обрекая их на угрызения совести, оставляли им лишь слабый луч надежды, что раскаяние в течение их жизни и перед смертью, быть может, будет принято Верховным Существом¹⁵¹). Но самые безупречные и самые почтенные представители христианских церквей придерживались и на практике и в теории более умеренного мнения¹⁵²). Двери, ведущие к примирению и на небеса, редко запирались перед раскаявающимся грешником, но при этом соблюдались строгие и торжественные формы дисциплины, которые служили

очищением от преступления и вместе с тем, сильно действуя на воображение, могли предохранить зрителей от желания подражать примеру виновного. Униженный публичным покаянием, изнуренный постом и одетый в власяницу кающийся падал ниц перед входом в собрание, слезно молил о прощении его преступлений и просил верующих помолиться за него¹⁵³). Если вина была из самых гнусных, целые года раскаяния считались недостаточным удовлетворением божеского правосудия, и, только пройдя постепенный ряд медленных и мучительных испытаний, грешник, еретик или вероотступник снова принимался в лоно церкви. Впрочем, приговору вечного отлучения от церкви подвергались некоторые особенно важные преступления и в особенности непростительные вторичные отпадения от церкви со стороны тех кающихся, которые уже имели случай воспользоваться милосердием своих церковных начальников, но употребили его во зло. Сообразно с обстоятельствами или с числом виновных применение христианской дисциплины изменялось по усмотрению епископов. Соборы анкирский и иллиберийский состоялись почти в одно и то же время, один в Галатии, а другой в Испании, но дошедшие до нас их постановления, по-видимому, проникнуты совершенно различным духом. Житель Галатии, многократно совершавший, после своего крещения, жертвоприношения идолам, мог достигнуть прощения семилетним покаянием, а если он вовлекал других в подражание его примеру, прибавлялось только три года к сроку его отлучения от церкви. Но несчастный испанец, совершивший точно такое же преступление, лишался надежды на примирение с церковью даже в случае предсмертного раскаяния, а его идолопоклонство стояло во главе списка семнадцати других преступлений, которые подвергались не менее страшному наказанию. В числе этих последних находилось неизгладимое преступление клеветы на епископа, пресвитера или даже диакона¹⁵⁴).

Земное могущество церкви было основано на удачном сочетании милосердия с строгостью и на благоразумном распределении наград и наказаний, согласном с требованиями как политики, так и справедливости. Епископы, отеческая заботливость которых распространялась на управление и здешним миром и загробным, сознавали важность этих привилегий и, прикрывая свое честолюбие благовидным предложением любви к порядку, тщательно устраняли всяких соперников, которые могли бы помешать исполнению пра-

вил церковного благочиния, столь необходимых, чтоб предотвратить дезертирство в войсках, ставших под знамя креста и с каждым днем увеличивавшихся числом. Из высокомерных декламаций Киприана мы естественно делаем то заключение, что учение об отлучении от церкви и о покаянии составляло самую существенную часть религии и что для последователей Христа было гораздо менее опасно пренебрежение к исполнению нравственных обязанностей, чем неуважение к мнениям и авторитету их епископов. Иногда нам кажется, что будто мы слышим голос Моисея, приказывающего земле разверзнуться и поглотить в своем всепожирающем пламени мятежную расу, отказывавшую в повиновении священству Аарона; а иногда мы могли бы подумать, что мы слышим, как римский консул поддерживает величие республики и как он заявляет о своей непреклонной решимости усилить строгость законов. «Если такие нарушения будут допускаться безнаказанно, - так порицает карфагенский епископ снисходительность одного из своих братьев, - если такие нарушения будут допускаться, то настанет конец сил епископов¹⁵⁵⁾, настанет конец высокому и божественному праву управлять церковью, настанет конец самому христианству». Киприан отказался от тех светских отличий, которых он, вероятно, никогда бы не достиг¹⁵⁶⁾; но приобретение безусловной власти над совестью и умом целого общества - как бы это общество ни было в глазах света ничтожно и достойно презрения - более удовлетворяет человеческую гордость, нежели обладание самой деспотической властью, наложенной оружием и завоеванием на сопротивляющийся народ.

В этом, хотя, быть может, и скучном, но важном исследовании я постарался раскрыть второстепенные причины, так сильно содействовавшие истине христианской религии. Если в числе этих причин мы и нашли какие-нибудь искусственные украшения, какие-нибудь побочные обстоятельства или какую-нибудь примесь заблуждений и страстей, нам не может казаться удивительным то, что на человечество имели чрезвычайно сильное влияние мотивы, подходящие к его несовершенной натуре. Христианство так успешно распространилось в Римской империи благодаря содействию именно таких причин - благодаря исключительно усердию, немедленному ожиданию жизни в другом мире, притязанию на совершение чудес, строгой добродетельной жизни и организации первобытной церкви. Первой из них

христиане были обязаны своим непреодолимым мужеством, никогда не слагавшим оружия перед врагом, которого они решились победить. Три следующие затем причины снабжали их мужество самыми могущественными орудиями. Последняя из этих причин объединяла их мужество, направляла их оружие и придавала их усилиям ту непреодолимую энергию, благодаря которой незначительные отряды хорошо дисциплинированных и неустрашимых волонтеров так часто одерживали верх над недисциплинированной массой людей, незнакомых с целью борьбы и равнодушных к ее исходу. Некоторые фанатики, странствовавшие по Египту и Сирии и пользовавшиеся легкомысленным суеверием черни, представляли в различных религиях политеизма едва ли не единственное духовное сословие¹⁵⁷⁾, основывавшее все свое влияние и весь свой кредит на своей священнической профессии и глубоко заинтересованное в безопасности и в цветущем состоянии своих богов-покровителей. А служители политеизма как в Риме, так и в провинциях были большею частью люди благородного происхождения и с большим состоянием, принимавшие на себя, в виде почетного отличия, попечение о каком-нибудь знаменитом храме или о каком-нибудь публичном жертвоприношении; они очень часто устраивали на свой собственный счет священные игры¹⁵⁸⁾ и с холодным равнодушием исполняли древние обряды, сообразуясь с законами и обычаями своего отечества. Так как они занимались обычными житейскими делами, то их усердие и благочестие очень редко одушевлялись теми интересами или теми привычками, которые носят на себе церковный характер. Ограничиваясь тем, что касалось их собственных храмов или городов, где они жили, они не имели между собою никаких сношений ни по делам управления, ни по вопросам, касающимся церковных уставов, и, признавая над собой верховную юрисдикцию сената, коллегии первосвященников и императора, довольствовались возложенной на них нетрудной задачей охранять спокойствие и достоинство всех видов богослужения. Мы уже видели, как были разнообразны, подвижны и неопределенны религиозные мнения политеиста. Он почти бесконтрольно предавался тому, что создавала его суеверная фантазия. Случайные обстоятельства его жизни и положения определяли и предмет и степень его благочестия, а пока он поклонялся попеременно тысяче различных богов, его сердце едва ли было способно искренно и глубоко привязаться хоть к одному из них.

Когда появилось в мире христианство, даже эти слабые и неполные впечатления в значительной мере утратили свое первоначальное влияние. Человеческий разум, неспособный без посторонней помощи усваивать тайны религии, уже успел одержать легкую победу над безрассудством язычества, и когда Тертуллиан или Лактанций старался доказать его ложь и нелепость, они были вынуждены заимствовать у Цицерона его красноречие, а у Лукиана его остроты. Зараза от сочинений этих скептиков распространялась не на одних только читателей. Мода неверия перешла от философов и к тем, кто проводит жизнь в удовольствиях, и к тем, кто проводит ее в деловых занятиях; от аристократов она перешла к плебейам, а от господина к домашним рабам, которые служили ему за столом и с жадностью прислушивались к вольностям его разговора. В торжественных случаях вся эта мыслящая часть человеческого рода делала вид, будто относится с уважением и с должным приличием к религиозным установлениям своего отечества, но ее тайное презрение сквизило сквозь тонкую и неуклюжую личину ее благочестия; даже простой народ, замечая, что его богов отвергают или осмеивают те, кого он привык уважать за их общественное положение или за их умственное превосходство, начинал сомневаться в истине того учения, которого он держался с слепым доверием. Упадок старых предрассудков ставил весьма многочисленную часть человеческого рода в тяжелое и безотрадное положение. Скептицизм и отсутствие положительных верований могут удовлетворять лишь очень немногих людей, одаренных пытливым умом, но народной массе до такой степени свойственны суеверия, что, когда ее пробуждают из заблуждения, она сожалеет об утрате своих приятных иллюзий. Ее любовь к чудесному и сверхъестественному, ее желание знать будущее и ее сильная склонность переносить свои надежды и опасения за пределы видимого мира были главными причинами, содействовавшими введению политеизма. В простом народе так сильна потребность верить, что вслед за упадком какой-либо мифологической системы, вероятно, немедленно возник бы какой-нибудь другой вид суеверия. Какие-нибудь более новые и более модные божества вероятно очень скоро поселились бы в покинутых храмах Юпитера и Аполлона, если бы мудрость Провидения не ниспослала в эту решительную минуту подлинное откровение, которое было способно внушать самое разумное уважение и убеждение и которое в то же вре-

мя было украшено всем, что могло привлекать любознательность, удивление и уважение народов. Так как при господствовавшем в ту пору настроении умов многие почти совсем отбросили свои искусственные предрассудки, а между тем по-прежнему были способны к религиозной привязанности и даже чувствовали в ней потребность, то даже менее достойный благоговения предмет был бы способен занять вакантное место в их сердцах и удовлетворить беспокойный пыл их страстей. Всякий, кто стал бы развивать далее нить этих размышлений, не стал бы дивиться быстрым успехам христианства, а, напротив того, может быть, подивился бы тому, что его успехи не были еще более быстры и еще более всеобщими¹⁵⁹).

Весьма верно и уместно было замечено, что завоевания римлян подготовили и облегчили успехи христианства. Во второй главе этого сочинения мы постарались объяснить, каким образом самые цивилизованные провинции Европы, Азии и Африки были соединены под властью одного государя и мало-помалу связаны между собою самыми тесными узами законодательства, нравов и языка. Жившие в Палестине иудеи, с нетерпением ожидавшие земного избавителя, отнеслись с такой холодностью к чудесам божественного Пророка¹⁶⁰), что не было найдено нужным обнародовать или по меньшей мере сохранять какое-либо еврейское Евангелие¹⁶¹). Достоверные рассказы о жизни Христа были написаны на греческом языке, в значительном отдалении от Иерусалима и после того, как число новообращенных язычников сделалось чрезвычайно значительно¹⁶²). Лишь только эти рассказы были переведены на латинский язык, они сделались вполне понятными для всех римских подданных, за исключением только сирийских и египетских крестьян, для которых были впоследствии сделаны особые переложения. Построенные для передвижения легионов большие общественные дороги открывали христианским миссионерам легкий способ переезда от Дамаска до Коринфа и от Италии до оконечностей Испании и Британии; к тому же эти духовные завоеватели не встречали на своем пути ни одного из тех препятствий, которые обыкновенно замедляют или затрудняют введение чужестранной религии в отдаленной стране. Есть полное основание думать, что прежде царствований Диоклетиана и Константина христианскую веру уже проповедовали во всех провинциях и во всех больших городах империи; но время основания различных конгрегаций, число

входивших в их состав верующих и пропорциональное отношение этого числа к числу неверующих, - все это прикрито непроницаемым мраком или извращено вымыслом и декламацией. Впрочем, мы постараемся собрать и изложить дошедшие до нас неполные сведения касательно распространения христианской веры в Азии и в Греции, в Египте, Италии и на западе, и при этом мы не оставим без внимания действительных или воображаемых приобретений, сделанных христианами вне пределов Римской империи.

Богатые провинции, простиравшиеся от Евфрата до Ионического моря, были главным театром, на котором апостол язычников проявлял свое усердие и свое благочестие. Семьна Евангелия, посеянные им на плодородную почву, нашли тщательный уход со стороны его учеников, и в течение двух первых столетий самое значительное число христиан, как кажется, находилось именно в этих странах. Между общинами, организовавшимися в Сирии, не было более древних или более знаменитых, чем те, которые находились в Дамаске, в Бере или Алеппо и в Антиохии. Пророческое введение к Апокалипсису описало и обессмертило семь азиатских церквей, находившихся в Эфесе, Смирне, Пергаме, Фиатире¹⁶³), Сардах, Лаодикее и Филадельфии; а их колонии скоро расселись по этой густо населенной стране. В самую раннюю пору острова Крит и Кипр, провинции Фракия и Македония охотно приняли новую религию, а в городах Коринфе, Спарте и Афинах скоро возникли христианские республики¹⁶⁴). Благодаря своей древности греческие и азиатские церкви имели достаточно времени для своего расширения и размножения, и даже огромное число гностиков и других еретиков служит доказательством цветущего состояния православной церкви, так как название еретиков всегда давалось менее многочисленной партии. К этим свидетельствам верующих мы можем присовокупить признания, жалобы и опасения самих язычников. Из сочинений Лукиана - философа, изучавшего человеческий род и описывавшего его нравы самыми яркими красками, - мы узнаем, что в царствование Коммода его родина Понт была наполнена эпикурейцами и христианами¹⁶⁵). Через восемьдесят лет после смерти Христа¹⁶⁶) человеколюбивый Плиний оплакивал громадность зла, которое он тщетно старался искоренить. В своем крайне интересном послании к императору Траяну он утверждает, что храмы почти никем не посещаются, что священные жертвы с трудом находят покупателей и что суеверие не только заразило

города, но даже распространилось по деревням и по самым глухим местам Понта и Вифинии¹⁶⁷⁾.

Не желая подробно рассматривать ни выражения, ни мотивы тех писателей, которые или воспевали, или оплакивали успехи христианства на востоке, мы ограничимся замечанием, что ни один из них не оставил нам таких сведений, по которым было бы можно составить себе понятие о действительном числе верующих в тех провинциях. Впрочем, до нас, к счастью, дошел один факт, по-видимому, бросающий более яркий свет на этот покрытый мраком, но интересный предмет. В царствование Феодосия, после того как христианство пользовалось в течение более шестидесяти лет блеском императорских милостей, к древней и знаменитой антиохийской церкви принадлежали сто тысяч человек, из которых три тысячи жили общественными подааниями¹⁶⁸⁾. Блеск и величие этой царицы востока, всем известная многочисленность населения Кесарии, Селевкии и Александрии и гибель двухсот пятидесяти тысяч человек от землетрясения, разрушившего Антиохию во времена старшего Юстина¹⁶⁹⁾, - все эти факты доказывают нам, что число жителей этого последнего города доходило не менее чем до полумиллиона и что, стало быть, христиане составляли только пятую его часть, несмотря на то, что благодаря своему религиозному рвению и влиянию они очень умножились. Насколько изменится эта пропорция, когда мы сравним угнетаемую церковь с торжествующей, запад с востоком, отдаленные деревни с многолюдными городами и страны, недавно обращенные в христианскую веру, с той местностью, где верующие впервые получили название христиан! Впрочем, не следует умалчивать и о том, что Иоанн Златоуст, которому мы обязаны этим полезным сведением, утверждает в другом месте, что число верующих даже превышало число иудеев и язычников¹⁷⁰⁾. Но объяснение этого кажущегося противоречия не трудно и представляется само собою. Красноречивый проповедник проводит параллель между гражданскими и церковными учреждениями Антиохии, между числом христиан, открывших себе крещением путь в царство небесное, и числом граждан, имевших право на известную долю в общественных подааниях. Рабы, иностранцы и дети входят в число первых, но исключены из числа последних.

Обширная торговля Александрии и близость этого города к Палестине облегчали туда доступ для новой религии. Она была первоначально принята множеством терапевтов или ес-

сеев с озера Мареотида - иудейской сектой, в значительной мере утратившей прежнее уважение к Моисеевым церковным обрядам. Строгий образ жизни ессеев, их посты и отлучения от церкви, общность имуществ, склонность к безбрачию, расположение к мученичеству и если не чистота, то пылкость веры - все это представляло живой образчик первоначального церковного благочиния христиан¹⁷¹). Именно в александрийской школе христианская теология, по-видимому, получила правильную и научную форму, и когда Адриан посетил Египет, церковь, состоявшая из иудеев и греков, уже приобрела такое значение, что обратила на себя внимание этого любознательного государя¹⁷²). Но распространение христианства долгое время ограничивалось пределами одного города, который сам был иностранной колонией, и до самого конца второго столетия предшественники Димитрия были единственными верховными сановниками египетской церкви. Три епископа были посвящены в этот сан руками Димитрия, а его преемник Геракл увеличил их число до двадцати¹⁷³). Туземное население, отличавшееся суровой непреклонностью характера¹⁷⁴), относилось к новому учению с холодностью и несочувствием, и даже во времена Оригена редко случалось встретить такого египтянина, который преодолел бы свои старинные предубеждения в пользу священных животных своей родины¹⁷⁵). Но лишь только христианство воссело на трон, религиозное усердие этих варваров подчинилось внушениям свыше; тогда египетские города наполнились епископами, а в пустынях Фиваиды появились массы отшельников.

В обширное вместилище Рима постоянно стремился поток чужестранцев и провинциалов. Все, что было оригинально или отвратительно, все, что было преступно или внушало подозрения, могло надеяться, что увернется от бдительности закона, благодаря той неизвестности, в которой так легко прожить в громадной столице. Среди этого стечения разнообразных национальностей всякий проповедник истины или лжи, всякий основатель добродетельного общества или преступной ассоциации легко находил средства увеличивать число своих последователей или своих сообщников. По словам Тацита, жившие в Риме христиане уже представляли, во время непродолжительных гонений со стороны Нерона, очень значительную массу людей¹⁷⁶), а язык этого великого историка почти совершенно сходен со способом выражения Ливия, когда этот последний описывает введение и уничто-

жение обрядов поклонения Бахусу. После того как Вакхана-лии вызвали строгие меры со стороны сената, возникло опасение, что значительное число людей, как бы составляющее *иной народ*, было посвящено в эти отвратительные таинства. Более тщательное исследование скоро доказало, что число виновных не превышало семи тысяч, и эта цифра действительно страшна, когда она обозначает число тех, кто подлежит каре законов ¹⁷⁷⁾. С такой же оговоркой мы должны объяснять неопределенные выражения Тацита и ранее приведенные слова Плиния, в которых они преувеличивают число тех впавших в заблуждение фанатиков, которые отказались от установленного поклонения богам. Римская церковь бесспорно была главная и самая многочисленная в империи, и до нас дошел один подлинный документ, который знакомит нас с положением религии в этом городе, в первой половине третьего столетия, после тридцативосьмилетнего внутреннего спокойствия. В эту пору духовенство состояло из одного епископа, сорока шести пресвитеров, семи дьяконов, стольких же помощников дьяконов, сорока двух церковных прислужников и пятидесяти чтецов, заклинателей и привратников. Число вдов, увечных и бедных, содержащихся на приношения верующих, доходило до тысячи пятисот ¹⁷⁸⁾. Основываясь на этих данных и применяясь к цифровым выводам касательно Антиохии, мы позволяем себе определить число живших в Риме христиан приблизительно в пятьдесят тысяч человек. Населенность этой великой столицы едва ли может быть определена с точностью, но по самому умеренному расчету она едва ли была ниже миллиона жителей, между которыми христиане составляли по большей мере двадцатую часть ¹⁷⁹⁾.

Западные провинции познакомились с христианством, как кажется, из того же источника, из которого они заимствовали язык и нравы римлян. В этом гораздо более важном случае и Африка и Галлия мало-помалу подчинились примеру столицы. Однако, несмотря на то, что римским миссионерам нередко представлялись благоприятные условия для посещения латинских провинций, прошло много времени, прежде нежели они проникли по ту сторону моря и по ту сторону Альп¹⁸⁰⁾, и мы не находим в этих обширных странах никаких ясных следов ни христианской веры, ни гонений ранее царствования Антонинов¹⁸¹⁾. Медленные успехи евангельской проповеди в холодном климате Галлии резко отличаются от того пылкого увлечения, с которым, как кажется, была при-

нята эта проповедь среди жгучих песков Африки. Составленное африканскими христианами общество скоро сделалось одним из главных членов первобытной церкви. Введенное в эту провинцию обыкновение назначать епископов в самые незначительные горда и очень часто в самые ничтожные деревни способствовало усилению блеска и значения религиозных общин, которые, в течение третьего столетия, одушевлялись усердием Тертуллиана, управлялись дарованиями Киприана и украшались красноречием Лактанция. Напротив того, если мы обратим наши взоры на Галлию, мы должны будем довольствоваться тем, что найдем во времена Марка Антонина незначительные конгрегации в Лионе и Вене, соединенные в одно общество, и даже так поздно, как в царствование Деция, лишь в немногих городах - в Арелате, Нарбонне, Тулузе, Лиможе, Клермоне, Туре и Париже были, как нас уверяют, разбросаны церкви, существовавшие на благочестивые приношения небольшого числа христиан ¹⁸²⁾. Молчание легко совмещается с благочестием, но так как оно редко уживается с религиозным рвением, то нам приходится указать и посетовать на немощное положение христианства в тех провинциях, которые переменили кельтский язык на латинский, потому что в течение первых трех столетий они не дали нам ни одного церковного писателя. Из Галлии, которая и по своей образованности, и по своему влиянию основательно претендовала на первое место между всеми странами, лежащими по ту сторону Альп, свет Евангелия более слабо отразился на отдаленных провинциях - испанской и британской, и, если можно верить горячим уверениям Тертуллиана, их уже осветили первые лучи христианской веры в то время, как он обратился со своей апологией к магистратам императора Севера ¹⁸³⁾. Но неясные и неполные сведения о происхождении западных церквей Европы дошли до нас в таком неудовлетворительном виде, что, если бы мы захотели указать время и способ их основания, мы должны бы были восполнить молчание древних писателей теми легендами, которые были много времени спустя внушены алчностью или суеверием монахам, проводившим жизнь в праздности и невежестве своих монастырей ¹⁸⁴⁾. Между этими священными рассказами есть один, который благодаря своей оригинальной нелепости стоит того, чтобы мы упомянули о нем, - а именно рассказ об апостоле Иакове. Из мирного рыбака, жившего на Генисаретском озере, он превращен в храброго рыцаря, который в сражениях с маврами бросается в атаку

во главе испанской кавалерии. Самые серьезные историки прославляли его подвиги; чудотворная рака в Компостелле обнаружила его могущество, а меч военного сословия в соединении с ужасами инквизиции устранил всякие возражения со стороны светской критики ¹⁸⁵⁾.

Распространение христианства не ограничивалось пределами Римской империи, и, по словам первых отцов церкви, объяснявших все факты на основании пророчеств, новая религия успела проникнуть во все уголки земного шара в течение ста лет после смерти ее божественного основателя. Юстин Мученик говорит: «Нет такого народа, греческого или варварского или принадлежащего к какой-нибудь другой расе, отличающегося каким бы то ни было названием и какими бы то ни было нравами, хотя бы даже совершенно незнакомого с искусством земледелия, хотя бы живущего под шалашами или перекочевывающего с места на место в закрытых кибитках, среди которого не возносились бы молитвы к Отцу и Создателю всех вещей во имя распятого Иисуса» ¹⁸⁶⁾. На это блестящее преувеличение, которое даже в настоящее время было бы крайне трудно согласовать с действительным положением человеческого рода, можно смотреть только как на опрометчивую выходку благочестивого и небрежного писателя, регулирующего свои верования своими желаниями. Но ни верования, ни желания отцов церкви не в состоянии извратить историческую истину. Все-таки остается несомненным тот факт, что скифские и германские варвары, впоследствии ниспровергнувшие римскую монархию, были погружены в мрак идолопоклонства и что даже старания обратить в христианство Иберию, Армению и Эфиопию не имели почти никакого успеха до тех пор, пока скипетр не оказался в руках православного императора ¹⁸⁷⁾. До этого времени, может быть, различные случайности войн и торговых сношений действительно разливали поверхностное знание Евангелия между племенами Каледонии ¹⁸⁸⁾ и между народами, жившими по берегам Рейна, Дуная и Евфрата ¹⁸⁹⁾. Находившаяся по ту сторону этой последней реки Эдесса отличалась твердой и ранней преданностью к христианской вере ¹⁹⁰⁾. Из Эдессы принципы христианства легко проникали в греческие и сирийские города, находившиеся под властью преемников Артаксеркса; но они, как кажется, не произвели глубокого впечатления на умы персов, религиозная система которых, благодаря усилиям хорошо дисциплинированного священнического сословия, была построена с большим ис-

кусством и с большею прочностью, нежели изменчивая мифология греков и римлян ¹⁹¹).

Из этого беспристрастного, хотя и не полного очерка распространения христианства, по-видимому, можно заключить, что число его приверженцев было чрезвычайно преувеличено, с одной стороны, страхом, а с другой - благочестием. По безукоризненному свидетельству Оригена ¹⁹²), число верующих было очень незначительно в сравнении с массой неверующих; но, вследствие недостатка каких-либо положительных сведений, нет возможности с точностью определить действительное число первых христиан и даже нет возможности высказать на этот счет сколько-нибудь правдоподобное предположение. Впрочем, самый благоприятный расчет, какой можно сделать на основании примера Антиохии и Рима, не позволяет нам допустить, чтобы более чем двадцатая часть подданных империи поступила под знамя креста до обращения Константина в христианство. Но характер их веры, их усердие и единодушие, по-видимому, увеличивали их число, и по тем же самым причинам, которые способствовали впоследствии их размножению, их тогдашняя сила казалась более очевидной и более значительной, чем была на самом деле.

Организация цивилизованных обществ такова, что лишь немногие из их членов отличаются богатствами, почестями и знаниями, а народная масса обречена на ничтожество, невежество и бедность. Поэтому христианская религия, обращавшаяся ко всему человеческому роду, должна была приобрести гораздо больше последователей в низших классах общества, нежели в высших.

На основании этого простого факта было возведено гнусное обвинение, которое, как кажется, опровергается защитниками христианства не с таким рвением, с каким оно поддерживалось его противниками, - обвинение в том, что будто новая секта состояла исключительно из подонков простонародья, из крестьян и ремесленников, из мальчишек и женщин, из нищих и рабов, и что она нередко с помощью этих последних вводила своих миссионеров в богатые и знатные семьи, при которых они состояли в услужении. «Эти низкие наставники (так выражались злоба и неверие) так же молчаливы в публичке, как они красноречивы и самоуверенны в частной беседе. Осторожно избегая встреч с философами, они смешиваются с грубой и необразованной толпой и вкрадываются в душу к тем, кто по своему возрасту, полу или воспи-

танию всего легче воспринимает впечатления суеверных ужасов»¹⁹³).

Мрачные краски и искаженные контуры этого портрета, впрочем, не лишенного некоторого сходства, изобличают работу врага. Когда скромная религия Христа разлилась по всему миру, она была принята многими людьми, одаренными природой или фортуной различными преимуществами. Аристид, представивший императору Адриану красноречивую апологию христианства, был афинский философ¹⁹⁴). Юстин Мученик искал высших познаний в школах Зенона, Аристотеля, Пифагора и Платона прежде, нежели перед ним явился старец или, скорее, ангел, направивший его ум на изучение иудейских пророков¹⁹⁵). Климент Александрийский приобрел много сведений, читая греческих писателей, а Тертуллиан - читая латинских. Юлий Африкан и Ориген обладали весьма значительной долей тогдашней учености, и хотя стиль Киприана весьма отличен от стиля Лактанция, однако не трудно догадаться, что оба эти писателя были публичными преподавателями риторики. Даже изучение философии в конце концов было введено между христианами, но оно не всегда приносило полезные плоды; знания были так же часто источником ереси, как и источником благочестия, и то описание, которое относилось к последователям Артемона, может быть с такой же основательностью отнесено к различным сектам, восставшим против преемников апостолов. «Они позволяют себе извращать Св. Писание, отказываться от древних правил веры и основывать свои мнения на утонченных требованиях логики. Они пренебрегают наукой церкви ради изучения геометрии и, занимаясь измерениями земли, теряют из виду небеса. Сочинения Евклида постоянно у них в руках. Аристотель и Феофраст служат для них предметами удивления, и они высказывают необыкновенное уважение к сочинениям Галена. Их заблуждения истекают из злоупотребления искусствами и науками неверующих, и они извращают простоту Евангелия ухищрениями человеческого разума»¹⁹⁶).

И нельзя утверждать, чтобы с исповедованием христианской веры никогда не соединялись выгоды знатного происхождения и богатства. Многие римские граждане были приведены на суд к Плинию, и он скоро убедился, что в Вифинии множество лиц *всякого* звания отказалось от религии своих предков¹⁹⁷). В этом случае его неоспоримое свидетельство имеет больший вес, чем смелая выходка Тертуллиана, когда он старается возбудить в проконсуле Африки и страх и чувство человеколюбия, уверяя его, что, если он не откажет-

ся от своих жестоких намерений, он опустошит Карфаген, и что между виновными он найдет много людей одного с ним звания, сенаторов и матрон самого знатного происхождения, друзей и родственников самых близких к нему людей¹⁹⁸). Впрочем, лет через сорок после того император Валериан, по-видимому, был убежден в справедливости этих слов, так как в одном из своих рескриптов он, очевидно, предполагает, что к христианской секте принадлежали сенаторы, римские всадники и знатные дамы¹⁹⁹). Церковь не переставала увеличивать свой внешний блеск по мере того, как она утрачивала внутреннюю чистоту, так что в царствование Диоклетиана и дворец, и судебные места, и даже армия укрывали в своей среде множество христиан, старавшихся примирить интересы настоящей жизни с интересами будущей.

Однако эти исключения так немногочисленны или относятся к эпохе столь отдаленной от первых времен христианства, что не могут совершенно устранить обвинения в невежестве и незнатности, которое было так высокомерно брошено в лицо первым последователям христианского учения²⁰⁰). Вместо того чтоб пользоваться для защиты нашего мнения вымыслами позднейших веков, мы поступим более благоразумно, если из повода к скандалу сделаем предмет назидания. Вдумываясь глубже в этот предмет, мы усмотрим, что сами апостолы были избраны Провидением между галилейскими рыбаками и что чем ниже было мирское положение первых христиан, тем более основания удивляться их достоинствам и успехам. Мы главным образом не должны забывать того, что царствие небесное было обещано нищим духом и что люди, страдающие под гнетом лишений и презрения со стороны всего человечества, охотно внимают божескому обещанию будущего блаженства, тогда как, напротив того, люди, живущие в счастье, довольствуются благами этого мира, а люди ученые бесполезно тратят на сомнения и пререкания превосходство своего ума и своих знаний.

Без этих утешительных соображений нам пришлось бы оплакивать участь некоторых знаменитых людей, которые кажутся нам самыми достойными небесной награды. Имена Сенеки, старшего и младшего Плиния, Тацита, Плутарха, Галена, раба Эпиктета и императора Марка Антонина служат украшением для того века, в котором они жили, и возвышают достоинство человеческой природы. Каждый из них с честью исполнял обязанности своего положения как в деятельной, так и в созерцательной жизни; их превосходные

умственные способности были усовершенствованы приобретением познаний; философия очистила их умы от предрассудков народного суеверия, а их жизнь прошла в искании истины и в делах добродетели. А между тем все эти мудрецы (и это возбуждает в нас не менее удивления, чем скорби) не сознавали совершенств христианской системы или отвергали их. И их слова и их молчание одинаково обнаруживают их презрение к зародившейся секте, которая в их время уже распространилась по всей Римской империи. Те из них, которые нисходят до упоминания о христианах, видят в них не более как упорных и впавших в заблуждение энтузиастов, которые требуют слепого подчинения их таинственным учениям, не будучи в состоянии привести ни одного аргумента, способного остановить на себе внимание людей здравомыслящих и образованных ²⁰¹).

По меньшей мере сомнительно, чтоб который-либо из этих философов внимательно рассмотрел апологии, которые много раз издавались первыми христианами в защиту самих себя и своей религии ²⁰²); но нельзя не пожалеть о том, что такое дело не имело более способных адвокатов. Они указывают с избытком остроумия и красноречия на нелепости политеизма; они возбуждают в нас сострадание, описывая невинность и страдание своих угнетенных единоверцев; но когда они хотят доказать божественность происхождения христианства, они гораздо более настаивают на пророчествах, предвещавших пришествие Мессии, нежели на чудесах, которыми сопровождалось это пришествие. Их любимый аргумент может служить к назиданию христианина или к обращению в христианство еврея, так как и тот, и другой признает авторитет пророчеств и оба они обязаны отыскивать с благочестивым уважением их смысл и их осуществление. Но этот способ убеждения утрачивает в значительной мере свой вес и свое влияние, когда с ним обращаются к тем, кто и не понимает и не уважает ни Моисеевых законов, ни пророческого стиля ²⁰³). В неискусных руках Юстина и следовавших за ним апологистов возвышенный смысл еврейских оракулов испаряется в слабых типах, в натянутых идеях и холодных аллегориях, и даже подлинность этих оракулов становится в глазах непросвещенного язычника подозрительной вследствие примеси благочестивых подлогов, которые вкрадывались в них под именами Орфея, Гермеса и Сивилл ²⁰⁴), точно будто они имели такое же достоинство, как подлинные внушения небес. Эта манера прибегать для защиты откровения к обманам и

софизмам похожа на неблагоприятные приемы поэтов, которые обременяют своих *неуязвимых* героев бесполезной тяжестью и стеснительного и ненадежного оружия.

Но как объяснить совершенное невнимание и язычников, и философов к тем свидетельствам, которые исходили от самого Всемогущего и были обращены не к их разуму, а к их чувствам? Во времена Христа, его апостолов и первых апостольских учеников истина учения, которое они проповедовали, была подтверждена бесчисленными чудесами. Хромые начинали ходить, слепые делались зрячими, больные исцелялись, мертвые воскресали, демоны были изгоняемы, и законы природы часто приостанавливались для блага церкви. Но греческие и римские мудрецы отворачивали свои взоры от этого внушительного зрелища и, не изменяя своего привычного образа жизни и своих ученых знаний, как будто не примечали никаких перемен ни в нравственном, ни в физическом управлении этим миром. В царствование Тиберия вся земля ²⁰⁵⁾, или по меньшей мере одна знаменитая провинция Римской империи ²⁰⁶⁾, была погружена в сверхъестественный мрак в течение трех часов. Даже это чудесное происшествие, которое должно бы было возбудить удивление, любопытство и благочестие человеческого рода, прошло незамеченным в таком веке, когда люди занимались науками и когда было столько знаменитых историков ²⁰⁷⁾. Оно случилось при жизни Сенеки и Плиния Старшего, которые или должны бы были испытать на самих себе влияние этого чуда, или получить прежде всех других уведомление о нем. Каждый из этих философов перечислил в тщательно обработанном сочинении все великие явления природы, землетрясения, метеоры, кометы и затмения, о каких только могла собрать сведения их неутомимая любознательность ²⁰⁸⁾. Но ни тот, ни другой не упоминает о величайшем явлении природы, какое когда-либо мог видеть смертный со времени сотворения земного шара ²⁰⁹⁾. У Плиния отведена особая глава для необыкновенных и необычайно продолжительных затмений; но он ограничивается описанием странного ослабления света, когда в течение большей части года после умерщвления Цезаря солнечная орбита казалась бледной и лишенной блеска ²¹⁰⁾. Этот полумрак, который, конечно, нельзя сравнивать со сверхъестественной тьмой евангельского рассказа о страданиях Спасителя, был прославлен почти всеми поэтами ²¹¹⁾ и историками того достопамятного времени ²¹²⁾.

¹⁾После того как Гиббон издал эту часть своего сочинения, он познакомился с третьим затруднением, сопряженным с таким исследованием. (См. его Мемуары, стр. 230.) Предубеждение, которое вначале существовало против этих глав, теперь уже ослабло. Более мягкий тон, в котором указываются заблуждения Гиббона таковыми переводчиками, как Гизо, и такими издателями, как декан Мильтман, свидетельствует о более гуманных чувствах нашего времени, а возобновляющиеся издания сочинения Гиббона не перестают доказывать, как популярно это сочинение и как высоко оно ценится. — *Издат.*

²⁾Была еще шестая причина, которой были обязаны все остальные своим влиянием, а именно то, что и в греческом, и в римском мире начала сильно чувствоваться потребность в лучшей религии. Древние уже пережили в ту пору свой политеизм и начали стыдиться того, что Гиббон слишком лгливо называет «изящной мифологией». Со времен Фалеса и со времен Цицерона философы смутно искали основ для более рациональной теологии. Хотя они в этом и не успели, они все-таки распространили повсюду чувство недовольства популярными формами богослужения. Первые македонские правители Египта, может быть бессознательно, придали этому недовольству особую пылкость тем, что деятельно поощряли науки и привили к ним знакомство с религией Моисея чрез посредство многочисленных иудеев, которых они поселили и которым они покровительствовали в Александрии и Кирене, и при помощи перевода еврейских священных книг на греческий язык. Таким образом на востоке, и в особенности в Египте и Сирии, множество людей было подготовлено к тому, чтобы покинуть язычество и принять лучшую веру. — *Издат.*

³⁾Эта легкость не всегда устраняла нетерпимость, которая, по-видимому, присуща всякой религии, имеющей в своих руках власть. Отделение церковной власти от светской, по-видимому, представляет единственный способ для поддержания в одно и то же время и религии и терпимости, но эта идея слишком нова. Страсти, которые примешиваются к убеждениям, нередко располагали язычников к нетерпимости и преследованиям; доказательством этого служат персы, египтяне, греки и сами римляне. 1. Персы. Победитель египтян Камбиз осудил на смерть мемфисских сановников за то, что они воздавали почести своему богу Апису; он велел принести к себе их бога, ударил его своим мечом, приказал сечь священников и лишать жизни всякого египтянина, который будет праздновать праздник Аписа; он таюже приказал сжечь статуи всех богов. Не довольствуясь этими актами нетерпимости, он отрядил армию с приказанием обратить аммонитян в рабство и сжечь храм, в котором Юпитер произносил свои оракулы. См. Геродота, кн. III, гл. 25, 27, 28, 29, 37; перевод Ларше, т. 3, стр. 22, 24, 25, 33. — Ксеркс, во время своего нашествия на Грецию, придерживался таких же принципов: он разрушил все храмы Греции и Ионии, за исключением Эфесского. См. Павсания, кн. VII, стр. 533 и кн. X, стр. 887; Страбон, кн. XIV, стр. 941. — 2. Египтяне. Они считали себя оскверненными, если им случилось напиться из одного сосуда или есть за одним столом с человеком иной, чем они, веры. «Кто намеренно убил освященное животное, тот наказывается смертью; но если кто-нибудь убил, даже ненамеренно, кошку или ибиса, тот не может избежать позорной пытки; народ сам чинит расправу и терзает его и иногда даже не дожидаясь судебного приговора... В то самое время, как царь Птолемей еще не был явным другом римского народа и когда египтяне с самым большим старанием ухаживали за приезжавшими из Италии иностранцами... один римлянин убил кошку, тогда народ собрался у его дома, и ни просьбы присланных царем вельмож, ни страх римского имени не могли спасти этого человека от наказания, хотя он совершил этот поступок ненамеренно». Диодор Сицилийский, кн.

1, § 83, т. 1, стр. 94. Ювенал описывает в 15-й сатире кровавый бой, происходивший между омбами и тентиритами из-за религиозной ненависти. Их ярость дошла до того, что победители рвали на куски побежденных и пожирали их трепещущие члены.

*Ardet adhuc Ombos et Tentyra summus utrinque
Inde furor vulgo, quod numina vicinorum
Odit uterque locus; quum solos credat habendos
Esse deos quos ipse colit.* Sat. XV. V. 35.

3. Греки. «Не будем упоминать здесь, — говорит аббат Генз, — ни о городах Пелопоннеса и об их строгих мерах против атеизма, ни о жителях Эфеса, преследовавших Гераклита за нечестие, ни о греках, восставших друг против друга из религиозного усердия во время войны амфикистий. Не будем упоминать ни об ужасных жестокостях, которым подвергали иудеев три преемника Александра с целью заставить их отречься от своей религии, ни об Антиохе, который изгнал философов из своих владений, и пр. и пр. Не будем искать доказательств нетерпимости так далеко. Афины — цивилизованные и ученые Афины доставят нам достаточно доказательств. Каждый афинский гражданин давал публичную и торжественную клятву в том, что будет держаться местной религии, защищать ее и заставлять уважать. Особый закон строго наказывал всякое выражение, направленное против богов, а строгий декрет предписывал доносить о всех, кто осмелится отвергать их существование». — «Практика соответствовала там строгости законодательства. Судебное преследование, начатое против Протагора; цена, назначенная за голову Диагора; опасность, которой подвергался Алкивиад; вынужденное бегство Аристотеля; изгнание Стильпона; Анаксагор, с трудом спасшийся от смерти; сам Перикл, оказавший столько услуг своему отечеству и покрывший себя такую славой, а затем вынужденный предстать перед судом и защищаться; жрица, казненная за то, что ввела иностранных богов; Сократ, осужденный на смерть и принимающий яд вследствие того, что его обвиняли в непризнании местных богов, и пр.: эти факты так громко свидетельствуют о религиозной нетерпимости даже у самого гуманного и самого просвещенного народа Греции, что она уже не может подлежать сомнению». *Lettres de quelques Juifs portugais à M. de Voltaire*, т. 1, стр. 273. — 4. Римляне. Римские законы были и не менее ясны и не менее строги. Нетерпимость по отношению к иностранным культам восходит у римлян к эпохе законов Двенадцати Таблиц; после того запрещения возобновлялись неоднократно. При императорах нетерпимость существовала по-прежнему, доказательством чего служат советы, которые давал Меценат Августу. Эти советы так замечательны, что я считаю нужным цитировать их целиком: «Тщательно чтите богов по обычаям наших отцов и заставляйте других чтить их. Ненавидьте и наказывайте распространителей иностранных религий не только ради богов (кто их презирает, тот никого не уважает), но также потому, что те, которые вводят новых богов, заставляют массу людей держаться иностранных законов, а отсюда возникают опасные для монархии соглашения под присягой, союзы и ассоциации». См. Диона Кассия, кн. III, гл. 36, стр. 689. Даже законы, написанные афинскими и римскими философами для воображаемых республик, отличаются нетерпимостью. Платон не признает за гражданами права на свободу культа, а Цицерон положительно запрещает им иметь других богов, кроме тех, которые признаны государством. *Lettres de quelques Juifs portugais à M. de Voltaire*, том 1, стр. 279. — Гизо. (Некоторые из авторитетов, на которые ссылается Гизо для подтверждения своего мнения, очень сомнительны, а упоминаемые им «ужасные жестокости», к которым будто бы прибегали преемники Александра с целью заставить иудеев отказаться от их рели-

гии», представляют совершенное извращение тех фактов, которые рассказываются Иосифом. Мысль Гизо могла бы быть подкреплена более солидными доказательствами, но, во всяком случае, оказалось бы, что за религиозные мнения подвергали наказаниям и денежным штрафам исключительно с целью охранять богатства или жалование притеснителей. — *Издат*)

⁴Dum Assyrios penes, Medosque, et Persas Oriens fuit, despectissima pars servientium. Тацит, Ист., V, 8. Геродот, посетивший Азию в то время, как она находилась под владычеством последней из этих трех империй, слегка упоминает о сирийцах Палестины, которые, по своему собственному признанию, заимствовали от египтян обряд обрезания. См. кн. 2, гл. 104

⁵Диодор Сицилийский, кн. 40. Дион Кассий, кн. 37, стр. 121. Тацит, Ист., V, 1–9. Юстин, XXXVI, 2, 3.

⁶Tradidit arcano quaecunque volumine Moses,

Non monstrare vias eadem nisi sacra colenti,

Quaesitos ad fontes solos deducere verpas.

Этого последнего закона нет в дошедших до нас книгах Моисея; но мудрый и человеколюбивый Маймонид открыто поучает тому, что, если бы какой-нибудь язычник упал в воду, иудей не должен бы был спасать его от гибели. См. Basnage, *Histoire des Juifs*, кн. 6, гл. 28. (Маймонид в своем Тракт. об Идолопокл., V, 34, VI, 38, X, 69, бесспорно относится к язычникам с большой строгостью, которую истолкователи еврейских священных книг усматривают в выражениях вроде следующего: «ты должен решительно уничтожить их»; они также цитируют то место, которое Гиббон заимствовал от Баснажа. Но он не «поучает» и не старается внушать, что так поступать обязывает долг; подобные внушения были бы несогласны ни с общим характером его сочинений, ни с характером всей его деятельности. Его *More Nevachim* (*Ductor Dubitantium*) считается за самое рациональное сочинение, какое когда-либо выходило из-под пера раввина; оно возбудило между еврейскими ханжами такое сильное против него негодование, что они надписали на его могиле приговор об его отлучении от церкви. По его званию главного доктора при Саладине он был обязан *спасать жизнь* людей различных верований, которых этот либеральный монарх собрал при своем дворе в Каире и которых иудеи считали язычниками. Все они оплакивали его смерть. На странице, предшествующей той, из которой Гиббон выписал свою цитату, он мог бы увидеть, какую цену имеют не только такие обвинения и антипатии, но и более положительные требования, — так как Баснаж говорит на этой странице, что, по мнению Элеазара, иудеи могли в такой мере нарушать вторую заповедь, что даже могли делать разные изображения и украшения для языческих храмов *pourvu qu'on soit bien payé*. *Hist. des Juifs*, т. VI, ч. 2, стр. 617. — *Издат*.)

⁷Одна иудейская секта, представлявшая некоторое случайное сходство с религией греков, получила название иродиан от Ирода, который увлек ее своим примером и авторитетом. Но число ее последователей было так незначительно, а время ее существования так непродолжительно, что Иосиф не счел ее достойной упоминания. См. *Connexion Prieaux*, ч. 2, стр. 285.

⁸Цицерон *pro Flacco*, гл. 28

⁹Филон *de Legatione*. Август назначил фонд для вечных жертвоприношений. Однако он одобрил пренебрежение, которое его внук Гай выразил относительно Иерусалимского храма. См. Светон. *in August.*, гл. 93 и примечания Казобона к этому месту.

¹⁰См. в особенности Иосифа Antiquitat, XVII, 6; XVIII, 3 u de Bel. Judaico 1, 33 и 11, 9, изд. Гаверкампа.

¹¹Jussi a Caio Cesare, effigiem ejus in templo locave, arma potius sumpser, Тацит, Ист., V, 9. Филон и Иосиф очень подробно, но и очень напыщенно, описывают это происшествие, до крайности смутившее сирийского губернатора. При первом известии об этом идолопоклонническом намерении царь Агриппа упал в обморок и пришел в себя только на третий день.

¹²Касательно сирийских и арабских божеств можно заметить, что Мильтон соединил в ста тридцати прекрасных строках два обширных и ученых трактата, написанных Сельденом об этом малонизвестном предмете.

¹³Usquequo detrahet mihi populus iste? quousque non credent mihi, in omnibus signis guae feci coram eis? [Кн. Чис., гл. 14, V.11] Было бы нетрудно, но было бы не совсем прилично оправдывать жалобы божества фактами из иудейской истории.

¹⁴Все, что касается иудейских новообращенных, очень хорошо изложено Баснажем в Hist. des Juifs, кн. 6, гл. 6, 7.

¹⁵См. Второзак, XXIV, 23; Кн. Исх., XVI, 16, комментаторов и очень дельное примечание в Histoire Universelle, ч.1, стр. 603, изд. in-folio.

¹⁶Когда Помпей, пользуясь правом победителя или, скорее, злоупотребляя этим правом, вошел в Святую Святых, то было с удивлением замечено «Nulla intus Deum effigie, vacuam sedem et inania arcana». Тацит, Ист., V, 9. Касательно иудеев существовала поговорка:

Nil praeter nubes et coeli numen adorant.

¹⁷Новообращенный самаритянин или египтянин должен был подвергаться вторичному виду обрезания. Касательно упорного равнодушия талмудистов к обращению чужеземцев см. Баснажа Histoire des Juifs, кн. 6, гл. 6.

¹⁸Эти аргументы изложены с большим искусством евреем Оробио и опровергнуты с таким же искусством и с большим чистосердечием христианином Лимборхом. См. Amica Collatio (которое вполне достойно этого названия) или отчет о возникшем между ними споре.

¹⁹Yesus... circumciscus erat; cibis utebatur ludaicis; vestitu simili; purgatos scabie mittebat ad sacerdotes; Paschata et alios dies festos religiose observabat; si quos sanavit sabbatho, ostendit non tantum ex lege, sed et exceptis sententiis talia opera sabbatho non interdicta. Гроций, de Verit. Religionis Christianae, кн. 5 гл. 7. Немного далее (гл.12) он распространяется насчет снисходительности апостолов.

²⁰Paene omnes Christum Deum sud egis observatione credebant. Сульпиций Север, 11, 31. См. Евсевия Истор. Церкви, кн. 4, гл. 5.

²¹Мозрейм, de Rebus Christianis ante Constantinum Magnum, стр. 153. В этом превосходном сочинении, которое я часто буду цитировать, он говорит о положении первоначальной церкви более подробно, нежели в своей Всеобщей Истории. Церковь, основанная в Антиохии, была первою христианскою церковью. Деян. XI, 20; XIII, 1. — Издат.

²²Евсевий, кн. 3 гл. 5. Le Clerc Hist. Ecclesiast., стр. 605. Во время этого случайного отсутствия епископ и церковь Пеллы все еще удерживали название иерусалимских. Точно таким же образом римские первосвященники жили семьдесят лет в Авиньоне, а патриархи александрийские задолго перед тем перенесли свое местопребывание в Каир.

²³Дион Кассий, кн. 69. Об изгнании иудейской нации из Иерусалима свидетельствует Аристон Пелльский (аруд. Евсев., кн.4, гл. 6); о нем также упоминают

некоторые церковные писатели, хотя некоторые из них слишком поспешили распространить это запрещение на всю Палестину.

24) Марк был греческий прелат. См. Дедерлейна *Comment. de Ebionaeis*, стр. 10. — *Гизо*.

25) Евсевий, кн. 4, гл. 6. Сульпиций Север, 11, 31. Сравнивая неудовлетворительные рассказы этих двух писателей, Мозгейм (стр. 327 и пр.) очень ясно излагает подробности и мотивы этого переворота.

26) Ле-Клерк (*Hist. Ecclesiast.*, стр. 477, 535), по-видимому заимствовал от Евсевия, Иеронима, Епифания и других писателей все главные подробности касательно назареев и эбионитов. Характер их мнений скоро разделил их на две секты на более суровую и более снисходительную, и мы имеем некоторое основание думать, что родственники Иисуса Христа оставались привязанными, по меньшей мере в качестве членов, к этой последней партии, которая была более умеренна.

27) Некоторым писателям угодно было создать какого-то Эбиона, воображаемого творца имени и секты эбионитов. Но мы можем с большей безопасностью полагаться на ученого Евсевия, нежели на пылкого Тертуллиана или на легковесного Епифания. По словам Ле-Клерка, еврейское слово *ebjonim* может быть переведено на латинский язык словом *pauperes*. См. *Hist. Ecclesiast.*, стр. 477. (Название эбионитов более древнее. Первые иерусалимские христиане были прозваны эбионитами по причине бедности, до которой они были доведены своей благотворительностью (См. Деяния Апостолов, гл. 4, V. 34; гл. 11, V. 30; Посл. к Галат. гл. 2, V. 10; — к Римл., гл. 15, V. 26). Это название осталось за теми иудеями-христианами, которые упорствовали в своих иудейских мнениях и остались на житье в Пелле: их впоследствии обвинили в том, что они отвергают божественность Иисуса Христа и за это исключили из христианской церкви. Социниане, которые в более поздние времена отвергали этот догмат, ссылались на пример эбионитов, чтоб доказать, что первые христиане были на этот счет одного с ними мнения. Между прочим, Артемон развивал этот аргумент во всей силе; Дедерлейн и другие новейшие богословы старались доказать, что эбионитов несправедливо обвиняли в этом случае. *Commentarius de ebionoeis*, 1770, § 1–8. — *Гизо*). (В приведенной выше ссылке на Св. Писание нет доказательств того, что жившие в Иерусалиме первые христиане назывались эбионитами, и нет указаний на такую бедность, которая оправдывала бы это название. — *Издат.*)

28) См. очень интересный диалог Юстина Мученика с иудеем Трифоном. Беседа между ними происходила в Эфесе, в царствование Антонина Пия, почти через двадцать лет после возвращения церкви из Пеллы в Иерусалим. Касательно этого времени см. подробное примечание Тильемона, *Memoires Ecclesiastiques*, ч. 2, стр. 511. (Юстин Мученик указывает на очень важное различие, которое Гиббон оставил без внимания. Первые иудейские христиане были названы эбионитами и удалились в Пеллу; те из них, которых епископ Марк убедил отказаться, хотя бы отчасти, от Моисеева закона и возвратиться в Иерусалим, получили название назареев, а те, которые, остались верны иудейской вере, сохранили название эбионитов. Только этих последних Юстин Мученик оттолкнул от церкви и порицал с большою строгостью; он высказал более снисходительности к назареев, которые, продолжая во многих отношениях соблюдать закон Моисея, не принуждали новообращенных язычников придерживаться его, тогда как эбиониты в настоящем смысле этого слова хотели их к этому принудить: это различие, как кажется, было главным различием между мнениями этих двух сект. См. вышеупомянутое сочинение Дедерлейна, стр. 25. — *Гизо*.

Из всего этого мы усматриваем, что между первым иудейским и первым греческим христианством была значительная разница. «Греческий епископ» Марк убедил некоторых принять последнюю из этих вер, а те, которые упорствовали в своем отказе, были отвергнуты обоими религиями, между которыми они колебались, и затем мало-помалу исчезли. Этим и объясняется строгость Юстина Мученика. — *Издат.*

²⁹⁾ Из всех систем христианства только одна абиссинская еще придерживается Моисеевых обрядов (Гедде, *Ист. церкви в Эфиопии* и диссертации Ле-Грана о поведении о. Лобо). Евнух королевы Кандасы может возбуждать некоторые подозрения, но так как нас уверяют (Сократ, 1, 19; Созомен, 11, 24; Лудольф, стр. 281), что эфиопы не были обращены в христианство до четвертого столетия, то более основательно полагать, что они соблюдали день субботний и что у них были запрещенные кушанья из подражания иудеям, которые с давних времен жили по обоим берегам Красного моря. У самых древних эфиопов было в обычае обрезание в видах здоровья и чистоты, которые объяснены в *Recherches Philosophiques sur les Américains*, ч. 2, стр. 117.

³⁰⁾ Бособр, *Hist. du Manichéisme*, кн. 1, гл. 3, с самым ученым беспристрастием изложил их возражения и в особенности возражения Фауста — противника Августина.

³¹⁾ *Apud ipsos fides obstinata, misericordia in promptu: adversus omnes alios hostile odium.* Тацит, *Ист.*, V, 4. Тацит, бесспорно, относился к иудеям с излишней снисходительностью. Чтение сочинений Иосифа могло бы уничтожить антитезу.

³²⁾ Докт. Бюрнз (*Arhaeologia*, кн. 2, гл. 7) обсуждал первые главы книги Бытия с излишним остроумием и свободой.

³³⁾ Самые умеренные из гностиков смотрели на Творца — Иегову, как на такое существо, в котором смешались свойства Бога и свойства демона. Другие смешивали его с принципом зла. См. второй век в общей истории Мозгейма; там можно найти краткий, но ясный рассказ о том, какие странные мнения имели они об этом предмете.

³⁴⁾ Бособр, *Hist. du Manichéisme*, кн. 1, гл. 4. Ориген и св. Августин принадлежали к числу аллегористов.

³⁵⁾ Гегезипп, *apud Euseb*, кн. 3, 32, кн. 4, 22. Климент Александр. *Stromat.* VII, 17. (Гегезипп не утверждает этого так положительно: достаточно прочитать все это место в том виде, как оно цитировано у Евсевия, чтобы понять, каким образом последняя часть изменяет первую. Гегезипп присовокупляет, что до этой эпохи церковь оставалась чистой и неприкосновенной, как девственница. Те, которые старались извратить догматы Евангелия, трудились еще в неизвестности. Евсевий, кн. 3, гл. 32, стр. 84. — *Гизо*).

³⁶⁾ При описании гностиков второго и третьего столетий Мозгейм оказывается остроумным и добросовестным, Ле-Клерк тяжеловатым, но точным, Бособр почти всегда готовым защищать их; есть серьезное основание опасаться, что первые отцы церкви очень часто были клеветниками. (Гностики были отпрысками философии в первые времена распространения христианства. Время их возникновения в точности неизвестно, и у них не было ни выдающегося основателя секты, ни установленных правил веры. Они, как кажется, зародились, лишь только новая религия приобрела общую известность; это были самые образованные из язычников; они были всего многочисленнее в тех восточных провинциях, где всего более были распространены философские идеи того времени. До начала второго столетия христианские церкви не имели ни особых священных книг, ни общего образца ортодоксии. У них были только традиции о том, чему поучали их великие наставники,

а эти традиции каждый приспособлял к своей собственной философии и обдывал сообразно с своими вкусами и с степенью своего образования. Это свобода мысли привлекала в лоно церкви всякого, кто каким-либо путем старался подорвать кредит вымыслов политеизма, а пример людей знатных увлекал и простолюдинов. Такова была организация церквей, получивших более точные уставы после того, как ими было принято Св. Писание. — *Издат.*)

³⁷⁾См. список сект у Ириния и Елифания. Действительно можно подумать, что эти писатели старались увеличивать число сект, нарушавших единство церкви.

³⁸⁾Евсевий, кн.4, гл. 15. Созомен, кн. 2, гл. 32. См. у Бэйля в статье Marcion интересные подробности о споре по этому предмету. Некоторые из гностиков (василидиане), как кажется, уклонялись и даже отказывались от чести мученичества. Их мотивы были странны и не совсем понятны. См.: Мозгейм, стр. 359.

³⁹⁾См. очень замечательное место у Оригена (*Proem. ad Lucam*). Этот неутомимый писатель, проведший свою жизнь в изучении Св. Писания, основывает его достоверность на боговдохновенном авторитете церкви. Гностики не могли признавать нашего теперешнего Евангелия, так как многие его части (в особенности касающиеся воскресения Христа) прямо и как будто с намерением направлены против их любимых идей. Поэтому кажется странным, что Игнатий (*Epist. ad Smyrn. Patr. Apost.*, ч. 2, стр. 34) предпочел несомненному свидетельству евангелистов неопределенную и сомнительную традицию. (Епископ Пирсон довольно успешно объяснил эту странность: «Первым христианам было известно множество слов Иисуса Христа, которые не вошли в Евангелие и никогда не были записаны. Разве св. Игнатий, живший вместе с апостолами или вместе с их учениками, не мог повторять в других выражениях того, что рассказывает св. Лука, в особенности в то время, когда он находился в тюрьме и, может быть, не имел Евангелий под рукою. См. Пирсона *Vindic. ignatianae*, ч.2, гл. 9, стр. 396 в томе 11; *Part. Apostol. ed. Coteler. Clericus*. 1724. См. Davis's reply и пр., стр. 31 — Гизо. Евсевий (*Hist. Ecc.*, III, 37) говорит, что во времена Адриана Квадрат и некоторые другие странствовали по церквам, чтоб раздавать Св. Писание, которого, как кажется, они до тех пор не имели. Путешествие Игнатия в Рим состоялось в предшествовавшее царствование Траяна. Поэтому, обращаясь с поучениями к христианским общинам, которые он посещал по пути, он не мог ссылаться ни на какие правила веры, кроме «апостольских преданий». Давис оспаривал это в том месте, на которое ссылается Гизо, и в этих видах придает греческому названию «Евангелия» (или христианской религии) смысл «Евангелий» (или повествований четырех евангелистов. — *Издат.*)

⁴⁰⁾*Faciunt favos et vespaе; faciunt ecclesias et Marcionitae* — таково энергическое выражение Тертуллиана, которое я вынужден цитировать по памяти. Во времена Елифания (*advers. Haereses*, стр. 302) маркиониты были очень многочисленны в Италии, Сирии, Египте, Аравии и Персии.

⁴¹⁾Августин служит достопамятным примером такого постепенного перехода от разума к вере. Он в течение нескольких лет принадлежал к секте манихеев.

⁴²⁾Единодушное мнение первобытной церкви очень ясно выражено Юстином Мучеником (*Apoloq. Major*), Афинагором (*Legat.*, гл. 22) и Лактанцием (*Institut. Divin.*, 11,14–19).

⁴³⁾Тертуллиан (*Apoloq.*, гл. 23) ссылается на признание самих демонов всякий раз, как их мучили христианские заклинатели.

⁴⁴⁾Тертуллиан написал очень строгий трактат против идолопоклонства с целью предостеречь своих собратьев от ежеминутной опасности впасть в это преступление. *Recogita sylvam, et quantae latitant spinae. De Corona Militis*, гл. 10.

⁴⁵⁾ Римский сенат всегда собирался на заседания в каком-нибудь храме или освещенном месте (Ал Геллий, XIV, 7). Прежде чем приступить к занятиям, каждый сенатор лил на алтарь несколько капель вина и клал несколько крупинок ладана. Светон. in August., гл. 35.

⁴⁶⁾ См. Тертуллиана *de Spectaculis*. Этот суровый реформатор не более снисходителен к какой-нибудь трагедии Еврипида, чем к бою гладиаторов. Его в особенности возмущает одевание актеров: они носят высокие котурны из нечестивого желания увеличить свой рост на один локоть (гл. 13).

⁴⁷⁾ О древнем обыкновении оканчивать обед возлияниями можно найти сведения у всех классиков. Сократ и Сенека, в последние минуты своей жизни, сделали благородное применение из этого обычая. *Postquam stagnum calidae aquae introit, respergens proximos servorum, addita voce, libare se liquorem illum Iovi Liberatori.* Тацит, Аналы, XV, 64.

⁴⁸⁾ См. изящный идолопоклоннический гимн, сочиненный Катуллом по случаю бракосочетания Манлия и Юлии: «O Hymen, Hymenaeae! Quis huic Deo comparari ausit?».

⁴⁹⁾ Вергилий, воспевая смерть Мизена и Паллады, подробно описал похороны древних; объяснения его комментатора Сервия бросают еще более яркий свет на эти церемонии. Самый костер был алтарем, кровь жертв служила пищей для пламени, а всех присутствующих окропляли очистительной водой.

⁵⁰⁾ Тертуллиан *de Idololatria*, гл. II. (Преувеличенные и отзывающиеся декламацией отзывы Тертуллиана не всегда могут считаться выражением общих мнений первых христиан. Гиббон довольно часто позволял себе выдавать личные мнения того или другого отца церкви за присущие христианству; но это неверно. — Гизо.) (Бесспорно, этого не следует делать, но это делают все. Так судят о каждой секте и о каждой партии. Может быть, Тертуллиан и не выражал «общих мнений первых христиан», но у него было столько таланта, он был одушевлен такой энергией и занимал такое положение, что у него без сомнения было много последователей, чувствовавших и думавших, как он. О его влиянии будет сказано впоследствии. — *Издат.*)

⁵¹⁾ См. Древности Монфокона. Даже оборотная сторона греческих и римских монет нередко имела языческий характер. Но в этом случае сомнения христиан заглушались более сильною страстью.

⁵²⁾ Тертуллиан *de Idololatria*, гл. 20–22. Если кто-нибудь из знакомых язычников (например, по случаю чиханья) употреблял обычное выражение: «да благословит вас Юпитер», — христианин был обязан протестовать против божественности Юпитера.

⁵³⁾ См. самое обдуманное из сочинений Овидия — его недоконченные *Fasti*. Он закончил только первые шесть месяцев года. Компильция Макробия называется *Saturnalia*, но только небольшая часть первой книги имеет некоторое соотношение с этим названием.

⁵⁴⁾ Тертуллиан написал сочинение с целью оправдать или скорее с целью прославить опрометчивый поступок того христианского солдата, который сбросил с своей головы лавровый венок и тем подверг неизбежной опасности и себя и своих собратьев. Так как он упоминает об императорах (Севере и Каракалле) то, каково бы ни было мнение Тильмона об этом предмете, для нас ясно, что Тертуллиан написал свой трактат *De Corona* задолго до того времени, как он впал в заблуждение монтанистов. См. *Mémoires Ecclesiastiques*, ч. 3. стр. 384. (Этот солдат не срывал венка с своей головы для того, чтобы отбросить его с презрением; он даже вовсе

не бросал его, а ограничился тем, что держал его в руке, тогда как другие надевали его на голову. *Lauream castrensem quam caeteri in capite, hic in manu gestabat. Argum. de Corona militis.* Тертул., стр. 100. Тертуллиан не называет именно двух императоров Севера и Каракаллу; он только говорит о двух императорах и о продолжительном мире, которым пользовалась церковь. Вообще все согласны в том, что Тертуллиан сделался монтанистом около 200 г.; его сочинение *de Corona militis*, как кажется, было написано не ранее как около 202 г., то есть до гонений Севера; отсюда следует, что оно было написано после того, как его автор сделался монтанистом. См. Мозгейма *Dissert. de Apolod. Tertull.*, стр. 53; *Biblioth. rais.*, Амстерд., т.2, ч.2, стр. 292; доктора Кава *Ист. Лит.*, стр. 92,93. — Гизо.)

⁵⁵⁾В особенности первая книга *Tusculanes*, трактат *de Senectute* и *Somnium Scipionis* содержат высказанное самым великолепным языком все, что греческая философия и римский здравый смысл могли внушить по поводу этого темного, но важного предмета.

⁵⁶⁾Предсуществование человеческой души — по крайней мере насколько это учение совместимо с религией — было принято многими из отцов и греческой и латинской церкви. См. Бособра *Hist. du Manichéisme*, кн. 6, гл. 4.

⁵⁷⁾См. Цицерона *pro Cluent.*, гл. 61. Цезарь *apud Sallust. de Bell. Catilin.*, гл. 50. Ювенал, сатира 11, 149.

Esse aliquos manes, et subterranea regna,

Nec pueri credunt, nisi qui nondum aere lavantur.

⁵⁸⁾В одиннадцатой книге *Одиссеи* мы находим очень печальное и бессвязное описание области ада. Пиндар и Вергилий украсили эту картину, но, хотя эти поэты и более последовательны, чем их великий образец, они все-таки виновны в очень странных несообразностях. См. Бэйля *Réponses aux Questions d'un Provincial.*, ч.3, гл. 32.

⁵⁹⁾См. шестнадцатое послание в первой книге Горация, тринадцатую сатиру Ювенала и вторую сатиру Персия: эти популярные рассуждения выражают мысли и слова толпы.

⁶⁰⁾Ограничиваясь одними галлами, мы можем заметить, что они веряли не только свою жизнь, но даже свои деньги убеждению в существовании иного мира. *Vetus ille mos Gallorum occurrit* (говорит Валерий Максим, кн.2, гл. 6, стр. 10) *quos memoria proditum est, pecunias mutuas, quae his apud inferos redderentur, dare solitos.* На то же обыкновение делает менее ясный намек Мена, кн. 3, гл. 2. К этому едва ли нужно присовокуплять, что выгоды торговли были в точности соразмерны с кредитом продавца, и что друиды получали от своей священной профессии такой кредит, на который едва ли мог заявлять притязания какой-либо другой класс людей.

⁶¹⁾Почтенный автор *Божественной Миссии Моисея* указывает очень странную причину этого умолчания и очень остроумно возлагает всю вину на неверующих.

(Это умолчание не вполне ясно доказано: Михаэлис полагает, что если бы даже умолчание Моисея было полное, из этого нельзя бы было заключить, что он не знал или не признавал догмата бессмертия души; по его мнению, Моисей никогда не писал как богослов; он не имел в виду поучать свой народ истинам веры; в его сочинениях виден лишь историк и гражданский законодатель; он установил не столько религиозные верования, сколько церковное благочиние: даже как простой законодатель он не мог не знать, что существует мнение о бессмертии души;

египтяне, среди которых он прожил сорок лет, верили в него по-своему. Рассказ о взятии на небо Эноха, который шел по стопам божиим, а потом более не появлялся, потому что Бог взял его к себе, по-видимому, указывает на понятие о таком существовании, которое следует за существованием человека на земле. (Кн. Быт., гл. 5, V, 24). Книга Иова, которую некоторые ученые приписывают Моисею, дает более ясное понятие об этом предмете: После того, как мое тело будет уничтожено, я увижу Бога моими глазами, я увижу его сам, мои глаза его увидят, я увижу его сам, а не кто-либо другой (Кн. Иова, гл. 19, V, 26, 27). Профессор богословия в Гардсвикке Паро издал в 1807 г. сочинение in 8° под заглавием: *Coimmentatio de immortalitatis ac vitae futurae notitiis ab antiquissimo Jobi scriptore*, в котором он указывает находящиеся в 27-й главе Книги Иова намеки на учение о будущей жизни. См. Михаэлиса *Syntagma commentationum*, стр. 80; *Coup d'oeil sur l'état de la littérature et de l'histoire ancienne en Allemagne* par Ch. Villers, стр. 63–1809. Эти понятия о бессмертии души недостаточно ясны и недостаточно положительны, а потому и вызывают некоторые возражения; можно только сказать, что церковные писатели, по-видимому, развивали их мало-помалу. Эта постепенность заметна у Исани, у Давида и у Соломона, который сказал: «Прах возвращается в землю, в которой и прежде находился, между тем как дух возвращается к Богу, даровавшему его». (Экклез., гл. 12, V, 9). К этому я присовокуплю остроумное предположение одного богослова-философа касательно причин, которые могли помешать Моисею поучать свой народ бессмертию души. Он полагает, что при том положении, в котором находилась цивилизация во время жизни этого законодателя, это учение, сделавшись популярным между иудеями, неизбежно породило бы множество идолопоклоннических суеверий, которые он хотел предотвратить: его главною целью было установить прочную теократию и сохранить в своем народе идею о единстве Божием, а это была основа, на которую должно было впоследствии опереться христианство; все же, что могло затемнить или поколебать эту идею, было заботливо устранено. Другие народы странным образом злоупотребляли своими понятиями о бессмертии души; Моисей хотел воспрепятствовать этим злоупотреблениям; поэтому он запретил иудеям советоваться с теми, кто вызывает духов или предсказывает будущее, и запретил обращаться с вопросами к мертвым, как это делали египтяне (Второзак., гл. 18, V, 11). «Кто размыслит о положении язычников и иудеев и о легкости, с которой идолопоклонство проникало в ту пору повсюду, тот не будет удивляться тому, что Моисей не развивал такого догмата, влияние которого могло сделаться для народа более гибельным, чем полезным». См. *Orat. fest. de vitae immort. spe* и пр. auct. Ph. Alb. Stapfer, стр. 12, 13, 20, Берн, 1787. – Гизо). Умолчание, которое Гизо находит не ясно доказанным, по мнению Мильмана, неоспоримо. Хорошо известное употребление, сделанное из него Варбуртоном, нашло лишь немногих последователей и, как кажется, было сделано автором только с целью выказать силу своего ума. В мире не было ясного понятия о будущей жизни. Греческая философия занималась этой идеей и возбудила надежды, которые усиливались по мере того, как распространялось образование. В ту пору существовали две главные народные потребности – поклонение высшему духовному божеству и твердое убеждение в бессмертии души. Христианство удовлетворило этим потребностью с таким авторитетом, что не могло не сделать быстрых успехов. – *Издат.*)

⁶² См. Ле-Клерка *Prolegomena ad Hist. Ecclesiast.*, отд. 1, гл. 8. Его авторитет кажется тем более веским, что он написал ученый и дельный комментарий к книгам Ветхого Завета.

⁶³⁾ Иосиф, *Antiquit.*, кн. 13, гл. 10. *De Bell. Jud.*, 11, 8. По самому естественному смыслу слов этого писателя, саддукеи принимали только Пятикнижие; но некоторым новейшим критикам угодно было прибавить к их верованиям пророчества и предположить, что они ограничивались тем, что отвергали предания фарисеев. Доктор Жортен настаивает на этом пункте в своих *Примечаниях к Церковной Истории*, ч. 2, стр. 103.

⁶⁴⁾ Это ожидание было основано на двадцать четвертой главе Евангелия св. Матфея и на первом послании апостола Павла к фессалоникийцам. Эразм устраняет это затруднение с помощью аллегории и метафоры, а ученый Гроций решается намекать на то, что этот благочестивый обман был допущен из разумных мотивов. (Некоторые новейшие богословы объясняют это затруднение, не усматривая в нем ни аллегории, ни обмана: они говорят, что Иисус Христос, возвестив падение Иерусалима и храма, говорит о своем новом пришествии и о знамениях, которые должны предшествовать ему, но что те, которые считали этот момент близким, неправильно поняли значение двух слов, а эта ошибка до сих пор сохранилась в наших текстах Евангелия от св. Матфея, гл. 24, V. 29 и 34. В стихе 29 читаем: «Но *тогда* после этих дней скорби солнце затмится и пр». Греческое слово *eutheôs* значит здесь *вдруг, внезапно*, а не *тогда*, поэтому оно означает внезапное появление возведенных Иисусом Христом знамений, а не краткость промежутка времени, который должен отделять их от дней скорби, о которых он только что говорил. — Стих 34 следующего содержания: «Поистине говорю вам, что это поколение не исчезнет, прежде нежели все это случится». Иисус, обращаясь к своим ученикам, употребляет слова *ayte genea* которые переданы переводчиками словами «это поколение», тогда как они значат «поколение, ряд моих учеников»; он говорил о *классе людей*, а не о *поколении*. Поэтому, по мнению ученых, настоящий смысл этих слов следующий: «Поистине говорю вам, что разряд людей [который вами начинается] не исчезнет, прежде нежели все это случится», — то есть что христиане не исчезнут до его пришествия. См. Комментарий Паулуса к Новому Завету, изд. 1802, ч. 3, стр. 445 и 455. — *Гизо*.) (Когда Евангелие от Матфея толкуется столь разнообразно для подкрепления противоположных мнений, то нам приходится пожалеть об утрате еврейского подлинника. Люди, изучающие Св. Писание, ссылаются на греческие выражения, точно будто это подлинные слова Спасителя; между тем всякому хорошо известно, что они были сказаны иудеям, что они были записаны на еврейском языке и что они были переведены на греческий язык каким-то неизвестным переводчиком. (Иерон. *de Vir. Illust.*, 3.) Всеми признано и всем известно, что очень трудно в точности передавать настоящий смысл еврейских выражений на каком-нибудь другом языке. — *Издат.*)

⁶⁵⁾ См. Burnet Священная Теория, ч. 3, гл. 5. Это предание, как кажется, так же древне, как послание Варнавы, который писал в первом веке и, по-видимому, был наполовину иудей.

⁶⁶⁾ Первоначальная антиохийская церковь считала около шести тысяч лет от сотворения мира до Рождества І. Х. Африкан, Лактанций и греческая церковь уменьшили это число до пяти тысяч пятисот лет, а Евсевий удовольствовался пятью тысячами двумястами годами. Эти вычисления были основаны на переводе семидесяти толковников, который был всеми принят в течение шести первых столетий. Авторитет латинского перевода Библии и еврейского текста побудил новейших богословов, как протестанских, так и католических, предпочесть период почти в четыре тысячи лет, хотя при изучении мирских событий древней истории они нередко чувствуют стеснение от столь узких рамок.

⁶⁷⁾ Эти описания большею частью были основаны на ложном истолковании Исаии, Даниила и Апокалипсиса. Одно из самых грубых описаний можно найти у Иринея (кн. 5, стр. 455), ученика Папиана, который видел свят. апостола Иоанна.

⁶⁸⁾ См. второй разговор Юстина с Трифоном и седьмую книгу Лактанция. Так как этот факт неоспорим, то нет надобности делать ссылки на всех других отцов церкви, живших в промежутке времени между Юстином и Лактанцием. Впрочем, любознательный читатель может обратиться к сочинению Далье *De usu Patrum*, кн. 2, гл. 4.

⁶⁹⁾ Свидетельство Юстина о его собственной вере и о вере его православных собратьев в учение о тысячелетнем царствии выражено самым ясным и формальным образом. (*Dialog. cum Tryphonte lud.*, стр. 177, 178, изд. Бенедиктина.) Если в начале этого важного места есть нечто похожее на несообразности, то мы можем винить в этом или самого автора, или переписчиков.

⁷⁰⁾ Dupin, *Bibliothèque Ecclésiastique*, ч. 1, стр. 223, ч. 2 стр. 366, и Мозгейм, стр. 720, хотя последний из этих ученых богословов не всегда беспристрастен.

⁷¹⁾ На соборе в Лаодикее (около 360 г.) Апокалипсис был исключен из числа священных книг с молчаливого согласия тех самых азиатских церквей, для которых он был написан, а из жалоб Сульпиция Севера мы узнаем, что это решение было одобрено большинством христиан его времени. По каким же причинам Апокалипсис в настоящее время принят и греческою, и римскою, и протестантскою церквами? Это можно приписать следующим причинам: 1) Греки подчинились авторитету обманщика, выдававшего себя в шестом столетии за Дионисия Ареопагита. 2) Основательное опасение, чтобы грамматики не приобрели более влияния, чем богословы, побудило Тридентский собор наложить печать своей непогрешимости на все книги Священного Писания, содержащиеся в латинской Вульгате, в числе которых оказался и Апокалипсис. (Fr. Paolo, *Istoria del Concilio Tridentino*, кн. 2.) 3) Возможность обратить эти таинственные предсказания против римского престола внушила протестантам необыкновенное уважение к столь полезному союзннику. См. остроумные и изящные по форме речи епископа Литхфильдского касательно этого непривлекательного сюжета.

⁷²⁾ Лактанций (*Institut. Divin.*, VII, 15, и пр.) говорит об этой ужасной будущности с большим одушевлением и красноречием.

⁷³⁾ Касательно этого предмета, всякий человек со вкусом охотно прочтет третью часть сочинения Бёрне «Священная Теория». Этот писатель соединяет философию, Св. Писание и традицию в одну великолепную систему, в изложении которой он выказывает такую силу фантазии, которая не уступает даже Мильтоновской.

⁷⁴⁾ А между тем, каковы бы ни были на этот счет мнения отдельных личностей, таково до сих пор публичное учение всех христианских церквей, и даже наша собственная церковь не может не принимать тех выводов, которые вытекают из ее восьмого и восемнадцатого пунктов. Янсенисты, так усердно изучавшие сочинения отцов церкви, поддерживают эти чувства с замечательным усердием, а ученый Тильмон, когда говорит о добродетельных императорах, всегда кончает тем, что осуждает их на вечные мучения. Цвингли едва ли не единственный вожак партии, проявивший более мягкие чувства, но он оскорбил лютеран не менее, чем католиков. См. Боссюз *Histoire des Variations des Eglises Protestantes*, кн. 2, гл. 19–22.

⁷⁵⁾ Юстин и Климент Александрийский допускают, что некоторые из философов просветились от Логоса, смешивая его двойное значение – человеческого разума и божественного слова. (Эти отцы церкви были подготовлены к христианской вере учением Платона и не могли быть до такой степени неблагодарными по отноше-

нию к своим великим языческим наставникам, чтобы не допускать их до обители блаженных. Климент, живший полустолетием позже Юстина, подвергся порицанию за то, что пользовался философией для своих религиозных сочинений; по этой причине некоторые из этих последних и были опущены Кассиодором в его переводе. R.Simon, *Hist. Crit.* стр. 19, 20.—*Издат.*)

⁷⁶Тертуллиан, de Spectaculis, гл.30. Чтобы дать понятие о том, как велик был авторитет пылкого Африканца, достаточно сослаться на свидетельство Киприана, который был наставником и руководителем всех западных церквей. (См. Prudent. *Hym.* XIII, 100). Всякий раз, как он приступал к своему ежедневному изучению сочинений Тертуллиана, он обыкновенно говорил «Da mihi magistrum», — «дайте мне моего наставника». (Иероним de Viris Illustribus, ч.1, стр.284). (Этот перевод не точен; первая в нем фраза урезана. Тертуллиан говорит: «Ille dies nationibus insperatus, ille derisus, cum tanta seculi vetustas et tot ejus nativitates uno igne haurientur». В тексте нет напыщенных восклицаний «столькие сановники, столькие мудрые философы, столькие поэты» и проч., а просто сказано: сановники, философы, поэты и пр. praesides, philosophos, poetas и пр. Запальчивость Тертуллиана в этом трактате имела целью удержать христиан от присутствований на столетних играх, устроенных императором Севером; впрочем, она не мешала ему высказывать в других случаях благосклонность и милосердие к неверующим, так как дух Евангелия иногда и брал верх над необузданностью человеческих страстей. В своей Апологии он говорит: «Qui ergo putaveris nihil nos de salute Caesarum curare, inspicere Dei voces, litteras nostras. — Scitote ex illis proceptum esse nobis ad redundantem benignitatis etiam pro inimicis Deum orare et persecutoribus bona precari. — Sed etiam nominatim atque manifeste orate, inquit (Christus), pro regibus et pro principibus et potestatibus, ut omnia sint tranquilla vobis. Тертулл., Апол., гл.31 — Гизо). (В своем предшествующем примечании Гизо говорит о Тертуллиане, как о таком писателе, который неверно выражал чувства первых христиан. Первая фраза Тертуллиана, которую Гизо цитирует вполне, гораздо более заносчива и возмутительна, чем ее сокращенное изложение у Гиббона. Чтобы подкрепить свое обвинение в преувеличениях со стороны Гиббона, Гизо сам прибегает к самому неизвинительному извращению текста. Слово «столькие», на которое он нападает как на вымышленную вставку, действительно находится в оригинале, и, хотя оно употреблено только один раз, оно отнесено ко всем другим существительным посредством соединительных частиц речи. — *Издат.*)

⁷⁷Несмотря на уловки докт.Миддлетона, нельзя не заметить ясных следов видений и вдохновений в апостольских отцах церкви.

⁷⁸Ириней, adv. Haeres. Proem., стр.3. Докт. Миддлетон (*Free Inquiry*, стр.96 и пр.) замечает, что так как эту претензию было всего труднее подкрепить хитростями, то она прежде всех других была отложена в сторону. Это замечание прилично для такой гипотезы. (Нападение, сделанное на эту фразу впервые Дависом, было повторено деканом Мильманом в более мягких выражениях. Оба они не поняли, что именно хотел сказать Гиббон. Он не говорит, чтоб Ириней делал «какой-либо намек на дар языкознания», а напротив того, говорил, что он хранил молчание касательно этого предмета и что в то время, как эта сверхъестественная способность считалась принадлежностью церкви, епископ лионский приобрел, естественным путем изучения, возможность объясняться с галлами своего прихода. Это ясно видно из слов Ириней: «non didicimus», «non affectavimus». — *Издат.*)

⁷⁹Афинагор, in Legatione. Юстин Мученик, Cohort. ad Gentes. Тертуллиан, advers. Marcionit., кн. 4. Эти описания отсылаются тем пророческим пылом, к которому Цицерон (de Divinat., 11, 54) указывал так мало уважения.

⁸⁰⁾ Тертуллиан (Apoloq., гл.23) смело нападает на языческих должностных лиц. Из всех первоначальных чудес способность изгонять демонов было единственное чудо, которое было усвоено протестантами.

⁸¹⁾ Иринеи, adv. Haereses, кн. 2, 56, 57; кн.5, гл. 6. Додвелль Dissertat. ad Irenaeum, 11, 42, находит, что второе столетие было богаче первого чудесами.

⁸²⁾ Феофил ad. Autolyicum, кн.1, стр.345, edit. Benedictin Париж, 1742.

⁸³⁾ Докт. Миддлетон издал свое Введение в 1747 г., свое Free Inquiry в 1749, а перед своей смертью, последовавшей в 1750, приготвил защиту этого сочинения против своих многочисленных противников.

⁸⁴⁾ Оксфордский университет дал ученые степени тем, кто на него возражал. По негодованию Мозгейма (стр. 221) можно составить себе понятие о том, каковы были чувства лютеранских богословов.

⁸⁵⁾ Может показаться странным тот факт, что основатель монастыря в Клерво Бернар, рассказывающий о множестве чудес, совершенных его другом св.Малакхией, не говорит ни слова о своих собственных чудесах, о которых, в свою очередь, подробно рассказывают его товарищи и ученики. Можно ли указать во всей истории церкви хоть на одного святого, который заявил бы о своей собственной способности творить чудеса?

⁸⁶⁾ Обращение Константина есть та эра, которую всего чаще назначают протестанты. Самые рассудительные богословы неохотно принимают чудеса четвертого столетия, а самые легковверные неохотно отвергают чудеса пятого столетия. (Гизо воздержался от всяких замечаний касательно этой «третьей причины», а декан Мильман сделал несколько замечаний, свидетельствующих об его просвещенном и либеральном уме. «Многие протестантские богословы, — говорит он, — охотно согласятся ограничить чудеса временем апостолов или по меньшей мере первым столетием». Он допускает, что послеапостольские чудеса сомнительны и что самые правдоподобные из них можно приписать какому-нибудь «необыкновенному совпадению второстепенных причин», которые «не склонный к философии век» не был в состоянии отличить от действительной приостановки законов природы. — *Издат.*

⁸⁷⁾ Обвинения, высказанные Цельсом и Юлианом, равно как защита отцов церкви, очень хорошо изложены Шпангеймом в его *Commentaire sur les Caesars de Julian*, стр. 468.

⁸⁸⁾ Письма Плиния, X, 97.

⁸⁹⁾ Тертуллиан, Apoloq., гл. 44. Впрочем, он прибавляет с некоторой нерешимостью: «Aut si aliud, jam non Christianus». (Тертуллиан положительно говорит «ни один христианин», nemo illic christianus; впрочем, он прибавляет к этим словам оговорку, которая цитирована Гиббоном в предыдущем примечании и которая, ослабляя силу этого выражения, заставляет думать, что он хотел сказать, что не знает ни одного такого христианина. — *Гизо*.) (Декан Мильман бесспорно выяснил настоящий смысл этого выражения, который заключается в том, что всякий провинившийся в таких преступлениях «переставал считаться христианином». Подобно тому как в наше время провинившийся квакер отвергается обществом, и провинившиеся христиане исключались в то время из числа членов церкви. — *Издат.*)

⁹⁰⁾ Философ Перегрин (о жизни и смерти которого Лукиан оставил нам столь интересный рассказ) долго злоупотреблял легковверной наивностью живших в Азии христиан.

⁹¹⁾ См. очень дельный трактат Барбейрака о нравственности отцов церкви.

⁹²⁾Лактанций, Institut. Divin., кн. 6, гл. 20–22.

⁹³⁾См. сочинение Климента Александрийского под заглавием «Педагог»; там изложены основания этики в том виде, как их преподавали в самых знаменитых христианских школах.

⁹⁴⁾Тертуллиан de Spectaculis, гл. 23. Климент Александрийский, Paedagog. кн. 3 гл. 8.

⁹⁵⁾Бособр, Hist. Critique du Manichéisme, кн. 7, гл. 3. Юстин, Григорий Нисский, Августин, и др. сильно склонялись к этому мнению.

⁹⁶⁾Некоторые из гностиков были более последовательны: они отвергали брак.

⁹⁷⁾См. нить преданий от Юстина Мученика до Иеронима в Morale des Pères, гл. 4, 6 – 26.

⁹⁸⁾См. очень интересную диссертацию о весталках в Mémoires de l'Académie des Inscriptions, т. 4, стр. 161–227. Несмотря на отличия и награды, которыми пользовались эти девственницы, было трудно добыть их в достаточном числе, а угроза самой ужасной смерти не всегда сдерживала их увлечения.

⁹⁹⁾Cupiditatem procreandi aut unam scimus aut nullam. Минуций Феликс, гл. 31. Юстин, Apolog. Major. Афинагор, in Legat, гл. 28. Тертуллиан, de Cultu Foemin. кн. 2.

¹⁰⁰⁾Евсевий, кн. 6, 8. Прежде нежели слава Оригена возбудила зависть и преследование, этот необыкновенный поступок был предметом скорее одобрений, нежели порицаний. Так как он обыкновенно объяснял Св. Писание иносказательно, то можно пожалеть, что только в этом единственном случае он понял его в буквальном значении.

¹⁰¹⁾Киприан, Epist. 4 и Додвелль, Dissert. Cyprianic. 3. Много времени после того основателя аббатства Фонтевро обвиняли в смелой попытке такого рода. Бейль позабавил и себя и своих читателей по поводу этого деликатного сюжета.

¹⁰²⁾Дюнен (Bibliothèque Ecclesiastique, ч. 1, стр. 195) сообщает подробно разговор десяти девственниц в том виде, как он был сочинен Мефодием, епископом Тирским. Там расточаются самые большие похвалы девственности.

¹⁰³⁾Аскеты (еще во втором столетии) публично заявляли, что они придерживаются умерщвления своей плоти и воздержания от мяса и вина. Мозгейм, стр. 310.

¹⁰⁴⁾См. Morale des Pères. Такие же принципы терпеливой покорности проповедовались после Реформации социинянами, новейшими анабаптистами и квакерами. Апологист квакеров Беркли ссыался для защиты своих единоверцев на авторитет первобытных христиан, стр. 542–549.

¹⁰⁵⁾Тертуллиан, Apolog. гл. 21. De Idololatria, гл. 17, 18. Ориген, contra Celsum, кн. 5, стр. 253; кн. 7, стр. 348; кн. 8, стр. 423–428.

¹⁰⁶⁾Тертуллиан (de Corona Militis, гл. II) намекает на возможность избавляться от военной службы дезертирством; если бы этот совет был всем известен, он едва ли мог бы расположить императоров к христианской секте. (Тертуллиан не намекает на возможность избавляться от службы дезертирством; он говорит им, что они должны быть постоянно настороже, чтобы, состоя на службе, не сделать чего-либо противного закону Божию, и что они должны скорее подвергнуться мученичеству или открыто отказываться от службы, чем впасть в низкую уступчивость (Apolog., гл. 2, стр. 127 in fine). Он не утверждает положительно, чтобы военная служба не была дозволена христианам; он даже кончает тем, что говорит: Puta denique licere militiam usque ad causam coronae (Ibid., гл. II, стр. 128). Из некоторых других мест у Тертуллиана видно, что в армии было очень много христиан: Hesterni sumus et vestra omnia implevimus, urbes, insulas, castella, municipia, conciliabula, castra ipsa

(Apolog., гл. 37, стр. 30). Navigamus et nos vobiscum et militamus, etc. (Apolog., гл. 42, стр. 34). Правда, Ориген (Cont. Cels., кн. 8), по-видимому, был более взыскателен в своих мнениях, но он часто отказывался от такой преувеличенной взыскательности, которая, быть может, была необходима в ту пору для произведения сильного впечатления, и говорит о военном ремесле как о такой профессии, которая достойна уважения (кн. 4, гл. 218, и пр. — Гизо.) (Даже Давис не включал это место в число «искажений Тертуллиана», в которых он винит Гиббона, а декан Мильман полагает, что Гизо не имел успеха в предпринятой им защите. Действительно, трудно отыскать разницу между «открытым отказом от службы» и «дезертирством». — *Издат.*)

¹⁰⁷Насколько можно судить из урезанного изложения Оригена (кн. 8, стр. 423), его противник Цельс настаивал на этом возражении с большой силой и добросовестностью. (В отказе первых христиан от участия в общественных делах нет ничего, что могло бы нас удивлять; это было естественное последствие того противоречия, которое существовало между их принципами, с одной стороны, и обычаями, законами и общественной деятельностью языческого мира — с другой: в качестве христиан они не могли вступать в сенат, который, по словам самого Гиббона, всегда собирался в храме или в освященном месте и в котором каждый сенатор, прежде чем занять свое место, наливал на алтарь несколько капель вина и жег фимиам; в качестве христиан они не могли присутствовать на празднествах и на банкетах, которые всегда оканчивались языческими возлияниями вина и пр. Наконец, так как бесчисленные божества и обряды политеизма были тесно связаны со всеми подробностями общественной и частной жизни, то христиане не могли принимать в них участия, не провинившись, по их понятиям, в нечестии. Стало быть, они устранились от дела не столько по причине своей доктрины, сколько по причине своего положения; всякий раз как это положение не служило для них препятствием, они обнаруживали такую же деятельность, как и язычники. Юстин Мученик говорит: Proinde nos solum Deum adoramus et vobis in rebus alius loeti inservimus. Apol., стр. 64. — Гизо.) (Декан Мильман находит эту цитату неуместной, так как она касается лишь уплаты податей. — *Издат.*)

¹⁰⁸Аристократическая партия во Франции, точно так же как и в Англии, усилению поддерживала мнение о божественном происхождении епископской власти. Но кальвинистские пресвитеры не выносили ничего старшинства, а римский перво-священник никого не признавал себе равным. См. Fra Paolo.

¹⁰⁹В том, что касается истории христианской иерархии, я большею частию придерживался ученого и добросовестного Мозгейма.

¹¹⁰Касательно пророков первобытной церкви см. Мозгейма Dissertationes ad Hist. Eccles. pertinentes, ч. 2, стр. 132—208.

¹¹¹См. послания св. Павла и Климента к коринфянам.

¹¹²(Первыми должностными лицами, назначенными церковью, были диаконы, впервые назначенные в Иерусалиме в числе семи. (Деян., гл. 6, V. 1—7). На них лежала обязанность распределять подаяния, и в этом им помогали женщины. После диаконов были установлены старшины, или священники, — пресвитеры (presbyteroi) для поддержания порядка в общине, для охранения приличий и для распоряжений от ее имени. Затем епископам было поручено наблюдать за верой и обучением верующих: сами апостолы назначили нескольких епископов. Тертуллиан advers. Marc., гл. 5). Климент Александрийский и многие отцы церкви второго и третьего столетия не позволяют сомневаться в этом. Равенство ранга, существовавшее между этими различными должностными лицами, не мешало различию их

обязанностей даже в самом начале; впоследствии это различие сделалось еще более значительным. См. Планка *Geschichte der christlich – kirchlichen Verfassung*, ч.1, стр.24. – Гизо). (Наставления, которые Павел преподал Титу касательно избрания епископов или, более правильно, «надсмотрщиков», скоро были оставлены без внимания. – *Издат.*)

¹¹³⁾ Гукер, *Ecclesiastical Polity*, кн.7.

¹¹⁴⁾ См. Иеронима *ad Titum*, гл.1 и *Epist. 85* (в издании бенедиктинцев 101) и тщательно обработанную апологию Блонделя *pro sententia Hieronymi*. Древнее положение епископа и пресвитеров александрийских, в том виде, как оно описано Иеронимом, замечательным образом подтверждается патриархом Евтихием (*Annal.*, ч.1, стр.330, vers. Росок.), свидетельство которого я не нахожу возможности отвергать, несмотря на все возражения ученого Пирсона в его *Vindiciae Ignatianae*, ч.1, гл.11.

¹¹⁵⁾ См. введение к Апокалипсису. Епископы, под названием ангелов, уже были установлены в семи азиатских городах. А между тем послание Климента (которое, по всему вероятно, так же древне) не указывает нам никаких признаков существования епископов ни в Коринфе, ни в Риме.

¹¹⁶⁾ *Nulla ecclesia sine episcopo** было и фактом, и принципом со времен Тертуллиана и Ириней.

¹¹⁷⁾ После затруднений, представляемых первым столетием, мы находим епископское управление установленным повсюду, пока не сделан был перерыв республиканским духом швейцарских и республиканских преобразователей.

¹¹⁸⁾ См. у Мозгейма первое и второе столетия. Игнатий (*ad Smyrnaeos* гл. 3 и сл.) часто превозносит епископское достоинство. Ле-Клерк. (*Hist. Eccles.*, стр.569) сильно порицает его поведение. Мозгейм, руководствуясь более здравой критикой, подозревает, что даже самые мелкие послания были искажены.

¹¹⁹⁾ *Nonne et Laici sacerdotes sumus?* Тертуллиан, *Exhort. and Castitat.*, гл.7. Так как человеческое сердце одинаково, то многие из замечаний Юма об энтузиазме (*Essays*, ч.1, стр.76, четверт. изд.) могут быть применены даже к действительному вдохновению.

¹²⁰⁾ Учреждение соборов не было первым средством, к которому прибегли отдельные церкви с целью сближения и объединения. Диоцезы организовались сначала путем соединения нескольких небольших деревенских церквей с какою-нибудь городской церковью, а из соединения нескольких городских церквей между собою или с более значительною церковью возникли епархии. Диоцезы, должно быть, организовались не прежде начала второго столетия, так как до того времени христиане еще не успели учредить столько деревенских церквей, чтоб иметь надобность в подобном объединении. В половине того же столетия можно найти первые признаки учреждения митрополитов. Провинциальные соборы возникли лишь в половине третьего столетия и были не первыми соборами. История дает нам положительные сведения о соборах, происходивших в конце второго столетия в Эфесе, Иерусалиме, Понте и Риме для разрешения споров, возникших между латинскими и азиатскими церквами по вопросу о времени празднования пасхи. Но эти соборы не были подчинены ни какой-либо правильной форме, ни какому-либо периодическому возобновлению; такая правильность возникла лишь в провинциальных соборах, составлявшихся из епископов какого-нибудь округа, подчиненного митрополиту. Планк, *Ист. организ. христ. церкви*, ч.1, стр.90. –

* Нет церкви без епископа. – *Пер. ред.*

Гизо.) Такая постепенная организация церкви была, гораздо вероятнее, внушена «Республикой» Платона, а не греческими союзами и собраниями, влиянию которых ее приписывает Гиббон. — *Издат.*)

¹²¹⁾ *Acta Concil. Carthag. apud Cyprian, изд. Фелл., стр.158.* Собор состоял из восьмидесяти семи епископов провинций мавританской, нумидийской и африканской; на нем присутствовали некоторые пресвитеры и диаконы; *praesente plebis maxima parte.*

¹²²⁾ *Aguntur praeterea per Graecias illas, certis in locis concilia, etc.* Тертуллиан *de Ieiuniis*, гл.13. Этот Африканец говорит о них как о недавнем и чужестранном учреждении. Объединение христианских церквей очень хорошо объяснено Мозгеймом, стр.164—170.

¹²³⁾ Киприан в его знаменитом трактате *De Unitate Ecclesiae*, стр.75—86.

¹²⁴⁾ Мы можем сослаться на поведение Киприана, на его учение и на его послания. Ле-Клерк в кратком жизнеописании Киприана (*Bibliothèque Universelle*, ч. 12, стр. 207—378) разоблачил его характер с большой нестесняемостью и точностью.

¹²⁵⁾ Если бы Новат, Фелициссим и др., изгнанные епископом Карфагенским из его церкви и из Африки, не были самыми отвратительными негодями, то пришлось бы полагать, что в этом случае усердие Киприана одержало верх над его правдивостью. Очень верный рассказ об этих низких ссорах можно найти у Мозгейма, стр.497—512.

¹²⁶⁾ Мозгейм, стр.269, 574; Дюпен, *Antiquae Eccles. Disciplin.*, стр.19, 20.

¹²⁷⁾ Тертуллиан в особом трактате обвинял еретиков на основании обычаев, установленных апостольскими церквями.

¹²⁸⁾ Большинство древних писателей упоминает о путешествии св. Петра в Рим (см. Евсевий, 11, 25); оно подтверждается всеми католиками, допускается некоторыми протестантами (см. Пирсона и Додвелля *de Success. Episcop. Roman.*), но решительно отвергается Шпангеймом (*Miscellanea Sacra*, Ш, 3). По словам отца Гардуина, монахи тринадцатого столетия, сочинившие «Энеиду», изображали св. Петра в аллегорическом характере троянского героя.

¹²⁹⁾ Знаменитый намек на имя св. Петра верен только на французском языке: *Tu es Pierre et sur cette pierre.* — Он не совсем правилен на языках греческом, латинском, итальянском и др., а на языках, происходящих от немецкого, он совершенно непонятен. (На языке сирийско-халдейском* он правилен, а именно на этом языке он и был сделан Иисусом Христом (Евангелие от Матфея, гл.16, V, 17.) Петр назывался *Serphas*, а слово *serpha* значит «основание, фундамент, камень». — Гизо.)

¹³⁰⁾ Иринеи *adv. Haereses*. Ш, 3. Тертуллиан, *de Praescription*, гл.36 и Киприан, *Epistol.* 27, 55, 71, 75. Ле-Клерк (*Hist. Eccles.* стр.764) и Мозгейм (стр.258, 278) старались объяснить эти места. Но неопределенный и риторический способ выражения отцов церкви, по-видимому, нередко благоприятен для притязаний Рима.

¹³¹⁾ См. пылкое послание епископа Цезареи Фирмилиана к епископу Рима Стефану, *ар. Cyprian Epistol.* 75.

¹³²⁾ Касательно этого спора о новом крещении еретиков см. послания Киприана и седьмую книгу Евсевия.

¹³³⁾ Касательно происхождения этих слов см. Мозгейма, стр.141, Шпангейма *Hist. Ecclesiast.*, стр. 633. Различие между клиром и мирянами утвердилось до времен Тертуллиана.

* Другое название - арамейский, или сирийский. (*Примеч. ред.*)

¹³⁴⁾ Учрежденная Платоном община более совершенна, нежели та, которую сэр Томас Мор придумал для своей «Утопии». Общность женщин и общность земных благ могут считаться неразрывными частями той же системы.

¹³⁵⁾ Иосифа *Antiquitat.*, XVII, 2, Филона de *Vit. Contemplativ.*

¹³⁶⁾ См. Деяния Апостолов, гл.2,4,5, с комментарием Гроция. Мозгейм в особой диссертации опровергает общее мнение такими аргументами, которые весьма неубедительны.

¹³⁷⁾ Юстин Мученик, *Apolog. Major.*, гл.89. Тертуллиан, *Apolog.*, гл.39.

¹³⁸⁾ Иринеи *adv. Haeres.*, кн.4, гл.27, 34. Ориген in *Num Hom.*, 2. Киприан de *Unitat. Eccles. Constitut. Apostol.*, кн.2, кл.34,35 с примечаниями Котелерия. Церковные уставы вводили это превосходное правило, заявляя, что священники настолько же выше королей, насколько душа выше тела. К числу предметов, долженствующих уплачивать десятину, они относили зерновой хлеб, вино, оливковое масло и шерсть. Чтоб ознакомиться с этим интересным сюжетом, следует обратиться к сочинению Придо «История десятины» и к сочинению Фра Паоло delle *Materie Beneficarie*, хотя эти два писателя вовсе не похожи один на другого по направлению.

¹³⁹⁾ То же мнение, которое господствовало около 1000 г., породило такие же последствия. Мотив жертвователей большею частию выражался в словах «*appropinquante mundi fine*». См. Мозгейма Всеобщая История Церкви, ч.1, стр.457.

¹⁴⁰⁾ *Tum summa cura est fratribus*

(*Ut sermo testatur loquax*),

Offerre, fundis venditis,

Sestertiorum millia.

Addicta avorum praedia

Foedis sub auctionibus,

Successor exheres gemit

Sanctis egens parentibus.

Haec occuluntur abditis

Ecclesiarum in angulis;

Et summa pietas creditur

Nudare dulces liberos.

Prudent. О венцах.

(*peri stephanon*) Гимн 2.

Следовавшее затем поведение диакона Лаврентия только доказывает, какое приличное делалось употребление из богатств римской церкви; эти богатства, несомненно, были очень значительны. Но Фра Паоло (гл.3), по-видимому, впадает в преувеличение, когда говорит, что преемники Коммода преследовали христиан или из собственной алчности, или вследствие алчности их преторианских префектов.

¹⁴¹⁾ Киприан, *Epistol.* 62.

¹⁴²⁾ Тертуллиан, de *Prescriptione*, гл.30.

¹⁴³⁾ Диоклетиан издал рескрипт, который был лишь объявлением следующего старого закона: «*Collegium, si nullo speciali privilegio subnixim sit, haereditatem capere non posse, dubium non est*». Фра Паоло (гл.4) полагает, что эти правила были в большом пренебрежении со времени царствования Валериана.

144) Ист. Эл. Цез., стр.131. Это была общественная земля, и о владении ею возник спор между христианским обществом и обществом мясников.

145) *Constitut. Apostol.*, 11, 35.

146) Киприан de Lapsis, стр.89. *Epistol.*, 65. Это обвинение подтверждается девятнадцатым и двадцатым постановлениями Иллиберийского собора.

147) См. аполлогии Юстина, Тертуллиана и др.

148) Богатство римлян и щедрость, с которой они относились к самым отдаленным из своих единоверцев, с признательностью превозносятся Дионисием Коринфским, ар. *Euseb.*, кн.4, гл.23. (Не подлежит сомнению, что успехам христианства много содействовали значительные денежные средства; но эти же средства породили и много злоупотреблений, внесших в христианство нравственную испорченность. См., как резко нападал в пятом столетии на эти злоупотребления Сальвиан Марсельский в своем сочинении *de Avaritia, praesertim Clericorum et Sacerdotum.* — *Издат.*)

149) См. Лукиана in *Peregrin.* Юлиан (Ер. 49), по-видимому, был оскорблен тем, что милосердие христиан помогало не только их собственным, но и языческим беднякам.

150) Таков, по крайней мере, был похвальный образ действий позднейших миссионеров при таких же обстоятельствах. На улицах Пекина ежегодно подкидывают более трех тысяч новорожденных детей. См. Ле-Конта *Mémoires sur la Chine* и *Recherches sur les Chinois et les Egyptiens*, ч. 1, стр.61.

151) Монтанисты и новациане, державшиеся этого мнения с величайшей энергией и упорством, в конце концов сами очутились в числе отлученных от церкви еретиков. См. в сочинении ученого и подробно рассматривающего этот предмет Мозгейма века второй и третий.

152) Дионисий ар. *Euseb.* IV, 23. Киприан, de Lapsis.

153) Кзв, *Первобытное христианство*, ч.3, гл.5. Любители старины сожалеют о прекращении таких публичных покаяний.

154) См. у Дюпена (*Bibliothèque Ecclesiastique*, ч.2, стр. 304–313) хотя и краткое, но вместе с тем систематическое изложение постановлений тех соборов, которые собирались в первые минуты спокойствия после гонений, происходивших при Диоклетиане. Эти гонения были гораздо менее тяжелы в Испании, чем в Галатии, а это различие может служить в некоторой мере доказательством того, что постановления, действовавшие в этих провинциях, были противоположного характера.

155) Киприан, *Epist.* 69.

156) (Это предположение едва ли основательно; происхождение и дарования святого Киприана заставляют думать противное. Кзв в своей «Истории литературы», ч.1, стр.87, говорит: «Фасций Цецилий Киприан, родом из Карфагена и замечательный оратор, приобрел много славы, богатств и почестей. Он любил роскошные обеды и ужины, носил богатые одеяния, блестящие золотом и пурпуром, и был окружен толпою клиентов; за ним постоянно следовала почтительная свита, которая несла знаки и украшения его звания. Так описывает он самого себя в письме к Донату». — *Гизо*.) (То, что Киприан говорит о самом себе, было, по мнению декана Мильмана, «несколько приукрашено» докт. Кзвом. Гиббона обвиняли в том, что он представил в ложном свете характер Киприана. Этот характер еще более выяснится в следующей главе. Пока достаточно будет заметить, что этот преплат воспитывался на сочинениях Тертуллиана, горячность которого все умеренные христиане оплакивают и не одобряют. — *Издат.*)

157) Действия, нравы и пороки служителей сирийской богини описаны с большим юмором Апулеем в восьмой книге его «Метаморфоз».

¹⁵⁸) Должность азиарха была в этом роде; о ней часто упоминается у Аристида, в надписях и пр. Она была годовая и избирательная. Только самые тщеславные граждане могли желать этого отличия, и только самые богатые были в состоянии покрыть сопряженные с ней расходы. В *Patres Apostol.* (ч.2, стр.200) можно видеть, с каким равнодушием Филипп—азиарх вел себя при мученичестве Поликарпа. Существовали также вифиниархи, лицииархи и пр.

¹⁵⁹) (Здесь Гиббон лишь мимоходом упоминает о том, на что он должен бы был указать как на первую и главную естественную причину успехов христианства. — *Издат.*)

¹⁶⁰) (Евреи выказали по этому случаю вовсе не такую холодность, о какой говорит Гиббон. Множество евреев перешло в христианскую веру; в течение двух дней окрестились восемь тысяч. (Деян.Апост., гл.2, V.37—40; гл.4.V.4). Они образовали первую христианскую церковь. — *Гизо*.) (Это произошло прежде введения новой религии между греками. После этой перемены, как всем хорошо известно, христианство не делало больших успехов в Иудее, и, напротив того, повсюду встречало со стороны иудеев сопротивление, тогда как язычники охотно принимали его. Апостолы скоро покинули свое отечество, и чужестранные земли сделались театром их подвигов и сценой их триумфа. — *Издат.*)

¹⁶¹) Новейшие критики не расположены верить тому, что отцы церкви утверждают почти единогласно, что св.Матфей написал еврейское Евангелие, и что оно дошло до нас только в греческом переводе. Однако, по—видимому, было бы опасно отвергать свидетельство отцов церкви. (Очень веские соображения, по—видимому, подтверждают это свидетельство. Современник апостола Иоанна Папиан положительно говорит, чт. св. Матфей записал поучения Иисуса Христа по—еврейски и что всякий объяснял их как мог. Этот еврейский язык был сирийско—халдейский диалект*, в то время употреблявшийся в Иерусалиме. Этот рассказ подтверждают. Ориген, св.Ириней, Евсевий, св.Иероним и св.Елифаний. Сам Иисус Христос проповедовал на сирийско—халдейском языке, что доказывают многие слова, которые он употреблял, и которые были переданы евангелистами в переводе. Св.Павел, обращаясь с воззванием к иудеям, употреблял этот же язык (Деян. Апост., гл.20, V. 2; гл.17, V.4; гл.26, V.14.) Мнения некоторых критиков не имеют большого значения, когда они не согласны с неоспоримыми свидетельствами. Впрочем, их главное возражение основано на том, что святой Матфей цитирует Ветхий Завет по греческому переводу семидесяти толковников; но это неверно, так как из десяти цитат, находящихся в его Евангелии, семь очевидно взяты из еврейского текста, а три остальные ничем от него не отличаются; впрочем, эти последние приведены не буквально. Св. Иероним положительно говорит, на основании копии этого Евангелия, которую он видел в библиотеке в Кесарии, что цитаты были на еврейском языке (In Catal.) Более поздние критики, и между прочим Михаэлис, не имеют никаких сомнений касательно этого вопроса. Греческий текст, как кажется, был составлен во времена апостолов, как это утверждают св. Иероним и св.Августин, и, может быть, даже одним из них. — *Гизо*.) (Единогласное свидетельство стольких древних писателей не оставляет разумного основания для сомнений насчет того, что действительно существовал еврейский оригинал Евангелия от Матфея. Евсевий повторяет это не менее шести раз, и все утверждают это так положительно, что сомневаться в этом значило бы, — как намекает на это и Гиббон, — потрясти самое основание всей первоначальной церковной истории. Папиан, который служит в этом случае главным авторитетом, был, как утверждают,

* См. примеч. 129 на с. 93.

слабый и бездарный человек. Однако в свое время он считался годным для звания епископа, на него с доверием ссылаются писатели, близкие к нему по времени, а Евсевий не только ценит его способности и в особенности его близкое знакомство с Св.Писанием (кн.3, гл.36), но даже посвящает длинную главу (39) заимствованным от него сведениям. – *Издат.*

¹⁶²⁾ При Нероне и Домициане, в городах Александрии, Антиохии, Риме и Эфесе. См. Милля Prolegomena ad Nov. Testament. и прекрасный и обширный сборник докт. Ларднера, том XV.

¹⁶³⁾ Алогичане (Елифаний de Haeres.51) оспаривали подлинность Апокалипсиса на том основании, что церковь в Фиатире еще не была основана. Елифаний, не отвергая этого факта, старается выпутаться из затруднений при помощи остроумного предположения, что св.Иоанн писал под влиянием пророческого духа. См. Abauzit, Discours sur l'Apocalypse.

¹⁶⁴⁾ В посланиях Игнатия и Дионисия (ар. Euseb., IV, 23) упоминается о многих церквях в Азии и Греции. Афинская, как кажется, была одной из всего менее цветущих.

¹⁶⁵⁾ Лукиан in Alexander, гл.25. Впрочем, христианство, должно быть, было очень неравномерно распространено в Понте, так как в половине третьего столетия в обширном приходе Неокесарии было не более семнадцати верующих. См. Тилье-мона Mémoires Ecclesiast., ч.4, стр.675. Этот факт заимствован от св. Василия и от Григория Нисского, которые сами были родом из Каппадокии.

¹⁶⁶⁾ По мнению древних, Иисус Христос пострадал во время консульства двух близнецов в 29 году нашей теперешней эры. Плиний был послан в Вифинию (по словам Пажо) в 110 году. Клинтон (F.R. i.89) полагает, что это было в 103 году. – *Издат.*

¹⁶⁷⁾ Плиний, Epist. X, 97.

¹⁶⁸⁾ Сочинения Иоанна Златоуста, ч.7, стр.658, 810.

¹⁶⁹⁾ Иоанн Малала, ч.2, стр.144. Он делает такое же заключение касательно населенности Антиохии.

¹⁷⁰⁾ Иоанн Златоуст, ч.1, стр.592. Я обязан этими местами, но не выводами, которые делают из них, ученому докт. Ларднеру. Credibility of the Gospel History, ч.ХП, стр.370.

¹⁷¹⁾ Basnage (Histoire des Juifs, кн.2, гл.20–28) рассмотрел, с самой строгой аккуратностью критика, интересный трактат Филона, описывающий терапевтов. Доказав, что этот трактат был написан еще во времена Августа, Баснаж, наперекор Евсевию (кн.2, гл.17) и множеству новейших католических писателей, убедил нас в том, что терапевты не были ни христиане, ни монахи. Но все-таки остается вероятие, что они переменили свое название, сохранили свои нравы, приняли некоторые новые верования и мало-помалу сделались прародителями египетских аскетов.

¹⁷²⁾ См. письмо Адриана в Ист. Эп.Цез., стр.245.

¹⁷³⁾ Касательно ряда александрийских епископов см. Историю Ренодо, стр.24 и пр. Эту интересную подробность сообщает патриарх Евтихий (Anpal., ч.1), стр. 334, vers Рососк.; одной ее внутренней очевидности было бы достаточно, чтобы опровергнуть все возражения епископа Пирсона в Vimdiciae Ignatianae. (См. Каталог Клинтон; (F.R. П.535). Димитрий сделался епископом александрийским в 190 г., а Геракл заменил его в 233. – *Издат.*)

¹⁷⁴⁾ Аммиан Марцеллин, XXII, 16.

¹⁷⁵⁾ Ориген contra Celsum, кн. 1, стр. 40.

176) *Ingens multitudo*, – как выражается Тацит, XV, 44.

177) Т. Лив., XXXIX, 13, 15 – 17. Ничто не могло превзойти отвращения и ужаса сената, когда он узнал о вакханалиях, безнравственность которых описана и, может быть, преувеличена Ливием.

178) Евсевий, кн. 6, гл. 43. Латинский переводчик (г. Валуа) нашел нужным уменьшить число пресвитеров до сорока четырех.

179) Это пропорциональное отношение числа пресвитеров и бедных к остальному населению первоначально было установлено Бюрне (Путешествие по Италии, стр. 168) и одобрено Мойлем (ч. 2, стр. 151). Оба они не были знакомы с тем местом у Иоанна Златоуста, которое превращает их догадки почти в положительный факт.

180) *Serius trans Alpes, religione Dei suscepta*. Сульпиций Север, кн. 2. Это были знаменитые лионские мученики. См. Евсевия, V. 1. Тильмон. *Mém. Ecclesiast.*, ч. 2, стр. 316. По словам донатистов, свидетельство которых поддерживается молчаливым согласием Августина, Африка приняла Евангелие после всех других провинций. *Mém. Ecclesiast.*, ч. 1, стр. 754, (Понятно, что христианство могло делать лишь медленные успехи на западе, так как там для него не был расчищен путь философией. Теории греческих философских школ, в течение четырех столетий распространявшиеся вокруг тех местностей, где они родились, только что успели проникнуть в Рим и все еще были не чем иным, как «уточенным видом роскоши и чем-то вроде столового прибора, приберегаемого для употребления знатных людей». (*Div. Leg.*, кн. 3, отд. 3). – *Издат.*)

181) *Tum primum intra Gallias martyria visa*. Сульп. Север, кн. 2. Касательно Африки см. Тертуллиана *ad Scapulam*, гл. 3. Вообще полагаю, что первыми мучениками были Скиллитанские (*Acta Sincera*, Рюинар. стр. 34). Один из противников Апулея, как кажется, был христианин. *Apolog.*, стр. 496, 497, изд. Дельфин.

182) *Rarae in aliquibus civitatibus ecclesiae, paucorum Christianorum devotione, resurgerent* *Acta Sincera*, стр. 130. Григорий Турский, кн. 1, гл. 28. Мозгейм, стр. 207, 449. Есть некоторое основание думать, что в начале четвертого столетия обширные приходы Люттихский, Трирский и Кельнский составляли одно епископство, которое было очень недавно основано. См. *Mémoires* Тильмона, том VI, ч. 1, стр. 43, 411.

183) Время появления Апологии Тертуллиана отнесено в диссертации Мозгейма к 198 году.

184) В пятнадцатом столетии немного было людей, имевших желание или смелость задаваться вопросом, не был ли Иосиф Аримафейский основателем монастыря в Гластонбери и не предпочитал ли Дионисий Ареопагит пребывание в Париже пребыванию в Афинах.

185) Эта удивительная метаморфоза совершилась в девятом столетии. См. Мариану (*Hist. Hispan.*, кн. 7, гл. 13, том 1, стр. 285, изд. Hag. Com. 1733), который во всех отношениях подражает Ливию, и добросовестное разоблачение легенды о св. Иакове докт. Геддесом (*Miscellanies*, ч. 2, стр. 221.).

186) Юстин Мученик, *Dialog. cum Tryphon*, стр. 341. Ириней, *a d v. Haeres.*, кн. 1, гл. 10. Тертуллиан *a d v. Iud.*, гл. 7. См. Мозгейма, стр. 203.

187) См. четвертое столетие в «Истории Церкви» Мозгейма. Многие, хотя и очень сбивчивые, подробности касательно обращения в христианство Иберии и Армении можно найти у Моисея Хоренского, кн. 2, гл. 78–89.

188) По словам Тертуллиана, христианская вера проникла в те части Британии, которые были недоступны для римского оружия. По прошествии почти ста лет после того сын Фингала Оссиан, как говорят, вел спор, уже будучи в самых преклон-

ных летах, с одним из иностранных миссионеров; содержание этого спора изложено в дошедших до нас стихах на древнескандинавском языке. См. диссертацию Макферсона о древности поэмы Оссиана, стр. 10.

189) Готы, опустошавшие Азию в царствование Галлиена, увели с собой множество пленных, между которыми было несколько христиан, обратившихся в миссионеров. См. Тельмона *Mémoires Ecclesiast.*, ч. 4, стр. 44.

190) Легенда об Абгаре, как она ни баснословна, представляет решительное доказательство того, что за много лет до того, как Евсевий писал свою историю, большая часть населения Эдессы перешла в христианскую веру. Напротив того, соперники жителей Эдессы, жители города Карры, оставались идолопоклонниками до шестого столетия.

191) По словам Бардесана (а р. Euseb. *Praepar. Evangel.*), в Персии было несколько христиан в конце второго столетия. Во времена Константина (см. его послание к Шапуру, *Vit.*, кн. 4, гл. 13) они образовали церковь, которая очень процветала. Сравн. Бособра *Hist. Critique du Manichéisme*, ч. 1, стр. 180 и *Bibliotheca Orientalis Assenani*.

192) *Origen contra Celsum*, кн. 8, стр. 424.

193) Минуций Феликс, гл. 8, с примечаниями Wouwerus'a. Цельс ар. *Origen*, кн. 3, стр. 138–142. Юлиан ар. *Cyril*, кн. 6, стр. 206, изд. Шпангейма.

194) Евсев. *Hist. Eccles.*, IV, 3. Иероним *Epist.* 83.

195) Эта история очень мило рассказана в диалогах Юстина. Тильмон (*Mém. Ecclesiast.*, ч. 2, стр. 324), повторяющий с его слов этот рассказ, вполне уверен, что старик был переодетый ангел.

196) Евсевий, V, 28. Можно надеяться, что никто, кроме еретиков, не давал Цельсу повода жаловаться (ар. *Origen*, кн. 2, стр. 77), что христиане беспрестанно исправляли и изменяли свои Евангелия.

197) Плин. *Epist.* X, 97. *Fuerunt alii similis amentiae, cives Romani... Multi enim omnis aetatis omnis ordinis, et trisque sexus, etiam vocantur in periculum et vocabuntur.*

198) Тертуллиан, *ad Scapulam*. Однако даже в своих риторических выходках он довольствуется десятою частью карфагенского населения.

199) Киприан, *Epist.* 79.

200) (К этому неполному списку следует присовокупить имена многих язычников, обращение которых в самые первые дни христианства ослабляет силу обвинения, по-видимому поддерживаемого Гиббоном. В числе их находятся: проконсул Сергей Павел, обращенный в христианство в гор. Пафе (Деян., гл. 13, V, 7 и 12); Дионисий Ареопагит, обращенный вместе с многими другими Павлом в Афинах (Деян., гл. 17, V, 34); несколько человек, состоявших при дворе Нерона (Посл. к Филипп., гл. 4, V, 22); Эраст, сборщик податей в Коринфе (Посл. к Римл., гл. 16, V, 23); несколько азиархов (Деян., гл. 19, V, 31). Что касается философов, то можно назвать Татиана, Афинагора, Феофила Антиохийского, Гегезиппа, Мелитона, Мильтиада, Пантэна, Аммония и др.; все это были люди, отличавшиеся умом и образованием. — Гизо). (И список самого Гизо далеко не полон. Он опустил такие имена, как имена Поликарпа, Ипполита Африканского и Ириней. Он мог бы также назвать двух братьев Феодора и Афинодора, об обращении которых Оригеном, благодаря влиянию платоновской философии, подробно рассказано Иеронимом (*De Vir.* III, гл. 65); первый из них сделался известным под именем Григория Чудотворца и отличался особым равенством, будучи епископом неокесарийским. Очень ошибочно мнение, будто христианство было всего охотнее принято людьми бед-

ными и необразованными. Факты доказывают, что его первыми приверженцами были люди богатые и образованные. Антиохийская церковь после одного года своего существования имела достаточно денежных средств, чтобы быть в состоянии делиться ими с иерусалимскими бедняками; а быстрое увеличение церковных богатств, о котором уже было упомянуто ранее, было бы невозможно, если бы первые последователи христианского учения принадлежали большею частью к разряду людей невежественных и незнатных. Гностики, которые, хотя и были еретики, все-таки были христиане, принадлежали, как все в том соглашаются, большею частью к высшим сословиям. Указанный Гиббоном факт, что многие замечательные люди не покидали язычества, доказывает только, как велика сила случайной или привычной привязанности к мнениям, которые были приняты с ранних лет. — *Издат.*

201) Докт. Ларднер собрал и объяснил в первом и втором томах своего сочинения «О еврейских и христианских свидетельствах» все отзывы Плиния Младшего, Тацита, Галена, Марка Антонина и, может быть, Эпиктета (так как подлежит сомнению, имел ли этот философ в виду христиан). О новой секте вовсе не упоминают ни Сенека, ни Плиний Старший, ни Плутарх.

202) (Императоры Адриан, Антонин и др. с удивлением читали апологии, с которыми обращались к ним Юстин Мученик, Аристид, Мелитон и другие с целью защитить свою веру. (См. Иерон. *ad Mag.* и Орозия, кн. 8, гл. 13, стр. 488). Евсевий положительно говорит, что Аполлоний Мученик в весьма изящной речи защищал дело христиан в присутствии сената. «Cum iudex multis eum precibus obsecrasset petissetque ab illo uti coram senatu rationem fidei suae redderet, elegantissima oratione pro defensione fidei pronuntiata, etc. Vers. lat. Евсевия, кн. V, гл. 21, стр. 154. — *Гизо*). (При тщательном рассмотрении латинского или подлинного греческого текста становится сомнительно, была ли эта речь произнесена перед сенатом или перед судом. Последнее кажется более правдоподобным и помогло бы нам устранить некоторые сомнения и затруднения. Никого не должно удивлять то, что Апологии так мало настаивали на чудесах, как на доказательствах истины христианской веры, так как в то время противники христианства приписывали все подобные дела магии, а уверенность в ее силе была так велика, что Апулей был вынужден защищаться перед судом от обвинения в том, что он прибегнул к этому искусству для того, чтобы приобрести расположение одной богатой вдовы. Все самые древние защитники христианства настаивают на том, что оно осуществило и пророчества и мечты философов. Ту апологию, которую император Адриан получил от Аристида, Иероним называет «contextum philosophorum sententiis». Гиббон ценит христианство слишком низко, а древнюю философию слишком высоко, а потому и не может составить себе верного понятия об их взаимном влиянии и взаимодействии. — *Издат.*)

203) Если бы кто-нибудь сослался, говоря с кем-нибудь из римских философов, на знаменитое предсказание о семидесяти неделях, разве этот философ не возражал бы словами Цицерона: «Quae tandem ista auguratio est, annorum potius quam aut mensium aut dierum?» (*De Divinatione*, II, 30). Заметьте, с каким неуважением Лукиан (*in Alexandro*, гл. 13) и его друг Цельс *ap. Origen*, кн. 7, стр. 327) выражаются о еврейских пророках.

204) Философы, осмеявшие самые древние предсказания сивилл, без труда вывели бы наружу еврейские и христианские подделки, которые цитировались с таким торжеством отцами церкви начиная с Юстина Мученика и кончая Лактанцием. После того как изречения сивилл исполнили свое назначение, они, подобно систе-

ме тысячелетнего царствования, были спокойно отложены в сторону. Христианская сивилла неудачно назначила падение Рима на 195 (948 от основ. Рима) год.

205) Отцы церкви в том боевом порядке, в котором их выстроил Дом-Калмет (Рассуждения о Библии, ч. 3, стр. 295–308), по-видимому, покрывают мраком всю землю, в чем им подражает большинство новейших писателей.

206) Ориген (ad Matt., гл. 27) и немногие из новейших критиков, как-то Беза, Леклерк, Ларднер и др., стараются оградить ее пределами Иудеи.

207) Теперь уже благоразумно отложено в сторону знаменитое место у Флегона. Когда Тертуллиан уверяет язычников, что об этом чуде упомянуто in arcanis (а не archivis) vestris (см. его Аполонию, гл. 21), он, вероятно, намекает на изречения сивилл, которые упоминают о нем словами Евангелия.

208) Сенека, Quæst. Natur., кн. 1, 15; VI, t. VII, 17. Плин., Hist. Natur., кн. 2.

209) (Некоторые ученые богословы утверждают, что в этом месте текст Св. Писания был неправильно истолкован и что возникшее отсюда заблуждение повлекло трудолюбивых комментаторов в такие труды, от которых Ориген старался всеми силами их избавить. Они говорят, что слова skotos egeneto (Матф., гл. 27, V, 45) означают не затмение или необыкновенный и совершенный мрак, а всякое ослабление света, производимое в атмосфере облаками или чем-либо другим. Такое ослабление солнечного света, случающееся очень редко в Палестине, где в половине апреля небо обыкновенно бывает ясно, считалось бы и иудеями и христианами за важное событие, которого они привыкли бояться, считая его за предзнаменование какого-нибудь несчастья (Amos., гл. 8, V. 9–10). Слово часто употребляется современными писателями именно в этом смысле. В Апокалипсисе (гл. 9, V, 2), когда речь идет о мраке, причиненном дымом и пылью, употребляется выражение eskotosē o ēlios (солнце скрылось). В переводе семидесяти толковников еврейское слово orhal соответствует греческому слову skotos и означает всякого рода темноту; евангелисты, натурально, придали ему такой же широкий смысл, так как они сообразовали свои выражения с выражениями семидесяти толковников. Такое помрачение небес обыкновенно предшествует землетрясениям (Св. Матф., гл. 27, V, 51). Языческие писатели представляют нам множество таких случаев, которым придали в то время значение чудесного. (См. Овид., кн. 2, V, 33; кн. 15, V, 785; Плиний, Hist. Nat., кн. 2, гл. 30). Ветштейн собрал все случаи в своем издании Нового Завета, т. 1 стр. 537. Поэтому нет никакого основания удивляться молчанию языческих писателей о таком явлении, которое не распространялось далее Иерусалима и которое могло быть совершенно согласно с законами природы, хотя бы и христиане и иудеи должны были видеть в нем предзнаменование какой-нибудь беды. См. Михаэлиса Примечания к Новому Завету, ч. 1, стр. 290; Павл, Комментарий к Новому Завету, ч. 3 стр. 762. – Гизо). (Взвешивая выражения перевода, мы легко вовлекаемся в заблуждение, если не имеем в руках оригинала. Мы на каждом шагу чувствуем, как был бы нам нужен текст Евангелия Св. Матфея на еврейском языке. – Издат.)

210) Плин., Hist. Natur., 11, 30.

211) Вергилий, Георг., кн. 466. Тибулл кн. 1. Элег. 5, стих 75. Овид. Metamorph., XV, 782. Лукан, Pharsal., 1, 540. Последний из этих поэтов относит это удивительное происшествие к эпохе, предшествовавшей междоусобной войне.

212) См. публичное послание Марка Антония в Antiqu. Иосифа, XIV, 12. Плутарх, in Caesar, стр. 471. Аппиан, Bell. Civil., кн. 4. Дион Кассий, кн. 45, стр. 431. Юлий Обсеквенс, гл. 128. Его маленький трактат есть извлечение из чудесных событий Ливия.

ГЛАВА XVI

**Образ действий римского правительства
по отношению к христианам с царствования
Нерона до царствования Константина**

Если мы серьезно взвесим чистоту христианской религии, святость ее нравственных правил и безупречный и суровый образ жизни большинства тех, кто в первые века нашей эры уверовал в Евангелие, то будет естественно предположить, что даже неверующие должны были относиться с должным уважением к столь благотворному учению, что ученые и образованные люди должны были ценить добродетели новой секты, как бы ни казались им смешны чудеса, и что должностные лица, вместо того, чтобы преследовать, должны были поддерживать такой класс людей, который оказывал законам самое беспрекословное повиновение, хотя и уклонялся от деятельного участия в заботах военных и административных. Если же, с другой стороны, мы припоминаем, как всеобщая религиозная терпимость политеизма неизменно поддерживалась и убеждениями народа, и неверием философов, и политикой римского сената и императоров, нам становится трудно понять, какое новое преступление совершили христиане, какая новая обида могла раздражить кроткое равнодушие древних и какие новые мотивы могли заставить римских монархов, всегда равнодушно относившихся к множеству религиозных форм, спокойно существовавших под их кроткой державой, подвергать строгим наказаниям тех из их поданных, которые приняли форму верований и культа, хотя и странную, но безобидную.

Религиозная политика древнего мира точно будто приняла характер суровости и нетерпимости для того, чтобы воспротивиться распространению христианства. Почти через восемьдесят лет после смерти Христа его невинных последователей казнили смертью по приговору такого проконсула, который отличался самым любезным и философским нравом и в силу законов, установленных таким императором, который отличался мудростью и справедливостью общей системы своего управления. Апологии, которые неоднократно подавались преемникам Траяна, были наполнены самыми трогательными жалобами на то, что христиане, повинующиеся внушениям своей совести и просящие о

даровании им свободы, исповедуют свою религию, единственные из всех подданных Римской империи, которые лишены благодеяния своего мудрого правительства. При этом делались указания на некоторых выдающихся мучеников; но с тех пор как христианство было облечено верховною властью, правители церкви старались выставлять наружу жестокости своих языческих соперников с таким же усердием, с каким они старались подражать их примеру. Мы намерены в настоящей главе выделить (если это возможно) из безобразной массы вымыслов и заблуждений немногие достоверные и интересные факты и изложить с ясностью и последовательностью причины, размер, продолжительность и самые важные подробности гонений, которым подвергались первые христиане ¹⁾.

Приверженцы преследуемой религии, будучи обескуражены страхом, одушевлены жаждой мести и, может быть, воспалены энтузиазмом, редко бывают в таком душевном настроении, при котором можно спокойно исследовать или добросовестно взвешивать мотивы своих врагов, нередко не поддающиеся беспристрастному и проницательному исследованию даже тех, кто огражден расстоянием от преследований. Образ действий императоров по отношению к первым христианам объясняется таким мотивом, который кажется очевидным и правдоподобным тем более потому, что он основан на всеми признанном духе политеизма. Мы уже ранее заметили, что существовавшая в римском мире религиозная гармония поддерживалась главным образом тем, что древние народы относились с безусловным уважением к своим взаимным религиозным преданиям и обрядам. Поэтому следовало ожидать, что они с негодованием соединятся вместе против такой секты или такого народа, которые выделятся из общества со всем человечеством и, заявляя притязание на исключительное обладание божественным знанием, будут с презрением смотреть как на нечестивую и идолопоклонническую на всякую форму богослужения, кроме их собственной. Права, основанные на веротерпимости, опирались на взаимную уступчивость, и понятно, что их лишился тот, кто отказывался от уплаты установленной обычаями дани. Так как иудеи, и только они одни, упорно отказывались от уплаты этой дани, то мы рассмотрим, как обходилось с ними римское правительство: это поможет нам уяснить, насколько поведение этого правительства оправдывалось фактами, и поможет нам раскрыть настоящие причины преследования христиан.

Не находя нужным повторять то, что мы уже ранее говорили об уважении римских монархов и губернаторов к Иерусалимскому храму, мы ограничимся замечанием, что и при разрушении этого храма и самого города, и вслед за ним происходили такие факты, которые должны были вывести из терпения завоевателей и которые оправдывали религиозное преследование самыми основательными ссылками на требования политики, справедливости и общественной безопасности. Со времен Нерона и до времен Антонина Пия иудеи выносили владычество римлян с пылким нетерпением, которое много раз раздражалось самыми неистовыми убийствами и восстаниями. Чувство человеколюбия возмущается при чтении рассказов об отвратительных жестокостях, совершенных ими в городах Египта, Кипра и Кирены, где они, под видом дружбы, коварным образом употребили во зло доверие туземных жителей²⁾, и мы склонны одобрять римские легионы, жестоко отомстившие расе фанатиков, которая вследствие своих свирепых и легкомысленных предрассудков, по-видимому, сделалась непримиримым врагом не только римского правительства, но и всего человеческого рода³⁾. Энтузиазм иудеев был основан на убеждении, что закон не позволяет им уплачивать налоги идолопоклонническому повелителю, и на лестном обещании, данном их старинными оракулами, что скоро появится победоносный Мессия, которому предназначено разорвать их цепи и доставить этим избранникам небес владычество. Если знаменитый Бар-Кохба мог собрать значительную армию, в течение двух лет устоявшую против могущества императора Адриана, это удалось ему потому, что он выдавал себя за давно ожидаемого освободителя и призвал всех потомков Авраама к осуществлению надежд Израиля⁴⁾.

Несмотря на неоднократные мятежи, гнев римских монархов стихал после победы, а их опасения прекращались вместе с войной и опасностью. Благодаря свойственной политеизму снисходительности и благодаря мягкому характеру Антонина Пия иудеи снова получили свои старинные привилегии и им снова было дозволено совершать над их детьми обряд обрезания лишь с тем легким ограничением, что они не должны накладывать этого отличительного признака еврейской расы на тех иностранцев, которые обратятся в их веру⁵⁾. Хотя многочисленные остатки этого народа все еще не допускались внутрь Иерусалима, однако им было дозволено заводить и поддерживать значительные поселения и

в Италии, и в провинциях; им было дозволено приобретать право римского гражданства, пользоваться муниципальными отличиями и вместе с тем освобождаться от обременительных и сопряженных с большими расходами общественных должностей. Умеренность или презрение римлян придало легальную санкцию той форме церковного управления, которая была установлена побежденной сектой. Патриарх, избравший своим местопребыванием Тивериаду, получил право назначать подчиненных ему церковных служителей и апостолов, пользоваться домашней юрисдикцией и собирать с своих рассеянных повсюду единоверцев ежегодную дань ⁶⁾. В главных городах империи нередко воздвигались новые синагоги, а субботний день, посты и праздники, или предписанные законом Моисея, или установленные преданиями раввинов, соблюдались и праздновались самым торжественным и публичным образом ⁷⁾. Это кроткое обхождение малопомалу смягчило суровый характер иудеев. Они отказались от своих мечтаний об осуществлении пророчеств и о завоеваниях и стали себя вести как мирные и трудолюбивые подданные. Их непримиримая ненависть к человеческому роду, вместо того чтобы разгораться до убийств и насилий, испарилась в менее опасном способе самоудовлетворения. Они стали пользоваться всяким удобным случаем, чтоб обманывать язычников в торговле, и стали втайне произносить двусмысленные проклятия против надменного Эдомского царства ⁸⁾.

Так как иудей, с отвращением отвергавший богов, которым поклонялись и их государи и все другие подданные Римской империи, тем не менее могли свободно исповедовать свою необщительную религию, то следует полагать, что была какая-нибудь другая причина, по которой последователей Христа подвергали таким строгостям, от которых были освобождены потомки Авраама. Различие между ними не сложно и очевидно, но, по господствовавшим в древности взглядам, оно было в высшей степени важно. Иудей были *нация*, а христиане были *секта*, и если считалось естественным, что каждое общество уважает религиозные установления своих соседей, то на нем лежала обязанность сохранять религиозные установления своих предков. И голос оракулов, и правила философов, и авторитет законов единогогласно требовали исполнения этой национальной обязанности. Своими высокомерными притязаниями на высшую святость иудей могли заставить политеистов считать их за

отвратительную и нечестивую расу; своим нежеланием смешиваться с другими народами они могли внушить политеистам презрение. Законы Моисеевы могли быть большею частью пустыми или нелепыми, но так как они были исполняемы в течение многих веков многочисленным обществом, то их приверженцы находили для себя оправдание в примере всего человеческого рода, и все соглашались в том, что они имели право держаться такого культа, отказаться от которого было бы с их стороны преступлением. Но этот принцип, служивший охраной для иудейской синагоги, не доставлял для первобытной христианской церкви никаких выгод и никакого обеспечения. Принимая веру в Евангелие, христиане навлекали на себя обвинение в противоестественном и непростительном преступном деянии. Они разрывали священные узы обычая и воспитания, нарушали религиозные постановления своего отечества и самонадеянно презирали то, что их отцы считали за истину и чтили как святыню. И это вероотступничество (если нам будет дозволено так выразиться) не имело частного или местного характера, так как благочестивый дезертир, покинувший храмы египетские или сирийские, одинаково отказался бы с презрением от убежища в храмах афинских или карфагенских. Каждый христианин с презрением отвергал суеверия своего семейства, своего города и своей провинции. Все христиане без исключения отказывались от всякого общения с богами Рима, империи и человеческого рода. Угнетаемый верующий тщетно заявлял о своем неотъемлемом праве располагать своей совестью и своими личными мнениями. Хотя его положение и могло возбуждать сострадание философов или идолопоклонников, его аргументы никак не могли проникнуть до их разума. Эти последние не понимали, чтоб в ком-либо могло зародиться сомнение насчет обязанности сообразоваться с установленным способом богослужения, и находили это так же удивительным, как если бы кто-нибудь внезапно почувствовал отвращение к нравам, одежде или языку своей родины ⁹⁾.

Удивление язычников скоро уступило место негодованию, и самые благочестивые люди подверглись несправедливому, но вместе с тем опасному обвинению в нечестии. Злоба и предрассудок стали выдавать христиан за общество атеистов, которые за свои дерзкие нападки на религиозные учреждения империи должны быть подвергнуты всей строгости законов. Они отстранились (в чем с гордостью сами сознавались) от всякого вида суеверий, введенного в каком бы то ни было

утолке земного шара изобретательным гением политеизма, но ни для кого не было ясно, каким божеством или какой формой богослужения заменили они богов и храмы древности. Их чистое и возвышенное понятие о Высшем Существо было недоступно грубым умам языческих народов, неспособных усвоить себе понятие о таком духовном и едином Боже-стве, которое не изображалось ни в какой телесной форме или видимом символе и которому не поклонялись с обычной помпой возлияний и пиршеств, алтарей и жертвоприношений¹⁰⁾. Греческие и римские мудрецы, возвысившиеся своим умом до созерцания существования и атрибутов Первопричины, повиновались или голосу рассудка, или голосу тщеславия, когда приберегали привилегию такого философского благочестия лишь для самих себя и для своих избранных учеников¹¹⁾. Они были далеки от того, чтоб принимать пред-рассудки человеческого рода за мерило истины, но полагали, что они истекают из коренных свойств человеческой природы, и думали, что всякая народная форма верований и куль-та, отвергающая содействие чувств, будет делаться неспособной сдерживать бредни фантазии и увлечения фана-тизма по мере того, как она будет отдаляться от суеверий. Когда люди умные и ученые снисходили до того, что оста-навливали свое внимание на христианском откровении, они еще более укреплялись в своем опрометчивом убеждении, что способный внушить им уважение принцип единства Бо-жия был обезображен сумасбродным энтузиазмом новых сектантов и уничтожен их химерическими теориями. Когда автор знаменитого диалога, приписываемого Лукиану, гово-рит с насмешкой и презрением о таинственном догмате Тро-ицы, он этим лишь обнаруживает свое собственное непонимание слабости человеческого разума и непроницае-мого свойства божеских совершенств¹²⁾.

Менее удивительным могло казаться то, что последователи христианства не только чтили основателя своей религии как мудреца и пророка, но и поклонялись ему как Богу. Полите-исты были готовы принять всякое верование, по-видимому представлявшее некоторое сходство с народной мифологией, хотя бы это сходство и было отдаленно и неполно, а легенды о Бахусе, Геркулесе и Эскулапе в некоторой степени подго-товили их воображение к появлению Сына Божия в челове-ческой форме¹³⁾. Но их удивляло то, что христиане покинули храмы тех древних героев, которые, в младенче-скую пору мира, изобрели искусства, ввели законы и одоле-

ли опустошавших землю тиранов или чудовищ, для того, чтоб избрать исключительным предметом своего религиозного поклонения незнатного проповедника, который, в неотдаленные времена и среди варварского народа, пал жертвою или злобы своих собственных соотечественников, или подозрительности римского правительства. Идолопоклонники, ценившие лишь мирские блага, отвергали неоценимый дар жизни и бессмертия, который был предложен человеческому роду Иисусом из Назарета. Его кроткая твердость среди жестоких и добровольных страданий, его всеобъемлющее милосердие и возвышенная простота его действий и характера были в глазах этих чувственных людей неудовлетворительным вознаграждением за недостаток славы, могущества и успеха; а в то время, как они не хотели признавать его изумительного торжества над силами мрака и могилы, они вместе с тем выставляли в ложном свете или с насмешкой двусмысленное рождение, странническую жизнь и позорную смерть Основателя христианства ¹⁴⁾.

Ставя свои личные мнения выше национальной религии, каждый христианин совершал преступление, которое увеличивалось в очень значительной мере благодаря многочисленности и единодушию виновных. Всем хорошо известно, и нами уже было замечено, что римская политика относилась с крайней подозрительностью и недоверием ко всякой ассоциации, образовавшейся в среде римских подданных, и что она неохотно выдавала привилегии частным корпорациям, как бы ни были невинны или благотворны их цели ¹⁵⁾. Религиозные собрания христиан, отстранившихся от общественного культа, казались еще менее невинными: они были по своему принципу противозаконны, а по своим последствиям могли сделаться опасными; с своей стороны, императоры не признавали, что они нарушают правила справедливости, запрещая, ради общественного спокойствия, такие тайные и нередко происходившие по ночам сборища ¹⁶⁾. Вследствие благочестивого неповиновения христиан их поступки или, может быть, даже их намерения представлялись в еще более серьезном и преступном свете, а римские монархи, которые, может быть, смягчили бы свой гнев ввиду готовности повиноваться, считали, что их честь задета неисполнением их предписаний, и потому нередко старались путем строгих наказаний укротить дух независимости, смело заявлявший, что над светскою властью есть иная, высшая власть. Размеры и продолжительность этого духовного заговора, по-видимому, с

каждым днем делали его все более и более достойным монаршего негодования. Мы уже ранее заметили, что благодаря деятельному и успешному рвению христиане мало-помалу распространились по всем провинциям и почти по всем городам империи. Новообращенные, по-видимому, отказывались от своей семьи и от своего отечества для того, чтоб связать себя неразрывными узами со странным обществом, повсюду принимавшим такой характер, который отличал его от всего остального человеческого рода. Их мрачная и суровая внешность, их отвращение от обычных занятий и удовольствий и их частые предсказания предстоящих бедствий¹⁷⁾ заставляли язычников опасаться какой-нибудь беды от новой секты, которая казалось тем более страшной, чем более была непонятной. Каковы бы ни были правила их поведения, говорит Плиний, их непреклонное упорство, как кажется, заслуживает наказания¹⁸⁾.

Предосторожности, с которыми последователи Христа исполняли свои религиозные обязанности, были первоначально внушены страхом и необходимостью, но впоследствии употреблялись добровольно. Подражая страшной таинственности Элевсинских мистерий, христиане льстили себе надеждой, что их священные постановления приобретут в глазах язычников более права на их уважение¹⁹⁾. Но - как это часто случается с тонкими политическими расчетами - результат не оправдал их желаний и надежд. Возникло убеждение, что они лишь стараются скрыть то, в чем они не могли бы сознаться, не краснея. Их ложно истолкованная осторожность дала злобе повод выдумывать отвратительные сказки, которые принимались подозрительностью и легковерием за истину и которые изображали христиан самыми порочными членами человеческого рода, совершающими в своих мрачных пристанищах всякие гнусности, какие только может придумать развратное воображение, и испрашивающими милостей у своего неизвестного Бога путем принесения в жертву всех нравственных добродетелей. Многие даже утверждали, будто они в состоянии описать религиозные обряды этого отвратительного общества. Новорожденного ребенка, совершенно покрытого мукой, говорили они, подставляли, в качестве мистического символа посвящения, под нож новообращенного, который по невежеству наносил несколько тайных и смертельных ран невинной жертве своего заблуждения; лишь только было совершено это преступление, сектанты пили кровь, с жадностью отрывали

трепещущие члены и, будучи связаны между собою сознанием общей виновности, взаимно обязывались вечно хранить все случившееся в тайне. С одинаковой уверенностью рассказывали, что за этим бесчеловечным жертвоприношением следовало такое же отвратительное развлечение, в котором страсти служили поводом к удовлетворению скотской похоти, что в назначенный момент огни внезапно потухали, чувство стыда изгонялось, законы природы позабывались и мрак ночи осквернялся кровосмесительной связью сестер с братьями, сыновей с матерями ²⁰⁾.

Но чтения древних апологий было бы вполне достаточно для того, чтоб в уме беспристрастного противника не осталось даже самых слабых подозрений. Чтоб опровергнуть распускаемые молвою слухи, христиане с неустрашимой самонадеянностью невинности обращались к чувству справедливости должностных лиц. Они сознавали, что, если бы были представлены какие-либо доказательства взводимых на них клеветой преступлений, они заслуживали бы самого строгого наказания. Они накликали на себя наказание и требовали улик. В то же время они весьма основательно и уместно настаивали на том, что обвинения столько же неправдоподобны, сколько они бездоказательны; неужели, спрашивали они, кто-нибудь может серьезно верить тому, что чистые и святые правила Евангелия, столь часто сдерживавшие влечение к самым невинным наслаждениям, могут вовлекать в самые отвратительные преступления, что обширное общество решится бесчестить себя в глазах своих собственных членов и что огромное число людей обоего пола, всякого возраста и общественного положения, сделавшись недоступными страху смерти или позора, дозволят себе нарушать те самые принципы, которые всего глубже запечатлелись в их умах от природы и от воспитания!^[21] Ничто, казалось бы, не могло ослабить силу или уничтожить убедительность такого неопровержимого оправдания, если бы сами апологисты не были до такой степени неблагоприятны, что изменяли общему делу религии для удовлетворения своей благочестивой ненависти к внутренним врагам церкви. Они то слегка намекали, то смело утверждали, что те кровавые жертвоприношения и кровосмесительные празднества, которые неосновательно приписывались православным верующим, действительно совершались у маркионитов, карпократов и некоторых других гностических сект; а все эти еретики, хотя и совратились в ересь, все-таки находились

под влиянием христианских идей и руководствовались христианскими принципами ²²⁾. Отклонившиеся от церковного единения отщепенцы взводили такого же рода обвинения на церковь ²³⁾, и потому со всех сторон слышались признания, что самая позорная распущенность нравов господствовала среди большого числа тех, кто выдавал себя за христиан. Языческий сановник, не имевший ни достаточно свободного времени, ни достаточно прозорливости, для того чтобы уловить почти незаметную для глаз черту, отделявшую православную веру от еретического искажения, легко мог вообразить, что взаимная неприязнь христиан заставляла их сознаваться в их общем преступлении. К счастью для спокойствия первых христиан или, по меньшей мере, для их репутации, должностные лица иногда обнаруживали в своем поведении более благоразумия и сдержанности, чем сколько по обыкновению совмещается с религиозным рвением, и что беспристрастным выводом из их судебных расследований было то, что отказавшиеся от установленного культа сектанты кажутся им искренними в своих верованиях и безупречными в своих нравах, хотя бы они и навлекали на себя всю строгость законов своим нелепым и чрезмерным суеверием ²⁴⁾.

История, задача которой заключается в том, чтобы собрать сведения о деяниях прошлого для назидания будущих веков, оказалась бы недостойной такой почтенной роли, если бы она снизошла до того, что стала бы вступаться за тиранов или оправдывать принципы гонения. Впрочем, следует признать, что поведение тех императоров, которые, по-видимому, были менее всех других благосклонны к первобытной церкви, никоим образом не было столь преступно, как поведение тех новейших монархов, которые употребляли орудия насилия и страха против религиозных мнений какой-либо части своих подданных. Какой-нибудь Карл V или Людовик XIV мог бы почерпнуть из своего ума или даже из своего собственного сердца правильное понятие о правах совести, об обязанностях веры и о невинности заблуждения. Но монархам и сановникам Древнего Рима были чужды те принципы, которыми вдохновлялось и оправдывалось непреклонное упорство христиан в деле истины, а в своей собственной душе они не могли бы отыскать никакого мотива, который мог бы заставить их отказаться от легального и, так сказать, естественного подчинения священным установлениям их родины. Та же самая причина, которая ослабляет тяжесть их виновности, неизбежно ослабляла и жестокость их гонений.

Так как они действовали под влиянием не бешеного усердия ханжей, а умеренной политики, приличной законодателям, то понятно, что их презрение нередко ослабляло, а их честолюбие очень часто приостанавливало исполнение тех законов, которые они издавали против смиренных и незнатных последователей Христа. Принимая в соображение характер и мотивы римских правителей, мы естественно приходим к следующим выводам: I. Что прошло довольно много времени, прежде нежели они пришли к убеждению, что новые сектанты заслуживают внимания правительства. II. Что они действовали осторожно и неохотно, когда дело шло о наказании кого-либо из римских подданных, обвинявшихся в столь странном преступлении. III. Что они были сдержанны в применении наказаний и IV. Что угнетаемая церковь наслаждалась несколькими промежутками мира и спокойствия. Несмотря на то, что самые плодovitые и вдававшиеся в самые мелочные подробности языческие писатели относились с самым беспечным невниманием ко всему, что касалось христиан²⁵⁾, мы все-таки в состоянии подтвердить каждое из этих правдоподобных предположений ссылками на достоверные факты.

I. Благодаря мудрой предусмотрительности Провидения, прежде чем успела созреть вера христиан и прежде чем они успели размножиться, детство церкви было прикрыто таинственным покровом, не только охранявшим ее от злобы язычников, но и совершенно скрывавшим ее от их глаз. Так как установленные Моисеем религиозные обряды выходили из употребления медленно и постепенно, то, пока они еще существовали, в них самые ранние приверженцы Евангелия находили для себя безопасное и невинное прикрытие. А так как эти приверженцы принадлежали большею частью к потомству Авраама, то они носили отличительный знак обрезания, возносили свои молитвы в Иерусалимском храме до его окончательного разрушения и считали законы Моисея и писания пророков за подлинное вдохновение Божества. Новобращенные язычники, приобщившиеся путем духовного усыновления к надеждам Израиля, также смешивались с иудеями, на которых походили и одеждой, и внешним видом²⁶⁾, а так как политеисты обращали внимание не столько на статьи веры, сколько на внешнюю сторону культа, то новая секта, тщательно скрывавшая или лишь слегка заявлявшая свои надежды на будущее величие и свое честолюбие, могла пользоваться общей веротерпимостью, которая была дарова-

на древнему и знаменитому народу, входившему в число подданных Римской империи. Одушевленные более пылким религиозным рвением и более заботливые насчет чистоты своей веры иудеи, может быть, скоро приметили, что их назаретские единоверцы постепенно отклоняются от учения синагоги, и, может быть, были бы готовы потопить опасную ересь в крови ее приверженцев. Но воля небес уже обезоружила их злобу, и, хотя они еще не были лишены возможности заявлять по временам протест путем восстаний, они были лишены заведования уголовной юстицией, а вдохнуть в душу хладнокровных римских судей такое же чувство ненависти, какое питали в них самих религиозное рвение и суеврие, было бы делом вовсе не легким.

Губернаторы провинций заявили о своей готовности выслушивать обвинения в таких преступлениях, которые могли угрожать общественной безопасности, но лишь только они узнавали, что дело идет не о фактах, а о словах, что им предлагают разрешить спор касательно смысла иудейских законов и пророчеств, они находили унижительным для римского величия серьезное обсуждение ничтожных разногласий, возникавших в среде варварского и суеверного народа. Невинность первых христиан охранялась невежеством и презрением, и трибунал языческого судьи нередко служил для них самым безопасным убежищем от ярости синагоги ²⁷⁾. Если бы мы приняли на веру предания не в меру легковой древности, мы были бы в состоянии описать далекие странствия, удивительные подвиги и различные виды смерти двенадцати апостолов; но более тщательное исследование заставит нас усомниться, действительно ли хоть один из тех людей, которые были очевидцами чудес Христа, мог, вне пределов Палестины, запечатлеть своею кровью истину своего свидетельства ²⁸⁾. Если мы примем в соображение обыкновенную продолжительность человеческой жизни, мы естественно должны будем предположить, что их большею частью уже не было в живых в то время, как неудовольствие иудеев разразилось жестокой войной, окончившейся лишь разрушением Иерусалима. В течение длинного периода времени от смерти Христа до этого достопамятного возмущения мы не находим никаких следов римской религиозной нетерпимости, за исключением внезапного, непродолжительного, хотя и жестокого преследования, которому Нерон подверг живших в столице через тридцать пять лет после первого из этих великих событий и только за два года до второго. Уже

одного имени историка-философа, которому мы обязаны сведениями об этом странном происшествии, достаточно для того, чтобы заставить нас остановиться на этом предмете все наше внимание²⁹⁾.

На десятом году царствования Нерона столица империи пострадала от пожара, свирепствовавшего с такой яростью, какой никто не мог запомнить и какому не было примера в прежние времена³⁰⁾. Памятники греческого искусства и римских добродетелей, трофеи пунических и галльских войн, самые священные храмы и самые роскошные дворцы - все сделалось жертвой общего разрушения. Из четырнадцати округов или кварталов, на которые был разделен Рим, только четыре остались совершенно невредимы, три были уничтожены до основания, а остальные семь представляли после пожара печальную картину разорения и опустошения. Бдительность правительства, как кажется, не пренебрегла никакими мерами, чтобы смягчить последствия столь страшного общественного бедствия. Императорские сады были открыты для огромной массы пострадавших, временные здания воздвигнуты для доставления ей убежища, и громадные запасы хлеба и провизий раздавались ей за очень умеренную цену³¹⁾. По-видимому, самая великодушная политика диктовала те эдикты, которые регулировали новое расположение улиц и постройку частных домов, и - как это обыкновенно случается в века материального благосостояния - из пепла старого Рима возник в течение пяти лет новый город, более правильно построенный и более красивый. Но как ни старался Нерон выказать по этому случаю свое благоразумие и человеколюбие, он этим не мог оградить себя от возникших в народе подозрений. Не было такого преступления, в котором нельзя бы было заподозрить того, кто убил свою жену и свою мать, а такой монарх, который унижал на театральных подмостках и свою личность, и свое звание, считался способным на самые безумные сумасбродства. Голос народной молвы обвинял императора в поджоге его собственной столицы, а так как доведенный до отчаяния народ всего охотнее верит самым неправдоподобным слухам, то иные серьезно рассказывали, а иные твердо верили, что Нерон наслаждался созданным им общественным бедствием, воспевая под аккомпанемент своей лиры разрушение древней Трои³²⁾. Чтоб отклонить от себя подозрение, которое не способна заглушить никакая деспотическая власть, император решился

сложить свою собственную вину на каких-нибудь вымышленных преступников.

«В этих видах, - продолжает Тацит, - он подвергнул самым изысканным истязаниям тех людей, которые уже были заклеимены заслуженным позором под общим наименованием христиан. Они производили свое имя и вели свое начало от Христа, который, в царствование Тиберия, был подвергнут смертной казни по приговору прокуратора Понтия Пилата³³⁾. Это пагубное суеверие было на некоторое время подавлено, но потом снова появилось³⁴⁾ и не только распространилось по Иудее, которая была местом рождения этой вредной секты, но даже проникло в Рим, в это общее убежище, принимающее и охраняющее все, что есть нечистого, все, что есть отвратительного. Признания тех из них, которые были задержаны, указали на множество их сообщников, и все они были уличены не столько в поджоге города, сколько в ненависти к человеческому роду³⁵⁾. Они умирали от истязаний, а их истязания становились еще более мучительными от примеси оскорблений и насмешек. Одни из них были пригвождены ко кресту, другие были зашиты в кожи диких зверей и в этом виде растерзаны собаками, третьи были намазаны горючими веществами и служили факелами для освещения ночного мрака.

Сады Нерона были назначены для этого печального зрелища, сопровождавшегося конскими скачками и удостоенного присутствием самого императора, который мешался с народной толпой, одевшись в кучерское платье и управляя колесницами. Преступление христиан действительно заслужило примерного наказания, но всеобщее к ним отвращение перешло в сострадание, благодаря убеждению, что эти несчастные создания приносились в жертву не столько общественному благу, сколько жестокосердию подозрительного тирана³⁶⁾. Кто с интересом следит за переворотами, совершающимися в человеческом роде, тот, может быть, остановит свое внимание на том факте, что запятнанные кровью первых христиан сады и цирк Нерона на Ватикане сделались еще более знаменитыми вследствие торжества преследуемой религии и вследствие ее злоупотреблений своими победами. Храм, далеко превосходящий древнее величие Капитолия, был впоследствии воздвигнут на этом месте³⁷⁾ христианами первосвященниками, которые, основывая свои притязания на всемирное владычество на том, что им было завещано смиренным галилейским рыбаком, успели возве-

сти на трон цезарей, дали законы варварским завоевателям Рима и распространили свою духовную юрисдикцию от берегов Балтийского моря до берегов Тихого океана.

Но прежде, нежели покончить с этим рассказом о гонениях со стороны Нерона, мы считаем нужным сделать несколько замечаний, которые помогут нам устранить затруднения, возникающие в нашем уме при чтении этого рассказа и которые бросают некоторый свет на последующую историю церкви.

1. Самая недоверчивая критика вынуждена признать достоверность этого необыкновенного происшествия и неподдельность знаменитых слов Тацита. Первая подтверждается усидчивым и аккуратным Светонием, упоминающим о наказании, которому Нерон подвергнул христиан, - эту секту людей, усвоивших новое и преступное суеверие³⁸). А вторая доказывается согласием слов Тацита с самыми древними рукописями, неподражаемым характером стиля этого писателя, его репутацией, предохранившей текст его сочинений от искажений в интересах благочестия, и, наконец, самим содержанием его повествования, обвиняющего первых христиан в самых ужасных преступлениях, но не делающего намеков на то, чтобы обладание какой-либо чудотворной или даже магической силой ставило их выше остального человеческого рода³⁹). 2. Однако Тацит, как кажется вероятным, родился за несколько лет до римского пожара⁴⁰) и только из чтений и разговоров мог узнать о событии, случившемся во время его детства. Прежде, нежели выступить перед публикой, он спокойно дожидался, чтобы его ум достиг своей полной зрелости, и ему было более сорока лет, когда признательность и уважение к памяти добродетельного Агриколы побудили его написать самое раннее из тех исторических сочинений, которые будут служить наслаждением и назиданием для самого отдаленного потомства. После того как он испробовал свои силы на биографии Агриколы и на описании Германии, он задумал и в конце концов привел в исполнение план более трудного произведения - а именно написал в тридцати книгах историю Рима с падения Нерона до вступления на престол Нервы.

С царствования этого императора начинался век справедливости и общественного благосостояния, из которого Тацит предполагал сделать предмет занятий для своей старости⁴¹); но когда он ближе познакомился с этим предметом, он, как кажется, нашел, что более прилично и менее опасно описывать пороки умерших тиранов, нежели воспевать добродете-

ли царствующего монарха, и потому остановился на изложении, в форме летописей, деяний четырех непосредственных преемников Августа. Собрать, расположить и описать события восьмидесятилетнего периода времени в бессмертном произведении, в котором каждая фраза полна самой глубокой наблюдательности и самой живой картинности, - такого предприятия было достаточно, чтобы занять ум даже такого человека, как Тацит, в течение большей части его жизни. В последние годы царствования Траяна, в то время как этот победоносный монарх распространяет владычество Рима вне его старинных пределов, историк занимался описанием тирании Тиберия во второй и четвертой книгах своих *Летописей*⁴²⁾; а император Траян взшел на престол, вероятно, прежде, нежели Тацит дошел в своем изложении до пожара столицы и до описания жестокого обращения Нерона с несчастными христианами. Будучи отделен от описываемых событий шестидесятилетним промежутком времени, летописец был вынужден повторять рассказы современников, но в качестве философа он, натурально, занялся описанием происхождения, распространения и характера новой секты, руководствуясь при этом сведениями или предубеждениями не столько времен Нерона, сколько времен Адриана. 3. Тацит очень часто предоставляет любознательности или догадливости своих читателей восполнять те промежуточные подробности или размышления, которые он, при чрезвычайной сжатости своего изложения, счел уместным опустить. Поэтому нам позволительно предположить существование какой-нибудь правдоподобной причины, побудившей Нерона обращаться так жестоко с римскими христианами, ничтожество и невинность которых должны были бы служить охраной от его гнева и даже от его внимания⁴³⁾. Иудеи, которых было очень много в Риме и которые подвергались угнетениям на своей родине, по-видимому, гораздо легче могли бы навлечь на себя подозрения императора и народа, и никому не показалось бы неправдоподобным, что побежденная нация, уже заявившая о своем отвращении к римскому игу, прибегает к самым ужасным средствам для удовлетворения своей непримиримой ненависти. Но у иудеев были могущественные заступники во дворце и даже в сердце тирана - его жена и повелительница прекрасная Пoppея и любимый актер из рода Авраама, уже обратившийся к нему с ходатайством за этот ненавистный народ⁴⁴⁾. Вместо них необходимо было найти какие-нибудь другие жертвы, и вовсе не трудно было

навести императора на ту мысль, что хотя настоящие последователи Моисея и не были виновны в поджоге Рима, но в их среде возникла новая и вредная секта *галилеян*, способная на самые ужасные преступления. Под именем *галилеян* смешивали два разряда людей, совершенно противоположных одни другим и по своим нравам и по своим принципам, - а именно учеников, принявших веру Иисуса Назаретского⁴⁵⁾, фанатиков, ставших под знамя Иуды Гавлонита⁴⁶⁾. Первые были друзьями человеческого рода, вторые были его врагами, а единственное между ними сходство заключалось в одинаковой непреклонной твердости, благодаря которой они в защите своего дела обнаружили совершенное равнодушие к смерти и к пыткам.

Последователи Иуды, вовлекшие своих соотечественников в бунт, скоро были погребены под развалинами Иерусалима, тогда как последователи Иисуса, сделавшиеся известными под более знаменитым названием христиан, распространились по всей Римской империи. Разве не должно казаться весьма естественным, что во времена Адриана Тацит отнес к христианам преступление и наказание, которые он мог бы, с гораздо большим основанием, отнести к той секте, ненавистное воспоминание о которой уже почти совершенно изгладилось?⁴⁷⁾ 4. Что бы ни думали об этой догадке (ведь это не более как догадка), для всякого очевидно, что как последствия, так и причина гонений Нерона ограничивались внутренностью Рима⁴⁸⁾; что религиозные догматы галилеян или христиан никогда не служили поводом ни для наказаний, ни даже для судебного следствия, и что так как воспоминание об их страданиях долгое время соединялось с воспоминанием о жестокостях и несправедливостях, то умеренность следующих императоров заставила их щадить секту, вынесшую угнетения от такого тирана, ярость которого обыкновенно обрушивалась на добродетель и невинность.

Достоинно внимания то, что пламя войны уничтожило почти в одно и то же время и храм в Иерусалиме, и Капитолий в Риме⁴⁹⁾; не менее странно и то, что налоги, назначенные благочестием на первое из этих зданий, были обращены победителем на восстановление и украшение второго⁵⁰⁾. Императоры обложили иудеев поголовным налогом, и хотя на долю каждого приходилось уплачивать весьма незначительную сумму, этот налог считался иудеями невыносимым бременем как по причине того употребления, на которое он назначался, так и по причине строгости, с которой он взы-

скивался⁵¹⁾. 5. Так как сборщики податей распространяли свои несправедливые требования на многих людей, которые не были ни одной крови, ни одной религии с Иудеями, то и христиане, столь часто укрывавшиеся под тенью синагоги, не могли избежать таких корыстных преследований. Они тщательно избегали всего, что хотя слегка отзывалось идолопоклонством, а потому их совесть воспрещала им содействовать возвеличению того демона, которого боготворили под именем Юпитера Капитолийского. Так как в среде христиан была многочисленная, хотя и постоянно ослабевавшая, партия, которая все еще держалась Моисеевых законов, то она всячески старалась скрыть свое иудейское происхождение; но ее уличали неоспоримым свидетельством обрезания⁵²⁾, а в отличительные особенности ее религиозных верований римские судьи не имели времени вникать.

Между христианами, которые были приведены перед трибунал императора или - как кажется более правдоподобным - перед трибунал прокуратора Иудеи, было, как рассказывают, два человека, отличавшихся происхождением, которое поистине было более знатно, чем происхождение могущественнейших монархов. Это были внуки апостола св. Иуды, который сам был брат Иисуса Христа⁵³⁾. Их естественные права на престол Давида, быть может, могли бы расположить в их пользу народ и возбудить опасения в губернаторе, но их мизерная внешность и наивность их ответов скоро убедили этого последнего, что они и не намерены и неспособны нарушать спокойствие Римской империи. Они откровенно признали свое царственное происхождение и свое близкое родство с Мессией, но они отказывались от всяких мирских целей и утверждали, что то царство, которого они с благочестием ожидают, чисто духовного и ангельского характера. Когда их стали расспрашивать об их состоянии и занятиях, они показали свои руки, огрубевшие от ежедневной работы, и объявили, что увлекают все свои средства существования из обрабатывания фермы, которая находится близ деревни Кокаба, включает в себе около двадцати четырех английских акров⁵⁴⁾ и стоит девять сот драхм (или 300 ф. стер.) Внуков св. Иуды освободили от суда с состраданием и с презрением⁵⁵⁾.

Но если ничтожество потомков Давида могло служить для них охраной от подозрительности тирана, зато величие собственного семейства внушало малодушному Домициану опасения, которые он мог заглушать лишь пролитием крови тех

римлян, которых он или боялся, или ненавидел, или уважал. Из двух сыновей его дяди Флавия Сабина⁵⁶⁾ старший был уличен в изменнических замыслах, а младший, носивший имя Флавия Климента, был обязан своим спасением недостатку мужества и дарований⁵⁷⁾. Император в течении долгого времени отличал столь безвредного родственника своими милостями и покровительством, дал ему в супружество свою племянницу Домициллу, обещал назначить своими преемниками родившихся от этого брака детей и облек их отца консульским достоинством. Но лишь только этот последний успел окончить срок своей годовой должности, его предали суду по какому-то ничтожному поводу и казнили смертью; Домицилла была отправлена в изгнание на пустынный остров близ берегов Кампании⁵⁸⁾, и множество лиц, замешанных в то же обвинение, или были приговорены к смертной казни, или лишились своих имений. Их обвинили в *атеизме* и в *иудейских нравах*⁵⁹⁾ - то есть в таком странном сочетании идей, которое всего естественнее можно бы было приписать христианам, так как и должностные лица, и писатели того времени имели о них весьма неясные и неполные сведения. Христианская церковь, слишком охотно принявшая подозрительность тирана за доказательство столь почтенного преступления, поместила - на основании приведенного правдоподобного предположения - и Климента, и Домициллу в число первых своих мучеников и заклеила жестокосердие Домициана названием второго гонения. Но это гонение (если оно действительно заслуживает такого названия) было непродолжительно. Через несколько месяцев после казни Климента и изгнания Домициллы император был убит в своем дворце одним из вольноотпущенных Домициллы Стефеном, который пользовался милостивым расположением своей госпожи, но, конечно, не принял ее веры⁶⁰⁾. Память Домициана была осуждена сенатом, его указы были отменены, изгнанники были возвращены из ссылки, а при мягком правлении Нервы невинно пострадавшим возвратили их общественное положение и состояние и даже действительно виновные или получили помилование, или избавились от наказаний⁶¹⁾.

II. Почти через десять лет после того - в царствование Траяна - Плиний Младший был возведен своим другом и почителем в звание правителя Вифинии и Понта. Он скоро пришел в недоумение насчет того, какими правилами справедливости или какими законами должен он руководство-

ваться при исполнении обязанностей, совершенно несовместимых с его человеколюбием. Плиний ни разу не присутствовал при судебном разбирательстве обвинений против христиан и даже, как кажется, никогда не слышал их имени; он не имел никакого понятия ни о характере их виновности, ни о системе их учения, ни о степени заслуженного ими наказания. В этом затруднительном положении он прибегнул к своему обычному средству - он представил на усмотрение Траяна беспристрастное и в некоторых отношениях благоприятное описание нового суеверия и просил разрешить его недоумение и научить его, как поступать⁶²). Плиний провел свою жизнь в приобретении познаний и в деловых занятиях. С девятнадцатилетнего возраста он уже отличался искусною защитой тяжбных дел в римских судах⁶³); впоследствии он был членом сената, был облечен отличиями консульского звания и поддерживал многочисленные дружеские связи с людьми всяких званий как в Италии, так и в провинциях.

Поэтому из его совершенного незнакомства с существованием христианства можно извлечь некоторые полезные указания, и мы можем сделать следующие выводы: что в то время, когда он принял на себя управление Вифинией, еще не было ни общих законов, ни сенатских декретов, направленных против христиан; что ни сам Траян, ни кто-либо из его добродетельных предшественников, эдикты которых вошли в гражданское и уголовное судопроизводство, не объявлял публично своих намерений по отношению к новой секте и что, каковы бы ни были меры, принимавшиеся против христиан, они не имели такого веса и авторитета, чтоб могли служить прецедентом для руководства римских правителей.

Ответ, который был дан Траяном и на который впоследствии так часто ссылались христиане, обнаруживает такое уважение к справедливости и такое человеколюбие, какое только могло совмещаться с ошибочным взглядом этого императора на дела религиозного управления⁶⁴). Вместо того, чтобы обнаружить неукротимое рвение инквизитора, тщательно отыскивающего малейшие признаки ереси и радующегося многочисленности погубленных им жертв, император обнаруживает гораздо больше заботливости о том, чтобы не пострадали невинные, нежели о том, чтоб не избежали наказания виновные. Он признает, что очень трудно установить общий план действий; но он устанавливает два благотворных правила, в которых угнетенные христиане часто находили для себя утешение и опору. Хотя он и предписывает должно-

ственным лицам наказывать тех, кто признан виновным на основании законов, он впадает в противоречие с самим собою, когда из чувства человеколюбия запрещает им производить какие-либо расследования о тех, кто навлек на себя подозрение в преступном деянии; он также не дозволяет вчинять преследования без разбора по всяким доносам. Император отвергает анонимные доносы, как несогласные с справедливостью его управления, и положительно требует, чтоб для осуждения людей, провинившихся в том, что они христиане, были налицо положительные доказательства, представленные явным и публичным обвинителем. Те, которые брали на себя эту ненавистную роль, вероятно, были обязаны объяснить основания своих подозрений, назвать время и место тайных собраний, посещавшихся их христианскими противниками, и вывести наружу множество таких подробностей, которые скрывались от глаз неверующих с самой бдительной заботливостью. Если их обвинение судебным порядком оказывалось успешным, они навлекали на себя ненависть значительной и деятельной партии, порицание со стороны более просвященной части общества и тот позор, который во все века и во всех странах падал на доносчиков.

Если же, напротив того, их доказательства оказывались недостаточными, они подвергались строгому наказанию и, может быть, даже смертной казни, в силу изданного императором Адрианом закона против тех, кто ложно обвинял своих сограждан в принадлежности к христианству. Конечно, личная ненависть и основанная на суеверии вражда могли иногда заглушать самые естественные опасения беды и позора; но невозможно допустить, чтоб языческие подданные Римской империи охотно и часто вчиняли обвинения при таких неблагоприятных для них условиях⁶⁵).

Способы, к которым прибегали враги христиан, чтоб уклониться от благоразумных требований закона, служат достаточным доказательством того, что этот закон действительно обезоруживал личную злобу и суеверное усердие; но страх и стыд, которые так сильно сдерживают увлечения отдельных личностей, утрачивают большую часть своего влияния в многочисленных и шумных собраниях. Благочестивые христиане, смотря по тому, желали ли они достигнуть славы мученичества или желали избежать ее, ожидали или с нетерпением, или с ужасом возобновлявшихся в установленные сроки общественных игр и празднеств. В эти дни жители больших городов империи собирались в цирках или театрах,

где все представлявшиеся их глазам предметы и все совершавшиеся обряды разжигали в них чувство благочестия и заглушали чувство человеколюбия. В то время как многочисленные зрители, украсивши свои головы венками, надушившись фимиамом и очистившись кровью жертв, предавались, среди алтарей и статуй своих богов-заступников, наслаждению такими удовольствиями, на которые они смотрели как на существенную часть своего культа, они вспоминали, что только одни христиане ненавидят богов человеческого рода и своим отсутствием или своим мрачным видом как будто издеваются над общим счастьем или оплакивают его. Если империю постигло какое-нибудь недавнее общественное бедствие, мировая язва, голод или неудачная война; если Тибр вышел из своих берегов, а Нил еще не вышел, если произошло землетрясение или было нарушено правильное течение времен года - суеверные язычники были убеждены, что это божеское наказание вызвано преступлениями и нечестием христиан, которых щадила чрезмерная снисходительность правительства.

Конечно, не от буйной и раздраженной черни можно было ожидать соблюдения форм легальной процедуры и не в амфитеатре, обгавленном кровью диких зверей и гладиаторов, можно было услышать голос сострадания. Нетерпеливые возгласы народной толпы называли христиан врагами и богов и людей, обрекали их на самые ужасные мучения и, осмеливаясь обвинять поименно некоторых из самых выдающихся приверженцев новой секты, повелительно требовали, чтоб они немедленно были схвачены и брошены на съедение львам⁶⁶). Губернаторы провинций и должностные лица, председательствующие на публичных зрелищах, обыкновенно были склонны удовлетворять желания народа и укрощать его ярость принесением в жертву нескольких ненавистных ему людей. Но мудрость императоров охраняла церковь от этих буйных требований и противозаконных обвинений, которые она справедливо считала несовместимыми с твердостью и справедливостью императорского управления. Эдикты Адриана и Антонина Пия положительно заявляли, что голос народной толпы никогда не будет принимаем за легальное основание для осуждения или наказания тех несчастных людей, которые увлеклись энтузиазмом христиан⁶⁷).

III. Наказание не было неизбежным последствием обвинительного приговора, и когда виновность христианина была самым очевидным образом доказана свидетельскими показа-

ниями или даже собственным признанием, все-таки в его власти оставался выбор между жизнью и смертью. Судью приводило в негодование не столько прошлое преступление, сколько обнаруженное в его присутствии упорство. Он был убежден, что дает обвиняемому легкий способ избежать наказания, так как этот последний мог освободиться от суда и даже вызвать общее одобрение, если только соглашался бросить на алтарь несколько кусочков ладана. Считалось, что человеколюбивый судья обязан скорее исправлять, чем наказывать этих впавших в заблуждение энтузиастов. Изменяя свой тон, сообразно с возрастом, полом или общественным положением обвиняемых, он нередко снисходил до того, что рисовал перед их глазами все, что есть самого привлекательного в жизни и самого ужасного в смерти, и просил, даже умолял их быть хоть сколько-нибудь сострадательным к самим себе, к своим семействам и своим друзьям⁶⁸). Если угрозы и убеждения оказывались недействительными, он нередко прибегал к насилию; тогда бичевание и пытка восполняли несостоятельность аргументов и самые жестокие истязания употреблялись в дело с целью сломить столь непреклонное и, как думали язычники, столь преступное упорство. Древние защитники христианства с большим основанием и такой же строгостью порицали неправильный образ действий гонителей, допускавших - наперекор всем принципам судопроизводства - употребление пытки с целью добиться не признания, а отрицания того преступления, которое было предметом их расследования⁶⁹). Монахи следующих веков, занимающиеся в своих мирных уединениях тем, что разнообразили смерть и страдания первых христианских мучеников, нередко изобретали гораздо более утонченные и замысловатые истязания.

Они, между прочим, уверяли, будто римские судьи, пренебрегая всеми требованиями нравственности и общественных приличий, старались вовлечь в соблазн тех, кого они не были в состоянии подчинить своей воле, и что по их приказанию совершались самые грубые насилия над теми, кто не поддавался соблазну. Рассказывали, что благочестивые женщины, готовые умереть за свою веру, иногда подвергались более тяжелому испытанию: им предоставлялось решить, что ценят они дороже - свою религию или свое целомудрие. Судья поощрял молодых людей к любовному ухаживанию за ними и обращался к этим орудиям своего насилия с формальным приглашением употреблять самые настоятельные уси-

лия, чтобы охранить честь Венеры от этих неблагочестивых девственниц, отказывающихся возжигать фимиам перед ее алтарем. Впрочем эти попытки обыкновенно оказывались безуспешными, и своевременное вмешательство какой-нибудь чудотворной силы предохраняло целомудренных супругов Христа от позора даже невольного унижения. Мы не можем, однако, не заметить, что самые древние и самые достоверные письменные памятники христианской церкви редко обезображиваются такими нелепыми и непристойными вымыслами⁷⁰⁾.

Совершенное пренебрежение к истине и к правдоподобию, замечаемое в описании этих мученичеств, было результатом одного естественного заблуждения. Церковные писатели четвертого и пятого столетия приписывали римским судьям такое же безжалостное и непреклонное религиозное рвение, каким были наполнены их собственные сердца в борьбе с еретиками и идолопоклонниками их времени. Нет ничего неправдоподобного в том, что между лицами, занимавшими высшие должности в империи, были такие, которые впитали в себя предрассудки народной толпы, и были такие, которые прибегали к жестоким мерам из алчности или из личной неприязни⁷¹⁾. Но положительно известно - и в этом случае мы можем сослаться на признательные заявления первых христиан, - что должностные лица, которые управляли провинциями от имени императоров или сената и которым вверено было исключительное право суда над уголовными преступниками, большей частью вели себя как люди благовоспитанные и образованные, уважающие требования справедливости и знакомые с принципами философии. Нередко случалось, что они отклоняли от себя отвратительную роль гонителей, с презрением отвергали обвинение или научали подсудимых христиан какой-нибудь легальной увертке, с помощью которой можно было избежать строгости законов⁷²⁾. Всякий раз, когда они бывали облечены неограниченной властью⁷³⁾, они употребляли ее не столько на угнетение, сколько на облегчение и пользу страждущей церкви.

Они были далеки от того, чтоб присуждать к наказанию всякого христианина, уличенного в упорной привязанности к новому суеверию. Большой частью ограничиваясь менее жестокими наказаниями - тюремным заключением, ссылкой или невольнической работой в рудниках⁷⁴⁾, они оставляли несчастным жертвам своего правосудия некоторую надежду, что какое-нибудь счастливое событие - восшествие нового императора на престол, его вступление в брак или военный

триумф, - возвратят им, путем всеобщей амнистии, их прежнее положение. Те мученики, которых римские судьи обрекали на немедленную казнь, как кажется, выбирались из двух самых противоположных разрядов обвиняемых. Или это были епископы и пресвитеры, то есть такие люди, которые были самые выдающиеся между христианами по своему положению и влиянию и примерное наказание которых могло наводить ужас на всю секту⁷⁵); или же это были самые низкие и самые презренные члены секты, и в особенности рабы, так как их жизнь ценилась очень низко, а на их страдания смотрели с чрезмерным равнодушием⁷⁶). Ученый Ориген, который был хорошо знаком с историей христиан и по опыту и из книг, объявляет в самых положительных выражениях, что число мучеников было очень незначительно⁷⁷). Один его авторитет достаточен для того, чтобы уничтожить громадную армию тех мучеников, чьи мощи извлекались большей частью из римских катакомб для наполнения стольких церквей⁷⁸) и чьи чудесные деяния служили сюжетом для стольких томов священных рассказов⁷⁹). Впрочем, это общее утверждение Оригена объясняется и подтверждается свидетельством его друга Дионисия, который, живя в огромном городе Александрии во время жестоких преследований Деция, насчитал только десять мужчин и семь женщин, пострадавших за то, что исповедовали христианскую религию⁸⁰).

Во время того же самого периода гонений усердный, красноречивый и честолюбивый Киприан управлял церковью не только в Карфагене, но и во всей Африке. Он обладал всеми теми качествами, которые могли внушать уважение и возбуждать в языческих правителях подозрительность и неприязнь. И его характер и его положение, по-видимому, указывали на такого святого прелата как на самый достойный предмет зависти и преследования⁸¹). Однако жизнь Киприана служит достаточным доказательством того, что наша фантазия преувеличила трудности положения христианских епископов и что опасности, которым они подвергались, были менее неизбежны, чем те, с которыми всегда готов бороться честолюбец, преследующий мирские цели⁸²). Четыре римских императора вместе со своими семействами, своими фаворитами и приверженцами пали под ударами меча в течение тех десяти лет, во время которых епископ Карфагенский руководил своим влиянием и красноречием делами африканской церкви. Только на третьем году своего управления он имел в течение нескольких месяцев основа-

ние опасаться строгих эдиктов Деция, бдительности судей и криков народной толпы, настоятельно требовавшей, чтоб вождь христиан Киприан был отдан на съедение львам. Благоразумие требовало, чтоб он на время удалился, и он внял голосу благоразумия. Он нашел приют в уединенном убежище, из которого мог поддерживать постоянную переписку с карфагенским духовенством и верующими; таким образом укрывшись от грозы, пока она не прошла, он сохранил свою жизнь, не утративши ни своей власти, ни своей репутации.

Впрочем, его чрезмерная осторожность навлекла на него порицания и со стороны самых суровых христиан, и со стороны его личных врагов; первые укоряли его, а вторые оскорбляли за такое поведение, которое было в их глазах малодушием и преступным уклонением от самых священных обязанностей⁸³). Он ссылаясь в свое оправдание на желание сохранить себя для будущего служения церкви, на примере нескольких святых епископов⁸⁴), и на внушения свыше, которые, по его словам, он часто получал во время своих видений и экстазов⁸⁵). Но самым лучшим для него оправданием может служить то мужество, с которым, через восемь лет после того, он претерпел смерть в защиту религии. Достоверная история его мученичества была написана с редкой добросовестностью и беспристрастием. Поэтому краткое изложение заключающихся в ней самых важных подробностей даст нам самое ясное понятие о духе и формах римских гонений⁸⁶).

В то время, как Валериан был консулом в третий раз, а Галлиен - в четвертый, Киприан получил от африканского проконсула Патерна приказание явиться в залу его тайного совета. Там проконсул сообщил ему только что полученное императорское повеление⁸⁷), которое предписывало всем покинувшим римскую религию немедленно возвратиться к исполнению обрядов, установленных их предками. Киприан без колебаний возразил, что он христианин и епископ, посвятивший себя на служение истинному и единому Богу, к Которому он ежедневно обращается с молитвами о безопасности и благоденствии обоих императоров, своих законных государей. Он со скромной уверенностью сослался на привилегии гражданина в оправдание своего отказа отвечать на некоторые коварные и действительно не дозволенные законом вопросы, с которыми обратился к нему проконсул. В наказание за свое неповиновение Киприан был присужден к ссылке и немедленно был отправлен в Курубис - свободный

приморский город Зевгитании, находившийся в приятной местности и на плодотворной территории, на расстоянии почти сорока миль от Карфагена⁸⁸). Изгнанный епископ наслаждался там удобствами жизни и сознанием, что исполнил свой долг.

Слава о нем распространилась по Африке и Италии, рассказ о его поведении был опубликован для назидания всех христиан⁸⁹), а его уединение часто прерывалось письмами, посещениями и поздравлениями верующих. С прибытием в провинцию нового проконсула положение Киприана, по-видимому, сделалось на некоторое время еще более сносным. Он был вызван из ссылки, и, хотя ему еще не позволили возвратиться в Карфаген, ему были назначены местом пребывания его собственные сады, находившиеся в недалеком расстоянии от столицы⁹⁰).

Наконец, ровно через год⁹¹) после того, как Киприан был задержан в первый раз, африканский проконсул Галерий Максим получил от императора приказание казнить тех, кто проповедовал христианское учение. Епископ карфагенский понимал, что он будет одной из первых жертв, - и, по свойственной человеческой природе слабости, попытался спастись бегством от опасности и чести погибнуть мученической смертью⁹²); но он скоро воодушевился тем мужеством, какое было прилично его положению, возвратился в свои сады и стал спокойно ожидать исполнителей казни. Два офицера высшего ранга, на которых было возложено это поручение, поместили Киприана на колеснице промеж их обоих и, так как проконсул был в ту минуту чем-то занят, отвезли его не в тюрьму, а в один частный дом в Карфагене, принадлежавший одному из них. Епископу был подан изящный ужин, и его христианским друзьям было дозволено насладиться в последний раз его беседой; в это время улицы были наполнены множеством верующих, встревоженных опасениями за участь, ожидавшую их духовного отца⁹³). Утром он предстал перед трибуналом проконсула, который, осведомившись об имени и положении Киприана, приказал ему совершить жертвоприношение и настоятельно убеждал его размыслить о последствиях его неповиновения. Отказ Киприана был тверд и решителен; тогда судья, справившись с мнением состоявшего при нем совета, произнес с некоторой неохотой смертный приговор, который был изложен в следующих выражениях: «Фасций Киприан будет немедленно обезглавлен, как враг римских богов и как начальник и зачинщик пре-

ступной ассоциации, которую он вовлек в нечестивое неповиновение законам священных императоров Валериана и Галлиена»⁹⁴). Способ казни был такой мягкий и немучительный, какому только можно было подвергать человека, уличенного в уголовном преступлении, и карфагенского епископа не подвергали пытке, чтобы вынудить от него отречение от его принципов или указание на его сообщников.

Лишь только приговор был объявлен, между столпившимися у входа в здание суда христианами раздался общий крик: «Мы хотим умереть вместе с ним». Их великодушные изъявления усердия и преданности не принесли никакой пользы Киприану, но и не причинили никакого вреда им самим. Он был отведен под охраной трибунов и центурионов, без сопротивления и без оскорблений, к месту казни, находившемуся на обширной и гладкой равнине подле города и уже покрытому множеством зрителей. Его верным пресвитерам и диаконам было дозволено сопровождать их святого епископа⁹⁵). Они помогли ему снять его облачение, разложили на земле белье, чтобы собрать драгоценные капли его крови, и получили от него приказание выдать палачу двадцать пять золотых монет. Тогда мученик закрыл руками свое лицо, и его голова была отделена одним ударом от туловища. Его труп был в течение нескольких часов оставлен на месте казни для удовлетворения любопытства язычников, а потом был перенесен на христианское кладбище с триумфальной процессией и с блестящей иллюминацией. Похороны Киприана были совершены публично без всякой помехи со стороны римских должностных лиц, а те из числа верующих, которые отдали этот последний долг его заслугам и его памяти, не подвергались ни преследованию, ни наказаниям. Достоин внимания тот факт, что из множества находившихся в африканской провинции епископ Киприан был прежде всех признан достойным мученического венца⁹⁶).

Киприан мог по своему выбору или умереть мучеником, или жить вероотступником, но это был выбор между славой и позором. Если бы можно было предположить, что карфагенский епископ обращал свою преданность христианской вере в орудие своей алчности или своего честолюбия, ему все-таки следовало выдержать до конца ту роль, которую он на себя принял⁹⁷); а если у него было хоть немного мужества, он должен был скорей подвергнуться самым жестоким истязаниям, чем совершить такой поступок, который заменил бы славу всей его жизни отвращением со стороны его христиан-

ских собратьев и презрением со стороны язычников. Но если рвение Киприана истекло из искреннего убеждения в истине того учения, которое он проповедовал, то венец мученика должен был представляться ему скорее привлекательным, нежели внушающим ужас. Из неясных, хотя и красноречивых, декламаций отцов церкви трудно извлечь сколько-нибудь определенное понятие о свойствах или степени той бессмертной славы и того блаженства, которые они с уверенностью обещали всякому, кто имел счастье пролить свою кровь из-за религии⁹⁸).

Они внушали с подобающем усердием, что огонь мученичества восполнял всякие недостатки и искуплял всякие преступления, что, тогда как души обыкновенных христиан должны были проходить через медленное и тягостное очищение, торжествующие мученики немедленно вступали в пользование вечным блаженством и вместе с патриархами, апостолами и пророками царствовали вместе с Христом, действуя в качестве его помощников во всеобщем суде над человеческим родом. Мужество мучеников нередко воодушевлялось мотивом, который так однороден с свойственным человеческой натуре тщеславием - уверенностью в приобретении долговечной земной славы. Почести, воздававшиеся в Риме и в Афинах тем гражданам, которые пали, защищая свою родину, были холодными и ничтожными изъяснениями уважения в сравнении с той пылкой признательностью и преданностью, с которыми первобытная церковь относилась к славным поборникам религии. Годовщина их подвигов и страданий справлялась со священными церемониями и в конце концов сделалась предметом религиозного культа. Тем из христиан, открыто исповедовавших свою религию, которые (как это случалось очень часто) были освобождены от суда или выпущены из тюрем, воздавались почести, каких заслуживало их неполное мученичество и их благородное мужество. Самые благочестивые женщины просили позволения приложиться устами к оковам, которые они носили, и к ранам, которые они получили. Их личность считалась священной, их решения принимались с уважением, а сознанием своего духовного превосходства и своей нравственной распушенностью они слишком часто употребляли во зло то высокое положение, которого достигли своим усердием и неустрашимостью⁹⁹). Отличия этого рода служили доказательством того, как высоко ценились заслуги людей, пострадавших или поплатившихся жизнью за использование

христианской религии, но вместе с тем они служили доказательством и немногочисленности таких людей.

Свойственная нашему времени сдержанная осмотрительность готова скорей хулить, чем превозносить, и скорей превозносить, чем принимать за образец рвение тех первых христиан, которые, по живописному выражению Сульпиция Севера, искали мученичества с большей настойчивостью, чем с какой его собственные современники добивались епископских должностей¹⁰⁰). Письма, которые писал Игнатий в то время, как его владели в цепях по городам Азии, дышат такими чувствами, которые совершенно противоположны обыкновенным чувствам, свойственным человеческой натуре. Он настоятельно упрощает римлян, чтоб в то время, когда он будет выставлен в амфитеатре, они не лишили его венца славы своим добросердечным, но неуместным заступничеством, и объявляет о своей решимости возбуждать и раздражать диких зверей, которые будут орудиями его смертной казни¹⁰¹). До нас дошло несколько рассказов о неустрашимости мучеников, которые исполнили на самом деле то, что намеревался делать Игнатий, которые приводили львов в ярость, торопили палачей в исполнении их обязанности, охотно бросались в огонь, разведенный для их сожжения, и выражали чувства радости и удовольствия среди самых ужасных страданий. Были также примеры такого усердия, которое не выносило преград, поставленных императорами для охранения церкви. Случалось, что христиане совершали в отсутствие обвинителя добровольные признания, грубо прерывали общественное богослужение идолопоклонников¹⁰²) и, собираясь толпами вокруг судейского трибунала, требовали обвинительного приговора и установленного законом наказания.

Поведение христиан было так замечательно, что не могло не обратить на себя внимания древних философов, но они, как кажется, смотрели на него не столько с восторгом, сколько с удивлением. Так как они не были способны уяснить себе мотивы, иногда увлекавшие мужество верующих за пределы осторожности и благоразумия, то они считали такое пылкое желание смерти за странный результат упорного отчаяния, бессмысленной апатии или суеверного безумия¹⁰³). «Несчастные люди! - восклицал проконсул Антонин, обращаясь к азиатским христианам. - Если вам так надоела жизнь, разве вам трудно найти веревку или пропасть?»¹⁰⁴) Он (как это заметил один ученый и благочестивый историк) с чрезвычай-

ной осмотрительностью подвергал наказаниям людей, у которых не было других обвинителей, кроме их самих, так как императорскими законами не был предусмотрен такой необыкновенный случай; поэтому он произносил обвинительные приговоры лишь над немногими для предостережения их единоверцев, а остальных освобождал от суда с негодованием и презрением¹⁰⁵). Несмотря на это искреннее или притворное пренебрежение, неустрашимая твердость верующих производила благотворное впечатление на умы тех, кого природа или благодать предрасполагала к принятию религиозной истины. Случалось, что язычники, присутствовавшие на тех печальных зрелищах, чувствовали сострадание или приходили в восторг и затем обращались в христианскую веру. Благородный энтузиазм сообщался от страдальцев к зрителям, и кровь мучеников, по хорошо всем известному выражению одного наблюдателя, обращалась в семена христианства.

Но хотя благочестие превозносило эту душевную горячку, а красноречие постоянно возбуждало ее, она стала мало-помалу уступать место более свойственным человеческому сердцу чувствам надежды и страха, привязанности к жизни, опасению физических страданий и отвращению к смерти. Самые благоразумные правители церкви нашли вынужденными сдерживать нескромную горячность своих приверженцев и не доверять твердости, слишком часто изменявшей им в минуты тяжелых испытаний¹⁰⁶). Когда верующие стали реже умерщвлять свою плоть и стали вести менее суровый образ жизни, в них стало с каждым днем ослабевать честолюбивое влечение к почестям мученичества, и Христовы воины, вместо того чтоб отличаться добровольными героическими подвигами, стали часто покидать свой пост и обращаться в беспорядочное бегство перед врагом, сопротивляться которому они были обязаны. Впрочем, можно было спастись от гонений тремя способами, преступность которых не была одинакова; первый способ вообще признавался за совершенно невинный, второй был сомнительного характера или, по меньшей мере, не был непростителен; но третий предполагал прямое и преступное отречение от христианской веры.

I. Инквизиторы новейших времен пришли бы в удивление, если бы узнали, что всякий раз, как римский судья получал донос на кого-либо, перешедшего в христианскую секту, содержание обвинения сообщалось обвиняемому и этому по-

следнему давалось достаточно времени, чтоб привести в порядок свои домашние дела и чтоб приготовить ответ на возводимое на него преступление¹⁰⁷). Если он питал малейшее недоверие к своей собственной твердости, эта отсрочка давала ему возможность сохранить свою жизнь и свою честь посредством бегства, давала ему возможность удалиться в какое-нибудь тайное убежище или в какую-нибудь дальнюю провинцию и там терпеливо выждать восстановления спокойствия и безопасности. Мера, столь согласная с требованиями благоразумия, скоро была одобрена и поучениями, и примером самых святых прелатов, и, как кажется, ее порицали лишь немногие, если не считать монтанистов, которые были вовлечены в ересь своей суровой и упорной привязанностью к строгостям старой дисциплины¹⁰⁸). II. Те губернаторы провинций, в которых алчность пересиливала чувство долга, ввели в обыкновение продажу свидетельств (называвшихся *libellus*), удостоверявших, что названное в них лицо подчинилось требованиям закона и принесло жертву римским богам. С помощью этих ложных удостоверений богатые и трусливые христиане могли заглушать злобные наветы доносчиков и в некоторой мере примирять свою безопасность со своей религией. Легкая эпитимия заглаживала это нечестивое лицемерие¹⁰⁹). III. При всех гонениях оказывалось множество недостойных христиан, публично отвергавших или покидавших свою веру и подтверждавших искренность своего отречения каким-нибудь легальным актом - тем, что жгли фимиам, или тем, что совершали жертвоприношение. Некоторые из этих вероотступников покорялись при первой угрозе или при первом увещании судьи, а терпеливость некоторых других одолевалась посредством продолжительных и не раз возобновлявшихся пыток. Эти последние приближались к алтарям богов с трепетом, в котором сказывались угрызения совести, а первые подходили с уверенностью и бодростью¹¹⁰). Но личина, надетая из страха, спадала, лишь только проходила опасность. Когда строгость гонителей ослабевала, двери церкви осаждались массой кающихся грешников, которые с отвращением помышляли о своем идолопоклонническом смирении и молили с одинаковой настойчивостью, но с различным успехом, о принятии их вновь в общество христиан¹¹¹). IV. Хотя и были установлены общие правила для суда и наказания христиан, участь этих сектантов, при обширной и произвольной системе управления, должна была в значительной мере зависеть от их собственного

поведения, от условий времени и от характера их высших и низших правителей. Усердие могло усиливать суеверную ярость язычников, а благоразумие могло обезоруживать ее или смягчать. Множество разнообразных мотивов заставляло губернаторов провинций или усиливать, или ослаблять применение законов, и самым сильным из этих мотивов было их желание сообразоваться не только с публичными эдиктами, но и с тайными намерениями императоров, одного взгляда которых было достаточно, чтоб раздуть или погасить пламя преследования. Всякий раз, как в какой-либо части империи принимались против них строгие меры, первые христиане оплакивали и, может быть, преувеличивали свои страдания; но знаменитое число десяти гонений было установлено церковными писателями пятого столетия, которые имели более полное понятие и об успехах, и о бедствиях церкви со времен Нерона до времен Диоклетиана. Это вычисление было им внушено замысловатым сравнением с *десятью* египетскими язвами и с *десятью* рогами Апокалипсиса, а применяя внушенную пророчествами веру к исторической истине, они тщательно выбирали те царствования, которые действительно были самыми пагубными для христиан¹¹²). Но эти временные гонения лишь разжигали усердие верующих и укрепляли между ними дисциплину, а времена чрезвычайных строгостей вознаграждались гораздо более продолжительными промежутками спокойствия и безопасности. Одни императоры из равнодушия, а другие из снисходительности позволяли христианам пользоваться хотя, быть может, и не легальной, но зато действительной и публичной терпимостью их религии.

Апология Тертуллиана заключает в себе два очень древних, очень странных и в то же время очень сомнительных примера императорского милосердия, а именно эдикты, изданные Тиберием и Марком Антонином и имевшие целью не только охранять невинность христиан, но даже опубликовать те поразительные чудеса, которыми засвидетельствована истина их учения. Первый из этих примеров представляет некоторые затруднения, способные привести скептика в недоумение¹¹³). Нас хотят уверить, что Понтий Пилат уведомил императора о несправедливом смертном приговоре, который был им произнесен над невинной и, по-видимому, божественной личностью, и что, не приобретая заслуги мученичества, он подвергал сам себя его опасностям; что Тиберий, выражавший презрение ко всяким религиям,

немедленно возымел намерение поместить иудейского Мессию между римскими богами; что его раболепный сенат осмелился не исполнить приказания своего повелителя; что Тиберий вместо того, чтоб обидеться этим отказом, удовольствовался тем, что оградил церковь от строгости законов за много лет перед тем, как эти законы были изданы, и прежде, нежели церковь успела получить особое название и самостоятельное существование; и наконец, что воспоминание об этом необыкновенном происшествии сохранилось в публичных и самых достоверных регистрах, которые ускользнули от внимания греческих и римских историков и сделались известны лишь африканскому христианину, писавшему свою апологию через сто шестьдесят лет после смерти Тиберия. Эдикт Марка Антонина будто бы был результатом его уважения и признательности за то, что он чудесным образом спасся во время войны с маркоманнами. Бедственное положение легионов, буря, кстати разразившаяся дождем и градом, громом и молнией, страх и поражение варваров - все это было прославлено красноречием нескольких языческих писателей. Если в этой армии были христиане, то они, натурально, придавали некоторое значение горячим молитвам, которые они воссылали в минуту опасности и о своем собственном спасении, и о спасении всех.

Но памятники из бронзы и мрамора, императорские медали и колонна Антонина также уверяют нас, что ни монарх, ни народ не сознавали такой важной услуги, так как они единогласно приписывали свое спасение промыслу Юпитера и заступничеству Меркурия. В течение всего своего царствования Марк презирал христиан, как философ, и наказывал их, как государь¹¹⁴).

По какой-то странной игре случая, угнетения, которые они выносили под управлением добродетельного монарха, немедленно прекратились с восшествием на престол тирана, и как никто, кроме них, не пострадал от несправедливости Марка, так никто, кроме них, не нашел себе охраны в снисходительности Коммода. Знаменитая Марция, которая была его любимой наложницей, а в конце концов способствовала умерщвлению своего царственного любовника, питала странную склонность к угнетаемой церкви, и, хотя она, конечно, не могла бы согласить свою порочную жизнь с принципами Евангелия, она, однако, могла надеяться искупить слабости своего пола и своей профессии тем, что объявила себя покровительницей христиан¹¹⁵). Под благосклонным за-

ступничеством Марции они провели в безопасности тринадцать лет жестокой тирании, а когда императорская власть перешла в род Севера, они завели семейную и более уважительную связь с новым двором. Император был убежден, что во время опасной болезни ему принес некоторую пользу - духовную или физическую - святой елей, которым его помазал один из его рабов. Он всегда относился с особым отличием к некоторым лицам обоего пола, принявшим новую религию. И кормилица Каракаллы, и его наставник были из христиан, и если этому юному монарху однажды случилось выразить чувство человеколюбия, поводом для этого послужило обстоятельство, ничтожное само по себе, но имевшее некоторую связь с христианством¹¹⁶). В царствование Севера неистовства черни были обузданы, суровость старых законов была на некоторое время отложена в сторону и губернаторы провинций довольствовались тем, что находившиеся в их ведомстве церкви ежегодно делали им подарки в уплату или в награду за их умеренность¹¹⁷). Споры о том, когда именно следует праздновать Пасху, вооружившие азиатских и итальянских епископов друг против друга, считались за самое важное из всех дел, возникавших в этот период отдыха и спокойствия¹¹⁸). И до тех пор не было нарушено внутреннее спокойствие церкви, пока все увеличивавшееся число новообращенных не обратило на себя внимания Севера и не внушило ему нерасположения к христианам. С целью приостановить распространение христианства он издал декрет, который хотя и был направлен против одних новообращенных, но не мог быть в точности приводим в исполнение без того, чтоб не подвергать опасности и наказаниям самых усердных из христианских наставников и миссионеров. В этой смягченной форме гонения мы усматриваем кроткий дух Рима и политеизма, охотно допускавший всякое облегчение в пользу тех, кто придерживался религиозных обрядов своих предков¹¹⁹).

Но законы, изданные Севером, скоро исчезли вместе с властью этого императора, и вслед за этой случайной бурей настало для христиан тридцативосьмилетнее спокойствие¹²⁰). До этого времени они обыкновенно собирались в частных домах и уединенных местах, а теперь им дозволили воздвигать и освящать здания, приспособленные для богослужения¹²¹), приобретать покупкой, даже в самом Риме, земли для общественного пользования и публично выбирать церковных должностных лиц, причем они вели себя таким примерным

образом, что даже обратили на себя почтительное внимание язычников¹²²). Во время этого продолжительного спокойствия церковь держала себя с достоинством. Царствования тех монархов, которые были родом из азиатских провинций, оказались самыми благоприятными для христиан; выдающиеся представители секты, вместо того, чтоб вымаливать покровительство рабов и наложниц, допускались во дворец в качестве священнослужителей и философов, а их таинственное учение, уже успевшее распространиться в народе, мало-помалу привлекло на себя внимание их монарха. Проезжая через Антиохию, императрица Маммея выразила желание познакомиться со знаменитым Оригеном, который приобрел себе на востоке большую известность своим благочестием и своей ученостью. Ориген воспользовался столь лестным для него приглашением, и хотя он не мог рассчитывать на обращение в христианство этой хитрой и честолюбивой женщины, однако она с удовольствием выслушала его красноречивые увещевания и с почетом отправила его в его палестинское уединение¹²³). Чувства Маммеи разделял ее сын Александр, и философское благочестие этого императора выразилось в странной, но неблагоразумной манере чтить христианскую религию. Он поместил в своей домашней капелле статуи Авраама, Орфея, Аполлония и Христа в знак должного уважения к этим почтенным мудрецам, научившим человечество различными способами выражать свою покорность перед верховным и всеобъемлющим Божеством¹²⁴). В его дворце открыто исповедовалась более чистая вера и открыто совершалось более чистое богослужение. При его дворе, может быть, впервые стали показываться епископы, а после смерти Александра, когда ярость бесчеловечного Максимиана обрушилась на любимцев и служителей его несчастного благодетеля, множество христиан всякого звания и обоего пола погибло в том неразборчивом избиении, которое, благодаря им, было ошибочно названо гонением¹²⁵).

Несмотря на жестокий нрав Максимиана, результаты его ненависти к христианам имели местный и временный характер, а благочестивому Оригену, который был сослан в качестве обреченной на смерть жертвы, еще было суждено и впредь поучать монархов евангельскими истинами¹²⁶). Он написал несколько назидательных писем к императору Филиппу, к его жене и его матери, и лишь только этот родившийся неподалеку от Палестины государь захватил императорскую власть, христиане приобрели себе друга и покровителя. Пуб-

личная и даже пристрастная благосклонность Филиппа к приверженцам новой религии и его неизменное уважение к служителям церкви придавали некоторый вид правдоподобия возникшему в его собственное время подозрению, что сам император перешел в христианство¹²⁷⁾, и давали некоторые основания для выдуманной впоследствии басни, будто он очистился исповедью и эпитимией от преступления, которое он совершил, умертвив своего невинного предместника¹²⁸⁾.

Вслед за падением Филиппа и переменной повелителя была введена новая система управления, столь обременительная для христиан, что их прежнее положение, даже то, в котором они находились со времен Домициана, казалось обеспечивавшим их полную свободу и безопасность в сравнении с теми строгостями, которым их подвергали во время непродолжительного царствования Деция¹²⁹⁾: Добродетели этого государя едва ли дозволяют нам допускать предположение, что он действовал под влиянием низкой ненависти к любимцам своего предместника; более основательно предполагать, что, заботясь вообще о восстановлении чистоты римских нравов, он пожелал избавить империю от того, что он осуждал как новое и преступное суеверие. Епископы самых значительных городов были отняты у своей паствы или изгнанием, или смертной казнью, а бдительность должностных лиц в течение шестнадцати месяцев не допускала римское духовенство до новых выборов, так что между христианами возникло убеждение, что император охотнее допустит пребывание в своей столице какого-нибудь конкурента на верховную власть, нежели пребывание епископа¹³⁰⁾. Если бы можно было допустить, что проницательность Деция усмотрела гордость под личиной смирения или предвидела, что из притязаний на духовную власть может мало-помалу возникнуть светское владычество, то нам не показалось бы удивительным, если бы он считал преемников Св. Петра за самых страшных соперников для преемников Августа.

Управление Валериана отличалось легкомыслием и непостоянством, несовместимыми с серьезными обязанностями *римского цензора*. В начале своего царствования он превосходил своим милосердием тех императоров, которых подозревали в привязанности к христианской религии, а в последние три с половиной года он подпал под влияние министра, преданного египетским суевериям; тогда он усвоил принципы своего предместника Деция и стал подражать его строгостям¹³¹⁾. Возведение на престол Галлиена, увеличив-

шее бедствия империи, возвратило церкви внутреннее спокойствие, и христиане получили право свободно исповедовать свою религию благодаря эдикту, который был адресован к епископам и был составлен в таких выражениях, что как будто признавал за этими церковными сановниками официальный и публичный характер¹³²⁾. Хотя старые законы и не были формально отменены, они стали выходить из употребления, и (за исключением только некоторых враждебных намерений, которые приписывались императору Аврелиану)¹³³⁾ последователи Христа провели более сорока лет в таком благосостоянии, которое было для их добродетели гораздо более опасно, чем самые тяжелые угнетения, испытанные во время гонений.

Пример Павла Самосатского, занимавшего в Антиохии архиепископский престол в то время, как восток находился под властью Одената и Зенобии, может служить иллюстрацией для условий и характера того времени. Богатство этого прелата было достаточным доказательством его преступности, так как оно не досталось ему по наследству от предков и не было приобретено честным трудом. Павел смотрел на служение церкви как на очень выгодную профессию¹³⁴⁾. Его управление церковью было продажное и хищническое; он часто вымогал приношения от самых богатых между верующими и присваивал себе значительную часть общественных доходов. Благодаря его гордости и роскоши христианская религия сделалась отвратительной в глазах язычников. И зала состоявшего при нем совета, и его трон, и великолепие, с которым он показывался публике, и толпа просителей, старавшихся обратить на себя его внимание, и множество писем и прошений, на которые он диктовал ответы, и непрерывная суматоха, в которую его вовлекали деловые занятия, - вся эта обстановка была более прилична для гражданского сановника¹³⁵⁾, нежели для смиренного епископа первобытной церкви. Когда Павел говорил с кафедры проповедь к народу, он подражал фигурному языку и театральным жестам азиатских софистов, а собор оглашался громкими и самыми нелепыми похвалами его божественному красноречию. К тем, кто не подчинялся его власти или не хотел льстить его тщеславию, антиохийский прелат был дерзок, взыскателен и неутомим; но он ослаблял узы дисциплины и расточал сокровища церкви в пользу подчиненного ему духовенства, которому было дозволено подражать своему начальнику в удовлетворении всех чувственных влечений, так как Павел

без всяких стеснений предавался наслаждениям изящной кухни и поместил в епископском дворце двух молодых и красивых женщин, которые были постоянными его собеседницами в часы досуга¹³⁶).

Несмотря на эти скандальные пороки, если бы Павел Самосатский сохранил православную веру в чистоте, его господство над столицей Сирии окончилось бы не иначе как вместе с его жизнью; а если бы случилось какое-нибудь гонение, он, может быть, возвысился бы одним актом мужества на степень святого и мученика. Но некоторые легкие и мелочные заблуждения касательно учения о св. Троице, которые он неблагоразумно усвоил и упорно отстаивал, возбудили в восточных церквах негодование и религиозное рвение¹³⁷). От Египта и до Евксинского Понта все епископы восстали и пришли в движение. После того как собирались несколько раз соборы, писались разные опровержения, приносились отлучения от церкви, то принимались, то отвергались двусмысленные объяснения, то заключались, то нарушались разные договоры, Павел Самосатский был наконец лишен епископского звания по приговору семидесяти или восьмидесяти епископов, которые собрались для этой цели в Антиохии и, не обращая внимания на права духовенства и народа, назначили ему своей собственной властью преемника. Явная неправильность такого образа действий увеличила число приверженцев недовольной партии, а так как Павел, не чуждавшийся придворных интриг, сумел приобрести милостивое расположение Зенобии, то он в течение более четырех лет удерживал за собой и епископский дворец, и епископское звание. Победа Аврелиана изменила положение дел на востоке, и обеим борющимся партиям, клеймившим одна другую названиями раскольников и еретиков, было или приказано, или дозволено защищаться перед трибуналом победителя. Этот публичный и весьма странный суд служит убедительным доказательством того, что существование, собственность, привилегии и внутреннее управление христиан признавались если не законодательством, то по меньшей мере должностными лицами империи. От Аврелиана, как от язычника и воина, едва ли можно было ожидать, что он войдет в обсуждение вопроса, чьи мнения, Павла или его противников, более согласны с истинными принципами православной веры. Однако его решение было основано на общих принципах справедливости и здравого смысла. Он признал итальянских епископов за самых беспристрастных и

самых почтенных судей для разбора споров между христианами, и, лишь только узнал, что они единогласно одобрили решение собора, он согласился с их мнением и немедленно дал приказание, чтоб у Павла было отнято мирское имущество, принадлежавшее той должности, которой он был законным образом лишен по приговору своих единоверцев. Но, восхваляя справедливость Аврелиана, мы не должны упускать из виду его политического расчета: чтоб восстановить и упрочить зависимость провинций от столицы, он не пренебрегал ничем, что могло привязывать к Риму интересы или предрассудки какой-либо части его подданных¹³⁸).

Среди частых переворотов, потрясавших империю, христиане не переставали процветать в мире и благоденствии, и, несмотря на знаменитую эру мученичества, начало которой ведут с восшествия на престол Диоклетиана¹³⁹), новая система управления, введенная и поддержанная мудростью этого монарха, отличалась мягким и самым либеральным духом религиозной терпимости в продолжение более восемнадцати лет. Ум самого Диоклетиана был менее годен для спекулятивных исследований, нежели для деятельных занятий войной и управлением. Его осмотрительность внушала ему нерасположение к каким бы то ни было обширным нововведениям, и, хотя по своему характеру он был мало доступен религиозному рвению или энтузиазму, он всегда поддерживал установленное обычаями уважение к древним божествам империи. Но две императрицы, его жена Приска и его дочь Валерия, имели более свободного времени для того, чтоб вникнуть с большим вниманием и уважением в истины христианства, которое во все века сознавало важность услуг, оказанных ему женским благочестием¹⁴⁰). Главные евнухи Лукиан¹⁴¹) и Дорофей, Горгоний и Андрей, состоявшие при Диоклетиане, пользовавшиеся его милостивым расположением и заведовавшие его домашним хозяйством, охраняли своим могущественным влиянием принятую ими веру. Их примеру следовали многие из самых важных дворцовых офицеров, которые, сообразно с обязанностями своей должности, заведовали или императорскими украшениями, или гардеробом, или экипажами, или драгоценными камнями, или даже личною казной; хотя им иногда и приходилось сопровождать императора, отправлявшегося в храм для жертвоприношений¹⁴²), они пользовались вместе со своими женами, детьми и рабами свободным исповедованием христианской религии. Диоклетиан и его соправители нередко возлагали самые

важные должности на тех, кто высказывал отвращение к поклонению богам, но по своим дарованиям мог быть полезным слугой государства. Епископы занимали в своих провинциях почетное положение, и не только народ, но даже должностные лица оказывали им отличия и уважение. Почти в каждом городе старые церкви оказывались слишком тесными для постоянно возрастающего числа новообращенных, и вместо них были выстроены для публичного богослужения верующих более великолепные и более просторные здания. Развращение нравов и принципов, на которое так сильно жаловался Евсевий¹⁴³), может считаться не только последствием, но и доказательством свободы, которой пользовались и которой злоупотребляли христиане в царствование Диоклетиана. Благоденствие ослабило узы дисциплины. Во всех конгрегациях господствовали обман, зависть и злоба. Пресвитеры добивались епископского звания, которое становилось с каждым днем все более и более достойным их честолюбия. Епископы спорили между собой из-за первенства, и по их образу действий можно было заключить, что они стремились к захвату светской и тиранической власти над церковью, а живая вера, все еще отличавшая христиан от язычников, отражалась не столько в их образе жизни, сколько в их полемических сочинениях.

Несмотря на эту кажущуюся безопасность, внимательный наблюдатель мог бы подметить некоторые симптомы, грозившие церкви более жестоким гонением, чем какое-либо из тех, которым она прежде подвергалась. Усердие и быстрые успехи христиан пробудили язычников из их беспечного равнодушия к интересам тех богов, которых они научились чтить и по привычке, и по воспитанию. Оскорбления, которые сыпались с обеих сторон во время религиозной борьбы, длившейся уже более двухсот лет, довели до ожесточения взаимную ненависть борющихся партий. Язычники были раздражены смелостью новой и ничтожной секты, позволявшей себе обвинять их соотечественников в заблуждении и обрекать их предков на вечные мучения. Привычка защищать народную мифологию от оскорблений неумолимого противника возбудила в их душе преданность и уважение к той системе, к которой они привыкли относиться с самым беспечным легкомыслием. Сверхъестественные способности, которые приписывала себе церковь, возбуждали в одно и то же время и ужас и соревнование. Приверженцы установленной религии также устроили себе оплот из чудес, стали при-

думывать новые способы жертвоприношений, очищений и посвящений¹⁴⁴⁾, попытались восстановить кредит своих издыхавших оракулов¹⁴⁵⁾ и с жадным легковерием внимали всякому обманщику, льстившему их предрассудкам диковинными рассказами¹⁴⁶⁾. Каждая сторона, по-видимому, признавала истину чудес, на которые заявляли притязание ее противники, а в то время как обе они довольствовались тем, что приписывали эти чудеса искусству чародейства или дьявольской силе, они общими силами способствовали восстановлению и упрочению господства суеверия¹⁴⁷⁾. Самый опасный его враг - философия обратилась в самого полезного для него союзника. Роши Академии, сады Эпикура и даже портик стоиков были почти совершенно покинуты, потому что считались школами скептицизма или нечестия¹⁴⁸⁾, и многие из римлян желали, чтоб сочинения Цицерона были осуждены и уничтожены властью сената¹⁴⁹⁾. Самая влиятельная из философских сект - неоплатоники вступили из предосторожности в союз с языческим духовенством, которое они, быть может, презирали, для того чтоб действовать сообща против христиан, которые внушали им основательные опасения. Эти философы, бывшие в ту пору в моде, задались целью извлечь аллегорическую мудрость из вымыслов греческих поэтов; они ввели таинственные обряды благочестия для своих избранных учеников, рскомендовали поклонение прежним богам, как эмблемам или служителям Верховного Божества, и сочинили против веры в Евангелие много тщательно обработанных трактатов¹⁵⁰⁾, которые были впоследствии преданы пламени предусмотрительными православными императорами¹⁵¹⁾.

Хотя Диоклетиан из политических соображений, а Констанций из человеколюбия были расположены не нарушать принципов веротерпимости, однако скоро сделалось ясным, что их два соправителя, Максимилиан и Галерий, питают самое непреодолимое отвращение к имени и религии христиан. Умы этих монархов никогда не были просвещены знанием, а их характеры не были смягчены воспитанием. Они были обязаны своим величием мечу, и, достигши самого высокого положения, какое может дать фортуна, они сохранили свои солдатские и крестьянские суеверные предубеждения. В общем управлении провинциями они подчинялись законам, которые были установлены их благодетелем, но внутри своих лагерей и дворцов они часто находили удобные случаи для тайных гонений¹⁵²⁾, для которых иногда служило благо-

видным поводом неосторожное рвение христиан. Один молодой африканец, по имени Максимилиан, будучи представлен своим родным отцом императорскому чиновнику как удовлетворяющий всем требованиям закона для поступления в военную службу, упорно настаивал на том, что его совесть не позволяет ему заниматься военным ремеслом, и был за это казнен смертью¹⁵³). Едва ли найдется такое правительство, которое оставило бы безнаказанным поступок центуриона Марцелла. Во время одного публичного празднества этот офицер, бросив в сторону свою перевязь, свое оружие и знаки своего звания, объявил во всеуслышание, что он впредь не будет повиноваться никому, кроме вечного Царя Иисуса Христа, и что он навсегда отказывается от употребления светского оружия и от служения языческому повелителю. Лишь только солдаты пришли в себя от изумления, они тотчас арестовали Марцелла. Он был подвергнут допросу в городе Тинжи президентом этой части Мавритании, и так как он был уличен своим собственным признанием, то он был осужден и обезглавлен за дезертирство¹⁵⁴). Случаи этого рода служат свидетельством не столько религиозных гонений, сколько применения военных или даже гражданских законов; но они восстанавливали императоров против христиан, оправдывали строгость Галерия, удалившего многих христианских офицеров от их должностей, и поддерживали мнение, что секта энтузиастов, открыто признававшая столь несовместимые с общественной безопасностью принципы, или должна считаться бесполезной для империи, или скоро делается для нее опасной.

Когда успешный исход персидской войны возвысил надежды и репутацию Галерия, он провел зиму вместе с Диоклетианом в его дворце в Никомедии, и судьба христиан сделалась предметом их тайных совещаний¹⁵⁵). Император, как человек опытный, все еще был склонен к кротким мерам, и, хотя он охотно соглашался на то, чтоб христиане не допускались на придворные и военные должности, он указывал в самых энергичных выражениях на то, что было бы опасно и жестоко проливать кровь этих ослепленных фанатиков. В конце концов Галерий вырвал у него позволение¹⁵⁶) собрать совет, составленный из немногих самых выдающихся гражданских и военных сановников империи. Им предложен был на разрешение этот важный вопрос, и эти честолюбивые царедворцы тотчас поняли, что они должны поддерживать своим красноречием настоятельное желание цезаря употребить в

дело насилие. Следует полагать, что они настаивали на всех тех соображениях, которые затрагивали гордость, благочестие или опасения их монарха, и должны были убедить его в необходимости истребить христианство. Может быть, они доказывали ему, что славное дело освобождения империи от всех ее врагов остается недоконченным, пока в самом сердце римских провинций дозволено независимому народу существовать и размножаться. Они могли в особенности настаивать на том, что христиане, отказавшись от римских богов и от римских учреждений, организовали отдельную республику, которую еще можно бы было уничтожить, пока она еще не имеет в своем распоряжении никакой военной силы, что эта республика уже управляется своими собственными законами и должностными лицами, что у нее есть общественная казна и что все ее составные части тесно связаны между собою благодаря частым собраниям епископов, декретам которых слепо подчиняются их многочисленные и богатые конгрегации. Аргументы этого рода могли повлиять на ум Диоклетиана и заставить его принять новую систему гонений; но хотя мы можем угадывать, мы не в состоянии подробно описать секретные дворцовые интриги, личные соображения и личную вражду, зависть женщин и евнухов и вообще все те мелочные, но очень важные мотивы, которые так часто влияют на судьбу империй и на образ действий самых мудрых монархов¹⁵⁷⁾.

Решение императоров было наконец объявлено христианам, которые в течение всей этой печальной зимы со страхом ожидали результата стольких тайных совещаний. День 23 февраля, совпадавший с римским праздником *Terminalia*¹⁵⁸⁾, был назначен (случайно или намеренно) для того, чтобы положить предел распространению христианства. Лишь только стало рассветать, преторианский префект¹⁵⁹⁾, сопровождаемый несколькими генералами, трибунами и чиновниками казначейства, направился к главной церкви в Никомедии, выстроенной на высоком месте в самой населенной и самой красивой части города. Взломав двери, они устремились в святилище, но они тщетно искали видимых предметов культа и должны были удовольствоваться тем, что предали пламени книги Священного Писания. Исполнителей воли Диоклетиана сопровождал многочисленный отряд гвардейцев и саперов, который шел в боевом порядке и был снабжен всякого рода инструментами, какие употребляются для разрушения укрепленных городов. Их усиленными стараниями

было в несколько часов скрыто до основания священное здание, возвышавшееся над императорским дворцом и долго возбуждавшее в язычниках негодование и зависть¹⁶⁰).

В следующий за тем день был опубликован общий эдикт о гонении¹⁶¹), и хотя Диоклетиан, все еще желавший избежать пролития крови, сдержал ярость Галерия, предлагавшего сжигать живым всякого, кто откажется от жертвоприношений, - все-таки наказания, назначавшиеся за упорство христиан, покажутся очень суровыми и целесообразными. Было решено, что их церкви во всех провинциях империи будут скрыты до основания, а те из них, которые осмелятся устраивать тайные сборища для отправления богослужения, будут подвергаемы смертной казни. Философы, принявшие на себя в этом случае низкую обязанность руководить слепым рвением гонителей, тщательно изучили свойство и дух христианской религии; а так как им не было безызвестно, что спекулятивные догматы веры были изложены в писаниях пророков, евангелистов и апостолов, то, вероятно, по их наущению было приказано епископам и пресвитерам передать все их священные книги в руки чиновникам, которым было предписано под страхом самых строгих наказаний сжигать эти книги с публичной торжественностью. Тем же самым эдиктом были конфискованы все церковные имущества; они были частью проданы с публичного торга, частью присоединены к императорским поместьям, частью розданы городам и корпорациям и частью выпрошены жадными царедворцами. После того как были приняты столь энергичные меры, чтобы уничтожить богослужение христиан и прекратить деятельность их правительственной власти, было найдено необходимым подвергать самым невыносимым стеснениям положение тех непокорных, которые все еще будут отвергать религию природы, Рима и своих предков. Люди благородного происхождения были объявлены неспособными пользоваться какими-либо отличиями или занимать какие-либо должности; рабы были навсегда лишены надежды сделаться свободными, и вся масса верующих была лишена покровительства законов. Судьям было дано право принимать и решать всякого рода иски, предъявленные к христианам, но христианам было запрещено жаловаться на какие-либо обиды, которые они потерпели; таким образом, эти несчастные сектанты подвергались вместе строгостям общественного правосудия, но не могли пользоваться его выгодами. Этот новый вид мученичества, столь мучительный и томительный, столь бесславный и

позорный, был едва ли не самым действительным способом преодолеть упорство верующих, и нет никакого основания сомневаться в том, что в этом случае и страсти, и интересы человечества были готовы поддерживать цели императоров. Но политика благоустроенного государства неизбежно должна была по временам вступаться за угнетенных христиан, и сами римские монархи не могли совершенно устранить страх наказаний за мошенничества и насилия, не могли потакать подобным преступлениям, не подвергая самым серьезным опасностям и свой собственный авторитет¹⁶²⁾, и остальных своих подданных¹⁶³⁾.

Лишь только эдикт был выставлен для общего сведения на одном из самых видных мест Никомедии, какой-то христианин разорвал его и вместе с тем выразил самыми резкими бранными словами свое презрение и отвращение к столь нечестивым и тираническим правителям. Даже по самым мягким законам его преступление было государственной изменой и вело к смертной казни; если же правда, что он был знатного происхождения и человеком образованным, то эти обстоятельства могли лишь увеличить степень его виновности. Он был сожжен, или, вернее сказать, изжарен медленным огнем, а его палачи, горевшие желанием отмстить за нанесенное императорам личное оскорбление, истожили над ним самые утонченные жестокости, но не могли изменить спокойной презрительной улыбки, которая не покидала его уст даже в минуты предсмертных страданий. Хотя христиане и сознавались, что его поведение не было согласно с правилами благоразумия, однако они восхищались божественным пылом его религиозного рвения, а чрезмерные похвалы, которыми они осыпали память своего героя и мученика, наполнили душу Диоклетиана глубоким чувством ужаса и ненависти¹⁶⁴⁾.

Его раздражение еще более усилилось при виде опасности, от которой он едва спасся. В течение двух недель два раза горел дворец, в котором он жил в Никомедии, и даже горела его спальня, и хотя оба раза пожар был потушен, не причинив значительного вреда, странное повторение этого несчастья основательно считалось за очевидное доказательство того, что оно произошло не от случайности и не от небрежности. Подозрение, натурально, пало на христиан, и не без некоторого основания возникло убеждение, что эти отчаянные фанатики, будучи раздражены постигшими их страданиями и опасаясь в будущем новых бедствий, вступили в заговор со

своими единовверцами, дворцовыми евнухами, с целью лишить жизни обоих императоров, которых они ненавидели, как непримиримых врагов церкви Божией. Недоверие и злоба закрались в душу каждого, и в особенности в душу Диоклетиана. Множество людей, выделявшихся из массы или тем, что занимали значительные должности, или тем, что пользовались особыми милостями, были заключены в тюрьму. Всякого рода пытки были употреблены в дело, и как двор, так и город были запятнаны многими кровавыми казнями¹⁶⁵; но так как оказалось невозможным добиться каких-либо разъяснений этого таинственного происшествия, то нам, как кажется, приходится или предположить, что пострадавшие были невинны, или удивляться их твердости характера. Через несколько дней после того Галерий поспешно выехал из Никомедии, объявив, что, если бы он оставался долее в этом проклятом дворце, он непременно сделался бы жертвою ненависти христиан. Церковные историки, оставившие нам лишь пристрастные и неполные сведения об этом гонении, не знают, как объяснить опасения императоров и причину опасности, которая будто бы им угрожала. Двое из этих писателей - один принц и один ритор были очевидцами пожара в Никомедии; один из них приписывает этот пожар молнии и божескому гневу, а другой утверждает, что виновником его было коварство самого Галерия¹⁶⁶).

Так как эдикт против христиан должен был иметь силу закона для всей империи и так как Диоклетиан и Галерий были уверены в содействии западных монархов, в согласии которых на эту меру они и не нуждались, то, по нашим понятиям об администрации, следовало бы полагать, что все губернаторы получили секретные приказания обнародовать это объявление войны в подведомственных им провинциях в один и тот же день. По меньшей мере можно думать, что удобства больших дорог и правильно устроенных почт давали императорам возможность рассылать свои приказания с самой большой скоростью из дворца в Никомедии до крайних пределов империи и что они не потерпели бы, чтоб до обнародования эдикта в Сирии протекло пятьдесят дней, а до извещения о нем городов Африки около четырех месяцев¹⁶⁷). Это замедление, быть может, следует приписать осмотрительности Диоклетиана, который неохотно дал свое согласие на строгие меры против христиан и желал собственными глазами видеть их применение на деле, прежде нежели вызвать беспорядки и неудовольствия, которые они неизбежно долж-

ны были возбудить в отдаленных провинциях. Действительно, вначале должностным лицам было запрещено проливать кровь, но им было дозволено и даже приказано употреблять всякие другие меры строгости; христиане, со своей стороны, хотя и были готовы без сопротивления отказаться от всего, что служило украшением для их церквей, но не могли решиться на то, чтобы были прекращены их религиозные собрания, и не отдавали своих священных книг на сожжение. Благочестивое упорство африканского епископа Феликса, как кажется, привело в замешательство низших правительственных агентов. Городской куратор послал его в цепях к проконсулу. Проконсул переслал его к преторианскому префекту в Италию, и Феликс, который даже в своих ответах не хотел прибегать ни к каким уловкам, был, наконец, обезглавлен в Венузии, в Лукании - городе, прославившемся тем, что был родиной Горация¹⁶⁸). Этот прецедент и, может быть, также какой-нибудь изданный по этому поводу императорский рескрипт, как кажется, уполномочили губернаторов провинций подвергать смертной казни тех христиан, которые отказывались от выдачи своих священных книг. Не подлежит сомнению, что многие из христиан воспользовались этим случаем, чтобы удостоиться мученического венца, но между ними было много и таких, которые покупали позорную безопасность тем, что отыскивали книги Св. Писания и передавали их в руки неверующих. Даже очень многие епископы и пресвитеры приобрели путем этой преступной услужливости позорное прозвище изменников; их преступление произвело в ту пору большой скандал в недрах африканской церкви, а впоследствии сделалось источником многих раздоров¹⁶⁹).

Списки и переводы Св. Писания уже до того размножились в империи, что самые строгие розыски не могли иметь пагубных последствий и даже уничтожение тех экземпляров, которые хранились в каждой конгрегации для общего употребления, могло произойти не иначе, как при содействии каких-нибудь вероломных и недостойных христиан. Но разрушение церквей совершилось легко по распоряжению правительства и усилиями язычников. Впрочем, в некоторых провинциях правительственные власти ограничивались тем, что запирали места богослужения. Но в иных местах они исполняли требования эдикта в более буквальном смысле и, приказавши вынести вон двери, скамейки и кафедру, устраивали из них нечто вроде погребального костра, предавали

их пламени и затем совершенно уничтожали самое здание¹⁷⁰⁾. Полагаем, что здесь будет уместно напомнить о той весьма замечательной истории, которую рассказывали с такими разнообразными и невероятными подробностями, что она скорее возбуждает, нежели удовлетворяет наше любопытство. В одном небольшом фригийском городке, об имени и положении которого нам ничего не сообщают, и правительственные власти, и все население приняли христианскую веру, и так как можно было ожидать, что приведение эдикта в исполнение встретит сопротивление, то губернатор провинции взял себе на помощь многочисленный отряд солдат. При их приближении граждане бросились внутрь церкви с твердой решимостью или защитить оружием это священное здание, или погибнуть под его развалинами. Они с негодованием отвергли предложение и дозволение разойтись по домам; тогда раздраженные их упорством солдаты зажгли здание со всех сторон, и множество фригийцев¹⁷¹⁾ вместе со своими женами и детьми погибли среди пламени необычайной мучительной смертью¹⁷²⁾. Некоторые незначительные беспорядки в Сирии и на границах Армении, подавленные почти немедленно вслед за тем, как они возникли, дали врагам церкви весьма благовидный повод утверждать, что эти волнения были тайным образом возбуждены интригами епископов, уже позабывших о своих пышных изъявлениях безусловной и безграничной покорности¹⁷³⁾. Мстительность Диоклетиана или его опасения наконец увлекли его за пределы той умеренности, от которой он до тех пор не отклонялся¹⁷⁴⁾, и он объявил в целом ряде бесчеловечных эдиктов о своем намерении уничтожить самое имя христиан. Первым из этих эдиктов было предписано губернатором провинций арестовать всех, кто принадлежал к духовному званию, и назначенные для самых гнусных преступников тюрьмы скоро наполнились множеством епископов, пресвитеров, диаконов, чтецов и заклинателей. Вторым эдиктом было предписано должностным лицам употреблять всякие меры строгости для того, чтобы заставить христиан отказаться от их отвратительных суеверий, и для того, чтобы принудить их возвратиться к служению богам. Это суровое предписание было распространено следующим эдиктом на всю массу христиан, которые, таким образом, подверглись жестокому и всеобщему гонению¹⁷⁵⁾. Спасительные стеснения, требовавшие непосредственного и формального свидетельства со стороны обвинителя, были отложены в сторону, и императорские чиновники, как по дол-

гу, так и из собственного интереса стали уличать, преследовать и мучить самых упорных между верующими. Тяжелые наказания грозили всякому, кто пытался спасти опального сектанта от заслуженного гнева богов и императоров. Однако, несмотря на строгость законов, многие язычники укрывали своих друзей и родственников с благородным мужеством, которое служит почтенным свидетельством того, что ярость суеверия не заглушила в их душе тех чувств, которые внушаются природой и человеколюбием¹⁷⁶).

Немедленно вслед за обнародованием своих эдиктов против христиан Диоклетиан, как будто желая передать в другие руки дело гонения, сложил с себя императорское достоинство. Его соправители и преемники, сообразно со своим характером и положением, то усиливали, то ослабляли исполнение этих жестоких законов; и мы тогда только получим основательное и ясное понятие об этом важном периоде церковной истории, когда рассмотрим положение христианства отдельно в различных частях империи в течение тех десяти лет, которые протекли между изданием первых эдиктов Диоклетиана и окончательным водворением спокойствия в недрах церкви.

Мягкий и человеколюбивый характер Констанция не терпел угнетения какой-либо части его подданных. Высшие должности в его дворце были заняты христианами. Он питал к ним личное расположение, уважал их за честность и не чувствовал никакого отвращения к их религиозным принципам. Но пока Констанций занимал подначальный пост цезаря, он не был вправе открыто отвергать эдикты Диоклетиана или не исполнять приказаний Максимиана. Впрочем, он был в состоянии облегчать страдания, внушавшие ему сострадание и отвращение. Он неохотно подчинился приказанию разрушать церкви, но осмелился охранять самих христиан от ярости черни и от строгости законов. Галльские провинции (к числу которых, пожалуй, можно отнести и Британию) были обязаны замечательным спокойствием, которым они наслаждались, благосклонному заступничеству своего государя¹⁷⁷). Но президент или губернатор Испании Дациан, действуя под влиянием или своего усердия, или политических расчетов, предпочел исполнять публичные эдикты императоров, а не сообразоваться с тайными намерениями Констанция, и потому едва ли можно сомневаться в том, что его провинциальное управление было запятнано кровью нескольких мучеников¹⁷⁸). Возведение Констанция в высшее и самостоятельно звание

Августа дало полный простор его добродетельным наклонностям, а непродолжительность его царствования не помешала ему установить систему терпимости, принципы и образец которой он оставил в наследство своему сыну Константину.

Этот счастливый сын, объявивший себя покровителем церкви немедленно вслед за своим вступлением на престол, заслужил в конце концов название первого императора, публично исповедовавшего и утвердившего христианскую религию. Одна очень интересная и чрезвычайно важная глава этой истории будет посвящена изложению мотивов его обращения в христианство, вытекавших или из его благочестия, или из его политики, или из его убеждений, или из его угрызений совести, а также изложению хода того переворота, который, под его мощным влиянием и под влиянием его сыновей, сделал из христианства господствующую религию Римской империи. Но в настоящую минуту достаточно будет заметить, что каждая победа Константина доставляла церкви какое-нибудь облегчение или какую-нибудь пользу.

Италийская и африканская провинции вынесли непродолжительное, но жестокое гонение. Строгие эдикты Диоклетиана в точности и охотно исполнялись его соправителем Максимианом, который давно уже ненавидел христиан и который находил наслаждение в пролитии крови и в насилиях. Осенью первого года гонений оба императора съехались в Рим, чтобы праздновать свой триумф; издание новых притеснительных законов, как кажется, было результатом их тайных совещаний, а усердие чиновников поощрялось присутствием монархов. После того как Диоклетиан сложил с себя императорское достоинство, Италия и Африка поступили под управление Севера и сделались беззащитною жертвою неумолимого жестокосердия его повелителя Галерия. Между римскими мучениками Адавкт заслуживает того, чтобы его имя не было позабыто потомством. Он принадлежал к одному знатному итальянскому семейству и, пройдя различные придворные должности, достиг важного звания казначея собственной императорской казны. Его личность тем более достойна внимания, что он, как кажется, был единственным знатым и выдающимся человеком, претерпевшим¹⁷⁹⁾ смерть в течение того времени, как продолжалось это общее гонение¹⁸⁰⁾.

Восстание Максенция немедленно возвратило спокойствие церквам Италии и Африки, и тот же самый тиран, который

угнетал все другие классы своих подданных, оказался справедливым, человеколюбивым и даже пристрастным к несчастным христианам¹⁸¹). Он рассчитывал на их признательность и любовь и весьма естественно ожидал, что обиды, которые они претерпели от самого закоренелого из его врагов, и опасности, которые угрожали им от него в будущем, доставят ему преданность партии, которая уже была в ту пору сильна и числом своих приверженцев, и своим богатством¹⁸²). Даже то, как обошелся Максенций с епископами римским и карфагенским, может считаться за доказательство его терпимости, так как самые православные государи, вероятно, приняли бы точно такие же меры по отношению к установленным духовным властям. Первый из этих прелатов, по имени Марцелл, возбудил в столице смятение тем, что наложил строгую эпитимию на множество христиан, которые во время последнего гонения отреклись от своей религии или скрыли свою привязанность к ней. Неистовство враждебных партий разразилось частыми и бурными восстаниями; верующие обагрили свои руки в крови своих единоверцев, и было признано, что нет другого средства восстановить спокойствие в римской церкви, как изгнать Марцелла, который отличался гораздо более рвением, чем благоразумием¹⁸³). Поведение карфагенского епископа Менсурия, как кажется, было еще более предосудительно. Один из местных диаконов написал пасквиль на императора. Преступник укрылся в епископском дворце, и хотя еще не настало время для предъявления притязаний на привилегии духовенства, епископ отказался выдать его представителям правосудия. За это изменническое сопротивление Менсурий был предан суду, но вместо того, чтобы выслушать приговор к смертной казни или к ссылке, получил, после непродолжительного допроса, позволение возвратиться в свою епархию¹⁸⁴).

Христианские подданные Максенция находились в таком счастливом положении, что, когда кто-нибудь из них желал приобрести для себя мощи мученика, приходилось покупать их в самых отдаленных восточных провинциях. Об одной знатной римской даме, по имени Аглая, рассказывают следующую историю. Она происходила от консульской семьи и владела такими обширными поместьями, что для управления ими нужно было семьдесят три эконома. В числе этих последних находился и ее фаворит Бонифаций; а так как Аглая смешивала любовь с благочестием, то она, как полагают, разделяла с ним свое ложе. Ее состояние давало ей возмож-

ность удовлетворить благочестивое желание приобрести какие-нибудь святые мощи с востока. Она дала Бонифацию значительную сумму денег и огромное количество благовонных веществ, и ее любовник предпринял в сопровождении двенадцати конных спутников и трех крытых повозок далекое странствие до города Тарса в Киликии¹⁸⁵).

Кровожадный нрав Галерия, этого первого и главного виновника гонений, был страшен для тех христиан, которые имели несчастье жить в пределах его владений, и есть полное основание полагать, что многие из людей среднего сословия, не привязанных к своей родине ни богатством, ни бедностью, часто покидали свое отечество и искали убежища в более теплых западных странах. Пока Галерий был только начальником иллирийских армий и провинций, ему было нелегко найти или создать многих мучеников в воинственной стране, относившейся к проповедникам Евангелия более холодно и неприязненно, чем какая-либо другая часть империи¹⁸⁶). Но когда он получил верховную власть на Востоке, он дал самый полный простор своему усердию, жестокосердию не только в провинциях Фракии и Азии, находившихся под его непосредственным управлением, но также в Сирии, Палестине и Египте, где Максимин удовлетворял свои собственные наклонности, исполняя со всей строгостью суровые требования своего благодетеля¹⁸⁷). Частые разочарования, испытанные Галерием в его честолюбивых замыслах, а также опыт, вынесенный из пятилетних гонений, и благотворные размышления, возбужденные в его уме продолжительной и мучительной болезнью, наконец убедили его, что самые напряженные усилия деспотизма не в состоянии истребить целый народ или искоренить его религиозные предрассудки. Желая загладить причиненное им зло, он издал от своего собственного имени и также от имени Лициния и Константина эдикт, который, после пышного перечисления императорских титулов, гласил следующее:

«Среди важных забот, которыми мы были заняты для блага и безопасности империи, мы имели в виду все исправить и восстановить согласно с древними законами и древним общественным благочинием римлян. Мы в особенности желали возвратить на путь разума и природы впавших в заблуждение христиан, которые отказались от религии и обрядов, установленных их предками, и, самонадеянно отвергая старинные обычаи, сочинили нелепые законы и мнения по

внушению своей фантазии и организовали разнообразные общества в различных провинциях нашей империи. Так как эдикты, изданные нами с целью поддержать поклонение богам, подвергли многих христиан опасностям и бедствиям, так как многие из них претерпевали смерть, а многие другие, в более значительном числе, до сих пор упорствуя в своем нечестивом безрассудстве, лишены всякого публичного религиозного культа, то мы желаем распространить и на этих несчастных людей наше обычное милосердие. Поэтому мы дозволяем им свободно исповедовать их собственное учение и собираться на их сходки без опасений и препятствий, лишь с тем условием, чтобы они всегда оказывали должное уважение установленным законам и правительству. Другим рескриптом мы сообщим нашу волю судьям и должностным лицам, и мы надеемся, что наша снисходительность побудит христиан возносить к Божеству, которому они поклоняются, молитвы о нашей безопасности и нашем благополучии, а также о их собственном благоденствии и благоденствии республики»¹⁸⁸). Конечно, не в выражениях эдиктов и манифестов следует искать указания настоящего характера монархов и их секретных мотивов, но так как это были выражения умирающего императора, то его положение может считаться залогом его искренности.

Когда Галерий подписывал этот эдикт о религиозной терпимости, он был уверен, что Лициний охотно подчинится воле своего друга и благодетеля и что всякая мера в пользу христиан будет одобрена Константином; но император не решился внести в предисловие к эдикту имя Максимиана, согласие которого было бы в высшей степени важно и который через несколько дней после того вступил в управление Азией. Впрочем, в первые шесть месяцев своего нового царствования Максимиан делал вид, будто одобряет благоразумные решения своего предшественника, и хотя он никогда не снисходил до того, чтобы обеспечить спокойствие церкви публичным эдиктом, его преторианский префект Сабин разослал ко всем губернаторам провинций и должностным лицам циркуляр, в котором восхвалял императорское милосердие, признавал за христианами непоколебимое упорство и предписывал чинам судебного ведомства прекратить их бесплодные преследования и смотреть сквозь пальцы на тайные сборища этих энтузиастов. Вследствие этих распоряжений огромное число христиан было освобождено из тюрем и избавлено от ссылки в рудники. Духовники

возвратились домой с пением торжественных гимнов, а те из христиан, которые не устояли против свирепости грозы, стали со слезами раскаяния молить о принятии их снова в лоно церкви¹⁸⁹).

Но это обманчивое спокойствие было непродолжительно; к тому же восточные христиане не могли иметь никакого доверия к характеру своего государя. Жестокосердие и суеверие были господствующими страстями в душе Максимиана. Первая из них указала ему на способы гонений, а вторая наметила жертвы. Император усердно поклонялся богам, изучал магию и верил в оракулов. Пророков или философов, которых он чтит как любимцев небес, он часто возвышал до управления провинциями и делился с ними своими самыми тайными намерениями. Они без труда убедили его, что христиане были обязаны своими успехами своей строгой дисциплине и что слабость политеизма проистекала главным образом из недостатка единства и субординации между служителями религии. Поэтому была введена такая система управления, которая, очевидно, была копией с церковной администрации. Во всех больших городах империи храмы были исправлены и украшены по приказанию Максимиана, а жрецы, совершавшие обряды поклонения различным богам, были подчинены старшему первосвященнику, назначение которого заключалось в соперничестве с епископом и в поддержании идолопоклонства. Эти первосвященники в свою очередь были подчинены верховной власти митрополитов или главных жрецов провинции, которые действовали в качестве непосредственных наместников самого императора. Белое одеяние было отличительным признаком их достоинства, и эти новые прелаты тщательно избирались из представителей самых знатных и самых богатых семейств.

По внушению должностных лиц и жреческого сословия язычники, и в особенности жители Никомедии, Антиохии и Тира, обратились к императору с почтительными адресами, в которых они выдавали хорошо всем известные намерения правительства за общие желания всего населения, просили императора сообразоваться с требованиями справедливости, а не с чувством милосердия, выражали свое отвращение к христианам и униженно молили об удалении этих нечестивых сектантов из пределов их территории. До нас дошел ответ Максимиана на адрес, полученный им от граждан Тира. Максимиан восхваляет усердие и благочестие просителей в таких выражениях, из которых видно, что он ими в высшей

степени доволен; затем он распространяется касательно упорного нечестия христиан и соглашается на их изгнание с такой готовностью, из которой видно, что он считает себя одолженным, а не сам делает одолжение. И жрецам, и должностным лицам было дано право следить за точным исполнением его эдиктов, которые были вычеканены на медных таблицах, и хотя им советовали избегать пролития крови, упорствующие христиане были подвергнуты самым жестоким и позорным наказаниям¹⁹⁰).

Жившие в Азии христиане могли всего опасаться от вставшего в ханжество монарха, который подготовлял свои жестокие меры с такой обдуманной расчетливостью. Но едва протекло несколько месяцев, как изданные двумя западными императорами декреты заставили Максимиана приостановить исполнение его намерений: междоусобная война, которую он так опрометчиво предпринял против Лициния, сосредоточила на себе все его внимание, а его поражение и смерть скоро избавили церковь от последнего и самого непримиримого из ее врагов¹⁹¹).

В этом общем обзоре гонений, впервые дозволенных эдиктами Диоклетиана, я с намерением воздержался от подробного описания страданий и смерти христианских мучеников. Было бы вовсе не трудно извлечь из истории Евсевия, из декламаций Лактанция и из самих древних письменных документов длинный ряд страшных и отвратительных сцен и наполнить целые страницы описанием орудий пытки и бичеваний, железных крючьев и докрасна раскаленных кроватей и всякого рода истязаний человеческого тела при помощи огня и меча, диких зверей и еще более диких палачей. Эти печальные сцены можно бы было оживить множеством видений и чудес, назначением которых было или замедлить смерть, или прославить торжество, или открыть мощи тех признанных церковью святых, которые пострадали за веру во Христа. Но я не буду в состоянии решить, что должен я заимствовать от этих писателей, пока не буду знать, в какой мере я должен им верить¹⁹²). Даже самый серьезный из церковных историков Евсевий косвенным образом сознается, что он записывал все, что могло способствовать увеличению славы христианской религии, но умалчивал обо всем, что могло ее унижить¹⁹³). Такое сознание натурально возбуждает в нас подозрение, что писатель, столь явно нарушавший один из двух основных законов истории, не обращал большого внимания на соблюдение и второго; а этому подозрению

придает еще более веса знакомство с характером Евсевия, который был менее заражен легковерием и более опытен в придворных интригах, чем кто-либо из его современников. В некоторых особенных случаях, когда должностное лицо было раздражено какими-нибудь мотивами, истекавшими из его личных интересов, или из его мстительности, или когда увлекшиеся своим усердием христиане, позабыв все правила благоразумия и даже приличия, опрокидывали алтари, осыпали бранными словами императоров или наносили удары судье, в то время как он заседал на своем трибунале, нетрудно поверить, что этих несчастных подвергали всякого рода истязаниям, какие только может придумать жестокосердие или какие только может вынести человеческое мужество¹⁹⁴). Однако нам по неосторожности сообщают два факта, которые заставляют думать, что вообще обхождение с христианами, арестованными по распоряжению судебной власти, было не так невыносимо, как обыкновенно воображали.

1. Духовникам, осужденным на работы в рудниках, было дозволено - благодаря или человеколюбию, или небрежности сторожей - устраивать внутри этих печальных жилищ часовни и свободно исповедовать свою религию¹⁹⁵). 2. Епископы были вынуждены сдерживать и осуждать отважное рвение тех христиан, которые добровольно отдавали себя в руки правосудия. Некоторые из этих последних, страдая под бременем нищеты и долгов, с отчаяния искали случая окончить свое жалкое существование славною смертью. Другие льстили себя надеждой, что непродолжительное тюремное заключение загладит грехи всей их жизни; наконец, были в числе их и такие, которые действовали под влиянием менее честных мотивов и надеялись извлечь средства существования и даже, может быть, значительные выгоды из добровольных приношений, которыми осыпало арестантов милосердие верующих¹⁹⁶). После того как церковь восторжествовала над всеми своими врагами, и личный интерес, и тщеславие христиан, вынесших гонение, заставляли их преувеличивать свои заслуги, преувеличивая испытанные ими страдания. Отдаленность времени и места страданий давали широкий простор вымыслам, а чтоб устранить всякие затруднения и заглушить все возражения, стоило указать на многочисленные примеры таких мучеников, у которых раны внезапно залечивались, силы восстанавливались и оторванные члены чудесным образом снова оказывались на своих местах. Самые нелепые легенды - если только они делали честь церкви - с

восторгом повторялись левоверной толпой, поддерживались влиянием духовенства и удостоверались сомнительным свидетельством церковной истории.

Для искусного оратора так легко преувеличивать или смягчать описание ссылок и тюремных заключений, страданий и пыток, что в нас натурально возникает желание исследовать такой факт, который более явствен и менее доступен для искажений, а именно, как велико было число лиц, потерпевших смертную казнь вследствие эдиктов, изданных Диоклетианом, его соправителями и его преемниками. Новейшие легенды рассказывают о целых армиях и целых городах, зараз стертых с лица земли неразборчивою яростью гонителей. Более древние писатели довольствуются тем, что изливают потоки несвязных и патетических ругательств, но не нисходят до того, чтобы в точности определить число тех, кто мог запечатлеть своею кровью свою веру в Евангелие. Впрочем, из истории Евсевия можно извлечь то сведение, что только девять епископов были казнены смертью, а из его подробного перечисления палестинских мучеников мы заключаем, что не более как девяносто два христианина имели право на это почтенное название¹⁹⁷⁾. Так как нам неизвестно, в какой мере отличались в ту пору епископы своим усердием и мужеством, то мы не в состоянии сделать какой-либо полезный вывод из первого из этих фактов; но второй может служить основанием для очень важного и правдоподобного вывода. Судя по распределению римских провинций, можно полагать, что Палестина составляла шестнадцатую часть Восточной империи¹⁹⁸⁾; а так как были такие губернаторы, которые из искреннего или притворного чувства сострадания не хотели марать своих рук в крови верующих¹⁹⁹⁾, то есть основание думать, что страна, где родился Христос, дала по меньшей мере шестнадцатую часть тех мучеников, которые претерпели смерть в пределах владений Галерия и Максимиана. Стало быть, общая цифра должна простираться почти до тысячи пятисот человек; если же мы разделим ее поровну между десятью годами гонений, то найдем, что ежегодно умирало по сто пятьдесят мучеников. Если мы применим этот расчет к провинциям итальянским, африканским и даже испанским, где по прошествии двух или трех лет действие строгих уголовных законов было или приостановлено, или отменено, то мы найдем, что число христиан в Римской империи, присужденных судебными приговорами к смертной казни, едва ли доходит до двух тысяч. Так как не может под-

лежать сомнению, что во времена Диоклетиана христиане были более многочисленны, а их враги более ожесточенны, нежели во время которого-либо из прежних гонений, то это правдоподобное и умеренное вычисление может дать нам верное понятие о числе самых древних святых и мучеников, пожертвовавших своею жизнью для распространения в мире христианства²⁰⁰).

Мы должны закончить эту главу печальной истиной, которая насильно навязывается нашему уму, несмотря на то, что она ему крайне неприятна, - что, даже допуская без колебаний и проверки все, что нам сообщила история, или все, что выдумало благочестие касательно мучеников, мы должны сознаться, что во время своих внутренних раздоров христиане причинили одни другим гораздо более зла, чем сколько они потерпели от усердия неверующих. В течение веков невежества, следовавших за разрушением Римской империи на западе, епископы царственного города распространили свое господство и на мирян, и на духовенство латинской церкви. На здание суеверий, которое они воздвигли и которое могло бы еще долго противостоять слабым усилиям разума, наконец напала масса смелых фанатиков, принимавших на себя с двенадцатого по шестнадцатое столетие популярную роль реформаторов. Римская церковь охраняла насилием то владычество, которое она приобрела обманом; система мира и милосердия скоро была запятнана ссылками, войнами, убийствами и учреждением инквизиционного суда, а так как реформаторов одушевляла любовь как к гражданской, так и к религиозной свободе, то католические государи связали свои собственные интересы с интересами духовенства и усилили с помощью огня и меча тот ужас, который внушали церковные кары. Только в одних Нидерландах, как рассказывают, погибло от руки палача более ста тысяч подданных Карла Пятого. Об этой громадной цифре свидетельствует Гроций²⁰¹) - человек гениальный и ученый, который сохранил спокойствие духа среди неистовств враждовавших сект и написал летописи своего собственного века и своего отечества в такое время, когда изобретение книгопечатания увеличило средства добывания знаний и усилило опасность быть уличенным в неправде. Если мы обязаны подчинить наши мнения авторитету Гроция, то мы должны признать, что число протестантов, казненных только в одной провинции и только в одно царствование, далеко превосходит число древних мучеников, пострадавших в течение трех столетий на пространстве

всей Римской империи. Если же неправдоподобие самого факта должно иметь перевес над убедительностью свидетельства, если Гроция можно уличить в преувеличении заслуг и страданий реформаторов²⁰²⁾, то перед нами натурально возникает вопрос: какое же доверие можно иметь к подозрительным и неполным памятникам древнего легковерия, - в какой мере можно полагаться на епископа-царедворца и на страстного декламатора, пользовавшихся, под покровительством Константина, исключительным правом описывать гонения, которым подвергали христиан побежденные соперники и презируемые предшественники их всемиловитейшего государя?²⁰³⁾

1) История первых времен христианства изложена лишь в «Деяниях Апостолов», к которым и следует обращаться, когда приходится говорить о преследованиях, которым подвергались христиане; эти преследования касались в ту пору только людей известного разряда и ограничивались небольшим пространством, а потому интересовали одних преследуемых и были рассказаны ими одними. Гиббон, относя начало преследований ко временам Нерона, совершенно опустил из виду те, которые предшествовали этой эпохе и о которых сохранил воспоминания св. Лука. Чтоб оправдать это опущение, не было другого средства, кроме нападка на достоверность «Деяний Апостолов», потому что если они достоверны, то необходимо справляться с ними и черпать из них сведения; но древность оставила нам лишь очень немного произведений, достоверность которых была бы так хорошо доказана, как достоверность «Деяний Апостолов». См. Ларднера *Credibility of the Gospel's History*, ч. 2. Отсюда следует, что Гиббон умолчал о повествованиях св. Луки, не имея на то достаточных мотивов, а этот пробел не лишен значения. — *Гизо*. (Гиббон не сомневался в достоверности «Деяний Апостолов», так как он цитировал из них некоторые факты. Он не считал рассказанные там факты за доказательства публичного и общего преследования, и их не считали за такие доказательства историки церкви. Один Гизо полагает, что там есть доказательства угнетения христиан императорскими указами и доказательства официальных жестокостей, которые не были в состоянии сломить твердость христиан. Гизо писал это примечание в качестве введения к одному из следующих примечаний, из которого будет ясно, что он придерживался указанного нами мнения. — *Издат.*)

2) В Кирене они умертвили двести двадцать тысяч греков, в Кипре — двести сорок тысяч, в Египте — огромное число жителей. Многие из этих несчастных жертв были распилены надвое согласно с прецедентом, который санкционирован примером Давида. Победоносные иудеи пожирали мясо несчастных, лизали их кровь и опоясывали их внутренностями свою талию. См. Диона Кассия, кн. 68, стр. 1145. (Некоторые комментаторы и между прочими Реймар в своих примечаниях у Диону Кассию высказывают ту мысль, что ненависть римлян к иудеям заставила названного историка преувеличить совершенные этими последними жестокости. — *Гизо*.) (К этому следует прибавить наклонность древних преувеличивать общественные бедствия. Их источники сведений были так скудны и неверны, что от этих сведений нельзя требовать точности. Они узнавали о случившемся по слухам, которые, как всякому известно, принимают тем большие размеры, чем значительнее число лиц, через которые они проходят. — *Издат.*)

3) Не говоря уже о всем известном рассказе Иосифа, мы узнаем от Диона (кн. 69, стр. 1162), что во время войны с Адрианом пятьсот восемьдесят тысяч иудеев погибли от меча и что, кроме того, бесчисленное множество погибло от голода, болезней и пожаров.

4) Касательно секты зилотов см. Баснажа *Истор. Иудеев*, кн. 1, гл. 17; касательно характера Мессии согласно с мнением раввинов, кн. 5, гл. 11–13; касательно действий Бар-Кохбы, кн. 7, гл. 12. (Эта война продолжалась три с половиной года, с весны 132 до августа 135–го. См. Диона и Иеронима, цитируемых Клинтонем, F. R. 1, 122. — *Издат.*)

5) Римскому юрисконсульту Модестину (кн. F. Regular.) мы обязаны точными сведениями об эдикте Антонина. См. Казобона *ad Hist. August.*, стр. 27.

6) См. Баснажа, *История Иудеев*, кн. 3, гл. 2, 3. Должность патриарха была упразднена Феодосием Младшим.

⁷⁾ Достаточно будет напомнить о пуриме или спасении иудеев от ярости Амана; до царствования Феодосия они праздновали это событие с наглой торжественностью и буйной невозддержностью. Баснаж, Истор. Иудеев, кн. 6, гл. 17, кн. 8, гл. 6.

⁸⁾ По словам лживого Иосифа, внук Исава Тсефон провел в Италию армию карфагенского царя Знея. Другая колония, состоявшая из идумейцев, спасаясь от меча Давида, нашла себе убежище во владениях Ромула. По этим ли причинам или по каким-нибудь другим, не менее веским, иудеи относили название Эдома к Римской империи.

⁹⁾ Из аргументов Цельса, в том виде, как их излагал и опровергал Ориген (кн. 5, стр. 247–259), можно ясно понять, какое делалось различие между иудейским народом и христианской сектой. См. в Диалоге Минуция Феликса (гл. 5, 6) ясное и не лишенное изящества описание того, как смотрел народ на отречение от установленного культа.

¹⁰⁾ *Cur nullas aras habent? templa nulla? nulla nota simulacra?.. Unde autem, vel quis ille, aut ubi, Deus unicus, solitarius, destitutus?* (Минуций Феликс, гл. 10). Языческий собеседник делает далее различие в пользу иудеев, у которых когда-то были храмы, алтари, жертвоприношения и пр.

¹¹⁾ Трудно, говорит Платон, возвыситься до познания истинного Бога, и было бы опасно опубликовать такое открытие. См. *Théologie des Philosophes* аббата Оливье в его французском переводе сочинения Цицерона *de Natura Deorum*, ч. 1, стр. 275. (Однако и он и другие публично сообщали свои сведения или в устном изложении перед своими учениками, или в книгах для своих читателей. Мы вовсе не держимся того мнения – хотя некоторые и делают это из своих особых соображений – что публичность в древние времена была так же широка, как теперь. Однако мнения, высказывавшиеся указанным путем, распространялись далеко и широко. Во времена Платона Аристипп распространил учение Сократа до самой окраины африканских степей, и оба эти современника соперничали друг с другом, распространяя его в Сиракузах в непосредственном соседстве с Лациумом. В следовавшие затем сто лет эти учения приобрели еще более всеобщую известность, благодаря учреждению постоянных школ и публичных библиотек в Александрии. Замечание Гиббона может относиться к Риму и, может быть, к Афинам, но не к образованным классам восточного населения. – *Издат.*)

¹²⁾ Автор *Philopatris*'а постоянно отзывался о христианах как об обществе погруженных в грезы энтузиастов и пр., а в одном месте он ясно намекает на видение, во время которого св. Павел был перенесен на третье небо. В другом месте Трифон, олицетворяющий христианина, насмеявшись над языческими богами, предлагает следующую таинственную клятву:

Hyphimesonta theon, megan, ambroton, ouraniōna,

Hyion patros, pneuma ek patros ekporeyomenon

Hen ek triōn, kai ex henos tria.

Arithmeein me didaskeis (таков нечестивый ответ Крития), *kai horkos hē arithmētikē oyk oida gar ti legeis hen tria, tria hen!*

Тайно связанному с нами Богу, великому, бессмертному, небесному,

Сыну Отца, Духу, от Отца исходящему,

Единому из трех (состоящему), и Троице из Единого.

Ты не научен счету (таков нечестивый ответ Крития), я же не знаю такой арифметической клятвы, которую ты произносишь, где одно – это три, а три – это одно. – Перев. ред.

13) По словам Юстина Мученика (Apoloq. Major, гл. 70–85), демон, приобретший некоторые неполные сведения о пророчествах, с намерением устроил такое сходство, которое могло отклонить, хотя и различными способами, и народ и философов от принятия христианской веры.

14) В первой и второй книгах Оригена Цельс отзывался о рождении и характере нашего Спасителя с самым нечестивым презрением. Оратор Либианн хвалит Порфирия и Юлиана за то, что они разоблачили безрассудство секты, выдающей умершего в Палестине человека за Бога и за Сына Божия. Сократ, Hist. Ecclesiast., III, 23.

15) Император Траян не позволил составить общество из ста пятидесяти пожарных для службы в городе Никомедии. Он вообще не любил никаких ассоциаций. См. Плиния «Письмо» X, 42, 43.

16) Проконсул Плиний издал всеобщий эдикт против противозаконных собраний. Христиане, из предосторожности, прекратили свои агапы, но они не могли прекратить обрядов публичного богослужения.

17) Так как предсказания об антихристе, о скором всемирном пожаре и пр. раздражали тех язычников, которых они не могли обратить в христианство, то христиане стали упоминать о них осторожно и сдержанно, а монотанитов порицали за то, что они, не стесняясь, всем раскрывали эту опасную тайну. См. Мозгейма, стр. 413.

18) Neque enim dubitabam, quodcunque esset quod faterentur (так выражается Плиний), pervicaciam certe et inflexibilem obstinationem debere puniri.

19) См. Мозгейма «Церковная История» ч. 1, стр. 101, и Шпангейма Remarques sur les Césars de Julien, стр. 468 и сл.

20) См. Юстина Мученика Apolog. 1, 35; 11, 14. Афинагор in Legation., гл. 27. Тертуллиан, Apolog., гл. 7–9. Минуций Феликс, гл. 9, 10, 30, 31. Последний из этих писателей излагает это обвинение самым изящным и подробным образом; а ответ Тертуллиана был самый смелый и энергичный.

21) Во время лионских преследований страх пытки заставил некоторых языческих рабов взводить обвинения на христиан, которым они принадлежали. В письмах к своим азиатским единоверцам христиане лионской церкви говорят об этих отвратительных обвинениях с надлежащим негодованием и презрением. Евсев. Hist. Eccles., V, I.

22) Юстин Мученик, Apolog., 1, 35. Ириней adv. Haeres., 1, 24. Климент Александрийский, Stromat., кн. 3, стр. 438. Евсевий, IV, 8. Нам пришлось бы входить в скучные и отвратительные подробности, если бы мы стали приводить все, что впоследствии выдумывали писатели, все, чему поверил Елифанний, и все, что списывал Тильефон. Бособр (Hist. du Manichéisme, кн. 9, гл. 8, 9) с большим одушевлением объяснил недобросовестные уловки св. Августина и папы Льва I.

23) Когда Тертуллиан обратился в монотанита, он стал поносить нравственность церкви, которую прежде так решительно защищал. «Sed majoris est agare, quia per hanc adolescentes tui cum sororibus dormiunt, appendices scilicet gulae lascivia et luxuria». De Jejunii, гл. 17. Тридцать пятое постановление собора Иллиберийского принимает меры против скандалов, которые слишком часто пытали ночные бдения верующих и унижали имя христиан в глазах неверующих.

24) Тертуллиан (Apoloq., гл. 2) с большой рассудительностью и с некоторой напыщенностью распространяется об этом добросовестном и лестном отзыве Плиния.

25) В разнообразных компиляциях, входящих в состав «Истории эпохи цезарей» (некоторая часть которой была написана в царствование Константина), нет шести строк о христианах, а усердие Ксифилина не отыскало их имени в обширной истории Диона Кассия.

26) Одно не совсем ясное место у Светония (in Claud., гл. 25) могло бы, как кажется, служить доказательством того, как странно смешивали римских иудеев и христиан одних с другими.

27) См. в восемнадцатой и двадцать пятой главе Апостольских Деяний, как вели себя проконсул Ахайи Галлион и прокуратор Иудеи Фест.

28) Во времена Тертуллиана и Климента Александрийского слава мученической смерти признавалась только за св. Петром, св. Павлом и св. Иаковом. Она мало-помалу была распространена и на остальных апостолов более близкими к нам по времени греческими писателями, которые из предосторожности избирали театром проповеди и страдания этих апостолов какую-нибудь отдаленную страну вне пределов Римской империи. См. Мозгейма, стр. 81 и Тильемона *Mémoires Ecclesiastiques*, том 1, ч. 3.

29) Гиббон не принял в соображение того, в какой мере усиливавшееся влияние новой веры уменьшило доходы духовенства и всех тех, кто от него зависел в своих средствах существования или получал какие-либо назначения. В своем письме к Траяну Плиний говорит, что «храмы почти никем не посещаются, а священные жертвы с трудом находят покупателей». Это — единственное преступление, в котором он, в качестве правителя и судьи, может обвинить христиан; а Траян в своем ответе требует одного: чтобы они доказали свою невинность жертвоприношением, «*Supplicando diis nostris*». Таким образом был прекращен прилив священных доходов, а в таких случаях всякая религия, имеющая в своих руках власть, всегда прибегала к преследованию. Члены всех самых влиятельных римских семейств занимали должности при храмах, и все они были заинтересованы в поддержании источника доходов. И артисты, и ремесленники, и земледельцы изалекали денежные выгоды из того, что они поставляли для совершения религиозных обрядов. Им было нетрудно внушить такому государю, как Нерон, что секта, относившаяся с презрением к его титулу *Pontifex Maximus*, не могла относиться с большим уважением и к его титулу императора, и таким образом они навлекли на нее его гнев и недоверие. Клевета всегда служит орудием для преследований, а Тацит и Светоний, очевидно не проверяя фактов, писали только со слухов; впрочем, они говорят в обвинение христиан своего времени не более того, что говорят в наше время одна против другой ссорящиеся между собою секты или чем обмениваются с своими соперниками объятые страхом члены какой-нибудь церковной иерархии. — *Издат.*

30) Тацит, *Анналы*, XV, 38–44. Светоний, in *Neron*, гл. 38. Дион Кассий, кн. 62, стр. 1014. Орозий, VII, 7.

31) Цена муки (вероятно, модия) была уменьшена до *terni nummi*, что почти равнялось бы пятнадцати шиллингам за английскую четверть.

32) К этому можно добавить, что Тацит упоминает об этом слухе с весьма умеренным недоверием и нерешительностью, тогда как Светоний передает его очень охотно, а Дион решительно подтверждает его. (По словам Тацита, Нерон находился в гор. Антиуме в то время, как начался пожар. — *Издат.*)

33) Одного этого свидетельства уже достаточно для того, чтобы вывести наружу анахронизм иудеев, которые относят рождение Христа почти на сто лет назад (Баснаж, *Histoire des Juifs*, кн. 5, гл. 14, 15). Нам известно от Иосифа (*Antiquitat. XVIII*,

3), что время прокураторства Пилата соответствовало последним десяти годам царствования Тиберия, т.е. 27–39 г. христианской эры. Что же касается времени смерти Христа, то очень древнее предание относит ее к 25 марта 29 г.; в это время консулами были два близнеца (Тертуллиан, *adv. Iudaeos*, гл. 8). Это число, принятое Пажи, кардиналом Норрисом и Ле-Клерком, как кажется, по меньшей мере так же правдоподобно, как общепринятая эра, которая (по неизвестным мне соображениям) назначена четырьмя годами позже. (Хроника Евсевия (anno 2048) служит авторитетом для 33–го года. См. анализ этого вопроса у Клинтон (F. R. i, p. 12–18), который соглашается с Тертуллианом, и у Тернбуля в Трудах Хронологического Института (ч. 1, стр. 15 – 21), который принимает более позднюю, то есть общепринятую эру. – *Издат.*)

34) Одна следующая фраза: *Repressa in praesens exitiabilis superstitio rursus erumpebat* доказывает, что христиане уже успели обратить на себя внимание правительства и что Нерон не был первым их преследователем. Я удивляюсь тому, что писатели не настаивали на подтверждении, которое получают Апостольские Деяния от слов Тацита: *Repressa in praesens*, и *rursus erumpebat*. – Гизо. (Гизо должен бы был в точности указать те части священного рассказа, которые, по его мнению, находят для себя подтверждение. Мы находим там сведения о судебном преследовании, впрочем не очень строгом, которое было несколько раз направлено против отдельных лиц, а также о ярости народной толпы, раздраженной сопротивлением иудеев; но мы нигде не находим указаний на то, чтобы христианство было «подавлено» какими-либо судебными строгостями и чтобы оно снова возстало из-под гнета. Тацитово выражение *repressa* гораздо правильнее объяснено деканом Мильманом, который относит его к «ожидаемому искоренению христианской религии, вследствие смерти ее основателя». – *Издат.*)

35) *Odio humani generis convicti*. Эти слова могут означать или ненависть человеческого рода к христианам, или ненависть христиан к человеческому роду. Я предпочел последнее значение, как более сообразное со стилем Тацита и с общим заблуждением, для которого, быть может, послужило невинным поводом одно евангельское правило (Еванг. от Луки, XIV, 26). Мое объяснение подтверждается авторитетом Липсия, итальянских, французских и английских переводчиков Тацита, Мозгейма (стр. 102), Ле-Клерка (*Historia Ecclesiast.*, стр. 427), докт. Ларднера (*Testimonies*, ч. 1, стр. 345) и епископа Глостерского (*Divine Legation*, ч. 3, стр. 38). Но так как слово *convicti* плохо гармонирует с отдельными словами фразы, то Гроновий предпочел заменить его словом *coniuncti*, которое допускается ценным флорентийским манускриптом.

36) Тацит, *Анналы*, XV, 44.

37) Нардини, *Roma Antica*, стр. 487. Донат, *de Roma Antiqua*, кн. 3, стр. 449.

38) Светоний, *In Nerone*, гл. 16. Эпитет *malefica*, который переведен некоторыми остроумными комментаторами словом *magical*, считается более разумным Мозгеймом лишь за синоним употребленного Тацитом слова *exitibilis*.

39) То место, в котором речь идет об Иисусе Христе и которое было вставлено в текст Иосифа в промежутки времени между Оригеном и Евсевием, может служить образчиком не часто встречающегося подлога. Там подробно описаны исполнение пророчеств, добродетели, чудеса и воскресение Христа. Иосиф признает, что он был Мессия, но колеблется, следует ли считать его за человека. Если бы еще оставалось какое-нибудь сомнение касательно этого знаменитого места, читатель может справиться с меткими возражениями Ле-Февра (*Havercamp. Ioseph.* ч. 2, стр. 267–273), с выработанными ответами Добюза (стр. 187–232) и с мастерским

возражением (Bibliothèque Ancienne et Moderne, ч. 7, стр. 237–288) анонимного критика, в котором я угадываю ученого аббата де Лонгерю. (Много усилий было потрачено над этим местом у Иосифа. Если предположить, что оно неподдельно, мы нашли бы в нем доказательство только того, чего никто не отвергает, — что в конце первого столетия были такие христиане, которые были привязаны к некоторым мнениям и верили в некоторые события. Если бы даже сам писатель выразил свою собственную веру в эти события — чего вовсе незаметно, — то это ничего бы не прибавило к очевидности случившихся задолго перед тем событий. — *Издат.*)

40) См. Жизнеописание Тацита Липсием и аббатом де-ла Блетери; Dictionnaire de Bayle в статье Тацит, и Фабриция Biblioth. Latin. ч. 2, стр. 386, изд. Эрнеста.

41) Principatum Divi Nervae, et imperium Trajani, uberio rem securiormque materiam senectuti seposui. Тацит, Истоп. 1.

42) См. Тацита Анналы, II, 61; IV, 4.

43) Как я уже ранее заметил, стоит только прочесть приведенное выше место из Тацита, чтобы убедиться, что секта христиан не была так малоизвестна, что не могла быть подавлена (repressa), и что она не была невинной в глазах римлян. — *Гизо.*

44) Этот актер назывался Алитуром. Тем же самым путем Иосиф (de Vita sua, гл. 3), почти за два года перед тем, добился помилования и освобождения нескольких иудейских священников, содержащихся в Риме в плену.

45) Ученый докт. Ларднер (Еврейские и языческие свидетельства, ч. 2, стр. 102, 103) доказал, что имя галилеян было очень древним и, может быть, первоначальным названием христиан.

46) Иосиф, Древн., XVIII, 1, 2. Тильемон, Ruine des Juifs, стр. 742. Сыновья Иуды были распяты на кресте во времена Клавдия. После взятия Иерусалима римлянами его внук Элеазар оборонял сильную крепость с девятыстами шестьюдесятью из самых бесстрашных своих последователей. Когда военные машины пробili в стене брешь, они умертвили своих жен и детей и наконец убили самих себя. Они погибли все до последнего человека.

47) Это предположение совершенно неправдоподобно и даже невозможно. Тацит не мог ошибиться, относя к римским христианам преступление и наказание, которые он мог бы с гораздо большим основанием отнести к приверженцам Иуды Гавлонита, потому что эти последние никогда не проникали до Рима. Их восстание, их попытки, мнения, войны и наказание имели театром одну Иудею (Баснаж, Истоп. Иуд., ч. 1 стр. 491). Впрочем, название христиан давно уже давалось в Риме последователям Иисуса, а Тацит утверждает это так положительно и объясняет этимологию этого названия так ясно, что нет возможности предполагать ошибку с его стороны. — *Гизо.* (Не следует забывать, что, по словам самого Гиббона, это не более как догадка. Конечно, она сделана слишком поспешно и не имеет твердого основания. Христиане никогда не были известны под каким-либо другим названием вне Иудеи или в соседних с Иудеей странах. Когда Гизо говорит, что их давно уже так называли в Риме, он позабывает, что это название было придумано лишь почти за двадцать лет перед тем и проникло в столицу империи лишь через несколько времени после того, как оно впервые вошло в употребление в Антиохии. Поэтому оно еще было ново в тот период времени, о котором здесь идет речь. Гиббон, очевидно, был введен в заблуждение не столько докт. Ларднером, сколько тем местом, в котором Эпиктет, живший в Риме в царствование Нерона, относит название галилеян к какой-то расе, которая по безрассудству или по привычке сделала равнудушна к жизни и ко всем житейским интересам. Оно могло бы

быть отнесено к иудеям, а христиане не имели до того времени случая обнаруживать подобные черты характера. — *Издат.*)

48) См. Додвелля *Paucitat. Mart.* кн. 13. Испанская надпись у Грутера, стр. 238, N 9, очевидно поддельна и признается за таковую; она была сфабрикована известным обманщиком Кириаком Анконским с целью польстить гордости и предрассудкам испанцев. См. Феррера *История Испании*, ч. 1, стр. 192. (Мнение Гиббона далеко не доказано, Сульпиций Север говорит об эдиктах, изданных Нероном против христиан уже после римского пожара: *Post etiam, datis legibus religio vetabatur palamque edictis propositis christianum esse non licebat* (кн. 2, гл. 37). Мы не имеем никаких свидетельств о том, что эти преследования не распространялись вне римских стен, и ничто не ослабляет свидетельства Орозия, который положительно утверждает, что Нерон подвергал христиан преследованиям в провинциях. *Nero christianos suppliciis ac mortibus affecit, ac per omnes provincias pari persecutione excruciarı imperavit*. Кн. VIII, *Hist.*, гл. 5. — Гизо.) (Если бы действительно происходили подобные преследования в провинциях, они должны бы были распространяться и на те местности, где в то время проповедовали апостолы и где были описаны их Деяния. Умолчание об этом служит очень убедительным доказательством, а с другой стороны, беспрепятственное дозволение св. Павлу отправиться в Рим доказывает, что губернаторы провинций не получали права действовать так, как указано словами *excruciarı imperavit*, приводимыми Орозием, который писал лишь по прошествии почти четырехсот лет после времен Нерона. — *Издат.*)

49) Капитолий был сожжен во время междоусобной войны между Вителлием и Веспасианом, 19-го декабря 69 г. А 10-го августа 70 г. Иерусалимский храм был разрушен скорее руками самих иудеев, нежели руками римлян.

50) Новый Капитолий был освящен Домицианом. Светоний, *in Domitian*, гл. 5. Плутарх, *Жизнь Публикола*, ч. 1., стр. 230, изд. Бриана. Одна его позолота стоила двенадцать тысяч талантов (более двух с половиной миллионов фунт. стерл.). Марциал полагал (кн. 9, эпигр. 3), что если бы император обратился для уплаты своих долгов к самому Юпитеру, то, даже продавши с аукциона весь Олимп, он не был бы в состоянии уплатить по два шиллинга за каждый фунт стерлингов.

51) Касательно этого налога см. Диона Кассия кн. 66, стр. 1082 с примечаниями Реймара. Шпангейм, *de Usu Numismatum*, ч. 2, стр. 571, и Баснаж, *История Иудеев*, кн. 7, гл. 2.

52) Светоний (*in Domitian*, гл. 12) видел, как публично осматривали одного девятилетнего старика перед трибуналом прокуратора. Это то, что Марциал называет *Mentula tributis damnata*.

53) Это название вначале понималось в самом прямом смысле, и предполагалось, что братья Иисуса были законными детьми Иосифа и Марии. Благочестивое уважение к девственности Матери Божией внушило гностикам, а впоследствии и православным грекам, мысль дать Иосифу вторую жену. Латины (со времен Иеронима) стали развивать далее эту мысль; они стали утверждать, что Иосиф всегда был холост, и ссылались на несколько подобных примеров в подтверждение своего нового толкования, что Иуда, Симеон и Иаков, называвшиеся братьями Иисуса Христа, были лишь его двоюродными братьями. См. Тильемона *Mem. Ecclesiast.*, том I, часть 3 и Бособра *Hist. Critique du Manichisme*, кн. 2, гл. 2.

54) Тридцать девять *plethron* (плетров), или площадей, каждый во сто квадратных футов, составляют при точном вычислении около девяти акров. Но соображения, основанные на вероятии, обыкновение других греческих писателей и авторитет

Валуа заставляют меня думать, что слово *plethron* (плетр) обозначало то, что римляне называли *jugeum*.

⁵⁵⁾ Евсевий, III, 20. Эти подробности заимствованы от Гегезиппа.

⁵⁶⁾ См. описание смерти и характера Сабина у Тацита (Истор., III, 74,75.) Сабин был старший брат и до восшествия на престол Веспасиана считался за главную опору семейства Флавиев.

⁵⁷⁾ *Flavium Clementem patrualem suum contemtissimae inertiae... ex tenuissima suspicione interemit*. Светон. in Domitian, гл. 15.

⁵⁸⁾ По словам Диона, это был остров Пандатария. Бруттий Презенс (apud Euseb. III, 18) изгнал ее на остров Понтию, который лежит неподалеку от Пандатарии. Это различие, а также ошибка или самого Евсевия, или тех, кто его переписывал, подли повод к предположению, что было две Домициллы, из которых одна была жена Климента, а другая его племянница. См. Тильемона *Memoires Ecclesiastiques*, ч. 2, стр. 244.

⁵⁹⁾ Дион, кн. 67, стр. 1112. Если Бруттий Презенс, от которого он, по вероятно, заимствовал эти подробности, был тот самый, который переписывался с Плинием (Epistol. 7, 3), то мы можем считать его за современного писателя.

⁶⁰⁾ Светон. in Domit., гл. 17. Филострат in Vit. Appolon., кн. 8.

⁶¹⁾ Дион, кн. 67, стр. 1118. Плин. Epistol., IV. 22.

⁶²⁾ Плин., Epistol., X, 97. Ученый Мозгейм говорит (стр. 147, 232) с большой похвалой об умеренности и искренности Плиния. Несмотря на высказанные докт. Ланднером подозрения (см. Иудейские и языческие свидетельства, ч. 2, стр. 46), я не мог отыскать никакого фанатизма ни в выражениях Плиния, ни в его поступках.

⁶³⁾ Плин. Epistol. V, 8. Он впервые выступил в качестве адвоката в 81 году – то есть через год после знаменитого извержения Везувия, при котором его дядя лишился жизни.

⁶⁴⁾ Плиний, Epistol., X, 98. Тертуллиан (Apolog., гл. 5) считает этот эдикт за ослабление прежнего уголовного закона: *Quas Trajanus ex parte frustratus est*, а между тем в другой части своей Апологии Тертуллиан указывает на то, как непоследовательно запрещать розыски и предписывать наказания.

⁶⁵⁾ Евсевий (Hist. Ecclesiast., кн. 4, гл. 9) сохранил эдикт Адриана. Он также (гл. 13) передал нам содержание другого эдикта, который еще более благоприятен для христиан и подписан Антонином, но подлинность этого документа не признается всеми. Во второй апологии Юстина есть некоторые интересные подробности касательно обвинения христиан. (Профессор Гегельмейер доказал подлинность эдикта Антонина в своих *Comm.hist.theol.in edictum imp. Antonini*. P. Tubing. 1777, in 4. – Гизо.)

⁶⁶⁾ См. Тертуллиана (Apolog., гл. 40). Описания мученической смерти Поликарпа представляют живую картину таких народных смут, обыкновенно возникающих по наущению иудеев. (Иудеи не захотели бы присутствовать на таких празднествах, к которым примешивалось так много идолопоклонства. Гораздо более правдоподобно, что эти смуты возбуждались теми партиями, о которых упоминалось в предыдущем примечании и у которых уменьшились барыши и доходы вследствие упадка старой религии. Когда результаты этого великого общественного переворота стали давать себя чувствовать и когда стала грозить опасность тем интересам, которые до тех пор пользовались правительственным покровительством и имели свои разветвления во всех частях империи, тогда такие благоразумные и

благонамеренные императоры, как Траян, Антонин и Деций, натурально, уступали настояниям духовенства и народа, требовавших строгих карательных мер против виновников этого зла. Мы, натурально, чувствуем сострадание к несчастным мученикам и отвращение к их мучителям. Но мы не должны позабывать, что страдала и та сторона. Тем не менее Гиббон был слишком снисходителен к классу правителей и слишком охотно прощал ему те зверства, которые он себе дозволял в такую эпоху, когда такие нарушения правил человеколюбия не могли быть оправданы незнанием прав человеческой совести. — *Издат.*

67) Эти предписания помещены в упомянутых выше эдиктах Адриана и Пия. См. Апологию Мелито (apud Euseb., кн. 4, гл. 26).

68) См. рескрипт Траяна и образ действий Плиний. В самых достоверных документах касательно мучеников можно найти множество таких увещаний.

69) В особенности см. Тертуллиана (Apolog., гл. 2, 3) и Лактанция (Institut. Divin. V, 9). Их рассуждения почти одинаковы, но мы замечаем, что один из этих защитников христианства был законовед, а другой был ритор.

70) См. два примера такой пытки в Acta Sincera Martyrum, изданных Рюинаром, стр. 160, 399. Иероним рассказывает в своей легенде о Павле Пустыннике странную историю об одном молодом человеке, которого приковали голым к ложу из цветов и на которого напала красивая и сладострастная куртизанка. Чтоб заглушить в себе чувственные влечения, он откусил себе язык. (Самые древние и самые достоверные письменные памятники христианской церкви сообщают несколько подобных фактов, не встречающих ниоткуда опровержений. В числе многих других Тертуллиан говорит: «Предавая христианскую женщину распутнику (lenonem), а не льву (leonem), вы тем самым сознавали, что нарушение целомудрия считается у нас более ужасным, чем какое-либо наказание и даже чем смертная казнь» (Apol. car. ult., стр. 40). И Евсевий говорит: «Другие девственницы, увлеченные силой в места разврата, предпочли лишиться жизни, нежели запятнать свою честь». Евсевий, Hist. Eccles., кн. 8, гл. 14, стр. 235. — *Гизо.*)

71) Губернатор Каппадокии Клавдий Герминиан, раздраженный тем, что его жена на перешла в христианство, обращался с христианами с чрезвычайной строгостью. Тертуллиан ad Scapulam. гл. 3.

72) В своем послании к губернатору Африки Тертуллиан упоминает о нескольких заманчивых примерах снисходительности и помилования, дошедших до его сведения.

73) Neque enim in universum aliquid quod quasi certam formam habeat constitui potest — таковы подлинные слова Траяна, дававшие губернаторам провинций очень обширные полномочия.

74) In metalla damnatur, in insulas relegatur (Тертуллиан, Apolog., гл. 12). В нумидийских рудниках находились девять епископов с соответствующим числом низшего духовенства и верующих; Киприан обратился к ним с благочестивым посланием, в котором хвалил их и утешал. (Киприан, Epistol. 76, 77.)

75) Хотя мы не можем относиться с полным доверием ни к посланиям, ни к деяниям Игнатия (их можно найти во втором томе отцов церкви), тем не менее мы можем указать на этого антиохийского епископа, как на одного из таких примерных мучеников. Он был отправлен в Рим в цепях для того, чтоб быть выставленным на публичный позор, но, по прибытии в Троаду, получил приятное известие, что гонения в Антиохии уже кончились. (Деяния св. Игнатия вообще считаются за подлинные; то же можно сказать о его семи письмах. О них упоминают Евсевий и св. Иероним; они сохранились в двух изданиях — в одном письма более длинны и

многие места, как кажется, в них вставлены, а другое издание содержит подлинные письма св. Игнатия; по крайней мере таково мнение самых благоразумных и самых просвещенных критиков. (Ларднер, *Cred. of the Gosp. hist.* ч. 2, т. 1, стр. 152; Less Uber die Religion, т. 1, стр. 529; Уссер. *Dissert. de Ignatii epistolis*; Пирсон, *Vindiciae ignatianae*). Следует заметить, что епископ Игнатий был отправлен, в царствование Траяна, из Антиохии в Рим для того, чтоб быть брошенным на съедение львам в амфитеатр: это случилось, по мнению одних, в 107 г. после Р. X., а по мнению других в 116. — Гизо.) (В предыдущей главе Гиббон, не колеблясь, ссылался на письма Игнатия, как на подлинные. — *Издат.*)

76) Между лионскими мучениками (Евсев., кн. 5, гл. 1) раба Бландина была отмечена самыми изысканными истязаниями. Из пяти мучеников, столь прославленных в деяниях Филицаты и Перпетумы, двое были рабами и двое других были очень низкого звания.

77) Ориген, *advers. Celsum*, кн. 3, стр. 116. Его выражения стоит цитировать: *Oliqoi kata kairoyis, kai sphodra eyarithmētoi peri tōn christianōn theosebeias tethnēkasi* (Немногие (поступили) как надлежит, и наиболее благосочтенные приобрели у христиан божественное почитание. — Перев. ред.) (Надо цитировать и следующие слова: «Так как Богу неужгодно было, чтоб весь этот класс людей был истреблен»; отсюда, как кажется, можно заключить, что Ориген находил число погибших незначительным только по сравнению с числом оставшихся в живых; впрочем, он говорил о положении религии при Каракалле, Гелиогабале, Александре Севере и Филиппе; в царствование этого последнего писал Ориген свои сочинения против Цельса. — Гизо.)

78) Если мы сообразим, что не все римские плебеи были христианами и что не все христиане были святыми и мучениками, то мы поймем, в какой мере можно воздавать религиозные почести костям или урнам, которые без разбора вынимались из публичных кладбищ. После десяти столетий очень свободной и открытой торговли этими предметами у самых образованных католиков возникли некоторые подозрения. Теперь они требуют в доказательство святости и мученической смерти, чтоб были буквы В. М., чтоб была склянка, наполненная красной жидкостью, которую считают за кровь, или чтоб было изображение пальмового дерева. Но два первых доказательства не имеют большего веса, а касательно последнего критики замечают: 1) что так называемое изображение пальмового дерева может быть не что иное, как изображение кипариса, и может быть не что иное, как знак препинания, обыкновенно употребляющийся вместо запятой в надгробных надписях; 2) что пальма была у язычников символом победы; 3) что у христиан она служила эмблемой не только для мучеников, но и вообще для славного воскресения из мертвых. См. письмо II. Мабильона о поклонении неизвестным святым и Муратори *Sopra le Antichità Italiane*, диссерт. 58.

79) Образчиком таких легенд может служить распятие в один день десяти тысяч христианских солдат на горе Апарат по приказанию или Траяна, или Адриана. См. Барония *ad Martyrologium Romanum*. Тильемона *Mém. Ecclesiast.* т. 2, ч. 2, стр. 438 и Геддеса Смешанные произведения, ч. 2, стр. 203. Сокращенное слово *Mil.*, которое может означать или «солдат», или «тысячи», было, как говорят, причиной самых странных ошибок.

80) Дионисий ар. *Euseb.*, кн. 6, гл. 41. Один из этих семнадцати обвинялся также в воровстве. (Гиббон должен бы был сказать: неосновательно обвинялся в воровстве, потому что таков смысл греческого текста. Этот христианин, называвшийся Немезионом и не основательно обвиненный перед центурионом в воровстве, был оправдан в преступлении, которого не совершал (*allogritōtātēn*); но он был отправлен

на суд к губернатору, как виновный в том, что был христианин, и губернатор приказал подвергнуть его двойной пытке. (Св. Дионисий, *ар. Euseb.* кн. 6, гл. 41–45.) Следовало также сказать, что св. Дионисий упоминает лишь о главных мучениках и что, по его словам, раздражение язычников против христиан придавало Александрии вид такого города, который взят приступом. Наконец, следовало заметить, что Ориген описал прежде гонения, возбужденные императором Децием. — *Гизо.*) (Это примечание заимствовано из исследования Дависа, стр. 62. Гиббон говорит в своем оправдании (1-е изд. стр. 42), что хотя Немезион и был признан невинным своим епископом Дионисием, но светская власть обходилась с ним как с виновным; а Давис (*Reply*, стр. 80) безуспешно старался это опровергнуть. — *Издат.*)

⁸¹⁾ Письма Киприана дают очень интересное и очень оригинальное понятие и об этом человеке и его времени. См. также две биографии Киприана, написанные с одинаковым тщанием, хотя и с совершенно различными целями: одна из них написана Ле-Клерком (*Bibliothèque Universelle*, том XII, стр. 208–378), другая Тилье-моном, *Memoires Ecclesiastiques*, том IV, ч. 1, стр. 76–459.

⁸²⁾ Наша фантазия вовсе не преувеличивала трудностей положения христианских епископов, так как, по словам Гиббона, в нумидийских рудниках находились (в одно и то же время) девять епископов с соответствующим числом низшего духовенства и верующих, в подтверждение чего Гиббон ссылается на св. Киприана, *Epist.* 76–77. — *Гизо.* (Это нисколько не противоречит замечанию Гиббона, что в эпохи гонений достигавшие высшего духовного совершенства христиане не подвергались более грозным опасностям, чем язычники, занимавшие высшие светские должности или стремившиеся их достигнуть. — *Издат.*)

⁸³⁾ См. вежливые, но строгие послания римского духовенства к карфагенскому епископу. (Киприан, *Epist.* 8, 9). Понтий употребляет всевозможные старания, чтоб оправдать своего начальника от общих порицаний.

⁸⁴⁾ В особенности примеры Дионисия Александрийского и Григория Чудотворца неокесарийского. См. Евсевия *Hist. Ecclesiast.* кн. 6, гл. 40 и *Memoires* Тильемона, том IV, ч. 2, стр. 685.

⁸⁵⁾ См. Киприана *Epist.* 16 и его биографию, написанную Понтием.

⁸⁶⁾ До нас дошла подлинная биография Киприана, написанная Понтием, который был его товарищем в изгнании и свидетелем его смерти; до нас также дошли древние проконсульские акты о его мученичестве. Эти два рассказа согласны один с другим и не заключают в себе ничего неправдоподобного; но что довольно странно — оба они не обезображены никакими чудесными происшествиями.

⁸⁷⁾ Это, как кажется, были циркулярные предписания, разосланные одновременно ко всем губернаторам. Дионисий (*ар. Euseb.*, кн. 7, гл. 11) рассказывал о своем собственном изгнании из Александрии почти такие же подробности. Но так как он спасся и пережил гонение, то мы должны считать его или более или менее счастливым, нежели Киприан.

⁸⁸⁾ Плин., *Hist. Natur.*, V, 3. Целларий, *Geograph. Antiq.*, ч. 3, стр. 96. Путешествия Шо, стр. 90, а для соседней страны (оканчивающейся мысом Бона или мысом Меркурия) см. Африку Мормоля, ч. 2, стр. 494. Сохранились остатки водопровода подле Курубиса или Куриса, называемого теперь Гурбесом, а докт. Шо читал надпись, в которой этот город назван *Colonia Fulvia*. Дьякон Понтий (*in Vit. Cyprian.* гл. 12) называет его *«Apricum et competentem locum, hospitium pro voluntate secretum, et quicquid apponi eis ante promissum est, qui regnum Dei quaerunt»*.

⁸⁹⁾ Киприана *Epistol.* 77, изд. Фелля.

⁹⁰⁾ После своего обращения в христианство он продал эти сады в пользу бедных. Милость Божия (а всего вероятнее, щедрость какого-нибудь христианского приятеля) возвратила их Киприану. См. Понтия, гл. 15.

⁹¹⁾ Когда Киприан за двенадцать месяцев перед тем был отправлен в ссылку, ему приснилось, что он будет казнен смертью в следующий день. Совершившийся факт заставил истолковать это слово в смысле одного года. Понтий, гл. 12.

⁹²⁾ Киприан скрылся на время, как кажется, не по этой причине: ему угрожала ссылка в Утику, а он хотел оставаться в Карфагене для того, чтобы претерпеть мученичество посреди своей паствы и обратить свою смерть в назидание для тех, кем он руководил в течение своей жизни. По крайней мере так объясняет он сам свое поведение в своих письмах «Когда я узнал, что за мной придут для того, чтоб отравить меня в Утику, я уступил настояниям дорогих друзей, убеждавших меня удалиться из моих садов. Я также полагал, что епископу следует исповедать своею Господа в том самом городе, который был центром его духовной власти и в котором его пример мог послужить назиданием для всей его паствы». Epist. 81 стр. 238. — Гизо.)

⁹³⁾ Понтий признает (гл. 15), что Киприан, вместе с которым он ужинал, провел ночь «Custodia delicata». Епископ сделал последнее и весьма уместное употребление из своей власти, приказавши, чтобы самые молодые из женщин, собравшихся на улице, были удалены от опасностей и соблазнов, неизбежных ночью среди народной толпы. Actes Proconsularia, гл. 2.

⁹⁴⁾ См. подлинный приговор в Деяниях, гл. 4, и у Понтия, гл. 17. Последний излагает его содержание с большою напыщенностью.

⁹⁵⁾ Ни у Понтия в Жизнеописании свят. Киприана, ни в древних рукописях нет ничего такого, что могло бы дозволить предполагать, что дьяконы и священники, открыто носившие это звание, имели право сопровождать этого святого епископа. Отлагая в сторону все, что касается самой религии, мы не можем не находить странным, что историки отзываются здесь с некоторой снисходительностью о гонителях, основываясь лишь на том, что они внесли некоторые смягчения в смертную казнь человека, вся вина которого состояла в чистосердечной и мужественной привязанности к своим убеждениям. — Гизо.)

⁹⁶⁾ Понтий, гл. 19. Тильемон (*Mémoires*, том IV, ч. 1, стр. 450, прим. 50) недоволен этим положительным утверждением, что до Киприана не было ни одного мученика между епископами. (Тильемон, с свойственной ему добросовестностью, указывает на затруднения, которые он находит в тексте Понтия, а в заключение положительно говорит, что в этом тексте должны быть какие-нибудь ошибки и что Понтий, вероятно, разумел только Малую Африку или один Карфаген, так как св. Киприан, в своем пятьдесят шестом письме, адресованном к Пупиану, говорит о некоторых епископах, своих сотоварищах «qui proscripti sunt, vel apprehensi in carcere et catenis fuerunt; aut qui in exilium relegati, illustri itinere ad Dominum profecti sunt; aut qui quibusdam locis animadversi, coelestes coronas de Domini clarificatione sumpserunt». — Гизо.)

⁹⁷⁾ Каково бы ни было наше мнение о характере и принципах Фомы Бекета, мы должны сознаться, что он потерпел смерть с мужеством, достойным первых христианских мучеников. См. Историю Генриха II лорда Литтлтона, ч. 2, стр. 592 и сл.

⁹⁸⁾ См. в особенности трактат Киприана de Lapsis, стр. 87–98, изд. Фелл. Ученость Додвелля (*Dissertat. Cyprianic.*, XII, XIII) и остроумие Миддлетона (*Free Inquiry*, стр. 162 и сл.) едва ли оставляют что-либо неразъясненным касательно достоинств, отличий и мотивов мучеников.

⁹⁹⁾ Киприан, *Epistol.* 5–7, 22–24, и *de Unitat. Ecclesiae*. Число предполагаемых мучеников было очень преувеличено вследствие установившегося обыкновения называть этим почетным именем духовников. (Письма св. Киприана, на которые ссылается Гиббон, не доказывают того, что он говорит о сознании своего духовного превосходства и о нравственной распушенности духовников. В пятом письме, написанном во время своего удаления от должности, св. Киприан убеждает дьяконов и священников заменять его, не допускать, чтоб духовники и бедные в чем-либо нуждались, и посещать первых в их тюрьмах. В шестом письме, адресованном к Сергию, Рогациану и другим духовникам, он поощряет их к мученичеству и выражает сожаление о том, что он не вместе с ними для того, чтоб целовать столь чистые руки и уста, прославившие Господа. Он говорит им, что должно пренебрегать всеми страданиями этой жизни в надежде на славу вечную и пр. Седьмое письмо адресовано к его дьяконам и священникам; он в немногих словах убеждает их помогать всем бедным. Двадцать второе письмо написано Лукианом к Целерину; оно дышит чрезвычайной скромностью; Лукиан считает себя недостойным похвал своего друга и скорбит вместе с ним о смерти его сестер, сделавшихся жертвами гонения. Двадцать четвертое письмо адресовано Калдоном к св. Киприану и к карфагенским священникам с целью узнать их мнение о возможности снова принимать в лоно церкви тех, кто впал в заблуждение. Только в трактате *de Unitate Ecclesiae* можно найти упреки, обращенные к духовникам. — Гизо.) (В этих примечаниях нападки на Гиббона неосновательны. Он не говорит, что пресвитеры и дьяконы присутствовали при казни Киприана «в своем официальном звании». Касательно писем Киприана см. также *Оправдание*, стр. 156. Гиббон пользовался сочинениями Киприана, изданными в Амстердаме, 1700, тогда как Гизо пользовался оксфордским изданием 1682 или таким, в котором письма расположены в том же порядке и в котором № 11, 13 и 14 соответствуют № 5, 6 и 7 первого из этих изданий. Гизо должен бы был справиться с этим последним прежде, нежели компрометировать себя опубликованием вышеприведенного примечания. Ни о ком не высказывалось столько противоположных мнений, как о Киприане. Для Гиббона, привыкшего с раннего возраста мыслить самостоятельно, всякий контроль над мнением был отвратителен, а его непродолжительное знакомство с таким контролем, в том виде, как он применяется на деле римско-католической церковью, вероятно, было причиной его скорого отречения от избранной им самим веры, а также сложившегося впоследствии в его уме понятия о тех основах, на которых зиждется эта прерогатива. Руководствуясь таким понятием, он взвешивал достоинства прелата, впервые облекшего христианских проповедников теми суровыми атрибутами власти, которые развились впоследствии в столь строгую систему церковной дисциплины. Там, где религия впервые приняла такую форму, она воспитала нерадивое поколение, легко делавшееся добычей всякого, кто на нее нападал; вот почему в стране Тертуллиана, Киприана, Афанасия и Кирилла почти совершенно угасли и остаются угасшими до настоящего времени и предприимчивость, и ученость, и таланты, и цивилизация, и даже само христианство. — *Издат.*)

¹⁰⁰⁾ *Certatim gloriosa in certamina ruebatur; multoque avidius tum martyria gloriosis moribus quaerebantur, quam nunc episcopatus pravis ambitionibus appetuntur.* Сульпиций Север, кн. 2. Он мог бы опустить слово *nunc*.

¹⁰¹⁾ См. *Epist. ad Roman.*, гл. 4, 5, ap. *Patres Apostol.*, ч. 2, стр. 27. Для цели, которой задался епископ Пирсон (*Vindiciae Ignatianae*, ч. 2, гл. 9), нужно было оправдать мнения Игнатия множеством примеров и ссылок на авторитеты.

102) История Полиевкта, на которой Корнель основал прекрасную трагедию, представляет один из самых знаменитых, хотя, быть может, не из самых достоверных примеров такого чрезмерного усердия. Следует заметить, что шестнадцатое постановление Иллиберийского собора отказывает в названии мучеников тем, кто сам навлекал на себя смертную казнь публичным уничтожением идолов.

103) См. Эпиктета, кн. 4, гл. 7 (хотя и есть основание сомневаться в том, намекал ли он именно на христиан). Марк Антонин de Rebus suis, кн. 11, гл. 3 Лукиан, in Peregrin. (Это то самое место, на которое сделана ссылка на стр. 114 (в примеч.); там высказано предположение, что под названием галилеян Эпиктет, вероятно, подразумевал всю иудейскую нацию, а не одних христиан.)

104) Тертуллиан ad Scapul., гл. 5. Ученые не согласны между собою в том, кто был этот Антонин, так как в Азии были три проконсула, носивших это имя. Я полагаю, что здесь идет речь об Антонине Пие, который был впоследствии императором, а в царствование Траяна, может быть, был правителем Азии. (Антонин был проконсулом Азии во времена Плиния Младшего, Ep. IV, 3. — *Издат.*)

105) Мозгейм, de Rebus Chist. ante Constantin., стр. 235.

106) См. послание Смирнской церкви, ad Euseb. Hist. Eccles., кн. 4, гл. 15. (Здесь Евсевий ведет речь главным образом о мученичестве св. Поликарпа и упоминает о некоторых других мучениках; он приводит только один пример малодушия, а именно пример фригийца Квинта, который, испугавшись диких зверей и ожидавших его мучений, отрекся от своей веры. Но этот случай не доказывает ничего, что касалось всех христиан вообще, и эта глава Евсевия содержит в себе гораздо более доказательств их мужества, чем доказательств их малодушия. — *Гизо.*)

107) Во второй апологии Юстина приведен замечательный и очень интересный пример такой легальной отсрочки. Такая же снисходительность оказывалась обвиняемым христианам во время гонений Деция, и Киприан (de Lapsis) упоминает о ней в словах «dies negantibus praestitus». (Случаи, которые историк заимствует от св. Юстина Мученика и от св. Киприана, совершенно необычайны и ничего не доказывают касательно способа обхождения с обвиняемыми; напротив того, из той же апологии св. Юстина ясно видно, что обвиняемые почти никогда не получали отсрочек. «Христианин по имени Луций, присутствуя при произнесении судьей Урбиком несправедливого приговора против одного христианина, спросил его, зачем он наказывает человека, который не был ни прелюбодеем, ни вором, одним словом, не совершил никакого преступления, кроме того, что признал себя христианином. Урбик ничего не отвечал ему, кроме следующих слов: «Ты также, по-видимому, христианин». — «Да, конечно», — возразил Луций. Тогда судья приказал немедленно казнить его смертью; вмешавшийся в разговор третий христианин был приговорен к расстрелянию». (Юстин Мученик, Apol. sec., стр. 90, изд. Бенед. 1742.) Вот три случая, в которых не было дано никакой отсрочки; есть еще множество других, как, напр., случаи с Птолемеем, Марцеллом и пр. Св. Юстин упрекает судей именно за то, что они приказывали казнить обвиняемых, не разобрав дела. Слова Киприана относятся к особому случаю и значат только то, что был назначен день, до которого христиане должны были отречься от своей веры; те, которые этого не сделали в назначенный срок, подвергались наказанию. — *Гизо.*) (Здесь повторено нападение, сделанное Дависом (стр. 71), но ничего не сказано о том, что отвечал Гиббон. См. Оправд. Гиббона, стр. 48–54. 1-е изд.; там доказано, что нападающий опустил одно место у Киприана, что порицаемое мнение было подтверждено Мозгеймом (De Rebus, стр. 480) и что Юстин Мученик допускал существование отсрочки в деле той женщины, которая была обращена в христианст—

во Птолемеем. Давис, в своем возражении, не отрицал своей ошибки и все-таки утверждал, что нападение было по своей сущности основательно. — *Издат.*)

108) Тертуллиан считает бегство от гонителей за неполное, но очень преступное вероотступничество, за нечестивую попытку уклониться от исполнения воли Божией и пр. Он написал на эту тему рассуждение (см. стр. 536–544, изд. Ригальт.), наполненное самыми фанатическими выходками и самой бессвязной декламацией. Впрочем, довольно странно то, что сам Тертуллиан не претерпел мученичества.

109) Обширный комментарий Мозгейма (483–489) дает самые точные объяснения касательно так называемых *Libellatici*, которые сделались известными главным образом из сочинений св. Киприана. (Эпитимия вовсе не была легка, потому что она была совершенно такая же, какая налагалась на вероотступников, приносящих жертвы идолам; она продолжалась несколько лет. См. Флери *Hist. Ecclesiast.*, ч. 2, стр. 171. — *Гизо.*)

110) Плин. *Epistol.*, X, 97. Дионисий Александрийский, ap. Euseb., кн. 6, гл. 41. *Ad prima statium verba minantis inimici maximus fratrum numerus fidem suam prodidit nec prostatus est persecutionis impetu, sed voluntario lapsu seipsum prostravit.* Кипр. *Opera*, стр. 89. Между этими перебежчиками было много священников и даже епископов. (Плиний говорит, что христиане большей частью упорствовали в своем признании, что они христиане; именно по этой причине он обратился за указаниями к Траяну (*periclitantium numerus*). Евсевий (кн. 6, гл. 41) не позволяет нам сомневаться в том, что число отрекшихся от христианской веры было несравненно менее значительно, нежели число тех, которые смело исповедовали ее. «Префект, — говорит он, — и ассессоры, присутствовавшие на совещании, были испуганы при виде множества христиан; даже судьи дрожали от страха». Наконец, св. Киприан сообщает нам, что большинство тех, которые выказали малодушие во время гонений Деция, выказали свое мужество во время гонений Галла. *Steterunt fortes, et ipso dolore poenitentiae facti ad proelium fortiores.* *Epist. LX*, стр. 142. — *Гизо.*) (Давис (стр. 87) прежде всех указал на это предполагаемое «неверное толкование Плиния». В своем оправдании Гиббон доказывал, что историк должен вместе соединять разбросанные материалы для того, чтоб составить последовательный рассказ; он говорит в заключение: «Ни Плиний, ни Дионисий, ни Киприан не упоминают о всех подробностях и особенностях касательно поведения христианских вероотступников, но если бы я отложил в сторону хоть одного из этих писателей, мой рассказ был бы в некоторых отношениях неполон. Давис (*Reply*, стр. 49) насмеялся над этим оправданием, но не привел никаких аргументов. — *Издат.*)

111) По этому поводу Киприан и написал свой трактат *De Lapsis* и многие из своих посланий. Споры о том, как следует поступать с кающимися вероотступниками, не возникали между христианами предшествовавшего столетия. Должны ли мы приписывать это превосходству их веры и мужества, или тому, что мы менее близко знакомы с их историей?

112) См. Мозгейма, стр. 97. Сульпиций Север был первым автором этого вычисления, хотя ему, как кажется, хотелось оставить десятое и самое сильное гонение на время пришествия антихриста.

113) Юстин был первый писатель, упомянувший о свидетельстве Понтия Пилата. Дальнейшие украшения, приобретенные этим рассказом (по мере того, как он проходил через руки Тертуллиана, Евсевия, Елифания, Златоуста, Орозия, Григория Турского и авторов различных изданий актов Пилата) очень добросовестно изложены у Дона Кальмэ в его *Dissertat. sur l'Écriture*, ч. 3, стр. 651 и сл. (Весьма прав-

доподобию, что письмо Плиния к Траяну внушило какому-нибудь не в меру усердному верующему мысль составить поддельное письмо от Понтия Пилата к Тиберию. — *Издат.*

114) Касательно этого чуда, обыкновенно называемого чудом громоносного легиона, см. превосходную критику Мойля в собрании его Сочинений, ч. 2, стр. 81—300. («Некоторые приписывают Пию рескрипт в пользу христиан». (Clint. F. R. 11, 25.) Он, как кажется, состоялся вслед за апологией Юстина Мученика. Марк Аврелий всегда придерживался философии стоиков, которая менее всех других благоприятствовала христианству. Св. Павел был вызван на суд в афинский ареопаг именно стоиками и эпикурейцами. Впрочем, нельзя предполагать, чтоб император с таким умеренным характером и такой любовью к справедливости мог действовать под влиянием зависти греческих школ и мог питать предубеждение против враждебной «философии» (как называли тогда новую религию), в пользу которой столькие платоники писали апологии и оправдания. Его обхождение с христианами может быть объяснено только теми мотивами, которым оно приписывалось в одном из предшествующих примечаний, на стр. 107. Только этим путем можно правильно понять поведение, которое Гиббон охарактеризовал с некоторой двусмысленностью, и удовлетворительным образом разрешить недоумения декана Мильмана, выразившиеся в его комментарии к этой цитате. Если война с маркоманнами имела какую-нибудь связь со строгими мерами, к которым начали прибегать в то же самое время, то эту связь следует искать в созданной войной необходимости смягчить раздражение язычников. — *Издат.*)

115) Дион Кассий, или скорее его сократитель Ксифилин, кн. 72, стр. 1206. Мойль (стр. 266) описал положение церкви в царствование Коммода.

116) Сравн. жизнеописание Каракаллы в Ист. Эпохи Цезарей с посланием Тертуллиана к Скапуле. Докт. Жортен (Примечание к Истории Церкви, ч. 2, стр. 5 и сл.) объясняет исцеление Севера посредством святого елеса с сильным желанием обратит это исцеление в чудо.

117) Тертуллиан, de Fuga, гл. 13. Подарки делались во времена праздника Сатурналий, и Тертуллиана очень огорчает то, что верующие должны были смешиваться с людьми самых гнусных профессий, покупавшими снисходительность администрации.

118) Евсев, кн. 5, гл. 23, 24. Мозгейм, стр. 435—447.

119) Iudaeos fieri sub gravi poena vetuit. Idem etiam de Christianis sanxit. Ист. Эпохи Цезарей, стр. 70.

120) Сульпиций Север, кн. 2, стр. 384. Эта цифра (только за одним исключением) подтверждается историей Евсевия и сочинениями Киприана.

121) Древность христианских церквей обсуждалась Тильеомом (Mémories Ecclesiastiques, том 3, ч. 2, стр. 68—72), и Мойлем (ч. 1, стр. 378—398). Первый относит начало их сооружения к мирным временам Александра Севера, а второй к таким же временам Галлиена.

122) См. Ист. Эп. Цез., стр. 130. Император Александр заимствовал от них методу публично предлагать имена тех лиц, которые выступали кандидатами на какую-нибудь должность. Впрочем, следует заметить, что иные приписывают иудеям честь этого нововведения.

123) Евсев. Hist. Ecclesiast., кн. 6, гл. 21. Иероним, de Script. Eccles., гл. 54. Маммею и христиане и язычники называли святой и благочестивой женщиной. Хотя со стороны первых она не заслуживала такого почетного эпитета.

124) См. Ист. Эп. Цез., стр. 123. Мозгейм (стр. 465), как кажется, придает слишком большое значение домашней религии Александра. Приписываемое этому императору намерение воздвигнуть публичный храм Христу (Ист. Эп. Цез., стр. 129) и возражение, сделанное ему или Адриану по такому же поводу, как кажется, не имели другого основания, кроме неправдоподобного рассказа, выдуманного христианами и легковерно усвоенного одним историком времен Константина.

125) Евсев., кн. 6, гл. 28. Есть основание полагать, что успехи христиан раздражали идолопоклонников, ханжество которых все более и более усиливалось. Дион Кассий, сочинявший свою историю в предшествовавшее царствование, вероятно, предназначал для своего повелителя советы преследовать христиан, приписываемые им лучшей эпохе и фавориту Августа. Относительно этой речи Мецената, или скорее самого Диона, я могу сослаться на мое собственное беспристрастное мнение (ч. 1, стр. 44, прим.) и на аббата де-ла-Блетери (*Mémoires de l'Académie*, том XXIV, стр. 303; том XXV, стр. 432). (Это избиение было основательно названо гонением, так как оно продолжалось все время царствования Максимиана; это видно из сочинений Евсевия (кн. VI, гл. 28, *Hist. Eccles.*, стр. 186). Руфин подтверждает это положительно: *Tribus annis a Maximino persecutione commota in quibus finem et persecutionis fecit et vitae* (кн. VI, *Hist.*, гл. 19). Если бы Дион Кассий действительно имел ту цель, которая приписывается ему Гиббоном, то он должен бы был знать о существовании христиан и должен бы был обратить на них особое внимание, так как, по мнению автора, он желал, чтоб его повелитель воспользовался его советами учинить гонения. Но как же согласить этот неизбежный вывод со словами Гиббона (в начале этой главы), что Диону Кассию было неизвестно даже название христиан? Высказанное в этом примечании предположение не подтверждается никакими доказательствами, и весьма вероятно, что Дион Кассий часто обозначал христиан названием иудеев. См. Диона Кассия кн. 67, гл. 14; кн. 68, гл. 1. — Гизо.) (Едва ли можно допустить, чтоб в третьем столетии название христиан было незнакомо такому писателю, как Дион Кассий, достоинства которого, как историка, доказаны с таким искусством и знанием Нибуром в введении к его лекциям о римской истории (стр. 61). И сам Гиббон не приписывает ему такого незнакомства, а только говорит, что по «беспечному равнодушию» он пренебрег христианами и что Ксифилин не нашел их имени в его сочинении. В настоящем случае Гизо заимствовал свое обвинение от Дависа (стр. 82) и оставил без внимания оправдание Гиббона (стр. 59–63), которое было так убедительно, что заставило обвинителя (в его возражении, стр. 26) сознаваться в невозможности поддерживать свое обвинение. В том нет большой важности, в какой мере преследовал тот или другой император христиан и знал ли что-либо о христианах тот или другой историк. Перед нашими глазами тот важный и неопровержимый факт, что христиане увеличивались числом и приобретали все более и более влияния, пока они не уничтожили политизм и не обратили в свою веру всю Римскую империю. Этот факт возбуждает в нашем уме следующие два вопроса: какие были причины этой перемены и какие были ее последствия? Мелочи не должны отвлекать нашего внимания от этих двух вопросов. — *Издат.*)

126) Орозий, кн. 7, гл. 19, говорит, что Ориген был предметом ненависти Максимиана, а бывший в то время каппадокийским епископом Фирмилиан дает нам ясное и менее широкое понятие об этом гонении (*apud Cyprian. Epist. 57*).

127) То, что говорится в одном послании Дионисия Александрийского (*ap. Euseb.*, кн. 7, гл. 10) о тех монархах, которых открыто считали за христиан, очевидно, относится к Филиппу и его семейству; это свидетельство современника доказывает, что действительно ходили такие слухи; но египетский епископ, живший в некотором

отдалении от римского двора, выражает некоторое недоверие к этому факту. Послания Оригена (еще не утратившиеся во времена Евсевия, см. кн. 6, гл. 36), вероятно, разрешили бы этот более интересный, чем важный, вопрос.

128) Евсев., кн. 6, гл. 34. Этот рассказ, по обыкновению, был разукрашен позднейшими писателями; Фридрих Шпангейм истратил много излишней учености для того, чтоб опровергнуть его. (*Opera Varia*, ч. 2, стр. 400 и сл.)

129) Лактанций *de Mortibus Persecutorum*, гл. 3, 4. Описав благосостояние и распространение церкви под управлением длинного ряда хороших императоров, он присовокупляет: «*Exiit post annos plurimos, execrabile animal, Decius, qui vexavit ecclesiam*».

130) Евсев., кн. 6, гл. 39. Киприан, *Epist.* 55. Место римского епископа оставалось вакантным со времени мученичества Фабиана 20 января 250 г. до избрания Корнелия, 4 июня 251 г. Вероятно, в это время Деция не было в Риме, так как он был убит в конце этого года.

131) Евсев., кн. 7, гл. 10. Мосгейм (стр. 548) очень ясно доказал, что префект Макриан и египтянин *Magus* были одно и то же лицо.

132) Евсевий, кн. 7, гл. 13, сообщает нам в греческом переводе этот латинский эдикт, который, как кажется, был очень краток. Другим эдиктом Галлиен приказал возвратить христианам кладбища.

133) Евсевий, кн. 7, гл. 30. Лактанций *de Mort. Pers.*, гл. 6. Иероним, in *Chron.*, стр. 177. Орозий, кн. 7, гл. 23. Их выражения вообще так двусмысленны и неправильны, что мы не в состоянии решить, как далеко зашел Аврелиан в исполнении своих намерений прежде, нежели он был умерщвлен. Большинство новейших писателей (за исключением Додвелля, *Dissertat. Cyprian.*, II, 64) воспользовались этим случаем, чтоб приобрести несколько необыкновенных мучеников. (Докт. Ларднер изложил со своим обычным беспристрастием все дошедшие до нас сведения о гонениях Аврелиана и говорит в заключение: «После тщательного рассмотрения слов Евсевия и сообщений других авторов ученые, как кажется, очень основательно решили, что Аврелиан не ограничился намерением преследовать христиан, но что это преследование действительно происходило: оно было непродолжительно, потому что император умер вскоре после издания его эдиктов. *Heathen Testimonies*, ч. 3, стр. 117, 4-е изд., Лондон, 1766. — Баснаж положительно высказывает такое же мнение: «*Non intentatam modo, sed executioni quoque brevissimo tempore mandatam, nobis infixum est in animo*. Басн., *Ann.* 275, N 2, и *Conf. Pagi ann.* 272, № 4—12 и 273. — Гизо.)

134) Павел предпочитал титул *ducenarius* титулу епископа. *Ducenarius* был императорский прокуратор, который так назывался потому, что получал ежегодное жалованье в двести *sestertia*, или в 1600 ф. стер. (См. Салмазия *ad Hist. August.*, стр. 124.) Некоторые критики полагают, что епископ антиохийский действительно получил эту должность от Зенобии, а некоторые другие считают это название лишь за иносказательное выражение, обозначавшее его роскошь и надменность.

135) Симония не была в то время неизвестна, и духовенство иногда приобретало покупкой то, что намеревалось продать. Должность карфагенского епископа, как кажется, была куплена одной богатой матроной, по имени Луцилла, для одного из ее служителей Майорина. Было заплачено четыреста *folles*. (*Monument. Antiq. ad calcem Optati*, стр. 263.) Каждый *follis* содержал в себе сто двадцать пять серебряных монет, а вся сумма, должно быть, равнялась почти 2400 ф. стер.

136) Если бы мы пожелали ослабить пороки Павла, мы должны бы были допустить, что все восточные епископы распространяли самые злые клеветы в цирку—

лярных посланиях, с которыми они обращались ко всем церквам империи (ар. Euseb., кн. 7, гл. 30.) (Пороки и безнравственность Павла Самосатского, как кажется, много повлияли на приговор, произнесенный против него епископами. Письмо, с которым синод обратился к епископам римскому и александрийскому, имело, по словам Евсевия, целью познакомить их с уклонениями Павла от истинной веры, с происходившими по этому поводу опровержениями и прениями, а также с его нравами и вообще с его поведением. Евсевий, Hist. Eccles., кн. VII, гл. 30. — Гизо.)

137) Его ересь (подобно ереси Нэта и Савеллия в том же столетии) имела целью смешать таинственное различие между божественными личностями. См. Мозгейма, стр. 702 и сл.

138) Евсев. Hist. Ecclesiast., кн. 7, гл. 30. Ему одному мы обязаны интересными подробностями о Павле Самосатском.

139) Эра мучеников, которой до сих пор придерживаются копты и абиссинцы, должна считаться с 29 августа 284 г., так как начало египетского года было девятнадцатью днями ранее, нежели восшествие на престол Диоклетиана. См. Dissertation Préliminaire à l'Art de vérifier les dates.

140) Выражение Лактанция (de Mort. Pers., гл. 15) «sacrificio pollui coegit» заставляет думать, что они уже ранее того обратились в христианскую веру, но, по-видимому, нисколько не оправдывает утверждения Мозгейма (стр. 912), что они втайне окрестились.

141) Тильемон (Mémoires Ecclesiastiques, том 5, ч. I, стр. 11, 12) цитировал из Spicilegium Дом Лука д'Ахери очень интересную инструкцию, написанную епископом Феонасом для Лукиана.

142) Лактанций, de Mort. Pers., гл. 10.

143) Евсевий, Hist. Ecclesiast., кн. 8, гл. I. Читатель, который справится с оригиналом, не будет обвинять меня в преувеличениях. Евсевию было около шестнадцати лет во время восшествия на престол Диоклетиана.

144) В числе множества других примеров мы можем указать на таинственное поклонение Митре и на Тавроболии; последние вошли в моду во времена Антонинов (см. диссертацию Боза в Mémoires de l'Académie des Inscriptions, ч. 2, стр. 443). Роман Апулея столько же полон благочестия, сколько он полон сатирических насмешек.

145) Обманщик Александр настоятельно рекомендовал обращаться к оракулу Трофония в Маллосе и к оракулам Аполлона в Кларосе и Милете. (Лукиан, ч. 2, стр. 236, изд. Рейтца.) Странная история последнего из них могла бы служить сюжетом для очень интересного эпизода; Диоклетиан советовался с ним перед изданием своих эдиктов о гонении. Лактанций De Mort. Pers., гл. 11.

146) Кроме старых рассказов о Пифагоре и Аристее, чудесам Христа часто противопоставляли исцеления, совершавшиеся перед алтарем Эскулапа, и басни, которые рассказывались об Аполлонии Тианском; впрочем, я соглашаюсь с докт. Ларднером (см. его Свидетельства, ч. 3, стр. 253, 352), что, когда Филострат описывал жизнь Аполлония, он не имел такого намерения.

147) Достойн большого сожаления тот факт, что отцы церкви, признавая, что в идолопоклонстве было нечто сверхъестественное, или, как они воображали, — адское, уничтожали своими собственными руками огромные выгоды, которые они могли бы извлечь из щедрых уступок своих противников.

148) Юлиан (стр. 301, изд. Шпангейма) выражает благочестивую радость по поводу того, что провидение богов уничтожило нечестивые секты и почти совершен-

но истребило книги последователей Пиррона и Эпикура, которые были очень многочисленны, так как сам Эпикур написал не менее трехсот томов. См. Диогена Лаэртия, кн. 10, гл. 26.

149) Cumque alios audiam mussitare indignanter, et dicere oportere statui per senatum, aboleantur ut haec scripta, quibus Christiana religio comprobetur, et vetustatis opprimatur auctoritas Arnobius adversus Gentes, кн. 3, стр. 103, 104. Он очень основательно прибавляет: Erroris convincite Ciceronem... nam intercipere scripta, et publicatam velle submergere lectionem, non est Deum defendere sed veritatis testificationem timere.

150) Лактанций (Divin. Institut., кн. 5, гл. 2, 3) говорит с большой ясностью и воодушевлением о двух из этих философов, нападавших на веру. Обширный трактат Порфирия против христиан состоял из тридцати книг и был написан на Сицилии около 270 года. (Философия не могла быть, как полагает Гиббон, «самым опасным врагом» попигензма, не будучи в то же самое время и в одинаковой мере союзницей христианства. Благодаря ее содействию христианство разрослось с такой силой, что около половины третьего столетия его соперники задумали оживить язычество точно таким же способом. К этой цели направляли бесполезные усилия Цельс, Плотин, Порфирий и Ямвлих, и к преследованию этой же цели поощряли самые сумасбродные между неоплатониками фантастические теории, которые были придуманы названными писателями. — *Издан.*)

151) См. Сократа, Ист. Церкви, кн. 1, гл. 9, и Кодекс Юстиниана, кн. 1, тит 1, кн. 3.

152) Евсевий, кн. 8, гл. 4, 17. Он ограничивает число военных мучеников замечательным выражением (spaniðs toytôn eis pou kai deyteros — И, во-вторых, вероятно, они были редки. — *Перев. ред.*), энергию которого не передали ни его латинский, ни его французский переводчики. Несмотря на свидетельство Евсевия и молчание Лактанция, Амвросия, Сульпиция, Орозия и др., долго верили, что фивский легион, состоявший из шести тысяч христиан, потерпел в долине Пеннинских Альп мученичество по приказанию Максимиана. Эта история была впервые оглашена около половины пятого столетия лионским епископом Евхерием, который узнал о ней от некоторых лиц, слышавших ее от женеvского епископа Исаака, а этот последний, как утверждают, узнал о ней от епископа Октодурума Феодора. Сохранившееся до сих пор аббатство св. Маврикия представляет богатый памятник легковерия бургундского короля Сигизмунда. См. превосходную диссертацию в тридцать шестом томе Bibliothèque Raisonnée, стр. 427—454.

153) См. Acta Sincera, 299. Рассказы о его мученичестве и о мученичестве Марцелла носят на себе все признаки правды и достоверности. (Если вникнуть в эту историю во всех ее подробностях, молодой человек представится нам в ином свете. Максимилиан был сын христианского солдата из Нумидии, Виктора. Его отец не представлял его императорскому чиновнику, как удовлетворяющего всем требованиям закона для поступления в военную службу. Сыновья солдат были обязаны вступать в военную службу по достижении двадцати одного года, и Максимилиан поступил на службу именно на этом основании. Он упорно отказывался по причине языческих церемоний, которым он не мог подчиниться, а не потому, что его совесть не позволяла ему заниматься военным ремеслом. Чиновник требовал, чтоб отец сделал выговор своему сыну, но отец отвечал: «У него есть свои резоны, и он знает, что должен делать (habet consilium suum, quid illi expediat)». Когда Максимилиан был осужден на смертную казнь, Виктор ушел, благословляя Небо за то, что оно послало ему такого сына. — *Гизо.*) (Изложение Гизо, в сущности, ничем не отличается от изложения Гиббона, за исключением только одного пункта, касательно которого декан Мильман сомневается в его аккуратности и говорит: «Не был ли

закон, обязывавший солдатских сыновей поступать двадцати одного года на службу, издан Константином?» Об этом предмете можно составить себе более правильное понятие, справившись с тем, что говорит Гиббон в следующей главе, когда ведет речь о трудностях рекрутских наборов, и с третьей частью Лекций Нибура, стр. 152. Оттуда можно усмотреть, что раздававшиеся ветеранам земли были с неизвестного времени подчинены тому условию, что сыновья этих ветеранов должны были посвящать себя военной профессии, лишь только достигали возмужалости. — *Издат.*

154) *Acta Sincera*, стр. 302. (Марцелл находился точно в таком же положении, как и Максимилиан. В дни публичных празднеств присутствующие приносили жертвы богам; Марцелл отказался от этого и сказал: «Если такова участь солдат, что они обязаны приносить жертвы богам и императорам, то я отказываюсь от моей клятвы (*vitem*) и от моей перевязи; я покидаю знамена и отказываюсь от службы». (*Act. Sinc.* в приведенной выше цитате Рюинара.) Очевидно, что только необходимость приносить жертвы ложным богам заставила Марцелла отказаться от военной службы. — *Гизо.*) (В этом примечании Гизо придерживался мнения докт. Чельсума (стр. 114–117) и не обратил внимания на возражение Гиббона (стр. 120–136). Факты в обоих мнениях, в сущности, одни и те же, но Гиббон присовокупляет, что военные законы считали такой образ действий за дезертирство. Этого, конечно, нельзя отрицать. Даже в наше время разве военные законы не наказали бы за такой поступок как за мятеж и дезертирство? Пока будут существовать армии, инсубординация будет считаться преступлением. — *Издат.*)

155) *De Mort. Pers.*, гл. II. Лактанций (или тот, кто был автором этого небольшого трактата) был в то время жителем Никомедии, но нам нелегко понять, каким образом он мог получить такие точные сведения о том, что происходило в императорском кабинете. (Лактанций, который был впоследствии избран Константином в наставники к Криспу, легко мог узнать эти подробности от самого Константина, который был в ту пору уже достаточно зрел годами, чтоб интересоваться делами управления, а по своему положению мог иметь верные сведения обо всем. — *Гизо.*)

156) Это позволение не было вырвано у Диоклетиана; он сам решился на эту меру. Правда, Лактанций говорит: «*Nec tamen deflectere potuit (Diocletianus) proecipitis hominis insaniam: placuit ergo amicorum sententiam experiri*» (*De Mort. Pers.*, гл. 11). Но эта мера была согласна с лукавым характером Диоклетиана, который хотел, чтобы все хорошее приписывалось его собственной инициативе, а все дурное влиянию других. *Namerat hijus malitiae, cum bonum guid facere decrevisset, sine consilio faciebat ut ipse laeaudaretur. Cum autem, ma ium quoniam id reprehendum sciebat, in consilium multos advocabat ut aliorum culpa adscriberetur quidquid ipse deliquerat* (Лакт., *ib*) Евтропий также говорит: *Moratus callide fuit, sagax praeterea et admodum subtilis ingenio et qui severitatem suam aliena invidia vellet explorare*. Евтро., кн. IX, гл. 26. — *Гизо.*

157) Нам известно только то, что мать Галерия была благочестива и завистлива. Лактанций так отзывался о ней: *Deorum montium cultrix; mulier admodum superstiosa*. Она имела большое влияние на своего сына и была оскорблена невниманием некоторых из состоявших при нем на службе христиан. (Это невнимание заключалось в том, что христиане постились и молились вместо того, чтобы принимать участие в банкетах и жертвоприношениях, которыми она занималась вместе с язычниками: *Dapibus sacrificabat pene quotidie ac vicariis suis epulis exhibebat. Christiani abstinebant et illa cum gentilibus epulante, jejuniis hi et orationibus insistebant; hinc concepit odium adversus eos. etc* Лакт., *de Mort. Pers.*, гл. 11 — *Гизо*)

(Если в наше время хозяйка дома беспрестанно наводила своих слуг «постыющимися и молящимися» в то время, как они должны бы были исполнять ту службу, для которой были наняты, то она прогнала бы их и даже возымела бы отвращение к тем принципам, как бы они ни были благочестивы и похвальны, — которые делают их неспособными к работе — *Издат.*)

158) Поклонение богу Терму и празднества в его честь очень хорошо описаны Бозом в *Mem. de l'Academie des Inscriptions*, ч. 1, стр. 50.

159) В единственном дошедшем до нас рукописном экземпляре Сочинений Лактанция мы читаем *profectus*, но и здравый смысл и авторитет всех критиков дозволяют нам вместо этого слова, нарушающего смысл фразы, поставить слово *profectus*.

160) Лактанций *de Mort. Pers.*, гл. 12, очень живо описывает разрушение этой церкви.

161) Мозгейм (стр. 922–926) собрал из разных разбросанных отрывков Лактанция и Евсевия очень верные и подробные сведения об этом эдикте, хотя он и впадает по временам в догадки и в тонкости.

162) Через много веков после того Эдуард I прибегнул с большим успехом к гонению этого рода против английского духовенства. См. *Историю Англии Юма*, ч. 2, стр. 300, изд. in 4°.

163) На это нет никаких доказательств: эдикт Диоклетиана исполнялся во всей своей строгости в течение остальных лет его царствования. Евсев. *Истр. Церк.* кн. 8, гл. 13. — *Гизо*.

164) Лактанций характеризует этого мученика только следующими словами: «*quidam, etsi non recte, magno tamen animo*», и т. д. (гл. 12). Евсевий украшает его (кн. 8 гл. 5) мирскими отличиями. Ни тот, ни другой не называют его имени, но греки празднуют его память под именем Иоанна. См. Тильемона *Memoires Ecclesiastiques*, том 5, ч. 5, стр. 320.

165) Лактанций *de Mort. Pers.*, гл. 13, 14. *Potentissimi quondam eunuchi necati, per quos palatium, et ipse constabat*. Евсений (кн. 8, гл. 6) говорит о жестоких казнях евнухов Горгония и Дорофея и епископа Никомедии Анфемия: оба эти писателя описывают неясным, но трагическим образом ужасные сцены, происходившие даже в присутствии императоров.

166) См. Лактанция, Евсевия и Константина *ad Coetum Sanctorum*, гл. 25. Евсевий сознается, что причина пожара ему неизвестна. (Так как история этого времени не представляет нам никаких примеров того, чтоб христиане пытались причинить какой-нибудь вред своим гонителям, то мы не имеем никакого основания приписывать им пожар дворца; чтобы объяснить это происшествие, мы должны довольствоваться тем, что сообщают о нем Константин и Лактанций, а Тильмон указал нам, как согласовать этих писателей. *Hist. des Empereurs, Vie de Diocletien*, § 19. — *Гизо*).

167) Тильмон, *Memoires Ecclesiast.*, том 5, ч. 1, стр. 43.

168) См. *Acta Sincera* Рюинара, стр. 353; деяния Феликса Фибарского или Тибиурского оказываются менее извращенными здесь, чем в других изданиях, представляющих яркий пример легендарных вольностей.

169) См. первую книгу Оптата Милевийского против донастистов, Париж, 1700, изд. Дюпона. Он жил в царствование Валента.

170) Древние письменные памятники, помещенные в конце Оптата, стр. 261 и сл., описывают с большими подробностями, как действовали губернаторы при

разрушении церквей. Они составляли подробную опись посуды и вообще всего, что находили в церквах. Опись того, что было найдено в христианской церкви в Цирте, в Нумидии, сохранилась до сих пор.

В нее вошли два золотых потира и шесть серебряных, шесть сосудов, одна ваза, семь ламп; все эти вещи сделаны из серебра, кроме того, было найдено множество медной утвари и разных одежд.

¹⁷¹⁾ По словам Евсевия, не множество жителей, а все жители были сожжены. (Лактанций подтверждает это словами *universum populum*. — Гизо) (Выражение Гиббона «множество фиригийцев» относится к населению целой провинции, а не к жителям одного города. — *Издат.*)

¹⁷²⁾ Лактанций (*Institut. Divin.*, V, II) ограничивает это несчастье одной недозволённой сходкой и теми, кто на ней присутствовал. Евсевий (VIII, II) говорит, что оно поразило целый город и сообщает о чем-то похожем на правильную осаду. Его древний латинский переводчик Руффин присовокупляет важную подробность, что жителям было дано позволение разойтись. Так как Фригия была погранична с Исаврией, то весьма возможно, что беспокойный нрав этих привыкших к независимости варваров был отчасти причиною этого бедствия.

¹⁷³⁾ Евсевий, кн. 8, гл. 6. Валуа (с некоторым правдоподобием) полагает, что он отыскал в одной из речей Либания следы восстания в Сирии и что это была опрометчивая попытка трибуна Евгения, который овладел Антиохией, имея в своем распоряжении только пятьсот человек, и надеялся привлечь на свою сторону христиан обещанием религиозной терпимости. Из того, что писали Евсевий (кн. 9, гл. 8) и Моисей Хоренский (Ист. Армен. кн. 2, гл. 88 и сл.), можно заключить, что христианство уже было в ту пору введено в Армению.

¹⁷⁴⁾ Он уже вышел из пределов умеренности, когда издал свой первый эдикт. Ни мстительность, ни опасения, по-видимому, не имели никакой доли участия в этих новых гонениях; может быть, причиною их было суверие или наружное уважение к его министрам. Оракул Аполлона, с которым советовался Диоклетиан, не дал ответа, а только сказал, что праведные люди не позволяют ему отвечать. Присутствовавший при этой церемонии Константин клятвенно утверждал, что на вопросы, кто эти праведные люди, главный жрец назвал христиан. «Император поспешил воспользоваться этим ответом для того, чтобы направить против невинных тот меч, назначение которого наказывать виновных он тотчас издал кровавыми эдиктами, написанные, если можно так выразиться, кинжалом, и приказал судьям употребить все свое искусство на изобретение новых наказаний». Евсевий, жизнеописание Константина, кн. 2, гл. 51. — Гизо.

¹⁷⁵⁾ См. Мезгейма, стр. 938. Текст Евсевия ясно доказывает, что власть губернаторов была расширена новыми законами, а не стеснена, и что они могли наказывать самых упорных христиан смертью в назидание их единоверцев.

¹⁷⁶⁾ Афанасий, стр. 833; Тильмон, *Mem. Ecclesiast.*, том 5, ч. 1, стр. 90.

¹⁷⁷⁾ Евсевий, кн. 8, гл. 13. Лактанций *de Mort. Pers.*, гл. 15. Додвелль (*Dissertat. Syriac.*, XI, 75) находит, что эти два писателя противоречат один другому. Но первый из них, очевидно, говорил о Констанции, занимавшем пост цезаря, а второй говорил о том же государе, когда он уже был августом.

¹⁷⁸⁾ О Дациане упоминается в «Надписях» Грутера, как о том, кто установил границы между территориями двух находившихся в южной части Лузитании городов Рах-Иулия и Ебора. Если мы сообразим, что эти города находились неподалеку от мыса св. Винсента, то в нас родится подозрение, что знаменитый диакон и мученик этого имени не был, как полагает Пруденций и некоторые другие, родом из Сара-

госы или Валенсии. См. высокопарный рассказ о его страданиях в *Memories* Тильемон, том 5, ч.2, стр. 58–85. Некоторые критики держатся того мнения, что в удел Констанция, когда он был цезарем, не вошла Испания, и что она оставалась под непосредственной властью Максимиана.

¹⁷⁹ Евсевий, кн. 8, гл. 11. Грутер, Надписи, стр. 1171. № 8. Руфинь сообщает неверные сведения о звании Адакта, равно как о месте его мученической смерти.

¹⁸⁰ Мы можем присовокупить к Адакту главных евнухов Дорофея, Горгония и Андрея, которые состояли при самом Диоклетиане, пользовались его расположением и заведовали его дворцовым управлением (см. Гиббона, та же глава, стр. 254.) Лактанций говорит об их смерти: *Potentissimi eunuchi per quos palatium et ipse ante constabat* (De Mort.Pers., гл. 15) Евсевий не оставляет нам никаких сомнений, когда называет Дорофея и других хранителей императорских апартаментов, которые «хотя и были осыпаны императором самыми почтенными прерогативами и были любимы им как его сыновья, предпочли претерпеть за веру всякие унижения, несчастья и самую ужасную смерть, чем отказаться от своей религии для сохранения мирской славы и мирских благ». *Hist. Eccles.*, кн. 8, гл. – Гизо. (Не было никакой надобности повторять здесь то, что Гиббон незадолго перед тем говорил касательно этих мучеников; он ссылался на те самые места у Евсевия и Лактанция, которые цитировал Гизо, и даже он приводил одни и те же слова из Лактанция. Когда идет речь о гонениях в Италии при Севере, также было бы неуместным повторение того, что было сделано незадолго перед тем Диоклетианом в Никомедии. – *Издат.*)

¹⁸¹ Это совершенно неверно, и доказательством тому служит то самое место у Евсевия, на которое ссылается автор. «Максенций, – пишет Евсевий, – захвативши власть над Италией, сначала притворился христианином (*kathypekrinato*), чтобы расположить к себе жителей Рима; он приказал своим министрам прекратить преследовать христиан, надевая на себя личину благочестия для того, чтобы казаться более добрым, нежели его предшественники; но его поступки впоследствии доказали, что он вовсе не был таков, каким его сначала предполагали (*Ист. Церкви*, кн. 8, гл. 14). Евсевий прибавляет, что Максенций был союзником Максимиана, угнетавшего христиан, и он называет их собратями по преступлению *adelphoi ten kakian*. Несчастья, которые терпел народ в царствование этих двух императоров, он приписывает гонению, которое они возбудили против христиан. Наконец, самое название этой главы: О поведении врагов религии *peri tou tropou ton tes eusebeias echthron* ясно указывает на то, чем был Максенций. – Гизо. (Это примечание взято от Дависа, который в своем возражении на оправдание Гиббона сознается (стр. 44), что его обвинение было результатом того, что он «к сожалению, не понял Евсевия и приписал Максенцию то, что говорилось о Максимиане». Обвинение, от которого отказался его автор, не следовало бы снова извлекать из забвения. – *Издат.*)

¹⁸² Евсевий, кн. 8 гл. 14. Но так как Максенций был побежден Константином, то Лактанций из своих личных соображений отнес его после смерти к числу гонителей христианства.

¹⁸³ Эпитафия Марцелла помещена в Надписях Грутера, стр. 1712, № 3; она содержит в себе все, что нам известно о его жизни. Марцеллин и Марцелл, имена которых следуют одно за другим в списке пап, были, по мнению многих критиков, две различные личности; но ученый аббат Лонгерю убежден, что эта была одна и та же личность.

Veredicus rector lapsis quia crimina fieri

Prædixit miseris, fuit omnibus hostis amarus.
Hinc furor, hinc odium; sequitur discordia, lites,
Seditio, caedes: solvuntur foedera pacis.
Crimen od alterius, Christum qui in pace negavit
Finibus expulsus patriæ est feritate tyranni.
Haec breviter Damasus voluit comperta referre:
Marcelli populus meritum cognoscere posset.

Мы можем заметить, что Дамас был назначен римским епископом в 366 году.

184) Оппат против донатистов, кн. I, гл. 17, 18. (Вот слова Оппата: Profectus (Romam) causam dixit; jussus est reverti Carthaginem. Очень может быть, что, защищаясь перед судом, он доказал свою ненависть, так как он получил приказание возвратиться в Карфаген.

185) Описание мученической смерти св. Бонифация, наполненное чудесами и декламацией, издано Рюипаром (стр. 283–291) и на греческом, и на латинском языках, на основании очень древних рукописей. (Неизвестно, были ли Аглая и Бонифаций христианами в то время, как между ними существовала незаконная связь. См. Тильемона Met. Ecclesiast., примеч. о гонении Диоклетиана, ч.5, прим. 82, стр. 283. Тильмон также доказывает, что эта история сомнительна. — Гизо.)

186) В течение первых четырех веков было мало признаков того, чтобы в западной Иллирии существовали епископы и епископства. Считалось вероятным, что юрисдикция миланского архиепископа распространялась на столицу этой обширной провинции Сирмиум. См. Geographia Sacra Шарля Сен-Поля, стр. 68–76, с замечаниями Луки Гольштения. (Вскоре после того христианство распространилось к северу от римских провинций у германских племен: множество христиан, вынужденных искать у варваров убежища от гонений императоров, были приняты там благосклонно (Евсевий, de Vita Const., кн. 11, гл. 53; Землер, Selecta, cap. H, E, J., 115). Готы были обязаны своим первым знакомством с христианской религией молодой девушке, взятой ими в плен; она продолжала заниматься среди них делами благочестия, постилась, молилась и восхваляла Господа день и ночь. Когда у нее спрашивали, к чему она так тревожилась, она отвечала: «Так следует чтить Христа Сына Божия», Созомен, кн. 2, гл. 6. — Гизо). (Франки, которые, как мы видели, жили вблизи от границ Римской империи, сделались христианами только со времени обращения Хлодвиг, то есть через два столетия после времен Диоклетиана; они, как кажется, не были более сведущи в делах веры, чем саксы, к которым после их поселения в Кенте был послан миссионер Августин, почти в тот же самый период времени. До времени Улфилы, то есть до конца четвертого столетия, не было никаких следов существования церкви у готов. — Издат.)

187) В восьмой книге Евсевия, равно как в дополнении о палестинских мучениках, речь идет главным образом о гонениях Галерия и Максимиана. На их жестокость намекают жалобы, которыми Лактанций начинает пятую книгу своих Божественных Учреждений.

188) Евсевий (кн. 8, гл. 17) сообщает нам этот достопамятный эдикт в переводе на греческий язык, а Лактаций (de Mort. Pers., гл. 34) сообщает его в латинском подлиннике. Ни тот, ни другой, как кажется, не заметили, что этот эдикт прямо противоречит тому, что они только что с уверенностью рассказывали об угрызении совести и о раскаянии Галерия.

189) Евсевий, кн. 9, гл. 1. Он сообщает письмо префекта.

¹⁹⁰⁾ См. Евсевия, кн.8, гл. 14; кн. 9, гл. 2–8, Лактанций de Mort. Pers., гл. 36. Эти писатели сходятся между собой в том, что описывают хитрость Максимиана; но первый из них говорит о казни нескольких мучеников, а второй положительно утверждает: *occidi servos Dei vetuit* (Их нетрудно согласить; стоит только прочесть подлинные слова Лактанция до конца. «Тогда как он, под личиной милосердия, запрещал убивать слугителей Божиих, он приказал их увечить, вырывать у них глаза, отрывать руки, отрезать ноги, носы и уши. Но в то время, как он готовил эти истязания, письма Константина заставили его воздерживаться от них. Поэтому он стал скрывать свои действия, и, если кто-нибудь из христиан погибал, тело несчастного тайно бросали в море». Эти подробности об истязаниях, которым подвергали христиан, дают возможность согласовать Лактанция с Евсевием, так как те, которые умирали от истязаний, и те, которых топили в море, конечно, могут считаться за мучеников. Только искажение слов Лактанция могло породить кажущееся противоречие. — Гизо.) (И здесь Гизо придерживается Дависа, но с большим успехом. Приводя только четыре слова из Лактанция, Гиббон, конечно, упускает из виду следующие затем слова, в которых говорится о жестокостях более ужасных, чем самая смерть. Но Гиббон сделал это вовсе не для того, чтобы исказить исторический акт или оправдать действия Максимиана. Впрочем, весьма сомнительно, были ли действительно совершены какие-либо из тех ужасных изуверчений, так как в следующих затем словах, опущенных Дависом, Лактанций говорит, что, когда чудовище готовило их (*moliens*), письма Константина заставили его (*deterretur*) воздержаться от них. Это оправдывает мнение Гиббона, что эдикты его соправителей заставили Максимиана приостановить исполнение его намерений. — Издат.)

¹⁹¹⁾ За несколько дней перед смертью он издал очень обширный эдикт о терпимости, в котором он приписывает все вынесенные христианами строгости судьям и губернаторам, ложно истолковавшим его намерения. См. содержание этого эдикта у Евсевия, кн. 9, гл. 10.

¹⁹²⁾ Историческая критика заключается не в том, чтоб отвергать безразлично все факты, которые не согласуются с принятой системой, а Гиббон именно так поступает в этой главе, соглашаясь лишь в последней крайности с возможностью признавать какое-либо мученичество. Авторитеты следует взвешивать, а не оставлять без оценки. Языческие писатели во многих случаях подтверждают те вынесенные христианами мучения, о которых нам рассказывают историки христианской церкви. Цельс упрекает христиан за то, что они собираются втайне из страха, который им внушают наказания: «Потому что, — говорит он, обращаясь к ним, — когда вас арестуют, вас ведут на казнь, и, прежде нежели лишиться жизни, вы должны претерпеть всякого рода истязания» (Ориген, *cont. Cels.*, кн. I, II, VI, VIII, *passim*). Панегирист Юлиана Либаний, говоря о христианах, пишет: «Те, которые держались извращенной религии, находились в постоянном страхе; они боялись, чтобы Юлиан не выдумал каких-нибудь истязаний, еще более утонченных, чем те, которым они прежде подвергались, чем изуверчения, сжигания заживо и пр., так как императоры совершали над ними все эти жестокости». *Libanii parentalis* in *Iulian.*, ap. *Fab. Bibl. graec.*, V, 9, № 58, стр. 283. — Гизо. (В своих оправданиях (стр. 122–145, 1-е издание) Гиббон защищает руководящую мысль этой главы, но мы ослабили бы их, если бы передали их в сокращенном виде. Он полагал, что в качестве «беспристрастного судьи» он обязан взять на себя роль защитника такого обвиняемого, который не может представить никаких свидетелей в свою пользу, и что он обязан «рассматривать с недоверием и с подозрительностью корыстное показание обвинителя». Нибур (Лекции о Рим. Ист. III, стр. 297) также утверждает, что гонение Диоклетиана «не было так страшно, как нас уверяют». Обнаруживав—

шаяся в ту пору внезапная неприязнь к христианам была делом Галерия, который завидовал новой иерархии, установившей более бесспорную и более влиятельную власть, чем власть самого императора. Необдуманно согласившись на суровые меры, предложенные его подчиненным советником, Диоклетиан поставил себя в затруднительное положение, которое и было настоящей причиной того, что он скоро вслед за тем отрекся от престола и стал жить частным человеком. — *Издат.*)

193) Таков прямой вывод из двух замечательных мест у Евсевия, кн. 8, гл. 2, и из *Martyr. Palestin.*, гл. 12. Осторожность историка подвергла его собственную личностность укорам и подозрениям. Хорошо известно, что он сам был заключен в тюрьму, и существовало подозрение, что он купил свободу какой-то унижительной уступкой. Этот упрек был сделан еще при его жизни и даже в его присутствии на соборе в Тире. См. Тильемона *Mémoires Ecclesiastiques*, ч. 8, стр. 67.

194) Древний и, может быть, неподдельный рассказ о страданиях Тараха и его товарищей (*Acta Sincera*. Ююнара, стр. 419—448) наполнен резкими выражениями гнева и презрения, которые не могли не раздражить судью. Обхождение Эдесия с египетским префектом Гиероклесом было еще более поразительно. *Logois te kai ergois ton dikasten... peribalon* — словами и делами судьи... он пренебрег. — Перев. ред. Евсев. de *Martyr. Palestin.*, гл. 5. (В поведении Тараха и его товарищей не было ничего такого, что можно бы было приписать увлечению. Гонители сами виноваты в том, что они принимают за презрение мужество тех, кого они гонят. «Как вас зовут?» — спросил у Тараха президент Максим. «Я христианин». — «Пусть разобьют ему челюсть». (Ююнар, стр. 460). Приводят его товарища Проба. На такой же вопрос он дает такой же ответ: «Я христианин, и мое имя Проб». Ему приказывают принести жертву, чтобы приобрести милость своего государя и дружбу Максима. «Я не желаю приобретать эту цену ни милости государя, ни вашей дружбы». Его подвергли самым жестоким истязаниям, затем надели на него оковы, и судья запретил заботиться об его ранах *sanguine tuo impleta est terra* (Ююнар, стр. 462). Третьим был приведен Андроник. На приказание принести жертву он отвечал с такой же твердостью. Судья, желая ввести его в заблуждение, сказал ему, что его единоверцы исполнили это требование. «Несчастный! — возразил он. — Зачем вводить меня в заблуждение неправдой». Все трое были наконец брошены на съедение зверям. Если сравнить поведение судьи с поведением мучеников, разве можно будет отыскать в ответах этих последних что-либо неприличное или преувеличенное? Даже народ, присутствовавший при разборе этого дела, был менее кроток и менее почтителен. Несправедливость Максима так возмутила его, что когда мученики появились в амфитеатре, всеми овладел ужас и народ стал роптать, говоря: «Неправедный судья тот, кто постановил такое решение!» Многие вышли из амфитеатра и, уходя, роптали на Максима и говорили о нем с презрением. Ююнарь, стр. 488. — *Гизо.*)

195) Евсев. de *Martyr. Palestin.*, гл. 13. (Лишь только это дошло до сведения начальствующих лиц, президент провинции — по словам Евсевия, человек грубый и жестокий — сослал духовников частью в Кипр, частью в разные места Палестины и приказал мучить их самыми тяжелыми работами. Четверо из них, отвечавшие отказом на его требование отречься от христианской веры, были сожжены живыми. — *Гизо.*)

196) Са. Аарустин, *Collat. Carthagin. Dei*, II гл. 13; Тильмон, *Mémoires Ecclesiastiques*, том 5, ч. 1, стр. 46. Споры с донатистами бросили некоторый свет на историю африканской церкви, хотя, быть может, в нем и есть доля пристрастия.

197) Евсевий de *Martyr. Palestin.*, гл. 13. Он заключает свое повествование уверением, что это были мученичества, совершившиеся в Палестине в течение всего

времени гонений. Пятая глава его восьмой книги, повествующая о том, что происходило в египетской провинции, Фиваиде, по-видимому, не согласна с нашим умеренным вычислением, но она должна лишь возбуждать в нас удивление к искусной уловке историка. Избравши сценой самых неслыханных жестокостей самую отдаленную и уединенную часть Римской империи, он рассказывает, что в Фиваиде нередко в один и тот же день подвергались мученической смерти по десяти и даже по сто человек. Но когда он переходит к описанию своего собственного путешествия по Египту, его выражения становятся мало-помалу более сдержанными и умеренными. Вместо значительного и определенного числа христиан он говорит о многих христианах (*pleiours*) и очень ловко употребляет два двусмысленных слова (*historēsamen* и *hypomeinontas*), которые могут означать или то, что он видел, или то, что он слышал, или ожидание или совершение казни* (* Кто даст себе труд справиться с текстом, тот убедится, что если бы слово *hypomeinontas* было принято в смысле ожидания наказания, то все это место утратило бы всякий смысл и сделалось бы непонятным. — Гизо.) (Не означает ли это слово ожидания исполнения уже состоявшегося приговора? — Издат.) Таким образом, обеспечив себе путь к отступлению, он предоставил читателям и переводчикам объяснять это двусмысленное место, как захотят, основательно рассчитывая на то, что их благочестие заставит их предпочесть самое благоприятное истолкование. Может быть, не лишено коварства замечание Феодора Метохита, что всякий, кто, подобно Евсевию, имел сношения с египтянами, любил употреблять туманные и запутанные выражения (*Valesius ad. loc.*).

198) Когда Палестина была разделена на три провинции, восточная префектура заключала в себе сорок восемь провинций. Так как старинные деления по национальностям уже давно были уничтожены, то римляне распределили провинции сообразно с их размерами и богатством.

199) *Ut gloriari possint nullum se innocentem peremisse, nam et ipse audiui aliquos gloriantes, quia administratio sua, in hac parte, fuerit incruenta.* Лактанц. *Institut. Divin.*, V, II)

200) (Этот расчет сделан на основании числа мучеников, называемых Евсевием поименно; но Евсевий признает, что их было гораздо больше. Так, например, девятая и десятая глава его сочинения озаглавлены так: Об Антонии, Зебине, Германии и других мучениках; о Петре Монахе, Асклепии Маркионите и других мучениках. Говоря о тех, которые пострадали при Диоклетиане, он пишет: «Я расскажу о смерти только одного из них для того, чтобы по этому примеру читатели могли догадаться, что случилось с остальными». (*Hist. Ecclesiast.*, кн.8, гл.6) Еще прежде Гиббона Додвелл сделал тот же расчет и такие же возражения, но Рюинар (*Act. mart. Pref.*, стр. 24 и след.) дал ему ответ, не допускающий возражений: «Евсевий признавал, что число мучеников было чрезвычайно велико, хотя и назвал по именам лишь немногих. Он служит самым лучшим истолкователем своих слов, когда говорит (кн. 3, гл.25), что многие мученики пострадали при Траяне (кн.5, внач.), что они были бесчисленны при Антонине и Вере (кн.6 гл.1), что во времена Севера церкви повсюду прославлялись подвижниками за веру. То же самое говорит он о гонениях Деция и Валериана. Пусть рассудительный читатель решает, в какой мере мнения Додвелла подкрепляются таким свидетельством». Даже во времена тех гонений, которые Гиббон считает более мягкими, нежели гонения Диоклетиана, число мучеников, как кажется, было более значительно, чем та цифра, которою он ограничивает число мучеников при Диоклетиане, и это число подтверждается неоспоримыми письменными памятниками; я приведу только один пример: между письмами св. Киприана находится одно письмо от Лукиана к Целерину, написан-

ное из тюрьмы; в этом письме Лукиан называет по именам семнадцать из своих единоверцев, которые умерли или в рудниках, или среди пыток, или от голода в темницах: «По приказанию императора, — пишет он, — мы обречены на смерть от голода и жажды; мы заперты в двух камерах, так что испарения, голод и жажда могут исполнять над нами свое назначение». Киприан. Письмо XXII. Гизо.) (Из писем Киприана № V и других можно видеть, что находившимся на свободе христианам дозволялось посещать тех, которые находились в заключении, и помогать им. Поэтому если кто-либо из духовников умирал в тюрьме от голода и жажды и если слово *pescari* не было фигурным выражением или гиперболой, то это могло случиться вследствие небрежности тех, кто имел средства и возможность предотвратить это несчастье и сверх того был обязан это сделать во исполнение приказаний своего духовного начальства. Впрочем, все эти споры о более или менее значительном числе мучеников не имеют большой важности. Первые христиане часто подвергались гонениям; этого нет возможности отвергать. Здесь число не имеет влияния на решение вопроса. Одно умерщвление Сервета наложило такое же черное пятно на имя Кальвина, какое наложили на имена Гардинера и Боннэ, Филиппа Испанского и Екатерины Медичи целые массы жертв. Конечно, христиане были более свирепо жестоки друг к другу, нежели язычники к их предкам. — *Издат.*)

²⁰¹⁾ Гроций, *Annal. de Rebus Belgicis*, кн. 1, стр. 12, изд. в лист.

²⁰²⁾ Фра Паоло (*Istoria del Consilio Tridentino*, кн. 3) низводит число бельгийских мучеников до пятидесяти тысяч. По учености и сдержанности Фра Паоло был не ниже Гроция. Первенство по времени дает некоторое преимущество свидетельству первого из них, но с другой стороны это преимущество утрачивается вследствие отдаленности Венеции от Нидерландов.

²⁰³⁾ Профессор Шрейтер в примечании, назначенном главным образом для германских читателей, говорит, что он не сделал никаких замечаний по поводу двух последних глав, потому что ожидал, что профессор Венк скоро издаст особый трактат по этому предмету. В предисловии Гизо (стр.13) сказано, что это ожидание не осуществилось. Поэтому примечание профессора Шрейтера касается только что вышедшего в ту пору в свет сочинения докт. Людербальда «О распространении христианской религии благодаря ее собственной ясности». Гельмштед, 1788. Есть некоторое основание в жалобе профессора на то, что Гиббон слишком часто смешивает христианство, церковь и иерархию и заблуждения последней ошибочно приписывает первому; впрочем, не следует упускать из виду факта, что прошло еще немного времени с тех пор, как в иных местах возникла возможность отделять иерархию от христианства, и что эта возможность до сих пор еще представляется не повсюду. — *Издат.*)

ГЛАВА XVII

Основание Константинополя. - Политическая система Константина и его преемников. -

Военная дисциплина. - Дворец. - Финансы

Несчастный Лициний был последний соперник, противостоявший величию Константина, и последний пленник, украсивший его триумф. После спокойного и счастливого царствования победитель оставил своему семейству в наследство Римскую империю с новой столицей, с новой политикой и новой религией, а установленные им нововведения были усвоены и упрочены следующими поколениями. Век великого Константина и его сыновей полон важных событий, но историк был бы подавлен их числом и разнообразием, если б он не постарался тщательно отделять одни от других те факты, которые связаны между собою только тем, что совершались одни вслед за другими. Он опишет политические учреждения, давшие империи силу и прочность, прежде нежели приступить к описанию войн и переворотов, ускоривших ее падение. Он будет придерживаться неизвестного древним отделения светских дел от церковных. Наконец, торжество христиан и их внутренние раздоры доставят обильные и ясные материалы и для назидания, и для скандала.

После поражения Лициния и его отречения от престола его победоносный соперник приступил к основанию столицы, которой было суждено сделаться впоследствии царицей Востока и пережить империю Константина и его религию. Из гордости или из политических расчетов Диоклетиан впервые покинул древнее местопребывание правительства, а руководившие им мотивы приобрели еще больший вес благодаря примеру его преемников и сорокалетней привычке. Рим мало-помалу слился с теми подчиненными государствами, которые когда-то признавали над собой его верховенство, и родина цезарей не возбуждала ничего, кроме холодного равнодушия в воинственном государе, который родился на берегах Дуная, воспитывался при азиатских дворах и в азиатских армиях и был возведен в императорское достоинство британскими легионами. Жители Италии, приветствовавшие в Константине своего избавителя, с покорностью исполняли эдикты, которыми ему случалось почитать римский сенат и народ, но они редко удостоивались присутствия своего нового монарха. Когда Константин был в цвете лет, он

или с полной достоинства медленностью, или с торопливой деятельностью объезжал границы своих обширных владений, соображаясь с разнообразными мирными или военными предприятиями, и всегда был готов двинуться и против внешних врагов, и против внутренних. Но когда он мало-помалу достиг вершины своего благополучия, а жизнь его стала клониться к закату, он стал помышлять об избрании более постоянного местонахождения для могущества и величия императорского престола. При выборе выгодного местоположения он предпочел пограничный рубеж между Европой и Азией, так как оттуда он мог сдерживать своею мощною рукою варваров, живших между Дунаем и Танаисом, и мог бдительно следить за поведением персидского монарха, с нетерпением несшего иго, наложенное унижительным мирным договором. Именно в этих видах Диоклетиан избрал и украсил свою резиденцию в Никомедии; но память Диоклетиана была по справедливости ненавистна для покровителя церкви, и Константин не был недоступен для честолюбивого намерения основать город, который мог бы увековечить славу его собственного имени. Во время последних военных действий против Лициния он не раз имел возможность оценить и как воин, и как государственный человек бесподобное положение Византии и мог заметить, как сильно она оберегается самою природой от неприятельских нападений, между тем, как она со всех сторон доступна для выгодных торговых сношений. Еще за несколько веков до Константина один из самых здравомыслящих древних историков¹⁾ описал выгоды этого положения, благодаря которому одна небольшая греческая колония приобрела господство на морях и сделалась цветущей и независимой республикой²⁾.

Если мы посмотрим на Византию в тех размерах, которые она приобрела вместе с славным названием Константинополя, этот царственный город представится нам в форме неправильного треугольника. Тупой угол, выдвигающийся к востоку и к берегам Азии, встречает и отталкивает волны фракийского Босфора. Северная часть города граничит гаванью, а южная омывается Пропонтидой или Мраморным морем. Основание треугольника обращено к западу; им оканчивается Европейский континент. Впрочем, без более подробного объяснения невозможно составить себе ясное и удовлетворительное понятие о превосходствах внешней формы и распределения окружающих этот город земель и вод.

Извилистый канал, сквозь который воды Эвксинского моря текут с постоянной быстротой к Средиземному морю, получил название Босфора - название, прославленное историей не менее, чем вымыслами древности³⁾.

Множество храмов и искупительных алтарей, разбросанных вдоль его крутых и лесистых берегов, свидетельствовали о неопытности, боязливости и благочестии тех греческих мореплавателей, которые, по примеру аргонавтов, пускались в опасное плавание по негостеприимному Эвксинскому морю. На этих берегах предание долго сохраняло воспоминания о дворце Финея, опустошаемом отвратительными гарпиями⁴⁾, и о лесном царстве Амика, вызвавшего сына Леды на бой в железных перчатках⁵⁾. Пролив Босфор оканчивается Кианейскими утесами, которые, по описанию поэтов, когда-то плавали на поверхности вод и были предназначены богами для охранения входа в Эвксинское море от нечестивого любопытства⁶⁾. От Кианейских утесов до оконечности Византии и ее гавани извилистая длина Босфора простирается почти на шестнадцать миль⁷⁾, а его самую обыкновенную ширину можно определить почти в полторы мили. Новые европейские и азиатские форты воздвигнуты на обоих континентах на фундаменте двух знаменитых храмов Сераписа и Юпитера Урийского. Старые форты, построенные греческими императорами, господствуют над самою узкою частью канала в таком месте, где противоположные берега приближаются один к другому на расстояние пятисот шагов. Эти укрепления были исправлены и усилены Мехметом Вторым, когда он замышлял осаду Константинополя⁸⁾; но турецкий завоеватель, вероятно, не знал, что почти за две тысячи лет до его царствования Дарий выбрал то же самое место для соединения двух континентов плашкотным мостом⁹⁾. В небольшом расстоянии от старых фортов находится небольшой городок Хрисополь, или Скутари, который почти можно считать за азиатское предместье Константинополя. В том месте, где Босфор начинает расширяться в Пропонтиду, он протекает между Византией и Халкедоном. Последний из этих городов был построен греками за несколько лет до основания первого, а ослепление основателя, не заметившего выгод, которые представлял противоположный берег, было заклеяно презрительным выражением, перешедшим в пословицу¹⁰⁾.

Константинопольская гавань, которую можно считать за один из рукавов Босфора, получила в очень отдаленные от нас времена название *Золотого Рога*. Кривую линию, кото-

рую она описывает, можно сравнить с рогом оленя или, скорее, с рогом быка¹¹⁾. Эпитет «золотой» обозначал богатства, которые каждый попутный ветер приносил из самых отдаленных стран в безопасную и просторную константинопольскую гавань. Река Лик, образовавшаяся от слияния двух небольших потоков, постоянно изливает в гавань свежую воду, которая очищает ее дно и привлекает в это удобное убежище периодически появляющиеся массы рыб. Так как приливы и отливы почти вовсе незаметны в тех морях, то постоянно глубокая вода внутри гавани позволяет выгружать товары прямо на набережную без помощи лодок; даже было замечено, что в некоторых местах самые большие корабли могут упираться своим носом в дома, в то время как их корма держится на воде¹²⁾. От устья Лика до входа в гавань этот рукав Босфора имеет более семи миль в длину. Вход в гавань имеет около пятисот ярдов в ширину, и поперек его может быть протянута крепкая цепь, если нужно предохранить гавань и город от нападения неприятельского флота¹³⁾.

Между Босфором и Геллеспонтом раздвигающиеся с обеих сторон берега Европы и Азии обнимают Мраморное море, которое было известно древним под именем Пропонтиды. Плавание от выхода из Босфора до входа в Геллеспонт простирается почти на сто двадцать миль. Кто плывет в направлении к западу, держась середины Пропонтиды, тот может в одно и то же время любоваться гористыми берегами Фракии и Вифинии и ни разу не терять из виду величавую вершину горы Олимп, покрытую вечными снегами¹⁴⁾; он минует с левой стороны глубокий залив, внутри которого находилась резиденция Диоклетиана Никомедия, и проедет мимо маленьких островков Кизика и Проконесса прежде, чем бросить якорь в Галлиполи, где море, отделяющее Азию от Европы, снова сжимается в узкий канал.

Географы, с самым большим вниманием и точностью изучившие форму и размеры Геллеспонта, определяют длину извилистого пути через знаменитый пролив почти в шестьдесят миль, а обыкновенную ширину самого пролива почти в три мили¹⁵⁾. Но самая узкая часть пролива находится к северу от старинных турецких фортов, между городами Сестом и Абидосом. Здесь отважный Леандр переплыл пролив, рискуя своею жизнью из-за обладания своей возлюбленной¹⁶⁾. Здесь же, в том месте, где расстояние между противоположными берегами не превышает пятисот шагов¹⁷⁾, Ксеркс устроил удивительный плашкотный мост с целью переправить в Ев-

ропу сто семьдесят мириад варваров¹⁸⁾. Заключение в такие узкие границы море, по-видимому, вовсе не заслуживает странного эпитета широкого, который нередко придавали Геллеспонту и Гомер и Орфей. Но наши понятия о величине имеют относительное значение, а путешественник, и в особенности поэт, державшийся во время плавания по Геллеспонту извилин потока и любовавшийся сельскими видами, со всех сторон закрывавшими горизонт, мало-помалу позабывал о море; его воображение рисовало ему этот знаменитый пролив со всеми атрибутами величественной реки, которая быстро протекала по лесистой местности и наконец впадала через широкое устье в Эгейское море или Архипелаг¹⁹⁾. Из древней Трои²⁰⁾, лежавшей на возвышении у подножия горы Иды, открывался вид на Геллеспонт, который едва ли делался более глубоким от вливавшихся в него бессмертных ручейков Симоиса и Скамандра. Греческий лагерь был раскинут на двенадцать миль вдоль берега, от мыса Сигейского до мыса Ретийского, а фланги армии охранялись самыми храбрыми из всех вождей, какие сражались под знаменами Агамемнона. Первый из этих мысов был занят Ахиллом с его непобедимыми мирмидонами, а на другом раскинул свои палатки неустрашимый Аякс. Когда Аякс погиб жертвою своей обманутой гордости и неблагодарности греков, его гробница была воздвигнута на том месте, где он защищал флот от ярости Юпитера и Гектора, а граждане возникавшего в ту пору города Рета стали воздавать его памяти божеские почести²¹⁾. Прежде нежели Константин отдал справедливое предпочтение положению Византии, он задумал воздвигнуть столицу империи на том знаменитом месте, из которого римляне вели свое баснословное происхождение. Обширная равнина, расстилающаяся от подножия древней Трои в направлении к Ретийскому мысу и к гробнице Аякса, была сначала им выбрана для новой столицы, и хотя он скоро отказался от этого намерения, величественные остатки недостроенных стен и башен долго привлекали внимание всякого, кому приходилось плавать по Геллеспонту²²⁾.

Теперь мы уже в состоянии оценить выгоды положения Константинополя, из которого как будто сама природа хотела сделать центр и столицу великой монархии. Находясь под сорок первым градусом широты, царственный город господствовал с высоты своих семи холмов²³⁾ над противоположными берегами Европы и Азии; климат был здоров и умерен, почва плодородна, гавань безопасна и просторна, а доступ со

стороны континента неширок и удобен для обороны. Босфор и Геллеспонт образуют, так сказать, ворота для входа в Константинополь, и тот монарх, в руках которого находятся эти важные проходы, всегда может закрывать их для неприятельского флота и открывать для флота торгового. Восточные провинции были в некоторой степени обязаны политике Константина своим спасением, так как варварские обитатели берегов Эвксинского моря, проникавшие в предшествовавшие века в самую середину Средиземного моря, скоро прекратили свои хищнические набеги вследствие невозможности прорваться сквозь эту непреодолимую преграду. Когда ворота Геллеспонта и Босфора были заперты, столица от этого не страдала, так как внутри своей обширной окружности она находила все, что было нужно для удовлетворения ежедневных потребностей и требований роскоши ее многочисленного населения. Побережье Фракии и Вифинии, томящееся под гнетом турецкого деспотизма, до сих пор представляет роскошную картину виноградников, садов и обилия земных продуктов, а Пропонтида всегда славилась громадным количеством самых лучших рыб, которых можно ловить в известные времена года не только без особенной ловкости, но даже почти без всяких усилий²⁴⁾. Но когда проходы через проливы были открыты для торговли, через них привозили из Эвксинского и Средиземного морей всякого рода натуральные и искусственные богатства и с севера и с юга. И разные грубые продукты, добывавшиеся среди лесов Германии и Скифии до самых устьев Танаиса и Борисфена, и все, что создавала промышленная деятельность Европы и Азии, и египетский хлеб, и доставлявшиеся из самых отдаленных частей Индии драгоценные камни и пряности - все приносилось попутными ветрами в константинопольскую гавань, привлекавшую к себе в течение многих столетий торговлю древнего мира²⁵⁾.

Такого соединения в одном пункте красоты, безопасности и богатства было достаточно для того, чтоб оправдать выбор Константина. Но так как во все века некоторая примесь чудесного и баснословного придавала надлежащее величие происхождению больших городов²⁶⁾, то император желал, чтоб его решение было приписано не столько ненадежным доводам человеческого разума, сколько непреложным и неизменным велениям божественной мудрости. В одном из изданных им законов он позаботился о том, чтобы потомство знало, что он заложил незыблемый фундамент Константино-

поля во исполнение воли Божией²⁷⁾, и хотя он не снизошел до того, чтобы сообщить нам, каким путем он получил это внушение свыше, его скромное молчание было с избытком восполнено изобретательностью писателей следующего столетия, которые описали ночное видение, представившееся Константину в то время, когда он спал внутри стен Византии. Гений-покровитель этого города, под видом почтенной матроны, изнемогавшей под тяжестью своих лет и недугов, внезапно превратился в цветущую девушку, которую император собственными руками украсил всеми символами императорского величия²⁸⁾. Монарх проснулся, объяснил смысл счастливого предзнаменования и без колебаний подчинился воле небес. День основания какого-либо города или колонии праздновался у римлян с теми церемониями, какие были установлены щедрым суеверием²⁹⁾, и хотя Константин, может быть, опустил некоторые обряды, слишком сильно отзывавшиеся своим языческим происхождением, однако он сделал все что мог, чтобы возбудить в душе зрителей глубокое чувство надежды и благоговения. Пешком и с копьем в руке шел император во главе торжественной процессии и затем наметил черту, которая должна была обозначать границы будущей столицы; он вел эту черту так долго, что удивленные зрители наконец осмелились заметить, что она уже превышает самые широкие размеры большого города. «Я все-таки буду подвигаться вперед, - возразил Константин, - пока шествующий впереди меня незримый руководитель не найдет нужным остановиться»³⁰⁾. Так как мы не беремся расследовать свойства и мотивы этого необыкновенного путевода, то мы ограничимся более скромной задачей и опишем размеры и пределы Константинополя³¹⁾.

При теперешнем состоянии этого города дворец и сады сераля занимают восточный мыс, то есть первый из семи холмов, и покрывают пространство почти в сто пятьдесят акров на нашу меру. Седалище турецкой бдительности и турецкого деспотизма воздвигнуто на фундаменте одной греческой республики, но можно предполагать, что византийцы, прельщаясь удобствами гавани, пытались распространить с этой стороны свои жилища далее теперешних пределов сераля. Новые стены Константина тянулись от гавани до Пропонтиды поперек раздвинувшейся ширины треугольника на расстоянии пятнадцати стадий от старых укреплений, а вместе с городом Византией они вмещали в себе пять из тех семи холмов, которые в глазах того, кто приближается к Константи-

нополю, как будто возвышаются один над другим с величественной регулярностью³²⁾. Почти через сто лет после смерти основателя новые здания, с одной стороны достигавшие гавани, а с другой тянувшиеся вдоль Пропонтиды, уже покрывали узкую вершину шестого холма и широкую поверхность седьмого. Необходимость защитить эти предместья от непрерывных нашествий варваров заставила младшего Феодосия обнести свою столицу прочной оградой на всем ее протяжении³³⁾. От восточного мыса до Золотых Ворот самая большая длина Константинополя достигала почти трех римских миль³⁴⁾; его окружность имела от десяти до одиннадцати миль, а все занимаемое им пространство можно определить почти в две тысячи английских акров. Нет возможности оправдать ни на чем не основанные и легковверные преувеличения новейших путешественников, которые иногда включают в пределы Константинополя соседние деревни не только европейского, но и даже азиатского побережья³⁵⁾.

Но предместья Пера и Галата хотя и находятся по ту сторону гавани, может быть, и заслуживают того, чтобы их считали за часть города³⁶⁾, а эта прибавка, пожалуй, может служить оправданием для того византийского историка, который определяет окружность своего родного города в шестнадцать греческих (то есть почти в четырнадцать римских) миль³⁷⁾. Такие размеры, по-видимому, достойны императорской резиденции. Однако Константинополь уступает в этом отношении Вавилону и Фивам³⁸⁾, Древнему Риму, Лондону и даже Парижу³⁹⁾.

Повелитель римского мира, пожелавший воздвигнуть вечный памятник славы своего царствования, мог употребить на исполнение этого великого предприятия богатство, труд и все, что еще оставалось от гения миллионов его покорных подданных. О том, как громадны были сокровища, издержанные с императорскою щедростью на основание Константинополя, можно судить по той сумме почти в 2 500 000 фунт. стерл., которая была назначена на сооружение стен, портиков и водопроводов⁴⁰⁾. Леса, покрывавшие берега Эвксинского моря и знаменитые каменоломни белого мрамора, находившиеся на небольшом островке Проконесс, служили неистощимым запасом строительных материалов, которые было нетрудно перевозить коротким морским путем в византийскую гавань⁴¹⁾. Множество работников и ремесленников непрестанно трудились над окончанием этого предприятия, но нетерпение Константина скоро заставило его убедиться,

что вследствие упадка, в котором находились в ту пору искусства, ни знания, ни число его архитекторов не соответствовали величию его предначертаний. Поэтому он предписал правителям самых отдаленных провинций учреждать школы, назначать преподавателей и привлекать обещаниями награды и привилегий к изучению в теории и на практике архитектуры достаточное число способных молодых людей, получивших хорошее образование⁴²⁾. Здания нового города были воздвигнуты такими ремесленниками, каких можно было добыть в царствование Константина, но они были украшены руками самых знаменитых художников времен Перикла и Александра. Могущество римского императора не было в состоянии воскресить гений Фидия и Лисиппа, но завещанные ими потомству бессмертные произведения ничем не были защищены от склонного к хищничеству тщеславия деспота. По его приказанию у городов Греции и Азии были отобраны их самые ценные украшения⁴³⁾. Трофеи достопамятных войн, предметы религиозного поклонения, самые лучшие статуи богов и героев, мудрецов и поэтов древности содействовали блестящему украшению Константинополя и дали историку Седрену⁴⁴⁾ повод с восторгом заметить, что, по-видимому, недоставало только душ тех знаменитых мужей, в честь которых были воздвигнуты эти удивительные памятники. Но не в городе Константина и не в период упадка империи, когда человеческий ум находился под гнетом гражданского и религиозного рабства, можно бы было найти душу Гомера или Демосфена.

Во время осады Византии завоеватель раскинул свою палатку на вершине второго холма, господствующей над окружающей местностью. Чтоб увековечить память о своей победе, он избрал это же выгодное положение для главного форума⁴⁵⁾, который, как кажется, имел кругообразную или, скорее, эллиптическую форму. Входы с двух противоположных сторон образовали триумфальные арки; портики, окружавшие его со всех сторон, были наполнены статуями, а центр форума был занят высокой колонной, от которой сохранился безобразный обломок, носящий презрительное название *обгорелого столба*. Эта колонна была воздвигнута на пьедестале из десяти кусков порфира, из которых каждый имел около десяти футов в высоту и около тридцати трех в окружности⁴⁶⁾. На вершине колонны на высоте более ста двадцати футов была поставлена колоссальная статуя Аполлона. Она была из бронзы, была перевезена или из Афин или

из одного из фригийских городов и считалась за произведение Фидия. Артист изобразил тогдашнего бога, или, как впоследствии уверяли, самого императора Константина со скипетром в правой руке, с глобусом в левой и с короной из блестящих лучей на голове⁴⁷⁾. Цирк, или Ипподром, был великолепное здание, имевшее около четырехсот шагов в длину и сто шагов в ширину⁴⁸⁾. Пространство между двумя *metae*, или целями, ристалища было наполнено статуями и обелисками, и до сих пор еще можно видеть оригинальный остаток древности - трех переплетающихся между собою змей, образующих медный столб. Их тройная голова когда-то поддерживала золотой треножник, который, после поражения Ксеркса, был посвящен в Дельфийском храме победоносными греками⁴⁹⁾. Уже давно красота Ипподрома была обезображена грубыми руками турецких завоевателей, но он до сих пор служит местом для выездки их лошадей под однородным названием Атмеидана. От трона, с которого император смотрел на игры в цирке, выходящая лестница⁵⁰⁾ вела во дворец. Это великолепное здание едва ли уступало римской императорской резиденции; вместе с примыкавшими к нему дворами, садами и портиками оно покрывало значительное пространство по берегу Пропонтиды между Ипподромом и церковью Св. Софии⁵¹⁾.

Мы могли бы также похвалить бани, которые носили имя Зевксиппа даже после того, как великодушие Константина украсило их высокими колоннами, различными произведениями из мрамора и более чем шестьюдесятью бронзовыми статуями⁵²⁾. Но мы уклонились бы от цели этого исторического повествования, если бы стали подробно описывать различные здания и кварталы столицы. Достаточно будет заметить, что внутри Константинополя было все, что могло способствовать красоте и великолепию большой столицы и что могло доставлять благосостояние и удовольствие ее многочисленному населению. В описание этого города, составленное почти через сто лет после его основания, вошли: Капитолий, или школа для изучения наук, цирк, два театра, восемь водопроводов или водоемов, четыре обширные залы для заседаний сената или судебных палат, четырнадцать церквей, четырнадцать дворцов и четыре тысячи триста восемьдесят восемь домов, которые по своим размерам и красоте выделялись из множества жилищ простонародья⁵³⁾.

После основания этого щедро одаренного судьбой города его многолюдность сделалась главным и в высшей степени

серьезным предметом забот Константина. В века невежества, следовавшие за перемещением столицы империи, и отдаленные, и непосредственные последствия этого достопамятного события были странным образом извращены тщеславием греков и легковерием латинов⁵⁴⁾. Одни утверждали, а другие верили, что все знатные римские семьи, сенат и сословие всадников последовали вместе с своими бесчисленными домохозяевами за своим императором на берега Пропонтиды, что низкому племени чужестранцев и плебеев было предоставлено населять опустевшую древнюю столицу и что земли в Италии, давно уже превратившиеся в сады, были внезапно лишены и обработки, и населения⁵⁵⁾. При дальнейшем ходе этого повествования выяснится вся несостоятельность таких преувеличений. Однако так как процветание Константинополя нельзя приписывать вообще размножению человеческого рода и развитию промышленной деятельности, то следует полагать, что эта искусственная колония возникла в ущерб старинным городам империи. Очень вероятно, что многие богатые римские сенаторы и сенаторы из восточных провинций были приглашены Константином переселиться в то счастливое место, которое он избрал для своей собственной резиденции.

Приглашения повелителя едва ли чем-либо отличаются от приказаний, а щедрость императора вызывала скорое и охотное повиновение. Он раздарил своим любимцам дворцы, которые были им выстроены в различных частях города, раздал им земли, назначил пенсии для того, чтоб они могли жить прилично своему званию⁵⁶⁾ и образовать из государственных земель Понта и Азии наследственные имения, которые раздавал им с легким условием содержать дом в столице⁵⁷⁾. Но эти поощрения и милости скоро сделались излишними и мало-помалу прекратились. Где бы правительство ни утвердило свое местопребывание, значительная часть государственных доходов будет тратиться там самим монархом, его министрами, представителями судебного ведомства и дворцовой прислугой. Самых богатых жителей провинций будут привлекать в столицу могущественные мотивы, основанные на личных интересах и на чувстве долга, на склонности к развлечениям и на любопытстве. Третий и более многочисленный класс населения образуется там мало-помалу из слуг, из ремесленников и купцов, извлекающих свои средства существования из своего собственного труда и из потребностей или из роскоши высших классов. Таким образом,

менее чем в одно столетие Константинополь стал оспаривать даже у Рима первенство в богатстве и многолюдстве. Новые массы зданий, скученных между собою без всякого внимания к здоровью или удобствам жителей, едва оставляли достаточно места для узких улиц, на которых непрерывно двигались массы людей, лошадей и экипажей. Место, предназначенное для построек, оказалось недостаточным для увеличивавшегося населения, и дополнительные здания, которые были построены с обеих сторон вплоть до самого моря, одни могли бы образовать весьма значительный город⁵⁸).

Частые и регулярные раздачи вина и масла, зерна или хлеба, денег или провизий почти совершенно освобождали самых бедных римских граждан от необходимости работать. Великодушие первых цезарей в некоторой мере подражал и основатель Константинополя⁵⁹), но хотя его щедрость и вызывала одобрение народа, потомство отнеслось к ней с порицанием. Нация законодателей и завоевателей могла заявлять притязания на африканскую жатву, которая была куплена ее кровью, а Августом руководило коварное намерение доставить римлянам такое довольство, которое заставило бы их позабыть о прежней свободе. Но расточительность Константина нельзя было оправдывать ни общественными, ни личными интересами, и ежегодная дань зерновым хлебом, которую Египет должен был уплачивать его новой столице⁶⁰), имела назначением кормить праздную и ленивую чернь на счет земледельцев трудолюбивой провинции⁶¹). Некоторые другие распоряжения этого императора менее достойны порицания, но и менее достойны внимания. Он разделил Константинополь на четырнадцать частей, или кварталов⁶²), почтил общественный совет названием сената⁶³), дал гражданам привилегии италийцев⁶⁴) и украсил возникающий город титулом Колонии, старшей и любимой дочери Древнего Рима. Но почтенная родительница все-таки удержала за собой легальное и всеми признанное первенство, на которое ей давали право ее возраст, ее достоинство и воспоминания о ее прежнем величии⁶⁵).

Так как Константин торопил производство работ с нетерпением влюбленного, то постройка стен, портиков и главных зданий была окончена в несколько лет, или, если верить другому рассказу, в несколько месяцев⁶⁶); но эта чрезвычайная скорость не должна нас удивлять, так как многие здания были выстроены с такой торопливостью и так неудовлетворительно, что в следующее царствование их с трудом

предохранили от угрожавшего им разрушения⁶⁷⁾. Но пока они еще сохраняли крепость и свежесть юности, основатель приготовился отпраздновать освящение своей столицы⁶⁸⁾. Нетрудно себе представить, какие общественные увеселения и какие щедрые даяния увенчали великолепие этого достопамятного торжества; но мы не должны упускать из виду другой церемонии, которая имела более оригинальный и более постоянный характер. Всякий раз, как наступала годовщина основания города, на триумфальную колесницу ставилась статуя Константина, которая была сделана по его приказанию из позолоченного дерева и держала в своей правой руке небольшое изображение местного гения. Гвардейцы, державшие в руках зажженные свечи из белого воска и одетые в свои самые дорогие мундиры, сопровождали торжественную процессию в то время, как она проходила через Ипподром. Когда она останавливалась напротив трона царствующего императора, он вставал с своего места и с признательным уважением воздавал честь памяти своего предшественника⁶⁹⁾. Во время празднества освящения вырезанный на мраморной колонне эдикт дал городу Константина титул Второго, или Нового, Рима⁷⁰⁾. Но название Константинополя⁷¹⁾ одержало верх над этим почетным эпитетом и по прошествии четырнадцати столетий все еще напоминает о величии его основателя⁷²⁾.

Основание новой столицы натурально связано с введением новой формы гражданского и военного управления. Подробное изложение сложной административной системы, введенной Диоклетианом, усовершенствованной Константином и дополненной его непосредственными преемниками, не только способно заинтересовать наше воображение своеобразной картиной великой империи, но и способно объяснить нам тайные внутренние причины ее быстрого упадка. Изучение какого бы то ни было замечательного учреждения империи заставит нас часто обращаться то к самым ранним, то к самым поздним временам римской истории, но действительные пределы этого исследования будут ограничены почти тридцатилетним периодом времени от восшествия на престол Константина до обнародования Кодекса Феодосия⁷³⁾, из которого, равно как из *Notitia* восточных и западных⁷⁴⁾, мы извлекаем самые подробные и самые достоверные сведения о положении империи. Это разнообразие сюжетов на время приостановит ход нашего повествования, но этот перерыв мог бы вызвать порицание только со стороны тех читателей,

которые, не сознавая важного значения законов и нравов, сильно интересуются только переходящими придворными интригами или случайным исходом сражений.

Благородная гордость римлян, довольствуясь сущностью власти, предоставляла восточному тщеславию формы и церемонии чванного величия⁷⁵). Но когда они утратили даже подобие тех добродетелей, источником которых была их старинная свобода, то простота римских нравов мало-помалу заразилась влиянием блестящей вычурности азиатской придворной обстановки. Основанные на личном достоинстве и влиянии отличия, которые так ярко бросаются в глаза в республиках, но так слабы и незаметны в монархиях, были уничтожены деспотизмом императоров, которые заменили их строгой субординацией чинов и должностей, начиная с титулованных рабов, восседавших на ступенях трона, и кончая самыми низкими орудиями неограниченной власти. Множество презренных слуг было заинтересовано в поддержании существующего правительства из страха революции, которая могла разом уничтожить их надежды и лишить их наград за их услуги. В этой божественной иерархии (так ее часто называют) всякому чину было указано место с самой пунктуальной точностью, а его значение проявлялось во множестве мелочных и торжественных церемоний, которые было нелегко заучить и нарушение которых считалось святотатством⁷⁶). Латинский язык утратил свою чистоту вследствие того, что, с одной стороны, гордость, а с другой - лесть ввели в него множество таких эпитетов, которые Цицерон едва ли был бы в состоянии понять и которые Август отверг бы с негодованием. Главных сановников империи все - и даже сам император - величали следующими обманчивыми титулами: *ваше Чистосердечие, ваша Степенность, ваше Превосходительство, ваше Высокопреосвященство, ваше высокое и удивительное Величие, ваше знаменитое и великолепное Высочество*⁷⁷). Документы или патенты на их звание были украшены такими эмблемами, которые всего лучше уясняли его характер и высокое значение, как-то: изображением или портретом царствующего императора; торжественной колесницей; книгой указов, положенной на стол, покрытый богатым ковром и освещенный четырьмя светильниками; аллегорическим изображением провинций, которыми они управляли, или названиями и знаменами войск, которыми они командовали. Некоторые из этих официальных знаков отличия выставлялись в их приемных за-

лах, другие украшали их парадное шествие всякий раз, как они появлялись перед публикой; а все подробности касательно их манеры себя держать, касательно их одежды, украшений и свиты были рассчитаны на то, чтоб внушать глубокое уважение к представителям верховной власти. Наблюдатель-философ мог бы принять систему римского управления за великолепный театр, наполненный актерами всякого рода и всякого достоинства, которые повторяют выражения и подражают страстям изображаемых ими личностей⁷⁸).

Все должностные лица, достаточно значительные для того, чтоб занимать какое-нибудь место в общем штате империи, были аккуратно разделены на три класса: 1. *Illustres*; 2. *Spectabiles*, или *Достопочтенные*; и 3. *Clarissimi*, что можно перевести словом *Почтенные*. Во времена римской простоты последний из этих эпитетов употреблялся только как неопределенное выражение почтения, но потом сделался специальным титулом всякого, кто был членом сената⁷⁹), и, следовательно, всякого, кто выбирался из этого почтенного собрания для управления провинциями. Много времени спустя после того новое название *Spectabiles* было придумано для удовлетворения тщеславия тех, кто по своему рангу или должности мог заявлять притязание на такое отличие, которое ставило бы его выше остальных лиц сенаторского звания; но титул *Illustis* всегда предоставлялся каким-нибудь особенно важным особам, к которым лица двух низших разрядов относились с покорностью или уважением. Он давался только: I. консулам и патрициям; II. преторианским префектам и префектам римскому и константинопольскому; III. главным начальникам кавалерии и пехоты; и IV. семи дворцовым министрам, исполнявшим свои священные обязанности при особе императора⁸⁰). Между этими знаменитыми сановниками, считавшимися равными между собою, старшинство назначения уступало первое место соединению нескольких должностей в одном лице⁸¹). Те императоры, которые любили раздавать милости, иногда удовлетворяли путем особых почетных рескриптов если не честолюбие, то тщеславие своих жадных до отличий царедворцев⁸²).

I. Пока римские консулы были первыми сановниками свободного государства, они были обязаны своею властью народному избранию. Пока императоры снисходили до того, что старались прикрывать наложенное ими рабство, консулы избирались действительным или воображаемым голосованием сената. С царствования Диоклетиана даже эти следы сво-

боды были уничтожены, и те счастливые кандидаты, которые были облечены на один год в консульское звание, высказывали соболезнования об унижительном положении своих предместников. Сципионы и Катоны были вынуждены просить плебеев о подаче голосов в их пользу, были вынуждены подчиняться утомительным и дорогостоящим формальностям народных выборов и подвергать свое личное достоинство стыду публичного отказа, тогда как благодаря их собственной счастливой судьбе им пришлось жить в таком веке и при таком правительстве, когда награды за добродетель назначаются непогрешимой мудростью милостивого монарха⁸³). В письмах, которые император писал двум консулам после их избрания, говорилось, что они возводятся в это звание одной его властью⁸⁴). Их имена и изображения, вырезанные на позолоченных дощечках из слоновой кости, рассылались по всей империи в подарок провинциям, городам, должностным лицам, сенату и народу⁸⁵). Их торжественное вступление в должность происходило там, где была императорская резиденция, и Рим был в течение ста двадцати лет постоянно лишен присутствия свои старинных сановников⁸⁶). Утром 1 января консулы облакались в отличия своего звания. Их одеяние состояло из пурпуровой мантии, вышитой шелком и золотом, а иногда и украшенной дорогими камнями⁸⁷). В этих торжественных случаях их сопровождали самые высшие гражданские и военные сановники в сенаторских одеяниях, а ликторы несли впереди них бесполезные пучки палок (*fascies*) и когда-то наводившие страх секиры⁸⁸). Процессия двигалась от дворца⁸⁹) к форуму или главной городской площади; там консулы всходили на свой трибунал и садились на курульное седалище (*sella curulis*), которое было сделано по древнему образцу. Немедленно вслед за тем они совершали акт правосудия, давая свободу рабу, которого приводили нарочно для этой цели, а вся эта церемония должна была напоминать знаменитый поступок творца свободы и консульского звания Брута, когда он принял в число своих сограждан верного Виндекса, обнаружившего заговор Тарквиниев⁹⁰). Публичные празднества продолжались несколько дней во всех главных городах империи - в Риме по старому обычаю, а в Константинополе, Карфагене, Антиохии и Александрии из любви к развлечениям и из излишка богатств⁹¹). В двух столицах империи ежегодные зрелища в театрах, цирке и амфитеатре⁹²) стоили четыре тысячи фунтов золота, то есть около ста шестидесяти тысяч

фунтов стерлингов, и если сами должностные лица не могли или не хотели брать на себя таких больших расходов, то нужные суммы отпускались из императорского казначейства⁹³). Лишь только консулы исполняли эти обычные обязанности, они могли спокойно жить в неизвестности как частные люди и без всякой помехи наслаждаться в течение всего года созерцанием своего собственного величия. Они уже не председательствовали на народных совещаниях и не приводили в исполнение решения касательно мира или войны. Их дарования (если только они не занимали каких-нибудь других более серьезных должностей) оказывались ненужными, а их имена служили только легальным обозначением того года, в котором они восседали на месте Мариев и Цицеронов. Однако даже в самый последний период римского рабства все чувствовали и сознавали, что это бессодержательное название можно не только сравнивать с обладанием действительной властью, но даже предпочитать ему. Титул консула все еще был самой большой целью для честолюбия и самой благородной наградой за добродетели и верность. Сами императоры, пренебрегавшие слабыми отблесками республиканских учреждений, сознавали, что они усиливают свой блеск и величие, возлагая на себя годовичные отличия консульского звания⁹⁴).

Существовавшее в первые века Римской республики различие между патрициями и плебеями представляет самый надменный и самый цельный способ отделения знати от простого народа, какой только можно найти в каком-либо другом веке или в какой-либо другой стране. Богатства и почести, государственные должности и религиозные церемонии были почти исключительно в руках патрициев, которые, сохраняя чистоту своей крови с самой надменной заботливостью⁹⁵), держали своих клиентов в полном порабощении. Но эти различия, столь несовместимые с духом свободного народа, были отменены после продолжительной борьбы настойчивыми усилиями трибунов. Самые деятельные и самые счастливые из плебеев стали накапливать богатства, стремиться к почестям, удостаиваться триумфов, вступать в брачные союзы с патрициями и после нескольких поколений усваивали себе спесь древней знати⁹⁶). С другой стороны, патрицианские роды, первоначальное число которых никогда не увеличивалось до самого падения республики, или вымирали сами собою, или прекращались во время стольких внешних и внутренних войн, или же, по недостатку достоинств или со-

стояния, мало-помалу смешивались с народной массой⁹⁷). Из них оставалось очень немного таких, которые могли ясно доказать, что ведут свое начало с первых времен республики, когда Цезарь и Август, Клавдий и Веспасиан создали из некоторых сенаторских семей новые патрицианские роды в надежде навсегда продолжить существование такого сословия, которое все еще считалось почтенным и священным⁹⁸). Но эти искусственные подпоры (в число которых всегда включали и царствующий дом) были чрезвычайно скоро уничтожены яростью тиранов, частыми переворотами, изменением нравов и смешением национальностей⁹⁹). Когда Константин вступил на престол, от них оставалось немного более, чем смутное предание, что патриции когда-то были первыми из римлян. Намерение создать сословную аристократию, которая, поддерживая своим влиянием власть монарха, может вместе с тем ограничивать ее, было бы совершенно несовместимо с характером и с политикой Константина; но если бы даже он серьезно задался такой целью, он был бы не в состоянии создать посредством исходящего из его личной воли закона такое учреждение, для которого нужна санкция времени и общественного мнения. Он, правда, воскресил титул патрициев, но лишь как личное, а не как наследственное отличие. Признавая над собою только временное превосходство годичных консулов, они пользовались правами старшинства над всеми государственными сановниками и имели всегда свободный доступ к особе монарха. Это почтенное звание давалось им пожизненно, а так как они обыкновенно принадлежали к числу любимцев и министров, посевших на службе при императорском дворе, то настоящая этимология этого слова была извращена невежеством и лестью, и патрициев Константина стали чтить как приемных отцов императора и республики¹⁰⁰).

II. Судьба преторианских префектов была совершенно иная, чем судьба консулов и патрициев. Древнее величие этих последних превратилось в пустые титулы, а первые, возвышаясь шаг за шагом из самого скромного положения, наконец достигли того, что были поставлены во главе гражданского и военного управления Римской империи. С царствования Севера до царствования Диоклетиана их высшему попечению поручались гвардия и дворец, законы и финансы, армии и провинции, и, подобно восточным визирям, они держали в одной руке государственную печать империи, а в другой ее знамя. Честолюбие префектов, которое было всег-

да опасно, а иногда и пагубно для повелителей, которым они служили, опиралось на силу преторианских отрядов; но после того, как эти надменные войска были ослаблены Диоклетианом и окончательно уничтожены Константином, пережившие их падение префекты были без труда низведены до положения полезных и послушных министров. Когда с них сложили ответственность за безопасность особы императора, они лишились той юрисдикции над всеми частями дворцового управления, на которую они до тех пор заявляли притязания и которой действительно пользовались. Константин отнял у них все высшие военные должности, лишь только они перестали командовать на поле битвы избранными римскими войсками, и в конце концов, вследствие какого-то странного переворота, бывшие начальники гвардии преобразились в гражданских начальников провинций. Согласно с системой управления, введенной Диоклетианом, каждый из четырех монархов имел при себе своего преторианского префекта, а после того как монархия снова объединилась в лице Константина, этот император по-прежнему назначал *четыре префектов* и вверял их попечению те самые провинции, которыми управляли их предшественники. 1. Восточный префект распространял свою обширную юрисдикцию на три части земного шара, повиновавшиеся римлянам, от нильского водопада до берегов Фазиса и от гор Фракии до границ Персии. 2. Важные провинции Паннония, Дакия, Македония и Греция признавали над собою власть префекта Иллирии. 3. Власть префекта Италии не ограничивалась той страной, от которой происходил его титул; она распространялась на территорию Греции до берегов Дуная, на принадлежавшие империи острова Средиземного моря и на ту часть Африканского континента, которая лежала между пределами Кирены и пределами Тангитании. 4. Префект Галлии заведовал под этим общим названием соседними с Галлией провинциями Британией и Испанией, и его власти повиновались от стены Антонина до подножия горы Атласа¹⁰¹). После того как преторианские префекты были лишены всех высших военных должностей, вверенное им гражданское управление столькими подчиненными нациями могло вполне удовлетворять честолюбие и упражнять дарования самых способных министров. Им было поручено высшее заведование юстицией и финансами, а эти два предмета обнимали в мирное время почти все взаимные обязанности монарха и народа - обязанности монарха охранять граждан, подчиняю-

щихся законам, и обязанности граждан уделять часть своей собственности на покрытие государственных расходов. Чеканка монеты, пути сообщения, почты, хлебные магазины, мануфактуры - одним словом, все, что могло иметь какую-либо связь с общественным благосостоянием, находилось под властью преторианских префектов. В качестве непосредственных представителей императорского величия они были уполномочены объяснять, усиливать и в некоторых случаях изменять общие эдикты путем прокламаций, содержание которых зависело от их личного усмотрения. Они наблюдали над поведением провинциальных губернаторов, удаляли от должности нерадивых и подвергали наказанию виновных. Перед трибуналом префекта можно было приносить апелляции на все низшие ведомства по всем важным делам, как гражданским, так и уголовным; но его решение было окончательное и вполне самостоятельное, и сами императоры отказывались от принятия жалоб на приговоры или на пристрастные действия такого должностного лица, которое они почтили столь неограниченным доверием¹⁰²⁾. Его жалование соответствовало его высокому званию¹⁰³⁾, а если корыстолюбие было его господствующей страстью, то он имел часто случай удовлетворять ее, собирая обильную жатву взятками, подарками и случайными доходами. Хотя императоры уже не имели основания опасаться честолюбия своих префектов, они все-таки старались найти противовес этой важной должности в неопределенности и непродолжительности срока, на который назначались префекты¹⁰⁴⁾.

Благодаря своей особенной важности и своему величию Рим и Константинополь были единственные города, не подчинявшиеся юрисдикции преторианского префекта. Обнаруженное практикой слишком медленное и безуспешное действие законов в столь обширных городах послужило для политики Августа поводом к назначению нового должностного лица, которое было бы способно сдерживать раболопную и бурную чернь сильной рукой произвольной власти¹⁰⁵⁾. Первым римским префектом был назначен Валерий Мессалла в тех видах, что его прекрасная репутация смягчит то, что было возмутительного в этой мере; но, по простествии нескольких дней, этот превосходный гражданин¹⁰⁶⁾ отказался от своей должности, объявив, как это было прилично другу Брута, что он считает себя неспособным пользоваться такой властью, которая несовместима с общественной свободой¹⁰⁷⁾. По мере того как угасало чувство свободы, сильнее сознава-

лись выгоды порядка, и префект, по-видимому, назначенный сначала для того, чтоб наводить страх только на рабов и бродяг, получил право распространить свою гражданскую и уголовную юрисдикцию на сословие всадников и на знатные римские семьи. Преторы, ежегодно назначавшиеся для того, чтоб решать дела по законам и по справедливости, не могли оспаривать обладание форумом у могущественного и постоянного должностного лица, которое обыкновенно пользовалось личным доверием монарха. Места их судебных заседаний опустели; их число, когда-то колебавшееся между двенадцатью и восемнадцатью¹⁰⁸), было мало-помалу низведено до двух или трех, а их важные функции были ограничены дорогостоящей обязанностью¹⁰⁹) устраивать публичные зрелища для забавы народа. После того как звание римских консулов было изменено в пустую выставку пышности, редко происходившую в самой столице, префекты заняли их вакантные места в сенате и скоро вслед за тем были признаны обычными президентами этого почтенного собрания. Они получали апелляции из мест, отдаленных на сто миль, и было признано за принцип юриспруденции, что всякая муниципальная власть исходит от них одних¹¹⁰).

В исполнении его трудных обязанностей римскому губернатору помогали пятнадцать чиновников, из которых некоторые первоначально были его равными или даже его старшими. Главными предметами их деятельности были: командование многочисленной стражей, учрежденной для предупреждения пожаров, разбоев и ночных беспорядков; сбережение и распределение назначенного для раздачи народу хлеба и провизий; наблюдение над пристанью, водопроводами, водосточными трубами, плаванием по Тибру и руслом этой реки; надзор над рынками, театрами, общественными и частными сооружениями. Их бдительность простиралась на три главных цели всякой правильно организованной полиции: на безопасность, на снабжение города съестными припасами и на чистоту, а в доказательство заботливости правительства о поддержании великолепия и украшений столицы был назначен особый инспектор для статуй; он был как бы стражем над этим бездушным населением, которое, по преувеличенным расчетам одного древнего писателя, не уступало своим числом живым обитателям Рима. Почти через тридцать лет после основания Константинополя в этой расширявшейся метрополии была учреждена такая же должность для таких же целей и с такими же полномочиями. Полное равенство

было установлено между должностями четырех преторианских префектов¹¹¹⁾.

Те, которые в государственной иерархии отличались титулом *Spectabiles*, составляли промежуточный класс между префектами, носившими титул *Illustres*, и провинциальными должностными лицами, называвшимися *Clarissimi*. Проконсулы Азии, Ахании и Африки заявляли притязание на старшинство в этом разряде, которое и было им дано в воспоминание их прежнего высокого положения, а право апеллировать на их решения префектам было почти единственным признаком их зависимости¹¹²⁾. Гражданское управление империи было разделено на тринадцать больших диоцезов (*dioceses*), из которых каждый равнялся своими размерами могущественному королевству. Первый из этих диоцезов был подчинен юрисдикции восточного графа; мы можем составить себе некоторое понятие о важности и разнообразии его функций из того факта, что в его собственной канцелярии работали шестьсот чиновников, которых можно бы было по-нашему назвать секретарями, клерками, приставами, рассыльными¹¹³⁾. Место августального египетского префекта уже более не замещалось одним из римских всадников, но его название все еще сохранялось, и тамошним губернаторам все еще давались те чрезвычайные полномочия, которые когда-то были необходимы ввиду исключительного положения страны и особого характера ее жителей. Остальные одиннадцать диоцезов - Азии, Понта и Фракии; Македонии, Дакии и Паннонии, или Западной Иллирии; Италии и Африки; Галлии, Испании и Британии - управлялись наместниками или вице-префектами¹¹⁴⁾, название которых достаточно ясно указывает на характер и зависимость их должности. К этому можно присовокупить, что наместники, командовавшие римскими армиями, военные графы и герцоги, о которых будет говорить далее, пользовались рангом и титулом *Spectabiles**.

Так как в высших сферах управления господствовали зависть и тщеславие, то императоры спешили дробить власть и умножать титулы. Обширные страны, которые были объединены римскими завоевателями под одной и той же несложной формой управления, мало-помалу раздробились на мелкие части, так что наконец вся империя разделилась на сто шестнадцать провинций, из которых каждая должна бы-

* Наместников или вице-префектов диоцезов называли *викариями* (Примеч. ред.)

ла содержать дорогостоящий и блестящий штат чиновников. Три из них управлялись проконсулами, тридцать семь консулярами, пять корректорами и семьдесят одна президентами*. Названия этих должностных лиц были различны: по своему рангу они шли одни вслед за другими; знаки их достоинства видоизменялись очень странным образом, а их положение могло быть, вследствие разных случайных причин, более или менее приятным или выгодным. Но все они (за исключением только проконсулов) были включены в разряд *Clarissimi*, все они смещались по воле монарха и все в отправления правосудия и заведовании финансами зависели от префектов или от их депутатов.

Огромные тома кодексов и пандектов¹¹⁵⁾ могут доставить нам обильный материал для подробного изучения системы провинциального управления в том виде, как она была в течение шести столетий усовершенствована мудростью римских государственных людей и законоведцев. Но для историка достаточно остановить свое внимание на двух замечательных и благотворных мерах предосторожности, которые имели назначением сдерживать злоупотребление властью. 1. Для поддержания спокойствия и порядка губернаторы провинций были вооружены мечом правосудия. Они присуждали к телесным наказаниям, а за уголовные преступления имели право подвергать смертной казни. Но они не имели права позволять осужденному преступнику выбор рода казни и не имели права произносить более мягкого и менее позорного приговора о ссылке. Эти прерогативы были предоставлены префектам; они одни могли налагать тяжелую пеню в пятьдесят фунтов золота, а их заместители могли налагать только ничтожную пеню в несколько унций¹¹⁶⁾. Это различие, которое, по-видимому, давало более значительную власть и отказывало в менее значительной, было основано на очень здравом соображении. Менее значительная власть могла несравненно чаще вызывать злоупотребления. Страсти провинциального должностного лица могли часто вовлекать его в угнетения, направленные лишь против свободы или имущественных интересов управляемых, тогда как из осторожности или из человеколюбия он не решился бы проливать кровь невинных. Сверх того, следует заметить, что ссылка, значительная денежная пеня и выбор более легкого способа смертной казни относились преимущественно к

* Или президиан. (Примеч. ред.)

людям богатым и знатным; таким образом, те, которые могли всего более опасаться корыстолюбия или мстительности провинциального должностного лица, были избавлены от его притеснений и обращались к более высокому и более беспристрастному трибуналу преторианского префекта. 2. Так как можно было опасаться, что бескорыстие судьи может пострадать от влияния его личных интересов или его родственных привязанностей, то были изданы самые строгие постановления, предписывавшие без особого на то разрешения от императора никого не назначать губернатором той провинции, где он родился¹¹⁷⁾, и запрещавшие губернаторам и их сыновьям вступать в браки с женщинами, родившимися или жившими¹¹⁸⁾ на управляемой ими территории, или покупать там рабов, земли и дома¹¹⁹⁾. Но, несмотря на эти энергические меры предосторожности, император Константин, после двадцатипятилетнего царствования, сожалел о том, что отправление правосудия продажно и притеснительно, и выражал самое горячее негодование по поводу того, что и аудиенции судьи, и его торопливое окончание дел, и его отсрочка разбирательства, и его окончательные решения продавались публично или им самим, или подчиненными ему чиновниками. Повторение бессильных узаконений и бесполезных угроз доказывает, что эти преступления не прекращались, а может быть и то, что они оставались безнаказанными¹²⁰⁾.

Так как все гражданские должности замещались людьми, избравшими своей профессией законоведение, то знаменитые *Институции* Юстиниана были адресованы к юношеству, посвятившему себя изучению римской юриспруденции; император поощрял их прилежание обещанием, что их знание и опытность будут со временем вознаграждены соразмерным участием в управлении республикой¹²¹⁾. Первые начала этой доходной науки преподавались во всех значительных городах востока и запада, но всех более славилась школа в Берите^{122)*}, на берегу Финикии; она процветала в течение более трех столетий со времен Александра Севера, который, может быть, был основателем столь полезного для его родины заведения. Пройдя курс наук, продолжавшийся пять лет, студенты рассенвались по провинциям в поисках фортуны и отличиями и находили неистощимый источник деловых занятий в огромной империи, уже развратившейся от множества законов, профессий и пороков. При одном

* Совр. Бейрут (*Примеч. ред.*).

только трибунале восточного преторианского префекта были занятия для ста пятидесяти адвокатов, из числа которых шестьдесят четыре были отличены особыми привилегиями, а двое ежегодно избирались для защиты интересов казны с жалованьем в шестьдесят фунтов золота. Для испытания их юридических дарований их сначала назначали на время помощниками к судьям, а потом нередко возводили в президенты того самого трибунала, перед которым они ходатайствовали по тяжбыным делам.

Они достигали звания губернаторов провинций и при помощи личных достоинств, хорошей репутации или связей мало-помалу возвышались до тех государственных должностей, с которыми был связан титул *Illustres*¹²³⁾. Эти люди, привыкшие в своей адвокатской практике считать разум за орудие спора и истолковывать законы сообразно с своими личными интересами, едва ли могли отстать от этих вредных привычек, когда превращались в администраторов. Конечно, и в древние, и в новые времена было немало таких адвокатов, которые делали честь своей профессии, занимая самые важные должности с безупречным бескорыстием и с замечательным знанием своего дела, но во время упадка римской юриспруденции обычные повышения законоведцев порождали лишь вред и позор. Благородное искусство, когда-то считавшееся за священное наследственное достояние патрициев, попало в руки вольноотпущенников и плебеев¹²⁴⁾, которые не столько при помощи искусства, сколько при помощи ловкости сделали из него предмет грязной и вредной торговли. Некоторые из них втирались в семейства для того, чтоб сеять раздоры, поощрять к вчинанию исков и таким образом готовить обильную жатву для себя самих или для своих братьев. Другие, запершись в кабинете, поддерживали свое достоинство, как знатоков юриспруденции, тем, что снабжали богатых клиентов такими хитрыми уловками, которые могли затемнить самую очевидную истину, и такими аргументами, которыми можно было приукрасить самые несправедливые иски. Между этими адвокатами самыми блестящими и самыми популярными были те, которые оглашали форум своей напыщенной и болтливой риторикой. Не заботясь ни о своей репутации, ни о справедливости, они, как рассказывают, были большей частью невежественными и жадными руководителями, вовлекавшими своих клиентов в лабиринт расходов, отсрочек и разочарований, из которого тем наконец удавалось выпутаться лишь после многолетних

хлопот и после того, как они почти совершенно истощили свое терпение, и свои денежные средства¹²⁵).

III. В политической системе, введенной Августом, все губернаторы, или по меньшей мере те из них, которые управляли императорскими провинциями, были облечены всеми правами самого монарха. И в мирное время, и во время войны от них зависели все дела управления; они одни раздавали награды и налагали наказания и то всходили на трибунал в мантии гражданского сановника, то появлялись в полном вооружении во главе римских легионов¹²⁶). Совокупное влияние больших денежных средств, авторитета законов и военного командования делало их власть абсолютной, и всякий раз, как они пытались свергнуть с себя зависимость, вовлеченная ими в восстание провинция едва ли чувствовала какую-либо перемену в системе своего управления. Со времен Коммода до царствования Константина можно насчитать до ста губернаторов, которые, с различным успехом, подымали знамя мятежа, и хотя недоверчивое жестокосердие их повелителей слишком часто приносило в жертву невинных, оно, быть может, нередко предотвращало преступные попытки¹²⁷). Чтобы предохранить и свой престол, и общественное спокойствие от честолюбивых замыслов этих могущественных слуг, Константин решился отделить военное управление от гражданского и обратить в постоянную и самостоятельную профессию то, что на практике было лишь временной должностью. Он назначил двух главнокомандующих, одного над конницей, а другого над пехотой, и передал им ту верховную власть над армиями, которая находилась в руках преторианских префектов; хотя каждый из этих *Illustres* генералов был в особенности ответствен за дисциплину тех войск, которые находились под его непосредственным начальством, однако каждый из них командовал во время войны, как конными, так и пешими отрядами, входившими в состав одной армии¹²⁸). Их число было вскоре удвоено вследствие отделения востока от запада, а так как особые генералы такого же ранга и с такими же титулами были назначены для охранения четырех важных границ на Рейне, на Верхнем и Нижнем Дунае и на Евфрате, то охрана Римской империи была в конце концов поручена восьмью главнокомандующим кавалерии и пехоты. Под их начальством состояли тридцать пять военных командиров, из которых трое имели постоянное местопребывание в Британии, шестеро в Галлии, один в Испании, один в Италии, пя-

теро на Верхнем Дунае и четверо на Нижнем; в Азии их было восемь, в Египте три, в Африке четыре. Титулы графов и герцогов¹²⁹⁾, которыми их обыкновенно обозначали, получили на новейших языках столь различное значение, что их употребление у римлян может возбуждать некоторое недоразумение. Но не следует позабывать, что второе из этих названий есть не что иное, как извращенное латинское слово *dux*, которое применялось безразлично ко всяким военным начальникам. Поэтому все эти провинциальные генералы назывались *герцогами*, но только десятеро из них были удостоены ранга *графов* (*comites*) или товарищей - нового титула, придуманного при дворе Константина и дававшегося в знак отличия или, скорее, в знак монаршей милости. Золотая перевязь была отличительным знаком графов и герцогов, а кроме своего жалованья, они получали еще щедрые пенсии, дававшие им возможность содержать по сто девяносто слуг и по сто пятьдесят восемь лошадей.

Им было строго запрещено вмешиваться во все, что касалось отправления правосудия и заведования государственными доходами, но их власть над вверенными им войсками не зависела от гражданских должностных лиц. Константин установил точное равновесие между властями гражданской и военной почти в то самое время, как он дал легальную санкцию церковной организации. Соревнование, а иногда и раздоры, господствовавшие между двумя профессиями, столь противоположными одна другой и по своим интересам, и по своему характеру, привели отчасти к благотворным и отчасти к пагубным последствиям. Трудно было ожидать, чтоб провинциальный генерал и местный гражданский губернатор стали действовать сообща с целью возбудить восстание или с целью принести пользу своей провинции. В то время как один из них медлил своим содействием, которого другой не хотел просить из опасения себя унижить, войска нередко оставались без приказаний или без припасов; интересы общественной безопасности были нарушены, и беззащитные подданные делались жертвой ярости варваров. Введенное Константином разделение администрации ослабило энергию государства, обеспечив спокойствие монарха.

Константина основательно осуждали и за другое нововведение, извратившее военную дисциплину и подготовившее гибель империи. Девятнадцать лет, предшествовавшие его окончательной победе над Лицинием, были периодом своеволия и внутренних междоусобиц. Соперники, борющиеся

из-за обладания империей, отозвали большую часть военных сил, охранявших общие границы империи, вследствие чего главные города, служившие пограничным оплотом владений каждого из них, наполнились солдатами, которые смотрели на своих соотечественников как на самых непримиримых своих врагов. Когда употребление таких внутренних гарнизонов прекратилось вместе с междоусобной войной, у победителя не достало мудрости или твердости для того, чтобы восстановить строгую дисциплину Диоклетиана и уничтожить пагубную распущенность, к которой военное сословие успело привыкнуть и которую оно едва ли не считало за свое право. С царствования Константина было введено популярное и даже легальное различие между так называемым *палатинскими* корпусами (*Palatines*¹³⁰) и *пограничными*, — между дворцовыми войсками, как их неуместно называли, и теми, которые стояли на границах. Первые из них, гордившиеся более значительным жалованьем и особыми привилегиями, занимали покойные стоянки внутри провинций, если только этому не препятствовали требования военного времени. Самые цветущие города с трудом выносили тягостное бремя военного постоя. Солдаты мало-помалу отвыкли от доблестей своей профессии и заимствовали от городской жизни лишь ее пороки. Они или унижались до занятия разными ремеслами, или расслабляли себя, наслаждаясь банями и театрами. Они стали небрежно относиться к военным упражнениям, стали не в меру заботиться о своем столе и туалете и, наводя страх на подданных империи, сами стали дрожать при приближении варваров¹³¹). Ряд укреплений, возведенных Диоклетианом и его соправителями вдоль берегов больших рек, уже не поддерживался с прежней заботливостью и не охранялся с прежней бдительностью. Войска, носившие название пограничных, были бы достаточны, по своей численности, для охранения границ в обыкновенное время, но они были обескуражены оскорбительным для них соображением, что, подвергая себя лишениям и опасностям непрерывных военных действий, они вознаграждаются за это лишь двумя третями жалованья и наград, раздаваемых дворцовым войскам. Даже те отряды или легионы, которые были возвышены почти до одного уровня с этими недостойными фаворитами, были оскорблены присвоенным этим последним почетным названием. Напрасно Константин не раз грозил самыми страшными наказаниями огнем и мечом тем пограничным воинам, которые осмелятся покидать свои зна-

меня, содействовать вторжениям варваров или принимать участие в дележе добычи¹³²). Вред, который проистекает из неблагоприятных мероприятий, редко можно поправить частными мерами строгости, и, хотя следующие императоры всеми силами старались восстановить силу и число пограничных гарнизонов, империя до последнего момента своего распада не переставала изнемогать от смертельной раны, нанесенной ей столь опрометчиво или столь слабохарактерно рукой Константина.

Эта боязливая политика, заключавшаяся в том, чтобы разъединять то, что объединено, чтобы низводить то, что возвышено, чтоб опасаться всякой деятельной силы и ожидать, что самые слабые окажутся самыми покорными, по-видимому, отразилась в постановлениях многих монархов, и в особенности в постановлениях Константина. Воинственная гордость легионов, чьи победоносные лагеря так часто бывали сценой мятежа, питалась воспоминанием об их прошлых подвигах и сознанием их настоящей силы. Пока они сохраняли свою старинную организацию из шести тысяч человек, каждый из них еще не переставал играть в царствование Диоклетиана важную роль в военной истории Римской империи. Через несколько лет после того они были низведены до крайне уменьшенных размеров, и, когда семь легионов вместе с некоторыми вспомогательными войсками защищали город Амиду против персов, весь гарнизон вместе с жителями обоего пола и крестьянами, бежавшими из деревень, не превышал двадцати тысяч человек¹³³). Из этого факта и из некоторых других подобных примеров можно заключить, что организация, которой были отчасти обязаны легионы своим мужеством и своей дисциплиной, была уничтожена Константином и что отряды римской пехоты, все еще носившие их название и пользовавшиеся их отличиями, состояли только из тысячи или тысячи пятисот человек¹³⁴). Нетрудно бы было подавить заговор между столькими отдельными отрядами, из которых каждый был лишен бодрости вследствие сознания своего бессилия, а между тем преемники Константина могли удовлетворять свое тщеславие тем, что повелевали ста тридцатью двумя легионами, числившимися в списках их многочисленных армий. Их остальные войска были разделены на несколько сот пехотных когорт и кавалерийских эскадронов. Оружия, титулы и знамена этих войск были рассчитаны на то, чтоб внушать страх и выставлять на вид разнообразие наций, служивших под императорскими знаменами. Уже не ос-

тавалось никаких признаков той строгой простоты, которая в века свободы и побед отличала римскую армию от разнохарактерного сброда, составлявшего армии азиатских монархов¹³⁵). Антикварий может извлечь из *Notitia* более подробные сведения об этом предмете, но историк может довольствоваться замечанием, что число постоянных военных постов или гарнизонов, расположенных на границах империи, доходило до пятисот восьмидесяти трех, а при преемниках Константина все военные силы состояли из шестисот сорока пяти тысяч солдат¹³⁶). Эти громадные усилия превышали бы, в более отдаленные времена империи, ее нужды, а в более поздний ее период они превышали ее средства.

При различных положениях общества и мотивы, привлекающие в армию новых рекрутов, бывают различны. Варвары идут на войну по склонности; граждане свободной республики берутся за оружие из чувства долга; подданные монарха или по меньшей мере его аристократия воодушевляются чувством чести, но боязливые и изнеженные обитатели разрушающейся империи привлекаются на службу надеждой личных выгод или же поступают в нее из страха наказания. Ресурсы римской казны были истощены увеличением жалования, частой раздачей подарков и назначением новых пенсий и привилегий, которые могли бы считаться провинциальной молодежью достаточным вознаграждением за лишения и опасности военного ремесла. Однако, несмотря на то, что размер роста, установленного для новобранцев, был понижен¹³⁷), несмотря на то, что правительство смотрело сквозь пальцы на поступление в армию рабов, непреодолимая трудность пополнять армию достаточным числом добровольцев заставила императора прибегнуть к более действенным и более принудительным мерам. Земли, которые сначала раздавались без всяких ограничений ветеранам в награду за их храбрость, стали раздаваться под таким условием, которое содержит в себе первоначальные основы ленной зависимости: сыновья этих ветеранов, получив отцовское наследство, должны были посвящать себя военному ремеслу, лишь только они достигали возмужалости, а за малодушное неповиновение наказывались лишением чести, состояния и даже жизни¹³⁸). Но так как число таких рекрутов далеко не удовлетворяло потребностей военной службы, то нередко производили наборы в провинциях и обязывали каждого землевладельца или лично вступить в службу, или поставить вместо себя заместителя, или купить освобождение от служ-

бы взносом тяжелой денежной пени. Сумма в сорок две золотые монеты, до которой была низведена эта пеня, доказывает, как дорого стоили добровольцы и как неохотно прибегало правительство к этой альтернативе¹³⁹⁾. Военное ремесло внушало выродившимся римлянам такое отвращение, что в Италии и в провинциях многие из молодых людей отрезали себе пальцы правой руки для того, чтоб избавиться от принудительного поступления в военную службу, и этот странный способ вошел в такое всеобщее употребление, что он вызвал строгие предостережения со стороны законодательства¹⁴⁰⁾ и получил на латинском языке особое название¹⁴¹⁾.

Допущение варваров в римские армии становилось с каждым днем все более всеобщим, более необходимым и более пагубным. Самые отважные между скифами, готами и германцами, считавшие войну за наслаждение и находившие более выгодным защищать провинции, чем опустошать их, поступали не только во вспомогательные войска, состоявшие из их соотечественников, но даже в легионы и в самые избранные между палатинскими корпусами. Так как они могли свободно вести знакомство с подданными империи, то они мало-помалу научились презирать их нравы и подражать их искусствам. Они утрачивали то слепое уважение, которым римская гордость была обязана их невежеству, а между тем изучали и усваивали те преимущества, которыми только и поддерживалось ее клонившееся к упадку величие. Варварские солдаты, обнаружившие военные дарования, достигали без всяких исключений самых важных военных должностей, а имена трибунов, графов и герцогов и даже генералов обнаруживали их иностранное происхождение, которого они даже не трудились скрывать. Им очень часто поручалось ведение войны против их соотечественников, и хотя они большею частью предпочитали узы верноподданства узам кровного родства, однако они не всегда избегали основательного обвинения или по меньшей мере подозрения в том, что они вели изменническую переписку с неприятелем, поощряли его вторжения или щадили его при отступлении. И лагеря и дворец Константинова сына управлялись могущественной партией франков, которые поддерживали самую крепкую связь друг с другом и с своим отечеством и считали всякую личную обиду за оскорбление всей нации¹⁴²⁾. Когда тиран Калигула был заподозрен в намерении возложить отличия консульского звания на крайне необыкновенного кандидата, это святотатство едва ли возбудило бы более сильное удивле-

ние, если бы вместо лошади предметом его выбора был какой-нибудь из самых благородных германских или британских вождей. Перевороты, происходившие в течение трех столетий, произвели такую замечательную перемену в народных предрассудках, что Константин, с общего одобрения, показал своим преемникам пример возведения в консульское звание тех варваров, которые по своим личным достоинствам и заслугам стоили того, чтобы стоять наряду с самыми лучшими из римлян¹⁴³). Но так как эти отважные ветераны были воспитаны в незнании законов и в презрении к ним, то они были неспособны занимать какие-либо гражданские должности; таким образом, способности человеческого ума были сужены непримиримым разъединением как дарований, так и профессий. А те образцовые граждане республик греческих и римской, способности которых обнаруживались одинаково и в адвокатуре, и в сенате, и в лагере, и в школах, умели и писать, и говорить, и действовать с одинаковой энергией и с одинаковым искусством.

IV. Кроме сановников и генералов, которые вдалеке от двора пользовались вверенной им властью над провинциями и армиями, император пожаловал звание *Illustres* семерым из своих самых близких служителей, преданности которых он вверил свою личную безопасность, свои тайные предначертания и свою казну. 1. Внутренние апартаменты дворца находились в заведовании одного из любимых евнухов, который, на языке того времени, носил название *Praepositus* или префекта священной опочивальни. Он был обязан сопровождать императора в часы его официальной деятельности и в часы его развлечений и должен был исполнять при его особе все те лакейские обязанности, которые приобретают некоторый блеск только благодаря престижу верховной власти. При таком монархе, который достоин престола, обер-камергер (так как к нему идет это название) был не более как полезным и смиренным слугой; но хитрый слуга, пользующийся всяким удобным случаем, чтобы втереться в доверие монарха, может мало-помалу приобретать над слабохарактерным повелителем такое влияние, какого редко достигают суровая мудрость или неподатливая добродетель. Недостойные внуки Феодосия, которые были незримы для своих подданных и презренны в глазах врагов, возвысили префекта своей опочивальни над всеми дворцовыми министрами¹⁴⁴), и даже заместитель этого префекта, занимавший первое место в блистательных рядах рабов, которые прислу-

живали своему повелителю, был признан достойным более высокого ранга, чем проконсулы Греции и Азии, носившие титул *Spectabiles*. Под ведомством обер-камергера состояли *графы* или смотрители над двумя важными отделами - над великолепным императорским гардеробом и над роскошной императорской кухней¹⁴⁵). Главное управление общественными делами было поручено усердию и искусству так называемого *Magister officiorum*¹⁴⁶). Он был во дворце высшим должностным лицом, наблюдал за дисциплиной гражданских и военных *школ* и принимал апелляции из всех частей империи по делам, касавшимся той многочисленной армии привилегированных особ, которые, в качестве придворных чиновников, получили для себя самих и для своих семейств право не подчиняться власти обыкновенных судей. Переписка между монархом и его подданными производилась через посредство четырех *scrip̄ia*, или канцелярий, этого государственного министра.

Первая из этих канцелярий ведала мемуарами, вторая письмами, третья прошениями, а четвертая бумагами и распоряжениями смешанного характера. Каждой из них управлял *Magister* низшего разряда, с титулом *Spectabilis*, а все дела велись ста сорока восемью секретарями, которые большей частью выбирались из законоведов, так как им приходилось, при исполнении их разнообразных обязанностей, составлять множество различных извлечений, донесений и справок. Вследствие снисходительности, которая в прежние времена считалась бы оскорбительной для римского достоинства, был назначен особый секретарь для греческого языка, а для приема варварских послов существовали особые переводчики. Впрочем, департамент иностранных дел, составляющий в наше время столь важную отрасль государственного управления, редко привлекал на себя внимание министра двора. Его ум был более серьезно занят главным управлением имперских почт и арсеналов. В тридцати четырех городах - пятнадцати восточных и девятнадцати западных - правильно организованные компании рабочих постоянно занимались фабрикацией всякого рода оружия для защиты и для нападения и сооружением военных машин; все это складывалось в арсеналы и в случае надобности выдавалось войскам. 3. В течение девяти столетий должность *квестора* испытала на себе самые странные перевероты. Во времена младенчества Рима народ ежегодно выбирал двух низших должностных лиц для того, чтоб освобождать консулов от неприятной обязанности

заведовать общественной казной¹⁴⁷); такие же помощники были назначаемы к каждому проконсулу и каждому претору, которым было вверено начальство над войсками или над провинциями; с расширением завоеваний число квесторов было мало-помалу увеличено с двух на четыре, на восемь, на двадцать и в течение непродолжительного времени, быть может, на сорок¹⁴⁸): самые знатные граждане искали из честолюбия этого звания, дававшего им место в сенате и надежду достигнуть высших должностей республики. Пока Август делал вид, будто желает сохранить свободу выборов, он соглашался пользоваться ежегодно привилегией рекомендовать или, вернее, назначать нескольких кандидатов на эту должность и имел обыкновение выбирать одного из этих выдающихся юношей, чтоб читать его речи или послания в заседаниях сената¹⁴⁹). Обыкновению Августа стали подражать его преемники; тогда временное поручение превратилось в постоянную должность, и излюбленный квестор, усвоивши себе новый и более важный характер, один пережил уничтожение своих старинных и бесполезных сотоварищей¹⁵⁰). Так как речи, которые он сочинял от имени императора¹⁵¹), приобрели значение, а в конце концов и форму абсолютных эдиктов, то его стали считать за представителя законодательной власти, за оракула в государственных делах и за первоначальный источник гражданского законодательства. Его иногда приглашали заседать в верховном суде имперской консistorии вместе с преторианскими префектами и с *Magister officiorum*, и к нему нередко обращались за разрешениями недоумений, возникавших между низшими судьями; но так как он не был обременен разнообразием менее важных деловых занятий, то он употреблял свои досуги и свои дарования на упражнения в том стиле возвышенного красноречия, в котором, даже несмотря на тогдашнюю испорченность вкуса и языка, отразилось величие римского законодательства¹⁵²). Должность имперского квестора можно в некоторых отношениях сравнить с должностью канцлеров нашего времени, но государственная печать, как кажется, бывшая в употреблении у необразованных варваров, никогда не употреблялась для скрепы публичных актов императоров.

4. Необыкновенный титул *графа священных щедрот* (*Comes Sacrarum Largitionum*) был дан лицу, заведовавшему государственными финансами, может быть, с целью внушить, что всякая уплата истекает из добровольной щедрости монарха. Самое сильное воображение было бы не в состоянии

обнять почти бесконечных мелочей ежегодных трат на гражданское и военное управление всех частей громадной империи. Одна отчетность велась семьястами чиновниками, распределенными между одиннадцатью различными конторами, которые были так искусно организованы, что могли проверять операции одна другой. Число этих агентов имело натуральную склонность к возрастанию, и не раз оказывалось нужным отсылать на родину бесполезных сверхштатных, которые, покинув свои честные земледельческие занятия, слишком необдуманно вступали в выгодную профессию финансовых чиновников¹⁵³). С государственным казначеем находились в постоянных письменных сношениях двадцать девять провинциальных сборщиков податей, из которых восемнадцать были отличены графским титулом; под его ведомством находились и рудники, из которых добывались драгоценные металлы, и монетные дворы, где они превращались в ходячую монету, и общественные казначейства самых важных городов, где они хранились на государственные нужды. Этот министр также заведовал иностранной торговлей и фабрикацией полотняных и шерстяных изделий, в которой все последовательные операции пряденья, тканья и окрашивания исполнялись преимущественно женщинами рабского состояния для удовлетворения нужд дворца и армии. Таких заведений насчитывалось двадцать шесть на западе, куда искусства проникли гораздо позже, а в промышленных восточных провинциях их, конечно, было еще больше¹⁵⁴). 5. Кроме государственных доходов, которые абсолютный монарх мог собирать и тратить по своему произволу, императоры, в качестве богатых граждан, владели очень обширными поместьями, которые управлялись *графом* или *казначеем частной собственности*. Некоторая ее часть, быть может, состояла из старинной собственности царей и покоренных республик; некоторые к ней прибавки, вероятно, были сделаны теми семействами, членам которых удавалось достигать престола, но самая значительная ее часть истекала из грязного источника конфискаций и штрафов. Императорские поместья были разбросаны по разным провинциям от Мавритании до Британии, но богатая и плодородная почва Каппадокии побудила Константина приобрести в этой стране самые обширные из всех его поместий¹⁵⁵), и он сам или его преемники воспользовались удобным случаем, чтобы прикрыть свое корыстолюбие религиозным усердием. Они уничтожили богатый храм в Комане, где

верховный жрец богини войны жил настоящим монархом, и присвоили себе освященные земли, на которых жили шесть тысяч подданных или рабов богини и ее священнослужителей¹⁵⁶).

Но люди не были самыми ценными обитателями этой местности; на равнинах, простирающихся от подножия горы Аргея до берегов реки Сара, выводилась порода лошадей, которые ценились в древнем мире выше всех других за их великолепные формы и несравненную быстроту. Эти священные животные назначались для дворца и для императорских игр, и закон запрещал профанировать их предоставлением в собственность какому-либо вульгарному хозяину¹⁵⁷). Поместья в Каппадокии были достаточно значительны для того, чтобы быть предоставленными в заведование *графа*¹⁵⁸); чиновники низшего ранга заведовали поместьями в других частях империи, а заместители как частных императорских, так и государственных казначеев пользовались самостоятельностью при исполнении своих обязанностей и наблюдали за деятельностью провинциальных чиновников¹⁵⁹). 6, 7. Избранные отряды кавалерии и пехоты, охранявшие особу императора, находились под непосредственным начальством *двух графов дворцовой стражи*. Они состояли из трех тысяч пятисот человек, разделенных на семь *школ* или отрядов, в пятисот человек каждый, а на востоке эту почетную службу почти исключительно присвоили себе армяне. Когда во время публичных церемоний они выстраивались на дворе и в портиках дворца, их высокий рост, их молчаливая дисциплина и великолепное вооружение из серебра и золота представляли великолепное зрелище, достойное римского величия¹⁶⁰). Из семи школ выбирались в два отряда конницы и пехоты так называемые *протекторы*, или охранители, выгодное положение которых было целью и наградой самых заслуженных солдат. Они держали караулы во внутренних апартаментах, а иногда посылались в провинции для исполнения с быстротою и энергией приказаний своего повелителя¹⁶¹). Графы дворцовой стражи заменили преторианских префектов и, подобно им, стремились перейти от дворцовой службы к командованию армиями.

Постоянные сношения между двором и провинциями были облегчены сооружением больших дорог и учреждением почт. Но к выгодам, которые доставлялись этими благотворными улучшениями, присоединилось пагубное и невыносимое злоупотребление. Под ведомством *Magister Officiorum* состояли

от двухсот до трехсот *агентов* или гонцов, которые рассылались по провинциям для извещения об именах годовичных консулов и об эдиктах и победах императоров. Они мало-помалу присвоили себе право доносить обо всем, что им удавалось заметить касательно поведения должностных лиц и частных граждан, и на них скоро стали смотреть, как на око монарха ¹⁶²⁾ и как на бич народа. Под согревающим влиянием бесхарактерного монарха они размножились до невероятного числа десяти тысяч, пренебрегали частыми, хотя и мягкими, выговорами и совершали в доходной сфере почтовой администрации разные вымогательства и притеснения. Этих официальных шпионов, находившихся в постоянной переписке с дворцом, поощряли милостями и наградами на то, чтобы они тщательно выслеживали возникновение каких-либо изменений замыслов, начиная со слабых и тайных выражений неудовольствия и кончая деятельными приготовлениями к открытому восстанию. Их небрежное или преступное нарушение правды и справедливости прикрывалось обычной личиной усердия, и они могли безопасно направлять свои отравленные стрелы в грудь и виновных, и невиновных людей, навлекших на себя их нерасположение или не захотевших купить их молчание. Всякий верноподданный, - все равно, жил ли он в Сирии или в Британии - находился в опасности или по меньшей мере в страхе, что его отправят в цепях в миланский или в константинопольский суд для того, чтобы он защищал там свою жизнь и свое состояние против коварного обвинения этих привилегированных сыщиков. Обыденная администрация прибегала к этим средствам, которые могут находить для себя оправдание лишь в крайней необходимости, а недостаток улик с усердием восполнялся употреблением пытки ¹⁶³⁾.

Обманчивое и опасное применение к уголовным делам пытки (для которой было придумано выразительное название *quaestion*), было скорей терпимо, чем дозволено юриспруденцией римлян. Они применяли этот бесчеловечный способ расследования только к рабам, страдания которых редко взвешивались этими гордыми республиканцами на весах справедливости и человеколюбия; но они ни за что не согласились бы употребить насилие над священной личностью гражданина, если не имели самых ясных доказательств его виновности ¹⁶⁴⁾. Летописи тирании от царствования Тиберия до царствования Домициана подробно рассказывают о казнях многих невинных жертв, но пока сохранялись хотя са-

мые слабые воспоминания о народной свободе и народном достоинстве, последние часы римлянина были ограждены от опасности позорной пытки¹⁶⁵). Однако провинциальные должностные лица не руководствовались в своем образе действий ни обычаями, установившимися в столице, ни строгими принципами юристов. Они нашли употребление пытки установившимся не только между раболопными подданными восточных деспотов, но также между македонянами, жившими под ограниченной монархией, между родосцами, процветавшими благодаря свободе торговли, и даже между мудрыми афинянами, поддерживавшими и возвысившими достоинство человеческого рода¹⁶⁶). Губернаторы, поощряемые одобрением жителей провинций, испросили себе (или, может быть, незаконно присвоили себе) неограниченное право употреблять орудия пытки для того, чтобы вынуждать от совершивших преступление бродяг или плебеев сознание их виновности, но затем они мало-помалу стали смешивать различия общественного положения и перестали обращать внимание на привилегии римских граждан. Опасения подданных заставляли их испрашивать, а интересы монарха заставляли его разрешать изъятия, которые ограждали от пытки, но которые давались в такой форме, что в ней подразумевалось и даже дозволялось всеобщее ее употребление. Эти изъятия ограждали всех, кто принадлежал к рангу *Illustres* и *Spectabiles*, епископов и их пресвитеров, профессоров свободных искусств, солдат и их семейства, муниципальных чиновников и их потомства до третьего поколения и всех детей, еще не достигших возмужалости¹⁶⁷). Но в новую юриспруденцию империи вкрался пагубный принцип, что в делах о государственных преступлениях, обнимавших собою всякие преступления, какие только могла усмотреть мелочная придирчивость юристов во враждебных намерениях против монарха или республики¹⁶⁸), все привилегии приостанавливаются и люди всех званий подводятся под один и тот же унижительный уровень. Так как личная безопасность императора открыто ставилась выше всяких соображений справедливости и человеколюбия, то от самых жестоких пыток не спасали ни преклонные лета, ни нежный юношеский возраст, и над головой самых выдающихся римских граждан постоянно висела опасность, что какой-нибудь доносчик укажет на них как на соучастников или даже как на свидетелей воображаемого преступления¹⁶⁹).

Однако, как бы ни казалось ужасно это зло, оно ограничивалось небольшим числом римских подданных, опасное положение которых вознаграждалось в некоторой мере пользованием теми выгодами общественного положения и богатства, которые навлекали на них недоверие монарха. Но для населяющих обширную империю миллионов простого народа страшно не столько жестокосердие, сколько корыстолюбие их повелителей, и их скромное благополучие страдает главным образом от чрезмерных налогов, которые, слегка скользя по богачам, падают с усиленной тяжестью на низшие и самые бедные классы населения. Один остроумный философ¹⁷⁰⁾ нашел, что общий размер общественных налогов измеряется степенью свободы или рабства и позволил себе утверждать, что, в силу неизменяемого закона природы, он всегда увеличивается вместе с первой и уменьшается до соразмерности со вторым. Но это соображение, клонящееся к тому, чтобы ослабить вред деспотизма, по меньшей мере опровергается историей Римской империи, свидетельствующей о том, что одни и те же императоры отняли у сената его права, а у провинций их богатства. Не уничтожая различных пошлин и налогов с товаров, незаметным образом уплачиваемых покупателями в виде добровольной дани, Константин и его преемники предпочли им простой и непосредственный способ обложения, более согласный с духом самовластного правительства¹⁷¹⁾.

Название и употребление *индиктов*¹⁷²⁾ (indiction), которыми пользуются для уяснения хронологии Средних веков, истекали из обычного способа взимания римских налогов¹⁷³⁾. Император собственноручно подписывал красными чернилами публичный эдикт или индикт, который выставлялся для общего сведения в главных городах каждой провинции в течение двух месяцев, предшествующих первому дню сентября. А вследствие весьма естественной связи понятий название *индикта* было перенесено на размер установленного им налога и на срок, назначенный для уплаты. Эта общая смета доходов была соразмерна с действительными или воображаемыми государственными нуждами, но всякий раз, когда расходы превышали доходы или когда доходы не поступали в предположенных размерах, на народ налагали дополнительную подать под названием *superindiction*, и этот самый дорогой из атрибутов верховной власти передавался преторианским префектам, которым дозволялось в некоторых случаях принимать по своему усмотрению меры для

удовлетворения непредвиденных и чрезвычайных общественных нужд. Исполнение этих законов (изложение которых со всеми их мелочными и сложными подробностями показалось бы слишком утомительным) состояло из двух различных операций - из разложения общей суммы налогов на ее составные части, которые распределялись между провинциями, городами и отдельными обитателями Римской империи, и из собирания отдельных долей налога с частных лиц, городов и провинций, пока все собранные суммы не будут сданы в императорскую казну. Но так как счета между монархом и подданными никогда не заканчивались и так как возобновление требований предшествовало полному выполнению прежней обязанности, то тяжелая финансовая машина приводилась в движение в течение всего годовичного оборота одними и теми же руками. Все, что было достойного и важного в заведовании государственными доходами, поручалось мудрости префектов и их провинциальных представителей; прибыльных должностей искала масса низших чиновников, которые зависели частично от главного казначея, частично от губернатора провинции и которые, при неизбежных столкновениях смешанной юрисдикции, нередко имели случай оспаривать друг у друга собранную с народа добычу. Трудные должности, которые вели лишь к ненависти и упрекам, к расходам и опасностям, налагались на *декурионов*, из которых составлялись в городах корпорации и которые, в силу строгих императорских законов, должны были выносить на своих плечах все бремя гражданского управления¹⁷⁴). Вся земельная собственность империи (не исключая и вотчинных императорских поместий) была обложена обыкновенными налогами, и всякий новый покупатель принимал на себя обязательства прежнего собственника. Составление точного *ценза*¹⁷⁵), или кадастра, было единственным справедливым способом определить, в какой мере каждый гражданин должен был содействовать удовлетворению государственных нужд, и есть основание полагать, что с самого начала хорошо известного периода индиктов эта трудная и дорогостоящая операция повторялась регулярно через каждые пятнадцать лет. Земли измерялись рассылавшимися по провинциям надсмотрщиками, распределялись по разрядам, смотря по тому, были ли они пахотные или сенокосные, были ли они под виноградниками или под лесами, и затем их ценность определялась по средней доходности за пять лет. Число рабов и скота составляло существенную

часть описи; владельцы должны были приносить клятву в том, что раскроют настоящее положение своих хозяйственных дел, а всякая с их стороны уловка или попытка уклониться от требований закона строго наказывалась как уголовное преступление, в котором государственная измена соединялась с святотатством¹⁷⁶). Самая значительная часть податей уплачивалась деньгами, а из ходячей в империи монеты закон позволял принимать только золотую¹⁷⁷). Остальная часть податей, в том размере, какой был назначен ежегодным индиктом, собиралась еще более прямым и еще более отяготительным способом. Смотра по свойству земель, их продукты, состоявшие в вине или оливковом масле, во ржи или ячмене, в лесе или железе, перевозились усилиями или на счет жителей провинций в императорские магазины, откуда они, по мере надобности, употреблялись на удовлетворение нужд двора, армии и двух столиц - Рима и Константинополя¹⁷⁸). Комиссарам казначейства так часто приходилось покупать различные продукты в больших размерах, что им было строго запрещено чем-либо заменять натуральные повинности или брать деньгами цену тех запасов, которые взыскивались натурой. При первобытной простоте небольших государств этот способ может быть удобен для сбора приношений, которые делаются народом почти добровольно, но при его применении возможны в одно и то же время и крайняя нестесняемость, и крайняя точность, а в нравственно испорченной и абсолютной монархии это неизбежно должно порождать постоянную борьбу между склонностью к притеснениям и ухищрениями плутовства¹⁷⁹). Земледелие в римских провинциях стало мало-помалу приходить в упадок, а при дальнейшем развитии деспотизма, постоянно стремящегося к своей собственной гибели, императоры были вынуждены ставить себе в заслугу прощение долгов и отмену налогов, которых решительно не были в состоянии уплатить их подданные. Плодородная и счастливая провинция Кампания, бывшая сценой первых римских побед и местом отдыха и наслаждений для римских граждан, занимала, по новому разделению Италии, пространство между морем и Апеннинскими горами от Тибра до Силара. Через шестьдесят лет после смерти Константина, вследствие произведенного освидетельствования, были освобождены от налогов триста тридцать тысяч английских акров незаселенной и не возделанной земли, которые составляли одну восьмую часть всей провинции. Так как в ту пору варвары еще не ставили ноги в

Италию, то причину такого поразительного разорения, засвидетельствованного законодательством того времени, можно приписать не чему иному, как администрации римских императоров¹⁸⁰).

Намеренно или случайно законодатель установил такой способ податного обложения, в котором существенные условия поземельной подати, по-видимому, соединялись с формами поголовного налога¹⁸¹). В отчетах, присылавшихся из каждой провинции или из каждого округа, обозначалось число лиц, подлежащих податному обложению, и размер общего обложения. Последняя из этих сумм делилась на первую, и не только по общепринятому обыкновению, но и по официальным выкладкам считалось, что в такой-то провинции столько-то *capita*, или голов, подлежащих податному обложению, и что на каждую голову приходится такая-то сумма налогов. Цена податной головы, конечно, изменялась соответственно с разными случайными или, по меньшей мере, изменчивыми условиями, но до нас дошел очень интересный факт, которому мы придаем тем более важности, что он касается одной из самых богатых римских провинций, составляющей в наше время одно из самых цветущих государств в Европе. Жадные министры Констанция истощили богатства Галлии вымогательством с каждой податной головы ежегодной уплаты двадцати пяти золотых монет. Человеколюбивая политика его преемника уменьшила поголовную подать до семи монет¹⁸¹). Средний размер между этими противоположными крайностями, между чрезмерными угнетениями и временной снисходительностью, может быть определен в шестнадцать золотых монет, или почти в 9 фунт. стерл., которые, вероятно, и составляли обыкновенный размер податного обложения Галлии¹⁸²). Но это вычисление или, скорей, те факты, на которых оно основано, неизбежно должны возбудить два недоразумения в каждом мыслящем человеке, который должен быть поражен и *равенством* поголовной подати, и ее *громадностью*. Попытка объяснить эти недоразумения, быть может, прольет некоторый свет на положение, в котором находились финансы приходившей в упадок империи.

1. Для всякого очевидно, что пока неизменные свойства человеческой природы будут порождать и поддерживать неравное распределение собственности, равное между всеми распределение налогов лишило бы самую многочисленную часть населения всяких средств существования, а монарху доставило бы лишь очень ничтожный доход. Такова, быть

может, была и теория римского поголовного обложения податями, но на практике это несправедливое равенство исчезало, и налог взыскивался так, как будто он был не личный, а *имущественный*. Несколько бедных граждан составляли все вместе одну податную голову, а богатый житель провинции, соразмерно со своим состоянием, один был представителем нескольких воображаемых существ этого рода. В поэтическом прошении к одному из последних и самых лучших римских монархов, царствовавших над Галлией, Сидоний Аполлинарий олицетворяет свою долю налога в виде тройного чудовища, изображенного в греческих баснословных сказаниях под именем Герциона, и просит нового Геркулеса оказать ему милость, спасти ему жизнь, отрубив его три головы ¹⁸⁴). Состояние Сидония далеко превышало обыкновенные денежные средства поэтов, но если бы он развивал далее свою аллегорию, он мог бы изобразить многих галльских аристократов в виде стоголовой гидры, которая опустошала страну и поглощала достояние сотни семейств.

II. Трудно допустить, чтобы девять фунт. стерл. составляли средний размер ежегодной поголовной подати, уплачивавшейся Галлией, и это всего яснее будет видно из сравнения с теперешним положением этой страны в том виде, как она управляется абсолютным монархом промышленного, богатого и преданного народа. Ни страх, ни лезть не в состоянии увеличить размер ежегодно собираемых с Франции податей свыше восемнадцати миллионов фунт. ст., которые приходится разложить, быть может, на двадцать четыре миллиона жителей ¹⁸⁵). Из них семь миллионов, в качестве отцов, братьев или мужей, уплачивают подати за остальное население, состоящее из женщин и детей; однако причитающаяся на каждого из этих плательщиков сумма налогов едва ли превысит пятьсот шиллингов на наши деньги и будет почти вчетверо менее той суммы, которая взыскивалась с их галльских предков. Причину этой разницы следует искать не столько в сравнительном недостатке или изобилии золота или серебра, сколько в различном положении общества в древней Галлии и в новейшей Франции. Там, где личная свобода составляет привилегию каждого подданного, вся масса налогов - все равно, взыскивается ли она с собственников или потребителей, - может быть разложена на всю нацию. Но самая значительная часть земель и в древней Галлии, и в других римских провинциях возделывалась рабами или крестьянами, зависимое положение которых было

лишь менее суровым рабством¹⁸⁶). При таких условиях бедные содержались на счет своих хозяев, пользовавшихся плодами их труда, а так как в списки плательщиков податей вносились имена лишь тех граждан, которые обладали широкими или по меньшей мере приличными средствами существования, то их сравнительной малочисленностью объясняется и оправдывается высокий размер их поголовного обложения. Основательность этого вывода может быть подтверждена следующим примером. Эдуи - одно из самых могущественных и образованных племен или гражданских общин Галлии - занимали территорию, которая образует в настоящее время две церковных епархии - Отенскую и Неверскую¹⁸⁷) и имеет более пятисот тысяч жителей, а если мы прибавим сюда Шалон и Массон¹⁸⁸), которые, вероятно, также входили в ее состав, то мы найдем население в восемьсот тысяч человек. Во времена Константина территория эдуев доставляла не более двадцати пяти тысяч податных *голов*, из которых семь тысяч были освобождены этим монархом от налога, которого они не были в состоянии уплачивать¹⁸⁹). Эти соображения, по-видимому, подтверждают, путем аналогии, мнение одного остроумного историка¹⁹⁰), что число свободных и облагаемых налогом граждан в Галлии не превышало полумиллиона; а если можно полагать, что, при обыкновенной системе управления, их ежегодные взносы простирались приблизительно до четырех с половиной миллионов фунт. стерл., то отсюда можно заключить, что хотя доля каждого плательщика была вчетверо более теперешней, тем не менее Галлия уплачивала лишь четвертую часть того, что теперь получается с Франции. Вымогательства Константина можно определить в 7 000 000 фунт. стерл., которые были уменьшены человеколюбием и мудростью Юлиана до 2 000 000 фунт. ст.

Но это поголовное обложение землевладельцев не касалось одного богатого и многочисленного класса свободных граждан. Желая получать свою долю из того вида богатства, которое имеет своим источником искусство и труд и которое заключается в деньгах и товарах, императоры наложили особую личную подать на промышленный класс своих подданных¹⁹¹). В пользу тех владельцев, которые продавали продукты своих собственных имений, были допущены некоторые изъятия, очень строго ограниченные и в отношении их продолжительности, и в отношении места; некоторое снисхождение было также оказано тем, кто посвящал себя сво-

бодным искусствам, но все другие отрасли торговли и промышленности подходили под строгость закона. И почтенный александрийский купец, привозивший из Индии для употребления западных жителей драгоценные камни и пряности, и ростовщик, втихомолку извлекавший из своих денег позорный доход, и искусный фабрикант, и трудолюбивый ремесленник, и даже самый ничтожный лавочник в какой-нибудь уединенной деревушке, - все должны были делиться своими барышами с сборщиками податей, и сверх того государь Римской империи, допускавший профессию публичной проституции, соглашался брать свою долю из ее позорных доходов¹⁹²⁾. Так как общий налог на промышленность собирался раз в каждые четыре года, то он назван *очистительным налогом*, и историк Зосим¹⁹³⁾ скорбит о том, что приближение этого рокового срока возвещалось слезами и отчаянием тех граждан, которые из страха наказания были вынуждены прибегать к самым отвратительным и неестественным средствам, чтобы добыть необходимую сумму денег. Правда, нельзя сказать, чтобы свидетельство Зосима не отзывалось раздражительностью и предубеждением, но из самого свойства этого налога, как кажется, можно заключить, что он был произвольным в том, что касалось его распределения, и крайне стеснительным по способу его собирания. Тайные богатства торговли и непрочные доходы искусства и труда доступны лишь для произвольной оценки, которая редко бывает невыгодна для казны; а так как личность торговца заменяет видимое и постоянное обеспечение уплаты налога, который всегда может быть взыскан с землевладельца путем конфискации его земельной собственности, то против торговца не было другой принудительной меры, кроме телесных наказаний. Жестокое обхождение с несостоятельными государственными должниками было засвидетельствовано и, может быть, смягчено очень человеколюбивым эдиктом Константина, который отменил употребление пыток и плети и отвел для содержания должников просторные и доступные для свежего воздуха тюрьмы¹⁹⁴⁾.

Эти общие подати налагались и взыскивались абсолютной властью монарха; но случайные приношения *коронного золота* все еще сохраняли название и внешнюю форму добровольных даяний. В силу старинного обычая и союзники республики, приписывавшие свою безопасность или свое спасение успехам римского оружия, и итальянские города, восхищавшиеся доблестями своих победоносных генералов,

украшали их триумф добровольными приношениями золотых венков, которые, по окончании церемонии, складывались в храм Юпитера для того, чтобы навсегда служить напоминанием о совершенных подвигах¹⁹⁵). Развитие усердия и лести скоро увеличило число и расширило размеры этих народных приношений, так что триумф Цезаря был украшен двумя тысячами восьмьюстами двадцатью двумя массивными золотыми венками, весившими около двадцати тысяч четырехсот четырнадцати фунтов. Благоразумный диктатор немедленно приказал обратить это сокровище в слитки в той уверенности, что его солдатам оно будет более полезно, чем богам; его примеру стали следовать его преемники, и скоро вошло в обычай заменять эти роскошные украшения более полезным приношением чеканной золотой монеты¹⁹⁶). В конце концов добровольных приношений стали требовать как исполнения долга и, вместо того, чтобы ограничить их церемониями триумфа, стали взыскивать их с различных городов и провинций империи всякий раз, как император удостоивал их извещением о своем вступлении на престол, о принятии консульского звания, о рождении сына, о назначении нового цезаря, о победе над варварами или о каком-либо другом действительном или мнимом событии, способном украсить летописи его царствования. Добровольное приношение римского сената было установлено обычаем в тысячу шестьсот фунтов золота, или почти в 64 000 фунтов стерлингов. Угнетенные подданные выражали свою радость по поводу того, что их государь милостиво соглашался принять это слабое, но добровольное доказательство их преданности и признательности¹⁹⁷). Народ, который напыщен гордостью, точно так же, как и тот, который ожесточен от страданий, не в состоянии верно оценить своего действительного положения. Подданные Константина не были способны сознавать того упадка гениальности и благородных доблестей, который низвел их на столь низкое положение в сравнении с тем, чем были их предки; но они были в состоянии чувствовать и оплакивать ярость тирании, распущенность дисциплины и увеличение налогов. Беспристрастный историк, признающий основательность их жалоб, усмотрит некоторые благоприятные обстоятельства, клонившиеся к тому, чтобы облегчить их горестное положение. Грозные нашествия варваров, которые так скоро вслед за тем разрушили фундамент римского величия, все еще отражались или сдерживались на границах империи. Искусства и науки делали

успехи, и обитатели значительной части земного шара наслаждались изящными удовольствиями общественной жизни. Формы, роскошь и расходы гражданского управления способствовали тому, чтобы сдерживать своеволие солдат, и, хотя законы нарушались деспотизмом или извращались лукавством, мудрые принципы римской юриспруденции все еще поддерживали понятия о порядке и справедливости, незнакомые деспотическим правительствам востока. Права человечества находили для себя некоторую защиту в религии и философии, а слово «свобода», уже не наводившее никакого страха на преемников Августа, могло напоминать им, что они царствуют не над рабами и не над варварами¹⁹⁸).

¹⁾ Полибий, кн. 4, стр. 423, изд. Казобона. Он замечает, что вторжения диких фракийцев часто нарушали спокойствие жителей Византии и ограничивали размеры принадлежавшей им территории.

²⁾ Мореплаватель Бизас, которого называли сыном Нептуна, основал город Византию в 656 году до Р.Х. Его спутники были уроженцами Аргоса и Мегары. Византия была впоследствии перестроена и укреплена спартанским генералом Павсанием. См. Скалигера *Animadvers. ad Euseb.*, стр. 81. Дюканж, Константинополь, кн. 1, ч. 1, гл. 15, 16. В том, что касается войн византийцев с Филиппом, с галлами и с царями Вифинии, мы можем доверять одним только древним писателям, жившим до того времени, когда величие императорской столицы возбудило склонность к лести и вымыслам. (Вторая колония мегарских выходцев под предводительством Зевксиппа усилила Византию в 628 г. до Р.Х. (Лид де Маг. Ром., III, 70, стр. 280). Она была взята Дарием в 505 г. до Р.Х. и отнята у персов Павсанием около 470 года. — *Издан.*)

³⁾ Босфор был очень подробно описан Дионисием Византийским, жившим во времена Домициана (Гудсон, *Geograph. Minor.*, ч. 3), и Жиллем или Жиллием, французским путешественником шестнадцатого столетия. Турнефор (Письмо 15), как кажется, воспользовался тем, что сам видел, и ученостью Жиллия.

⁴⁾ Догадки редко бывают так удачны, как догадка Ле-Клерка (*Bibliothèque Universelle*, том I, стр. 148), что гарпии были не что иное, как саранча. И сирийское или финикийское название этих насекомых, и их шумный полет, и причиняемые ими зловоние и опустошение, и северный ветер, который гонит их в море, — все это поразительным образом подтверждает указанное сходство.

⁵⁾ Резиденция Амика находилась в Азии между древними и новыми замками на месте, называемом *Laurus-Inšana*. Резиденция Финея находилась в Европе неподалеку от деревни Мавромоль и Черного моря. См. Жиллия, *de Bosph.*, кн. 2, гл. 23. Турнефор, письмо 15. (Амик царствовал в Бебрикии, называвшейся впоследствии Вифинией; он был изобретателем железных перчаток, которые употреблялись в кулачных боях (Климент Александрийский, *Stromates*, кн. 1, стр. 363). Когда аргонавты пристали к его царству, он пришел на их корабль и спросил, не хочет ли кто-нибудь бороться с ним. Поллукс принял этот вызов и убил его, ударивши его по шее (Библиотека Аполлодора, кн. 1, § 20, текст Ключье). Эпихарм и Пизандр говорили, что Поллукс не убил Амика, а довольствовался тем, что связал его, и в этом именно виде он изображен на погребальной урне, описанной Винкельманом. (Ист. Искусств, гравюра 18, изд. 1789, in 8°). Феокрит, описывающий этот бой с самыми большими подробностями (id. 22), говорит, что Поллукс не убил его, но заставил его дать клятву, что никогда не будет обижать иностранцев, посещающих его владения. Никифор Каллист (Ист. Церк., кн. 7, гл. 50) сообщает древнее предание, которым не следует пренебрегать. «Аргонавты, высадившись в стране бебриков, стали опустошать ее; но Амик устремился на них вместе с своими подданными и обратил их в бегство. Они укрылись в чрезвычайно густом лесу, откуда не смели выйти, как вдруг перед ними явилась одна из небесных сил в форме человека с орлиными крыльями и обещала им победу. Тогда они выступили против Амика, разбили его войска и убили его самого. В память этого события они выстроили на этом месте храм, который они называли *Sosthenium*, потому что воодушевились там прежним мужеством; сверх того они поставили там статую божества, которое явилось перед ними. Константин обратил этот храм в церковь архангела Михаила. Примечание Ключье об Аполлод.: прим. 88, стр. 175. — *Гизо.*)

⁶⁾ Причиной этого ошибочного мнения было то, что несколько остроконечных утесов то покрывались волнами, то освобождались от них. В настоящее время там

находятся два небольших острова, по одному у каждого берега; тот, который находится у европейского берега, замечателен колонной Помпея. (Древние греческие баснописцы называли эти острова также Симплегадами и Планетами. Их обыкновенное название, как полагают, происходило от их мрачного вида. Впрочем, их положение в том самом пункте, где пролив соединяется с Эвксинским морем (Страбон, кн.7), по-видимому, указывает на то, что их название имело сначала связь с кельтским названием соединения вод, которое иногда выражалось словами *суап* и *суаг*; очень может быть, что первые греки, которые осмелились плавать в тех местах, извратили эти слова в название Кланейские. Это мнение подтверждается многими подобными примерами. — *Издат.*)

7) Древние определяли это расстояние в сто двадцать стадий, или в пятнадцать римских миль. Они считали только начиная с новых фортов, но удлинляли пролив до города Халкедона.

8) Дюка, Истр. гл. 34, *Leunclavius*, *Hist. Turcica Musulmanica*, гл. 15, стр. 577. Под владычеством греков эти форты служили государственными торьями под страшным названием Лет, или башен забвения.

9) Дарий вырезал на двух мраморных колоннах греческими и ассирийскими словами названия подчиненных ему народов и поразительное число своих сухопутных и морских сил. Византийцы впоследствии перенесли эти колонны в город и употребили их вместо алтарей для поклонения своим богам-покровителям. Геродот; кн.4, гл.87.

10) *Namque arcissimo inter Europam Asiamque divortio Byzantium in extrema Europa posuere Graeci, quibus, Pythium Apollinem consulentibus ubi conderent urbem, redditum oraculum est, quaererent sedem caecorum terris adversam. Ea ambage Chalcedonii monstrabantur, quod priores illuc advecti, praevisa locorum utilitate pejora legissent.* Тацит. *Анналы*, XII, 62.

11) Страбон, кн.10, стр. 492. Отростки оленьего рога теперь большею частью вырваны или, — выражаясь менее фигурным языком, — углубления гавани большею частью засыпаны. См. Жилл. *de Bosphoro Thracio*, кн. 1, гл. 5.

12) Прокопий *de Aedificiis*, кн. 1, гл.15. Его описание подтверждается новейшими путешественниками. См. Тевено, ч.1, кн. 1, гл. 15. Турнефор, письмо 12. Нибур. Путешествие в Аравию, стр. 22.

13) См. Дюканж, *C.P.*, кн. 1, ч. 1, гл. 16 и его замечания о Виллардуэне, стр. 289. Цепь протягивалась от Акрополя, близ новейшего киоска, до галатской башни и поддерживалась в некоторых местах широкими деревянными сваями.

14) Тевено (*Voyages au Levant*, ч. 1, кн. 1, гл. 14) считает только сто двадцать пять небольших греческих миль. Белон (*Наблюдения*, кн. 2, гл.1) очень хорошо описал Пропонтиду, но ограничился неопределенным выражением, что для того, чтоб переплыть ее, нужно употребить один день и одну ночь. Когда Санди (*Путешествие*, стр. 210) говорит о ста пятидесяти стадиях и в длину и в ширину, нам не остается ничего другого, как предположить ошибку, вкравшуюся при печатании текста этого здравомыслящего путешественника.

15) См. превосходную диссертацию Анвилля о Геллеспонте и Дарданеллах в *Memires de l'Academie des Inscriptions*, том XXVIII, стр. 318—346. Однако даже этот искусный географ охотно придумывает новые и, вероятно, воображаемые меры с целью сделать древних писателей такими же аккуратными, как он сам. Стадии, употребляемые Геродотом при описании Эвксинского моря, Босфора и пр. (кн. 4, гл. 85), без сомнения, все были одного разряда; а между тем нет, по-видимому,

никакой возможности согласовать его вычисления ни с истиной, ни одни с другими.

16) Расстояние по кривому направлению между Сестом и Абидосом было в тридцать стадий. Махюдель доказывал неправдоподобие сказания о Герио и Леандре, а де-ла Ноз защищает его, ссылаясь на авторитет поэтов и медалей. См. *Academie des Inscriptions*, ч. 7, Ист. стр. 73, Мем., стр. 240.

17) Гиббон полагает, что между самыми близкими один от другого берегами Геллеспонта такое же расстояние, как и между самыми близкими один от другого берегами Босфора; однако, по словам всех древних писателей, этот последний пролив постоянно шире первого: они единогласно определяли самую малую его ширину в семь стадий (Геродот, *Мелрот.*, гл. 85; *Ролуп.*, гл. 34; Страб., стр. 591; Плиний кн. 4 гл. 12), что составляет 875 шагов. Странно, что Гиббон, который только что упрекал Анвилля в том, что он охотно придумывает новые и воображаемые меры, принял именно то особое измерение стадия, которое употребляет Анвилль. Этот великий географ полагал, что у древних стадий имел пятьдесят одну шестифутовую сажень, и эту меру он употребляет при определении размеров Вавилона. Семь таких стадий равны почти пятистам шагам: 7 стадий = 2142 футам, 500 шагов = 2135 футам и 5 дюйма. См. Географию Геродота Реннелля, стр. 121 – Гизо.)

18) См. седьмую книгу Геродота, в которой этот писатель воздвигнул великолепные трофеи и самому себе и своему отечеству. Исчисление армии Ксеркса, как кажется, было сделано с достаточной точностью; но тщеславие сначала персов, а потом греков было заинтересовано в том, чтобы преувеличивать военные силы и победу. Я очень сомневаюсь в том, чтобы нападающие когда-либо превосходили своим числом мужчин той страны, которая подверглась нападению.

19) См. Замечания Вуда о Гомере, стр. 320. Я с удовольствием заимствовал это замечание от такого автора, который вообще обманул ожидания публики как критик и еще более как путешественник. Он посетил берега Геллеспонта, читал Страбона и, должно быть, справлялся с римскими путеводителями. Как же мог он смешать Илион с Alexandria Troas (Замечания, стр. 340, 341.) – два города, находящиеся один от другого на расстоянии шестнадцати миль?

20) Димитрий из Скепсиса написал шестьдесят книг по поводу тридцати строк Гомерова списка. Тринадцатой книги Страбона достаточно для удовлетворения нашей любознательности.

21) Страбон, кн. 13, стр. 595. Гомер очень ясно описал расположение кораблей, вытащенных на сухую землю, а также места, которые были заняты Аяксом и Ахиллом. См. Илиаду, IX, 220.

22) Зосим, кн. 2, стр. 105. Созомен, кн. 2, гл. 3 Феофан, стр. 18. Никифор Каллист, кн. 7, стр. 48. Зонара, ч. 2, кн. 13, стр. 6. Зосим говорит, что новый город стали строить между Илионом и Александрией, но это кажущееся различие можно объяснить обширностью городской окружности. До основания Константинополя столицей предполагалось сделать, по словам Седрена, Фессалонику (стр. 283), а по словам Зонары – Сардику. Оба эти писателя полагают с весьма слабым правдоподобием, что если бы императору не помешало чудо, он повторил бы ошибку ослепленных халкедонцев.

23) Попока Описание Востока, том 2, часть 2, стр. 127. Его план семи холмов ясен и точен. Этот путешественник редко бывает так удовлетворителен.

24) См. Белона, Замечания, гл. 72–76. В числе множества различных рыб всех более славилась скумбра*, несколько похожая на тумака. Мы знаем из сочинений

* Или скумбрия (Примеч. ред.).

Полибия, Страбона и Тацита, что выгода, доставлявшаяся рыбной ловлей, составляла главный доход Византии.

25) См. красноречивое описание Бусбекия, письмо 1, стр. 64; *Est in Europa; habet in conspectu Asiam, Aegyptum, Africamque a dextra: quae tametsi contiguae non sunt, maris tamen navigandique commoditate veluti junguntur. A sinistra vero Pontus est, Euxinus, etc.*

26) *Datur haec venia antiquitati, ut miscendo humana divinis, primordia urbium augustiora faciat.* Тит Лив. in Proem.

27) Он говорит в одном из своих законов: *Pro commoditate urbis quam aeterno nomine, iubente Deo, donavimus.* Код. Феодос. кн. 13, тит. 5, зак. 7.

28) Греки Феофан, Садрен и автор Александрийской Хроники ограничиваются неопределенными и общими выражениями. Чтобы получить более точные сведения о видении, мы принуждены прибегнуть к латинским писателям, как, например, к Виллиаму Мальмсбюрискому. См. Дюканжа, С.Р. кн. 1, стр. 24, 25.

29) См. Плутарха in Romul., 4л, стр. 49, изд. Бриана. В числе прочих обрядов, нарочно выкопанная широкая яма наполнялась горстями земли, которые каждый из переселенцев привозил с места своей родины и этим способом скреплял свою связь с новым отечеством.

30) Филосторгий, кн. 2, гл. 9. Хотя эта подробность заимствована от писателя, не заслуживающего полного доверия, однако она характеристична и правдоподобна.

31) См. в *Memories de l'Academie*, том XXXV, стр. 747–758, диссертацию Анвилля о размерах Константинополя. Он пользуется планом, помещенным у Бандури в *Imperium Orientale*, так как считает его самым полным; но путем весьма дельных замечаний он приходит к заключению, что следует уменьшить громадность размеров, и полагает, что город имел в окружности не девять тысяч французских *toises*, а только около семи тысяч восьмисот.

32) Котин, *Antiquitat. Const.*, стр. 12. Он полагает, что церковь св. Антония была границей со стороны гавани. О ней говорит и Дюканж, кн., 4 гл. 6, но я безуспешно пытался определить место, на котором она находилась.

33) Новая стена Феодосия была построена в 413 году. В 447 г. она была разрушена землетрясением и снова выстроена в три месяца благодаря усердию префекта Кира. Предмestье *Blachernae* было включено в черту города в царствование Ираклия. Дюканж, *Const.*, кн. 1, гл. 10, 11.

34) *Notitia* определяет этот размер в четырнадцать тысяч семьдесят пять футов. Есть основание думать, что это были греческие футы, размер которых был остроумно определен Анвиллем. Он сравнивает сто восемьдесят футов с семьдесятю восемью Гашемитскими локтями, которые, по словам различных писателей, составляют высоту Св. Софии. Каждый из этих локтей равнялся двадцати семи французским дюймам. (*Notitia dignitatum imperii* есть описание всех придворных и государственных должностей, легионов и пр. Она похожа на наши придворные альманахи с той только разницей, что наши альманахи сообщают имена лиц, состоящих при должностях, а *Notitia* называет самые должности. Она относится ко временам императора Феодосия II, то есть к пятому столетию, когда империя уже была разделена на восточную и западную; очень вероятно, что она в то время была составлена не в первый раз и что ранее того существовали подобные описания. — Гизо.)

³⁵⁾ Аккуратный Тевено (кн. 1, гл. 15) обошел пешком в час и три четверти вокруг двух сторон треугольника от киоска серала до Семи Башен. Анвилль тщательно проверял и с доверием принимает это решительное свидетельство, дающее окружной черте от десяти до двенадцати миль. Нелепое вычисление Турнефора (письмо II), дающее окружной черте тридцать четыре или тридцать миль, не включая сюда Скутари, представляет странное уклонение от его обычной точности.

³⁶⁾ Квартал так называемых *Susae* или смоковниц был тринадцатым; он был много украшен Юстинианом. Впоследствии он стал носить названия Перы и Галаты. Этимология первого из этих названий понятна, а этимология второго неизвестна. См. Дюканжа *Const.*, кн. 1, гл. 22 и Жиллия *de Byzant.*, кн. 4, гл. 10.

³⁷⁾ Сто одиннадцать стадий, которые можно перевести на греческие мили каждую в семь стадий или в шестьсот шестьдесят, а иногда только в шестьсот французских туазов. См. Анвилля *Mesures Itinéraires*, стр. 53.

³⁸⁾ Когда смысл древних сочинений, описывавших размеры Вавилона и Фив, был установлен, когда преувеличения были сглажены и меры с точностью определены, тогда оказалось, что эти знаменитые города имели обширную, но вовсе не неправдоподобную окружность в двадцать пять или в тридцать миль. Сравн. Анвилля *Mém. de l'Académie*, том XXVIII, стр. 235, с его Описанием Египта, стр. 201, 202.

³⁹⁾ Если мы разделим Константинополь и Париж на равные квадраты, каждый в пятьдесят французских туазов, то мы найдем, что первый из этих городов вмещает в себя восемьсот пятьдесят таких квадратов, а последний тысячу сто шестьдесят.

⁴⁰⁾ Шесть сот центенарий или шестьдесят тысяч фунтов золота. Эта сумма заимствована от Кодина, *Antiquit. Const.*, стр. 11; но этот достойный презрения писатель, вероятно, был бы незнаком с этой странной манерой считать, если бы не позаимствовал своих сведений из каких-нибудь более чистых источников.

⁴¹⁾ Относительно лесов Черного моря следует справиться с Турнефором, письмо 16, а относительно мраморных каменоломен Прокопесса, см. Страбона, кн. 13, стр. 588. Эти последние уже прежде того доставили материалы для великолепных зданий Кизика.

⁴²⁾ См. Кодекс Феодосия, кн. 13, тит. 4, зак. 1. Этот закон помечен 334 годом и был адресован к префекту Италии, юрисдикция которого распространялась на Африку. Комментарий Годефруа по поводу всего этого титула заслуживает того, чтобы с ним справиться.

⁴³⁾ *Constantinopolis dedicatur pene omnium urbium nuditate*. Иероним Хрон., стр. 181. См. Кодина, стр. 89. Автор *Antiquitat. Const.*, кн. 3 (*apud Banduri, Imp. Orient.*, ч. 1, стр. 41) называет Рим, Сицилию, Антиохию, Афины и множество других городов. Можно предполагать, что провинции греческая и малоазиатская доставили самую богатую добычу.

⁴⁴⁾ *Hist. Compend.* стр. 369. Он описывает статую или, скорее, бюст Гомера с таким вкусом, который ясно доказывает, что Седрен подражал стилю более счастливой эпохи.

⁴⁵⁾ Зосим, кн. 2, стр. 106. *Chron. Alexandrin. vel Paschal.*, стр. 284. Дюканж, *Const.*, кн. 1, гл. 24. Даже последний из этих писателей, по-видимому, смешивает *Forum* Константина с *Augusteum*, или дворцовым двором. Я не уверен, хорошо ли я объяснил, что принадлежало к первому из них и что ко второму.

⁴⁶ Самое сносное описание этой колонны сделано Пококом (Описание Востока, том 2, ч. 2, стр. 131), но все-таки оно во многих отношениях неясно и неудовлетворительно.

⁴⁷ Дюкан, *Const.*, кн. 1, гл. 24, стр. 76 и его примечания ad *Alexiad.*, стр. 382. Статуя Константина или Аполлона была низвергнута в царствование Алексея Комнина.

⁴⁸ Турнефор (письмо 12) говорит, что Атмеидан имел в длину четыреста шагов. Если он понимает геометрические шаги, каждый в пять футов, то это составит длину в триста туазов, то есть такую, которая почти на сорок туазов превышает длину большого римского цирка. См. Анвилля *Mesures Itinéraires*, стр. 73.

⁴⁹ Обладатели самых священных мощей были бы очень счастливы, если бы могли сослаться на такой ряд свидетельств, на какой можно опереться в настоящем случае. См. Бандури ad *Antiquitat. Const.*, ст. 668. Жиллий de *Bysant.*, кн. 2, гл. 13. — 1. Первоначальное посвящение треножника и столба в дельфийском храме может быть доказано ссылками на Геродота и Павсания. 2. Язычник Зосим вместе с тремя церковными историками Евсевием, Сократом и Созоменом утверждает, что священные украшения дельфийского храма были перевезены в Константинополь по приказанию Константина, и между прочим он упоминает о змеях в форме колонны, находившейся в Ипподроме. 3. Все посещавшие Константинополь европейские путешественники, начиная с Буондельмонте и кончая Пококом, указывают одно и то же место, на котором она стояла, и описывают ее одинаковым образом; они расходятся между собою только в том, что касается повреждений, причиненных ей турками. Мехмет II разбил нижнюю челюсть одной из змей ударом своей боевой секиры. Тевено, кн. 1, гл. 17. (В 1808 г. янычары, взбунтовавшиеся против визиря Мустафы Бараиктара, который хотел ввести новую систему военной организации, осадили квартал Ипподрома, где находился дворец визирей, и Ипподром был уничтожен пожаром, который они зажгли. — Гизо). (Для дальнейших подробностей касательно бронзовых змей и повреждений столба см. главу XIII, примеч. — *Издат.*)

⁵⁰ Ее латинское название *cochlea* было принято греками и очень часто встречается в византийской истории. Дюканж, *Const.*, кн. 2, гл. 1, стр. 104.

⁵¹ Три топографических пункта указывают положение дворца. 1. Лестница, которая соединяла его с Ипподромом или с Атмеиданом. 2. Небольшая искусственная гавань на Пропонтиде, откуда было нетрудно подняться до дворцовых садов по мраморным ступеням. 3. *Augusteum* был обширный двор, одна сторона которого была занята передней частью дворца, а другая — церковью Св. Софии.

⁵² Зевксипп был эпитет Юпитера, а бани составляли часть старой Византии. Дюканж не сознавал, как трудно определить их настоящее положение. Историки, по-видимому, присоединяют их к храму Св. Софии и к дворцу; но на подлинном плане, помещенном в сочинении Бандури, они находятся по ту сторону города, подле гавани. Касательно их красоты см. *Chron. Paschal.* стр. 285 и Жилия de *Byzant.* кн. 2, гл. 7. Кристофор (см. *Antiquitat. Const.*, кн. 7) сочинил надписи в стихах для каждой статуи. Он был фивский поэт и по гению и по рождению.

Boeotum in crasso jurares aere natum.

⁵³ См. *Notitia*. В Риме насчитывали только тысячу семьсот восемьдесят больших домов, *domus*; но это слово имело более возвышенное значение. Писатели не упоминают о том, чтобы существовали в Константинополе *Insulae*. В старой столице было четыреста двадцать четыре улицы, а в новой триста двадцать две.

54) Лиутпранд, *Legatio ad Imp. Nicephorum*, стр. 153. Новейшие греческие писатели странным образом исказили древности Константинополя. Мы можем извинить заблуждения турецких и арабских писателей, но мы удивляемся тому, что греки, имевшие доступ к подлинным материалам, сохранившимся на их собственном языке, предпочитали вымыслы истин и сомнительные предания настоящей истории. На одной странице Кедина мы можем указать двенадцать непростительных ошибок: примирение Севера с Нигером, бракосочетание их детей, осаду Византии македонянами, вторжение галлов, заставившее Севера возвратиться в Рим, шестьдесят лет, протекших с его смерти до основания Константинополя, и пр.

55) Монтескье, *Grandeur et Decadence des Romains*, гл. 17.

56) Фемист. *Orat. 3*, стр. 48, изд. Гардуина. Созомент, кн. 2, гл. 3. Зосим, кн. 2, стр. 107. Аноним *Valesian*, стр. 715. По словам Кедина (стр. 10), Константин выстроил для сенаторов дома совершенно по образцу их римских дворцов и таким образом доставил им удовольствие неожиданного сюрприза; но весь этот рассказ полон вымыслов и несообразностей.

57) Закон, которым младший Феодосий отменил в 438 г. это условие можно найти в Новеллах этого императора в начале Кодекса Феодосия, том VI. нов. 12. Тильмон (Hist. des Empereurs, том IV, стр. 371), очевидно, неправильно понял характер этих изменений. То же самое условие, которое считалось за милость, когда сопровождалось подарком земель, считалось бы за стеснение, если бы было наложено на частную собственность.

58) Те места у Зосима, Евнапия, Созомена и Агафия, которые касаются увеличения числа зданий и жителей в Константинополе, собраны и связаны между собою Жиллием (de Byzant. кн. 1, гл. 3). Сидоний Аллоинарий (in Panegy. Anthem. 56, стр. 290, изд. Сирмонда) описывает молы, которые выдвигались в море; он состоял из знаменитого Пуццоланского песка, который делается твердым в воде.

59) Созомен, кн. 2, гл. 3. Филосторг. кн. 2, гл. 9. Кодин, *Antiquitat. Const.*, стр. 8. Из слов Сократа можно заключить (кн. 2, гл. 13), что ежедневная раздача хлеба в городе состояла из восьми мириад *siton*, что можно перевести вместе с Валуа словами *modii* зернового хлеба, или считать за выражение числа кусков хлеба. (В Риме бедные граждане, получавшие эти милости, были вносимы в особые списки; их право было чисто личное. Константин присвоил это право домам новой столицы, чтоб этим побудить низшие классы народа скорее строить себе жилища. Код. Феодос., кн. XIV. — Гизо.) Зерновой хлеб раздавался в Риме бедным с самых ранних времен; эта раздача происходила в храме Цереры под руководством особых здилов, обязанности которых, как кажется, были почти совершенно схожи с обязанностями наших *Poor Law Commissioners*. В более поздний период времени, в 129—30 г. до Р.Х., когда военная добыча обогатила казну, а завоеванные страны платили ежегодную дань зерновым хлебом. Гай-Гракх, бывший в ту пору народным трибуном, предложил закон, в силу которого эти громадные запасы продавались в Риме простому народу по низкой цене трех четвертей аса (около полпенни) за *modius* или гарнец, что составляло только одну четверть настоящей цены. Об этом законе упоминают Цицерон (*pro Sextio*, гл. 48), Плутарх (in *Vit. C. Gracchi*, том IV, стр. 658, 659) и некоторые другие писатели. «Великодушные первых цезарей» могли упрочить, но не могли создать того примера, которому Константин, по словам Гиббона, старался подражать. — Издат.)

60) См. Код. Феодос.; кн. 13 и 14, и Код. Юстиниан, эдикт. 12, том II, стр. 648, изд. Женев. См. прекрасную жалобу Рима в поэме Клавдиана de Bello Gildonico, стихи 46—64.

Cum subiit par Roma mihi, divisaque sumsisit
 Aequales aurora togas; Aegyptia rura
 In partem cessere novam.

61) Это делалось также на счет Рима. Император приказал, чтоб александрийский флот доставлял в Константинополь египетский хлеб, который прежде того перевозился в Рим: этим хлебом Рим питался четыре месяца в году. Вызванный этим распоряжением голод живо описан Клавдианом:

Haec nobis, haec ante dabas; nunc pabula tantum
 Roma precor; miserere tuae, pater optime, gentis;
 Extremam defende famem.

Клавдиан, de Bell. Gildon., V. 34. — Гизо.

(Цитата Гиббона уместна, так как она имеет связь с его текстом и объясняет его. А цитата Гизо относится лишь ко временам Клавдиана и к фактам, происходившим почти через сто лет после основания Константинополя. В этот промежуток времени римляне нашли способ снабжаться хлебом из других мест; он доставлялся из самых западных провинций Африки, но подвоз прекратился вследствие возмущения, которое служит сюжетом для поэмы Клавдиана:

hunc quoque nunc Gildo rapuit. — V. 63.

Такова была причина недостатка в хлебных запасах, который, по словам поэта, заставил римлян обратиться с мольбами к Юпитеру; он не имел ничего общего с той данью, которую Константин приказал доставлять из Египта в свою новую столицу. — *Издат.*)

62) О кварталах Константинополя упоминает кодекс Юстиниана; сверх того они подробно описаны в *Notitia* младшего Феодосия; но так как четыре последние из них не включены внутрь стен Константина, то подлежит сомнению, следует ли приписывать это разделение города самому основателю.

63) *Senatum constituit secundi ordinis; Claros vocavit* Анон. Валуа, стр. 715. Сенаторы старого Рима назывались *Clarissimi*. См. интересное примечание Валуа и Аммиана Марцеллина, XII, 9. Из одиннадцатого письма Юлиана можно заключить, что звание сенатора считалось скорее бременем, чем почетным отличием, но аббат де-ла Блетери (*Vie de Jovien*, ч. 2, стр. 371) доказал, что содержание этого письма не может быть отнесено к Константинополю. Не следует ли вместо знаменитого названия *Vyzdantios* читать мало известное, но более правдоподобное название *Bidanthēnos*? Бизант или Рздест, теперешний Родосто, был маленький приморский город Фракии. См. Стеф. Визант. de Urbibus стр. 225 и Целлар. Географ. ч. 1, стр. 249.

64) Код. Феодос., кн. 14, стр. 13. Комментарий Гедефруа (том V, стр. 220) длинен, но запутан; действительно, нелегко понять, в чем могло заключаться *lus Italicum* после того, как права римского гражданства были распространены на всю империю.

65) Юлиан (*Orat.* 1, стр. 8) говорит, что Константинополь превосходил все другие города настолько, насколько он был ниже самого Рима. Его ученый комментатор (Шпангейм, стр. 75, 76) подтверждает этот отзыв при помощи различных сравнений и современных примеров. Зосим, равно как Сократ и Созомен, жили после того, как разделение империи между двумя сыновьями Феодосия установило полное равенство между старой и новой столицами.

66) Кодин (*Antiquitat.*, стр. 3.) утверждает, что основания Константинополя были заложены в 5837 году от сотворения мира (в 329 г. после Р.Х.), в день двадцать шестого сентября, и что город был освящен одиннадцатого мая 5838 г. (в 330 г. после Р.Х.). Он связывает эти числа с некоторыми характеристическими эпохами, но они противоречат одна другой; авторитет Кодина не имеет большого веса, а указываемый им промежуток времени должен казаться слишком коротким. Юлиан говорит о десятилетнем промежутке времени (*Orat.* 1, стр. 8), а Шпангейм старается доказать основательность этого мнения (стр. 69–75) при помощи двух ссылок на Фемистия (*Orat.* 4, стр. 58) и Филосторгия (кн. 2, гл. 9). По этому вычислению город был основан в 324 г., а освящен в 334-м. Новейшие критики не сходятся между собой в этом хронологическом вопросе, а их различные мнения тщательно взвесил Тильмон, *Hist. des Empereurs*, том IV, стр. 619–625.

67) Фемистий, *Orat.* 3, стр. 47. Зосим, кн. 2, стр. 108. Сам Константин в одном из своих законов (Код. Феодос., кн. 15, тит. 1) обнаруживает свое раздражение.

68) Седрен и Зонара, придерживавшиеся того вида суеверий, который преобладал в их собственное время, уверяют нас, что Константинополь был посвящен Св. Деве, Матери Божией.

69) Самые ранний и самый полный рассказ об этой необыкновенной церемонии можно найти в Александрийской хронике, стр. 285. Тильмон и другие доброжелатели Константина, оскорбленные тем, что она отзывалась идолопоклонством и была недостойна христианского государя, имели право считать ее недостоверной, но не имели права совершенно умалчивать о ней.

70) Созомен, кн. 2, гл. 2. Дюканж, С. Р. кн. 1, гл. 6. *Velut ipsius Romae filiam*, – по выражению Августина. *De Civitat. Dei*, кн. 5, гл. 25.

71) Евтропий, кн. 10, гл. 8. Юлиан, *Orat.* I, стр. 8. Дюканж, С. Р. кн. 1, гл. 5. Название Константинополя находится на медалях Константина.

72) Остроумный Фонтенель (*Dialogues des Morts*, 12) смеется над тщетой человеческого честолюбия и, по-видимому, радуется тому, что бессмертное имя Константина исчезло в простонародном названии Истамбула, которое составлено турками из слов *eis tēn polin*. Тем не менее первоначальное название до сих пор удержано: 1. Европейскими народами. 2. Новейшими греками. 3. Арабами, сочинения которых разошлись по обширному пространству их завоеваний в Азии и Африке. См. Гербело, *Bibliothèque Orientale*, стр. 275. 4. Самими учеными турками и самим императором в его публичных указах. История Османской Империи Кантемира, стр. 51.

73) Кодекс Феодосия был обнародован в 438 году после Р. Х. См. *Prolegomena Godefrua*, гл. 1, стр. 185.

74) Пансирол в своем ученом комментарии относит *Notitia* почти к тому же самому времени, когда вышел в свет кодекс Феодосия, но его доказательства или, скорее, его догадки чрезвычайно слабы. Я скорее склонен поместить это полезное произведение между окончательным разделением империи (в 395 г. после Р. Х.) и успешным вторжением варваров в Галлию (в 407 г. после Р. Х.) См. *Histoire des Anciens Peuples de l'Europe*, том VII, стр. 40.

75) *Scilicet externae superbiae sueto, non inerat notitia nostri* (может быть *nostrae*); *apud quos vis imperii valet, inania transmittuntur*. Тацит, *Анналы*, XV, 31. Постепенный переход от стиля свободы и простоты к стилю формальностей и раболепия можно проследить по письмам Цицерона, Плиния и Симмаха.

76) Император Грациан, подтвердив изданный Валентинианом закон о старшинстве, продолжает так: *Siquis igitur indebitum sibi locum usurpaverit, nulla se*

ignoratione defendat; sitque plane sacrilegii reus, qui divina praecepta neglexerit. Код. Феодосия, кн. 6, тит. 5, зак. 2.

⁷⁷⁾ См. *Notitia Dignitatum* в конце Кодекса Феодосия, том VI, стр. 316.

⁷⁸⁾ Пансирол, *ad Notitiam utriusque Imperii*, стр. 39. Но его объяснения сбивчивы, и он недостаточно различает нарисованные эмблемы от действительных отличий звания.

⁷⁹⁾ В Пандектах, которые могут быть отнесены к царствованиям Антонинов, *Clarissimus* есть обыкновенный и легальный титул сенатора.

⁸⁰⁾ Пансирол, стр. 12–17. Я не упомянул о двух низших титулах *Perfectissimus* и *Egregius*, которые давались многим лицам, не достигшим senatorского звания.

⁸¹⁾ Код. Феодосия, кн. 6, тит. 6. Правила старшинства были установлены императорами с самой мелочной точностью и были объяснены с такими же чрезмерными подробностями их учеными истолкователями.

⁸²⁾ Код. Феодосия, кн. 6, тит. 22.

⁸³⁾ Авзоний (*in Gratiarum Actione*) с подобострастием толкует об этом низком сюжете, а Мамертин (*Panegy. Vet.* 11. 16–19) говорит о нем с большой свободой и остроумием.

⁸⁴⁾ *Cum de consulibus in annum creandis, solus mecum volutarem... te consulem et designavi, et declaravi, et priorem nuncupavi*; — так выражался император Грациан, обращаясь к своему наставнику поэту Авзоню.

⁸⁵⁾ *Immanesque... dentes*

Qui secti ferro in tabulas auroque micantes,

Inscripti retilum coelato consule nomen

Per proceres et vulgus eant.

Клавд. in 2 Cons. Stilichon. 456.

Монфокон изобразил некоторые из таких дощечек или диптик; см. дополнение к *Antiquité expliquée*, ч. 3, стр. 220.

⁸⁶⁾ *Consule laetatur post plurima saecula viso*

Pallanteus apex agnoscunt rostra curules.

Auditas quondam proavis: desuetaque cingit

Regius auratis Fora fascibus Ulpia lictor.

Клавдиан in 6 Cons. Honori, 643.

Со времени царствования Кара до шестого консульства Гонория прошло сто двадцать лет, в течение которых императоры постоянно отсутствовали из Рима в первый день января. См. Хронологию Тильемона, томы III, IV и V.

⁸⁷⁾ См. Клавдиана in Cons. Prob. et Olybrii, 178 и сл., и in Cons. Honorii, 585 и сл.; но в этом последнем не легко отличить украшения императора от украшений консула. Авзоний получил от щедрот Грациана *vestis palmata* или официальное одеяние, на котором было вышито изображение императора Констанция.

⁸⁸⁾ *Cernis et armorum proceres legumque potentes:*

Patricios sumunt habitus; et more Gabino

Descolor incedit legio, positisque parumper

Bellorum signis, sequitur vexilla Quirini.

Lictori cedunt aquilae, ridetque togatus

Miles, et in mediis effulget curia castris.

– strictasque procul radiare secures.

Клад. in 4 Cons. Honorii, 5 In Cons. Prob. 229.

⁸⁹⁾ См. Barya ad Ammian. Marcellin. kn. 22, гл. 7.

⁹⁰⁾ Auspice mox laeto sonuit clamore tribunal;

Te fastos ineunte quater: solemnna ludit

Omnia libertas: deductum Vindice morem

Lex servat, famulusque iugo laxatus herili

Ducitur, et grato remeat securior ictu.

Кладдиан in 4 Cons. Honorii, 611.

⁹¹⁾ Celbrant quidem solemnes istos dies, omnes ubique urbes quae sub legibus agunt; et Roma de more, et Constantinopolis de imitatione, et Antiochia pro luxu, et discincta Carthago, et domus fluminis Alexandria, sed Treviri Principis beneficio. Авзоний in Grat. Actione.

⁹²⁾ Кладдиан (in Cons. Mall. Teodori, 279–331) описывает очень живо и занимательно устроенные новым консулом представления в цирке, театре и амфитеатре. Кровопролитные бои гладиаторов уже были в ту пору запрещены.

⁹³⁾ Прокопий in Hist. Arcana, гл. 26.

⁹⁴⁾ In consulatu honos sine labore suscipitur. (Мамертин in Panegy. Vet., XI, 2.) Это высокое понятие о консульском звании: заимствовано из одной речи (3, стр. 107), произнесенной Юлианом при раблепном дворе Констанция. См. аббата де-ла Блетери (Mémoires de l'Académie, том XXIV, стр. 289), который очень любит отыскивать следы старых учреждений и иногда находит их в своей плодovitой фантазии.

⁹⁵⁾ Взаимные браки между патрициями и плебеями были воспрещены законами Двенадцати Таблиц, а свойственная человеческой натуре наклонность к однообразию свидетельствует о том, что привычка пережилась закон. См. у Тита Ливия (IV, 1–6), как фамильная гордость поддерживалась консулом, а за человеческие права вступался трибун Канулей. (Нибур, доказавший, что плебеи занимали в римской системе гораздо более высокое положение, чем прежде предполагалось, смотрит на сюжет этого примечания с иной точки зрения. Он говорит: «Запрещение взаимных браков между патрициями и плебеями было освящено обычаем с самых древних времен; оно впервые получило силу закона в Двенадцати Таблицах. Такого рода обычаи вообще становятся приятными, когда их обращают в писанный закон; это и было причиной той бури, из которой возник plebiscitum Canuleium. На него обыкновенно смотрят, как на важную победу плебеев. Но запрещение, о котором идет речь, никому не причиняло более вреда, чем самим патрициям. Смешанные браки между лицами двух сословий, без сомнения, существовали во все времена и связывали по совести, но сыновья, родившиеся от браков между патрициями и плебеями, никогда не имели никаких аристократических прав и причислялись к плебейм. Последствие этого было то, что патриции стали быстро уменьшаться числом. Повсюду, где аристократия обязана брать жен из среды своего собственного класса, она с течением времени становится почти немощной. Если бы плебеи пожелали унижить патрициев, они должны бы были горячо отстаивать запрещение смешанных браков. Не будь Канулеева закона, патриции утратили бы свое положение в государстве сотней лет ранее». Лекции ч. 1, стр. 326. – Издат.)

⁹⁶⁾ См. как живо описал Саллюстий (in Bello Jug.) гордость знати и даже добродетельного Метелла, который не мог примириться с мыслью, что почестями консульского звания будут награждены ничтожные заслуги его помощника Мария

(гл. 64). За двести лет перед тем род самих Метеллов терялся в массе римских плебеев, а из этимологии их имени *Coecilius* можно заключить, что эти надменные аристократы вели свое происхождение от маркитанта.

⁹⁷⁾ В 800 году от основания Рима оставалось чрезвычайно мало не только старинных патрицианских родов, но даже тех, которые были созданы Цезарем и Августом. (Тацит, *Анналы*, XI, 25.) Род Скавра (отрасль патрицианского рода Эмилиев) упал так низко, что его отец, занимавшийся торговлей углем, оставил ему только десять рабов и менее 300 фунт. стерл. (Валерий Максим, кн. 4, гл. 4 N 11. Аврелий Виктор in *Scauro*). Этот род был спасен от забвения заслугами его сына.

⁹⁸⁾ Тацит, *Анналы*, XI, 25. Дион Кассий, кн. 3, стр. 693. Добродетели Агриколы, возведенного в звание патриция императором Веспасианом, сделали честь этому древнему сословию; но его предки не возвышались над сословием всадников.

⁹⁹⁾ Такое уничтожение было бы почти невозможно, если было правдой, — как по уверению Казобона, говорит Аврелий Виктор (*ad Sueton. in Caesar. гл. 42. См. Ист. Эп. Цез., стр. 203 и Казобона Комментар., стр. 220*), — что Веспасиан разом создал тысячу патрицианских родов. Но это громадное число превзошло бы даже число всех сенаторов, так что пришлось бы включить всех римских всадников, отличавшихся позволением носить латиклаву.

¹⁰⁰⁾ Зосим, кн. 2, стр. 118 и Годефруа *ad Cod. Theodos*, кн. 6, тит. 6.

¹⁰¹⁾ Зосим, кн. 2, стр. 109, 110. Если бы мы не имели этого удовлетворительного объяснения того, как была разделена власть и как были разделены провинции между преторианскими префектами, Кодекс часто приводил бы нас в затруднение своими обильными подробностями, а *Notitia* своими мелочными указаниями.

¹⁰²⁾ См. закон самого Константина *A praefectis autem praetorio provocare non sinimus*. Код. Юстин., кн. 7, тит. 62, зак. 19. Законовед времен Константина Харизий (Гейнец. *Hist. Juris Romani*, стр. 349), считающий этот закон за основной принцип юриспруденции, сравнивает преторианских префектов с начальниками кавалерии при старинных диктаторах. Пандекты, кн. 1, тит. 11.

¹⁰³⁾ Когда Юстиниан, во время истощенного положения империи, учредил должность преторианского префекта для Африки, он назначил ему жалованье в сто фунтов золота. Код. Юстиниан., кн. 1, тит. 27, зак. 1.

¹⁰⁴⁾ Касательно этой должности, равно как и других должностей, достаточно сослаться на обширные комментарии Пансирола и Годефруа, которые тщательно собирали и аккуратно привели в порядок все свои юридические и исторические материалы. Докт. Гоуэлл (*History of the World*, ч. 2, стр. 24–77) извлек из этих писателей данные для очень ясного сокращенного изложения положения Римской империи.

¹⁰⁵⁾ Тацит, *Анналы*, VI, II. Евсевий in *Chron.*, стр. 155. Дион Кассий в речи Мецената (кн. 7, стр. 675) описывает prerogative городского префекта в том виде, как они были установлены в его собственное время.

¹⁰⁶⁾ Репутация Мессаллы едва ли достигала одного уровня с его личными достоинствами. В ранней молодости он был отрекомендован Цицероном Бруту. Он следовал за знаменем республики, пока оно не было уничтожено на полях Филиппских. Затем он принял и оправдал милости самого умеренного из победителей и при дворе Августа всегда сохранял свою свободу и свое достоинство. Триумф Мессаллы был наградой за завоевание Аквитании. Как оратор, он оспаривал пальму красноречия у самого Цицерона. Мессалла занимался всеми изящными искусствами и был покровителем всех гениальных людей. Он проводил вечера

в философских беседах с Горацием, садился за столом между Делией и Тибуллом и занимался в часы досуга тем, что поощрял поэтический талант молодого Овидия.

107) *In civilem esse potestatem contestans*, – говорит переводчик Евсевия. Тацит выражает ту же мысль другими словами: *quasi nescius exercendi*.

108) См. Липсия, *Excursus D. ad. 1. lib. Tacit. Annal.*

109) Гейнеция *Element. Juris Civilis secund. ordinem Pandect.*, ч. 1, стр. 70. См. также Шпангейма *de Usu Numismatum*, том 2, диссерт. 10, стр. 119. В 450 году Маркиан издал закон, что трое должны быть ежегодно назначаемы константинопольскими преторами по выбору сената, но с их собственного на то согласия. Код. Юстин., кн. 1, тит. 39, зак. 2.

110) *Quidquid igitur intra urbem admittitur, ad P. U. videtur pertinere; sed et si quid intra centesimum milliarium*. Ульпиан в *Pandect.*, кн. 1, тит. 13, N 1. Он затем перечисляет различные обязанности префекта, о котором в Кодексе Юстиниана (кн. 1, тит. 39, зак. 3) говорится, что он имеет старшинство и начальство над всеми городскими должностными лицами, *sine injuria ac detrimento honoris alieni*.

111) Помимо тех источников, которыми мы обыкновенно пользуемся, мы можем заметить, что Феликс Кантелорий написал особый трактат *De Praefecto Urbis* и что многие интересные подробности касательно римской и константинопольской полиции находятся в четырнадцатой книге Кодекса Феодосия.

112) Евнапий утверждает, что проконсул Азии не зависел от префекта; однако это может быть допущено с некоторым видоизменением: он, без всякого сомнения, не признавал над собою юрисдикции вице-префекта. Пансирол, стр. 161.

113) Проконсул Африки имел при себе четыреста чиновников, и все они получали большие жалованья или из государственной, или из провинциальной казны. См. Пансирола, стр. 26., и Код. Юстин., кн. 12, тит. 56, 57.

114) В Италии такою же был римский наместник. Было много спору о том, распространялась ли его юрисдикция только на сто миль от города или же она обнималадесять южных провинций Италии.

115) В числе произведений знаменитого Ульпиана было одно в десяти книгах касательно должности проконсула, обязанности которого в самых важных пунктах были точно такие же, как и обязанности обыкновенного губернатора провинции.

116) Президенты или консулы могли налагать пени только в две унции, вице-префекты – в три, а проконсулы, восточные графы и египетские префекты – в шесть. См. Гейнеция *Iur. Civil.*, ч. 1, стр. 75. *Пандекты*, кн. 48, тит. 19, № 8. Код. Юстин., кн. 1, тит. 54, зак. 4–6.

117) *Ut nulli patriae suae administratio sine speciali permissu permittatur*. Код. Юстин., кн. 1, тит. 41. Этот закон был впервые издан императором Марком после восстания Кассия (Дион, кн. 71). Точно такое же правило соблюдается в Китае с такой же строгостью и с такой же пользой.

118) *Пандекты*, кн. 23, тит. 2, N 38, 57, 63.

119) *In jure continetur, ne quis in administratione, constitutus aliquid compararet*. Код. Феод., кн. 8, тит. 15, зак. 1. Этот принцип обычного права был утвержден рядом эдиктов (см. остальную часть приведенного титула) со времен Константина до времен Юстина. Из этого запрещения, распространявшегося на самых низших губернаторских чиновников, исключались только одежды и провизии. Купленное имущество можно было выкупать в течение пяти лет, а по прошествии этого времени оно, после собрания справок, поступало в казну.

120) *Cessent rapaces jam nunc officialium manus; cessent, inquam; nam si moniti non cessaverint, gladiis praecedentur, etc.* Код Феод. кн. 1, тит. 7, зак. 1. Зенон приказал, чтоб все губернаторы оставались в провинции в течение пятидесяти дней после истечения срока их полномочий, для того чтоб они могли ответить на все обвинения. Код. Юстин., кн. 2, тит. 49, зак. 1.

121) *Summa igitur ope, et alacri studio, has leges nostras accipite; et vosmetipsos sic eruditos ostendite, ut spes vos pulcherrima foveat; toto legitimo opere perfecto, posse etiam nostram rempublicam in partibus ejus vobis credendis gubernari.* Юстин., in proem. Institutionum.

122) Блеск школы в Берите, поддерживавшей на востоке знакомство с языком и юриспруденцией римлян, как кажется, сохранился с третьего столетия до половины шестого. — Гейнец. *Iur. Rom. Hist.*, стр. 351—356. (Два брата Феодор и Афинодор, отправляясь в Беритскую юридическую школу для окончания курса юридических наук, повстречались в Кесарии с Оригеном, который убедил их заняться изучением философии и этим путем обратил их в христианство. (Иерон. de Vir., III, гл. 65). Александр Север вступил на престол в 221 году по Р. X., в то время как Оригену было тридцать шесть лет; по- этому предположение Гиббона довольно основательно. — *Издат.*)

123) Подобно тому, как я, говоря о более ранней эпохе, перечислил гражданские и военные должности, которые проходил Пертинакс, я перечислю здесь гражданские отличия, которые получал Маллий Феодор. 1) Он отличался своим красноречием в то время, как действовал в качестве адвоката при трибунале преторианского префекта. 2) Он управлял одной из африканских провинций в качестве или президента или консулара, и за свое управление был почтен бронзовой статуей. 3) Он был назначен наместником или вице-президентом Македонии. 4) Был назначен квестором. 5) Был графом священных подаяний. 6) Был преторианским префектом Галлии, хотя его еще можно было считать в то время молодым человеком. 7) После нескольких лет отставки или, может быть, немилости, которые Маллий (его смешивают некоторые критики с поэтом Манлием; см. *Fabricius Bibliothec. Latin.*, изд. Эрнест., ч. 1, гл. 18 стр. 501) употребил на изучение греческой философии, он был назначен в 397 г. преторианским префектом Италии. 8) В то время, как он еще занимал эту высокую должность, он был назначен в 399 г. консулом запада, и его имя, по причине позорного поведения его сотоварища евнуха Евтропия, иногда стоит одиноком в Фастах. 9) В 408 г. Маллий был во второй раз назначен преторианским префектом Италии. Даже в продажном панегирике Клавдиана проглядывают достоинства Маллия Феодора, который имел редкое счастье быть интимным другом и Симмаха и Св. Августина. См. Тильемона *Hist. des Empereurs*, т. V, стр. 1110—1114.

124) Мамертин in *Panegy. Vet.* XI, 20. Астерий apud Photium, стр. 1500.

125) Интересное место у Аммиана (кн. 30, гл. 4), где он описывает нравы современных законодателей, представляет странную смесь здравого смысла, фальшивой риторики и преувеличенной сатиры. Годефрау (*Prolegom. ad Cod. Theod.*, гл. 1, стр. 185) подтверждает взгляды историка такими же сетами и достоверными фактами. В четвертом столетии можно бы было навьючить много верблюдов юридическими сочинениями. Евнапий *Vit. Aedesii* стр. 72.

126) Блестящим примером может в этом случае служить жизнеописание Агриколы, в особенности гл. 20 и 21. Наместник Британии был обременен такими же правами, какими пользовался от имени сената и народа проконсул Киликии Цицерон.

127) Аббат Дюбо, тщательно изучивший (см. *Hist. de la Monarchie Francaise*, ч. 1, стр. 41–100, изд. 1742) учреждения Августа и Константина, замечает, что если бы Отон был казнен смертью за день перед тем, как он привел в исполнение свой заговор, история признавала бы его столь же невинным, как и Корбулона.

128) Зосим, кн. 2, стр. 110. Прежде конца царствования Константина *magistri militum* уже были в числе четырех. См. *Valua as Ammian.*, кн. 16, гл. 7.

129) Хотя о военных графах и герцогах часто упоминается и в истории и в кодексах, мы должны прибегать к *Notitia*, чтобы в точности узнать их число и места их постоянного пребывания. Вообще касательно учреждения, ранга, привилегий графов см. Код. Феодос., кн. 6, чит. 12–20 с комментарием Годефруа.

130) Зосим, кн. 2, стр. 111. Историки, законы и *Notitia* очень неясно обозначают различие между этими двумя разрядами римских войск. Впрочем, можно справиться с обильным содержанием *Paratitio*'а или извлечения, которое сделал Годефруа из седьмой книги *de Re Militari*, из Код. Феодосия, кн. 7, тит. 1, зак. 18; кн. 8, тит. 1, зак. 10.

131) *Ferox erat iu suos miles et rapax, ignavus vero in hostes et fractus*, Аммиан, кн. 22, гл. 4. Он замечает, что они любят пушистые постели и мраморные дома и что их кубки более тяжелы, чем их мечи.

132) Код. Феод., кн. 7, тит. 12, зак. 1. См. Гоуэнла *History of the World*, ч. 2, стр. 19. Этот ученый, но мало известный историк старается оправдать характер и политику Константина.

133) Аммиан, кн. 19 гл. 2. Он замечает (гл. 5), что отчаянные вылазки двух галльских легионов были то же, что горсть воды, брошенная на большое пламя.

134) Пансирол *ad Notitiam*, стр. 96. *Mémoires de l'Académie des Inscriptions*, том XXV, стр. 491.

135) *Romana acies unius prope formae erat et hominum et armorum genere. Regia acies varia magis multis gentibus dissimilitudine armorum auxiliorumque erat*. Тит. Лив., кн. 37, гл. 39, 40. Даже до этого сражения Фламиний сравнивал армию Антиоха с ужином, в котором мясо гадкого животного появлялось в различных видах благодаря искусству поваров. См. Жизнеописание Фламиния у Плутарха.

136) Агафий, кн. 5, стр. 157, изд. Луврское.

137) Валентиниан (Код. Феодосия, кн. 7, тит. 13, зак. 3) определяет этот размер в пять футов и семь дюймов, что составляет на английскую меру около пяти футов и четырех с половиной дюймов; сначала он был в пять футов и десять дюймов, а в лучших отрядах в шесть римских футов. *Sed tunc erat amplior multitudo, et plures sequebantur militiam armati*. Береций *de Re Militari*, кн. 1, гл. 5.

138) См. в седьмой книге Кодекса Феодосия два титула: *De Veteranis* и *De Filiis Veteranorum*. Возраст, в котором от них требовали службы, колебался между двадцатью пятью и шестнадцатью годами. Если сыновья ветеранов являлись на службу с лошастью, они имели право служить в кавалерии; обладание двумя лошадьми давало им некоторые ценные привилегии.

139) Код. Феодосия, кн. 7, тит. 13, зак. 7. По словам историка Сократа (см. Годефруа *ad loc.*), тот же самый император Валент иногда требовал восемьдесят золотых монет за рекрута. В следующем законе неясно выражено, что рабы не должны быть допускаемы *inter optimas lectissimorum militum turmas*.

140) Личность и собственность одного римского всадника, искалечившего двух своих сыновей, были проданы, по приказанию Августа, с публичного торгога. (Светон. *in August.*, гл. 27). Обычная умеренность этого лукавого узурпатора доказывает, что

этот пример строгости оправдывался духом времени. Аммиан указывает на различие между измененными италийцами и отважными галлами. (Кн. 15, гл. 12.) Однако только через пятнадцать лет после того Валентиниан в законе, адресованном к галльскому префекту, приказывает сжигать живьем этих подлых дезертиров. (Код. Феодос., кн. 7, тит. 13, зак. 5.) Они были так многочисленны в Иллирии, что там оказывалось незначительное число новобранцев. (Id., зак. 10.)

141) Они назывались *Murci*. Слово *Murcidus* встречается у Плавта и у Феста для обозначения ленивых и трусливых людей, которые, по словам Арнобия и Августина, находились под непосредственным покровительством богини Мурции. Основываясь на этих примерах малодушия, латинские писатели средних веков употребляли слово *murcare* как синоним с словом *mutilare*. См. Линденброгия и Валуа ad *Ammian Marcellin*, кн. 15, гл. 12.

142) *Malarichus... adhibitis Francis quorum ea tempestate in palatio multitudo florebat, erectus jam loquebatur tumultuabaturque*. Аммиан, кн. 15, гл. 5.

143) *Barbaros omnium primus, ad usque fasces auxerat et trabeas consulares*. Аммиан, кн. 20, гл. 10. Евсевий (in *Vit Constantin.*, кн. 4, гл. 17) и Аврелий Виктор, по-видимому, подтверждают это мнение, однако в тридцати двух консульских Фестах царствования Константина я не мог отыскать ни одного имени варвара; поэтому следовало бы приписывать щедрости этого монарха только то, что он давал варварам одни украшения консульского звания, а не самое звание.

144) Код. Феодосия, кн. 6, тит. 8.

145) По странной метафоре, заимствованной от военного характера первых императоров, лицо, заведовавшее их домашним хозяйством, называлось графом их лагеря (*comes castrensis*). Кассиодор очень серьезно внушает этому должностному лицу, что его собственная репутация и репутация империи зависят от того, какое мнение составят себе иностранные послы об изобилии и великолепии императорского стола (*Variar.*, кн. 6, *Epistol.* 9.).

146) Гуферий (*de Officiis Domus Augustae*, кн. 2, гл. 20; кн. 3) очень тщательно объяснил обязанности *Magister Officiorum* и состав подчиненных ему *scrinia*. Но он тщетно старался доказать ссылками на очень сомнительный авторитет, что эта должность возникла во времена Антонинов или даже Нерона, тогда как о ней никогда не упоминается в истории до царствования Константина.

147) Тацит (*Анналы*, XI, 22) говорит, что первые квесторы были выбраны народом через шестьдесят четыре года после основания республики; но он держится того мнения, что еще задолго до этого периода они ежегодно назначались консулами и даже царями. Но этот сомнительный факт опровергается другими писателями. (Нибур в своих Лекциях, ч. 1. стр. 324, говорит, что «Тацит, Плутарх и даже сам Ульпиан (но не Гайй) были в заблуждении насчет этого вопроса» и смешивали двух *Quaestores paricidii* – публичных обвинителей, уличавших перед курией политических преступников, с шестью *Quaestores Classici*; они относили к этим последним то, что касалось только первых. – *Издат.*)

148) Тацит (*Анналы*, XI, 12), по-видимому, полагает, что число квесторов никогда не превышало двадцати, а Дион (кн. 43, стр. 374) намекает и на то, что если диктатор Цезарь однажды увеличил их до сорока, то он сделал это единственно для того, чтобы иметь возможность уплатить громадный долг признательности. Однако увеличенное им число преторов оставалось без изменения в следующие царствования.

149) Саeton. in *August.*, гл. 65 и *Toppent. as loc. Dion Cas.*, стр. 755.

150) Молодость и неопытность квесторов, вступавших в эту важную должность на двадцать пятом году (Липс. *Excurs. ad Tacit. kn. 3 D.*), заставили Августа отстранить их от заведования казначейством, и хотя Клавдий возвратил им эти обязанности, но их должность, как кажется, была окончательно уничтожена Нероном (Тацит. *Анналы*, XXII, 29. Светон. *in Aug.*, гл. 36, *in Claud.*, гл. 24. Дион, стр. 696–961 и сл. Плиний, *Epist. X 20 et alibi*). В провинциях, зависевших прямо от императоров, квесторы были с пользой заменены прокураторами (Дион Кассий, стр. 707. Тацит. *Жизнеописание Агриколы*, гл. 15) или, как их впоследствии называли, *rationales*. (Ист. Эп. Цез., стр. 130). Но в провинциях, подчинявшихся сенату, мы находим квесторов до времен царствования Марка Антонина. (См. Надписи Грутера, Письма Плиния и решающий факт в Ист. Эп. Цез., стр. 64). Мы знаем от Ульпиана (Пандекты, кн. 1, тит. 13), что в царствование императоров из дома Севера их управление провинциями было отменено, а при следовавших затем смутах натурально должны были прекратиться выборы квесторов как годовичные, так и трехгодичные.

151) *Cum patris nomine et epistolas ipse dictaret, et edicta conscriberet, orationesque in senatu recitaret, etiam quaestoris vice* (Светон. *in Tit.*, гл. 6). Следует полагать, что эта должность приобрела новое важное значение, так как ее иногда исполнял наследник императорского престола. Траян дал такое же назначение своему квестору и двоюродному брату Адриану. См. Додовелля *Praelection. Cambden. X, XI*, стр. 362–394.

152) – *Terris edicta daturus;*

Supplicibus responsa. – Oracula regis

Eloquio crevere tuo; nec dignius unquam

Majestas meminit sese Romana locutam.

Клавдиан *in Consulat. Mall. Theodor. 33*. См. также Симмаху, Письма, кн. 17 и Кассиодору (*Variar.*, VI, 5).

153) Код. Феод., кн. 6, тит. 30. Код. Юстин., кн. 12, тит. 24.

154) Та часть *Notitia*, которая касается востока, представляет очень мало сведений о ведомстве двух графов казначейства. Можно заметить, что существовала касса казначейства в Лондоне и *gyneseum* или мануфактура в Винчестере. Но Британия не считалась достойной иметь у себя монетный двор или арсенал. В одной Галлии были три заведения первого рода и восемь второго (Кунобелин имел монетный двор в Камалодунуме; оттуда в его время извлекалась монета для уплаты дани с Британии. Конечно, нет свидетельств о существовании подобного заведения после того, как его столица сделалась колонией и страна тринобантов частью римской провинции. Но Моран (Ист. Эссекса, ч. 1, стр. 424) полагает, что *Comes Littoris Saxonici* имели свою резиденцию на соседнем острове Мэрси. Это, вероятно, был Толиапис, который, по словам Птолемея (Геогр., кн. 2, гл. 3), находился на этом берегу, а его название было сокращенное или извращенное моряками *Tituli lapis*, где моряки, доставлявшие сведения географу, обыкновенно выплачивали свой *portorium* при входе в двойную гавань, по обеим сторонам которой были открыты бесчисленные следы римского владычества. – *Издат.*)

155) Код. Феод., кн. 6, тит. 30, зак. 2 и Годефруа *ad Ioc.*

156) Страбон, Географ., кн. 12, стр. 809. Другой храм Команы в Понте был колонией от храма Каппадокийского (кн. 12, стр. 825). Президент Де-Бросс (см. его *Саллюстия*, ч. 2, стр. 21) высказывает догадку, что божество, которому поклонялись в обоих Команах, была Беллуда, восточная Венера, богиня деторождения, очевидно несколько не похожая на богиню войны. (По словам Птолемея, было еще два города того же имени в Памфилии и в Писидии; оба они стояли у водопадов, но,

кроме этого, о них не имеется никаких сведений. Из двух знаменитых храмов каппадокийский был самый богатый. Его древность была так велика, что греки приписывали его основание Оресту и его сестре; они воображали, что его название происходило от ее волос и что она перенесла туда из Тавриды поклонение Диане. Но божество, которому он был посвящен, неизвестно в точности так, что кроме Дианы считали местной богиней и армянскую Анаитиду, и сирийскую Белтиду, и римскую Беллону. В Понтийском храме существовало запрещение есть свинину, напоминающее такое же постановление Моисея, а Страбон очень подробно рассказывает о судьбе Клеона, который был возведен в звание команского верховного жреца в награду за помощь, оказанную им Антонию и Августу во время их восточных походов, но через месяц после своего назначения умер оттого, что поел запрещенной пищи. В подстрочном примечании невозможно высказать всего, что нам известно о друидическом характере тамошних жреческих обязанностей и обрядов, а также о кельтическом происхождении тех мест вместе с соседними округами Коммагены, Камманена, Катацекаумена и другими, лежавшими между Евфратом и Эгейским морем. Кто интересуется этими исследованиями, найдет для себя руководящую нить, если тщательно сравнит и объединит сведения, которые можно найти у Иосифа, Иуд. Древн., кн. 1, гл. 6, Ap. Hirtii de Dell. Alex., 53, 54; Тит. Лив. Историю, кн. 38, гл. 16, 17; Страбона Геогр., кн. 12; Птол. Геогр., кн. 5, гл. 5, 6, 7; Бошарт. Geogr. Sac., стр. 195; Всеобщ. Истр., ч. 1, стр. 375. — *Издат.*)

157) Код. Феод., кн. 10, тит. 6 de Grege Dominico. Годефруа собрал все сведения, какие имелись в древности о каппадокийских лошадях. Одна из лучших пород, пальмацианская, была конфискована у одного бунтовщика, поместья которого находились почти в шестидесяти милях от Тианы, неподалеку от большой дороги, соединявшей Константинополь с Антиохией.

158) Юстиниан (Новел. 30) подчинил провинцию графа Каппадокийского непосредственной власти любимого евнуха, заведовавшего священной опочивальней.

159) Код. Феод., кн. 6, тит. 30, зак. 4 и сл.

160) Пансирол, стр. 102 – 136. Внешность этой дворцовой стражи описана в латинской поэме Коринна de Laudibus Iustin., кн. 3, 157 – 179, стр. 319 – 420 в приложении к Hist. Bysantin. Rom. 177.

161) Аммиан Марцеллин, несший такую службу в течение многих лет, получил только ранг протектора. Первые десять из этих почетных воинов были Clarissimi.

162) Ксенофонт, Киропедия, кн. 8. Бриссон de Regno Persico, кн. 1, № 190, стр. 264. Императоры с удовольствием усвоили эту персидскую метафору.

163) Касательно Agentes in Rebus см. Аммиана, кн. 15, гл. 3; кн. 16, гл. 5; кн. 22, гл. 7; и интересные примечания Валуа. Код. Феод., кн. 6, тит. 27–29. Из всех мест, собранных в комментарии Годефруа, самое замечательное то, которое взято из речи Либания касательно смерти Юлиана.

164) Пандекты (кн. 48, тит. 18) содержат в себе мнения самых знаменитых юристов касательно пытки. Они строго ограничивают ее рабами, и сам Ульпиан признает, что Res est fragilis, et periculosa, et quae veritatem fallat.

165) Во время заговора Пизона против Нерона только одна Эпихарида (libertina mulier) была подвергнута пытке, остальные были intacti tormentis. Было бы излишне приводить более слабые примеры, и было бы нелегко отыскать более сильные. Тацит. Анналы. XV, 57.)

166) Dicendum... de Institutis Atheniensium, Rhodiorum, doctissimorum hominum, apud quos etiam (id quod acerbissimum est) liberi civesque torquentur. Цицерон Partit

Orat., гл. 34. Из процесса Филотаса мы знаем, каких правил держались македоняне. Диодор Сицил. кн. 17, стр. 604, Квинт Курций, кн. 6, гл. 11.

¹⁶⁷ Гейнецций (*Element. Jur. Civil.* ч. 7, стр. 81) собрал в одно все эти изъятия.

¹⁶⁸ Определение мудрого Ульпиана (Пандекты, кн. 48, тит. 4) было приспособлено, по-видимому, скорее ко двору Каракаллы, нежели ко двору Александра Севера. См. Кодексы Феодосия и Юстиниана. *Ad. leg. Iulian. majestatis.*

¹⁶⁹ Аркадий Харизий был самый старый из юрисконсультов, цитируемых в Пандектах для оправдания всеобщего употребления пытки во всех государственных преступлениях; но этот тиранический принцип, допускаемый Аммианом (кн. 19, гл. 12) с самым почтительным ужасом, подтверждается многими законами преемников Константина. См. Код. Феод. кн. 9, тит. 35. *In majestatis crimine omnibus aequa est conditio.*

¹⁷⁰ Монтескье, *Esprit des Loix*, кн. 12, гл. 13.

¹⁷¹ Юм (*Essays*, ч. 1, стр. 389) смотрел на эту важную истину с некоторым недоумением.

¹⁷² Цикл индиктов, начало которого можно отнести к царствованию Констанция или, может быть, даже к царствованию его отца Константина, вошел в употребление у папского правительства, но оно весьма основательно перенесло начало года на 1-е января. См. *l'Art de Verifier les Dates*, стр. 11 и *Dictionnaire Raison. de la Diplomatie*, ч. 2, стр. 25; эти два тщательно составленные трактата вышли из мастерской бенедиктинцев. (Не Константину, как кажется, следует приписывать введение индикта, который уже существовал до того времени, когда он был признан в Риме августом; доказательством этого служит тот факт, что он сложил его с города Отена. Он не решился бы вводить столь обременительный налог в то время, когда он был еще цезарем и старался приобрести народную любовь. И Аврелий Виктор, и Лактанций утверждают, что творцом этого деспотического учреждения был Диоклетиан. *Авр. Викт. de Caesar.*, гл. 39; Лактанций, *de Mort. Persec.*, гл. 7. — Гизо.) (О великодушном поступке Константина по отношению к городу Отену упоминает и Гиббон (гл. XIV, ч. 1, стр. 511). Он доказывает только то, что поголовный налог уже существовал в то время, но не доказывает, чтобы этот налог взыскивался в более систематической и более притеснительной форме индиктов. Эту форму придал ему Константин. В *l'Art de Verifier les Dates* введение индиктов отнесено к 313 г. по РХ, то есть к восьмому году царствования Константина. Клинтон с большей точностью относит его к 312 г. по РХ и присовокупляет, что «индикты не были в употреблении до царствования Константина». (*F. R. i*, стр. 364; ii, стр. 211). — *Издат.*)

¹⁷³ Первые двадцать восемь титулов одиннадцатой книги Кодекса Феодосия наполнены подробными постановлениями о важном предмете налогов, но они предполагают более точное знание их основных принципов, чем то, которое мы могли бы приобрести в настоящее время.

¹⁷⁴ Титул, в котором идет речь о декурионах (кн. 12, тит. 1), самый обширный по всем Кодексе Феодосия, так как в нем не менее ста девяноста двух отдельных законов, определяющих обязанности и привилегии этого полезного класса граждан. (На декурионах лежала обязанность распределять налоги между собственниками согласно с кадастром имений, который составляли *tabularii*. Эта ненавистная должность обязательно возлагалась в каждом городе на самых богатых граждан; они не получали никакого жалованья, и все их вознаграждение за этот труд заключалось в том, что они освобождались от некоторых телесных наказаний в тех случаях, когда их заслуживали. Исполнение обязанностей декурионов было раз-

орением для всех богатых людей; поэтому они старались избегать этого опасного отличия, скрывались или поступали на службу, но их усилия были тщетны: их ловили, заставляли вступать в звание декурионов и называли нечестием тот страх, который внушало им это название. — Гизо.) Следующее извлечение из замечаний Нибура об этом предмете сделает его понятным для нас. Диоклетиан придумал, а Константин дополнил систему индиктов. Доход с каждой провинции назначался целиком, и на нее налагалась уплата известной суммы, которая делилась на *capita*, или доли, а эти доли налагались произвольным образом иногда по несколько на одного человека, а иногда по одной на несколько лиц низшего разряда. Их распределение лежало на обязанности декурионов. С древнейших времен каждый латинский город имел совет из ста членов. Эти члены делились на десять декурий, откуда и произошло название декурионов, которые соответствуют нашим теперешним членам городских советов. Это было собрание обывателей, из которых каждый был представителем целого класса граждан, и все они составляли местную администрацию. Когда на них возлагалось распределение индиктов, они избирали для этого самых богатых людей, которые были лично ответственны за сбор денег. Если они не были в состоянии внести всего, что следовало, их подвергали пытке, а они в свою очередь могли употреблять такие же средства для вымогательства денег от плательщиков податей. Поэтому многие предпочитали быть проданными в рабство, чем принимать на себя такую должность. Строгие законы были изданы с целью принудить их не уклоняться от должности, и были определены все дозволенные случаи изъятий. Еще в третьем столетии бремя налогов начало возбуждать восстания, а впоследствии было причиной крестьянской войны багаудов, которая приводила в такое удальение французских антиквариев. Лекции Нибура о римской истории, ч. 1, стр. 120; ч. 3, стр. 301, 331 — *Издат.*)

175) *Habemus enim et hominum numerum qui delati sunt, et agrum modum.* Еммений in *Panegy. Uet.*, VIII, 6. См. Код. Феод., кн. 13, тит. 10, 11, с комментарием Годефруа.

176) *Siquis sacrilega vitem falce succiderit, aut feracium ramorum foetus hebetaverit, quo declinet fidem censuum, et mentiatu callide paupertatis ingenium, mox detectus capitale subibit exitium, et bona ejus in fisci jura migrabunt.* Код. Феод. кн. 13, тит. 11, зак. 1. Хотя в этом законе заметна намеренная неясность, он все-таки достаточно ясен, чтобы доказать строгость взысканий и чрезмерность наказаний.

177) Плиний перестал бы удивляться. *Equidem miror P. R. victis gentibus argentum semper imperitasse, non aurum.* *Ham. Ист.*, XXXIII, 15.

178) Эти продукты перевозились не на счет владельцев. В провинциях, лежавших у берега моря или вблизи от судоходных рек, были организованы компании лодочников и судохозяев, обязанных заниматься этой перевозкой и доставлять на свой счет нужные для этого средства. В вознаграждение за это они были или вполне или частично освобождены от индиктов и от других налогов. Они пользовались некоторыми привилегиями, которые вместе с их обязанностями были определены особыми уставами. (Код. Феод. кн. 13, тит. 5–9.) Перевозка сухим путем производилась таким же образом, через посредство привилегированной компании, называвшейся *Bastaga*; ее члены назывались *bastagarii*. Код. Феод., кн. 8, тит. 5. — Гизо.) (Слово *Bastaga* было латинизированной формой греческого *Bastalē* — ноша, происходящего от *bastadzein*, носить. Римляне впоследствии произвели отсюда *Basta* или *Bastum*, которое они употребляли вместо своего старинного слова *clitella*, или вьючное седло. — *Издат.*)

179) Были приняты некоторые меры предосторожности (см. Код. Феод., кн. 11, тит. 2 и Код. Юстин., кн. 10, тит. 27, зак. 1–3), чтобы удерживать чиновников от зло—

употребления их властью как при взыскании, так и при покупках хлеба, но тот, кто был достаточно образован, чтобы быть в состоянии читать речи Цицерона против Верреса (III, de Frumento), мог ознакомиться со всеми способами притеснений в весе, в цене, в достоинстве и перевозке продуктов. Во всяком случае, корыстолюбие необразованного губернатора могло восполнять его незнакомство с прежними приемами и с прежними примерами.

¹⁸⁰⁾ Код. Феод., кн. II, тит. 28, зак. 2, изданный 24 марта 395 г. по Р.Х. императором Гонорием только через два месяца после смерти его отца Феодосия. В этом законе говорится о пятистах двадцати восьми тысячах и сорока двух римских jugera, которые я перевел на английскую меру. Jugerum contained в себе двадцать восемь тысяч восемьсот римских квадратных футов.

¹⁸¹⁾ Годефруа (Код. Феод., ч. 6, стр. 166) рассуждает о поголовной подати с толком и знанием, но, объясняя слово caput как долю или мерку собственности, он слишком безусловно отвергает всякую мысль о личном податном обложении.

¹⁸²⁾ Quid profuerit (Iulianus) anhelantibus extrema penuria Gallis, hinc maxime claret, quod primitus partes eas ingressus, pro capitibus singulis tributo nomine vicens quinos aureos reperit flagitari; discedens vero septenos tantum munera universa complentes. Аммиан, кн. 16, гл. 5.

¹⁸³⁾ При определении каких-либо денежных ценностей в царствование Константина и его преемников нам достаточно сослаться на превосходный трактат Гривса о денарии, чтобы установить следующие руководящие правила: 1. Что римский фунт, и старый, и новый, содержит пять тысяч двести пятьдесят шесть гранов троянского веса и потому на одну двенадцатую легче английского фунта, в котором пять тысяч семьсот шестьдесят таких же гранов. 2. Что фунт золота когда-то делился на сорок восемь aurei, а в то время, о котором идет речь, из него вычеканивали семьдесят две монеты, которые были мельче, но носили то же название. 3. Что пять таких aurei имели легальную стоимость фунта серебра и что, стало быть, фунт золота разменивался на четырнадцать фунтов восемь унций серебра по римскому весу, или почти на тринадцать фунтов по английскому весу. 4. Что из английского фунта серебра вычеканивается шестьдесят два шиллинга. На основании этих данных мы можем определить римский фунт золота, служащий обычным мерилем для вычисления больших сумм, в 40 фунт. стерл. а цену aureus'a с небольшим в одиннадцать шиллингов.

184)

Geryones nos esse puta monstrumque tributum,

Hic capita ut vivam, tu mihi tolle tria.

Сидон. Апполинар., стих 13.

Репутация отца Сирмонда заставляла меня ожидать большего от его примечания (стр. 144) касательно этого замечательного места. Слова suo vel suorum nomine обнаруживают замешательство комментатора.

¹⁸⁵⁾ Хотя эта цифра и может показаться слишком высокой, она извлечена из подлинных списков лиц рождающихся, умирающих и брачующихся; эти списки составлены по распоряжению правительства и хранятся в Contrôle General в Париже. По отчетам за пять лет с 1770 по 1774 г. (с включением их обоих), во всем государстве ежегодно рождаются средним числом четыреста семьдесят девять тысяч шестьсот сорок девять мальчиков и четыреста сорок девять тысяч двести шестьдесят девять девочек, а всего девятьсот двадцать восемь тысяч девятьсот восемнадцать детей обоего пола. Одна французская провинция Геннегау дает девять тысяч девятьсот шесть новорожденных, а из народной переписи, ежегодно повторя-

шейся с 1773 по 1776 год, видно, что в Геннегау среднее число жителей двести пятьдесят семь тысяч девяносто семь. Отсюда мы можем заключить, что число ежегодных рождений обыкновенно относится ко всему населению, как один к двадцати шести и что население Французского королевства состоит из двадцати четырех миллионов ста пятидесяти одной тысячи восьмисот шестидесяти восьми человек обоего пола и всякого возраста. Если же мы ограничимся более умеренной пропорцией одного к двадцати пяти, то вся масса населения будет состоять из двадцати трех миллионов двухсот двадцати двух тысяч девятисот пятидесяти человек. Благодаря тщательным исследованиям французского правительства (которым и мы должны бы были подражать), мы можем надеяться на приобретение еще более точных сведений об этом важном предмете.

¹⁸⁶ Код. Феод., кн. 5; тит. 9–11. Код. Юстин., кн. 11, тит. 53. *Coloni appellantur, qui conditionem debent genitai solo, propter agriculturam sub dominio possessorum.* Августин, *de Civitate Dei*, кн. 10, гл. 1.

¹⁸⁷ Древняя юрисдикция столицы здует Отена (*Augustodunum*) в Бургундии обнимала соседнюю территорию Неверса (*Noviodunum*). См. Анвилля *Notice de l'Ancienne Gaule*, стр. 491. Епископство Отенское состоит теперь из шестисот десяти приходов, а Неверское из ста шестидесяти. Если мы возьмем списки рождений за одиннадцать лет в четырехстах семидесяти шести приходах той же провинции Бургундии и умножим число рождений по умеренной пропорции одного к двадцати пяти (см. Мессанса *Recherches sur la Population*, стр. 142), то мы найдем среднюю цифру населения каждого прихода в шестьсот шестьдесят шесть человек; если же мы снова умножим это число на семьсот семьдесят приходов Неверского и Отенского епископств, то мы получим сумму пятисот пяти тысяч ста двадцати человек для всей страны, которой когда-то владели здуй.

¹⁸⁸ Мы можем к этому прибавить триста одну тысячу семьсот пятьдесят жителей в епископствах Шалонском (*Cabillonum*) и Масонском (*Matisco*), так как в первом из них было двести приходов, а во втором двести шестьдесят. Эта прибавка территории оправдывается следующими весьма правдоподобными соображениями. 1. Шалон и Масон, без сомнения, первоначально принадлежали к юрисдикции здует. См. Анвилля *Notice*, стр. 187–443. 2. В *Notitia* Галлии они называются не *Civitates*, а просто *Castra*. 3. Они, как кажется, не были местопребываниями епископов до пятого или шестого столетия. Однако у Евмения (*Panegy. Vet.*, VIII, 7) есть одно место, которое решительно не позволяет мне допустить, чтобы в царствование Константина территория здует пролегла по красивым берегам судоходной Саоны.

¹⁸⁹ Евмений in *Panegy. Vet.*, VIII, 11.

¹⁹⁰ Аббат дю-Бо, *Hist. Critique de la Monarchie Francaise*, ч. 1, стр. 121.

¹⁹¹ См. Код. Феод., кн., 13, тит. 1 и 4.

¹⁹² Император Феодосий отказался в изданном им законе от этой постыдной отрасли дохода (Годефруа ad *Cod. Theod.*, кн. 13, тит. 1), но прежде чем это сделать, он обеспечил для себя пополнение этого дефицита. Один богатый патриций, по имени Флорентий, возмущенный законным разрешением такого промысла, обратился с представлениями к императору и, чтобы склонить его к отмене такого разрешения, предложил ему свои собственные поместья в возмещение убыли доходов. Император имел низость принять его предложение. — Гизо.

¹⁹³ Зосим, кн. 2, стр. 115. В жалобах Зосима, как кажется, было столько же раздражительности и предубеждения, столько в тщательно обработанной защите Константина усердным доктором Говеллем. *History of the World*, ч. 2 стр. 20.

¹⁹⁴⁾ Код. Феод., кн. 11, тит. 7, зак. 3.

¹⁹⁵⁾ Этот обычай был более древен; римляне заимствовали его из Греции. Кому не знакома знаменитая речь Демосфена по поводу золотого венка, который ему хотели поднести его сограждане, которого хотел его лишить Эсхин? — Гизо.

¹⁹⁶⁾ См. Липсия de Magnitud. Romana, кн. 2, гл. 9. Испанская провинция Таррагона поднесла императору Клавдию золотой венок весом в семьсот фунтов, а Галлия поднесла ему другой венок в девятьсот фунтов. Я здесь придерживался основательной поправки Липсия.

¹⁹⁷⁾ Код. Феод. кн. 12, тит. 13. Сенаторы считались освобожденными от взноса Aurum Coronarium, но Auri Oblatio, которое от них требовалось, было совершенно такого же рода.

¹⁹⁸⁾ Великий Феодосий в своих разумных советах сыну (Клавдиан in 4 consulatu Honorii, 214 и сл.) определяет различие между положением римского монарха и положением парфянского. Одному была необходима добродетель, а другому было достаточно его происхождения.

ГЛАВА XVIII

Характер Константина. - Война с готами. -

Смерть Константина. - Разделение империи между его тремя сыновьями. - Персидская война.

- Трагическая смерть Константина Младшего и Константа. - Узурпация Магненция. -

Междоусобная война. - Победа Констанция

Характер государя, переместившего столицу империи и внесшего столь важные изменения в гражданские и религиозные учреждения своей страны, обратил на себя общее внимание и вызвал самые противоположные отзывы. Признательное усердие христиан украсило освободителя церкви всеми атрибутами героя и даже святого, тогда как ненависть побежденной партии сравнивала его с самыми отвратительными из тех тиранов, которые бесчестили императорское звание своими пороками и слабостями. Такое же пристрастие в суждениях сохранилось в некоторой степени у следующих поколений, так что даже в наше время личность Константина служит предметом или сатиры, или панегириков. Мы постараемся беспристрастно указать и те недостатки, которые находят в нем даже самые горячие из его почитателей, и те добродетели, которые признают в нем даже самые непримиримые его враги; тогда нам, может быть, удастся нарисовать такой верный портрет этого необыкновенного человека, который мог бы быть одобрен не краснея беспристрастной и правдивой историей¹⁾. Но с первого же шага нам становится ясно, что тщетная попытка сочетать столь несходные между собою черты и согласить столь несовместимые одно с другим свойства должна создать скорее чудовищный, нежели человеческий образ, если мы не выставим его в надлежащем свете посредством тщательного разъединения различных периодов царствования Константина.

Природа украсила самыми лучшими своими дарами и наружность, и ум Константина. Он был высок ростом, его осанка была величественна, его манеры были изящны, его сила и ловкость обнаруживались во всех физических упражнениях, и с самой ранней молодости до самого преклонного возраста он сохранил крепость своего сложения тем, что строго держался добродетелей семейной жизни - целомудрия и воз-

держанности. Он находил удовольствие в интимной беседе, и, хотя он иногда увлекался своей склонностью к насмешкам, забывая, что при его высоком положении необходимо быть сдержанным, тем не менее вежливость и любезность его обхождения располагали в его пользу всех, кто имел к нему доступ. Его обвиняли в том, что в его дружбе не было искренности, однако в некоторых случаях он доказал, что был способен к горячей и прочной привязанности. Его недостаточное образование не мешало ему понимать всю цену знания, и его щедрое покровительство не оставляло без поощрений ни искусств, ни наук. В деловых занятиях его деятельность была неутомима, и он почти непрерывно упражнял активные способности своего ума чтением, письмом, размышлением, аудиенциями, которые давал послам, и рассмотрением жалоб своих подданных. Даже те, которые порицали его распоряжения, были вынуждены сознаться, что он имел достаточно умственного величия, чтобы замышлять самые трудные предприятия, и достаточно терпения, чтобы приводить их в исполнение, не останавливаясь ни перед предрассудками, внушенными ему воспитанием, ни перед криками толпы. На поле сражения он умел сообщать свою собственную неустрашимость войскам, которыми он командовал с искусством самого опытного полководца, и скорей его дарованиям, чем его счастью, должны мы приписывать славные победы, одержанные им над внешними и внутренними врагами республики. Он любил в славе награду и, может быть, мотив понесенных им трудов. Безграничное честолюбие, которое, с момента принятия им императорского звания в Йорке, по-видимому, было господствующей страстью его души, может быть оправдано и опасностями его собственного положения, и характером его соперников, и сознанием своих превосходств, и надеждой, что успех даст ему возможность восстановить спокойствие и порядок в расшатанной империи. Во время своих войн с Максенцием и Лицинием он умел расположить в свою пользу народ, сравнивавший наглые пороки этих тиранов с благоразумием и справедливостью, которые, по-видимому, руководили управлением Константина²⁾. Такое или почти такое понятие составило бы себе потомство о характере Константина, если бы он пал на берегах Тибра или даже позднее, в равнинах близ Адрианополя. Но остальные годы его царствования (по умеренному и поистине снисходительному приговору одного писателя того же века) низвели его с того высокого положения, которое он

мог бы занимать наряду с самыми лучшими римскими монархами³). В жизни Августа мы видим тирана республики, почти незаметным образом мало-помалу превращающегося в отца своего отечества и всего человеческого рода. А в жизни Константина мы видим героя, который в течение долгого времени внушал своим подданным любовь, а своим врагам страх, но затем превратился в жестокосердного деспота, или развратившегося вследствие избытка счастья, или полагавшего, что его величие освобождает его от необходимости лицемерить. Всеобщий мир, который он поддерживал в последние четырнадцать лет своего царствования, был периодом скорее наружного блеска, чем действительного благосостояния, а его старость была опозорена двумя пороками, которые хотя и противоположны один другому, но совместимы один с другим - жадностью и расточительностью. Огромные сокровища, найденные в дворцах Максенция и Лициния, были израсходованы с безрассудной нерасчетливостью; различные нововведения, придуманные завоевателем, сопровождались увеличением расходов; новые постройки, содержание двора и празднества безотлагательно требовали огромных денежных средств, а угнетение народа было единственным фондом, из которого могла питаться императорская роскошь⁴). Недостойные любимцы Константина, обогатившиеся безграничной щедростью своего повелителя, безнаказанно присваивали себе право грабить и развращать граждан⁵). Во всех сферах общественного управления чувствовался незаметный, но всеобщий распад, и, хотя сам император все еще находил в своих подданных готовность к повиновению, он мало-помалу утрачивал их уважение. Одежда и манера себя держать, усвоенные им в конце его жизни, только унижали его в глазах каждого. Азиатская пышность, усвоенная гордостью Диоклетиана, приобрела в лице Константина отпечаток мягкости и изнеженности. Его изображают с фальшивыми волосами различных цветов, тщательно причесанными каким-нибудь искусным парикмахером того времени; на нем диадема нового и дорогого фасона, множество драгоценных камней и жемчуга, ожерельев и браслетов и длинное пестрое шелковое одеяние, искусно вышитое золотыми цветами. Под таким нарядом, который едва ли можно было извинить молодостью и безрассудством Гелиогабала, мы напрасно стали бы искать мудрости, приличной престарелому монарху, и простоты, приличной римскому ветерану⁶).

Его душа, расслабившаяся от избытка счастья и от потворства, была неспособна возвышаться до того великодушия, которое гнушается подозрениями и осмеливается прощать. Казнь Максимиана и Лициния, пожалуй, можно оправдывать теми политическими принципами, которым учат в школах тиранов; но беспристрастное повествование о казнях или, скорее, об убийствах, запятнавших последние годы Константина, даст читателю понятие о таком монархе, который для удовлетворения своих страстей и своих интересов охотно приносил им в жертву и законы справедливости, и чувства, внушаемые природой.

Такое же счастье, какое не изменяло Константину в его военных предприятиях, по-видимому, обеспечивало будущность его рода и осыпало его всеми радостями семейной жизни. Те из его предшественников, которые наслаждались самым продолжительным и благополучным царствованием, - Август, Траян и Диоклетиан, - не оставили после себя потомства, а частые перевороты не дали ни одному императорскому семейству достаточно времени, чтобы успеть разрастись и умножиться под сенью престола. Но царственный род Флавиев, впервые облагороженный Клавдием Готским, поддерживался в течение нескольких поколений, и сам Константин унаследовал от своего отца те царственные отличия, которые он оставил своим детям. Император был женат два раза. Минервина - незнатный, но законный предмет его юношеской привязанности⁷⁾ - оставила ему только одного сына, по имени Крисп. От дочери Максимиана Фаусты у него было три дочери и три сына, известных под однородными именами Константина, Констанция и Константа. Лишенным честолюбия братьям Константина Великого Юлию Констанцию, Далмацию и Аннибалиану⁸⁾ было дозволено пользоваться самым почетным рангом и самым огромным состоянием, какие только совместимы с положением частных людей. Младший из трех братьев жил в неизвестности и умер, не оставив потомства. Его старшие братья женились на дочерях богатых сенаторов и расплодили новые отрасли императорского дома. Галл и Юлиан сделались впоследствии самыми знаменитыми из детей Юлия Констанция *патриция*. Два сына Далмация, украшенного пустым титулом *цензора*, назывались Далмацием и Аннибалианом. Две сестры Константина Великого Анастасия и Евтропия были замужем за Оптатом и Непоцианом - двумя сенаторами знатного происхождения и консульского звания. Его третья сестра Кон-

станция отличалась от остальных блеском своего положения и постигшими ее впоследствии несчастьями. Она оставалась вдовой побежденного Лициния, от которого имела одного сына; благодаря ее мольбам этот невинный ребенок сохранил на некоторое время жизнь, титул цезаря и сомнительную надежду наследовать императорский престол. Кроме этих женщин и дальних родственников рода Флавиев было еще десять или двенадцать лиц мужского пола, которых по принятому при новейших дворах способу выражения можно бы назвать принцами крови и которые были, по-видимому, предназначены, по порядку своего рождения, наследовать или поддерживать трон Константина. Но менее чем через тридцать лет от этого многочисленного и постоянно увеличивавшегося семейства остались только Констанций и Юлиан, пережившие ряд таких же преступлений и бедствий, какие оплакивали трагические поэты, говоря о потомках Пелопса и Кадма.

О старшем сыне Константина и наследнике престола Криспе беспристрастные историки отзываются как о прекрасном и благовоспитанном юноше. Забота о его воспитании или, по меньшей мере, о его серьезных занятиях была возложена на самого красноречивого из христиан Лактанция; это был наставник, обладавший всеми качествами, какие были необходимы, чтобы образовать вкус и развить склонность к добродетели в его высокопоставленном ученике⁹⁾. Когда Криспу было семнадцать лет, ему дан был титул цезаря и было поручено управление галльскими провинциями, где вторжения германцев доставляли ему случай с ранних пор выказать свои воинские дарования. Во время вспыхнувшей вскоре вслед за тем междоусобной войны отец и сын разделили между собою главное начальство над военными силами, и мы уже имели случай говорить о том, с каким мужеством и искусством Крисп проник в Геллеспонт, упорно защищаемый более сильным флотом Лициния. Эта морская победа способствовала успешному окончанию войны; тогда имена Константина и Криспа соединялись вместе в радостных возгласах их восточных подданных, которые громко утверждали, что весь мир был покорен и теперь управляется императором, одаренным всеми достоинствами, и его знаменитым сыном - любимцем небес и живым олицетворением совершенств своего отца. Общая любовь, редко сопутствующая преклонным летам, разливала свой блеск на юность Криспа. Он умел заслужить уважение и снискать привязанность двора, армии и народа. Подданные неохотно признают

доказанные на опыте достоинства царствующего монарха и нередко отвечают на похвалы пристрастным ропотом неудовольствия, тогда как на зарождающихся достоинствах его будущего преемника они охотно основывают самые безграничные надежды и на свое личное, и на общественное благосостояние¹⁰⁾.

Эта опасная популярность скоро обратила на себя внимание Константина, который и как отец, и как император не терпел себе равных. Вместо того чтобы постараться привязать к себе сына благородными узами доверия и признательности, он решился предотвратить раздоры, к которым могло привести неудовлетворенное честолюбие Криспа. Этот последний скоро стал не без основания жаловаться, что управление отведенными ему в удел галльскими провинциями¹¹⁾ возложено на его малолетнего брата с титулом цезаря, тогда как он сам, уже достигший зрелого возраста и так еще недавно отличившийся важными заслугами, вместо того, чтобы получить высший ранг августа, жил как пленник при дворе своего отца, не имея даже возможности защищаться от клевет, которыми стараются его чернить недоброжелатели. В таких трудных обстоятельствах царственный юноша, вероятно, не всегда умел быть сдержанным в своем поведении и подавлять в себе чувство неудовольствия, и едва ли можно сомневаться в том, что он был окружен нескромными или вероломными царедворцами, старательно разжигавшими в нем пыл раздражения, а может быть, даже нарочно к нему представленными для того, чтобы следить за ним. В изданном около того времени эдикте Константина явно высказываются его действительные или притворные подозрения, что существует тайный заговор против его особы и его управления. Обещанием отличий и наград он поощряет доносчиков всех разрядов взводить обвинения на всех без исключения его чиновников и министров, его друзей и самых близких любимцев, клятвенно уверяет, что он сам будет выслушивать обвинения и сам мстить за обиды, и кончает обнаруживающей его опасения мольбой, чтобы Верховное Провидение не переставало охранять безопасность императора и империи¹²⁾.

Доносчики, отзывавшиеся на столь любезное приглашение, были достаточно хорошо знакомы с дворцовыми интригами, чтобы направить свои обвинения на друзей и приверженцев Криспа, а император в точности сдержал свое обещание отомстить и наказать. Впрочем, Константин из политических

расчетов не переставал выказывать прежнее уважение и доверие к сыну, которого он в ту пору уже стал считать самым непримиримым своим врагом. Были выбиты медали с обычными пожеланиями долгого и счастливого царствования юному цезарю¹³⁾, а так как не посвященный в дворцовые тайны народ не переставал восхищаться его личными достоинствами и уважать его высокое звание, то один изгнанный поэт, прося о своем возвращении из ссылки, взывал с одинаковым благоговением и к величию отца, и к величию сына¹⁴⁾. Между тем настало время для торжественных празднеств по случаю вступления Константина в двадцатый год своего царствования, и по этому случаю император переехал со всем двором из Никомедии в Рим, где были сделаны самые роскошные приготовления для его встречи. Глаза и уста каждого старались выражать общее счастье, и под покровом происходившей церемонии и притворства были на время скрыты самые мрачные замыслы мщения и убийства¹⁵⁾. Среди празднеств злосчастный Крисп был арестован по приказанию императора, который в этом случае заглушил в себе чувство отцовской привязанности, но не проникся приличным судье чувством справедливости. Допрос был непродолжителен и производился втайне¹⁶⁾, а так как было признано уместным скрыть казнь молодого принца от глаз римского населения, то он был препровожден под сильным конвоем в город Полу, в Истрию, где вскоре вслед за тем был лишен жизни или рукою палача, или более мягким способом отравления¹⁷⁾. Цезарь Лициний - юноша с симпатичным характером - был вовлечен в гибель Криспа¹⁸⁾, и непреклонная недоверчивость Константина не тронулась ни мольбами, ни слезами его любимой сестры, просившей о помиловании сына, вся вина которого заключалась в его высоком происхождении; она не долго пережила эту потерю. История этих несчастных принцев, свойство и доказательства их вины, формы их суда и подробности их смерти - все это было покрыто таинственным мраком, а лживый епископ, превозносивший в тщательно обработанном сочинении добродетели и благочестие своего героя, хранит благоразумное молчание об этих трагических событиях¹⁹⁾. Это высокомерное презрение к мнению человеческого рода налагает неизгладимое пятно на имя Константина и вместе с тем напоминает нам, что один из величайших монархов нашего времени поступил в подобном случае совершенно иначе. Царь Петр, при своем неограниченном самовластии, предоставил на суд России,

Европы и потомства мотивы, заставившие его утвердить обвинительный приговор над преступным или, по меньшей мере, недостойным сыном²⁰⁾.

Убеждение в невинности Криспа было до такой степени всеобщим, что новейшие греки, чтя память Константина, вынуждены смягчать преступность совершенного им убийства, так как оправдывать его им не позволяют природные человеческие чувства. Они утверждают, что лишь только огорченный отец убедился, что он был вовлечен в заблуждение ложным обвинением, он тотчас поведал миру о своем раскаянии и угрызениях совести, облекся в сорокадневный траур, в течение которого отказывался от пользования банными и от всяких удобств обыденной жизни, а для назидания потомства воздвиг в честь Криспа золотую статую со следующей достопамятной надписью: «Моему сыну, которого я несправедливо осудил»²¹⁾. Столь нравственная и столь интересная история заслуживает того, чтобы ее подтвердили более веские авторитеты, но если мы обратимся за сведениями к самым древним и самым правдивым писателям, мы узнаем от них, что раскаяние Константина выразилось лишь в пролитии крови и мщении и что он искупил умерщвление невинного сына казнью жены, которая, быть может, была действительно виновна. Они приписывают гибель Криспа коварству его мачехи Фаусты, которая из непримиримой ненависти или вследствие отвергнутой любви возобновила во дворце Константина древнюю трагическую историю Ипполита и Федры²²⁾. Подобно дочери Миноса, дочь Максимиана обвинила своего пасынка в покушении на целомудрие жены его отца и без большого труда добилась от ревнивого императора смертного приговора против молодого принца, в котором она не без основания видела самого опасного соперника ее собственных детей. Но престарелая мать Константина Елена была глубоко огорчена преждевременной смертью своего внука Криспа и отомстила за нее; скоро было сделано действительное или мнимое открытие, что сама Фауста находилась в преступной связи с одним рабом, состоявшим при императорской конюшне²³⁾. Ее смертный приговор и казнь состоялись немедленно вслед за ее обвинением: она задохнулась от жара в бане, нарочно с этой целью растопленной до того, что в ней не было возможности дышать²⁴⁾. Иные, быть может, найдут, что воспоминание о двадцатилетней супружеской привязанности и честь их общих детей - наследников престола должны бы были смягчить суровость Константина и

заставить его ограничиться заключением преступной жены в тюрьму, как бы ни казалась тяжелой ее вина. Но мы считаем неуместным взвешивать мотивы этого странного факта, так как он сопровождался такими сомнительными и сбивчивыми подробностями, которые заставляют нас сомневаться в его достоверности. И те писатели, которые нападали на Константина, и те, которые его защищали, оставили без внимания два замечательных места в двух речах, произнесенных в царствование его преемника. В первом из них восхваляются добродетели, красота и счастье императрицы Фаусты - дочери, супруги, сестры и матери стольких монархов²⁵⁾; а во втором положительно говорится, что мать младшего Константина, убитого через три года после смерти его отца, оставалась в живых для того, чтобы оплакивать смерть своего сына²⁶⁾. Несмотря на положительные свидетельства нескольких писателей, как языческих, так и христианских, все еще остается некоторое основание думать или, по меньшей мере, подозревать, что Фауста спаслась от неразборчивого и недоверчивого жестокосердия своего супруга. Тем не менее вполне достаточно казни сына и племянника вместе с множеством их достойных и, может быть, невинных друзей²⁷⁾ для того, чтобы оправдать неудовольствие римского народа и сатирические стихи, которые были прибиты к дворцовым воротам и в которых сравнивались между собою блестящие и кровавые царствования Константина и Нерона²⁸⁾.

Со смертью Криспа наследственное право на императорский престол, по-видимому, переходило к трем уже упомянутым нами сыновьям Фаусты - Константину, Констанцию и Константу. Эти молодые принцы были возведены один вслед за другим в звание цезарей, и годы их возвышения совпадают с десятым, двадцатым и тридцатым годами царствования их отца²⁹⁾. Хотя этот образ действий и увеличивал число будущих владык римского мира, ему может служить оправданием пристрастие отцовской привязанности; но нам нелегко понять мотивы императора, когда он рисковал снокойствием и своего семейства, и своего народа, возвышая без всякой надобности двух своих племянников Далмация и Аннибалиана. Первый был поставлен на равную ногу со своими двоюродными братьями, благодаря полученному им титулу цезаря, а в пользу второго Константин придумал новое и странное название *Nobilissimus*³⁰⁾, к которому присовокупил лестное право носить одеяние пурпурового цвета с золотом. Но ни в каком веке Римской империи не было ни одного принца им-

ператорского дома, который был бы отличен, подобно Аннибалиану, титулом царя, - тем титулом, который даже в глазах подданных Тиберия был бы ненавистен, как нечестивое и жестокое оскорбление, нанесенное им прихотью тирана. Употребление этого титула даже в царствование Константина представляется странным и изолированным фактом, который кажется невероятным, несмотря на совокупное свидетельство императорских медалей и современных писателей³¹⁾.

Вся империя была сильно заинтересована тем, какое будет дано воспитание этим пяти юношам, признанным преемниками Константина. Телесные упражнения готовили их к трудностям войны и к обязанностям деятельной жизни. Те писатели, которым приходилось упоминать о воспитании и дарованиях Констанция, говорят, что он отличался ловкостью в гимнастических упражнениях, что он ловко прыгал и шибко бегал, что он был искусным стрелком из лука, хорошим кавалеристом и отлично владел всякого рода оружием, какое только употреблялось кавалерией и пехотой³²⁾. С таким же тщанием, хотя, быть может, не с таким же успехом старались развивать способности прочих сыновей и племянников Константина³³⁾. Самые знаменитые наставники в христианской вере, в греческой философии и в римской юриспруденции были приглашены щедрым императором, который взял на самого себя важную задачу познакомить царственных юношей с искусством знать людей и управлять ими. Но гений самого Константина развился несчастьями и опытом. В то время, когда он жил частным человеком, и потом, когда он был окружен опасностями при дворе Галерия, он научился владеть своими собственными страстями, бороться с страстями себе равных и полагаться в заботах о своей безопасности и своем будущем величии только на благоразумие и твердость своего собственного поведения. На стороне его предназначенных преемников была та невыгода, что они родились и воспитывались в императорской багрянице. Постоянно окруженные толпою льстецов, они провели свою молодость в наслаждениях роскошью и в ожидании престола; да и достоинство их звания не позволяло им спускаться с той высоты, с которой разнообразные черты человеческой натуры кажутся бесцветными и однообразными. Снисходительный Константин допускал их, с самого раннего возраста, к участию в управлении империей, и они изучали искусство царствовать на счет тех народов, которые были

вверяемы их попечению. Младшему Константину была дана в управление Галлия, а его брат Констанций променял этот старинный удел своего отца на более богатые, но менее воинственные восточные провинции. Италия, западная Иллирия и Африка приучились чтить представителя Константина Великого в лице его третьего сына Константа. Константин поручил Далмацию провинции, граничившие с готскими поселениями, и присоединил к ним Фракию, Македонию и Грецию. Город Кесария был назначен резиденцией для Аннибалиана, а провинции Понт, Каппадокия и малая Армения вошли в состав его нового королевства. Каждому из этих принцев было назначено приличное содержание. Для поддержания их достоинства и для защиты их владений им было дано надлежащее количество гвардейцев, легионов и вспомогательных войск. Константин приставил к ним таких министров и генералов, которые были способны руководить ими в пользовании вверенною им властью и даже наблюдать за ними. По мере того как они становились старше и опытней, пределы их власти мало-помалу расширялись, но император всегда предоставлял одному себе титул августа, и в то время как он показывал цезарей армиям и провинциям, он удерживал все части империи в одинаковом подчинении их верховному повелителю³⁴). Спокойствие последних четырнадцати лет его царствования было лишь слегка нарушено ничтожным восстанием одного погонщика верблюдов на острове Кипр³⁵) и войнами, которые Константин вел из политических расчетов против готов и сарматов.

Между разнообразными отраслями человеческого рода сарматы выделяются тем, что с нравами азиатских варваров соединяют наружность и телосложение древних обитателей Европы. Сообразно с различными случайностями мира или войны, союзов или завоеваний сарматы иногда теснились на берегах Танаиса, а иногда разливались по огромным равнинам, расстилающимся между Вислой и Волгой³⁶). Их бродяжнические передвижения вызывались заботой об их многочисленных стадах, страстью к охоте и склонностью к войне или, скорее, к грабежу. Передвижные лагеря или города, служившие обычным местопребыванием для их жен и детей, состояли из огромных повозок, которые, перевозились с одного места на другое быками и были крытые в форме палаток. Военные силы нации состояли из кавалерии, а привычка их воинов держать в поводу одну или двух запасных лошадей давала им возможность и наступать, и отступать с такой

быстротой, что они могли нападать врасплох на отдаленные от них местности и легко уклоняться от преследований неприятеля³⁷⁾. Их грубая промышленность восполняла недостаток в железе тем, что придумала особый род кирасы, способной защитить от ударов и меча, и дротика: она делалась из одних лошадиных копыт, разрезанных на тонкие и гладкие ломтики, которые клались один на другой, как рыба чешуя или как птичьи перья, и крепко нашивались на нижнее платье, сделанное из грубой материи³⁸⁾. Орудиями для нападения сарматам служили коротенькие мечи, длинные копья и тяжелые луки с наполненным стрелами колчаном. Необходимость заставила их делать острее их оружия из рыбьих костей, но привычка обмакивать это острое в ядовитую жидкость, отравлявшую нанесенные неприятелю раны, уже сама по себе служит достаточным доказательством дикости их нравов, так как народ, доступный для чувства человеколюбия, смотрел бы на такое жестокое обыкновение с отвращением, а народ опытный в военном деле относился бы с пренебрежением к этому бесполезному средству³⁹⁾. Всякий раз, как эти варвары выходили из своих степей за добычей, их косматые бороды, их взъерошенные волосы, покрывавшие их с головы до ног меха и их свирепый вид, как будто выражавший их врожденное жестокосердие, внушали цивилизованным обитателям римских провинций отвращение и ужас.

Нежный Овидий, прошедший свою молодость в наслаждениях славой и роскошью, был приговорен к безвыходной ссылке на холодные берега Дуная; там он жил почти беззащитным от ярости этих степных чудовищ и боялся, что на том свете его кроткая тень смешается с их свирепыми душами. В своих трогательных, но иногда малодушных, жалобах⁴⁰⁾ он описывает самыми живыми красками одежду и нравы, оружие и нашествия готов и сарматов, соединявшихся вместе для грабежа, а исторические повествования дают нам некоторое основание думать, что эти сарматы были язиги - одно из самых многочисленных и самых воинственных племен этой нации. Приманка изобилия съестных припасов побудила их искать постоянных поселений на границах империи. Вскоре после царствования Августа они заставили живших рыбной ловлей на берегах Тиссы или Тибиска даков удалиться в гористую местность и уступить победоносным сарматам плодородные равнины Верхней Венгрии, которые окаймляются течением Дуная и полукруглой линией Карпатских гор⁴¹⁾. В этой выгодной позиции они или выжидали

удобный момент для нападений, когда были раздражены какой-нибудь обидой, или приостанавливали свои набеги, когда были удовлетворены подарками; они мало-помалу научились употреблять в дело более опасное оружие и, хотя они не прославили своего имени никакими достопамятными подвигами, они при случае помогали своим восточным и западным соседям готам и германцам сильным отрядом кавалерии. Они подчинялись смешанной аристократии своих вождей⁴²⁾, но после того как они приняли в свою среду вандалов, отступавших перед готским нашествием, они, как кажется, избрали короля, который принадлежал к этой нации и был из знаменитого рода Астингов, живших прежде того на берегах Северного океана⁴³⁾.

Эти мотивы вражды, должно быть, раздули те поводы для взаимных столкновений, которые постоянно возникают на границах воинственных и независимых народов. Вандальские князья были возбуждены чувством страха и жадной мщенья; готские короли стремились к расширению своих владений от Эвксинского моря до границ Германии, и воды Мароса - небольшой речки, впадающей в Тиссу, - окрасились кровью борющихся между собою варваров. Узнавши на опыте, что противники превосходят их и силами, и числом, сарматы стали просить покровительства у римского монарха, который с удовольствием смотрел на раздоры между варварами, но был основательно встревожен военными успехами готов. Лишь только Константин принял сторону самого слабого из двух противников, высокомерный готский король Аларих, не дожидаясь нападения со стороны легионов, смело перешел через Дунай и распространил ужас и разорение по всей Мезии. Чтобы остановить это опустошительное нашествие, престарелый император сам выступил в поход, но в этом случае его искусство или его счастье не соответствовало той славе, которую он стяжал в стольких внешних и внутренних войнах. Он со скорбью в сердце видел, как его войска обратились в бегство перед незначительным отрядом варваров, которые преследовали их до самого входа в их укрепленный лагерь и заставили его самого искать безопасности в поспешном и постыдном отступлении. Исход второго, более удачного сражения восстановил честь римского имени, и, после упорной борьбы, искусство и дисциплина одержали верх над усилиями беспорядочной отваги. Разбитая готская армия отступила с поля сражения, покинула опустошенную провинцию и отказалась от намерения перейти через Дунай. Хотя в

этот день старший сын Константина заступал место своего отца, эта распространившая общую радость победа приписывалась благотворным советам самого императора.

Он по меньшей мере умел воспользоваться своим успехом и завел мирные переговоры со свободными и воинственными жителями Херсонеса⁴⁴⁾, столица которых, находившаяся на западном берегу Таврического, или Крымского, полуострова, еще сохранила некоторые внешние признаки греческой колонии и управлялась несменяемым сановником при помощи совета из сенаторов, носивших высокопарное название отцов города. Население Херсонеса было раздражено против готы воспоминаниями о войнах, которые оно выдерживало в предшествовавшем столетии с неравными силами против вторгавшегося в их территорию врага. Их привязывали к римлянам взаимные торговые выгоды, так как они получали из азиатских провинций хлеб и мануфактурные произведения и уплачивали за них продуктами своей собственной почвы - солью, воском и кожами. Повинуясь требованию Константина, они собрали под предводительством одного из своих должностных лиц Диогена значительную армию, главная сила которой состояла из самострелов и военных повозок. Их быстрое движение и смелое нападение отвлекли внимание готы и тем помогли военным действиям императорских генералов. Побежденные со всех сторон готы были оттеснены в горы и там, в течение этой неудачной для них войны, погибли от холода и голода, как полагают, в числе более ста тысяч человек. Своими униженными мольбами они наконец добились мира; Аларих отдал своего старшего сына, как самый ценный залог, какой он только мог предложить, а Константин постарался - при помощи щедрой раздачи отличий и наград - убедить готских вождей, что выгоднее быть другом римлян, нежели быть их врагом. В выражениях своей признательности к верным херсонесцам император выказал еще более щедрости. Гордость этой нации была польщена великолепными и почти царскими украшениями, которые он дал право носить ее главному сановнику и его преемникам. Ее торговые суда были навсегда освобождены от всяких пошлин при входе в порты Черного моря. Ей была обещана постоянная субсидия железом, зерновым хлебом, оливковым маслом и разными продуктами, которые могли быть ей полезны и в мирное, и в военное время. Но сарматы считались достаточно вознагражденными тем, что они были спасены от неизбежной гибели; император даже выказал, быть может,

слишком строгую бережливость, вычтя некоторую часть военных расходов из обычных денежных наград, выдававшихся этой беспокойной нации.

Раздраженные таким пренебрежением сарматы, со свойственным варварам легкомыслием, скоро позабыли и об услугах, которые были так еще недавно оказаны им, и об опасностях, которые все еще грозили их независимости. Их вторжения на территорию империи заставили раздраженного Константина предоставить их собственной судьбе и не мешать честолюбивым замыслам Гебериха - знаменитого воина, только что возведенного на готский престол. Вандальский король Визумар без всякой посторонней помощи защищал свои владения с непреклонным мужеством, но был побежден и убит в решительном сражении, в котором погиб цвет сарматской молодежи. Оставшиеся в живых вандалы прибегнули к отчаянному средству: они вооружили своих рабов, принадлежавших к бесстрашной расе охотников и пастухов, и при помощи этого недисциплинированного сброда отомстили за свое поражение и выгнали врага из пределов своей территории. Но они скоро убедились, что променяли внешнего врага на внутреннего, более опасного и более непримиримого. Негодуя при мысли о своей прежней зависимости и гордясь только что приобретенной ими славой, рабы заявили притязание на господство над страной, которую они спасли, и под именем *Limigantes* утвердили над ней свою власть. Их владельцы, не будучи в состоянии сдерживать ярость необузданной черни, предпочли горечь изгнания тирании своих рабов. Некоторые из сарматских выходцев искали менее позорной зависимости под вражеским знаменем готов. Более многочисленные их отряды перешли на ту сторону Карпатских гор к своим германским союзникам квадам и были охотно допущены к пользованию избытком неводеланных земель. Но гораздо большая часть этих несчастных обратила свои взоры на плодородные римские провинции. Они стали молить императора о покровительстве и о забвении прошлого и торжественно клялись, что как подданные в мирное время и как солдаты во время войны они будут самыми верными слугами империи, если она согласится принять их в свое лоно. Согласно с принципами, которые были приняты в руководство Пробом и его преемниками, предложения этой колонии варваров были охотно приняты, и немедленно было отведено в Паннии, Фракии, Македонии

и Италии достаточное количество земель для поселения и пропитания трехсот тысяч сарматов⁴⁵⁾.

Наказав гордых готов и приняв изъявления покорности от народа, просившего его покровительства, Константин поддержал достоинство Римской империи, а послы из Эфиопии, Персии и самых отдаленных частей Индии поздравляли его с спокойствием и благополучием его царствования⁴⁶⁾. Действительно, если он причислял к дарам фортуны смерть своего старшего сына, своего племянника и, может быть, своей жены, то можно сказать, что он наслаждался непрерывным как личным, так и общественным благополучием до тридцатого года своего царствования, т.е. до такого периода, какого не приходилось праздновать со времен Августа ни одному из его предместников. Константин пережил это празднество почти десятью месяцами: достигши шестидесятичетырехлетнего возраста, он, после кратковременной болезни, окончил свою достопамятную жизнь в Акврионском дворце, в одном из предместий Никомедии, куда он переехал, чтобы пользоваться здоровым воздухом и в надежде восстановить свои истощенные силы употреблением теплых ванн. Необыкновенные выражения общественной скорби или, по меньшей мере, печали превзошли все, что прежде делалось в подобных случаях. Несмотря на требования сената и народа Древнего Рима, тело умершего императора было перенесено, согласно с его предсмертной волей, в тот город, которому было суждено увековечить имя и память своего основателя. Труп Константина, украшенный бесполезными символами величия, багряницей и диадемой, был положен на золотом ложе в одном из апартаментов дворца, великолепно по этому случаю убранном и освещенном. Правила придворного этикета строго соблюдались. Каждый день, в назначенные часы, главные государственные, военные и придворные сановники приближались к особе своего государя, преклоняли колена и выражали ему свою почтительную преданность так же серьезно, как если бы он был еще в живых. Из политических расчетов это театральное представление продолжалось в течение некоторого времени, а лесть не преминула воспользоваться этим удобным случаем, чтобы утверждать, что, вследствие особой милости провидения, только один Константин еще царствовал после своей смерти⁴⁷⁾.

Но это посмертное царствование было лишь кажущимся, и скоро пришлось убедиться, что воля самого неограниченного монарха редко исполняется, когда его подданные уже не мо-

гут ожидать от него никаких новых милостей и перестали бояться его гнева. Те же самые министры и генералы, которые преклонялись перед бездыханным трупом своего умершего государя с таким почтительным благоговением, вступили в тайные между собой переговоры с целью лишить двух племянников Константина, Далмация и Аннибалиана, той доли, которую он им назначил в наследство. Мы слишком мало знакомы с двором Константина, чтобы быть в состоянии составить себе какое-нибудь понятие о мотивах, влиявших на вожаков заговора; мы можем только предполагать, что ими руководили зависть и ненависть к префекту Аблавию - этому надменному фавориту, так долго заведовавшему делами управления и злоупотреблявшему доверием покойного императора. Но нам нетрудно догадаться, с помощью каких аргументов они старались приобрести содействие солдат и народа: они могли, не нарушая приличий и не оскорбляя справедливости, настоятельно указывать на более высокое положение детей Константина, на то, как опасно увеличивать число монархов, и на угрожавшие республике неизбежные бедствия, которые должны были произойти от раздоров между столькими монархами, не связанными между собой нежными узами братской привязанности. Интрига велась с усердием и оставалась в тайне до той минуты, когда войска громко и единодушно объявили, что они не допустят, чтобы кто-нибудь царствовал над Римской империей, кроме сыновей их оплакиваемого монарха⁴⁸). Юный Далмаций был связан со своими двоюродными братьями узами дружбы и общности интересов и, как уверяют, унаследовал в значительной мере дарования Константина Великого, но в настоящем случае он, как кажется, не принял никаких мер, чтобы поддержать силой оружия права, которые и он сам, и его царственный брат получили от своего щедрого дяди. Они были до того озадачены и подавлены взрывом народной ярости, что, точно будто лишившись и способности бежать, и способности сопротивляться, отдались в руки своих непримиримых врагов. Их участь оставалась нерешенной до прибытия Констанция - второго и, как кажется, самого любимого Константинова сына⁴⁹).

На сыновнюю привязанность Констанция император возложил перед смертью заботу о своем погребении, а этот принц, благодаря близости своей восточной резиденции, легко мог предупредить приезд своих братьев, из которых один жил в Италии, а другой в Галлии. Когда он поселился в кон-

стантинопольском дворце, его первой заботой было устранить опасения своих родственников и дать им торжественную клятву, служившую ручательством за их безопасность.

Его следующей заботой было прискание какого-нибудь благовидного предлога, чтобы освободить свою совесть от бремени необдуманного обещания. Коварство сделалось орудием его жестокосердых замыслов, и подлинность явно подложного документа была удостоверена лицом, облеченным в самое священное звание. Из рук епископа Никомедии Констанций принял роковой сверток, будто бы заключающий в себе подлинное завешание его отца; в этом документе покойный император высказывал подозрение, что он был отравлен своими братьями, и умолял своих сыновей отомстить за его смерть и обеспечить свою собственную безопасность наказанием виновных⁵⁰). Каковы бы ни были резоны, на которые могли бы сослаться эти несчастные принцы в защиту своей жизни и чести против столь невероятного обвинения, они должны были умолкнуть перед неистовыми криками солдат, взявших на себя роль и их врагов, и их судей, и их палачей. И дух законов, и даже легальные формы судопроизводства были неоднократно нарушены при этой всеобщей резне, в которой погибли двое дядей Констанция, семеро его двоюродных братьев, между которыми самыми выдающимися были Далмаций и Аннибалиан, патриций Опат, женатый на сестре покойного императора, и префект Аблавий, который, полагаясь на свое могущество и свое богатство, возымел надежду достигнуть престола. Если бы мы хотели усилить ужас этой кровавой сцены, мы могли бы прибавить ко всему сказанному, что сам Констанций был женат на дочери своего дяди Юлия и что он дал свою сестру в супружество своему двоюродному брату Аннибалиану. Эти родственные связи между различными отраслями царствующего дома, устроенные Константином из политических расчетов без всякого внимания к народному предрассудку⁵¹), послужили лишь доказательством того, что эти принцы были столько же равнодушны ко всему, что есть привлекательного в супружеской привязанности, сколько они были нечувствительны к узам кровного родства и к трогательным мольбам юности и невинности. Из столь многочисленного семейства только два меньших сына Юлия-Констанция, Галл и Юлиан, укрывались от руки убийц до тех пор, пока их ярость, насытившись кровью, несколько стихла. Император Констанций, который в отсутствие своих братьев, по-видимому, был более всех виновен в

том, что случилось, впоследствии иногда обнаруживал слабое и преходящее раскаяние в тех жестокостях, на которые вынудили его неопытную юность коварные советы его министров и непреодолимое насилие войск⁵²).

За избиением рода Флавиев последовало новое разделение провинций, утвержденное на личном совещании между тремя братьями. Старший из Цезарей, Константин, получил, вместе с некоторыми преимуществами ранга обладание новой столицей, носившей и его собственное имя, и имя его отца. Фракия и восточные страны составили удел Констанция, а Констант был признан законным государем Италии, Африки и западной Иллирии*. Их наследственным правам подчинились армии, и, после непродолжительной отсрочки, они соблаговолили принять от римского сената титул августов. Когда они приняли в свои руки бразды правления, старший из этих монархов был двадцати одного года, второй — двадцати лет, а третий — только семнадцати⁵³).

Так как воинственные народы Европы служили под знаменами его братьев, то Констанций, имевший в своем распоряжении лишь изнеженные азиатские войска, должен был один выносить бремя войны с персами. Когда Константин умер, персидский престол был занят Шапуром, сыном Гормуза, или Хормизда, и внуком того самого Нарсеса, который, после победы Галерия, смиренно преклонился перед превосходством римского могущества. Хотя Шапур уже вступил в тридцатый год своего продолжительного царствования, он был еще в цвете молодости, так как, по весьма странной случайности, время его восшествия на престол предшествовало времени его рождения. Жена Гормуза** была беременна в то время, как умер ее муж, и неизвестность касательно исхода родов и касательно пола будущего новорожденного возбуждали честолюбивые надежды в принцах из рода Сасана. В конце концов опасения междоусобной войны были устранены благодаря положительному утверждению магов, что жена Гормуза беременна сыном и что роды будут благополучны. Послушные голосу суеверия персы стали немедленно готовиться к церемонии его коронования. Царская постель, на которой королева лежала в парадном одеянии, была поставлена посередине дворца; диадема была положена на то место, в котором, как полагали, находился будущий

* Старший брат, Константин, правил в Галлии, Испании и Британии (Примеч. ред.).

** Более правильно Хормизд (Примеч. ред.).

наследник Артаксеркса, и распростертые сатрапы преклонились перед величием своего невидимого бесчувственного монарха⁵⁴).

Если можно придавать какую-нибудь веру этому удивительному рассказу, достоверность которого, впрочем, подтверждается нравами персидского народа и необыкновенной продолжительностью царствования Шапура, то мы должны удивляться не только счастью этого государя, но и его гению. Царственный юноша, воспитанный среди неги гарема и в удалении от света, умел понять, что ему необходимо развивать и свои умственные, и свои физические способности, и оказался по своим личным качествам достойным престола, на который он вступил в то время, когда он еще не мог иметь никакого понятия ни об обязанностях, ни о соблазнах неограниченной власти. Годы его несовершеннолетия протекли среди бедствий, неизбежно порождаемых внутренними раздорами; его столица была взята врасплох и ограблена могущественным королем Йемена или Аравии Фаиром, а величие королевского семейства было унижено пленением сестры покойного короля. Но лишь только Шапур достиг совершеннолетия, и самонадеянный Фаир и его народ и его родина должны были преклониться перед первым натиском юного воина, который воспользовался своей победой с таким благоразумным сочетанием строгости и милосердия, что получил от проникнутых страхом и признательностью аравитян прозвище Дулакнафа, или покровителя нации⁵⁵).

Честолюбивый перс, обладавший даже по сознанию его врагов и доблестями воина, и талантами государственного человека, горел желанием отомстить за унижение своих предков и вырвать из руки римлян пять провинций по ту сторону Тигра. Военная слава Константина и действительная или только наружная сила его правительства заставляли Шапура воздерживаться от нападения, и он умел занимать искусными переговорами императорский двор, который был раздражен его неприязненным образом действий. Смерть Константина послужила сигналом для войны⁵⁶), а положение дела на границах Сирии и Армении, по-видимому, обещало персам богатую добычу и легкие завоевания. Под влиянием происшедшей во дворце резни дух своеволия и мятежа распространился в восточных армиях, которые уже не сдерживала привычка повиновения ветерану-главнокомандующему. Немедленно вслед за свиданием со своими братьями в Паннонии Констанций поспешил на берега Евфрата и своими

благоразумными мерами мало-помалу снова восстановил в войсках сознание долга и подчинение дисциплине; но временная анархия дала Шапуру возможность начать осаду Нисибина и занять некоторые из самых важных крепостей Месопотамии⁵⁷). В Армении знаменитый Тиридат долго наслаждался спокойствием и славой, которые он приобрел своим мужеством и своей неизменной преданностью интересам Рима. Его прочный союз с Константином доставил ему и духовные, и мирские блага. Обращение Тиридата в христианство придало его геройской личности характер святого; христианскую религию стали проповедовать и утверждать от берегов Евфрата до берегов Каспийского моря, и Армению связали с империей двойные узы политики и религии. Но так как многие из армянских аристократов все еще не хотели отказаться ни от многобожия, ни от многоженства, то общественное спокойствие было нарушаемо партией недовольных, оскорблявшей преклонные лета монарха и с нетерпением ожидавшей его смерти. Наконец он кончил жизнь после пятидесятишестилетнего царствования; но счастье армянской монархии было похоронено вместе с Тиридатом. Его законный наследник был отправлен в изгнание; христианские священнослужители были частью умерщвлены, частью выгнаны из своих церквей; варварские племена Албании получили позволение спуститься со своих гор, и двое из самых сильных губернаторов, присвоив себе внешние отличия и права царской власти, обратились к Шапуру с просьбой о помощи и отворили ворота своих городов перед персидскими гарнизонами. Христианская партия, предводимая непосредственным преемником св. Григория архиепископом Артаксатом, обратилась за помощью к благочестивому Констанцию.

После того как смуты продолжались около трех лет, один из состоявших при Констанции генералов, Антиох, с успехом исполнил поручение императора возвести Тиридатова сына Хосроя на прародительский престол, раздать отличия и награды верным служителям дома Аршакидов и объявить всеобщую амнистию, которой и воспользовались почти все мятежные сатрапы. Но римляне получили более славы, чем пользы, от этого переворота. Хосрой был государь слабого сложения и трусливого характера. Так как ему были не по силам трудности и так как он чуждался общества, то он удалился из своей столицы в уединенный дворец, выстроенный им среди тенистых дубрав на берегу реки Элевтера, и прово-

дил там часы досуга в занятиях звериной ловлей и соколиной охотой. Чтобы обеспечить себе этот постыдный комфорт, он подчинился мирным условиям, которых потребовал от него Шапур, - уплате ежегодной дани и уступке плодородной провинции Атропатены, присоединенной к армянской монархии храбростью Тиридата и победами Галерия⁵⁸).

Во время продолжительного царствования Констанция восточные провинции терпели большие бедствия от войны с персами. Вторжения легковооруженных отрядов распространяли ужас и опустошение по ту сторону Тигра и Евфрата от ворот Ктесифона до ворот Антиохии; эту деятельную службу несли степные арабы, которые были разьединены и в своих интересах и в своих симпатиях, так как некоторые из их самостоятельных вождей были на стороне Шапура, а некоторые другие дали ненадежное обещание быть верными слугами императора⁵⁹). Более серьезные и более важные военные действия велись с равной с обеих сторон энергией, и между армиями Рима и Персии произошло девять кровопролитных сражений; в двух из них Констанций лично начальствовал над своей армией⁶⁰). Они почти всегда кончались к невыгоде римлян, но в сражении при Сингаре неблагоразумная отвага римлян едва не доставила им полной и решительной победы. Войска, занимавшие Сингару, отступили при приближении Шапура, перешедшего Тигр по трем мостам и занявшего подле деревни Гилле выгодную позицию, которая, благодаря усилиям его многочисленных саперов, была в течение одного дня обнесена глубоким рвом и высоким валом. Его сильная армия, выстроившись в боевой порядок, покрыла берега реки, соседние высоты и всю равнину более чем в двенадцать миль, разделявшую обе армии. С обеих сторон с нетерпением желали битвы; но варвары, после слабого сопротивления, обратились в беспорядочное бегство, потому ли, что они не были в состоянии удержаться на своих позициях, или потому, что они хотели истощить силы тяжеловооруженных легионов, которые, изнемогая от зноя и жажды, преследовали их по равнине и разбили наголову одетый в броню отряд кавалерии, поставленный перед входом в лагерь для того, чтобы прикрывать отступление. Сам Констанций, увлекшийся преследованием, тщетно старался сдержать горячность своих войск, доказывая им, как опасно подвигаться вперед при наступлении ночи и как нетрудно будет довершить победу с наступлением дня. Так как они полагались гораздо более на свою собственную храбрость, чем на

опытность или искусство своего вождя, то они заглушили эти робкие советы своими криками и, с яростью устремившись вперед, заняли ров, разрушили вал и разбрелись по палаткам с целью восстановить свои истощенные силы и собрать, в награду за свои труды, богатую жатву. Но предусмотрительный Шапур выжидал той минуты, которая должна была доставить ему победу. Большая часть его армии, которая была расположена на высотах в безопасных позициях и была свидетельницей сражения, молча двинулась вперед под прикрытием ночного мрака, а персидские стрелки из лука, руководясь лагерным освещением, стали осыпать градом стрел безоружную и беспорядочную массу солдат. Историки искренно⁶¹⁾ сознаются, что побежденные римляне подверглись страшной резне и что обратившиеся в бегство остатки легионов спаслись с невероятным трудом. Даже снисходительные панегиристы, признающиеся, что слава императора была омрачена неповиновением его солдат, набрасывают покров на подробности этого печального отступления. А между тем один из тех продажных ораторов, которые так горячо вступались за славу Констанция, рассказывает с поразительным хладнокровием о таком невероятном акте жестокосердия, который, в глазах потомства, наложит на честь императорского имени гораздо более черное пятно, нежели описанное отступление. В персидском лагере был взят в плен наследник персидского престола, сын Шапура. Этот несчастный юноша, вероятно, возбудил бы чувство сострадания в самом свирепом противнике, а бесчеловечные римляне били его, подвергли пыткам и публично предали смертной казни⁶²⁾.

Каковы бы ни были выгоды, доставленные Шапуру непрерывным рядом девяти побед, повсюду распространивших славу его храбрости и военных дарований, он не мог рассчитывать на осуществление своих замыслов, пока укрепленные города Месопотамии, и в особенности сильный и древний город Нисибин, оставались во власти римлян. Нисибин, со времен Лукулла по справедливости считавшийся оплотом востока, выдержал против Шапура в течение двенадцати лет три достопамятных осады, и обманутый в своих ожиданиях персидский монарх, возобновлявший свои нападения раз в течение шестидесяти дней, другой раз в течение восьмидесяти, а третий раз в течение ста, был каждый раз отражаем с потерями и с позором⁶³⁾. Этот обширный и многолюдный город находился почти в двух днях пути от Тигра посреди при-

ятной и плодородной равнины у подножия горы Мазия. Его тройная кирпичная стена была окружена глубоким рвом⁶⁴⁾, а упорному сопротивлению графа Луцилиана и его гарнизона содействовало отчаянное мужество населения. Граждане Нисибина были воодушевлены увещеваниями своего епископа⁶⁵⁾, приучились владеть оружием ввиду угрожавшей им опасности и были убеждены, что Шапур намеревался отвести их далеко от родины в рабство и вместо них поселить в городе персидскую колонию. Исход двух первых осад усилил их самоуверенность и раздражил надменного царя, который приступил в третий раз к Нисибину во главе соединенных сил Персии и Индии. Благодаря превосходству римлян в военном искусстве все машины, придуманные с целью разрушать или подкапывать стены, оказались бесполезными, и много дней было потрачено на бесплодные усилия прежде, нежели Шапур принял такое решение, которое было достойно восточного монарха, воображавшего, что даже элементы подчинены его власти. Во время таянья снегов в Армении река Мигдоний, отделяющая город Нисибин от равнины, разливается подобно Нилу⁶⁶⁾ по окружающей местности. Усилиями персов было приостановлено течение реки ниже города, и ее воды были с обеих сторон задержаны крепкими земляными насыпями. Флот из вооруженных судов, наполненных солдатами и машинами, метавшими пятисотфунтовые камни, двинулся по этому искусственному озеру в боевом порядке и сразился с защищавшими вал войсками почти на одном с ними уровне. Непреодолимая сила воды была попеременно губельна то для одной, то для другой стороны, пока наконец не обрушилась одна часть вала, не выдержавшая постоянно усиливавшегося напора, и не образовалась широкая брешь в сто пятьдесят футов длиной. Персы тотчас бросились на приступ, и исходом этой борьбы должна была решиться судьба Нисибина. Тяжеловооруженная кавалерия, шедшая во главе густой колонны пехоты, завязла в грязи, и значительная ее часть потонула в незаметных углублениях, наполненных прорвавшейся водой. Слоны, пришедшие в ярость от своих ран, увеличили беспорядок и передавали тысячи персидских стрелков. Великий царь, видевший с поставленного на возвышении трона неудачный ход сражения, с негодованием подал сигнал к отступлению и приостановил приступ на несколько часов. Но бдительные граждане Нисибина деятельно воспользовались наступившей темнотой, и на рассвете появилась новая стена

выпиною в шесть футов, которая с каждой минутой все росла и прикрывала сделанную брешь. Несмотря на эту неудачу и на потерю более двадцати тысяч человек, Шапур продолжал осаду Нисибина с упорной настойчивостью и отказался от нее только ввиду необходимости защитить восточные провинции Персии от грозного вторжения массагетов⁶⁷). Встревоженный известием об этой опасности, он поспешно снял осаду и быстро направился от берегов Тигра к берегам Окса. Вскоре вслед за тем опасности и трудности войны со скифами заставили его заключить или, по меньшей мере, соблюдать перемирие с римским императором; это перемирие было одинаково приятно для обоих монархов, так как после смерти двух своих братьев сам Констанций был вовлечен происшедшими на западе переворотами в такую междоусобную войну, для которой требовалось и, по-видимому, было недостаточно энергическое употребление в дело всех его военных сил.

Едва прошло три года со времени разделения империи, как сыновья Константина поспешили доказать всему миру, что они были неспособны довольствоваться теми владениями, которыми они были неспособны управлять. Старший из этих монархов стал выражать свое неудовольствие по поводу того, что он не получил надлежащей доли из владений, принадлежавших их убитым родственникам, и хотя он не был взыскателем по отношению к Констанцию, которому принадлежала главная заслуга в совершении преступления, он потребовал от Константа уступки африканских провинций в вознаграждение за богатые македонские и греческие провинции, доставшиеся его брату вследствие умерщвления Далмация. Отсутствие искренности, обнаружившееся во время ведения скучных и бесплодных переговоров, раздражило высокомерного Константина, и он охотно внял внушениям своих любимцев, доказывавших ему, что ни его честь, ни его интересы не позволяют ему отказываться от заявленного им требования. Во главе бесчинного сброда солдат, более годного для грабежа, чем для завоеваний, он внезапно вторгся через Юлихские Альпы во владения Константа, и на окрестности Аквилеи обрушились первые проявления его гнева. Меры, принятые Константином, который жил в то время в Дакии, были более благоразумны и более искусны. При известии о вторжении своего брата он послал на место действия избранный и дисциплинированный отряд иллирийских войск, предполагая лично следовать за ним во главе своих

остальных военных сил. Но его генералы скоро порешили эту противоестественную ссору.

Обратившись в притворное бегство, они завлекли Константина в лес, где была устроена засада, и этот опрометчивый юноша, сопровождаемый немногочисленными защитниками, подвергся неожиданному нападению, был окружен и убит. Его труп, отысканный в ничтожной речке Алсе, был погребен с подобающими императору почестями, а его провинции признали над собою власть победителя, который не захотел дать своему старшему брату Констанцию никакой доли в этих новых приобретениях и таким образом сделался бесспорным обладателем более двух третей Римской империи⁶⁸).

Сам Констант умер лишь почти через десять лет после того, но ему было суждено поплатиться за смерть брата более позорной смертью от руки домашнего изменника. Вредные стороны введенной Константином системы обнаружились в дурном управлении его сыновей, которые - вследствие своих пороков и слабостей - скоро утратили и уважение, и любовь своих подданных. Тщеславие Константа по поводу ничем не заслуженного военного успеха казалось еще более отвратительным ввиду его неспособности и лени. Его безрассудное пристрастие к некоторым германским пленникам, отличавшимся лишь юношеской привлекательностью, служило поводом для скандала⁶⁹), а Магненций - честолюбивый солдат, который сам был варвар по своему происхождению, - находил для себя в общем неудовольствии поощрение на то, чтобы вступить за честь римского имени⁷⁰). Избранные отряды юпитерцев и геркулианцев, состоявшие под начальством Магненция, все еще занимали почетное и важное место в императорском лагере. Дружба так называемого графа священных щедрот (*Comes Sacrarum largitionum*) Марцеллина доставляла в избытке денежные средства для подкупа. Солдат старались уверить, что республика просит их разорвать узы наследственного рабства и, выбором деятельного и бдительного монарха наградить те самые добродетели, которые возвысили предков Константина из звания простых граждан до владычества над целым миром. Когда все было готово для приведения заговора в исполнение, Марцеллин, под предлогом празднования дня рождения своего сына, пригласил на роскошный пир носивших титулы *illustres* и *spectabiles* особ галльского двора, который находился в ту пору в городе Отене. Хозяин дома с намерением продлил праздничные увесе-

ления далеко за полночь, и ничего не подозревавшие гости увлеклись в своих разговорах опасной и преступной неестественностью.

Вдруг двери растворились и удалившийся на несколько минут Магненций возвратился к гостям украшенный диадемой и императорской мантией. Заговорщики тотчас приветствовали его титулами августа и императора. Удивление, страх, опьянение, честолюбивые надежды и незнакомство остальных гостей с причинами случившегося заставили этих последних присоединить их голоса к общим приветствиям. Гвардейцы поспешили принести присягу верности; городские ворота были заперты, и, прежде чем рассвело, Магненций уже был хозяином армии, дворцовой казны и города Отена. Он надеялся, что благодаря тайне и поспешности, с которой велось все это дело, ему удастся захватить врасплох Константа, предававшегося в окрестных лесах своему любимому занятию охотой или, может быть, каким-нибудь другим, более секретным и более безнравственным забавам. Покинутый своими солдатами и не любимый своими подданными Константин не был в состоянии сопротивляться, но быстро долетевшие до него слухи о случившемся давали ему достаточно времени, чтобы спастись бегством. Однако он не успел добраться до одной из испанских приморских гаваней, где он намеревался сесть на корабль; он был настигнут подле Елены⁷¹⁾ у подножия Пиренеев отрядом легкой кавалерии, начальник которого, не обращая никакого внимания на святость храма, исполнил возложенное на него поручение, умертвив Константинова сына⁷²⁾.

Лишь только смерть Константа упрочила этот легко удавшийся, но очень важный переворот, примеру отенского двора последовали западные провинции. Власть Магненция была признана на всем протяжении двух обширных префектур - галльской и италийской, а узурпатор стал собирать, при помощи всякого рода притеснений, такие сокровища, которые дали бы ему возможность выдать обещанные им огромные денежные награды и покрыть расходы междоусобной войны. Воинственные иллирийские провинции, от берегов Дуная до крайних пределов Греции, давно уже управлялись престарелым генералом Ветранионом, который был любим за простоту своего обхождения и приобрел некоторую известность своей опытностью и военными заслугами⁷³⁾. Будучи привязан к семейству Константина и привычкой, и чувством долга, и признательностью, он немедленно обратился к един-

ственному оставшемуся в живых сыну своего покойного государя с самыми горячими уверениями, что он сам и его армия с непоколебимой преданностью помогут ему подвергнуть галльского изменника заслуженному наказанию. Но находившиеся под начальством Ветраниона легионы были скорее увлечены, нежели раздражены примером восстания; их вождь скоро обнаружил недостаток твердости или искренности, а его честолюбие нашло для себя приличный предлог в одобрении принцессы Константины. Эта жестокая и честолюбивая женщина, получившая от своего отца, Константина Великого, титул августы, собственными руками возложила корону на голову иллирийского генерала и, по-видимому, ожидала от его торжества исполнения тех безграничных надежд, которые были разрушены смертью ее супруга Аннибалиана. Может быть, без одобрения Константины новый император вступил в необходимый для него, но унижительный союз с узурпатором, только что запятнавшим свою императорскую мантию кровью ее родного брата⁷⁴).

Известие об этих важных событиях, так глубоко затрагивавших и честь, и безопасность императорского дома, заставило Констанция отказаться от бесславного продолжения персидской войны. Он поручил заботу о востоке своим генералам, а впоследствии своему двоюродному брату Галлу, возведенному им из тюрьмы на ступени трона, и отправился сам в Европу, волнуемый то надеждой и страхом, то скорбью и негодованием. Прибывши в Гераклею, во Фракии, император принял в аудиенции послов Магненция и Ветраниона. Главный зачинщик заговора Марцеллин, о котором почти можно сказать, что он был тот, кто облек своего нового повелителя в императорскую мантию, смело принял на себя это опасное поручение, а его три сотоварища были выбраны между самыми высокими гражданскими и военными сановниками. Этим депутатам было поручено смягчить гнев Констанция и возбудить в нем опасения за будущее. Они были уполномочены предложить ему дружбу и союз с западными монархами, упрочить взаимное согласие двойным бракосочетанием - Констанция с дочерью Магненция и самого Магненция с честолюбивой Константиной, и признать особым трактатом первенство, на которое мог заявлять основательные притязания восточный император. В случае если бы из гордости или из ошибочного понимания своего долга Констанций отверг эти справедливые условия, послам было приказано поставить ему на вид, что его неблагоприятное

неизбежно приведет его к гибели, если он вызовет западных монархов на бой и заставит их употребить против него в дело мужество и военное искусство тех самых легионов, которым дом Константина был обязан столькими триумфами. И эти предложения, и эти аргументы, по-видимому, заслуживали самого серьезного внимания; Констанций отложил свой ответ до следующего дня, а так как он сознавал необходимость оправдать в мнении народа междоусобную войну, то он обратился с следующими словами к собравшемуся совету, который выслушал их если не с искренним, то с притворным доверием: «Прошлой ночью, - сказал он, - после того как я лег спать, перед моими глазами предстала тень великого Константина, державшего в руках труп моего убитого брата, его хорошо знакомый голос поощрял меня на отпущение, он говорил мне, что я не должен отчаиваться за республику, и уверял меня, что успех и бессмертная слава увенчают справедливую с моей стороны войну». Авторитет этого видения или, скорей, авторитет ссылавшегося на него монарха положил конец всяким колебаниям и прекратил переговоры. Унизительные мирные условия были отвергнуты с негодованием. Один из уполномоченных тирана был отослан назад с высокомерным ответом Констанция; его товарищи, как недостойные привилегий, установленных международными сношениями, были заключены в оковы, а враждующие стороны стали готовиться к беспощадной борьбе⁷⁵).

Так обошелся и, может быть, так был обязан обойтись брат Константа с вероломным узурпатором Галлии. Положение и характер Ветраниона давали ему право на более мягкое обращение, и восточный император направил свою политику к тому, чтобы разъединить своих противников и отвлечь военные силы Иллирии от союза с мятежниками. Он без большого труда ввел в обман откровенного и простодушного Ветраниона, который в течение некоторого времени колебался между требованиями своей чести и своих интересов, явно обнаружил свою неискренность и мало-помалу запутался в сетях искусно веденных переговоров. Констанций признал его своим законным и равноправным соправителем с тем условием, что он откажется от постыдного союза с Магненцием и назначит на границах их взаимных владений место для свидания, где они могли бы скрепить свою дружбу взаимными клятвами в верности и с общего согласия установить способ ведения междоусобной войны. Вследствие этого соглашения Ветранион приблизился к городу Сардики⁷⁶) во

главе двадцати тысяч кавалерии и еще более многочисленного отряда пехоты; эти силы в такой мере превосходили силы Констанция, что жизнь и судьба этого последнего, по-видимому, были в руках иллирийского императора; но Констанций успел путем тайных переговоров склонить на свою сторону войска Ветраниона и подкопаться под его трон. Вожди, втайне принявшие сторону Констанция, устроили в его пользу публичное зрелище, рассчитанное на то, чтобы расшевелить и воспламенить страсти многочисленного собрания людей⁷⁷). Соединенным армиям приказано было собраться в обширной равнине подле города. Согласно с издревле установленными порядками, в центре был воздвигнут трибунал или, вернее, эстрада, с которой императоры обыкновенно обращались в торжественных или важных случаях с речью к войскам. Вокруг эстрады образовали громадный круг правильно выстроенные ряды римлян и варваров с мечами наголо или с поднятыми вверх копьями, эскадроны кавалерии и пехотные когорты, отличавшиеся разнообразием своего оружия и своих значков; внимательное молчание, которое они хранили, по временам нарушалось громкими взрывами неудовольствия или одобрения. В присутствии этого громадного собрания оба императора были приглашены объяснить положение общественных дел; первенство было предоставлено Констанцию в уважение его царственного происхождения, и, хотя он не отличался риторским искусством, он в этих трудных обстоятельствах исполнил свое дело с твердостью, ловкостью и красноречием. Первая часть его речи была направлена, по-видимому, только против тирана Галлии; но когда он выражал свою скорбь по поводу жестокого умерщвления Константа, он намекнул на то, что никто, кроме родного брата, не мог предъявлять права на наследство после убитого; он с удовольствием распространялся о славных делах императоров его дома, напоминал войскам о храбрости, о триумфах и о щедрости великого Константина, а также о том, что они принесли его сыновьям клятву в верности, к нарушению которой их пыталась склонить неблагодарность некоторых из бывших его слуг, всех более пользовавшихся его милостями. Офицеры, стоявшие вокруг эстрады и заранее выучившие роль, которую им следовало исполнить в этой необыкновенной сцене, как будто подчинились неотразимой силе доводов и красноречия и приветствовали в лице императора Констанция своего законного государя. Чувство преданности и раскаяния стало переходить, точно зараза, от

одних солдат к другим, и наконец вся равнина Сардики огласилась единодушными возгласами: «Долой этих выскочек-узурпаторов! Долгая жизнь и победа сыну Константина! Только под его знаменем мы будем сражаться и побеждать». Крики стольких тысяч людей, их угрожающие жесты, их неистовое бряцание оружием - все это поразило удивлением и смутило Ветраниона, который смотрел на измену окружающих его приверженцев с беспокойным и безмолвным недоумением.

Вместо того, чтобы прибегнуть к единственному благородному выходу из своего отчаянного положения, он смиренно покорился своей участи и, сняв со своей головы диадему в глазах обеих армий, пал ниц перед своим победителем. Констанций воспользовался своим торжеством с благоразумием и умеренностью: он поднял обращавшегося к нему с мольбами старца, называя его нежным именем отца, и подал ему свою руку, чтобы помочь ему сойти с трона. Город Пруза был назначен местом ссылки или уединенной жизни для отрешившегося от престола монарха, который прожил еще шесть лет в покое и роскоши. Он часто выражал свою признательность за милостивое обхождение с ним Констанция и с милым добросердечием советовал своему благодетелю отказаться от скипетра и искать счастья там, где только и можно его найти, - в мирной глуши частной жизни⁷⁸).

Поведение Констанция в этом достопамятном случае восхвалялось, по-видимому, не без основания, а его царедворцы сравнивали тщательно обработанные речи Перикла и Демосфена к афинским гражданам с тем победоносным красноречием, которое убедило вооруженную массу людей покинуть и низвергнуть предмет ее собственного выбора⁷⁹). Предстоявшая борьба с Магненцием была делом и более трудным и более кровопролитным. Тиран быстрыми переходами подвигался навстречу Констанцию во главе многочисленной армии, состоявшей из галлов, испанцев, франков и саксов, - то есть из тех жителей провинции, которые составили главную силу легионов, и из тех варваров, которые считались самыми опасными врагами республики. Плодородные равнины⁸⁰) Нижней Паннонии между реками Дравой, Савой и Дунаем представляли обширное поле для военных действий, и междоусобная война тянулась все лето благодаря или искусству, или нерешительности противников⁸¹). Констанций заявил о своем намерении порешить борьбу на полях Кибалиса, так как это имя должно было воодушевить его

солдат воспоминанием о победе, одержанной на этом месте его отцом Константином. Однако император, возводивший вокруг своего лагеря неприступные укрепления, по-видимому, не искал решительного сражения, а желал уклониться от него. Магненций со своей стороны старался заставить своего противника покинуть его выгодную позицию и с этой целью прибегал к различным переходам, эволюциям и хитростям, на какие только могло навести опытного главнокомандующего знание военного искусства. Он взял приступом важный город Сискию, сделал нападение на город Сирмиум, находившийся в тылу императорского лагеря, попытался проникнуть через Саву внутрь восточных провинций Иллирии и разбил наголову многочисленный отряд, который ему удалось завлечь в тесные проходы Адарны. В течение почти всего лета галльский тиран имел решительный перевес над своим противником. Войска Констанция утомились и упали духом; его репутация падала в общем мнении, и он отложил в сторону свою гордость, чтобы просить о заключении мирного договора, который обеспечил бы убийце Константа господство над всеми провинциями по ту сторону Альп. Эти предложения были поддержаны красноречием императорского посла Филиппа, и как советники Магненция, так и его армия были расположены принять их. Но надменный узурпатор, не обращая никакого внимания на советы своих друзей, приказал задержать Филиппа как пленника или по меньшей мере как заложника и со своей стороны отправил одного из своих офицеров к Констанцию с поручением поставить императору на вид его бессилие и оскорбить его обещанием помилования, если он немедленно откажется от престола. Чувство чести не позволило императору дать другого ответа, как тот, что «он полагается на справедливость своего дела и на покровительство бога мщения». Но он в такой мере сознавал трудности своего положения, что не осмелился поступить с посланным Магненция так же, как было поступлено с его послом. Впрочем, возложенное на Филиппа поручение не было совершенно бесплодным, так как он убедил способного и приобретенного известность франкского генерала Сильвана покинуть вместе с значительным отрядом кавалерии армию Магненция за несколько дней перед битвой при Мурсе.

Город Мурса, или Эссек, прославившийся в новейшее время плавающим мостом в пять миль длиной, перекинутым через реку Драву и окружающие ее болота⁸²⁾, всегда считался во

время венгерских войн очень важным военным пунктом. Магненций, подойдя к Мурсе, зажег ее ворота, а его войска, бросившись внезапно на приступ, едва не взобрались по лестницам на городские стены. Бдительный гарнизон потушил пожар, приближение Констанция не позволило Магненцию тратить время на продолжение осады, а император скоро устранил единственное препятствие, которое могло стеснять его движения, вытеснив из примыкавшего к городу амфитеатра засевшие там неприятельские войска. Поле битвы в окрестностях Мурсы представляло голую и гладкую равнину; на этой почве выстроилась армия Констанция, имея Драву на своей правой стороне; а левая ее сторона - вследствие ли самого расположения войск, или вследствие того, что у Констанция была более многочисленная кавалерия, - распространялась далеко за правый фланг Магненция⁸³). Обе армии простояли почти все утро в тревожном ожидании и в готовности к бою, а сын Константина, воодушевив своих солдат красноречивой речью, удалился в находившуюся неподалеку от поля битвы церковь и поручил своим генералам главное начальство в этой решительной битве⁸⁴). Их мужество и военное искусство оправдали это доверие. Они благоразумно начали бой с левого фланга и, выдвинув вперед в форме полукруга всю кавалерию левого крыла, внезапно окружили ею правый фланг неприятеля, не приготовившийся к отражению этого стремительного нападения. Но западные римляне, по привычке к дисциплине, снова сомкнули свои ряды, а германские варвары поддерживали славу своей национальной неустрашимости. Бой, вскоре завязавшийся по всей линии, продолжался с различными и странными переменами счастья и кончился лишь с наступлением ночи. Одержанную Констанцием решительную победу приписывают действию его кавалерии.

Его кирасиры, как рассказывают, были похожи на вылитые из стали статуи, блестящие своей чешуйчатой броней и разрывавшие своими тяжелыми копьями плотные ряды галльских легионов. Лишь только эти легионы начали подаваться назад, стоявшая во второй линии легкая кавалерия устремилась с обнаженными мечами в промежутки между рядами и довершила их расстройство. Между тем громадные ростом и полунагие германцы сильно пострадали от ловкости восточных стрелков из лука, и целые отряды этих варваров от ран и отчаяния стали бросаться в широкие и быстрые воды Дравы⁸⁵). Число убитых, как полагают, доходило до пятидесяти.

сяти четырех тысяч, и потери победителей были более велики, чем потери побежденных⁸⁶⁾; это обстоятельство свидетельствует об упорстве борьбы и подтверждает замечание одного из древних писателей, что в роковой битве при Мурсе истощили силы империи вследствие гибели такой армии из ветеранов, которой было бы достаточно для того, чтобы защищать границы и прибавить к славе Рима новые триумфы⁸⁷⁾. Несмотря на бранные выражения одного раболепного оратора, нет ни малейшего основания думать, что тиран покинул свои собственные знамена в самом начале сражения. Он, как кажется, вел себя как доблестный генерал и как храбрый солдат до той минуты, когда сражение было безвозвратно проиграно, а его лагерь находился во власти неприятеля. Тогда Магненций позаботился о своей личной безопасности и, сбросив с себя внешние отличия императорского достоинства, не без труда спасся от преследования легкой кавалерии, постоянно следовавшей по его пятам от берегов Дравы до подножия Юлихских Альп⁸⁸⁾.

Приближение зимы доставило нерадивому Констанцию благовидный предлог для того, чтобы отложить продолжение войны до следующей весны. Магненций избрал своим местопребыванием город Аквилею и обнаружил намерение защищать проходы через горы и болота, охранявшие границы венецианской провинции. Несмотря на то, что империалисты*, подойдя незамеченными к одной крепости в Альпах, овладели ею, он едва ли счел бы себя вынужденным отказаться от обладания Италией, если бы население было расположено поддерживать своего тирана⁸⁹⁾. Но воспоминание о жестокостях, совершавшихся его министрами после неудачного восстания Непоциана, оставили в сердцах римлян глубокое чувство отвращения и ненависти. Этот опрометчивый юноша (он был сын принцессы Евтропии и племянник Константина) пришел в негодование при виде того, что вероломный варвар сделался повелителем запада. Вооружив отчаянную толпу рабов и гладиаторов, он одолел слабую стражу, охранявшую в Риме внутреннее спокойствие, принял изъявления преданности от сената и титул августа и процарствовал среди смут четыре недели. Прибытие регулярных войск положило конец его честолюбивым надеждам; восстание было потушено в крови Непоциана, его матери Евтропии и его приверженцев, а проскрипции распространились на всех, кто имел что-либо общее с именем или с семейством

* Т.е. сторонники императора Констанция (Примеч. ред.).

Константина⁹⁰). Но лишь только Констанций овладел, после битвы при Мурсе, побережьем Далмации, отряд знатных изгнанников, снарядивших флот в одной из гаваней Адриатического моря, явился в лагерь победителя, чтобы просить его о покровительстве и об отпущении. Благодаря их тайным сношениям со своими соотечественниками, Рим и итальянские города согласились развернуть на своих стенах знамя Констанция. Признательные ветераны, обогащенные щедростью отца, заявили о своей благодарности и преданности сыну. Кавалерия, легионы и итальянские вспомогательные войска возобновили присягу в верности Констанцию, а узурпатор, встревоженный тем, что все покидали его, был вынужден отступить за Альпы в галльские провинции вместе с теми остатками своей армии, которые еще оставались ему верными. Впрочем, те отряды, которые были посланы вслед за Магненцием с приказанием ускорить или пресечь его бегство, вели себя с обычной для победителей непредусмотрительностью; они доставили ему случай напасть в равнинах близ Павии на своих преследователей и удовлетворить свою ярость бесполезной победой и кровопролитием⁹¹).

Следовавшие одно за другим несчастья довели гордого Магненция до того, что он стал просить мира, но просил напрасно. Сначала он отправил для переговоров одного сенатора, к способностям которого имел доверие, а потом нескольких епископов, рассчитывая, что благодаря своему священному званию они найдут более благосклонный прием; он предлагал отказаться от императорского звания и обещал посвятить остаток своей жизни на службу императору. Но хотя Констанций охотно миловал и снова принимал к себе на службу всех, кто покидал знамя мятежа⁹²), он объявил о своей непоколебимой решимости подвергнуть заслуженному наказанию преступления убийцы, против которого он готовился направить со всех сторон свои победоносные войска. Императорский флот без труда овладел Африкой и Испанией, поддержал поколебленную верность мавританских народов и высадил на сушу значительные силы, которые перешли через Пиренеи и приблизились к Лиону, который был последним и роковым пристанищем Магненция⁹³). И прежде никогда не отличавшийся своим милосердием тиран был вынужден трудностями своего положения прибегать к разным угнетениям, чтобы немедленно собрать с городов Галлии денежные средства для борьбы⁹⁴). Их терпение наконец истощилось, и Тир - главный центр преторского управ-

ления - подал сигнал к восстанию, затворив свои ворота перед Деценцием, который был возведен своим братом или в звание цезаря или в звание августа⁹⁵). От Трира Деценций был вынужден отступить к Сенсу, где он был окружен армией германцев, которые научились мешаться во внутренние распри римлян благодаря пагубным хитростям Констанция⁹⁶). Между тем императорские войска проложили себе силой путь через Коттийские Альпы, и в кровопролитном сражении при горе Селевке за приверженцами Магненция бесповоротно упрочилось название бунтовщиков⁹⁷). Магненций уже не был в состоянии собрать новую армию; верность его телохранителей была поколеблена, а когда он появлялся перед публикой с намерением ободрить ее своими увещаниями, его приветствовали единогласными возгласами: «Да здравствует император Констанций!» Тиран наконец понял, что все готовятся заслужить помилование и награды принесением в жертву самого главного виновного, и предупредил эти намерения, бросившись на свой меч⁹⁸); эта смерть была более легка и более достойна, нежели смерть от руки такого врага, который мог прикрыть свою злобу благовидной ссылкой на требования справедливости и на братскую привязанность. Примеру самоубийцы последовал и Деценций, удавившийся при известии о смерти своего брата. Зачинщик заговора Марцеллин исчез еще во время сражения при Мурсе⁹⁹), а казнь остававшихся в живых вожаков преступного и неудачного мятежа восстановила общественное спокойствие. Было приступлено к строгим розыскам касательно всех, кто волей или неволей был замешан в восстании. Для расследования тайных остатков заговора в отдаленной Британии был послан Павел, прозванный Catena за свое необыкновенное умение придавать тирании внешний вид правосудия. Благородное негодование, выраженное вице-префектом этого острова Мартином, было принято за доказательство его собственной виновности, и этот правитель был поставлен в необходимость пронзить свою грудь тем самым мечом, которым он в гневе ранил императорского уполномоченного. Совершенно невинные западные подданные подверглись ссылкам и конфискации имений, пыткам и смертной казни, а так как трусливые люди всегда бывают жестокосерды, то душа Констанция была недоступна состраданию¹⁰⁰).

¹⁾ On ne se trompera point sur Constantin, en croyant tout le mal qu'en dit Eusebe, et tout le bien qu'en dit Zosime. Флери, *Hist. Ecclesiastique*, ч. 3, стр. 233. Действительно, Евсевий и Зосим впадают в две противоположные крайности лести и ругательства. Среднего между ними оттенка придерживаются писатели, которых характер или положение смягчали влияние их религиозного равеня. (Есть много пунктов сходства между Константином и Генрихом Восьмым. Оба они одинаково придерживались политики, основанной на личных интересах ни у того, ни у другого не было ни малейшего понятия о принципах. Оба они ограбили богатые учреждения, которые они ниспровергли; оба они противились заблуждению и поддерживали истину только в той мере, в какой первое нарушало их собственные интересы, а вторая удовлетворяла их. Но, действуя в одном духе, они пробудили два различных умственных движения, одно из них привело к двенадцати векам мрака, а другое зажгло светоч, который все делался более и более ярким в течение трехсот пятидесяти лет и будущий блеск которого невозможно ограничить никакими пределами. Здесь будет уместно привести мнение Нибура о Константине. «Суждение о нем Гиббона очень основательно; между другими писателями он находил лишь фанатических поклонников или порицателей, а манера восточной церкви делать из него кумира лишь может толкнуть нас в противоположную крайность. Мотивы, побудившие его ввести христианскую религию, как кажется, были очень странны. Какую бы он ни имел в своей голове религию, она могла быть нечем иным, как беспорядочной смесью. На своих монетах он вычеканивал слова *Sol invictus*; он поклонялся языческим богам, обращался за советами к гарусникам, придерживался языческих суеверий, а между тем запирали языческие храмы и строили христианские церкви. Как председатель Никейского собора он может возбуждать в нас лишь отвращение; он сам не был христианином и не хотел креститься до тех пор, пока не настали последние минуты его жизни. Он привязался к христианской вере как к суеверию, которое он смешивал в одно со своими другими суевериями. Поэтому, когда восточные писатели говорят о нем, как о *isapostolos* (равноапостольный. — Примеч. ред.) они не понимают, что они говорят, а называть его святым значит профанировать это название». (Лекции о Рим. Ист. ч. 3, стр. 303 — *Издат.*)

²⁾ Сведения о прекрасных качествах Константина излечены большей частью из сочинений Евтропия и младшего Виктора — двух добросовестных язычников, писавших уже после того, как прекратился род Константина. Даже Зосим и император Юлиан отдают справедливость личному мужеству и военным дарованиям Константина.

³⁾ См. Евтропия, X, 6. In primo Imperii tempore optimis principibus, ultimo mediis comparandus. Древний греческий перевод Пэния (изд. Гаверкампа, стр. 697) заставляет меня подозревать, что у Евтропия было первоначально сказано: *vix mediis* и что это оскорбительное односложное слово было выпущено вследствие намеренной небрежности переписчиков. Аврелий Виктор выражает общее мнение поговоркой, которая была в то время в ходу, но для нас непонятна: *Trachala decem annis praestantissimus; duodecim sequentibus latro; decem novissimis pupillus ob immodicas profusiones*.

⁴⁾ Юлиан, *Orat.*, стр. 8 (эта льстивая речь была произнесена в присутствии сына Константина) и *Caesares*, стр. 335. Зосим, стр. 114, 115. На великолепные здания Константинополя и др. можно указать как на долговечные и неоспоримые доказательства расточительности Константина.

⁵⁾ Беспристрастный Аммиан заслуживает нашего полного доверия. *Proxiomorum fauces aperuit primus omnium Constantinus* (кн. 16, гл. 8). Даже Евсевий сознает это злоупотребление (*Vit. Constantin.*, кн. 4, гл. 29, 54), а некоторые из императорских законов слегка намекают на средства для его исправления. См. выше стр. 222.

⁶⁾ Юлиан в своих Цезарях старается представить своего дядю в смешном виде. Впрочем, его подозрительное свидетельство подтверждается ученым Шпангеймом со ссылкой на медали. (См. Комментарий, стр. 156, 299, 397, 459.) Евсевий (*Orat.*, гл. 5) говорит, что Константин наряжался для публики, а не для самого себя. Если мы допустим такой мотив, то и для самого пустого фата никогда не будет недостатка в оправданиях. (Экгель (*D. Num. Vet.* VIII, 79) замечает, что на некоторых монетах Константина была впервые изображена диадема на голове императора. — *Издат.*)

⁷⁾ Зосим и Зонара называют Минервину наложницей Константина, но Дюканж очень любезно спас ее честь, указавши на следующее место в одном из панегириков: «*Ab ipso fine pueritiae te matrimonii legibus dedisti*».

⁸⁾ Дюканж (*Familiae Bysantinae*, стр. 44) со слов Зонары называет его Константином, но это неправдоподобно, так как это имя уже носил старший брат. Имя Аннибалиана упоминается в *Pasch. Chr.* и одобрено Тильеомом, *Hist. des Empereurs*, ч. 4, стр. 527.

⁹⁾ Иероним, Хрон. Бедность Лактанция может служить или похвалой бескорыстному философу, или стыдом для его бесчувственного патрона. См. Тильеона, *Mém. Ecclesiast.*, том V 1, ч. 1, стр. 345. Дюнен *Bibliothèque Ecclesiast.*, ч. 1, стр. 205. Ларднер *Credibility of the Gospel History*, ч. 2, том VII, стр. 66. (О Лактанции не упоминают как о наставнике Криспа до 317 г. (См. ч. 1, стр. 534.) Вероятно, только после заключения мирного договора с Лицинием Константин выписал его из Никомедии в Галлию для того, чтобы докончить образование Криспа. — *Издат.*)

¹⁰⁾ Евсевия *Historia Ecclesiastica*, кн. 10, гл. 9. Евтропий (X, 6) называет его *egregium virum*, а Юлиан (*Orat.* 1) очень ясно намекает на подвиги Криспа во время междоусобной войны. См. Шпангейма. Комментар., стр. 92.

¹¹⁾ Сравн. Идация и *Pasch. Chr.* с Аммианом (кн. 14, гл. 5). Год, в котором Констанции был возведен в звание цезаря, по-видимому, более точно определен этими двумя хронологами, но живший при его дворе историк не мог не знать дня годовщины. Касательно назначения нового цезаря для галльских провинций см. Юлиана *Orat.* 1, стр. 12. Годефруа *Chronol. Legum.*, стр. 26, и Блонделя *de la Primaute de l'Eglise*, стр. 1183.

¹²⁾ Код. Феод. кн. 9, тит. 4. Годефруа догадывается, какие были тайные мотивы этого закона. Комментар., ч. 3, стр. 9.

¹³⁾ Дюканж, *Fam. Byzant.*, стр. 28. Тильеон, ч. 4, стр. 610.

¹⁴⁾ Его имя было Порфирий Оптациан. Время этого панегирика, написанного во вкусе того времени пошлыми акrostихами, определено Скалигером (*ad Euseb.*, стр. 250), Тильеомом, ч. 4, стр. 607, и Фабрицием *Biblioth. Latin.*, кн. 4, гл. 1.

¹⁵⁾ Зосим, кн. 2, стр. 103. Годефруа, *Chronol. Legum*, стр. 28.

¹⁶⁾ *Akritōs*, без судебного разбирательства, — таково энергичное и, весьма вероятно, согласное с истиной выражение Суды. Виктор Старший, писавший в следующее царствование, выражается с приличной сдержанностью: «*Natu grandior incertum qua causa, patris iudicio occidisset*». Если мы обратимся к позднейшим писателям Евтропию, Виктору Младшему, Орозию, Иерониму, Зосиму, Филосторгию и Григорию Турскому, то найдем, что их сведения об этом факте, по-видимому,

увеличиваются по мере того, как средства для получения таких сведений должны были уменьшаться; впрочем, это часто замечается при исторических исследованиях.

17) Аммиан (кн. 14 гл. II) употребляет общее выражение *peremptum*. Котин (стр. 34) говорит, что этот принц был обезглавлен, но Сидоний Аполлинарий (*Epistol. V, 8*) говорит, что ему дали холодного яда, — вероятно, в противоположность с горячей ванной Фаусты.

18) *Sororis filium, commodae indolis juvenem*. Евтропий, X, 6. Нельзя ли предположить, что Крисп женился на дочери императора Лициния Елене и что по случаю счастливого разрешения этой принцессы от бремени в 322 году Константин даровал всеобщую амнистию? См. Дюканжа, *Fam. Byzant.* стр. 47 и закон (кн. 9, тит. 37) Кодекса Феодосия, приводивший в такое затруднение истолкователей. Годефруа, ч. 3, стр. 267. (Это предположение очень сомнительно; неясность упомянутого закона в Кодексе Феодосия не позволяет делать из него никаких выводов, и существует только одна медаль, которую можно отнести к жене Криспа Елене. См. Эггеля *Doct. Num. Vet.*, ч. 8 стр. 102, 145. — Гизо.)

19) См. Жизнеописание Константина, в особенности кн. 2, гл. 19, 20. Через двести пятьдесят лет после того Евагрий (кн. 3, гл. 41) вывел из молчания Евсевия несомнительный аргумент против действительности этого факта.

20) *Histoire de Pierre le Grand. par Voltaire*, ч. 2, гл. 10.

21) Чтобы доказать, что статуя была действительно воздвигнута Константином и впоследствии скрыта коварными арианами, Котин создает (стр. 34) двух свидетелей Ипполита и молодого Геродота и не краснея ссылается на их сочинения, которые никогда не существовали.

22) Сочинения Зосима (кн. 2, стр. 103) могут считаться нашим оригиналом. Проницательность новейших писателей в связи с некоторыми намеками, встречающимися у древних писателей, объяснила и исправила его неясный и неполный рассказ.

23) Филосторгий, кн. 2, гл. 4. Зосим (кн. 2, стр. 104—116) винит Константина в смерти двух жен — невинной Фаусты и другой неверной жены, которая была матерью его трех преемников. По словам Иеронима, прошли три или четыре года между смертью Криспа и смертью Фаусты. Старший Виктор благоразумно молчит.

24) Если Фауста была лишена жизни, то следует полагать, что местом ее казни были внутренние апартаменты дворца. Оратор Златоуст* дает волю своей фантазии, рассказывая, что голая императрица была отнесена на уединенную гору и съедена дикими зверями.

25) Юлиан, *Orat. 1*. Он как будто называет ее матерью Криспа; она могла принять этот титул по праву усыновления. По крайней мере она не считалась его смертельным врагом. Юлиан сравнивает судьбу Фаусты с судьбой персидской царицы Парисатиды. Римлянин сделал бы более естественное сравнение, сопоставив ее со второй Агриппиной:

Et moi, qui sur le trone ai suivi mes ancetres:

Moi, fille, femme, soeur, et mere de vos maitres.

26) Монод. in *Constantin. Jun.*, гл. 4, ad calcem *Eutrop.*, изд. Гаверкампа. Оратор называет ее самой божественной и благочестивой из королев.

27) *Interfecit numerosos amicos.* — Евтроп. XX, 6.

* Иоанн Златоуст (*Примеч. ред.*).

28) *Saturni aurea saecula quis requirat?*

Sunt haec gemmae, sed Neroniana. — Сидон. Аполлин. V, 8.

Несколько странно то, что эти сатирические строки приписываются не какому-нибудь незнатному сочинителю пасквилей или разочарованному патриоту, а первому министру и любимцу императора Аблавию. Можно заметить, что в своих проклятиях римский народ руководствовался как чувством человеколюбия, так и суеверием. Зосим, кн. 2, стр. 105.

29) *Euseb. Orat. in Const.*, гл. 3. Эти числа достаточно точны, чтобы оправдать оратора.

30) Зосим, кн. 2, стр. 117. При предместниках Константина слово *Nobilissimus* было скорее неопределенным эпитетом, чем легальным и определенным титулом.

31) *Asdruunt nummi veteres ac singulares.* Шпангейм, *de Usu Numismat.* Диссерт. 12, ч. 2, стр. 357. Аммиан говорит об этом римском царе (кн. 14, гл. 1 и Вал. *ad loc.*) В отрывке Вал. он называется царем царей, а *Pasch. Chr.* (стр. 628), употребляя слово *Rega*, приобретает вес латинского доказательства. (Титул, данный Аннибалиану, относился к нему не как к римскому монарху, а как к царю территории, отведенной ему в Азии, — как это видно на 271-й странице. На всех монетах, где он так называется, река Евфрат обозначает средоточие его царской власти. Клинтон, *F. R. I.* стр. 380. Эггель, *D. N u m. Yet.*, стр. 104. Гумфрея *Manual*, 11, 649, изд. Бона. — *Издат.*)

32) Его ловкость в воинских упражнениях прославляется Юлианом (*Orat* 1, стр. 11, *Orat* 2, стр. 53).

33) Евсев. в *Жизнеоп.* Констант., кн. 4, гл. 51 Юлиан, *Orat* 1, стр. 11–16, с тщательно обработанным комментарием Шпангейма. Либаний, *Orat* 3, стр. 109. Константин учился с похвальным прилежанием, но вследствие тупости своего воображения он не делал успехов ни в поэзии, ни даже в риторике.

34) Евсевий (кн. 4, гл. 51, 52), из желания возвысить авторитет и славу Константина, утверждает, что он разделил Римскую империю так, как частный человек мог бы разделить свою наследственную собственность. О том, как он поделил провинции, можно найти сведения у Евтропия, у обоих Викторов и в отрывке Вал.

35) Незнатный виновник этого восстания или, скорее, этой суматохи Калоцер был схвачен и сожжен живым на торговой площади Тарса, благодаря бдительности Далмация. См. старшего Виктора, хронику Иеронима и сомнительные предания, сообщаемые Феофаном и Седреном.

36) Целларий собрал мнения древних касательно европейской и азиатской Сарматии, а Анвилль применил их к новейшей географии с тем искусством и с той аккуратностью, которыми всегда отличается этот превосходный писатель. (Здесь были бы уместны примечания к 9-й главе этого сочинения, касающиеся народов Восточной и Северной Европы. — *Издат.*)

37) Аммиан, кн. 17, гл. 12. Сарматы холостили своих лошадей во избежание несчастных случаев, которые могли происходить от буйной и неукротимой страсти жеребцов.

38) Павсаний, кн. 1, стр. 50, изд. Куна. Этот любознательный путешественник тщательно рассмотрел одну сарматскую кирасу, сохранявшуюся в храме Асклепия в Афинах.

39) *Aspicias et mitti sub adinco to xica ferro,*

Et telum causas mortis habere duas. Овид. Письма из Понта.

кн. 4, ер. 7, V, 7.

См. в *Recherches sur les Americains*, ч. 2, стр. 236–271 очень интересную диссертацию об отравленных стрелах. Яд обыкновенно добывался из растительного царства, но тот, который употреблялся скифами, как кажется, извлекался из ехидны и смешивался с человеческой кровью. Употребление отравленного оружия, распространявшееся и в Старом и в Новом Свете, никогда не предохраняло дикие племена от оружия дисциплинированных армий.

40) Девять книг поэтических посланий, написанных Овидием в течение первых семи лет его печального изгнания, имеют, не говоря о их изяществе, двойное достоинство. Они представляют картину человеческого сердца при очень своеобразных условиях и содержат много интересных замечаний, которых не имел случая сделать ни один римлянин, кроме Овидия. Все подробности, способные уяснить историю варваров, были собраны очень аккуратным писателем графом де Бюа. (*Histoire Ancienne des Peuples de l'Europe*, том 4, гл. 16, стр. 286–317.)

41) Сарматские язиги жили на берегах Пафисса или Тибиска, когда Плиний издал в 79 году свою Естественную Историю. См. кн. 4., гл. 25. За шестьдесят или семьдесят лет перед тем, во времена Страбона и Овидия, они, как кажется, жили по ту сторону гетов, вдоль берегов Эвксинского моря.

42) *Principis Sarmatarum Jazygum penes quos civitatis regimen ... plebem quoque et vim equitum, qua sola valent, offerebant*. Тацит, *Ист.*, III, 5. Это предположение было сделано во время междоусобной войны между Вителлием и Веспасианом.

43) Эта гипотеза о вандалском короле, царствовавшем над сарматскими подданными, по-видимому, необходима для того, чтобы согласовать гота Иордана с греческими и латинскими историками, описывавшими времена Константина. При этом можно заметить, что Исидор, живший в Испании под владычеством гетов, говорит, что их врагами были не вандалы, а сарматы. См. его *Хронику* у Гроция, стр. 709. (Я уже говорил о том, какая путаница возникает в истории, когда чисто географические названия, как название Сарматии, принимаются за названия исторические, принадлежащие какой-нибудь одной нации; эта путаница чувствуется и в настоящем случае: она заставила Гиббона предположить, — без всякого другого основания, кроме необходимости выпутаться из затруднения — что сарматы взяли короля от вандалов, тогда как это предположение идет совершенно вразрез с тем, что нам известно о нравах варваров. Дакия была в эту пору занята не сарматами, которые никогда не составляли отдельной расы, а вандалами, которых древние писатели часто смешивали с первыми, под родовым названием сарматов. См. *Gatterers Weltgeschichte*, стр. 464. — Гизо.) (В предыдущих примечаниях уже было указано на то, что нельзя относиться с доверием к тем названиям, которые давались древними писателями странам и их обитателям. Всего менее можно доверяться древним поэтам, которые употребляли названия варваров без всякого разбора ради требований стихотворного размера. Бесспорно, Овидий жил между гетами или готами, — вероятнее между массагетами, которые завели спокойные поселения в этой стране во время ее беззащитного положения после падения Персея и от которых эта провинция впоследствии получила название Мезии. Но он вовсе не жил беззащитным от ярости этих степных чудовищ, как он сам рассказывает на своем живописном языке и как это рассказывает Гиббон, увлекаясь своей живой фантазией. Он слышал там о сарматах, которые занимали земли, покинутые готами на левом берегу реки, и, может быть, ему случилось видеть переходивших реку каких-нибудь мародеров. Этого было для него достаточно: но он, очевидно, не знал различия между их наречиями, так как слова *Geticus* и *Sarmaticus* выходили

из—под его поэтического пера сообразно с тем, сколько ему было нужно слогов для правильности стиха. Страны получали от различных племен названия, которые они удерживали и тогда, когда эти племена уже покинули их и когда они были заселены новыми пришельцами. Эти последние, в свою очередь, получали название от занимаемой ими страны, которая, быть может, впоследствии получала новых обитателей. Древние писатели или не замечали, или не понимали этих переселений и перемен в жизни варваров. Сарматы (*Sauromatae, Sarmatae*), должно быть, было родовое название и, как кажется, было самое древнее из всех, под которыми были известны славянские расы. Во времена Геродота (*Meipom.* 21) они встречались только на восточной стороне Танаиса, и поэтому там была обширная территория, называвшаяся Азиатской Сарматией. Затем, с течением времени, они медленно передвигались сначала к Борисфену или Днепру, потом к нижнему Дунаю и наконец распространились к северу до Вислы, где обширная Центральная часть Европы получила от них название Сарматии. В последние дни Римской империи там жили славонские племена, постоянно боровшиеся с готами и оттеснявшие их к западу, точно так как сами готы оттеснили кельтов. Таков основной очерк ранней истории этих племен; с помощью его можно объяснить те добавочные факты, которые иначе показались бы непонятными, и можно согласовать с ними эти факты так, что долго существовавшая путаница будет устранена. — *Издан.*)

44) Я считаю нужным оправдать себя в том, что я без всяких колебаний пользовался авторитетом Константина Порфирородного во всем, что касается войн и мирных переговоров жителей Херсонеса. Я знаю, что это был грек десятого столетия и что его рассказы о древней истории часто сбивчивы и баснословны. Но в настоящем случае его повествование большей частью последовательно и правдоподобно; сверх того, нетрудно поверить, что императору могли быть доступны некоторые секретные архивы, оставшиеся неизвестными для менее высокопоставленных историков. Касательно положения и истории Херсонеса см. *Пейссонеля des Peuples barbares qui ont habité les Bords du Danibe*, гл. 16, стр. 84—90. (Декан Мильман приводит одно примечание са. Мартина о Лебо, обвиняющее Гиббона в том, что он «смешивает жителей города Херсона с обитателями Херсонеса Таврического». Это обвинение не оправдывается текстом. Подобно некоторым другим свободным государствам у жителей Херсонеса была небольшая территория, на которой их город был столицей. К ней—то и относятся слова Гиббона, а не ко всему Киммерийскому полуострову, на котором, по его же словам (гл. 14, ч. 1, стр. 344), находилось государство Боспорское, имевшее столицей Пантикапей на восточной стороне Херсонеса. *Арриан. Perip. Mar. Eux.*, стр. 131. — *Издан.*)

45) Войны готов и сарматов рассказываются так отрывочно и неполно, что я был вынужден прибегнуть к сравнению следующих писателей, взаимно друг друга дополняющих, исправляющих и объясняющих. Кто исполнит такую же работу, тот получит право критиковать мой рассказ. Аммиан, кн. 17, гл. 12. Аном. Вал., стр. 715. Евтропий, X. 7. Секст Руф de *Provinciis*, гл. 26. Олиан, *Orat.* 1, стр. 9 и комментарий Шпангейма, стр. 94.

Иероним, *Хрон.*, Евсевий, *Жизнеоп.* Константина, кн. 4, гл. 6. Сократ, кн. 1, гл. 18. Созомен, кн. 1, гл. 8. Зосим, кн. 2, стр. 108.

Иордан de *Reb. Geticis*, гл. 22. Исидор, *Хрон.*, стр. 709. Гроций, *Ист. готов.* Константин Порфирородный, de *Administrat. Imperii*, гл. 53, стр. 208, изд. Меурсия.

46) Евсевий (in *Vit. Const.*, кн. 4, гл. 50) делает три замечания касательно этих индейцев. 1. Они пришли с берегов восточного океана: это указание можно отнести к берегам Китая или Короманделя. 2. Они подарили Константину драгоценные ка—

меня и неизвестных животных. 3. Они уверяли, что их короли воздвигли статую для изображения верховного величия Константина.

47) *Funus relatum in urbem sui nominis, quod sane P.R. aegerrime tulit* (Аврелий Виктор). Константин приготовил для себя великолепную гробницу в церкви Святых Апостолов, Евсев., кн. 4, гл. 60. Лучшее и поистине почти единственное описание болезни, смерти и похорон Константина находится в четвертой книге Жизнеописания этого императора Евсевием.

48) Евсевий (кн.4, гл.6) заканчивает свой рассказ этим заявлением верных войск и умалчивает о всех отвратительных подробностях следовавшей затем резни.

49) Характер Далмация изображен Евтропием в выгодном свете, хотя и в скатых выражениях (X, 19): «*Dalmatius Caesar, prosperrima indole, neque patruo absimilis, haud multo post, oppressus est factione militaris*». Так как и Иероним и Александрийская Хроника упоминают о третьем годе цезаря, начинавшемся не прежде 18 или 24 сентября 337 г. по Р.Х., то не подлежит сомнению, что эти военные заговоры продолжались более четырех месяцев.

50) Я привел этот оригинальный факт со слов Филосторгия, кн.2, гл.16. Но если Констанций и его приверженцы действительно прибегали к такому предлогу, они с презрением отложили его в сторону, лишь только он помог им достичь желаемой цели. Афанасий (ч.1, стр.856) упоминает о клятве Констанция с ручательством за безопасность его родственников. (Авторитет Филосторгия так подозрителен, что его недостаточно для засвидетельствования такого факта, о котором Гиббон говорил в своей истории как о чем то достоверном, а в примечании отзывается с некоторым недоверием. — Гизо.)

51) *Conjugia sobrinorum diu ignorata, tempore addito percubuisse*. Тацит, *Анналы*. XII, 6 и Липсий *ad loc.* Отмены древнего закона и пятисотлетней привычки было недостаточно для того, чтобы искоренить предрассудки римлян, которые не переставали смотреть на брак между двоюродным братом и сестрой как на особый вид кровосмешения (Августин, *de Civitate Dei* XV, 6); а Юлиан, выражавшийся под влиянием суеверия и ненависти, заклеил эти неестественные браки между его собственными двоюродными братьями и сестрами позорным эпитетом *gamôn te ou gamôn* — внебрачно женатый. — Перев. ред. (Речь 7, стр.228.) Церковное законодательство впоследствии восстановило и усилило это запрещение, но оно не было в состоянии внести его ни в гражданские законы, ни в обычное право Европы. См. касательно таких браков Тэйлора *Civil Law*, стр.331. Бруэ *de Jure Connub.* кн.2, гл.12. Герикура *des Loix Ecclesiastiques*, ч.3, гл.5. Флери, *Institutions du Droit Canonique*, ч.1, стр.331, Париж; 1767 и Фра Паоло *Istoria del Concilio Trident.*, книга 8.

52) Юлиан (*ad S.P.Q. Athen.* стр.270) взваливает на своего двоюродного брата Констанция всю вину в избиениях, от которых сам он едва спасся. Его слова подтверждаются Афанасием, который, по причинам совершенно другого рода, был не менее его враждебен к Констанцию (ч.1, стр.856). Зосим высказывает точно такое же обвинение; но три сократителя, Евтропий и два Виктора, употребляют весьма мягкие выражения: «*sinente potius quam jubente*», «*incertum quo suatore*», «*vimilitum*».

53) Евсев. *in Vit. Constantin.* кн.4, гл.69. Зосим, кн.2, стр.117. Идац. *in Chron.* См. два примечания Тильемона, *Hist. des Empereurs*, ч.4, стр.1086—1091. О царствовании старшего брата в Константинополе упоминается только в Александрийской Хронике.

54) Агафий, живший в шестом столетии, был автором этого рассказа (кн.4, стр.135, Луврское изд.). Он заимствовал эти сведения из каких-нибудь извлечений из персидских хроник, добытых и переведенных толковником Сергием в то время, как он был послом при персидском дворе. О короновании матери Шапура упоминают: Шикар (Tarikh, стр. 116) и д'Эрбело (Bibliothèque Orientale, стр. 763.)

55) Д'Эрбело, Bibliothèque Orientale, стр.764.

56) Секст Руф (гл.26), авторитетом которого нельзя пренебрегать в настоящем случае, утверждает, что персы тщетно просили мира и что Константин готовился начать с ними войну; но более веское свидетельство Евсевия заставляет нас думать, что если мирный договор и не был заключен, то были по меньшей мере подписаны предварительные мирные условия. См.Тильемена Hist. des Empereurs, ч.4, стр.420.

57) Юлиан, Речь 1, стр.20.

58) Юлиан, Речь 1, стр. 20, 21. Моисей Хоренский, кн.2, гл.89; кн.3, гл. 1-9, стр. 226-240. Полное согласие между туманными намеками современного оратора и подробным рассказом национального историка бросают свет на слова первого из них и придают вес словам второго. В подтверждение рассказа Моисея можно также заметить, что имя Антиоха встречается за несколько лет перед войной в списке гражданских чиновников низшего разряда. См.Годефруа, Код. Феод., том VI, стр.350.

59) Аммиан (XIV, 4) живо описывает бродячую и хищную жизнь сарацинов, живших между границами Ассирии и нильскими водопадами. Похождения Малха, так интересно рассказанные Иеронимом, заставляют думать, что эти грабители занимались своим ремеслом на большой дороге между Береей и Эдессой. См. Иеронима ч.1, стр.256.

60) Евтропий дает нам общее понятие об этой войне (X,10): «A Persis enim multa et gravia perpressus, saepe captis oppidis, obsessis urbibus, caesis exercitibus, nullumque ei contra Saporem prosperum praelium fuit, nisi quod apud Singaram, etc.». Этот добросовестный рассказ подтверждается указаниями, которые мы находим у Аммиана, Руфа и Иеронима. Две первые речи Юлиана и третья речь Либапия рисуют более лестную картину; но отпирательство этих обоих ораторов после смерти Констанция хотя и восстанавливает истину, но унижает и их собственный характер, и характер императора. Комментарий Шпангейма к первой речи Юлиана в избытке наполнен ученостью. См. также основательные замечания Тильемена, Hist. des Empereurs, том IV, стр.656.

61) Acerrima nocturna concertatione pugnatum est, nostrorum copiis ingenti strage confossis. Аммиан, XVIII, 5. См. также Евтропия X, 10 и С. Руфа, гл. 27.

62) Либаний, Orat. 3, стр.133; Юлиан, Orat. 1, стр.24 и комментарий Шпангейма, стр.179.

63) Юлиан, Orat. 2, стр.62 и сл. с комментарием Шпангейма (стр. 188-202), который объясняет подробности и определяет время трех осад Нисибина. Тильемен также рассматривает вопрос о времени осад. (Hist. des Empereurs, том IV, стр. 688, 671, 674.) Некоторые сведения об этом предмете сообщают Зосим, кн.3, стр.151, и Александрийская Хроника, стр.290.

64) Саллюстий, Отрыв. 84, изд. Бросса и Плутарх in Lucull., ч.3, стр.184. В настоящее время в Нисибине только сто пятьдесят домов; его болотистая местность производит рис, а его плодородные луга, простирающиеся до Мосула и Тигра, покрыты развалинами городов и селений. См. Нибура Voyages, ч.2, стр.300-309.

65) Чудеса, которые Феодорет (кн.2, гл.30) приписывает Эдесскому епископу св. Иакову, по крайней мере совершались за хорошее дело – для защиты своей родины. Он появился на городских стенах под видом римского императора и напустил массу мушек, которые стали так сильно кусать хоботы у слонов, что эти последние привели в расстройство армию нового Сеннахериба.

66) Юлиан, *Orat.* 1, стр.27. Хотя, по словам Нибура (ч.2, стр.307), воды в реке Мигдоние поднимаются до значительной высоты и хотя он видел перекинутый через нее мост с двенадцатью арками, все-таки трудно допустить это сравнение ничтожной речки с большой рекой. В описании этих огромных работ есть много таких подробностей, которые неясны и почти совершенно непонятны.

67) Мы обязаны Зонаре (ч.2, кн.13, стр.11) сведениями об этом нашествии массагетов, которое вполне согласно с общим ходом событий, но на которое мы имеем лишь неясные указания в отрывочном изложении Аммиана.

68) Причины и ход этой междоусобной войны рассказываются очень сбивчиво и противоречиво. Я придерживался главным образом Зонары и младшего Виктора. Монодия (*ad saecum* Eutrop. изд. Гаверкампа), произнесенная по случаю смерти Константина, могла бы быть очень поучительной, но осторожность и дурной вкус заставили оратора вдаваться в пустую декламацию.

69) *Quarum (gentium) obsides pretio quaesitos pueros venustiores, quod cultus habuerat, libidine huiusmodi arsisse pro certo habetur.* Если бы развратные наклонности Константа не были всем известны, то старший Виктор, занимавший значительную должность в царствование его брата, не стал бы выражаться так положительно.

70) Юлиан, *Orat.* 1 и 2. Зосим, кн.2, стр.134. Виктор в Эпитомах. Есть некоторое основание думать, что Магненций родился в одной из тех варварских колоний, которые были поселены в Галлии Константином Хлором. (См. эту историю, ч.1, стр.447.) Его образ действий напоминает нам патриота графа Лейстерского, знаменитого Симона Монфора, которому удалось убедить наивных англичан, что он, будучи родом француз, взялся за оружие для того, чтобы избавить их от фаворитов иностранного происхождения.

71) Этот древний город когда-то процветал под именем Иллибериса. (Помпоний Мела, 115.) Щедрость Константина придала ему новый блеск и украсила его именем матери императора. Елена (он до сих пор носит название Елены) сделалась местом пребывания епископа, который много времени спустя перенес свою резиденцию в главный город теперешнего Русильона Перпиньян. См. Анвилля *Notice de l'Ancienne Gaule*, стр.380. Лонгерю, *Description de la France*, стр.223, и *Marca Hispanica*, кн.1, гл.2.

72) Зосим, кн. 2, стр. 119, 120. Зонара, ч. 2, кн. 13, стр. 13 и сократители.

73) Евтропий (X, 10) рисует портрет Ветраниона с большей устремленностью и, вероятно, с большим сходством, нежели оба Виктора. Ветранион родился от незнатных родителей в самой дикой части Мезии и получил такое плохое воспитание, что, только достигнув высокого положения, стал учиться грамоте.

74) Нерешительный и переменчивый образ действий Ветраниона описан Юлианом в его первой речи и тщательно объяснен Шпангеймом, который обсуждает положение и поведение Константина.

75) См. Петра патриция *Excerpta Legationum*, стр.27.

76) Зонара, ч.2, кн.13, стр.16. Положение Сардики, находившейся неподалеку от теперешней Софии, по-видимому, было более удобно для свидания, чем положение Нэсса или Сирмиума, куда переносят это свидание Иероним, Сократ и Созомен.

77) См. две первых речи Юлиана, в особенности стр.31, и Зосима кн.2, стр. 122. Ясный рассказ историка может служить объяснением пространных, но сбивчивых описаний оратора.

78) Младший Виктор называет его изгнание высокопарными словами «voluptarium otium». Сократ (кн.2, гл.28) говорит о его переписке с императором, которая, по-видимому, служит доказательством того, что Ветранион действительно был «prope ad stultitiam simplicissimus»⁸.

79) Eum Constantius... facundiae vi dejectum imperio in privatum otium removit. Quae gloria post natum imperium soli processit eloquio clementiaque, etc. Аппелий Виктор, Юлиан и Фемистий (Orat. 3 и 4) украшают этот подвиг всеми искусными и блестящими красками своей риторики.

80) Бусбекий (стр.112) проезжал Нижнюю Венгрию и Славонию в такое время, когда они почти были обращены в пустыню войной между турками и христианами. Тем не менее он говорит с восхищением о несокрушимом плодородии тамошней почвы и замечает, что трава достаточно высока, чтобы совершенно скрыть от глаз доверку нагруженную телегу. См. также Путешествие Броуна в коллекции Гарри-са, том 2, стр.762 и сл.

81) Зосим подробно описывает и войну и мирные переговоры (кн.2, стр. 123–130). Но так как он не был сведущ ни в военном деле, ни в политике, то к его рассказу следует относиться с вниманием и осторожностью.

82) Этот замечательный мост, имеющий по бокам башни на огромных деревянных сваях, был построен в 1566 г. султаном Сулейманом, чтобы облегчить движение его армии внутрь Венгрии. См. Путешествия Броуна и Систему Географии Бушинга, ч.2, стр.90.

83) Эта позиция и следовавшие затем передвижения описаны, хотя и кратко, но ясно Юлианом. Orat. 1, стр.36.

84) Сульпиций Север, кн.2, стр.405. Император провел этот день в молитве вместе с арианским епископом Мурсы Валентом, который приобрел его доверие тем, что предсказал ему победу. Тильемон (Hist. des Empereurs, ч.2, стр. 1110) очень уместно обращает внимание на молчание Юлиана о личных подвигах Констанция во время битвы при Мурсе. Когда желание льстить служит причиной молчания, тогда оно нередко бывает равносильно с самыми положительными и достоверными свидетельствами.

85) Юлиан Orat. 1, стр.36, 37 и Orat.2, стр.59, 60. Зонара ч.2, кн.13, стр.17. Зосим, кн.2, стр. 130–133. Последний из этих писателей восхваляет ловкость стрелка Менелая, который умел пускать по три стрелы за раз; по его понятиям о военном искусстве, это обстоятельство способствовало победе Констанция.

86) По словам Зонары, Констанций потерял тридцать тысяч человек из числа восьмидесяти тысяч, составлявших его армию, а Магненций потерял двадцать четыре тысячи человек из числа тридцати шести тысяч. Другие подробности этого рассказа, по-видимому, правдоподобны и достоверны, но численный состав армии тирана, должно быть, обозначен неверно или самим автором или переписчиками. Магненций собрал все военные силы запада, состоявшие как из римлян, так и из варваров, и численный состав его армии нельзя определить менее чем в сто тысяч человек. Юлиан, Orat. 1, стр.34, 35.

87) Ingentes R.I. vires ea dimicatione consumptae sunt, ad quaelibet bella externa idoneae, quae multum triumphorum possent securitatisque conferre. Евтропий, X, 13. Младший Виктор выражается в том же смысле.

* “Прост до глупости” (Авр. Вижт. Извл. XLI). - Примеч. ред.

88) В этом случае мы должны предпочесть не возбуждающее недоверия свидетельство Зосима и Зонара лживым уверениям Юлиана. Младший Виктор выставляет характер Магненция в странном свете: «*Sermonis acer, animi tumidi, et immodice timidus; artifex tamen ad occultandam audaciae specie formidinem*». Во время битвы при Мурсе чем он руководствовался натурой или искусством? Я полагаю, искусством.

89) Юлиан, *Orat.* 1, стр. 38, 39. В этом месте, равно как в Речи 2, стр.97, он намекает на то, что сенат, итальянский народ и итальянская армия были вообще расположены в пользу императора.

90) Старший Виктор описывает в трогательных выражениях жалкое положение Рима: «*Cujus stolidum ingenium adeo P.R. patribusque, exitio fuit, uti passim domus, fora, viae, templaque, cruore, cadaveribusque opplerenter bustorum modo*». Афанасий (ч.1, стр.677) оплакивает гибель многих знатных жертв, а Юлиан (*Orat.*2, стр.58) говорит с отвращением о жестокости Марцеллина — этого непримиримого врага Константинова семейства.

91) Зосим кн.2, стр.133. Виктор in *Epitome*. Панегиристы Констанция, со своим обычным чистосердием, позабыли упомянуть об этом поражении.

92) Зонара, ч.2, кн.13, стр.17. Юлиан в нескольких местах двух своих речей распространяется о милосердии Констанция к бунтовщикам.

93) Зосим, кн.2, стр.133. Юлиан, *Orat.* 1, стр.40, 11, стр.74.

94) Аммиан, XV, 6. Зосим, кн.2, стр.123. Юлиан (*Orat.* 1, стр.40), изливающий свое негодование по поводу ужасных последствий отчаяния тирана, упоминает (*Orat.* 1, стр.34) о притеснительных эдиктах, которые были вынуждены его стеснительным положением или его жадностью. Его подданные были принуждены приобретать покупкой императорские поместья, но этот вид собственности был очень неверный и опасный, так как в случае переворота мог бы подать повод к обвинению в государственной измене.

95) Медали Магненция прославляют победы двух августов и одного цезаря. Этим цезарем был другой брат Магненция, по имени Дезидерий. См. Тильемона *Hist. des Empereurs*, том IV, стр.757.

96) Юлиан, *Orat.* 1, стр. 4, 11, стр.74, и у Шпангейма стр.263. Его комментарий объясняет ход междоусобной войны. *Mons Seleuci* была небольшая местность в Коттийских Альпах, в нескольких милях от Вапинкума, или Гапа, — города, находящегося в Дофинэ и служащего местопребыванием для епископа. См. Анвилля *Notice de la Gaule*, стр.464 и Лонгерю *Description de la France*, стр.327.

97) Зосим, кн.2, стр.134. Либаний, *Orat.* 10, стр.268, 269. Последний из них чрезвычайно горячо нападает на жестокосердную и себялюбивую политику Констанция.

98) Юлиан, *Orat.* 1, стр.49. Зосим, кн.2, стр.134. Сократ, кн.2, гл.32. Созомен, кн.4, гл.7. Младший Виктор, описывая его смерть, рассказывает некоторые ужасные подробности: «*Transfosso latere, ut erat vasti corporis, vulnere naribusque et ore cruorem effundens, expiravit*». Если верить Зонаре, то тиран доставил себе перед смертью удовольствие умертвить своими собственными руками свою мать и своего брата Дезидерия.

99) Юлиан (*Orat.* 1, стр.58, 59) не решается утверждать, сам ли он казнил себя за свои преступления, или не утонул ли он в Драве, или не был ли он унесен демонами — мстителями с поля битвы в место, назначенное для его вечных мучений.

100) Аммиан, XIV, 5, XXI, 16.

ГЛАВА XIX

Констанций один остается императором. -

Возвышение и смерть Галла. -

Опасное положение и возвышение Юлиана. -

Войны с сарматами и персами. -

Победы Юлиана в Галлии

Разоренные провинции империи снова соединились в одно целое благодаря победам Констанция; но так как этот слабодушный монарх не имел никаких личных дарований ни для мирных, ни для военных занятий, так как он боялся своих генералов и не доверял своим министрам, то успехи его оружия привели лишь к тому, что утвердили над римским миром господство евнухов. Эти несчастные существа - старинный продукт восточной ревности и восточного деспотизма¹⁾ - были введены в Грецию и Рим заразой азиатской роскоши²⁾. Их успехи были очень быстры; во времена Августа на них смотрели с отвращением, как на уродливую свиту египетской королевы³⁾, но после того они мало-помалу втерлись в семьи матрон, сенаторов и самих императоров⁴⁾.

Строгие эдикты Домициана и Нервы препятствовали их размножению⁵⁾, гордость Диоклетина благоприятствовала им, а благоразумие Константина низвело их до очень скромного положения⁶⁾; но во дворцах недостойных сыновей Константина они скоро размножились и мало-помалу приобрели сначала знакомство с тайными помыслами Констанция, а потом и управление ими. Отвращение и презрение, с которыми все относились к этому уродливому разряду людей, точно будто развратили их и придали им ту неспособность ко всякому благородному чувству или благородному поступку, которую им приписывало общее о них мнение⁷⁾. Но евнухи были искусны в лести и в интригах, и они управляли Констанцием то при помощи его трусливости, то при помощи его лени, то при помощи его тщеславия⁸⁾. В то время как обманчивое зеркало представляло его взорам приятную картину общественного благополучия, он из небрежности не мешал им перехватывать жалобы угнетенных провинций, накапливать огромные богатства продаж правосудия и почестей, унижать самые важные должности раздачей их тем,

кто покупал у них деспотическую власть⁹⁾, и удовлетворять свою ненависть к тем немногим самостоятельным людям, которые из гордости не искали покровительства рабов. Между этими рабами самым выдающимся был камергер Евсевий, управлявший и монархом, и двором с такой неограниченной властью, что, по саркастическому выражению одного беспристрастного историка, Констанций пользовался некоторым кредитом у своего надменного фаворита¹⁰⁾. Благодаря его коварным внушениям император согласился утвердить смертный приговор над несчастным Галлом и прибавить новое преступление к длинному списку бесчеловечных убийств, запятнавших честь Константинова рода.

Когда два племянника Константина Галл и Юлиан были спасены от ярости солдат, первому из них было около двенадцати лет, а второму около шести; а так как старший, по общему мнению, был слабого сложения, то Констанций из притворного сострадания не лишил их обоих права на ничем не обеспеченное и зависимое существование, сознавая, что казнь этих незащитных сирот считалась бы всеми за самый отвратительный акт предумышленной жестокости¹¹⁾. Местом их ссылки и воспитания были назначены различные города — для одного в Ионии, для другого в Вифинии; но лишь только они достигли такого возраста, который мог возбуждать опасения, император счел более благоразумным принять против этих несчастных юношей меры предосторожности и приказал заключить их в крепость Мацеллум, вблизи от Кесарии. С ними обходились в течение их шестилетнего заключения частью так, как мог бы обходиться заботливый попечитель, и частью так, как мог бы обходиться недоверчивый тиран¹²⁾. Тюрьмой для них служил старинный дворец, бывший резиденцией царей Каппадокии; положение было красиво, здания великолепны, а огороженное место обширно. Их учебными занятиями и физическими упражнениями руководили самые искусные наставники, а многочисленная свита, назначенная для того, чтобы состоять при племянниках Константина или, скорее, для того, чтобы стеречь их, не была недостойна их высокого происхождения. Но они не могли не сознавать, что они были лишены и своего состояния, и свободы, и безопасности, что они были удалены от общества всех тех, к кому они могли питать доверие и уважение, и что они были вынуждены проводить свою печальную жизнь в обществе рабов, готовых исполнять приказания тирана, который причинил им так много зла, что примирение с ним было не-

возможно. Впрочем, государственные соображения в конце концов принудили императора или, верней, его свнухов, возвести двадцатичетырехлетнего Галла в звание цезаря и упрочить этот политический союз бракосочетанием Галла с принцессой Константиной. После официального свидания, на котором оба монарха взаимно обязались никогда ничего не предпринимать ко вреду один другого, они немедленно разъехались в разные стороны: Констанций продолжал свой поход на запад, а Галл избрал своим местопребыванием Антиохию, откуда стал управлять пятью большими диоцедами восточной префектуры в качестве императорского делегата¹³). При этой счастливой перемене новый цезарь не позабыл о своем брате Юлиане, который получил подобающие его положению отличия, внешний вид свободы и значительное родовое состояние¹⁴). И те писатели, которые были особенно снисходительны к памяти Галла, и сам Юлиан, старавшийся скрыть слабости своего брата, — все были вынуждены сознаться, что новый цезарь был неспособен царствовать. Перейдя прямо из тюрьмы на престол, он не принес с собою ни ума, ни прилежания, ни понятливости, которые могли бы восполнить недостаток знаний и опытности. Одинокость и несчастье вместо того, чтобы смягчить его характер, от природы угрюмый и свирепый, еще более ожесточили его; воспоминания о том, что он претерпел, располагали его скорей к мстительности, нежели к состраданию, и необузданные взрывы его гнева нередко бывали губительны для тех, кто имел к нему доступ или кто зависел от его власти¹⁵). Жена его Константина, как говорят, была похожа не на женщину, а на одну из адских фурий, мучимых неутолимою жаждою человеческой крови¹⁶). Вместо того, чтобы пользоваться своим влиянием на мужа для внушения ему кротости и человеколюбия, она раздражала его пылкие страсти, а так как она отказалась от свойственного ее полу мягкосердия, но не отказалась от свойственного ему тщеславия, то у нее можно было купить за жемчужное ожерелье смертную казнь невинного, отличавшегося и знатностью своего происхождения, и своими добродетелями¹⁷). Жестокосердие Галла иногда выражалось открыто в избиении народа или в казнях лиц военного звания, а иногда оно прикрывалось употреблением во зло законов и формальностями судопроизводства. В Антиохии и дома частных лиц, и места общественных увеселений осаждались шпионами и доносчиками, и сам цезарь, переодевшись в плебейское платье, очень часто принимал на себя

эту отвратительную роль. Все дворцовые апартаменты были украшены орудиями смертной казни и пытки, и вся столица Сирии была объята ужасом. Как будто сознавая, как опасно его положение и как он мало достоин верховной власти, восточный монарх избирал жертв своей ярости или между жителями провинций, обвиненными в каком-нибудь вымышленном государственном преступлении, или между своими собственными царедворцами, которых он не без основания подозревал в том, что своей секретной перепиской они раздражают робкого и недоверчивого Констанция. Но при этом он позабывал, что он лишал себя своей единственной опоры - народной привязанности, тогда как своим врагам он давал в руки орудие истины, а императору доставлял самый благовидный предлог для того, чтобы лишить его и короны, и жизни¹⁸⁾.

Пока междоусобная война оставляла нерешенной судьбу римского мира, Констанций притворялся, будто ничего не знает о слабостях и жестокосердии правителя, которому он поручил восточные провинции, а поимка нескольких убийц, подсланных в Антиохию галльским тираном, распространила общее убеждение, что императора и цезаря соединяют одни и те же интересы и что у них одни и те же враги¹⁹⁾. Но когда победа склонилась на сторону Констанция, его зависимый соправитель сделался и менее полезным, и менее опасным. Все подробности его поведения были исследованы со строгостью и с недоверием, и было втайне решено или лишить Галла власти, или по меньшей мере переместить его из Азии, где он жил среди бездействия и роскоши, в Германию, где он был бы окружен лишениями и опасностями военной жизни. Смерть консуляра сирийской провинции Феофила, убитого во время голода жителями Антиохии с одобрения или почти по подстрекательству Галла, была вполне основательно признана не только за акт безрассудной жестокости, но и за опасное оскорбление верховного величия Констанция. Два уполномоченных высшего ранга, восточный префект Домициан и дворцовый квестор Монтий, были командированы с поручением обревизовать восточную администрацию и ввести в ней нужные реформы. Им было приказано обходиться с Галлом вежливо и почтительно и путем кротких убеждений склонить его к исполнению желаний его брата и соправителя. Опрометчивость префекта пренебрегла такими благоразумными приемами и ускорила как его собственную гибель, так и гибель его врага.

Прибыв в Антиохию, Домициан презрительно проехал мимо ворот дворца и, ссылаясь на легкое нездоровье, провел несколько дней в уединении, составляя полную раздражения записку, которую он отослал императорскому правительству. Наконец, уступая настоятельным просьбам Галла, префект согласился занять свое место в его совете, но он начал с того, что предъявил цезарю в кратких и заносчивых выражениях требование немедленно отправиться в Италию, предупреждая его, что накажет за медленность или колебания прекращением выдачи его придворному штату жалованья. Племянник и дочь Константина, не будучи в состоянии вынести такую дерзость от подданного, выразили свой гнев тем, что приказали своей страже немедленно арестовать Домициана. Эта ссора еще могла окончиться примирением, но примирение сделалось невозможным вследствие неблагоприятной выходки Монтия - государственного человека, даровитого и опытного, но не всегда умевшего владеть собой²⁰). Квестор надменным тоном заметил Галлу, что принц, едва имеющий право сместить какого-нибудь муниципального чиновника, не смеет подвергать аресту преторианского префекта; затем он созвал гражданских чиновников и офицеров и потребовал от имени их государя, чтобы они защитили особу и достоинство его представителей. Это опрометчивое объявление войны вывело из терпения раздражительного Галла и заставило его прибегнуть к самым крайним мерам. Он приказал своей гвардии взяться за оружие, созвал жителей Антиохии и поручил им охрану своей особы и отмщение за нанесенную ему обиду. Его приказания были исполнены с немилосердной точностью. Толпа схватила префекта и квестора, связала их ноги веревками, потащила их по улицам, нанося им тысячи оскорблений и ран, и наконец бросила их изуродованными и бездыханными в реку Оронт²¹).

Каковы бы ни были замыслы Галла, но после такого деяния он мог бы защищать свою невинность с какой-нибудь надеждой на успех только на поле битвы. Но характер этого принца был равномерным сочетанием запальчивости и слабодушия. Вместо того, чтобы принять титул августа и воспользоваться для своей защиты войсками и сокровищами востока, он положился на притворное спокойствие Констанция, который, не мешая ему по-прежнему содержать великолепный двор, мало-помалу отозвал из азиатских провинций испытанные в войне легионы. Но так как все еще

считалось опасным арестовать Галла в его столице, то против него было с успехом употреблено медленное, но более верное орудие лицемерия. Констанций часто призывал ему письма с выражениями доверия и дружбы, настоятельно убеждая его исполнить обязанности своего высокого звания, сложить со своего правителя хоть некоторую долю государственных забот и помочь ему в управлении западом и своим присутствием, и своими советами, и своими военными силами. После стольких взаимных оскорблений Галл имел полное основание опасаться и не доверять. Но он не воспользовался удобными случаями для бегства и для сопротивления; его увлекли лживые уверения трибуна Скудилона, который скрывал под маской сурового солдата самую хитрую вкрадчивость, и он рассчитывал на влияние своей жены Константины, пока ее преждевременная смерть не довершила гибели, в которую он был вовлечен ее буйными страстями²²).

После долгой нерешительности цезарь наконец отправился в императорскую резиденцию. От Антиохии до Адрианополя он ехал по своим обширным владениям с многочисленной и блестящей свитой, а так как он старался скрывать тревожившие его опасения от всех и, может быть, от самого себя, то он устроил для увеселения константинопольского населения игры в цирке. Впрочем, при своем дальнейшем следовании он мог догадаться об угрожавшей ему опасности. Во всех главных городах он находил императорских уполномоченных, которым было поручено брать в свои руки местное управление, следить за каждым его шагом и наблюдать за тем, чтобы он не пустился с отчаяния на какие-нибудь безрассудства. Лица, командированные с поручением вступить в управление покинутыми им провинциями, холодно приветствовали его при встрече или же относились к нему с пренебрежением, а войска, стоявшие на пути, тщательно отводились в сторону при его приближении из опасения, чтобы они не предложили ему своих услуг для междоусобной войны²³). После того как Галлу было дозволено отдохнуть несколько дней в Адрианополе, он получил написанное самым высокомерным и повелительным тоном приказание оставить в этом городе свою блестящую свиту и поспешить в миланскую императорскую резиденцию только с десятью почтовыми каретами. Во время этого быстрого переезда глубокое уважение, с которым прежде относились к брату и соправителю Констанция, мало-помалу перешло в грубую фамильярность, а Галл, заметивший из обхождения окружающих, что они уже счи-

тают себя его стражами и что они могут скоро сделаться его палачами, начал обвинять себя в пагубной опрометчивости и вспоминать с ужасом и с угрызениями совести о тех поступках, которыми он подготовил себе такую участь. Соблюдавшиеся до тех пор внешние приличия были отложены в сторону по прибытии в Петовион, в Паннонии. Его отвезли в загородный дворец, где ожидал его прибытия генерал Барбацион с отрядом избранных солдат, которые не были доступны ни чувству сострадания, ни подкупу. С наступлением ночи он был арестован; с него позорным образом сорвали внешние отличия цезарского звания и отвезли в Полу, в Истрии, - в уединенную тюрьму, так еще недавно запятнанную царской кровью. Овладевший им ужас скоро еще усилился при появлении его непримиримого врага евнуха Евсевия, который, при помощи одного нотариуса и одного трибуна, приступил к его допросу касательно управления восточными провинциями. Цезарь, подавленный тяжестью своей вины и своего позора, признался во всех своих преступлениях и во всех изменнических замыслах, в которых его обвиняли, а тем, что он приписал их советам своей жены, он усилил негодование Констанция, который стал рассматривать произведенное следствие с неблагоприятным для него пристрастием. Император легко убедился, что его собственная безопасность несовместима с жизнью его двоюродного брата: смертный приговор был подписан, отправлен и приведен в исполнение; племянник Константина, с связанными сзади руками, был обезглавлен в тюрьме, как самый низкий злодей²⁴). Те, которые стараются оправдать жестокосердие Констанция, утверждают, что он скоро одумался и отменил кровавое приказание, но что его гонец, посланный с приказанием не исполнять приговора, был задержан евнухами, боявшимися мстительности Галла и желавшими присоединить к своим владениям богатые восточные провинции²⁵).

Кроме царствующего императора, из многочисленного потомства Констанция Хлора оставался в живых один Юлиан. Так как он имел несчастье принадлежать к царскому роду, то и на нем отразилось несчастье, постигшее Галла. Из своего уединения в счастливой Ионии он был отправлен под сильным конвоем в миланскую резиденцию и томился там более семи месяцев в постоянном опасении подвергнуться такой же позорной казни, какой ежедневно подвергали, почти перед его глазами, друзей и приверженцев его семейства. За его взглядами, за его телодвижениями, за его молчанием

следили с недоброжелательным любопытством, и он должен был постоянно бороться с такими врагами, которых он никогда ничем не обидел, и с такими хитростями, с которыми он никогда не был знаком²⁶⁾. Но в школе несчастья Юлиан мало-помалу приобрел твердость и самообладание. Он защищал и свою честь, и свою жизнь против коварных пронирств евнухов, которые всячески старались выведать его намерения, а благоразумно сдерживая свою скорбь и ожесточение, он не унижался до того, чтобы льстить тирану притворным одобрением казни своего брата. Юлиан из чувства благочестия приписывал свое чудесное спасение покровительству богов, исключивших его, ради его невинности, из смертного приговора, который они произнесли в своей справедливости над нечестивым семейством Константина²⁷⁾. За самое действительное орудие их покровительства он считал неизменную и великодушную благосклонность императрицы Евсевии²⁸⁾ — женщины, отличавшейся красотой и личными достоинствами и пользовавшейся влиянием, которое она имела на своего мужа, для того чтобы в некоторой мере противодействовать совокупным усилиям евнухов. Благодаря ходатайству своей покровительницы, Юлиан был допущен в присутствие императора; он защищал себя с развязностью, не выходявшей из пределов приличия; Констанций выслушал его благосклонно, и, несмотря на усилия его врагов, доказывавших, что было бы опасно щадить в лице Юлиана будущего мстителя за смерть Галла, кроткие внушения Евсевии одержали верх. Но так как евнухи опасались последствий вторичного свидания, то по их совету Юлиан удалился на время в окрестности Милана и пробыл там до тех пор, пока император не назначил город Афины местом его ссылки. Так как он с ранней молодости обнаруживал влечение или, скорее, страсть к языку, нравам, наукам и религии греков, то он с радостью подчинился приказанию, столь соответствовавшему его вкусам. Вдали от военных тревог и придворных интриг он провел шесть месяцев среди рощ Академии в ничем не стесняемых беседах с философами того времени, старавшимися развить ум, возбудить тщеславие и воспламенить благочестие в своем царственном ученике. Их усилия не остались бесплодными, и Юлиан всегда неизменно сохранял такую нежную привязанность к Афинам, какая почти всегда возникает в благородном уме при воспоминаниях о том месте, где он впервые осознал и проявил свои дарования. Его вежливое и приветливое обхождение, которое частью про-

истекало из его темперамента, частью требовалось его исключительным положением, мало-помалу расположило в его пользу и чужестранцев, и местных жителей, с которыми ему приходилось вести знакомство.

Может быть, некоторые из его товарищей по занятиям и смотрели на его манеру себя держать глазами предубеждения и недоброжелательства, но Юлиан, благодаря своим достоинствам и дарованиям, снискал в афинской школе общее уважение, и хорошая о нем молва скоро распространилась по всей империи²⁹⁾.

В то время, как он проводил часы своего уединения в занятиях, императрица, решившаяся довершить начатое ею благородное дело, не переставала заботиться о его судьбе. После смерти последнего цезаря Констанций один оставался во главе управления и стал тяготиться бременем, которое налагала на него столь обширная империя. Прежде нежели успели залечиться раны междоусобной войны, на галльские провинции устремился целый поток варваров. Сарматы перестали уважать дунайскую границу. Безнаказанность грабежей усилила отвагу и число диких исавров: эти хищники спустились со своих утесистых гор для того, чтобы опустошать окрестные страны, и даже попытались, - хотя и без успеха, - осадить важный город Селевкию, которую защищал гарнизон из трех римских легионов. Сверх того, возгордившийся своими победами персидский монарх снова стал угрожать азиатским провинциям, так что присутствие императора оказалось необходимым и на западе, и на востоке. Тогда Констанций искренно сознался, что его личные силы были недостаточны для таких разнообразных забот и для таких обширных владений³⁰⁾. Не внимая голосу льстецов, уверявших его, что его всемогущие добродетели и покровительство небес будут по-прежнему торжествовать над всеми препятствиями, он стал охотно выслушивать советы Евсевии, которые удовлетворяли его склонность к лени, не оскорбляя его недоверчивой гордости. Заметив, что воспоминания о Галле все еще тревожат императора, она очень ловко обратила его внимание на противоположные характеры двух братьев, которых еще с детства сравнивали с Домицианом и Титом³¹⁾. Она приучила своего супруга смотреть на Юлиана как на кроткого и нечестолюбивого юношу, которого будет нетрудно привязать к себе узами признательности, если возложить на него корону, и который способен с честью занимать второстепенное положение, не стараясь оспаривать власть и по-

мрачать славу своего государя и благодетеля. После упорной, хотя и втайне веденной борьбы любимые евнухи должны были преклониться перед влиянием императрицы, и было решено, что Юлиан, отпраздновав свое бракосочетание с сестрою Констанция Еленой, будет назначен с титулом цезаря правителем всех стран по ту сторону Альп³²⁾.

Хотя приказание прибыть в императорскую резиденцию, вероятно, сопровождалось какими-нибудь предуведомлениями об ожидавшем его высоком назначении, Юлиан призвал афинских жителей в свидетели своей непритворной скорби и своих слез, когда его заставили покинуть против воли его любимое уединение³³⁾. Он трепетал за свою жизнь, за свою репутацию и даже за свои добродетели и находил единственное утешение в убеждении, что Минерва руководила всеми его действиями и что его охраняла невидимая стража из ангелов, которых эта богиня позаимствовала для этой цели от солнца и от луны. Он с отвращением подъехал к миланскому дворцу и при своей юности и чистосердечии не был в состоянии скрыть своего негодования, когда убийцы его родственников встретили его с притворными и раболепными изъявлениями своего уважения. Евсевия, радовавшаяся успеху своих добрых намерений, обняла его с любовью сестры и постаралась при помощи самых нежных ласк разогнать его страх и примирить его с блестящим возвышением. Но когда ему пришлось переменить плащ греческого философа на военное одеяние римского принца, когда он стал брить свою бороду и приводить в порядок свою неуклюжую внешность, он в течение нескольких дней служил забавой для легкомысленного императорского двора³⁴⁾.

Царствовавшие в веке Константина императоры уже не снисходили до того, чтобы спрашивать мнение сената при выборе своих соправителей, но они заботились о том, чтобы их выбор был одобрен армией. По этому торжественному случаю были собраны гвардейцы вместе с другими войсками, стоявшими в окрестностях Милана, и Констанций вошел на высокую эстраду, держа за руку своего двоюродного брата Юлиана, которому минуло в этот день двадцать четыре года³⁵⁾. В тщательно обработанной речи, составленной и произнесенной с большим достоинством, император сообщил войскам о различных опасностях, грозивших благосостоянию республики, о необходимости назначить цезаря для управления западом и о своем намерении - если только оно будет ими одобрено - наградить порфиroy многособещающие

добродетели Константинова племянника. Солдаты почтительно выразили вполголоса свое одобрение: не сводя глаз с мужественной наружности Юлиана, они с удовольствием заметили, что блиставший в его глазах огонь умеряла выступившая на его лице краска оттого, что он в первый раз в своей жизни выступил перед публикой. Лишь только окончилась церемония его инвеституры, Констанций обратился к нему с речью, сказанной с тем тоном авторитета, на который ему давали право и его лета и его положение; он убеждал нового цезаря доказать своими геройскими подвигами, что он достоин этого священного и бессмертного имени и давал своему соправителю самые энергические уверения в дружбе, которую не будут в состоянии ослабить ни время, ни их пребывание в самых отдаленных одна от другой странах. Когда окончилась эта речь, войска, в знак одобрения, стали стучать своими щитами о свои колени³⁶⁾, а окружавшие эстраду офицеры стали выражать с приличной сдержанностью свое уважение к достоинствам Констанциева представителя.

Оба государя возвратились во дворец в одном экипаже, и во время этой медленной процессии Юлиан повторял сам себе тот стих своего любимого поэта Гомера, который был применим и к его фортуне, и к его опасениям³⁷⁾. Двадцать четыре дня, проведенные цезарем в Милане после его инвеституры, и первые месяцы его царствования в Галлии были для него чем-то вроде заключения в роскошной, но строго охраняемой тюрьме, а приобретенные им почести не могли вознаградить его за потерю свободы³⁸⁾. За каждым его шагом следили, его письма перехватывали, и он был вынужден из предосторожности отклонять посещения своих самых интимных друзей. Из его прежних слуг только четверым было позволено оставаться при нем - двум пажам, его доктору и его библиотечарю; последнему Юлиан поручил заведование дорогой коллекцией книг, которую подарила ему императрица, заботившаяся столько же об удовлетворении наклонностей своего друга, сколько и об его интересах. Взамен его преданных служителей был организован такой придворный штат, какой соответствовал достоинству цезаря; но он был составлен из толпы рабов, которые не питали и, может быть, не были способны питать привязанности к своему новому повелителю, которому они большею частью были или вовсе незнакомы, или внушали недоверие. Его неопытность могла нуждаться в помощи разных советников, но подробные инструкции касательно его домашней жизни и

распределения часов его занятий были применимы скорее к юноше, еще не вышедшему из-под надзора своих наставников, нежели к принцу, которому вверено ведение важной войны. Если у него являлось желание приобрести уважение своих подданных, его удерживало от этого опасение навлечь на себя неудовольствие своего государя; даже плоды его брачной жизни были уничтожены завистью и коварством самой Евсевии³⁹⁾, которая только в этом единственном случае как будто отложила в сторону и свойственную своему полу чувствительность, и благородство своего характера. Мысль об отце и братьях напоминала Юлиану о его собственном опасном положении, а его душевная тревога еще более усилилась вследствие незаслуженной гибели, только что постигшей Сильвана. Летом того года, который предшествовал возвышению Юлиана, этому генералу было поручено освободить Галлию от тирании варваров; но Сильван скоро убедился, что самые опасные его враги находятся при императорском дворе. Один ловкий шпион, поддерживаемый некоторыми из главных министров, получил от него какие-то рекомендательные письма и, выскоблив в них все, кроме подписи, наполнил их таким содержанием, которое обнаруживало изменнические замыслы. Благодаря усилиям и мужеству друзей Сильвана подлог был обнаружен, и на большом совете из гражданских и военных сановников, собравшемся в присутствии самого императора, невинность Сильвана была публично признана. Но это открытие было сделано слишком поздно; узнав о взведенной на него клевете и о конфискации его имений, Сильван из негодования вовлекся в восстание, в котором так несправедливо его обвиняли. Он принял императорское звание в своей главной квартире, в Кельне, и стал угрожать Италии вторжением, а Милану осадой. Генерал одинакового с ним ранга Урсиций воспользовался этим случаем, чтоб снова приобрести путем предательства милостивое монаршее расположение, которого он лишился вследствие важных услуг, оказанных им на востоке. Притворившись, что он приведен в негодование оскорблением, нанесенным Сильвану, он присоединился к новому императору с небольшим числом последователей и выдал своего слишком доверчивого друга. Сильван был убит, процарствовав только четыре недели; солдаты, без всяких преступных намерений слепо следовавшие примеру своего вождя, немедленно пришли в повиновение, а льстецы Констанция стали прославлять мудрость и счастье монарха, ко-

торый прекратил междоусобную войну, не подвергаясь случайностям битвы⁴⁰).

Охрана рецийской границы и преследование кафолической церкви задерживали Констанция в Италии в течение более восемнадцати месяцев после отъезда Юлиана. Прежде чем возвратиться на восток, он удовлетворил свое тщеславие и свою любознательность посещением древней столицы⁴¹). Он направился из Милана к Риму по Эмилиевой и Фламиниевой дорогам, и, лишь только он приблизился к городу на расстояние сорока миль, его путешествие приняло вид триумфального шествия, хотя он никогда не побеждал ни одного внешнего врага. Его великолепная свита состояла из всех савонников его пышного двора, и, хотя страна пользовалась полным спокойствием, он был окружен блестящими и многочисленными эскадронами своих гвардейцев и кирасир. Их шелковые знамена, вышитые золотом и выкроенные в форме драконов, развевались вокруг особы императора. Констанций сидел один на высокой колеснице, блестящей золотом и драгоценными камнями, и, кроме тех случаев, когда ему приходилось наклонять голову при въезде в городские ворота, он держал себя с величественной важностью, доходившей до чего-то, похожего на совершенную бесчувственность. Строгая дисциплина, в которой воспитывалась персидская молодежь, была введена свинами в императорском дворце, и таковы были внушенные ими привычки к терпеливости, что во время медленной езды в сильную жару император ни разу не поднял своих рук к лицу и ни разу не повернул глаз ни направо, ни налево.

Он был встречен римскими должностными лицами и сенатом и обратил особенное внимание на республиканские гражданские отличия и на портреты консуляров из знатных семейств. По бокам улиц стояли бесчисленные толпы народа. Их беспрестанно возобновлявшиеся возгласы выражали их радость при виде священной особы их государя, после того как они были лишены этого счастья в течение тридцати двух лет; а сам человеческий род так внезапно собрался весь в одно место. Сын Константина поселился в старинном дворце Августа; он председательствовал в заседании сената, обращался с речью к народу с того самого трибунала, на который так часто всходил Цицерон, присутствовал с необычайною любезностью при играх в цирке и принимал золотые короны и панегирики, приготовленные к его приезду депутатами главных городов. Свое короткое тридцатидневное пребыва-

ние в Риме он употребил на осмотр памятников искусства и могущества, которые были разбросаны на семи холмах и в промежуточных долинах. Он восхищался внушительным величием Капитолия, обширностью бань Каракаллы и Диоклетиана, строгой простотой Пантеона, массивной громадностью амфитеатра Тита, изящной архитектурой театра Помпея и храма Мира и главным образом великолепной постройкой форума и колонны Траяна; он сознавался, что молва, столь склонная к выдумкам и преувеличениям, недостаточно превознесла столицу мира. Путешественник, видевший развалины Древнего Рима, не может составить себе верного понятия о тех чувствах, которые должны были внушать эти памятники, когда они возвышались во всем блеске своей первобытной красоты.

Удовольствие, доставленное Констанцию этой поездкой, возбудило в нем великодушное желание оставить римлянам какой-нибудь памятник своей собственной признательности и щедрости. Он сначала вознамерился сделать нечто вроде колюсальной конной статуи, которую он видел на форуме Траяна; но когда он зрело взвесил все трудности такого предприятия⁴²⁾, он предпочел украсить столицу подарком египетского обелиска. В отдаленные, но уже знакомые с просвещением века, которые, как кажется, предшествовали изобретению азбучного письма, древние египетские монархи воздвигли множество таких обелисков в Фивах и Гелиополисе в основательной уверенности, что простота их формы и прочность их материала устоят против усилий времени и насилия⁴³⁾. Август и его преемники перевезли некоторые из этих необычайных колонн в Рим, считая их за самые прочные памятники своего могущества и побед⁴⁵⁾; но существовал один обелиск, долгое время спасавшийся от хищнического тщеславия завоевателей благодаря или своим огромным размерам, или тому, что ему приписывали особенную святость. Константин задумал украсить им свою новую столицу⁴⁶⁾; по его приказанию обелиск был сдвинут с пьедестала, на котором он стоял перед храмом солнца в Гелиополисе, и был спущен вниз по Нилу до Александрии. Смерть Константина приостановила исполнение его намерения, а его сын предназначил этот обелиск для древней столицы империи. Для того, чтоб перевезти от берегов Нила к берегам Тибра эту громадную гранитную массу, имевшую в длину по меньшей мере сто пятнадцать футов, был сооружен корабль, необыкновенно прочный и вместительный. Обелиск Констанция

был выгружен почти в трех милях от города и благодаря совокупным усилиям искусства и труда был поставлен в большом римском цирке⁴⁷⁾.

Констанций должен был ускорить свой отъезд из Рима, получив тревожные известия о бедствиях и опасностях, которым подверглись иллирийские провинции. Вследствие междоусобных войн и невозвратимых потерь, понесенных легионами в сражении при Мурсе, эти провинции оставались почти без всякой защиты от нападения легкой кавалерии варваров и в особенности от вторжений квадов - свирепого и сильного народа, по-видимому, променявшего нравы Германии на военные упражнения и военное искусство своих союзников сарматов⁴⁸⁾. Пограничных легионов оказалось недостаточно для того, чтоб остановить их наступательное движение, и беспечный монарх наконец был вынужден собрать из самых отдаленных частей империи цвет Палатинских войск и лично предпринять военные действия, которые начались в предшествующую осень и продолжались всю следующую за тем весну. Император переправился через Дунай по плавучему мосту, разбил наголову все неприятельские войска, какие встречал на пути, проник внутри страны квадов и жестоко отомстил за зло, причиненное ими римской провинции. Приведенные в ужас варвары были скоро вынуждены просить мира; в искупление своего прошлого поведения они предложили возвратить взятых в плен римских подданных, а в залог своего будущего поведения выдали знатных заложников. Великодушная любезность, с которой были приняты Констанцием первые из их вождей, явившиеся с просьбой о пощаде, поощрила и других более робких или более упрямых последовать их примеру; тогда в императорском лагере появилось множество князей и послов от самых дальних племен, которые жили в равнинах Малой Польши и могли бы считать себя в безопасности позади высокого хребта Карпатских гор. В то время, как Констанций предписывал законы варварам, жившим по ту сторону Дуная, он обнаружил особое участие к сарматским изгнанникам, которые были вытеснены из своей родины восстанием своих рабов и в значительной мере усилили могущество квадов. Император, придерживаясь великодушной и вместе с тем коварной политики, снял с сарматов узы этой унижительной зависимости и особым мирным договором признал их самостоятельной нацией под властью короля - друга и союзника республики. Он заявил, что будет защищать их справедливое дело и упрочит

внутреннее спокойствие провинций уничтожением или по меньшей мере изгнанием лимигантов, нравы которых еще были заражены пороками их рабского происхождения. Исполнение этого намерения представляло более трудности, чем славы. Территория лимигантов охранялась от римлян Дунаем, а от враждебных им варваров Тиссой. Болотистые страны, лежащие между этими реками, нередко совершенно ими затопляемые, представляли опасный лабиринт, доступный только для местных жителей, знакомых с его секретными проходами и неприступными укреплениями. При приближении Констанция лимиганты употребили в дело просьбы, обман и военные силы, но он сурово отвергнул их мольбы, расстроил их грубые хитрости и отразил с искусством и твердостью усилия их недисциплинированной храбрости. Одно из их самых воинственных племен, жившее на небольшом острове вблизи от слияния Тиссы с Дунаем, перешло через эту последнюю реку с целью захватить императора во время дружеского с ним совещания. Но оно само сделалось жертвой задуманного им вероломства. Этих варваров окружили со всех сторон; кавалерия топтала их, легионы отражали их своими мечами, но они все-таки не просили пощады и с неукротимым мужеством хватались за свое оружие даже в предсмертной агонии. После этой победы значительный отряд римлян высадился на противоположном берегу Дуная; готское племя таифаилов, обязавшееся служить императору, вторглось в территорию лимигантов со стороны Тиссы, а их прежние повелители, свободные сарматы, воодушеваясь надеждой победы и жадной мщенья, проникли через гористую местность в самое сердце своих прежних владений.

Охватившее всю страну пламя войны помогло открыть хижины этих варваров, расположенные в самой глубине лабиринта, а солдаты сражались бодро на болотистой почве, где каждый шаг был сопряжен с опасностью. В этой крайности самые храбрые из лимигантов решились скорее умереть с оружием в руках, чем уступить; но в конце концов взяли верх более мягкие чувства, поддержанные авторитетом старших, и толпа просителей, сопровождаемых своими женами и детьми, явилась в императорский лагерь, чтоб узнать ожидавшую ее участь из уст победителя. Похвалившись своим собственным милосердием - которое все еще было расположено простить их многократные преступления и пощадить остатки провинившейся нации, - Констанций назначил местом их изгнания отдаленную страну, в которой они могли

наслаждаться в безопасности спокойной жизнью. Лимиганты неохотно подчинились этому приказанию; но прежде, нежели они успели достигнуть назначенного им места жительства или, по меньшей мере, прежде, нежели они успели там поселиться, они возвратились к берегам Дуная, стали преувеличивать трудности своего положения и, горячо уверяя в своей преданности, стали просить императора, чтоб он отвел им спокойные места для поселения внутри пределов империи. Вместо того, чтоб принять в соображение дознанное им на опыте неисправимое вероломство этих варваров, Констанций послушался советов своих льстецов, которые уверяли его, что он покрыл бы себя славой и приобрел бы большие выгоды, если бы поселил колонию солдат в такое время, когда римские подданные предпочитают уплачивать денежные налоги, чем вступать в военную службу. Лимигантам было дозволено перейти через Дунай, и император собрал всю эту массу людей для совещания на обширной равнине подле теперешнего города Буды. Они окружили его эстраду и, по-видимому, с уважением слушали его полную снисходительности и достоинства речь, как вдруг один из варваров, бросив сверху одну из своих сандалий, воскликнул громким голосом *Marha! Marha!*; этот возглас был вызовом к борьбе и послужил сигналом для восстания. Варвары с яростью бросились на императора; его трон и золотое седалище были разграблены их грубыми руками, но преданность и сопротивление умиравших у его ног гвардейцев дали ему возможность вскочить на быстрого коня и ускакать с места побоища. Несчастье, причиненное изменническим нападением врасплох, было скоро заглажено многочисленностью и дисциплиной римлян, и бой окончился только с совершенным уничтожением и имени и нации лимигантов. Независимым сарматам были возвращены земли, на которых они жили в старину, и хотя Констанций не полагался на их легкомысленный нрав, он надеялся, что чувство признательности повлияет на их будущее поведение. Он заметил величавую наружность и почтительное поведение одного из их самых знатных вождей, Зизаиса, и возвел его в звание короля. Своей искренней и неизменной преданностью к своему благодетелю Зизаис доказал, что он был достоин верховной власти, а Констанцию победоносная армия дала, после этого блестящего успеха, название Сарматского⁴⁹⁾.

В то время как римский император и персидский монарх защищали - на расстоянии трех тысяч миль один от другого -

свои пограничные владения от варваров, живших на берегах Дуная и Окса, их смежные пограничные области подвергались бедствиям томительной войны и непрочного перемирия. Двое из восточных министров Констанция - преторианский префект Музонян, дарования которого омрачались недостатком искренности и честности, и герцог месопотамский Кассиан, отличавшийся воинскою неустрашимостью и опытностью, вступили в тайные переговоры с сатрапом Тамсапором⁵⁰). Эти мирные предложения были переведены на раболепный и льстивый язык персов и сообщены в лагерь великого царя, который решился заявить через посредство посла о тех мирных условиях, которые он расположен даровать умоляющим о мире римлянам. Нарсе, на которого он возложил это поручение, был принят с почетом при своем проезде через Антиохию и Константинополь; после продолжительного путешествия он достиг Сирмиума и на своей первой аудиенции почтительно развернул шелковую покрывку, в которой находилось высокомерное послание его государя. Шапур, царь царей и брат солнца и луны (таковы были его великолепные титулы, придуманные восточным тщеславием), выражал свое удовольствие по поводу того, что его брат Констанций Цезарь научился в несчастии мудрости. В качестве законного преемника Дария Гистаспа Шапур утверждал, что река Стримон в Македонии была настоящей и старинной границей его империи; впрочем, в доказательство своей умеренности он объявлял, что будет довольствоваться провинциями Арменией и Месопотамией, изменническим образом отнятых у его предков. Он предостерегал, что без уступки этих спорных провинций нет возможности восстановить мир на прочном и неизменном фундаменте, и надменно угрожал, что в случае, если бы поездка его посла оказалась бесплодной, он готов начать войну с наступлением весны и поддержать справедливость своих требований силою своих непобедимых армий. Нарсе, отличавшийся самой вежливой и любезной манерой себя держать, постарался смягчить резкость этого послания, насколько это позволял ему долг⁵¹). И тон и содержание письма были зрело взвешены на императорском совете, и посол был отправлен назад со следующим ответом: «Констанций вправе отречься от того, что было сделано его министрами, так как они действовали без всяких уполномочий от верховной власти; впрочем, он не имеет нерасположения к заключению мирного договора на справедливых и приличных условиях; но он находит в высшей

степени и неприличным, и нелепым предлагать единственному и победоносному повелителю римского мира такие же мирные условия, какие он с негодованием отверг в то время, когда его власть ограничивалась узкими пределами восточных провинций; шансы войны неверны, и Шапур не должен забывать, что хотя римлянам и случалось иногда терпеть поражения, окончательный исход войн был почти всегда для них успешен». Через несколько дней после отъезда Нарсе император отправил трех послов к Шапуру, уже возвратившемуся из похода против скифов в свою постоянную резиденцию в Ктесифоне. Для этого важного поручения были выбраны один граф, один нотариус и один софист, а Констанций, втайне очень желавший заключения мирного договора, надеялся, что важность первого из этих уполномоченных, ловкость второго и риторика третьего⁵²⁾ убедят персидского монарха смягчить суровость его притязаний. Но успеху переговоров воспрепятствовали враждебные происки римского подданного Антонина⁵³⁾, который бежал из Сирии от угнетений и был допущен Шапуrom не только на совещания о государственных делах, но даже к царскому столу, где, по существовавшим у персов обычаям, нередко решались самые важные вопросы⁵⁴⁾. Ловкий перебежчик работал для своей личной пользы теми же средствами, какими он мог удовлетворить свою жажду мщения. Он постоянно убеждал своего нового и честолюбивого повелителя воспользоваться благоприятным случаем, когда самые храбрые Палатинские войска заняты под начальством самого императора дальней войной на берегах Дуная. Он уговаривал Шапура вторгнуться в истощенные и беззащитные восточные провинции с многочисленной персидской армией, недавно усилившейся тем, что в состав ее вступили некоторые из самых свирепых варварских племен. Римские послы уехали, ничего не добившись, а вторичное посольство, состоявшее из лиц более высокого ранга, было задержано в строгом заключении с угрозами смертной казни или ссылки.

Военный историк⁵⁵⁾, посланный для наблюдений над персидской армией в то время, как она готовилась к наведению плавучего моста через Тигр, видел с возвышения, как вся ассирийская равнина до окраин видимого горизонта была покрыта людьми, лошадьми и военными снарядами. Шапур появился во главе этой армии, отличаясь от всех великолепием своего пурпурового одеяния. По левой его стороне, считавшейся у восточных народов почетным местом, находился

король хионитов Грумбат, державший себя с суровостью престарелого и знаменитого воина. Персидский монарх предоставил место по правой своей стороне королю албанцев, который привел свои независимые племена от берегов Каспийского моря. Сатрапы и генералы расположились соответственно со своими рангами, а вся армия, кроме многочисленной роскошной свиты, состояла более чем из ста тысяч человек, привыкших к трудностям войны и избранных между самыми храбрыми азиатскими народами. Римский перебежчик, в некоторой степени руководивший распоряжениями Шапура, дал ему благоразумный совет не тратить летнее время на утомительные и трудные осады, а прямо идти к Евфрату и поскорей овладеть слабой и богатой столицей Сирии. Но лишь только персы вступили в равнины Месопотамии, они тотчас убедились, что уже приняты все меры, чтоб замедлить их наступление и разрушить их замыслы. Жители удалились вместе с домашним скотом в укрепленные города, трава повсюду была выжжена, броды рек были защищены острыми кольями, военные машины были поставлены на противоположных берегах, а обычное в ту пору возвышение воды в Евфрате заставило варваров отказаться от попытки перейти через мост у Фапсака. Тогда их искусный руководитель, изменив свой план военных действий, провел армию длинным обходным путем, но по плодородной местности, к верховью Евфрата, представляющего в том месте неглубокую и легко переходимую речку. Шапур с благоразумным пренебрежением прошел мимо неприступного Нисибина, но в то время, как он проходил под стенами Амиды, он решился попытаться, не наведет ли его личное присутствие такой страх на гарнизон, что он сдаст город без сопротивления. Свято-татство дерзкой стрелы, случайно скользнувшей по его королевской короне, убедило его в том, что он ошибается, и раздраженный монарх не захотел внимать советам своих министров, умолявших его не жертвовать своими честолюбивыми замыслами удовлетворению жажды мщения. На следующий день Грумбат приблизился к городским воротам с отрядом избранных войск и потребовал немедленной сдачи города, как единственного средства загладить такую опрометчивость и дерзость. На его требования осажденные отвечали градом стрел, а его единственный сын - красивый и храбрый юноша - был поражен прямо в сердце дротиком, пущенным из самострела. Погребение хионитского принца было совершено по обрядам этого народа, а скорбь престарелого

отца была облегчена торжественным обещанием Шапура, что преступный город Амида будет обращен в погребальный костер для того, чтоб искупить смерть и увековечить имя его сына.

Древний город Амид, или Амида⁵⁶⁾, иногда называемый по имени провинции Диарбекиром⁵⁷⁾, выгодно расположен в плодородной равнине, омываемой и естественным течением Тигра, и искусственными каналами, из которых самый значительный обвивает полукругом восточную часть города. Император Констанций, незадолго перед тем, отличил Амиду, дозволив ей носить его собственное имя, и прибавил к прежним укреплениям крепкие стены и высокие башни. Когда Шапур приступил к осаде Амиды, она имела арсенал с военными машинами, а ее обычный гарнизон был усилен до размера семи легионов⁵⁸⁾. Шапур прежде всего и больше всего рассчитывал на успех общего приступа. Различным нациям, служившим под его знаменами, он указал места, которые они должны были занимать: на южной стороне он поставил вертов, на северной - албанцев, на восточной - воспламененных скорбью и негодованием хионитов, на западной - самых храбрых между его воинами, сегестанов, прикрывавших свой фронт грозным рядом индийских слонов⁵⁹⁾. Персы со всех сторон поддерживали их усилия и воодушевляли их мужество, а сам монарх, не обращавший внимания ни на свое высокое положение, ни на свою безопасность, вел осаду с пылом молодого солдата. После упорной борьбы варвары были отражены; они возобновили нападение, но были снова отбиты с страшным кровопролитием, а два галльских легиона, которые были сосланы на восток в наказание за мятеж, показали свою недисциплинированную храбрость тем, что проникли во время одной ночной вылазки в самый центр персидского лагеря. Во время одного самого отчаянного из этих приступов Амиду изменнически выдал один дезертир, указавший варварам секретную лестницу, выдолбленную в утесе, висевшем над рекою Тигр. Семьдесят избранных стрелков из царской гвардии молча поднялись на третий этаж высокой башни, господствовавшей над пропастью; водрузив там персидское знамя, они подбодрили осаждающих и привели в смущение осажденных, и, если бы эта самоотверженная кучка людей могла удержаться на этом посту несколько минут долее, может быть, можно бы было купить сдачу крепости ценою жизни этих храбрецов. После того как Шапур безуспешно употреб-

ляя в дело то силу, то хитрости, он прибегнул к более медленным, но более надежным операциям правильной осады, в ведении которой ему помогало искусство римских дезертиров. Траншеи были открыты на приличном расстоянии, и назначенные для этого рода службы войска стали подвигаться вперед под прикрытием крепких и легко переносимых с места на место решеток из прутьев для того, чтоб засыпать ров и подвести подкоп под городскую стену. Вместе с тем были построены деревянные башни, которые придвигались на колесах к городской стене так близко, что солдаты, снабженные всевозможными метательными снарядами, могли сражаться на одном уровне с войсками, защищавшими вал. Для защиты Амиды были употреблены в дело все способы обороны, какие только могли быть придуманы военным искусством и могли быть применены храбростью, и не раз случалось, что сооружения Шапура уничтожались огнем римлян. Но ресурсы осажденного города рано или поздно истощаются. Персы пополняли свои потери и подвигали вперед осадные работы; при помощи тарана была пробита широкая брешь, и гарнизон, понесший большие потери от меча и болезней, уже не был в состоянии отразить нового приступа. Солдаты, граждане, их жены, их дети, — одним словом, все те, кто не успел бежать через противоположные городские ворота, были без всякого разбора уничтожены мечом победителей.

Но гибель Амиды была спасением для римских провинций. Лишь только первый восторг, внушенный победой, утих, Шапур сообразил, что из желания наказать непокорный город он потерял цвет своей армии и пропустил самое удобное для завоеваний время года⁶⁰). Тридцать тысяч его ветеранов пали под стенами Амиды во время осады, продолжавшейся семьдесят три дня, и разочарованный монарх возвратился в свою столицу с наружным торжеством, но с затаенною скорбью. Более чем вероятно, что его варварские союзники, по свойственному им непостоянству, пытались отказаться от продолжения войны, в которой им пришлось преодолевать такие неожиданные затруднения, и что престарелый царь хионитов, пресытившись мщением, с отвращением покинул сцену действия, на которой он потерял надежду своей семьи и своей нации. И силы и бодрость той армии, с которой Шапур начал новую кампанию весной следующего года, уже не соответствовали безграничным целям его честолюбия. Вместо того чтоб помышлять о завоевании востока, он принужден был довольствоваться взятием двух укрепленных

городов в Месопотамии: Сингары и Безабда⁶¹⁾; один из них лежал среди песчаной степи, а другой на небольшом острове, почти со всех сторон окруженном глубокими и быстрыми водами Тигра. Пять римских легионов, имевших те уменьшенные размеры, до которых они были низведены в веке Константина, были взяты в плен и отосланы на крайние границы Персии. Разрушив стены Сингары, победитель покинул этот уединенный и отдаленный город, но он с большим тщанием восстановил укрепления Безабда и поставил на этом важном посту гарнизон, или колонию, из ветеранов, которые были в избытке снабжены средствами обороны и были воодушевлены чувствами чести и преданности. Перед концом кампании армия Шапура потерпела неудачу, напав на Вирфу, или Текрит, - сильную и, как все думали до времени Тамерлана, неприступную крепость, принадлежавшую независимым арабам⁶²⁾.

Защита восточных провинций от нападений Шапура требовала большой опытности и представляла обширное поле деятельности для самого даровитого главнокомандующего, и то было, по-видимому, большое счастье для государства, что они находились под управлением храброго Урсицина, единственного из генералов умевшего снискать доверие и солдат, и населения. Но в момент опасности Урсицин⁶³⁾ был смещен вследствие интриг евнухов, и, благодаря тому же влиянию, военное командование на востоке было вверено богатому и хитрому ветерану Сабиниану, дожившему до немощей старческого возраста, но не приобретшему его опытности. Вторым распоряжением, внушенным тем же самым недоверием и теми же колебаниями, Урсицин был снова командирован на границы Месопотамии для того, чтоб выносить все трудности ведения войны, честь которого приписывали его недостойному сопернику. Сабиниан спокойно расположился лагерем под стенами Эдессы, и в то время как он забавлялся бесполезным щегольством военными парадами и участвовал под звуки флейт в пиррическом танце, охрана общественной безопасности на востоке была предоставлена отваге и усердию прежнего главнокомандующего. Но всякий раз, как Урсицин задумывал какой-нибудь энергический план военных действий, всякий раз, как он предлагал обойти горы во главе легковооруженных отрядов для того, чтоб перехватывать неприятельские обозы, тревожить раскинувшуюся на большом пространстве персидскую армию и помочь городу Амиде, робкий и завистливый главнокомандующий возражал, что

ему даны положительные приказания не подвергать свою армию серьезным опасностям. Наконец Амида была взята; те из ее храбрых защитников, которые спаслись от меча варваров, умерли в римском лагере от руки палача, а сам Урсичин подвергся унижительному и пристрастному следствию и был наказан за дурное поведение Сабиниана потерей своего военного ранга. Но Констанций скоро убедился на опыте в справедливости предсказания, исторгнутого благородным негодованием из уст оскорбленного генерала, - что пока будут преобладать такие принципы управления, самому императору будет нелегко защитить свои восточные владения от вторжений внешних врагов. Частию покорив, частию усмирив придунайских варваров, Констанций направился медленными переходами на восток и, со скорбью осмотрев дымящиеся развалины Амиды, предпринял во главе могущественной армии осаду Безабда. Городские стены были повреждены благодаря непрерывному действию самых громадных осадных машин; город был доведен до последней крайности, но он все-таки охранялся упорным и неустрашимым мужеством гарнизона до тех пор, когда наступление дождливого времени года заставило императора снять осаду и бесславно отступить на зимние квартиры в Антиохию⁶⁴). Ни гордость Констанция, ни остроумие его царедворцев не могли отыскать в событиях персидской войны никаких материалов для панегирика, тогда как слава его двоюродного брата Юлиана, командовавшего армиями в галльских провинциях, распространилась по всему миру в безыскусном и сжатом повествовании о его подвигах.

В слепом ожесточении, вызванном внутренними раздорами, Констанций предоставил германским варварам галльские провинции, еще признававшие над собою власть его соперника. По его приглашению стали переходить через Рейн многочисленные толпы варваров, привлекаемые подарками, обещаниями, надеждой добычи и предоставлением в их вечную собственность всех земель, какими они будут способны овладеть⁶⁵). Но император, так неблагоприятно возбуждавший хищнические наклонности варваров ради временной для себя пользы, скоро понял, как трудно удалить этих опасных союзников, после того как они познакомились с богатством римских провинций. Не признавая никакого различия между верными подданными императора и бунтовщиками, недисциплинованные грабители обходились как со своими естественными врагами со всеми римскими подданными,

имевшими какую-либо собственность, которую им было желательно приобрести. Сорок пять цветущих городов и селений были разграблены и большею частью обращены в развалины. Германские варвары, все еще придерживаясь правил своих предков, ненавидели жизнь внутри городских стен, которым они давали название тюрем и гробниц, и, выстроив свои самостоятельные жилища на берегах Рейна, Мозеля и Мааса, охраняли себя от нечаянных нападений грубыми и сделанными на скорую руку укреплениями из толстых деревьев, которые они наваливали поперек дорог.

Алеманны заняли земли, которые входят в настоящее время в состав Эльзаса и Лотарингии; франки заняли остров батавов вместе с обширным округом Брабанта, который был в то время известен под именем Токсандрии⁶⁶⁾ и может считаться за колыбель французской монархии⁶⁷⁾. Завоевания германцев простирались от истоков Рейна до его устья, более чем на сорок миль к западу от этой реки, и были населены колониями, носившими их имя и состоявшими из их соотечественников; а сцена их опустошений была в три раза более обширна, нежели сцена их завоеваний. На более дальнем расстоянии неукрепленные города Галлии были покинуты жителями, а население укрепленных городов, полагавшееся на свои силы и свою бдительность, было вынуждено довольствоваться теми средствами продовольствия, которые оно могло добывать на незастроенной земле, находившейся внутри городских стен. Легионы, которые были уменьшены в своем численном размере, которые не получали ни жалования, ни провианта и у которых не было ни оружия, ни дисциплины, трепетали при приближении и даже при имени варваров.

При таких-то печальных условиях неопытному юноше было поручено защищать галльские провинции и управлять ими, или, скорее, - как он сам выражался - ему было поручено выставлять напоказ тщеславное подобие императорского величия. Уединенное, схоластическое образование Юлиана, знакомившее его не с военным искусством, а с книгами и не столько с живыми людьми, сколько с мертвыми, оставило его в глубоком невежестве касательно практических приемов войны и управления; а когда он неуклюже повторял некоторые военные упражнения, которые ему было необходимо знать, он со вздохом восклицал: «О Платон, Платон, какое занятие для философа!» Однако даже та спекулятивная философия, которую так склонны презирать деловые люди, на-

полнила ум Юлиана самыми благородными принципами и самыми достойными подражания образцами - она внушила ему любовь добродетели, жажду славы и презрение к смерти. Воздержанная жизнь, к которой приучают в школах, еще более необходима при строгой лагерной дисциплине. Количество пищи и сна Юлиан соразмерял с безыскусственными требованиями натуры. Отвергая с негодованием изысканные кушанья, которые подавались за его столом, он удовлетворял свой аппетит грубой и простой пищей, которую ели простые солдаты. Во время суровой галльской зимы он никогда не позволял разводить огонь в своей спальне, а после непродолжительного и по временам прерываемого сна он нередко вставал среди ночи с разложенного на полу ковра для того, чтоб сделать какое-нибудь неотложное распоряжение, для того, чтобы обойти патрули, или для того, чтоб уловить несколько минут для своих любимых занятий⁶⁸). Правила красноречия, которые он до сих пор применял к вымышленным сюжетам декламации, он стал теперь с большей пользой употреблять на то, чтоб возбуждать или сдерживать страсти вооруженной массы людей, и, хотя привычки молодости и литературные занятия познакомили Юлиана всего ближе с красотами греческого языка, он научился хорошо владеть и латинским языком⁶⁹). Так как Юлиан не готовил себя с молодости к роли законодателя или судьи, то следует полагать, что он не занимался серьезным изучением гражданского законодательства римлян; но из своих философских занятий он извлек непоколебимую любовь к справедливости, смягчавшуюся его естественной склонностью к милосердию, он извлек знакомство с общими принципами беспристрастия и проверки доказательств, равно как способность с терпением вникать в самые сложные и трудные вопросы, какие только ему приходилось разрешать.

Успех политических и военных предприятий зависит в значительной мере и от различных случайностей и от тех, с кем приходится иметь дело; поэтому лишенный опытности образованный человек нередко затрудняется в применении к делу самых лучших теорий. Но в приобретении этих важных познаний Юлиану помогали как энергия его собственного ума, так и благоразумие и опытность офицера высшего ранга Саллюстия, который скоро искренно привязался к принцу, столь достойному его дружбы, и который вместе с неподкупной честностью обладал талантом высказывать самые резкие истины, не оскорбляя деликатности монаршего слуха⁷⁰).

Немедленно вслед за тем как Юлиан облекся в Милане в звание цезаря, он был отправлен в Галлию с слабым конвоем из трехсот шестидесяти солдат. В Виенне, где он провел мучительную и тревожную зиму под надзором тех министров, которым Констанций поручил руководить его действиями, цезарь был извещен об осаде и освобождении Отена. Этот большой и старинный город, охранявшийся только развалившейся стеной и малодушным гарнизоном, спасся благодаря великодушию нескольких ветеранов, взявшихся за оружие для защиты своей родины. Подвигаясь далее из Отена внутрь галльских провинций, Юлиан поспешил воспользоваться первым удобным случаем, чтоб выказать свое мужество. Во главе небольшого отряда стрелков из лука и тяжелой кавалерии он избрал самую короткую, но самую опасную дорогу, и, то избегая, то отражая варваров, в руках которых находилась страна, он удачно и с честью достиг лагеря подле Реймса, куда было приказано собираться римским войскам. Вид юного принца ободрил упавших духом солдат, и они выступили из Реймса в погоню за неприятелем с такой самоуверенностью, которая едва не сделалась причиной их гибели. Алеманны, успевшие хорошо изучить местность, втайне собрали свои разбросанные силы и, воспользовавшись пасмурным и дождливым днем, неожиданно устремились на римский арьергард. Прежде нежели Юлиан успел принять меры против неизбежного в таких случаях смятения, два легиона были совершенно разбиты, и Юлиан узнал по опыту, что осторожность, бдительность составляют самые важные правила военного искусства. Во втором, более удачном сражении он восстановил и упрочил свою воинскую репутацию, но так как проворство варваров спасло их от преследования, то его победа не была ни кровопролитна, ни решительна. Впрочем, он дошел до берегов Рейна, осмотрел развалины Кельна, убедился в трудностях войны и с наступлением зимы возвратился назад, недовольный и своим двором и своей армией, и своими собственными военными успехами⁷¹). Силы врага еще не были надломлены, и лишь только цезарь разделил свои войска и расположился с своей главной квартирой в Сенсе, в центре Галлии, он был окружен и осажден многочисленными толпами германцев. Принужденный в этой крайности рассчитывать лишь на ресурсы своего собственного гения, он выказал благоразумную неустрашимость и тем восполнил все недостатки укреплений и гарнизона; по

прошествии тридцати дней варвары удалились, раздраженные своей неудачей.

Горделивое сознание Юлиана, что он обязан своим спасением лишь своему мечу, было отравлено убеждением, что те самые люди, которые по всем правилам чести и верности были обязаны помогать ему, изменяли ему и, может быть, замыслили его гибель. Главный начальник кавалерии в Галлии, Марцелл, придавая слишком тесный смысл инструкциям, полученным от недоверчивого императорского правительства, смотрел с беспечным равнодушием на затруднительное положение Юлиана и не позволил находившимся под его начальством войскам идти на помощь Сенсу. Если бы цезарь сделал вид, будто не обращает никакого внимания на столь опасное оскорбление, он навлек бы общее презрение и на самого себя, и на свою власть, а если бы такой преступный образ действий остался безнаказанным, император подкрепил бы те подозрения, которые возбуждал его прежний образ действий по отношению к принцам из рода Флавиесв. Марцелл был отозван и деликатно устранен от своей должности⁷²⁾. На его место был назначен начальником кавалерии Север; это был старый воин испытанной храбрости и преданности, способный давать почтительные советы и вместе с тем способный исполнять с усердием приказания; он охотно подчинился Юлиану, получившему наконец главное начальство над галльскими армиями благодаря ходатайству своей покровительницы Евсевии⁷³⁾. Для следующей кампании был принят очень благоразумный план военных действий. Юлиан, во главе остатков старой армии и новых отрядов, которые ему было дозволено организовать, смело проник внутрь той местности, где стояли германцы, и тщательно исправил укрепления Саверна, который занимал такое выгодное положение, что мог или препятствовать вторжениям неприятеля, или отрезать ему отступление. В то же самое время пехотный генерал Барбацион выступил из Милана с тридцатитысячной армией и, перейдя через горы, стал готовиться к постройке моста через Рейн в окрестностях Базеля. Можно было ожидать, что теснимые со всех сторон римскими армиями алеманны будут вынуждены очистить галльские провинции и поспешить на защиту своей родины. Но все надежды на успех кампании были разрушены или неспособностью, или завистью, или секретными инструкциями генерала Барбациона, который действовал так, что его можно бы было принять за врага цезаря и за тайного союзника

варваров. Небрежность, с которой он позволял шайкам грабителей беспрепятственно проходить и возвращаться почти перед самыми воротами его лагеря, могла бы быть приписана его неспособности; но коварство, заставившее его сжечь суда и лишнюю провизию, в которой так нуждалась галльская армия, было явным доказательством его враждебных и преступных намерений. Германцы презирали противника, который, по-видимому, не мог или не хотел нападать на них, а постыдное отступление генерала Барбациона лишило Юлиана ожидаемой помощи и заставило его собственными средствами выпутываться из затруднительного положения, в котором он не мог более оставаться, не подвергаясь серьезной опасности, и из которого трудно было выйти с честью⁷⁴).

Лишь только алеманны избавились от угрожавшего им неприятельского нашествия, они решились наказать юного римлянина, вздумавшего оспаривать у них обладание страной, которую они считали своею собственностью и по праву завоевания, и на основании мирных трактатов. Они употребили три дня и три ночи на то, чтоб перевести свою армию на другую сторону Рейна. Свирепый Хнодомар, потрясая тяжелым копьем, которым он успешно действовал против брата Магненция, вел авангард варваров и умерял своею опытностью воинственный пыл, который он внушал своим примером⁷⁵). За ним следовали шесть других королей, десять принцев королевского происхождения, многочисленный отряд из воинственной германской знати и тридцать пять тысяч самых храбрых солдат. Его уверенность в своих собственных силах еще более увеличилась вследствие доставленного одним перебежчиком известия, что цезарь со слабой тридцатитысячной армией занял позиции в двадцати одной миле от их страсбургского лагеря. С этими неравными силами Юлиан решился идти навстречу варварам и сразиться с ними: он предпочитал риск генерального сражения утомительным и нерешительным стычкам с отдельными отрядами германской армии. Римляне двинулись сомкнутыми рядами в двух колоннах; по правой стороне шла кавалерия, а по левой пехота. День уже клонился к концу, когда они появились ввиду неприятеля, и Юлиан намеревался отложить нападение до следующего дня для того, чтоб дать своим войскам время восстановить свои истощенные силы сном и пищей. Но уступая, не совсем охотно, требованиям солдат и даже мнению военного совета, он обратился к ним с увещанием оправдать свою храбрость свое горячее нетер-

нение, которое в случае поражения считалось бы всеми за опрометчивость и неосновательную самоуверенность. Раздались звуки труб, воинственные крики огласили равнину, и обе армии устремились одна на другую с одинаковой яростью. Цезарь, лично командовавший правым крылом, рассчитывал на ловкость своих стрелков и на тяжесть своих кирасир. Но его ряды были тотчас прорваны беспорядочной смесью легкой кавалерии с легкой пехотой, и он со скорбью видел, как обратились в бегство шестьсот самых лучших из его кирасир⁷⁶⁾. Беглецы были остановлены и снова выстроены благодаря личному присутствию и влиянию Юлиана, который, не заботясь о своей собственной безопасности, бросился вперед и, увлекая их за собою напоминанием о заслуженном ими позоре и о долге чести, снова повел их против победоносного врага. Борьба между двумя линиями пехоты была и упорна, и кровопролитна. На стороне германцев были преимущества физической силы и высокого роста, на стороне римлян были преимущества дисциплины и хладнокровия, а так как служившие под знаменами империи варвары соединяли в себе отличительные достоинства обеих сторон, то их упорные усилия, руководимые искусным вождем, наконец доставили римлянам победу. Римская армия лишилась четырех трибунов и двухсот сорока трех солдат в этой достопамятной битве при Страсбурге, которая покрыла Цезаря такой славой⁷⁷⁾ и была так спасительна для разоренных галльских провинций. Шесть тысяч алеманнов легли на поле битвы кроме тех, которые потонули в Рейне или были поражены стрелами в то время, как пытались переплыть через реку⁷⁸⁾. Сам Хнодомар был окружен и взят в плен вместе с тремя из своих храбрых товарищей, поклявшихся разделять и в жизни и в смерти судьбу своего вождя. Юлиан принял его с военной помпой, окруженный своими генералами, и, выражая великодушное сострадание к его жалкой участи, скрыл то внутреннее презрение, которое внушал ему пленник своим гнусным унижением. Вместо того, чтоб доставить удовольствие галльским городам и выставить перед ними напоказ побежденного короля алеманнов, он почтительно представил императору этот блестящий трофей своей победы. С Хнодомаром обошлись очень внимательно, но гордый варвар недолго пережил свое поражение, свой плен и свою ссылку⁷⁹⁾.

После того как Юлиан отразил алеманнов от провинций Верхнего Рейна, он обратил свое оружие против франков,

которые жили ближе к океану на границах Галлии и Германии и которые, по своей многочисленности и в особенности по своей неустрашимой храбрости, всегда считались за самых страшных между всеми варварами⁸⁰⁾. Хотя они сильно увлекались приманкой добычи, они питали бескорыстную любовь к войне, которую считали за высшее отличие и высшее счастье человеческого рода. И душою, и телом они были так закалены непрерывной деятельностью, что, по живописному выражению одного оратора, зимние снега были так же для них приятны, как и весенние цветы. В декабре месяце, наступившем после битвы при Страсбурге, Юлиан напал на отряд шестисот франков, которые укрылись в двух крепостях на Маасе⁸¹⁾. Во время этого сурового времени года они выдержали с непоколебимой твердостью пятидесятичетырех-дневную осаду; наконец, истощившись от голода и убедившись, что бдительность, с которой неприятель прорубает на реке лед, не оставляет им никакой надежды на спасение, они впервые уклонились от старинного правила, которое предписывало им или победить, или умереть. Цезарь немедленно отослал своих пленников ко двору Констанция, который принял их за ценный подарок⁸²⁾ и был рад случаю пополнить столькими героями избранные войска, составлявшие его домашнюю стражу. Упорное сопротивление этой небольшой кучки франков объяснило Юлиану, какие трудности ожидают его в той экспедиции, которую он намеревался предпринять следующей весной против всей нации франков. Благодаря быстроте своих движений он захватил врасплох и привел в изумление отличавшихся своим проворством варваров. Приказав своим солдатам запастись сухарями на двадцать дней, он неожиданно раскинул свои палатки подле Тонгра, тогда как неприятель предполагал, что он стоит на своих зимних квартирах в Париже и ждет прибытия из Аквитании медленно подвигавшихся вперед обозов. Он не дал франкам времени ни собраться, ни одуматься, искусно растянул свои легионы от Кельна до океана и частью наведенным страхом, частью успехами своего оружия скоро заставил неприятеля молить о пощаде и исполнять приказания победителя. Хамавы покорно удалились в свои прежние поселения по ту сторону Рейна, но салиям было дозволено оставаться в их новых поселениях в Токсандрии в качестве подданных и союзников Римской империи⁸³⁾. Мирный договор был скреплен торжественными клятвами, и были назначены особые инспекторы, которые должны были жить среди

франков и наблюдать за точным исполнением мирных условий. Нам рассказывают один анекдот, который интересен сам по себе и нисколько не противоречит характеру Юлиана, искусно подготовившего и завязку, и развязку этой маленькой трагедии. Когда хамавы стали просить мира, он потребовал выдачи сына их короля, как единственного заложника, который мог внушить ему доверие. Грустное молчание, прерываемое слезами и стонами, было красноречивым выражением того тяжелого положения, в котором находились варвары, а их престарелый вождь объявил дрожащим от скорби голосом, что его сына уже нет в живых и что эта личная утрата обратилась теперь в общественное бедствие. В то время как хамавы лежали распростертыми у подножия Юлианова трона, царственный пленник, которого они считали убитым, неожиданно предстал перед ними, и, лишь только стихли шумные выражения радости, цезарь обратился к собравшимся с следующими словами: «Вот тот сын и тот принц, которого вы оплакивали. Вы потеряли его по вашей вине. Бог и римляне возвращают его вам. Я оставляю при себе и воспитаю этого юношу скорее в доказательство моей собственной добродетели, чем как залог вашей искренности. Если вы осмелитесь нарушить данную вами клятву, оружие республики отомстит за такое вероломство не на невинном, а на виновных». Затем варвары удалились, проникнутые чувствами самой горячей признательности и удивления⁸⁴).

Юлиан не удовольствовался тем, что избавил галльские провинции от германских варваров. Он захотел сравняться славой с первым и самым знаменитым из императоров, по примеру которого он написал свои собственные комментарии о галльской войне⁸⁵). Цезарь с гордостью рассказывает нам о том, как он два раза переходил через Рейн, а Юлиан мог похвастаться, что прежде, нежели он принял титул августа, он переходил с римскими орлами по ту сторону великой реки в трех удачных кампаниях⁸⁶). Страх, который навела на германцев битва при Страсбурге, поощрил его предпринять первую из этих кампаний, ропот войск скоро умолк перед убедительным красноречием вождя, разделявшего с простыми солдатами те лишения и опасности, которых он требовал от них. Селения по обеим сторонам Майна, в которых находились большие запасы хлеба и рогатого скота, испытали на себе все бедствия неприятельского нашествия. Главные дома, построенные по образцу римских с некоторым изяществом, были преданы пламени, и цезарь смело прошел далее

еще десять миль, пока его дальнейшее движение не было остановлено мрачным и непроходимым лесом, под которым были прокопаны подземные ходы, угрожавшие нападающим на каждом шагу какой-нибудь западной или засадой. Земля уже была покрыта снегом, и Юлиан, исправив старинную крепость, построенную Траяном, даровал покорившимся варварам десятимесячное перемирие. По истечении этого срока он предпринял вторую кампанию по ту сторону Рейна с целью смирить гордость Сурмара и Гортэра - двух алеманнских королей, присутствовавших при Страсбургской битве. Они дали обещание возвратить всех римских пленников, еще остававшихся в живых, а так как цезарь вытребовал из галльских городов и деревень точные сведения о всех потерянных ими жителях, то он выводил наружу всякую попытку его обмануть с такой легкостью и точностью, которые внушили варварам веру в его сверхъестественные дарования. Его третья экспедиция была еще более блестяща и важна, чем две первые. Германцы собрали свои военные силы и двинулись вдоль противоположного берега реки с намерением разрушить мост и помешать переправе римлян. Но этот благоразумный план обороны был разрушен искусной диверсией. Триста легковооруженных и ловких солдат были отправлены на сорока маленьких судах с приказанием молча спуститься вниз по реке и высадиться на небольшом расстоянии от неприятельских постов. Они исполнили это поручение с такой смелостью и быстротой, что едва не захватили варварских вождей, возвращавшихся ночью с праздника с бесстрашною беззаботностью людей, напившихся допьяна. Не считая нужным воспроизводить однообразные и отвратительные картины кровопролитий и опустошения, мы ограничимся замечанием, что Юлиан предписал свои собственные мирные условия шестерым из самых надменных королей алеманнов и что троим из них было дозволено лично ознакомиться с строгою дисциплиной и воинственным блеском римского лагеря. В сопровождении двадцати тысяч пленных, освобожденных из рук варваров, цезарь перешел обратно через Рейн и закончил войну, успех которой сравнивали с знаменитыми победами, одержанными Римом в войнах с карфагенянами и кимврами.

Лишь только мужество и искусство Юлиана обеспечили внутреннее спокойствие, он предался занятиям, более соответствовавшим его человеколюбивым и философским наклонностям. Он с усердием занялся приведением в прежний

вид тех городов Галлии, которые пострадали от вторжений варваров, и нам в особенности указывают на семь важных постов между Ментцем и устьем Рейна, которые были заново выстроены и укреплены по приказанию Юлиана⁸⁷). Побежденные германцы подчинились справедливому, но унижительному для них требованию приготовить и доставить на место нужные для постройки материалы. Деятельность и рвение Юлиана ускорили исполнение этих работ, и таков был дух, внушенный им всей армии, что вспомогательные войска сами не захотели оставаться в стороне от тяжелых обязанностей службы и стали соперничать с усердием римских солдат в самых низких работах. На цезаре лежала забота как о безопасности городских жителей и гарнизонов, так и об их продовольствии. Бегство первых и мятеж последних были бы пагубным и неизбежным последствием голода. Возделывание земель в галльских провинциях было прервано бедствиями войны, но отеческая заботливость Юлиана восполнила скудость урожая на континенте избытком, оказавшимся на соседнем острове. Шестьсот больших судов, построенных в лесах Арденнских гор, совершили несколько поездок к берегам Британии и, возвращаясь оттуда с грузом зернового хлеба, подымались вверх по Рейну и распределяли свою кладь между различными городами и крепостями вдоль берегов реки⁸⁸). Военные успехи Юлиана восстановили свободу и безопасность плавания по Рейну, которые Констанций намеревался купить ценою своего достоинства и ежегодною данью в две тысячи фунтов серебра. Скупость императора отказывала солдатам в деньгах, которые он раздавал щедрою и дрожащею рукою варварам. Искусство и мужество Юлиана подверглись тяжелому испытанию, когда он выступил в поход с недовольной армией, уже прослужившей в двух кампаниях без постоянного жалованья и без всяких экстренных денежных наград⁸⁹).

Нежная заботливость о спокойствии и счастье его подданных была тем главным принципом, которым Юлиан действительно или по-видимому руководствовался в своем управлении⁹⁰). Во время своего пребывания на зимних квартирах он употреблял часы досуга на дела гражданского управления и, по-видимому, исполнял с большим удовольствием обязанности высшего гражданского сановника, нежели обязанности генерала. Перед тем чтоб выступить в поход, он поручал губернаторам провинций большую часть тех общественных и частных спорных дел, разрешение кото-

рых зависело от его трибунала; но, по своем возвращении, он тщательно просматривал всю процедуру, смягчал строгость законов и произносил вторичный приговор над самими судьями. Возвышаясь над той единственной слабостью, какая свойственна добродетельным людям, - над невоздержанною и безграничною любовью к справедливости, он с спокойствием и достоинством сдержал горячность одного адвоката, обвинявшего президента Нарбоннской провинции в лихоимстве. «Разве можно будет доказать чью-либо виновность, - воскликнул пылкий Делфидий, - если мы будем довольствоваться одним отрицанием?» - «А кого же можно будет признать невинным (возразил Юлиан), если мы будем довольствоваться одним утверждением?» Вообще в делах как мирного, так и военного управления интересы монарха обыкновенно бывают тождественны с интересами его народа; но Констанций счел бы себя глубоко обиженным, если бы добродетели Юлиана лишили его хотя бы малейшей части тех доходов, которые он извлекал из угнетенной и истощенной страны. Принц, на которого были возложены внешние отличия верховной власти, по временам осмеливался сдерживать хищническую дерзость своих низших агентов, выводить наружу их низкие проделки и вводить более справедливые и более удобные способы собирания налогов. Но Констанций нашел более надежным оставить финансовое управление в руках преторианского префекта Галлии Флоренция - изнеженного тирана, неспособного ни к состраданию, ни к угрызениям совести; этот высокомерный министр громко жаловался на самые вежливые и деликатные возражения со стороны Юлиана, тогда как сам Юлиан упрекал себя в слабости своего собственного поведения. Цезарь с отвращением отказался утвердить распоряжение о сборе одного чрезвычайного налога, которое предложил ему подписать префект, а верное описание общей нищеты, которое он был вынужден сделать для того, чтоб оправдать этот отказ, возбудило крайнее неудовольствие при дворе Констанция. Нам приятно познакомиться с чувствами Юлиана, выраженными с горячностью и без всяких стеснений в письме к одному из самых интимных его друзей. Описав свой образ действий, он продолжает так: «Разве последователь Платона и Аристотеля мог бы поступать иначе, чем я поступал? Разве я мог покинуть несчастных подданных, вверенных моему попечению? Разве я не был обязан защищать их от беспрестанных притеснений со стороны этих бесчувственных гра-

бителей? Трибун, покинувший свой пост, наказывается смертью и лишается погребальных почестей. На каком основании я мог бы произнести его смертный приговор, если бы в минуту опасности я сам пренебрег обязанностью гораздо более священной и гораздо более важной? Бог возвел меня в это высокое звание; его провидение будет охранять и поддерживать меня. Если я буду обречен на страдания, я буду находить утешение в свидетельстве чистой и безупречной совести. Ах, если бы небу угодно было не лишать меня такого советника, каким был Саллюстий! Если найдут нужным прислать мне преемника, я подчинюсь без сожаления и охотнее готов воспользоваться несколькими удобными минутами, чтоб делать добро, нежели пользоваться продолжительной и обеспеченной безнаказанностью зла⁹¹⁾. Непрочное и зависимое положение Юлиана обнаруживало его личные достоинства и прикрывало его недостатки. Юному герою, поддерживавшему в Галлии трон Констанция, не было дозволено исправлять правительственные злоупотребления, но он имел достаточно мужества для того, чтоб облегчать страдания народа и сожалеть о них. Пока он не был в состоянии вновь оживить в римлянах воинственный дух или ввести между их дикими противниками искусства, промышленность и разные улучшения, он не мог питать сколько-нибудь основательной надежды, что мир с германцами или даже завоевание Германии обеспечит общественное спокойствие. Тем не менее победы Юлиана приостановили на короткое время вторжения варваров и отсрочили падение Западной империи.

Его благотворное влияние оживило те города Галлии, которые так долго испытывали на себе бедствия внутренних раздоров, войн с варварами и внутренней тирании; а вместе с надеждой на лучшую жизнь оживился и дух предприимчивости. Земледелие, фабричная промышленность и торговля снова стали расцветать под покровительством законов; так называемые *сигіае*, или гражданские корпорации, снова наполнились полезными и достойными уважения членами; молодежь перестала уклоняться от вступления в браки, а женатые люди перестали опасаться того, что у них будет потомство; общественные и частные празднества совершались с обычной пышностью, а частые и безопасные сообщения между провинциями свидетельствовали о развитии народного благосостояния⁹²⁾. Человек с такими душевными качествами, какими обладал Юлиан, должен был находить наслажде-

ние в общем благополучии, которое было делом его собственных рук; но он в особенности взирал с удовольствием и отрадой на город Париж, служивший для него зимней резиденцией и даже внушавший ему пристрастную привязанность⁹³). Эта великолепная столица, занимающая в настоящее время обширную местность по обеим сторонам Сены, первоначально умещалась на маленьком острове среди реки, снабжавшей ее жителей чистой и здоровою водой. Река омывала подножие городских стен, а доступ в город был возможен только по двум деревянным мостам. Лес покрывал северную сторону Сены, но на южной ее стороне та местность, которая носит теперь название университета, мало-помалу покрывалась домами и украсилась дворцом и амфитеатром, банями, водопроводом и Марсовым полем для военных упражнений римской армии. Суровость климата умерялась близостью океана, а благодаря некоторым предосторожностям, которые были указаны опытом, там с успехом возделывали виноград и фиговые деревья. Но когда зимы были особенно холодны, Сена глубоко замерзала, и азиатский уроженец мог бы сравнить плывшие вниз по течению громадные льдины с теми глыбами белого мрамора, которые добывались из каменоломен Фригии. Распущенность и развращенность нравов в Антиохии впоследствии напомнили Юлиану о строгих и простых нравах его возлюбленной Лютеции⁹⁴), где театральные увеселения или вовсе незнакомы, или внушали презрение. Он с негодованием противопоставлял изнеженности сирийцев храбрость и честную простоту галлов и почти готов был извинить страсть к спиртным напиткам, которые были единственным пятном на характере кельтов⁹⁵). Если бы Юлиан мог теперь снова посетить столицу Франции, он нашел бы в ней ученых и гениальных людей, способных понимать и поучать воспитанника греков; он, вероятно, извинил бы игривые и привлекательные безрассудства нации, в которой любовь к наслаждениям никогда не ослабляла воинственного духа, и, конечно, порадовался бы успехам того неоцененного искусства, которое смягчает, улучшает и украшает общественную жизнь.

¹⁾ Аммиан (кн. 14, гл. 6) приписывает введение осклопления бесчеловечной изобретательности Семирамиды, царствовавшей, как полагают, более чем за тысячу девятьсот лет до Р.Х. И в Азии и в Египте их существование восходит к глубокой древности. О них упоминается в законах Моисея, Второзаконие XXIII, 1. См. *Görz Origines des Loix etc.*, ч. 1, кн. 1, гл.4.

²⁾ *Eunuchum dixti velle te;*

Quia solae utuntur his reginae.

Теренций, Евнух, действие 1, сц.2.

Эта комедия переведена с Менандра, а в подлиннике она появилась, должно быть, вскоре после завоеваний Александра на востоке.

³⁾ *Miles...spadonibus Servire rugosis potest* — Гораци, Эпод IX, 13 и Дасье *ad loc.* Словом *spado* римляне очень энергично выражали свое отвращение к этому изувечению. Греческое название евнухов, мало-помалу одержавшее верх, звучит более мягко и имеет менее ясный смысл.

⁴⁾ Достаточно будет упомянуть о вольноотпущеннике и евнухе Клавдия Посидея, которому император дал некоторые из самых почетных наград за воинскую храбрость. См. Светон. in Claudio, гл.28. Посидея употребил большую часть своего состояния на постройки. *Ut Spado vincebat Capitolia nostra Posides.* Ювенал, сат.14.

⁵⁾ *Castrari mares vetuit.* Светон. in Domitian, гл.7. Дион Кассий, кн.67, стр.1107; кн.68, стр.1119.

⁶⁾ В Истории Эпохи Цезарей есть одно место, стр.137, где Лампридий хвалит Александра Севера и Константина за то, что они обуздали тиранию евнухов и затем говорит о вреде, который причиняли евнухи при других императорах: «*Huc accedit quod eunuchos nec in consiliis nec in ministeriis habuit; qui soli principes perdunt, dum eos more gentium aut regum Pesarum volunt vivere; qui a populo etiam amicissimum semovent; qui internuntii sunt, aliud quam respondetur referentes; claudentes principem suum, et agentes ante omnia ne quid sciat.*»

⁷⁾ Ксенофонт (Киропедия, кн.8, стр.540) указал особые причины, побудившие Кира поручить охрану своей особы евнухам. Он заметил, что подвергнутые такой же операции животные хотя и становятся более послушными и кроткими, но не утрачивают ни своей силы, ни бодрости; поэтому он полагал, что люди, совершенно отрезанные от общения с человеческим родом, будут более крепко привязаны к особе своего благодетеля. Но продолжительный опыт не оправдал ожиданий Кира. Действительно, бывали такие случаи, что евнухи отличались своею преданностью, своим мужеством и своими дарованиями; но если мы рассмотрим историю Персии, Индии и Китая, мы найдем, что могущество евнухов всегда обозначало упадок и гибель всех династий.

⁸⁾ См. Аммиана Марцеллина, кн.21, гл.16; кн.22, гл.4. Все содержание его беспристрастной истории оправдывает бранные выражения Мамертина, Либания и самого Юлиана, резко нападавших на пороки, которыми отличался двор Констанция.

⁹⁾ Аврелий Виктор порицает небрежность своего государя в выборе губернаторов провинций и командующих армиями и кончает свой рассказ очень смелым замечанием, что при слабом государе гораздо более опасно нападать на министров, чем на самого монарха: «*Ut verum absolvam brevi, ut imperatore ipso clarius ita apparitorum plerisque magis atrox nihil.*»

¹⁰⁾ *Apud quem (si vere dici debeat) multum Constantius potuit.* Аммиан, кн.18, гл.4.

11) Григорий Назианзин (*Orat.* 3, стр.90) обвиняет вероотступника в неблагодарности к епископу Ареузы Марку, который помог ему спасти свою жизнь; а из менее почтенного источника (Тильмон, *Hist. des Empereurs*, том IV, стр.916) нам известно, что Юлиан укрылся в святилище христианской церкви.

12) Самый достоверный рассказ о воспитании и приключениях Юлиана находится в послании, или в манифесте, с которым он сам обратился к афинскому сенату и народу. Между язычниками – Либаний (*Orat. Parentalis*), а между христианами – Сократ (кн.3, гл.1) сообщают нам много интересных подробностей.

13) Касательно возвышения Галла см. Идация, Зосима и обоих Викторов. По словам Филосторгия, арианский епископ Феофил был свидетелем и как бы порукой этого торжественного обязательства. Он исполнил свою роль с благородной твердостью, но Тильмон (*Hist. des Empereurs*, том IV, стр.1120) находит совершенно неправдоподобным, чтобы еретик мог обладать такими достоинствами.

14) Юлиану сначала было дозволено продолжать его учебные занятия в Константинополе, но приобретенная им репутация скоро возбудила в Констанции зависть, и молодому принцу посоветовали искать в Вифинии и в Ионии такой сферы деятельности, которая менее бросалась бы в глаза. (Галл и Юлиан не были единокровными братьями. Их отец Юлий-Констанций имел сына Галла от своей первой жены по имени Галлы, а Юлиан был сын его второй жены Базилины. Тильмон, *Hist. des Empereurs*, *vie de Constantin*, ст.3. – Гизо.

15) См. Юлиана *ad S.P.Q.A.* стр. 271. Иерон. in *Chron.*, Аврелий Виктор, Евтропий, X, 14. Я приведу собственные слова Евтропия, писавшего свое сокращение почти через пятнадцать лет после смерти Галла, когда уже не было никаких мотивов ни для того, чтобы льстить ему, ни для того, чтобы унижать его: «*Multis incivilibus gestis Gallus Caesar... vir natura ferox et ad tyrannidem pronior, si suo jure imperare licuisset*».

16) *Megaera quidem mortalis, inflammatrix saevientis assidua, humani cruoris avida etc.* Аммиан Марцеллин, кн.14, гл.1. Добросовестность Аммиана не позволила бы ему представлять в ложном свете факты или характеры, но его склонность к изысканным украшениям часто увлекала его в неестественную вычурность выражений.

17) Его имя – Клемаций Александрийский, а его единственная вина заключалась в отказе удовлетворить желания его тещи, которая ходатайствовала о его казни из чувства оскорбленной любви. Аммиан, кн.14, гл.1.

18) См. у Аммиана (кн.14, гл.1, стр.7) пространные подробности о жестокостях Галла. Его брат Юлиан (стр.272) намекает на то, что против него был составлен тайный заговор, а Зосим называет (кн.2, стр.135) тех, кто участвовал в заговоре – одного высокопоставленного сановника и двух низших агентов, желавших устроить свою карьеру.

19) Зонара, кн.13. том 2, стр.17, 18. Убийцы склонили на свою сторону многих легионных солдат, но старуха, у которой они квартировали, обнаружила их замыслы и донесла на них.

20) У Аммиана сказано: «*asper, quidem, sed ad lenitatem propensior*», – мысль, полная противоречий и бессмыслицы. При помощи одной старинной рукописи Валуа исправил первое из этих извращений, и приведенная фраза начинает становиться более ясной благодаря замене слова *asper* словом *vafer*. Если же мы позволим себе заменить *lenitatem* словом *levitatem*, то благодаря этому изменению одной буквы вся фраза делается ясной и понятной.)

21) Вместо того, чтобы собирать из различных источников разбросанные и неполные сведения, мы теперь можем постоянно пользоваться историей Аммиана и можем ограничиться ссылкой на седьмую и девятую главы его четырнадцатой книги. Впрочем, хотя Филосторгий (кн.3, гл.28) и был пристрастен к Галлу, им не следует совершенно пренебрегать.

22) Она ехала впереди своего мужа, но на пути умерла от лихорадки в Вифинии в небольшом местечке, называвшемся *Coenum Gallicanum*.

23) Фивские легионы, стоявшие в то время в Адрианополе, послали к Галлу депутацию с предложением своих услуг. Аммиан, кн.146, гл.11. *Notitia* (s.6, 20, 38, edit Labb.) упоминает о трех различных легионах, носивших название фивских. Усердие, с которым Вольтер старался уничтожить достойную презрения, хотя и знаменитую легенду, побудило его отвергать – на основании самых шатких доказательств – существование фивского легиона в римских армиях. См. *Oeuvres de Voltaire*, том XV, стр.414, изд. in 4°.

24) См. подробное описание путешествия и казни Галла у Аммиана, кн.14, гл.11. Юлиан жалуется на то, что его брат был казнен без суда, старается оправдать или по меньшей мере извинить жестокость, с которой он отомстил его врагам, но в конце концов, по-видимому, сознается, что Галл заслуживал того, чтобы его лишили престола.

25) Филосторгий, кн.4, гл.1. Зонара, кн.13, том 2, стр.19. Но первый из этих писателей был пристрастен в пользу арианского монарха, а второй переписывал без всякого разбора или критики все, что находил в сочинениях древних писателей.

26) См. Аммиана Марцеллина, кн.15, гл.1, 3, 8. Сам Юлиан, в своем послании к афинянам, очень живо и верно описывает и свое опасное положение, и свои чувства. Впрочем, он обнаруживает склонность преувеличивать свои страдания, так как он говорит – хотя и в не совсем ясных выражениях, – что эти страдания продолжались более года; но это опровергается хронологическими данными.

27) Юлиан описал преступления и несчастья семейства Константина в аллегорической басне, которая хорошо задумана и приятно изложена. Она составляет окончание седьмой речи, из которой она была взята и переведена аббатом де-ла Блетери. *Vie de Jovien*, том 2, стр.385–408.

28) Она была родом из города Фессалоники в Македонии; она происходила от знатного семейства и была дочерью и сестрою консулов. Ее брак с императором можно отнести к 352 году. В таком веке, который выделялся внутренними раздорами, историки всех партий отдают справедливость ее достоинствам. См. их отзывы, собранные Тильеомом, *Hist. des Empereurs*, том IV, стр.750–754.

29) Либаний и Григорий Назианзин истощили все искусство и все силы своего красноречия для того, чтобы выставить Юлиана первым между героями или самым отвратительным между тиранами. Григорий учился вместе с ним в Афинах, а столь трагически описываемые им симптомы будущей порочности вероотступника ограничиваются лишь некоторыми физическими недостатками и некоторыми оригинальностями в выговоре и в манере себя держать. Впрочем, он заявляет, что уже тогда он предвидел и предсказывал бедствия церкви и государства. (Григ. Назианзин, *Orat. 4*, стр.121, 122.)

30) *Succumbere tot necessitatibus tamque crebris unum se quod nunquam fecerat aperte demonstrans*. Аммиан, кн.15, гл.8. Затем он приводит подлинные лживые уверения царедворцев.

31) *Tantum a temperatis moribus Iuliani differens fratris quantum inter Vespasiani filios fuit, Domitianum et Titum*. Аммиан, кн. 14, гл. 11. Условия, в которых жили и

воспитывались два брата, были в такой степени одинаковы, что представляют поразительный пример природного различия характеров.

³²⁾ Аммиан, кн. 15, гл. 8 Зосим. кн. 3, стр. 137, 138.

³³⁾ Юлиан, ad.S.P.Q.A., стр. 275, 276. Либаний, Orat. 10, стр. 268. Юлиан подчинился приказанию только тогда, когда боги выразили ему свою волю путем неоднократных видений и предзнаменований. Тогда его благочестие не позволило ему ослушаться их.

³⁴⁾ Сам Юлиан рассказывает (стр. 274) с некоторым юмором о своей метаморфозе — о том, как он стоял, опустивши вниз глаза, и как он был смущен тем, что был так быстро перенесен в новый для него мир, где все казалось ему странным и враждебным.

³⁵⁾ Аммиан Марцеллин, кн. 15, гл.8. Зосим, кн.3, стр. 139. Аврелий Виктор. Виктор Младший in Epitom. Евтроп. X, 14.

³⁶⁾ *Militares omnes horrendo fragore scuta genibus illidentes; quod est prosperitatis indicium plenum; nam contra cum hastis clypei feriuntur, irae documentum est doloris...* Аммиан прибавляет к этому тонкое замечание: *Eumque ut potiori reverentia servaretur, nec supra modum laudabant nec infa quam decebat.*

³⁷⁾ *Ellabe porphyreos thanatos, kai moira krataie.* (Слово *porphyreos*, которое Гомер употребил как не совсем точный, но обыкновенный эпитет к слову смерть, было применено Юлианом к свойству и предмету его собственных опасений*.)

³⁸⁾ Он в самых трогательных выражениях (стр.277) описывает неприятности своего нового положения. Провизии для его стола были так изыскны и роскошны, что юный философ отказывался от них с пренебрежением. *Quum legeret libellum assidue, quem Constantius ut privignum ad studia mittens manu sua conscripserat, praelicenter disponens quid in convivio Caesaris impendi deberet, Phasianum, et vulvam et sumen exigi vetuit et inferri.* Аммиан Марцеллин, кн. 16, гл.5.

³⁹⁾ Если мы примем в соображение то обстоятельство, что отец Елены Константин умер более чем за восемнадцать лет перед тем в зрелом старческом возрасте, то мы должны будем из этого заключить, что его дочь, хотя и была девицей, но не могла быть очень молода во время своего вступления в брак. Она вскоре разрешилась от бремени сыном, который тотчас умер, *quod obstetrix corrupta mercede, tox natum praesecto plusquam convenerat umbilico necavit.* Она сопровождала императора и императрицу во время их поездки в Рим, и эта последняя, *quaesitum venenum bibere per fraudem illexit, ut quotiescunque concepisset, immaturum abjiceret partum.* Аммиан, кн. 16, гл.10. Пусть наши доктора решают, существует ли такой яд. А я склонен думать, что злоба приписывала простую случайность вине Евсевии.

⁴⁰⁾ Аммиану (XV, 5) были очень хорошо известны и поведение, и гибель Сильвана. Он сам был в числе тех немногих приверженцев, которые сопровождали Урсина в его опасном предприятии.

⁴¹⁾ Касательно подробностей посещения Рима Констанцием см. Аммиана, кн. 16, гл. 10. Мы со своей стороны только можем прибавить, что Фемистий был назначен депутатом от Константинополя и что по случаю этой церемонии он сочинил свою четвертую речь. (Третья и четвертая речи Фемистия были сочинены для того, чтоб «быть произнесенными перед Констанцием в Риме, но на самом деле были прочтены перед константинопольским сенатом». Клип. F. R. 437 — Издат.)

* Игра смысла: *porphyreos* у Гомера подразумевает «кровавый» и является эпитетом смерти; это же слово указывает на пурпур императорских одежд, что и имеет в виду Юлиан! (Примеч. ред.).

Бегавший из Персии принц Хормизд заметил императору, что если он сделает такую лошадь, то ему придется подумать и о приготовлении для нее такой же конюшни (форума Траяна). Хормизду также приписывают слова, что ему «не понравилось только то, что люди умирают в Риме точно так же, как повсюду». Если мы поставим в тексте Аммиана *displicuisse*, а не *placuisse*, то приведенные слова могут считаться упрехом римлянам за их тщеславие. Иначе это была бы мысль, приличная мизантропу.

43) Когда Германик осматривал древние памятники Фив, старший жрец объяснил ему значение иероглифов. Тацит, *Анналы*, 11, гл.60. Но кажется вероятным, что до изобретения азбуки эти естественные или произвольные знаки заменяли буквы для египтян. См. Варбуртона. Божественное призвание Моисея, ч.3, стр.69–243.

45) См. Плин. *Ест. Ист.*, кн.36, гл.14,15

46) Аммиан Марцеллин, кн.17, гл.4. Он дает нам греческое истолкование иероглифов, а его комментатор Линденброгий присовокупляет латинскую надпись, которая в двадцати стихах века Констанция содержит краткую историю обелиска. (Констанций намеревался перевезти другой обелиск в Константинополь, но ему помешала смерть. Юлиан, *Epist.* 58, стр.443. — *Издает*.

47) См. Донац. *Roma Antiqua*, кн.3, гл.14; кн.4, гл.12 и ученую, хотя и сбивчивую диссертацию Баргея об обелисках, помещенную в четвертом томе Римских Древностей Гревинуса, стр.1897–1936. Эта диссертация посвящена папе Сиксту V, который поставил обелиск Констанция на площади перед церковью св. Иоанна Латеранского.

48) Подробности этой войны с квадами и сарматами рассказаны Аммианом. *XV*,10; *XVII*,12; *XXI*,11.

49) *Genti Sarmatarum magno decori considens apud eos regem dedit*. Аврелий Виктор. В пышной речи, произнесенной самим Констанцием, он распространяется о своих собственных подвигах с большим тщеславием и с некоторой правдивостью.

50) Аммиан, *XVI*,9.

51) Аммиан (*XVII*, 5) переписал это надменное послание. Фемистий (*Orat.* 4, стр.57, изд. Петав) упоминает о шелковой крышке. Идаций и Зонара говорят о путешествии посла, а Петр Патриций (*in Excerpt. Legat.* стр.28) знакомит нас с его миролюбивым обхождением.

52) Аммиан, *XVII*, 5 и Вал. *ad loc.* Этот софист или философ (в то время эти два слова почти были синонимами) был Евстафий Каппадокийский, ученик Ямвлиха и друг св.Василия. Евнапий (*in Vit. Aedesii*, стр. 44–47) говорит, что этот посол-философ очаровал варварского царя внушительными прелестями своего рассудка и красноречия. См.Тильемона *Hist. des Empereurs*, т.IV, стр. 828, 1132.

53) Аммиан, *XVIII*, 5, 6, 8. Приличное и почтительное обхождение Антонина с римским генералом придает его личности большой интерес, и сам Аммиан отзывается об этом изменнике с некоторым сочувствием и уважением.

54) Это обстоятельство, в том виде, как оно сообщается Аммианом, доказывает правдивость Геродота (кн.1, гл.133) и неизменяемость персидских нравов. Во все века персы были невоздержанны, и вина Шираза одерживали верх над законом Магомета. Бриссон *de Regno Pers.* кн.2, стр. 462–472 и Шардена *Voyages en Perse*, ч.3, стр.90.

55) Аммиан, кн.18, стр. 6–10.

56) Описание Амиды можно найти у д'Эрбело в *Bibliothèque Orientale*, стр.108. *Histoire de Timur Bec* Черепедина Али, кн.3 гл.41. Ахмед Арабсиад, ч.1, стр.331, гл.43. *Voyages d'Otter*, ч.2, стр.273 и Путешествия Нибура, ч.1, стр.324–328. Последний из этих путешественников, ученый и аккуратный датчанин, приложил к своему труду план Амиды, объясняющий ход осадных работ.

57) Диярбекир, называемый турками в публичных документах Амидом или Кара-Амидом, имеет более шестнадцати тысяч домов и служит резиденцией для трехбунчучного пашы. Эпитет Кара происходит от черного цвета камней, из которых построена крепкая и старинная городская стена Амиды.

58) Осадные работы перед Амидой очень подробно описаны Аммианом (XIX, 1–9), который играл почтенную роль при защите города и с трудом спасся, когда персы взяли город приступом.

59) Из этих четырех народов имя албанцев так хорошо знакомо всякому, что нет надобности о них распространяться. Сегестаны жили в обширной и плоской стране, до сих пор сохранившей их имя; она лежит к югу от Хорасана и к западу от Индостана (см. *Geographia Nubiensis*, стр.133 и д'Эрбело *Bibliothèque Orientale*, стр.797). Несмотря на столь прославленную победу Бахрама (ч.1, стр.410) даже через восемьдесят с лишком лет после того сегестаны были независимым народом и союзниками персов. Нам неизвестно, где жили верты и хиюниты, но я склонен думать, что они жили (по меньшей мере последние из них) около границ Индии и Скифии. См. Аммиана, XVI, 9.

60) Аммиан обозначил хронологию этого года тремя отличительными чертами, которые не вполне согласны ни одна с другой, ни с ходом исторических событий. 1. Рожь созрела, когда Шапур вторгся в Месопотамию; «Cum jam stipula flavente turgerent»; эта подробность, ввиду того градуса широты, под которым лежит Аленпо, натурально указывает нам на месяц апрель или май. См. Гармера, Замечания о Св.Пис., ч.1, стр.41, Путешествия Шо, стр.335, изд. in – 4⁰. – 2. Движение Шапура было остановлено разлитием Евфрата, которое обыкновенно случается в июне и августе. Плин., Ест. Ист., V, 21. *Viaggi di Pietro della Valle*, ч.1 стр. 696. – 3. Когда Шапур взял Амиду после семидесятидневной осады, осень уже давно наступила: «Autumno precipiti haedorumque improbo sidere exorto». Чтоб согласить эти кажущиеся противоречия, мы должны предположить какие-нибудь задержки, остановившие персидского царя, или какие-нибудь неточности со стороны историка, или же какое-нибудь извращение в порядке времен года. (Клинтон (F.R. 1, 442) «не усматривает тех затруднений, которые находит Гиббон». По его словам, Шапур перешел через Тигр в мае, достиг Евфрата 8 июля, подошел к Амиде 27 июля и взял этот город приступом 7 октября. – Издат.)

61) Описание осады можно найти у Аммиана, XX, 6, 7 (Касательно положения Сингары см. гл.13, ч.1, стр. 470. – Издат.)

62) Касательно тождества Вирфы и Текрита см. *Geographie Ancienne* Анвилля, том 2, стр.201. Касательно осады этой крепости Тимур-Беком или Тамерланом см. Черепедина, кн.3, гл.33. Персидский биограф преувеличивает пользу и трудности этого подвига, освободившего багдадские караваны от многочисленных шаек грабителей. (Текрит на Тигре между Мосулом и Багдадом теперь небольшой город с остатками крепости на высоком утесе, возвышающемся над рекой. Он был местом рождения Саладина. Ниневия Лэйяра, стр. 467. – Издат.)

63) Аммиан (XVIII, 5,6; XIX, 3; XX,2) говорит о заслугах и несчастьях Урсицина с такой преданностью и вниманием, с каким солдат должен относиться к своему ге-

нерату. Его можно подозревать в некотором пристрастии, хотя весь его рассказ последователен и правдоподобен.

64) Аммиан XX, 11. *Omisso vano incepto, hiematurus Antiochiae redit in Syriam aerummosam, perpressus et ulcerum sed et atrocis, diuque deflenda.* В таком виде Иаков Гроновий восстановил неясный текст; он полагает, что одной этой поправки достаточно для того, чтоб предпринять новое издание его автора, слова которого теперь как будто становятся понятными. Я ожидал, что их еще более уяснят последние труды ученого Эрнести. (Лейпциг, 1773.)

65) Сведения об опустошениях, которые причинялись германцами, и о бедственном положении Галлии можно извлечь из сочинений самого Юлиана. *Oratio ad S.P.Q. Athen.*, стр.277; Аммиан, XV,11; Либаний, *Orat*X; Зосим, кн.3, стр.140; Созомен, кн.3, гл.1.

66) Аммиан (XVI,8). Это название, как кажется, происходит от Плиниевых *Toxandri* и очень часто встречается в истории средних веков. Токсандрия была лесистая и болотистая страна, простиравшаяся от окрестностей Тонгра до слияния Вагалья с Рейном. См. Вал. *Notit Gallia*, стр.558.

67) Парадокс о Данииле, что франки не имели постоянных поселений по эту сторону Рейна до времен Хлодвига, опровергается с большим знанием дела и здравым смыслом г-ном *Wisk*, который доказал рядом свидетельств, что франки владели Токсандрией до вступления на престол Хлодвига непрерывно в течение ста тридцати лет. Диссертация г-на Биза была увенчана Соассонской Академией в 1736 г. и, как кажется, была основательно предпочтена речи его более знаменитого конкурента, аббата ле Бефа, — активария, имя которого очень удачно выражает особенности его дарований.

68) Частная жизнь Юлиана в Галлии и строгая дисциплина, которой он сам себя подчинял, описаны Аммианом (XVI, 5) и самим Юлианом; первый из них хвалит, а второй как будто осмеивает (*Misopogon*, стр.340) образ действий, который в принципе из дома Константина действительно должен был возбуждать общее удивление.

69) *Aderat Latine suoque disserenti sufficiens sermo.* Аммиан, XVI, 5. Но Юлиан, будучи воспитан в греческих школах, всегда считал язык римлян за чужеземный и народный диалект, который он мог употреблять только в случаях необходимости.

70) Нам неизвестно, какую должность занимал этот превосходный министр, впоследствии возведенный Юлианом в звание префекта Галлии. Недоверчивый император скоро отозвал Саллюстия, и до нас дошла чувствительная, но педантичная речь (стр.240—252), в которой Юлиан оплакивает потерю столь дорогого друга, которому, — по его собственному признанию — он был обязан своей репутацией. См. Ла Блетери, *Preface a la Vie de Jovien*, стр.20.

71) Аммиан (XVI, 2,3) как кажется, был более доволен исходом этой первой кампании, нежели сам Юлиан, который наивно признается, что он не совершил ничего важного и что он был вынужден бежать от неприятеля.

72) Аммиан, XVI, 7. Либаний отзывался более благоприятно о военных дарованиях Марцелла, *Orat*. 10, стр.272; а Юлиан намекает на то, что Марцелл не был бы так легко отозван, если бы не было других причин, возбудивших против него неудовольствие двора, стр.278.

73) *Severus, non discors, non arrogans, sed longa militiae frugalitate compertus; et eum recta praeunte secuturus, ut ductorem morigerus miles.* Аммиан, XVI,11; Зосим, кн.3, стр.140

74) Касательно плана и неудачи совокупных военных действий Юлиана и Барбациона, см. Аммиана (XVI,11) и Либания *Orat*. 10, стр. 273.

75) Аммиан (XVI,12) описывает с своим напыщенным красноречием наружность и характер Хнодомара: «Audax et fidens ingenti robore laceratorum, udi ardor proelii sperabatur immanis, equo spumante, sublimior, erectus in jaculum formidandae vastitatis, armorumque nitore conspicuus: antea strenuus et miles, et utilis praetor caeteros ductor...Decentium Caesarem superavit aequo Marte congressus».

76) После сражения Юлиан попытался восстановить строгость прежней дисциплины и выставил этих беглецов в женских одеяниях на посмешище перед всем лагерем. В следующую кампанию эти войска благородно восстановили свою честь. Зосим, кн.3, стр.142.

77) Сам Юлиан (ad. S. P. Q. Athen., стр.279) говорит о битве при Страсбурге с той скромностью, которая внушается сознанием своей заслуги: *ematchesamēn ouk aklēōs isōs kai eis hymas aphiketo hē toiatte machē*. – все мы сражались одинаково, всех нас уравнила та битва (Перев. ред.) Зосим сравнивает ее с победой Александра над Дарием; а между тем мы не усматриваем в ней ни одной из тех черт военного гения, которые иногда останавливают внимание целых веков на способе ведения и успехе одного сражения.

78) Аммиан, XVI,12. Либаний прибавляет к этой цифре убитых еще две тысячи человек (Orat.10, стр.274). Но эта незначительная разница становится вовсе не заметной перед теми шестьюдесятью тысячами варваров, которых Зосим принес в жертву славе своего героя (кн.3, стр.141). Мы могли бы приписать эту громадную цифру небрежности переписчиков, если бы этот легковверный или пристрастный историк не увеличил тридцатипяти тысячную армию алеманнов до бесчисленного сонмища варваров. После такого открытия мы вынуждены относиться с недоверием к подобным рассказам.

79) Аммиан, XVI, 12, Либаний, Orat. 10, стр.276.

80) Либаний (Orat. стр.137) очень живо описывает нравы франков.

81) Аммиан, XVII, 2. Либаний, Orat. 10, стр.278. Греческий оратор неверно понял слова Юлиана и вследствие того говорил, что отряд франков состоял из тысячи человек; а так как его голова была постоянно наполнена Пелопоннесской войной, то он сравнивает их с лакедемонцами, которые были осаждены и взяты в плен на острове Сфактерии.

82) Юлиан, ad S. P. Q. Athen., стр.280. Либаний, Orat. 10, стр.278. По словам Либания, император *dōra dnomadze*; ла Блетери (Vie de Julien, стр. 118) принимает эти слова за честное признание, а Вал. (ad Ammian., XVII,2) просто за увертку, чтоб скрыть правду. Дом-Букэ (Historiens de France, ч.1, стр.733) вставляет другое слово *enomisē* и этим уничтожает и трудность и характер этого места.

83) Аммиан, XVII, 18. Зосим, кн.3, стр.146–150 (его рассказ затемняется приписью вымыслов) и Юлиан ad S.P.Q. Athen., стр.280, который говорит *hypedeksamēn men moiran ton Saliōn ethnoys, Chamaboys de exēlasa* – Мы приняли народ салиев, оказав ему должное гостеприимство, а хамавов я изгнал (Перев. ред.). Это различие в обхождении подтверждает мнение, что салическим франкам было дозволено сохранить поселения в Токсандрии.

84) Эта интересная история, рассказываемая Зосимом в сокращенном виде, изложена Евнапием (in Excerpt Legationum, стр. 15–17) со всеми прикрасами греческой риторики; но молчание Либания, Аммиана и самого Юлиана делают правдивость этого рассказа крайне сомнительной.

85) Друг Юлиана Либаний ясно намекает (Orat. 4, стр.178) на то, что этот герой написал историю галльских кампаний. Но Зосим (кн.3, стр.140), как кажется, извлек свои сведения только из речей (logoi) и посланий Юлиана. Речь, с которой

Юлиан обратился к афинянам, содержит точный, хотя и недостаточно подробный рассказ о войне с германцами.

⁸⁶⁾ См. Аммиана, XVII, 1–10, XVIII, 2 и Зосима Ан. 3, стр.144. Юлиан. ad S.P.Q. Athen., стр.280.

⁸⁷⁾ Аммиан XVIII, 2. Либаний, Orat. 10, стр. 279, 280. Из этих семи постов четыре обратились в настоящее время в значительные города: Бинген, Андернах, Бонн и Нюисс. Остальные три – Tricesimae, Quadriburgium и Castra Herculis или Гераклея уже не существуют в настоящее время; но есть основание полагать, что на том месте, где находился Quadriburgium, голландцы построили форт Schenk, название которого так сильно оскорбляло чрезмерную деликатность Буало. См. Анвилля Notice de L'Ancienne Gaule, стр. 183. Буало Epître 4 и примечания.

⁸⁸⁾ Мы можем в этом верить самому Юлиану, Orat. ad. S.P.Q. Atheniensem, стр.280, который очень подробно описывает все это дело. Зосим прибавляет к указанной цифре еще двести судов, кн.3, стр.145. Если предположить, что каждый из шестисот судов Юлиана вмещал только семьдесят тонн (см.Арбутно, Весы и Меры, стр.237), то все они могли перевезти сто двадцать тысяч четвертей; стало быть, страна, которая была способна доставить столько хлеба для вывоза, уже достигла больших успехов в земледелии.

⁸⁹⁾ Войска взбунтовались перед тем, как им приходилось вторично переходить через Рейн. Аммиан. XVII,9.

⁹⁰⁾ Аммиан, XVI, 5, XVIII, 1, Мамертин in Panegy. Vet. XI, 4.

⁹¹⁾ Аммиан, XVII, 3. Юлиан, Послан.15, изд. Шпангейма. Такое поведение почти оправдывает следующие похвалы Мамертина: «Ita illi anni spatia divisa sunt, ut aut barbaros domitet, aut civibus jura restituat; perpetuum professus, aut contra hostem, aut contra vitia, certamen».

⁹²⁾ Либаний Orat. Parental. in Imp. Julian., гл.38 в Bibliothec. Graec. Фабриция, ч.7 стр. 263, 264.

⁹³⁾ См. Юлиана in Misopogon., стр. 340, 341. Первоыбитное состояние Парижа описали Генри Валуа (ad Ammian., XX, 4) его брат Адриан Валезий, или Валуа и Ан-виль (в своих Notices sur l'Ancienne Gaule), а также аббат Понгрю (Description de la France. ч.1, стр.12, 13) и Бонами (в Mém. de L'Académie des Inscriptions, ч.15, стр. 656–691).

⁹⁴⁾ Tēn philēn Leyketian Юлиан in Misopogon., стр.340. Левцеция, или Лютеция, было старинное название города, который, по установившемуся в четвертом столетии обыкновению, получил территориальное название Parisii. (Паризии занимали эту часть Галлии в то время, как она впервые сделалась известна римлянам (Caes. B. G. VI,3), и от них любимая резиденция Юлиана получила название Lutetia Parisiorum. – Издат.

⁹⁵⁾ Юлиан in Misopogon., стр. 359, 360.

ГЛАВА XX

Мотивы, постепенность и последствия обращения Константина в христианство. -

Легальное основание и устройство христианской, или католической, церкви

На публичное утверждение христианства можно смотреть как на один из тех важных внутренних переворотов, которые способны возбуждать самое живое любопытство и вместе с тем в высшей степени поучительны. Победы и внутренняя политика Константина уже не оказывают никакого влияния на положение Европы, но значительная часть земного шара до сих пор сохраняет впечатление, произведенное на нее обращением этого монарха в христианскую веру, а церковные учреждения его царствования до сих пор еще связаны неразрывною цепью с мнениями, страстями и интересами теперешнего поколения.

При изучении этого предмета, к которому можно относиться с беспристрастием, но нельзя относиться с равнодушием, немедленно возникает затруднение совершенно неожиданного характера - когда именно состоялось обращение Константина в христианство. Живший при его дворе красноречивый Лактанций¹⁾, по-видимому, спешит возвестить миру о славном примере монарха Галлии, который, с первого момента своего воцарения, признал величие истинного и единого Бога и стал поклоняться ему²⁾. Ученый Евсевий приписывает веру Константина чудесному знамению, появившемуся на небе в то время, как он замыслил и приготавлиал экспедицию в Италию³⁾. Историк Зосим с коварством утверждает, что император обагрил свои руки кровью своего старшего сына, прежде чем публично отречься от богов Рима и своих предков⁴⁾. Затруднение, в которое нас ставят эти противоречивые свидетельства, происходит от поведения самого Константина. Согласно с точностью церковного языка, первый из христианских императоров был недостойн этого названия до самой своей смерти, так как только во время своей последней болезни он получил в качестве оглашенного возложение рук⁵⁾ и затем был принят в число верующих путем вступительного обряда крещения⁶⁾. Обращение Константина в христианство следует понимать в гораздо более

неопределенном и ограниченном смысле, и нужна самая разборчивая точность, чтоб проследить медленные и почти незаметные шаги, которые привели монарха к тому, что он объявил себя покровителем и в конце концов приверженцем церкви. Ему было нелегко искоренить в себе привычки и предрассудки своего воспитания для того, чтоб признать божественную власть Христа и понять, что истина его откровения была несовместима с поклонением богам. Препятствия, с которыми, вероятно, боролся его собственный ум, научили его с осторожностью подвигаться вперед в таком важном деле, как перемена национальной религии, и он обнаруживал свои новые убеждения мало-помалу, по мере того, как представлялась возможность поддерживать их с безопасностью и с успехом. В течение всего его царствования поток христианства разливался с умеренной, хотя и ускоренной, постепенностью; но в своем главном направлении он иногда задерживался, а иногда отводился в сторону случайными условиями времени и благоразумием или, может быть, прихотью монарха. Константин дозволял своим министрам выражать волю своего повелителя таким языком, какой всего лучше подходил к их собственным принципам⁷⁾, и он искусно уравнивал надежды и опасения своих подданных, издавая в течение одного и того же года два эдикта, из которых первым предписывалось соблюдать празднование воскресных дней⁸⁾, а вторым приказывалось регулярно совещаться с гаруспициями⁹⁾. В то время как этот важный переворот еще находился в состоянии зародыша, и христиане, и язычники следили за действиями своего государя с одинаковым беспокойством, но с противоположными чувствами. И усердие, и тщеславие заставляли первых преувеличивать признаки его милостивого к ним расположения и доказательства его веры, а вторые - до тех пор, пока их основательные опасения не перешли в отчаяние и жажду мщения, - старались скрывать от всех и даже от самих себя, что боги Рима уже не могут считать императора в числе своих почитателей. Точно такие же страсти и предубеждения заставляли пристрастных писателей того времени ставить публичное обращение Константина в связь или с самыми славными эпохами его царствования, или с самыми позорными.

Какие бы признаки христианского благочестия ни обнаруживались в речах и действиях Константина, он почти до сорокалетнего возраста держался обрядов установленной религии¹⁰⁾, и то самое поведение, которое во время его пре-

бывания при дворе в Никомедии можно бы было приписать его опасениям, может быть приписано, в то время как он управлял Галлией, лишь его наклонностям или политическим расчетам. Его щедрость обновила и обогатила храмы богов; на медалях, которые чеканились на императорском монетном дворе, находились фигуры и атрибуты Юпитера и Аполлона, Марса и Геркулеса, а его сыновняя привязанность увеличила сонм Олимпийских богов торжественной апофеозой его отца Констанция¹¹⁾. Но с особым чувством благочестия Константин относился к гению Солнца - Аполлону греческой и римской мифологии и любил, чтоб его самого изображали с символами бога света и поэзии. Меткие стрелы этого божества, блеск его глаз, его лавровый венок, бессмертная красота и изящные совершенства как будто указывали на него, как на покровителя юного героя. Алтари Аполлона были покрыты приношениями, которые Константин присылал в исполнение данных обетов, а легковерную толпу постарались уверить, что император мог созерцать своими смертными очами видимое величие ее божественного покровителя и что или во время бдения, или в ночном видении имел счастье получить от него благоприятные предсказания продолжительного и победоносного царствования. Вообще солнцу поклонялись как непобедимому руководителю и покровителю Константина, и язычники могли основательно предполагать, что оскорбленный бог будет с неумолимой мстительностью преследовать своего неблагодарного любима за его нечестие¹²⁾.

Пока Константин пользовался лишь ограниченной властью над галльскими провинциями, его христианские подданные охранялись авторитетом и, может быть, законами государя, который благоразумно предоставлял богам заботу оберегать свою собственную честь. Если можно верить словам самого Константина, то он с негодованием взирал на варварские жестокости, совершавшиеся римскими солдатами над теми гражданами, единственное преступление которых заключалось в их религии¹³⁾. На востоке и на западе он имел случай наблюдать различные последствия строгости и снисходительности, а тогда как первая была для него особенно отвратительна на примере его непримиримого врага Галерия, вторую ему рекомендовали авторитет и советы умирающего отца. Сын Констанция немедленно приостановил или совсем отменил декреты о преследовании; все те, которые уже признавали себя членами христианской церкви,

получили от него дозволение свободно совершать свои религиозные церемонии и скоро убедились, что могут полагаться как на милостивое расположение, так и на справедливость своего государя, проникшегося тайным и искренним уважением к имени Христа и к Богу христиан¹⁴).

Почти через пять месяцев после завоевания Италии император торжественным и несомненным образом заявил о своих чувствах изданием знаменитого Миланского эдикта, снова даровавшего мир кафолической церкви. Во время личного свидания между двумя монархами Константин, благодаря влиянию своего гения и могущества, убедил своего соправителя Лициния оказать ему содействие; их совокупный авторитет обезоружил ярость Максимиана, и, после смерти восточного тирана, Миланский эдикт был признан за общий и основной закон для всего римского мира¹⁵).

Благоразумие императоров позаботилось о восстановлении всех гражданских и религиозных прав, которые были так несправедливо отняты у христиан. Было постановлено, что церкви получают обратно без всяких споров, отлагательств и расходов все места богослужения и земли, которые были у них конфискованы, и это строгое распоряжение сопровождалось милостивым обещанием, что те покупатели, которые приобрели упомянутые земли за настоящую цену, будут вознаграждены из императорской казны. Благотворные распоряжения с целью охраны будущего спокойствия верующих проникнуты принципами широкой и равной для всех терпимости, а такое равенство прав должно было считаться юною сектой за выгодное и почетное отличие. Два императора объявляли перед целым миром, что они даруют христианам и всем другим ничем не стесняемое и безусловное право исповедовать ту религию, какая кажется им лучшей, какая им по душе и какую они считают всего более для себя подходящей. Они тщательно объясняют всякое двусмысленное слово, устраняют всякие исключения и требуют от губернаторов провинций строгого подчинения настоящему и ясному смыслу эдикта, имеющего целью установить и обеспечить без всяких ограничений права религиозной свободы. Они снисходят до того, что указывают на веские мотивы, побудившие их допустить эту всеобщую терпимость, - на человеколюбивое желание доставить спокойствие и счастье их народу и на благочестивую надежду, что таким образом действий они умилоостивят и расположат к себе Божество, восседающее на небесах. Они с признательностью сознают, что уже получи-

ли многие явные доказательства божеской милости, и они надеются, что то же Провидение никогда не перестанет охранять благоденствие монарха и народа. Из этих неясных и неопределенных выражений благочестия можно вывести три предположения, которые хотя и различны одно от другого, но совместимы одно с другим. Может быть, ум Константина колебался между языческой и христианской религиями. Согласно с широкими и снисходительными идеями политеизма он мог признавать христианского бога за одно из многих божеств, составляющих небесную иерархию. Или, может быть, он придерживался философской и привлекательной идеи, что, несмотря на разнообразие имен, обрядов и мнений, все секты и все народы соединяются в поклонении Общему Отцу и Создателю вселенной¹⁶⁾.

Но монархи в своем образе действий руководствуются чаще соображениями о временной пользе, чем отвлеченными философскими истинами. Постоянно усиливавшееся расположение Константина к христианам объясняется весьма естественно уважением, которое он питал к их нравственным достоинствам, и убеждением, что с распространением Евангелия люди сделаются более добродетельными в своей частной и в общественной жизни. Какой бы свободой ни пользовался неограниченный монарх в своем собственном образе жизни, как бы он ни был снисходителен к своим собственным страстям, он, бесспорно, должен находить свой интерес в том, чтоб все его подданные подчинялись естественным законам и гражданским обязанностям общественной жизни. Но влияние самых мудрых законов слабо и непрочно. Они редко внушают склонность к добродетели и не всегда в состоянии обуздывать пороки. Их авторитет не в силах воспретить то, что они осуждают, и они не всегда в состоянии наказывать те действия, которые они воспрепятствуют. Древние законодатели призвали к себе на помощь все силы воспитания и общественного мнения, но все те принципы, которые когда-то поддерживали величие и нравственное достоинство Рима и Спарты, уже давно исчезли в разрушавшейся деспотической империи. Философия еще оказывала некоторое влияние на умы, но дело добродетели находило лишь весьма слабую опору в господстве языческих суеверий. При таких печальных условиях благоразумный правитель должен был с удовольствием взирать на успехи религии, распространявшей в народе такую чистую, благотворную и всеобщую систему нравственности, которая была применима ко

всем обязанностям и ко всем условиям действительной жизни, которая выдавалась за выражение воли и разума Верховного Божества и которая опиралась на санкцию вечных наград или наказаний. Из опыта, пережитого греками и римлянами, мир не мог узнать, в какой мере система национальной нравственности могла бы быть преобразована и улучшена божественным откровением, и потому весьма естественно, что Константин с некоторым доверием внимал лестным и поистине разумным уверениям Лактанция. Этот красноречивый апологист, по-видимому, был твердо уверен и почти готов был ручаться, что введение христианства восстановит невинность и счастье первых веков человечества; что поклонение истинному Богу уничтожит войны и раздоры между людьми, которые будут взаимно считать друг друга детьми одного общего отца; что все нечистые желания, все гневные или себялюбивые страсти будут сдерживаться познанием Евангелия; и что судьям придется вложить в ножны меч правосудия среди такого народа, который будет руководствоваться в своих действиях чувствами справедливости и благочестия, равенства и умеренности, общего согласия и взаимной любви¹⁷⁾.

Пассивное повиновение, преклоняющееся без всякого сопротивления под игом власти или даже угнетения, должно было казаться абсолютному монарху самой выдающейся и самой полезной из всех евангельских добродетелей¹⁸⁾. Первобытные христиане держались того мнения, что гражданская система управления не зависит от согласия народа, а устанавливается декретами Провидения. Хотя царствовавший в то время император и достиг престола коварством и убийствами, он немедленно принимал священный характер наместника Божества. Одному Божеству он был обязан отдавать отчет в злоупотреблениях своею властью, а его подданные были неразрывно связаны своей присягой в верности с таким тираном, который нарушил все законы природы и человеческого общества. Смиренные христиане были посланы в этот мир, точно овцы в стадо волков, а так как им не дозволялось прибегать к силе даже для защиты их религии, то они были бы еще более преступны, если бы вздумали проливать кровь своих ближних в борьбе из-за суетных привилегий или ничтожных благ этой временной жизни. Верные учению апостолов, проповедовавших в царствование Нерона обязанность безусловного повиновения, христиане первых трех столетий сохранили свою совесть чистой от всяких обвине-

ний в тайных заговорах или открытых восстаниях. В то время как они выносили жестокие преследования, они никогда не пытались противиться своим тиранам с оружием в руках или искать от них спасения в каком-нибудь отдаленном и уединенном уголке земного шара¹⁹⁾. Протестанты Франции, Германии и Британии, отстаивавшие с таким непреклонным мужеством свою гражданскую и религиозную свободу, оскорблялись обидным для них сравнением поведения первых христиан с поведением христиан реформатской церкви²⁰⁾. Но скорее следует хвалить, чем порицать, высокий разум и мужество наших предков, умевших понять, что религия не может уничтожать неотъемлемые права человеческой натуры²¹⁾. Может быть, терпеливость первобытной церкви следует приписать столько же ее добродетелям, сколько ее слабости. Секта, состоявшая из невоинственных плебеев, не имевшая ни вождей, ни оружия, ни крепостей, подверглась бы неизбежному истреблению в опрометчивом и бесплодном сопротивлении повелителю римских легионов. Но и тогда, когда христиане старались смягчить гнев Диоклетиана, и тогда, когда они искали милостивого расположения Константина, они могли искренно и с уверенностью утверждать, что они не уклонялись от принципа пассивного повиновения и что в течение трех столетий их поведение всегда было согласно с их принципами. Они могли бы к этому присовокупить, что трон императоров утвердился бы на прочном и неизменном фундаменте, если бы все их подданные, приняв христианское учение, научились терпеть и повиноваться.

По установленному Провидением общему порядку, и монархи, и тираны считаются за орудия небес, назначенные управлять народами или карать их. Но священная история представляет много знаменитых случаев более непосредственного вмешательства Божества в управление его избранным народом. Оно вложило скипетр и меч в руки Моисея, Иисуса Навина, Гедсона, Давида и Маккавеев; добродетели этих героев были или мотивом, или последствием божеских милостей, а успехи их оружия должны были довершить освобождение или торжество церкви. Если судьи израильские и были случайными и временными должностными лицами, зато цари иудейские извлекали из царского помазания своего великого предка наследственное и неотъемлемое право, которым они не могли полатиться за свои собственные пороки и которого не могла у них отнять прихоть их подданных. То же самое экстраординарное Провидение, уже не ограничи-

вавшееся одним иудейским народом, могло избрать Константина и его род в покровители христианского мира, и благочестивый Лактанций возвещает пророческим тоном будущую славу его продолжительного и всемирного царствования²²⁾. Галерий и Максимин, Максенций и Лициний были те соперники, которые разделяли с любимцем небес управление римскими провинциями. Трагическая смерть Галерия и Максимиана скоро удовлетворила ненависть христиан и оправдала их самые горячие ожидания. Успехи Константина в войнах с Максенцием и Лицинием устранили этих двух грозных соперников, препятствовавших торжеству второго Давида, и его дело, по-видимому, имело право ожидать особого вмешательства Провидения. Характер римского тирана унижал и императорское достоинство, и человеческую натуру, и, хотя христиане одно время пользовались его ненадежным милостивым расположением, они не менее остальных его подданных терпели от его безрассудной и прихотливой жестокости. Поведение Лициния скоро обнаружило то отвращение, с которым он согласился на мудрые и человеколюбивые постановления Миланского эдикта. Провинциальным синодам было запрещено собираться в его владениях; состоявшие при нем христианские офицеры были отставлены с позором, и хотя он избежал преступности или, скорей, опасности всеобщего гонения, его пристрастные притеснения были тем более ненавистны, что они были нарушением торжественного и добровольного обязательства²³⁾. Но в то время как восток, по энергическому выражению Евсевия, был погружен в адский мрак, благотворные лучи небесного света согревали и освещали западные провинции. Благочестие Константина считалось неопровержимым доказательством справедливости его дела, а употребление, которое он сделал из своей победы, укрепило христиан в том мнении, что их герой действовал по внушениям и под руководством бога ратных сил. Завоевание Италии привело к изданию всеобщего эдикта о терпимости, и, лишь только поражение Лициния сделало Константина единственным повелителем римского мира, он немедленно обратился ко всем своим подданным с циркулярными посланиями, в которых увещал их безотлагательно последовать примеру своего государя и принять божественную истину христианства²⁴⁾.

Уверенность, что возвышение Константина находилось в тесной связи с целями Провидения, внушила христианам два убеждения, которые способствовали различными путями ис-

полнению их предсказаний. Их горячая и деятельная преданность истощила в его пользу все ресурсы человеческой предприимчивости, и они с уверенностью ожидали, что их напряженные усилия найдут поддержку в какой-нибудь божественной и сверхъестественной помощи.

Враги Константина приписывали эгоистичным мотивам союз, в который он мало-помалу вступил с католическою церковью и который, по-видимому, содействовал успеху его честолюбивых замыслов. В начале четвертого столетия число христиан было еще очень незначительно в сравнении с цифрой населения империи; но среди безнравственного народа, смотревшего на перемену своих повелителей с равнодушием рабов, мужественная и сплоченная религиозная партия могла оказать существенную помощь вождю, для пользы которого она из убеждения готова была жертвовать и жизнью, и состоянием²⁵). Пример отца научил Константина ценить и награждать услуги христиан, и при раздаче общественных должностей он укреплял свое правительство назначением таких министров и генералов, на преданность которых он мог полагаться с основательным и безграничным доверием. Благодаря влиянию этих высокопоставленных миссионеров, число приверженцев нового учения должно было увеличиваться и при дворе и в армии; германские варвары, наполнявшие ряды легионов, были беззаботного характера, без сопротивления подчинявшегося религии их военачальника, и можно основательно предполагать, что, когда эти легионы перешли через Альпы, значительное число солдат уже посвятило свой меч на служение Христу и Константину²⁶). Обычай всего человеческого рода и интересы религии мало-помалу ослабили то отвращение к войне и кровопролитию, которое так долго господствовало между христианами, а на соборах, которые собирались под благосклонным покровительством Константина, авторитет епископов был очень кстати употреблен на то, чтоб утвердить обязанности, налагаемые воинскою присягой, и чтоб подвергнуть отлучению от церкви солдат, бросавших военную службу во время господствовавшего внутри церкви спокойствия²⁷). В то время как Константин увеличивал внутри своих собственных владений число и усердие своих верных приверженцев, он мог также рассчитывать на поддержку со стороны влиятельной партии в тех провинциях, которые еще находились под властью или под незаконным захватом его противников. Тайное неудовольствие распространилось между

христианскими подданными Максенция и Лициния, а злоба, которую этот последний не старался скрывать, привела лишь к тому, что еще более расположила христиан в пользу его соперника. Постоянная переписка между епископами самых отдаленных одна от другой провинций давала им возможность свободно сообщать друг другу свои желания и намерения и безопасно пересылать полезные сведения или благочестивые приношения Константину, который публично объявил, что взялся за оружие для освобождения церкви²⁸⁾.

Энтузиазм, воодушевлявший войска и, может быть, самого императора, придавал им необычайную бодрость духа и вместе с тем удовлетворял их совесть. Они шли на бой с полной уверенностью, что тот самый Бог, который когда-то открыл израильтянам путь через воды Иордана и низверг стены Иерихона при звуке труб Иисуса Навина, выкажет наглядным образом свое величие и могущество в пользу Константина. По свидетельству церковных писателей, эти ожидания оправдались замечательным чудом, которому все почти единогласно приписывают обращение первого императора в христианство. Действительная или воображаемая причина столь важного события заслуживает и требует внимания потомства, и я постараюсь беспристрастно оценить знаменитое видение Константина; для этого я рассмотрю отдельно знамя, сон и небесное знамение и выделю из этой необыкновенной истории ее исторические, натуральные и чудесные составные части, которые, при составлении из них благовидного аргумента, были искусно смешаны в одну блестящую и хрупкую массу.

I. Орудие пыток, которым подвергали только рабов и иностранцев, сделалось в глазах римских граждан предметом отвращения, и с понятием о кресте были тесно связаны понятия о преступлении, страданиях и позоре²⁹⁾. Не столько человеколюбие, сколько благочестие Константина скоро уничтожило в его владениях то наказание, которое угодно было претерпеть Спасителю человеческого рода³⁰⁾; но император должен был научиться презирать предрассудки и своего воспитания, и своего народа, прежде чем воздвигнуть среди Рима свою собственную статую с крестом в правой руке и с надписью, которая приписывала торжество его оружия и освобождение Рима достоинству этого благотворного знамения - настоящего символа силы и мужества³¹⁾. Тот же символ осенял оружие солдат Константина; крест блеснул на их шлемах, был вырезан на их щитах, был нашит на их знаме-

нах, а священные эмблемы, украшавшие особу самого императора, отличались только более богатым материалом и более изящной работой³²⁾. Но главное знамя, свидетельствовавшее о торжестве креста, называлось *Labarum*, - непонятным, хотя и знаменитым именем, корень которого тщетно искали почти во всех языках земного шара. Это, как рассказывают³⁴⁾, была длинная пика, пересеченная поперечной перекладиной. На шелковой ткани, висевшей с перекладины, были искусно вытканы изображения царствующего монарха и его детей. Верхняя оконечность пики поддерживала золотую корону с таинственной монограммой, представлявшей в одно и то же время и форму креста, и начальные буквы имени Христа³⁵⁾. Охрана Лабарума была вверена пятидесяти гвардейцам испытанной храбрости и преданности; их служба доставляла особые отличия и денежные выгоды, а некоторые счастливые случайности упрочили мнение, что, в то время как хранители Лабарума находятся при исполнении своих обязанностей, их жизнь в безопасности от неприятельских стрел. Во время второй междоусобной войны Лициний понял, как опасно для него влияние священного знамени, при виде которого солдаты Константина воодушевлялись в разгаре битвы непреодолимым энтузиазмом, а в рядах неприятельских легионов распространялись ужас и отчаяние³⁶⁾. Те из христианских императоров, которые держались поданного Константином примера, развешивали знамя креста во всех своих военных походах, но, когда выродившиеся преемники Феодосия перестали лично появляться во главе своих армий, Лабарум был положен на хранение в константинопольском дворце, как почтенная, но бесполезная святыня³⁷⁾. Уважение, которое к нему питали, еще видно на медалях рода Флавиев. Признательное благочестие этих императоров помещало монограмму Христа посреди римских знамен. И к религиозным, и к военным трофеям одинаково применялись внушительные названия: Безопасность республики, Слава армии, Восстановление общественного благоденствия, и до сих пор еще сохранилась медаль императора Константина, на которой к знамени Лабарума прибавлены знаменитые слова: «Сим знаменем победишь»³⁸⁾.

II. В опасностях и в несчастиях первобытные христиане имели обыкновение подкреплять свои душевные и физические силы знаменем креста, которое они употребляли во всех своих церковных обрядах и при всех житейских затруднениях как верное предохранительное средство от всяких

духовных и мирских невзгод³⁹⁾. Было бы вполне достаточно одного авторитета церкви, чтоб объяснить такое же благочестивое обыкновение в Константине, который с одинаковым благоразумием и одинаковой постепенностью усвоил и истины христианства и его символ. Но свидетельство одного современного писателя, уже в сочиненном прежде того трактате вступавшегося за дело религии, придает благочестию императора более внушительный и возвышенный характер. Он с полной уверенностью утверждает, что в ночь, которая предшествовала последней битве с Максенцием, Константин получил во время сновидения приказание написать на щитах своих солдат небесное знамение Бога, священную монограмму имени Христа, что он исполнил эту волю небес и что его мужество и повиновение были награждены решительной победой на Мильвийском мосту. Но некоторые соображения дают скептическому уму основание заподозрить прозорливость или правдивость ратора, который из усердия или из личных интересов посвятил свое перо на служение господствовавшей партии⁴⁰⁾. Он издал в Никомедии свое сочинение о смерти гонителей церкви, как кажется, почти через три года после победы под стенами Рима; но промежуток в тысячу миль и в тысячу дней представлял широкое поле для выдумок декламаторов, для легковерия торжествующей партии и для безмолвного одобрения самого императора, который мог без негодования внимать чудесному рассказу, увеличивавшему его славу и способствовавшему успеху его замыслов. Лициния, еще скрывавшего в то время свою вражду к христианам, тот же автор снабдил подобным видением в форме молитвы, которая была сообщена ангелом и повторялась всей армией перед ее вступлением в бой с легионами тирана Максимиана. Частое повторение чудес раздражает человеческий разум, когда оно не в состоянии поработить его⁴¹⁾; но если мы рассмотрим в частности сновидение Константина, мы найдем, что его можно натурально объяснить или политикой, или энтузиазмом императора. В то время, как заботы о завтрашнем дне, долженствовавшем решить судьбу империи, были прерваны непродолжительным и беспокойным сном, внушительный вид Христа и хорошо знакомый символ его религии могли сами собою представиться возбужденному воображению монарха, чтившего имя христианского Бога и, может быть, втайне взывавшего к Нему о помощи. Искусный политик также мог употребить в дело одну из тех военных хитростей,

один из тех благочестивых обманов, к которым прибегали с таким искусством и успехом Филипп и Серторий⁴²⁾. В сверхъестественное происхождение сновидений верили все древние народы, и значительная часть галльской армии уже была подготовлена к тому, чтоб возложить свои упования на спасительный символ христианской религии. Тайное видение Константина могло быть опровергнуто лишь несчастным исходом войны, а неустрасимый герой, перешедший и Альпы и Апеннины, мог относиться с беспечностью отчаяния к последствиям поражения под стенами Рима. Сенат и народ, ликовавшие по случаю своего избавления от ненавистного тирана, признавали, что победа Константина превосходила подвиги смертных, но не решались утверждать, что она была одержана благодаря покровительству богов. Триумфальная арка, которая была воздвигнута почти через три года после этого события, возвещает в двусмысленных выражениях, что Константин спас Римскую республику и отомстил за нее благодаря величию своей собственной души и внушению или импульсу, исходившему от Божества⁴³⁾. Языческий оратор, ранее других воспользовавшийся удобным предлогом, чтоб восхвалять добродетели завоевателя, полагает, что он один был допущен к тайным и интимным сношениям смертных на подчиненные ему божества; этим путем он дает подданным Константина весьма благовидный предлог, чтоб отказаться от принятия новой религии своего государя⁴⁴⁾.

III. Философ, рассматривающий с хладнокровным недоверием сновидения и предзнаменования, чудеса и диковины светской или даже церковной истории, вероятно, придет к тому заключению, что, если глаза зрителей иногда были вводимы в заблуждение обманом, рассудок читателей был гораздо чаще оскорбляем вымыслами. Каждое происшествие, каждое явление и каждая неожиданная случайность, по-видимому отклонявшиеся от обычного порядка природы, опрометчиво приписывались непосредственному действию божества, а пораженное удивлением воображение толпы иногда придавало определенную форму и цвет, голос и сознательное направление пролетающим в воздухе необыкновенным метеорам⁴⁵⁾. Назарий и Евсевий были те два самых знаменитых оратора, которые в тщательно обработанных панегириках старались возвеличить славу Константина. Через девять лет после победы под стенами Рима Назарий⁴⁶⁾ описывал армию божественных воинов, как будто бы внезапно нисшедших с небес; он говорил об их красоте, об их мужест-

ве, об их гигантских формах, о потоке света, лившегося с их божественных лат, о терпении, с которым они разговаривали со смертными и позволяли осматривать себя, и наконец об их заявлении, что они были посланы и прилетели на помощь великому Константину. В доказательство достоверности этого чуда языческий оратор ссылается на всех галлов, в присутствии которых он тогда говорил, и, по-видимому, надеется, что это недавнее и публичное происшествие заставит верить и в древние видения⁴⁷⁾.

Более правильной и более изящной формой отличается христианская фабула Евсевия, появившаяся через двадцать шесть лет после сновидения, из которого, быть может, она и возникла. Он рассказывает, что во время одного из своих походов Константин увидел собственными глазами в воздухе над полуденным солнцем блестящее знамение креста со следующей надписью: «Этим победи». Это поразительное небесное явление привело в изумление и всю армию, и самого императора, который еще колебался в выборе религии; но его удивление перешло в веру вследствие видения следующей ночи. Перед ним явился Христос и, показывая такое же знамение креста, какое Константин видел на небесах, сказал ему, чтоб он сделал такое знамя и шел с уверенностью в победе против Максенция и всех своих врагов⁴⁸⁾. Ученый епископ Кесарийский, по-видимому, сознавал, что недавнее открытие такого удивительного происшествия может возбудить изумление и недоверие между самыми благочестивыми из его читателей. Однако вместо того, чтоб сделать точные указания времени и места, которые всегда способствуют обнаружению лжи или удостоверению истины⁴⁹⁾, и вместо того, чтоб собрать и сообщить свидетельства стольких живых свидетелей, которые, без сомнения, были очевидцами этого удивительного чуда⁵⁰⁾, Евсевий ограничивается тем, что ссылается на весьма странное свидетельство - на то, что покойный Константин, через несколько лет после этого происшествия, сообщил ему в откровенной беседе об этом необыкновенном случае своей жизни и подтвердил его достоверность торжественною клятвой. Осторожность и признательность ученого епископа не позволили ему заподозрить правдивость своего победоносного повелителя, но он делает ясный намек на то, что всякий другой менее веский авторитет показался бы ему недостаточным для удостоверения факта этого рода. Этот мотив доверия не мог пережить могущества дома Флавиев, и небесное знамение, которое

могло бы сделаться предметом насмешек для неверующих⁵¹⁾, было оставлено в пренебрежении христианами того века, который непосредственно следовал за обращением Константина в христианство⁵²⁾. Но католическая церковь, и восточная, и западная, усвоила чудо, которое или на самом деле, или только по-видимому поддерживает популярное поклонение кресту. Видение Константина сохраняло почетное место в легенде суеверия до тех пор, когда смелый и прозорливый дух критики дозволил себе понизить цену триумфа и взвесить правдивость первого христианского императора⁵³⁾.

Протестанты и философы нашего времени, быть может, найдут, что в деле своего обращения в христианство Константин подкрепил предумышленную ложь явным и сознательным клятвопреступлением. Они, быть может, без колебаний будут утверждать, что в выборе религии Константин руководствовался лишь своими интересами и что (по выражению одного нечестивого поэта⁵⁴⁾ он сделал из алтарей подножие к императорскому трону. Но такой строгий и безусловный приговор не подтверждается ни свойствами человеческой природы, ни характером Константина, ни характером христианской религии. Не раз было замечено, что в века религиозного воодушевления самые искусные политики сами отчасти увлекались тем энтузиазмом, который они старались внушать, и что самые благочестивые люди присваивали себе опасную привилегию защищать дело истины при помощи хитростей и обмана. Личные интересы так же часто служат руководством для наших верований, как и для нашего образа действий, и те же самые мирские расчеты, которые могли влиять на публичные деяния и заявления Константина, могли незаметным образом расположить его к принятию религии, столь благоприятной и для его славы и для его возвышения. Его тщеславие было удовлетворено лестным уверением, что он был избран небесами для того, чтоб царствовать над землей; успех оправдал божественное происхождение его прав на престол, а эти права были основаны на истине христианского откровения. Как действительная добродетель иногда зарождается от незаслуженных похвал, так и благочестие Константина, быть может, лишь вначале было притворным, но потом мало-помалу созрело в серьезную веру и в пылкую ей преданность под влиянием похвал, привычки и примера. Епископы и проповедники нового учения были приглашаемы к императорскому столу, несмотря на то, что их костюмы и манеры не гармонировали с обста-

новкой императорской резиденции; они сопровождали монарха в его экспедициях, а влияние, которое один из них, родом египтянин или испанец⁵⁵⁾, приобрел над его умом, приписывалось язычниками действию магии⁵⁶⁾. Лактанций, украсивший евангельские правила красноречием, достойным Цицерона⁵⁷⁾, и Евсевий, обративший ученость и философию греков на пользу религии⁵⁸⁾, были допущены к дружеским и фамильным сношениям со своим государем; эти даровитые мастера в словопрениях могли с терпением выжидать такой минуты, когда ум Константина был более податлив на убеждения, и могли употреблять в дело такие аргументы, которые были более подходящи к его характеру и умственным способностям. Как бы ни было выгодно для церкви приобретение столь высокопоставленного последователя, он отличался от многих тысяч своих подданных, принявших христианское учение, скорее блеском своего царского одеяния, чем своею мудростью или добродетелями, и нет ничего неправдоподобного в том, что ум необразованного солдата преклонился перед вескостью таких доказательств, которые, в более просвещенном веке, удовлетворили и поработили умы Гроция, Паскаля и Локка. Среди непрерывных трудов по управлению империей этот солдат проводил, или притворялся, что проводил, часы ночи в тщательном изучении Св. Писания и в сочинении богословских речей, которые он впоследствии произносил в присутствии многочисленных и рукоплещущих слушателей.

В сохранившейся до сих пор очень длинной речи венценосный проповедник приводит различные доказательства в пользу религии, но с особенным удовольствием останавливается на стихах Сивиллы⁵⁹⁾ и на четвертой эклоге Вергилия⁶⁰⁾. За сорок лет до Р. Х. мантуанский бард, как будто вдохновившийся небесною музой Исайи, воспел со всем блеском восточной метафоры возвращение девы, падение змия, приближающееся рождение от великого Юпитера божественного ребенка, который искупит преступления человеческого рода и будет мирно царствовать над вселенной с добродетелями своего отца; он возвещал возвышение и появление небесной расы - первобытной нации во всем мире и постепенное восстановление невинности и счастья золотого века. Поэт, быть может, не сознавал тайного смысла и предмета этих возвышенных предсказаний, которые таким недостойным образом применялись к новорожденному сыну какого-нибудь консула или триумвира⁶¹⁾; но если более бле-

стящее и, поистине, более правдоподобное истолкование четвертой эклоги содействовало обращению первого христианского императора, то Вергилий заслуживает того, чтоб быть поставленным наряду с самыми успешными проповедниками Евангелия⁶²).

Внушающая благоговение таинственность христианской веры и христианского богослужения скрывалась от глаз чужестранцев и даже от глаз оглашенных с притворной скромностью, возбуждавшей в них удивление и любопытство⁶³). Но строгие правила дисциплины, установленные благоразумием епископов, ослаблялись по внушению того же благоразумия в пользу венценосного последователя, которого так необходимо было привлечь в лоно церкви какими бы то ни было снисходительными уступками, и Константину было дозволено - по меньшей мере путем молчаливого разрешения - пользоваться большею частью привилегий христианина, прежде нежели он принял на себя какие-либо обязанности этого звания. Вместо того, чтоб выходить из собрания верующих, когда голос диакона приглашал всех посторонних удалиться, он молился вместе с верующими, входил в споры с епископами, говорил проповеди на самые возвышенные и самые запутанные богословские темы, исполнял священные обряды кануна Светлого Воскресения и публично признавал себя не только участником в христианских мистериях, но в некоторой мере даже их священнослужителем и первосвященником⁶⁴). Гордость Константина, быть может, требовала чрезвычайных отличий, на которые ему давали право оказанные им христианской церкви услуги; неуместная взыскательность могла бы совершенно уничтожить еще не совсем созревшие плоды его обращения в христианство, а если бы ворота церкви были плотно закрыты перед монархом, покинувшим алтари богов, то повелитель империи остался бы без всякой формы религиозного культа. Во время своего последнего пребывания в Риме он из благочестия отверг и оскорбил суеверие своих предков, отказавшись идти по главе военной процессии всаднического сословия и публично принести мольбы Юпитеру Капитолийскому⁶⁵). За много лет до своего крещения и своей смерти Константин объявил во всеобщее сведение, что никогда никто не увидит ни его особы, ни его изображения внутри стен языческого храма; вместе с тем он приказывал раздавать в провинциях различные медали и портреты, на которых император был изображен в смиренной и умоляющей позе христианского благочестия⁶⁶).

Нелегко объяснить или оправдать то чувство гордости в Константине, которое побуждало его отказываться от привилегий оглашенного; но отлагательство крещения легко объясняется древними церковными принципами и обычаями. Таинство крещения⁶⁷⁾ обыкновенно совершалось самими епископами и состоявшим при них духовенством в епархиальной кафедральной церкви в течение пятидесяти дней, которые отделяют торжественное празднование Пасхи от Троицына дня, и в этот священный промежуток времени церковь принимала в свое лоно значительно число детей и взрослых. Осмотрительные родители нередко откладывали крещение своих детей до той поры, когда они будут в состоянии понимать принимаемые на себя обязательства; строгость древних епископов требовала от новообращенных двух- или трехлетней подготовки и сами оглашенные, по различным мирским или духовным мотивам, редко спешили усваивать характер людей, вполне посвященных в христианство. Таинство крещения, как полагали, вело к полному и безусловному очищению от грехов; оно мгновенно возвращало человеческой душе ее первобытную чистоту и давало ей право ожидать вечного спасения. Между последователями христианства было немало таких, которые находили неблагоприятным спешить совершением спасительного обряда, который не мог повторяться, находили неблагоприятным лишать себя неограниченного права, которое уже никогда не могло быть восстановлено. Откладывая свое крещение, они могли удовлетворять свои страсти в мирских наслаждениях, а между тем в их собственных руках всегда было верное и легкое средство получить отпущение всех своих грехов⁶⁸⁾. Высокое евангельское учение произвело гораздо более слабое впечатление на сердце Константина, нежели на его ум. Он стремился к главной цели своего честолюбия темными и кровавыми путями войны и политики, а после победы стал умеренно злоупотреблять своим могуществом.

Вместо того чтоб выказать свое бесспорное превосходство над недостигшим совершенства героизмом и над мирскою философией Траяна и Антонинов, Константин в своих зрелых годах не поддержал той репутации, какую приобрел в своей молодости. По мере того как он преуспевал в познании истины, он отклонялся от правил добродетели, и в том самом году своего царствования, когда он созвал собор в Никее, он запятнал себя казнью или, вернее, убийством своего старшего сына. Одного этого сопоставления годов достаточно, чтоб

опровергнуть невежественные и злонамеренные намеки Зосима⁶⁹⁾, который утверждает, что будто после смерти Криспа угрызения совести заставили его отца принять от служителей христианской церкви то очищение от греха, которого он тщетно просил у языческих первосвященников. Во время смерти Криспа император уже не мог более колебаться в выборе религии; в то время он уже не мог не знать, что церковь обладает верным средством очищения, хотя он и предпочитал отложить употребление этого средства до тех пор, пока приближение смерти не устранил соблазнов и опасности новых грехопадений. Епископы, которые были призваны во дворец в Никомедии во время его последней болезни, были вполне удовлетворены рвением, с которым он пожелал принять и принял таинство крещения, торжественным заявлением, что остальная его жизнь будет достойна последователя Христа, и его смиренным отказом носить императорскую багряницу после того, как он облекся в белое одеяние новообращенного. Пример и репутация Константина, по-видимому, поддерживали обыкновение отлагать крещение⁷⁰⁾ и внушали царствовавшим после него тиранам убеждение, что невинная кровь, которую они будут проливать в течение продолжительного царствования, будет мгновенно смыта с них водами возрождения; таким образом, злоупотребление религией опасным образом подкапывало основы нравственности и добродетели.

Признательность церкви превознесла добродетели и извинила слабости великодушного покровителя, вознесшего христианство до господства над римским миром, а греки, празднующие день святого императора, редко произносят имя Константина без придаточного титула «Равноапостольного»⁷¹⁾. Если бы такое сравнение было намеком на характер этих божественных проповедников, то его следовало бы приписать сумасбродству нечестивой лести. Но если сравнение ограничивается размером и числом их евангелических побед, то успехи Константина, быть может, могут равняться с успехами самих апостолов. Своими эдиктами о терпимости он устранил мирские невыгоды, до той поры замедлявшие успехи христианства, а деятельные и многочисленные проповедники нового учения получили неограниченное дозволение и великодушное поощрение распространять спасительные истины откровения при помощи всех тех аргументов, какие могут влиять на ум или на благочестие человеческого рода. Точно равновесие между двумя религиями

поддерживалось лишь один момент, так как проникательный глаз честолюбия и корыстолюбия тотчас заметил, что исповедование христианской веры может доставлять выгоды и в настоящей жизни точно так же, как и в будущей⁷²⁾. Надежды богатств и почестей, пример императора, его увещевания, его непреодолимая ласковая улыбка распространяли веру в новое учение среди продажной и раболепной толпы, обыкновенно наполняющей дворцовые апартаменты. Города, выказывавшие свое торопливое усердие добровольным разрушением своих храмов, получали в отличие от других муниципальные привилегии и награждались приятными для их населения подарками, а новая столица востока гордилась тем странным преимуществом, что она никогда не была осквернена поклонением идолам⁷³⁾. Так как низшие классы общества обыкновенно подражают высшим, то обращение в христианство людей, отличавшихся или знатностью происхождения, или влиянием, или богатством, увлекало за собою толпы, жившие в зависимости⁷⁴⁾. Вечное спасение простого народа, должно быть, достигалось довольно легко, если правда, что в течение одного года в Риме крестились двенадцать тысяч мужчин, кроме соответствующего числа женщин и детей, и что император обещал белое одеяние с двадцатью золотыми монетами всякому, кто обратится в христианство⁷⁵⁾. Могуущественное влияние Константина не ограничилось узкими пределами его жизни и его владений. Воспитание, которое он дал своим сыновьям и племянникам, обеспечивало для империи целое поколение монархов, вера которых была еще более пылка и искренна, так как они с раннего детства впитывали в себя дух или по меньшей мере учение христианства. Войны и торговля распространили знание Евангелия за пределы римских провинций, а варвары, сначала относившиеся с пренебрежением к смиренной и гонимой секте, скоро научились уважать религию, которая была принята самым могущественным монархом и самой образованной нацией земного шара⁷⁶⁾. Готы и германцы, служившие под знаменем Рима, стали чтить крест, блестевший во главе легионов, и вместе с тем стали поучать своих свирепых соотечественников вере и человеколюбию. Короли Иберии и Армении поклонялись богу своего покровителя, а их подданные, неизменно сохранявшие название христиан, скоро вступили в священную и неразрывную связь со своими римскими единоверцами. Персидские христиане давали в военное время повод подозревать, что они предпочитают свою

религию своему отечеству, но когда обе империи были в мире между собой, свойственная магам склонность к религиозным преследованиям с успехом сдерживалась вмешательством Константина⁷⁷⁾. Лучи Евангелия осветили берега Индии. Еврейские колонии, проникшие в Аравию и Эфиопию⁷⁸⁾, препятствовали распространению там христианства; но труды миссионеров в некоторой мере облегчались предварительным знакомством с откровением Моисея, и Абиссиния до сих пор чтит память Фруменция, который посвятил, во времена Константина, всю свою жизнь на обращение в христианство населения этих отдаленных стран. В царствование Констанция Феофил⁷⁹⁾ - который сам был родом из Индии - был облечен в двойное звание посла и епископа. Он отплыл от берегов Красного моря с двумястами лошадьми самой чистой каппадокийской породы, которых император посылал в подарок принцу сабеян, или гомеритов. Феофилу было поручено много других полезных или интересных подарков, которые могли возбуждать в варварах удивление и склонять их к дружелюбию, и он с успехом употребил несколько лет на пастырское посещение церквей жаркого пояса⁸⁰⁾.

Непреодолимое могущество римских императоров обнаружилось в важной и опасной перемене национальной религии. Страх, который внушали их военные силы, заглушил слабый и никем не поддержанный ропот язычников, и было полное основание ожидать, что готовность к повиновению будет результатом сознания своего долга и признательности со стороны как христианского духовенства, так и самих христиан. В римской конституции издавна было установлено основное правило, что все разряды граждан одинаково подчинены законам и что заботы о религии составляют и право, и обязанность высшего гражданского должностного лица. Константина и его преемников нелегко было убедить, что своим обращением в христианство они лишили себя одной части своих императорских прерогатив или что они не имели права предписывать законы такой религии, которую они протезировали и исповедовали. Императоры не переставали пользоваться верховной юрисдикцией над духовенством, и шестнадцатая книга Кодекса Феодосия описывает, под различными титулами, присвоенное ими влияние на управление католическою церковью.

Но различие между властями духовной и светской⁸¹⁾, с которым никогда не был вынужден знакомиться независимый

ум греков и римлян, было введено и упрочено легальным утверждением христианства. Должность главного первосвященника, которая со времен Нумы и до времен Августа всегда исполнялась одним из самых достойных сенаторов, была в конце концов соединена с званием императора. Прежде первый сановник республики исполнял собственно-ручно священнические обязанности⁸²⁾ всякий раз, как этого требовало суверен или политика, и ни в Риме, ни в провинциях не было никакого духовного сословия, которое заявляло бы притязания на более священный характер между людьми или на более тесное общение с богами. Но в христианской церкви, возлагающей служение перед алтарями на непрерывный ряд особо посвященных лиц, монарх, который по своему духовному рангу ниже последнего из диаконов, восседал подле решетки святилища и смешивался с массой остальных верующих⁸³⁾. Император мог считаться отцом своего народа, но он был обязан оказывать сыновнее повиновение и уважение отцам церкви, и гордость епископского сана скоро стала требовать от Константина таких же знаков почтения, какие он оказывал святым и духовникам⁸⁴⁾. Тайная борьба между юрисдикциями гражданской и церковной затрудняла действия римского правительства, а благочестивый император не допускал преступной и опасной мысли, чтоб можно было наложить руку на кивот завета. В действительности разделение людей на два разряда, на духовенство и мирян, существовало у многих древних народов, и священнослужители в Индии, Персии, Ассирии, Иудее, Эфиопии, Египте и Галлии приписывали божественное происхождение и приобретенной ими светской власти, и приобретенным ими имуществам. Эти почтенные учреждения мало-помалу приспособились к местным нравам и формам правления⁸⁵⁾; но порядки первобытной церкви были основаны на сопротивлении гражданской власти или на пренебрежении к ней. Христиане были обязаны избирать своих собственных должностных лиц, собирать и расходовать свои особые доходы и регулировать внутреннее управление своей республики сводом законов, который был утвержден согласием народа и трехсотлетней практикой. Когда Константин принял христианскую веру, он точно будто заключил вечный союз с отдельным и самостоятельным обществом, а привилегии, которые были дарованы или подтверждены этим императором и его преемниками, были приняты не за свидетельства

непрочного милостивого расположения двора, а за признание справедливых и неотъемлемых прав духовного сословия.

Кафолическая церковь управлялась духовной и легальной юрисдикцией тысячи восьмисот епископов⁸⁶⁾, из числа которых тысяча имели пребывание в греческих провинциях империи, а восемьсот в латинских. Пространство и границы их епархий изменялись сообразно с усердием и успехами первых миссионеров, сообразно с желаниями народа и с распространением Евангелия. Епископские церкви были расположены в близком одна от другой расстоянии вдоль берегов Нила, на африканском побережье, в азиатском проконсульстве и в южных провинциях Италии. Епископы Галлии и Испании, Фракии и Понта заведовали обширными территориями и возлагали на своих сельских викариев исполнение второстепенных обязанностей пастырского звания⁸⁷⁾. Христианская епархия могла обнимать целую провинцию или ограничиваться одной деревушкой, но все епископы пользовались одинаковыми правами, нераздельными с их саном: все они получали одинаковую власть и одинаковые привилегии от апостолов, от народа и от законов. В то время как политика Константина отделяла *гражданские* профессии от *военных*, и в церкви и в государстве возникло новое и постоянное сословие *церковных* должностных лиц, всегда почтенных, а иногда и опасных. Обзор их положения и атрибутов может быть разделен на следующие отделы: I. Народное избрание. II. Посвящение лиц духовного звания. III. Собственность. IV. Гражданская юрисдикция. V. Церковные кары. VI. Публичная проповедь. VII. Привилегия законодательных собраний.

I. Свобода выборов удержалась долго после легального введения христианства⁸⁸⁾, и римские подданные пользовались внутри церкви утраченным ими внутри республики правом избирать должностных лиц, которым они были обязаны повиноваться. Лишь только какой-нибудь епископ кончал жизнь, митрополит поручал одному из своих викариев управлять вакантной должностью и приготовить в определенный срок новые выборы. Право подачи голосов было предоставлено низшему духовенству, более всех способному оценить достоинства кандидатов, сенаторам и знатным городским жителям, всем тем, кто отличался своим общественным положением или богатством, и, наконец, всему народу, который толпами стекался в назначенный день из самых отдаленных частей епархии⁸⁹⁾ и нередко заглужал своими

шумными возгласами и голос рассудка, и требования дисциплины. Эти возгласы могли случайным образом остановиться на самом достойном из соискателей, на каком-нибудь старом пресвитере, на каком-нибудь святом отшельнике или даже на каком-нибудь мирянине, отличавшемся своим усердием и благочестием. Но епископского звания искали - в особенности в больших и богатых городах империи - скорее ради его светского, чем ради его духовного значения. Личные интересы, себялюбие и ненависть, коварные проделки и притворство, тайный подкуп, явные и даже кровавые насилия, когда-то искажавшие свободу выборов в республиках греческой и римской, слишком часто влияли и на выбор апостольских преемников.

Иные из кандидатов ставили на вид знатность своего рода, другие старались расположить в свою пользу избирателей роскошным угощением, а третьи, еще более преступные, чем их соперники, обещали разделить церковные сокровища с соучастниками в их святотатственных замыслах⁹⁰). Как гражданские, так и церковные законы старались устранить чернь от участия в этом важном деле. Древние церковные правила, требовавшие от кандидатов на епископское звание известных условий возраста, общественного положения и пр., ограничили до некоторой степени слепую прихотливость избирателей. Авторитет провинциальных епископов, собиравшихся для освящения народного выбора на вакантную должность, сдерживал их страсти и исправлял их ошибки. Епископы могли отказаться от посвящения недостойного кандидата; а ярость борющихся партий иногда прибегала к их беспристрастному посредничеству. Как одобрение, так и неодобрение со стороны духовенства и народа устанавливало для некоторых случаев прецеденты, мало-помалу обратившиеся в положительные законы и провинциальные обычаи⁹¹), но повсюду было признано за основное правило церковного управления, что нельзя назначить епископа над православной церковью без согласия ее членов. Императоры, в качестве охранителей общественного спокойствия и первых граждан Рима и Константинополя, могли с успехом выражать свои желания при выборе митрополитов, но эти абсолютные монархи уважали свободу церковных выборов, и, в то время как они произвольно раздавали или отнимали гражданские и военные отличия, они позволяли тысяче восьмистам несменяемым должностным лицам духовного звания получать свое назначение от свободно выраженной народной

воли⁹²⁾. По-видимому, справедливость требовала, чтоб эти должностные лица не покидали того почетного поста, с которого никто не имел права их сместить; однако мудрость соборов не совсем успешно старалась удерживать епископов в их епархиях и препятствовать их перемещениям из одной епархии в другую. Правда, церковные правила соблюдались на западе с большей строгостью, нежели на востоке, но и тут и там те же самые страсти, которые делали необходимыми упомянутые постановления, отнимали у них действительную силу. Жестокие упреки, которыми осыпали друг друга раздраженные прелаты, привели лишь к тому, что обнаружили их общую виновность и их взаимную нескромность.

II. Одни епископы обладали способностью духовного деторождения, и эта необыкновенная привилегия могла в некоторой мере вознаграждать их за мучительное безбрачие⁹³⁾, которое предписывалось сначала как добродетель, потом как нравственный долг и, наконец, как положительная обязанность. Древние религии, установившие отдельное сословие священнослужителей, посвящали на вечное служение богам какую-нибудь священную расу, племя или семейство⁹⁴⁾. Такие учреждения вводились скорее для того, чтоб упрочить обладание известными правами, чем для того, чтоб поощрять на их приобретение. Дети священнослужителей пользовались своим священным наследством с гордой и беспечной самонадеянностью, а пылкая энергия энтузиазма ослаблялась в них заботами, удовольствиями и привязанностями семейной жизни. Но христианское святилище было открыто для всякого честолюбивого кандидата, стремившегося к его небесным упованиям или к его мирским благам. Обязанности священнослужителей, точно так же, как обязанности солдат или судей, усердно исполнялись теми, кто по своему характеру или по своим дарованиям чувствовал влечение к духовному званию, или теми, кого разборчивый епископ считал более способным поддерживать величие и интересы церкви. Епископы⁹⁵⁾ (до тех пор пока законы не положили пределов этому злоупотреблению) могли принуждать упорствующих и защищать угнетенных, а наложение рук навсегда доставляло некоторые из самых ценных привилегий гражданского общества. Кафолическое духовенство, быть может, более многочисленное в своем составе, чем легионы, было освобождено императорами от всякой частной или общественной службы, от всех муниципальных должностей и от всех личных налогов и податей, ложившихся всюю своею невыноси-

мою тяжестью на их сограждан: исполнение обязанностей их священной профессии принималось за полное выполнение их обязанностей по отношению к государству⁹⁶). Каждый епископ получал безусловное и неотъемлемое право на всегдашнюю покорность со стороны посвященных им церковнослужителей; духовенство каждой епископской церкви и зависевших от нее приходов составляло правильное и постоянное общество, а соборные церкви константинопольская⁹⁷) и карфагенская⁹⁸) содержали на свой счет по пятисот священнослужителей. Их разряды⁹⁹) и число постоянно умножались благодаря суеверию того времени, вводившему в христианские церкви великолепные церемонии иудейских и языческих храмов, и длинные ряды священников, диаконов, поддиаконов, церковных прислужников, заклинателей, чтецов, певчих и привратников содействовали - каждый соответственно со своим назначением - великолепию и гармонии богослужения. Название и привилегии церковнослужителей были распространены на членов многих благочестивых братств, усердно поддерживавших владычество церкви¹⁰⁰). Шестьсот так называемых *parabolani*, или авантюристов, посещали больных в Александрии; тысяча сто *corpatae*, или могильщиков, хоронили мертвых в Константинополе, а тучи монахов, поднявшиеся над Нилом, со всех сторон облегли и омрачили христианский мир¹⁰¹).

III. Миланский эдикт обеспечил доходы церкви точно так же, как и ее спокойствие¹⁰²). Христиане не только получили обратно земли и дома, которые были у них отняты притеснительными законами Диоклетиана, но и приобрели законные права на все те имущества, которыми они пользовались до тех пор только благодаря снисходительности светской власти. С той минуты, как христианство сделалось религией императора и империи, национальное духовенство могло требовать средств для приличного и согласного с его достоинством существования, а уплата ежегодного налога могла бы избавить народ от более обременительных расходов, которые суеверие налагает на своих последователей. Но так как нужды и расходы церкви возрастали вместе с ее благосостоянием, то лица духовного звания по-прежнему содержались и обогащались добровольными приношениями верующих. Через восемь лет после издания Миланского эдикта Константин даровал всем своим подданным без исключения право завещать свое состояние в пользу святой католической церкви¹⁰³), а их благочестивая щедрость, сдерживавшаяся в те-

чение их жизни требованиями роскоши и корыстолюбием, потекла широкой струей перед их смертью. Богатые христиане находили для себя поощрение в примере своего государя. Абсолютный монарх, будучи богат без всякой наследственной собственности, может быть щедр без всякой со своей стороны заслуги, а Константин слишком легко уверовал в то, что на него снизойдут небесные милости, если он будет содержать празднолюбцев на счет трудящихся и если будет раздавать святым людям достойные государства. Тому же самому посланцу, который отвозил в Африку голову Максенция, было поручено передать епископу карфагенскому Цецилиану письмо, в котором император уведомлял его, что местному казначею приказано выдать ему три тысячи folles, т. е. 18 000 фунт. стерл., и удовлетворять его дальнейшие денежные требования на вспомоществование церквям Африки, Нумидии и Мавритании¹⁰⁴). Щедрость Константина росла в одинаковой пропорции с его верой и его пороками. В каждом городе он приказал регулярно пополнять хлебные запасы духовенства, назначенные для раздачи бедным, а лица обоего пола, посвящавшие себя монашеской жизни, приобретали этим право на особое милостивое внимание своего государя. Христианские храмы Антиохии, Александрии, Иерусалима, Константинополя и др. свидетельствовали о чванном благочестии монарха, который на склоне своих лет старался сравняться с древними в великолепии своих построек¹⁰⁵). Форма этих религиозных зданий была простая и продолговатая, хотя иногда они разрастались вверх, принимая вид купола, а иногда распространялись в ширину в виде креста. Они строились большею частью из ливанского кедра, крыши покрывались черепицей или иногда золоченой медью, а стены, колонны и полы обкладывались мрамором разных цветов. Самые дорогие украшения из золота и серебра, из шелка и драгоценных камней употреблялись в избытке на убранство алтарей, а это внешнее величие имело прочную и неотъемлемую опору в обширной земельной собственности. В течение двух столетий - со времен царствования Константина и до времен царствования Юстиниана - тысяча восемьсот церквей Римской империи обогатились от частых и неотчуждаемых пожертвований монарха и народа. Можно определить в 600 фунт. стерл. ежегодный доход епископов, которые были поставлены на равном расстоянии и от богатства, и от бедности¹⁰⁶), но размеры их денежных средств мало-помалу увеличивались вместе со значением и богатством городов,

которыми они управляли. В одной подлинной, хотя и не полной¹⁰⁷⁾, росписи доходов названы некоторые из домов, лавок, садов и ферм, принадлежавших трем римским базиликам - храмам св. Петра, св. Павла и св. Иоанна Латеранского, в провинциях Италии, Африки и востока. Кроме запасов оливкового масла, полотна, бумаги и благовонных веществ они доставляли ежегодно чистого дохода двадцать две тысячи золотых монет, или 12 000 фунт. стерл. Во времена Константина и Юстиниана епископы уже не внушали своему духовенству и прихожанам полного доверия или, может быть, уже не заслуживали его. Поэтому церковные доходы каждой епархии были разделены на четыре части: одна для самого епископа, другая для низшего духовенства, третья для бедных и четвертая на публичное богослужение, а злоупотребление доверием часто и строго наказывалось¹⁰⁸⁾. Церковное имущество все еще подлежало уплате всех общих государственных налогов¹⁰⁹⁾. Духовенство Рима, Александрии, Фессалоники и др. иногда искало и добивалось некоторых частных изъятий, но сын Константина с успехом воспротивился преждевременной попытке собравшегося в Римини собора получить полное освобождение от всяких налогов¹¹⁰⁾.

IV. Латинское духовенство, воздвигнувшее свой трибунал на развалинах гражданского и обычного права, скромно приняло от Константина¹¹¹⁾ в качестве дара самостоятельную юрисдикцию, которая была для него плодом времени, случайности и собственной предприимчивости. Но щедрость христианских императоров сверх того наделила его некоторыми прерогативами, охранявшими и возвышавшими его священный характер¹¹²⁾. 1. При деспотической форме правления одни епископы получили и сохранили неоценимое право подлежать суду себе равных, и даже в случае обвинения в уголовном преступлении собор из их собратьев был единственным судьей над тем, виновны они или невинны. Если только такой трибунал не воспламенялся личной враждой или религиозными раздорами, он, натурально, должен был относиться к духовному сословию с благосклонностью и даже с пристрастием; но Константин был, по-видимому, убежден¹¹³⁾, что тайная безнаказанность менее вредна, чем публичный скандал, и Никейский собор услышал от него назидательное публичное заявление, что, если бы он нечаянно накрыл епископа в прелюбодеянии, он прикрыл бы виновного своей императорской мантией. 2. Домашняя юрисдикция

епископов была в одно и то же время и привилегией, и стеснением для лиц духовного звания, так как их гражданские тяжбы были, ради приличия, изъяты из ведома светских судей. Их неважные проступки не навлекали на них позора публичного суда и наказания, а подвергали их легким исправительным мерам, которые налагались епископами с такою же умеренною строгостью, с какою родители или наставники относятся к юношескому возрасту. Но если лицо духовного звания совершало такое преступление, которое нельзя было загладить исключением из почетной и выгодной профессии, то римский судья обнажал меч правосудия без всякого внимания к церковным привилегиям. 3. Право третейского разбирательства было признано за епископами положительным законом, и судьям было приказано исполнять безапелляционно и безотлагательно епископские декреты, обязательная сила которых прежде основывалась на взаимном согласии обеих сторон. Обращение самих судей и всей империи в христианство должно было мало-помалу устранить опасения и колебания христиан. Но они не переставали обращаться к трибуналу тех епископов, которых они уважали за их ум и бескорыстие, и почтенный Аустин с некоторым удовольствием жаловался на то, что исполнение его духовных обязанностей беспрестанно прерывалось необходимостью разрешить споры о серебре и золоте, о земле и рогатом скоте. 4. Древняя привилегия святилищ была перенесена на христианские храмы и распространена благочестием младшего Феодосия на весь объем освященной почвы¹¹⁴). Беглецы и даже преступники могли обращаться к божеству и к его служителям с мольбами или о справедливости, или о помиловании. Опрометчивые насилия деспотизма сдерживались кротким заступничеством церкви, и как жизнь, так и состояние самых высокопоставленных подданных могли находить для себя защиту в посредничестве епископов.

V. Епископ был постоянным цензором нравственности своих прихожан. Правила церковного покаяния были выработаны в целую систему церковной юриспруденции¹¹⁵), в точности определявшей долг приватной или публичной исповеди, условия очевидности, степени виновности и меру наказания. Не было бы возможности приводить в исполнение правила этих духовных кар, если бы христианский первосвященник, наказывавший мелкие проступки простолюдины, не касался бросающихся в глаза пороков и пагубных преступлений должностных лиц; но не было возможности следить за

поведением должностных лиц, не контролируя вместе с тем и административную деятельность светского правительства. Некоторые соображения, основанные на религии, на преданности или страхе, охраняли священную особу императора от усердия или гнева епископов, но эти последние смело подвергали духовным карам и отлучали от церкви тех второстепенных тиранов, которых не прикрывало величие императорского достоинства. Св. Афанасий отлучил от церкви одного из египетских министров, а произнесенное им против этого министра запрещение огня и воды было торжественно сообщено церквям Каппадокии¹¹⁶). В царствование младшего Феодосия один из потомков Геркулеса¹¹⁷), благовоспитанный и красноречивый Синезий, занимал епископскую должность в Птолемаиде вблизи от развалин Кирены¹¹⁸), и этот епископ-философ выдержал с достоинством ту роль, которую он принял на себя с неохотой¹¹⁹). Он одолел чудовище Ливии, президента Андроника, злоупотреблявшего авторитетом продажной должности, придумывавшего новые способы вымогательства и новые пытки и усиливавшего свою виновность как угнетателя виновностью святотатца¹²⁰). После бесплодной попытки направить этого высокомерного сановника на путь истины при помощи кротких религиозных увещаний Синезий подверг его самой строгой каре, какая только была в распоряжении церковного правосудия¹²¹), - он обрек Андроника вместе с его сообщниками и их семействами на общую к ним ненависть и на земле и на небесах. Нераскаявшиеся грешники, более жестокие, чем Фаларис и Сеннахериб, более вредные, чем война, моровая язва или туча саранчи, лишались названия и привилегий христиан, пользования таинствами и надежды попасть в рай. Епископ приглашал духовенство, должностных лиц и народ отказаться от всякого общения с врагами Христа, не принимать их в свои жилища и к своему столу и отказать им во всяких житейских услугах и в приличном погребении. Как ни была малоизвестна и ничтожна церковь в Птолемаиде, она обратилась с извещением об этом ко всем другим церквям империи и объявляла, что миряне, которые не подчинятся ее приказаниям, сделаются участниками в преступлении и в наказании Андроника и его нечестивых приверженцев. Страх, который внушали эти церковные громы, был усилен ловким обращением к содействию византийского правительства; трепещущий президент стал молить церковь о помиловании, и потомок Геркулеса имел удовольствие поднять

павшего к его ногам тирана¹²²⁾. Такие принципы и такие примеры мало-помалу подготовили торжество римских первосвященников, попиравших своими ногами королей.

VI. Каждое правительство, допускающее выражение народной воли, знакомо по опыту с влиянием и натурального, и искусственного красноречия. Внезапно всех увлекающий сильный импульс воодушевляет самые холодные натуры и потрясает самые твердые умы; тогда каждый слушатель поддается влиянию и своих собственных страстей, и страстей окружающей его толпы. Гибель гражданской свободы наложила печать молчания на уста афинских демагогов и римских трибунов; церковная проповедь, по-видимому, занимающая значительное место между делами христианского благочестия, не была введена в древние храмы, и слух монархов никогда не оскорблялся грубыми звуками общепонятного красноречия до тех пор, пока во всей империи не появились на церковных кафедрах священные ораторы, обладавшие такими преимуществами, которые не были знакомы их светским предшественникам¹²³⁾. Аргументы и риторика светской трибуны тотчас вызвали возражение со стороны искусных и энергичных антагонистов, сражавшихся со своими противниками равным оружием, а истина и разум могли извлекать некоторую для себя пользу из столкновения борющихся страстей. Но епископ или какой-нибудь способный пресвитер, которому епископ осмотрительно передавал права проповедника, обращался - не опасаясь быть прерванным или услышать возражение - к покорной толпе, ум которой уже был подготовлен и подавлен внушительными религиозными церемониями. Так строга была субординация в католической церкви, что с сотни церковных кафедр Италии и Египта могли одновременно раздаваться одни и те же звуки, если только они были настроены¹²⁴⁾ мастерской рукой римского или александрийского митрополита. Цель такого учреждения была похвальна, но его плоды не всегда были благотворны. Проповедники рекомендовали исполнение общественных обязанностей, но восхваляли достоинства монашеской добродетели, которая мучительна для тех, кто ею отличается, и бесполезна для человечества. Их воззвания к благотворительности обнаруживали тайное желание, чтоб духовенству было дозволено употреблять богатства верующих на вспомоществование бедным. Их самые возвышенные описания божественных атрибутов и законов были запятнаны бесполезной примесью метафизических тонкостей, пус-

тых обрядов и вымышленных чудес, и они с самым горячим усердием доказывали, что благочестие предписывает повиноваться служителям церкви и ненавидеть их противников. Когда общественное спокойствие было нарушено ересью и расколом, священные ораторы стали сеять раздоры и даже вызывать к мятежу. Они вводили слушателей в недоумение своими мистическими идеями, раздражали их страсти своими бранными речами и выходили из храмов Антиохии и Александрии готовыми или претерпеть мученичество, или подвергнуть ему других. Извращение вкуса и языка ясно выказывается в пылких декламациях латинских епископов, но произведения Григория и Златоуста сравнивались с самыми великолепными образцами аттического или по меньшей мере азиатского красноречия¹²⁵).

VII. Представители христианской республики собирались регулярно весной и осенью каждого года, и эти соборы распространяли дух церковной дисциплины и церковного законодательства по всем ста двадцати провинциям Римской империи¹²⁶). Архиепископ или митрополит был уполномочен законами созывать викарных епископов своей провинции, рассматривать их поведение, отстаивать их права, проверять их верования и взвешивать достоинства кандидатов, избранных духовенством и народом для замещения вакантных мест в епископской корпорации. Первосвятители Рима, Александрии, Антиохии, Карфагена и впоследствии Константинополя, пользовавшиеся более обширной юрисдикцией, созывали многочисленные собрания из подведомственных им епископов. Но созвание больших и чрезвычайных соборов было привилегией одного императора. Всякий раз, как дела церкви требовали этой решительной меры, он рассылал не допускавшие возражений приглашения епископам или депутатам от каждой провинции вместе с разрешением пользоваться почтовыми лошадьми и достаточной денежной суммой на покрытие расходов путешествия. В раннюю пору, когда Константин был скорее покровителем, нежели последователем христианства, он предоставил разрешение возникших в Африке религиозных споров созванному в Арелате собору, на который епископы Йорка, Трира, Милана и Карфагена съехались как друзья и братья для того, чтоб обсудить на своем родном языке общие интересы латинской, или западной, церкви¹²⁷). Через одиннадцать лет после того более многочисленное и более знаменитое собрание было созвано в Никее, в Вифинии, для того чтоб своим окончательным

решением прекратить утонченные разногласия, возникшие в Египте касательно Св. Троицы. Триста восемнадцать епископов явились на зов своего милостивого повелителя: число лиц духовного звания разного ранга, различных сект и наименований доходило, как полагают, до двух тысяч сорока восьми¹²⁸⁾. Греки лично явились на собрание, а согласие латинов было выражено легатами римского первосвященника. Сессия, продолжавшаяся около двух месяцев, была часто удаляема личного присутствия императора. Оставив у входа свою стражу, он сел (с дозволения собора) на возвышенное сидище посреди залы. Константин слушал с терпением и говорил с скромностью, и в то время как он влиял на ход прений, он смиренно утверждал, что он служитель, а не судья апостольских преемников, этих представителей религии и Бога на земле¹²⁹⁾. Такое глубокое уважение неограниченного монарха к бессильному и безоружному собранию его собственных подданных можно сравнить только с тем уважением, которое выказывали к сенату римские монархи, державшиеся политики Августа. Философ, наблюдавший в течение пятидесяти лет за превращениями человеческой судьбы, мог видеть Тацита посреди членов римского сената и Константина посреди членов Никейского собора. И отцы Капитолия, и отцы церкви одинаково утратили добродетели основателей их могущества, но так как уважение к епископам пустило более глубокие корни в общественном мнении, то они поддерживали свое достоинство с более приличным высокомерием и иногда мужественно сопротивлялись желаниям своего государя. Время и успехи суеверия изгладили воспоминания о слабостях, страстях и невежестве, унижавших эти церковные собрания, и католический мир единодушно подчинился¹³⁰⁾ непогрешимым решениям вселенских соборов¹³¹⁾.

1) Ученые, тщательно обсуждавшие время появления Божественных Учреждений Лактанция, указывали на затруднения, предлагали способы их разрешения и придумали изворотливое объяснение, что было два оригинальных издания — первое, вышедшее во время гонения Диоклетиана, а второе, вышедшее во время гонения Лициния. См. Дюфреснуа, *Prefat*, стр.5 Тильмон, *Men. Ecclesiast.*, том VI, стр. 465—470. Ларднера *Credibility*, ч. 2, том VII, стр.78—86. Что касается меня, то я почти убежден, что Лактанций посвятил свое сочинение монарху Галлии в то время, как Галерий, Максимин и даже Лициний преследовали христиан, то есть в промежутке между 306 и 311 гг.

2) Лактанц. *Divin. Institut.*, кн. 1, VII, 27. Правда, первого и самого важного из этих мест нет в двадцати восьми рукописях, но оно находится в девятнадцати. Если мы взвесим сравнительное достоинство этих рукописей, то найдем, что в пользу этого места говорит девятистолетняя рукопись, находящаяся в библиотеке короля Франции; но это место опущено в верной рукописи, которая находится в Болонье и которую о.Монфокон относит к шестому или седьмому столетию. (*Diarium italic.*, стр.409.) Издатели (за исключением Изея, см. изд. Лакт. Дюфреснуа, том 1, стр.596) большею частью признали подлинный слог Лактанция.

3) Евсевий, in *Vit. Constant.*, кн. 1, гл. 27—32.

4) Зосим, кн.2, стр.104.

5) Этот обряд всегда соблюдался при поступлении в число оглашенных (см. Древности Бингама, кн.10, гл.1, стр. 419; дом — Шардон, *Hist. des Sacremens*, том 1, стр.62) и был совершен над Константином в первый раз (Евсев. in *Vit. Constant.*, кн.4, гл.6) непосредственно перед его крещением и смертью. Из сочетания этих двух фактов Вазезий (ad loc. *Euseb.*) вывел заключение, которое неохотно допускает Тильмон (*Hist. des Empereurs*, том IV, стр.628), а Мозгейм опровергает слабыми аргументами (стр. 968).

6) Евсев. in *Vit. Constant.*, кн.4 гл.61 — 63. Легенда о крещении Константина в Риме за тринадцать лет до его смерти была выдумана в восьмом столетии, как отличный мотив для его *donation*. Таков был постепенный успех знаний, что история, за достоверность которой не постыдился вступить кардинал Бароний (*Annal. Ecclesiast.*, 324 года, N 43—49), теперь находит слабую поддержку даже внутри Ватикана. См. Христианские Древности, том II, стр. 232. Это сочинение было издано с шестью одобрениями в Риме, в 1751 г., ученым доминиканцем отцом Мамахи.

7) Квестор или секретарь, писавший закон Кодекса Феодосия, говорит, что его повелитель с равнодушием сказал: «*hominibus supradictae religionis*» (кн.16, тит.2, зак.1). Министр церковных дел выражался более благочестиво и более почтительно: *tēs enthesmou kai hagiōtatēs katholikēs thrēskeias* (законный и самый святой католический культ). См. Евсев. *Hist. Eccles.*, кн.10, гл.6.

8) Код.Феодос., кн.2, тит.8, зак.1. Код.Юстиниан., кн.3, тит.12, зак.3. Константин называет воскресный день *dies solis*; это название не могло оскорбить слуха его языческих подданных.

9) Код.Феодос., кн.16, тит.10, зак.1. Годефруа в качестве комментатора старается (том VI, стр.257) извинить Константина, но более усердный Бироний (*Annal. Eccles.* 321 г., № 18) порицает его нечестивый образ действий с основательностью и строгостью.

10) Феодорет, (кн.1, гл.18), по-видимому, намекает на то, что Елена дала своему сыну христианское воспитание, но более надежный авторитет Евсевия (in *Vit. Constant.*, кн.3, гл.47) убеждает нас, что она сама была обязана Константину своим знакомством с христианством.

11) См. медали Константина у Дюканжа и Бандури. Так как немногие города сохранили право чеканить монету, то почти все медали того времени выходили из

монетного двора, находившегося под непосредственной властью императора. (Монеты Константина и его сыновей чеканились в Риме и в Константинополе. См. Эггала, D. Num. Vet., VIII, 95. — Издат.)

12) Панегирик Евмения (7 inter Panegy. Vet.), который был произнесен за несколько месяцев перед италийской войной, погон самых неопровержимых доказательств языческого суеверия Константина и его особого уважения к Аполлону или к богу солнца, на которое намекает и Юлиан (Orat. 7, стр. 288, *apoleipon se*). См. *Commentaire de Spanheim sur les Césars*, стр. 317.

13) Констант. Orat. ad Sanctos, гл. 25. Но нетрудно было бы доказать, что греческий переводчик исправлял смысл латинского оригинала, а престарелый император мог вспоминать о гонении Диоклетиана с более сильным отвращением, чем в те дни, когда он был молод и был язычником.

14) См. Евсев. Hist. Eccles., кн. 8, стр. 13; кн. 9, стр. 9 и in Vit. Const., кн. 1, гл. 16, 17. Лактанц. Divin. Institut., кн. 1. Цецилий de Mort. Persecut., гл. 25.

15) Цецилий (de Mort. Persecut., гл. 48) сохранил латинский подлинник, а Евсевий (Hist. Eccles., кн. 10, гл. 5) дал нам греческий перевод этого вечного эдикта, в котором делаются ссылки на некоторые временные постановления.

16) В панегирике Константина, произнесенном через семь или восемь месяцев после издания миланского эдикта (см. Годефруа, *Cronolog. Legum.*, стр. 7 и Тильмона Hist. des Empereurs, том IV, стр. 246), находится следующее замечательное выражение: «Summe rerum sator, cujus tot nomina sunt, quot ligas gentium esse voluisti, quem enim te ipse dici velis, scire non possumus» (Panegy. Vet., IX, 26). Говоря об успехах Константина в христианской вере, Мозгейм остроумен, проницателен и многоречив. (Пол, должно быть имел это в виду, когда начинал свою Всеобщую Молитву тем, что употреблял слова Saint, savage, sâde в смысле lehoah, Jove, Lord как различные названия Верховного Существа. — Издат.)

17) См. изящное изложение Лактанция (Divin. Institut., V, 8), который гораздо более ясен и положителен, чем сколько можно ожидать от осмотрительного пророка.

18) Политическую систему христиан разъяснил Гроций, de Jure Belli et Pacis, кн. 1, гл. 3, 4. Гроций был республиканец и изгнанник, но мягкость его характера заставляла его подчиняться установленным властям.

19) Тертуллиан, Apolog., гл. 32, 34, 35, 36. Tamen nunquam Albiniani, nec Nigriani vel Cassiani inveniri potuerunt Christiani. Ad Scapulam, гл. 2. Если это утверждение вполне согласно с истиной, то оно устраняло христиан того времени от всех гражданских и военных должностей, которые заставили бы их принимать деятельное участие в исполнении распоряжений их правителей. См. сочинения Мойля, ч. 2, стр. 349.

20) См. ловкого Боссиюз (Hist. des Variations des Eglises Protestantes, том 3, стр. 210–258) и коварного Бэйля (том 2, стр. 620). Я называю Бэйля потому, что он, без всякого сомнения, был автором Avis aux Refugies; см. Dictionnaire Critique Шюффепиз, том 1, ч. 2, стр. 145.

21) Буханан был первый или по меньшей мере самый известный из протестантов, доказавший основательность теории сопротивления. См. его диалог de jure Regni apud Scotos, том 2, стр. 28–30, edit. fol. Рюддимана.

22) Лактанций, Divin. Institut., кн. 1. Евсевий и в своей истории, и в течение всей своей жизни, и в своих речах постоянно старался внушать убеждение в божественных правах Константина на империю.

23) Наши неполные сведения о гонении Лициния заимствованы от Евсевия (Hist. Eccles., кн. 10, гл. 8. Vit. Constantin., кн. 1, гл. 49–56; кн. 2, гл. 1, 2). Аврелий Виктор упоминает в общих выражениях о его жестокостях.

24) *Euseb. in Vit. Constant.*, кн. 2, гл. 24–42, 48–60.

25) В начале прошедшего столетия паписты в Англии составляли лишь тридцатую, а протестанты во Франции лишь пятнадцатую часть того населения, которому они постоянно внушали страх своим мужеством и влиянием. См. донесения, которые Бентиволио (бывший в ту пору нунцием в Брюсселе, а впоследствии кардиналом) посылал римскому правительству. (*Relazione*, том 2, стр. 211–241.) Бентиволио был любознателен, сведущ, но несколько пристрастен.

26) Этот беспечный нрав германцев обнаруживается почти в одной и той же форме в истории обращения каждого из их племен. Легионы Константина пополнялись германцами (Зосим, кн. 2, стр. 86); но даже при дворе его отца было множество христиан. См. первую книгу жизнеописания Константина Евсевием.

27) *De his qui arma projiciunt in pace, placuit, eos abstinere a communionem.* Соб. Арелат., постан. 3. Лучшие критики относят эти слова к церковному миру.

28) Евсевий постоянно считает вторую междоусобную войну с Лицинием за нечто вроде крестового похода. По приглашению тирана некоторые из христианских офицеров снова надели свои пояса или, другими словами, снова вступили в военную службу. Их поведение было впоследствии не одобрено двенадцатым постановлением Никейского собора, если можно принять этот специальный смысл вместо неопределенного и неясного объяснения, которое находим у греческих истолкователей Бальзамона, Зонары и Алексея Аристена. См. Бовериджа, *Pandect. Eccl. Graec.* I, 72, II, 78. Примеч.

29) *Nomen ipsum crucis absit non modo a corpore civium Romanorum, sed etiam a cogitatione, oculis, auribus.* Цицерон *pro Rabirio*, гл. 5. Христианские писатели Юстин, Минуций Феликс, Тертуллиан, Иероним и Максим Туринский отыскивали с достаточным успехом форму и подобие креста почти во всех предметах природы и искусства – в пересечении меридиана и экватора, в человеческом лице, в птице, которая летит, в человеке, который плавает, в мачте и рее корабля, в плуге, в знамени и пр. и пр. См. Липсия *de Cruce*, кн. 1, гл. 9.

30) См. Аврелия Виктора, который считает этот закон за одно из доказательств благочестия Константина. Такой лестный для христианина эдикт заслуживал того, чтоб быть помещенным в Кодекс Феодосия, но вместо того о нем делается лишь косвенное упоминание, которое можно усмотреть из сравнения пятого и восемнадцатого титулов девятой книги.

31) Евсевий, *in Vit. Constantin.* кн. 1, гл. 40. Статую или по меньшей мере крест и надпись можно с большим правдоподобием отнести ко второму или даже к третьему посещению Рима Константином. Немедленно вспод поражением Максенция умы сенаторов и народа едва ли были достаточно подготовлены для одобрения такого публичного монумента.

32) *Agnoscas regina libens mea signa necesse est;*

In quibus effigies crucis aut gemmata refulget

Aut longis solido ex auro praefertur in hastis.

Hoc signo invictus, transmissis Alpibus Uitor

Servitium solvit miserabile Constantinus

Christus purpureum gemmanti textus in auro

Signabat Labarum, clypeorum insignia Christus

Scripserat; ardebat summis crux addita cristis.

Пруденц. *in Symmachum*, кн. 2, 464–486.

33) Происхождение и значение слова *Labarum* или *Laborum*, которое употребляется Григорием Назианзином, Амвросием, Пруденцием и др., до сих пор остаются неизвестными, несмотря на старания критиков, тщетно искавших его этимологии в

языках латинском, греческом, испанском, кельтском, тевтонском, иллирийском, армянском и др. См. Дюканжа in Gloss. Med. et infim. Latinitat. sub voce Labarum и Гodefруа ad Cod. Theodos., том 2, стр. 143.

³⁴⁾ Евсев. in Vit. Constantin., кн. 1, гл. 30, 31. Бароний (Annal. Eccles. 312 г., N 26) выгравировал изображение Лабарума.

³⁵⁾ Transver a X litera summo capite circumflexo, Christum in scutis notat. Цецилий де М. Р. С. 44. Купер (ad M. P. in edit. Lactant; том 2, стр. 500) и Бароний (312 г., № 25) выгравировали с старинных памятников некоторые образчики таких монограмм, которые вошли в большую моду между христианами.

³⁶⁾ Евсев. in Vit. Constantin., кн. 2, гл. 7–9. По его словам, Лабарум существовал до похода в Италию; но из его рассказа, по-видимому, следует заключить, что это знамя стали выставлять во главе армий лишь почти через десять лет после того, как Константин объявил себя врагом Лициния и освободителем церкви.

³⁷⁾ См. Код. Феод. кн. 6, тит. 25. Созомен, кн. 1, гл. 2. Феофан. Chronograph., стр. 11. Феофан жил в конце восьмого столетия, почти через пятьсот лет после Константина. Новейшие греки не были расположены развешивать на полях битв знамя империи и христианства; хотя они и основывали надежду обороны на разных суевериях, им показалось бы слишком смелой фикцией обещание победы.

³⁸⁾ Аббат Вуазен, стр. 103 и сл. упоминает о многих из таких медалей и ссылается на диссертацию иезуита о Гренвилля об этом предмете. (Не было найдено никаких подлинных медалей Константина с христианскими эмблемами. Эггель (Num. Vet., VIII, 84) отвергает как решительно подложную ту, которая сохранилась в музее в Пизе и на которой есть такие эмблемы. Монограмма на позднейших медалях имеет две формы, из которых первая несколько похожа на древние тетрадрахмы Афин. На медалях Птолемеев также надписаны греческими буквами ХР, значение которых неизвестно. В Руководстве Гумфрея (стр. 226, изд. Бона) есть монограмма Ахайи, относящаяся приблизительно к 350 году, X, очень близко подходящая к христианской эмблеме. — *Издат.*)

³⁹⁾ Тертуллиан, de Corona, гл. 3, Афанасий, том I, стр. 101. Ученый иезуит Петавий (Dogmata Theolog., кн. 15, гл. 9, 10) собрал много подобных мест, касающихся достоинства крестного знамения, которые в прошедшем столетии приводили в затруднение наших протестантских диспутантов. (Раннее влияние таких идей заставило греческого переводчика написанного на еврейском языке Евангелия св. Матфея передать слово Terphillin словом phylacteria. (Гл. XXIII, V, 5.) Этим способом еврейские знаки молитвы, представляющие в строгом смысле слова религиозные символы, были уподоблены талисманам, которые, по мнению восточных народов, предохраняют их от болезней и несчастий; а отсюда возникло сохранившееся до сих пор, но ошибочное мнение, что эти напояминатели о благочестии употреблялись в качестве «амулетов и чар». — *Издат.*)

⁴⁰⁾ Цецилий де М. Р., гл. 44. Не подлежит сомнению, что эта историческая декламация была сочинена и издана в то время, как царствовавший над востоком Лициний еще находился в дружбе с Константином и с христианами. Всякий образованный читатель заметит, что здесь стиль совершенно другой и гораздо хуже, чем у Лактанция; и таково в действительности мнение Ле-Клерка и Ларднера. (Bibliothèque Ancienne et Moderne, том III, стр. 438; Правдоп. Еванг. и пр., часть 2, том VII, стр. 94.) Приверженцы Лактанция приводят три аргумента, основанных на заглавии книги и на именах Доната и Цецилия. (См. о Лестока, том. 2, стр. 46–60.) Каждое из этих доказательств, будучи взято в отдельности, слабо и неудовлетворительно, но в своей совокупности они имеют большой вес. Я часто колебался, но буду покорно придерживаться рукописи Кольбера и, кто бы ни был ее автор, буду называть его Цецилием.

⁴¹⁾ Цецилий de M. P., гл. 46. Есть, по-видимому, некоторая основательность в замечании Вольтера (*Oeuvres*, том 14, стр. 307), который приписывает успеху Константина превосходство славы Лабарума над славой Лициниева ангела. Однако даже к этому ангелу относятся благосклонно Лажо, Тильемен, Флери и др., которые очень рады случаю увеличить свой запас чудес.

⁴²⁾ Кроме этих всем известных примеров Толлий (предисловие к переводу сочинений Лонгина, сделанному Буало) отыскал видение Антигона, который уверял свои войска, что видел пятиугольник (символ безопасности) со следующими словами: «сим победи». Но Толлий самым непростительным образом не сделал указания на авторитет, а его репутация, как нравственная, так и литературная, не безупречна. (См. Шюффелиз *Dictionnaire Critique*, том IV, стр. 460.) Не говоря уже о молчании Диодора, Плутарха, Юстина и др., мы можем заметить, что Полиэн, собравший в особой главе (кн. 4, гл. 6) девятнадцать военных хитростей Антигона, ничего не говорит об этом замечательном видении.

⁴³⁾ *Instinctu Divinitatis, mentis magnitudine*. Всякий любознательный путешественник еще может видеть надпись на триумфальной арке Константина, списанную Баронием, Грутером и др.

⁴⁴⁾ *Habeas profecto, aliquid cum illa mente Divina secretum; quae delegata nostra Dis Minoribus cura uni se tibi dignatur ostendere*. *Panegy. Vet.*, IX, 2.

⁴⁵⁾ Фрепо (*Memoires de l'Academie des Inscriptions*, том IV, стр. 411–437) объясняет физическими причинами многие из древних чудес, а Фабриций, над которым насмехаются обе партии, тщетно старался вставить небесный крест Константина в число солнечных пятен. *Bibliothec. Graec.*, том IV, стр. 8–39.

⁴⁶⁾ Назарий *inter Panegy. Vet.*, X, 14, 15. Нет надобности перечислять новейших писателей, чей неразборчивый и ненасытный аппетит поддавался даже на языческую приманку Назария.

⁴⁷⁾ Явления Кастора и Поллукса, в особенности те, которые возвещали о победе македонян, засвидетельствованы и историками, и публичными монументами. См. Цицерона *de Natura Deorum* II. 2, III, 5, 6. Флор., II. 12. Валерий Максим, кн. 1, гл. 8, N 1. Однако самое недавнее из этих чудес опущено Ливием и даже косвенным образом отвергается им (XLV, 1).

⁴⁸⁾ Евсевий, кн. 1, гл. 28–30. Молчание того же Евсевия в его Церковной Истории произвело глубокое впечатление на тех защитников чуда, которые не совершенно ослеплены.

⁴⁹⁾ Рассказ Константина, по-видимому, имеет тот смысл, что он увидел на небесах знамение креста перед своим переходом через Альпы во время похода против Максенция. Тщеславие некоторых провинций назначало сценой этого происшествия то Трир, то Безансон и пр. См. Тильемена *Hist. des Empereurs*, том IV, стр. 573.

⁵⁰⁾ Благочестивый Тильемен (*Mem. Eccles.*, том VII, стр. 1317) со вздохом отвергает полезное свидетельство ветерана и мученика Артемия, который утверждает, что он был очевидцем видения Константина.

⁵¹⁾ Желазий Сизик. *in Act. Concil. Nicen.*, кн. 1, гл. 4.

⁵²⁾ Защитники видения не в состоянии указать ни одного свидетельства отцов церкви четвертого и пятого столетий, несмотря на то, что в своих объемистых сочинениях эти отцы церкви беспрестанно прославляют торжество церкви и Константина. Так как эти почтенные мужи не питали никакого нерасположения к чудесам, то мы имеем основание предполагать (и это предположение подтверждается незнакомством Иеронима с этим чудом), что всем им было незнакомо Жизнеописание Константина, написанное Евсевием. Это сочинение было отыскано

благодаря усердию тех, которые переводили или продолжали его Церковную Историю и которые излагали видение крестного знамения в различных видах.

⁵³⁾ Годефруа был первый писатель, выразивший в 1643 г. (*Not. ad Philostogium*, кн. 1, гл. 6, стр. 16) некоторые сомнения о чуде, которое защищали с одинаковым усердием кардинал Бароний и магдебургские центуриаторы. С тех пор многие из протестантских критиков стали склоняться к сомнению и недоверию. Возражения были изложены с большою энергией г-ном Шюффепиз (*Dictionnaire Critique*, том IV, стр. 6–11), а в 1774 году доктор Сорбонны аббат Вуазен издал Апологию, достойную похвалы за ее ученость и умеренность.

54) *Lors Constantin dit ces propres paroles:*

J'ai renverse le culte des idoles:

Sur les debris de leurs temples fumans

Au Dieu du ciel j'ai prodigue l'encens.

Mais tous mes soins pour sa grandeur supreme

N'eurent jamais d'autre objet que moi-meme;

Les saints autels n'etaient a mes regards

Qu'un marchepie du trone des Cesars.

L'ambition, la fureur, les delices

Etaient mes Dieux, avaient mes sacrifices.

L'or des Chretiens, leurs intrigues, leur sang,

Ont cimente ma fortune et mon rang.

Можно с удовольствием прочесть поэму, которая содержит эти строки, но приличие не дозволяет назвать ее по имени.

⁵⁵⁾ Этим фаворитом, вероятно, был великий Озий, епископ Кордовский, предпочитавший управлению своей епархией пастырские заботы о всей церкви вообще. Его личность очень ярко, хотя и кратко описана Афанасием (том, 1, стр. 703). См. Тильмона *Mém. Eccles.*, том VII, стр. 524–561. Озия, быть может, несправедливо обвиняют в том, что он удалился от двора с весьма значительным состоянием.

⁵⁶⁾ См. Евсевия (*in Vit. Constant. passim*) и Зосима, кн. 2, стр. 104.

⁵⁷⁾ Христианство Лактанция было скорее нравственного, чем мистического закала: «*Erat paene rudis* (говорит православный Булль) *disciplinae Christianae, et in rhetorica melius quam in theologia versatus*». *Defensio Fidei Nicenae*, отд. 2, гл. 14.

⁵⁸⁾ Фабриций, со своим обычным старанием, составил список от трех— до четырехсот авторов, цитируемых в Приуготовлении к Евангелию Евсевия. См. *Bibliothec. Graec.*, кн. 5, гл. 4, том VI, стр. 37–56.

⁵⁹⁾ См. Константин. *Orat. ad Sanctos*, гл. 19, 20. Он главным образом ссылается на таинственный акростих, сочиненный в шестом веке после потопа Эрифренской Сивиллой и переведенный Цицероном на латинский язык. Начальные буквы тридцати четырех греческих стихов составляют следующее пророческое изречение: Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель мира.

⁶⁰⁾ В своем переложении Вергилия император нередко уяснял и улучшал буквальный смысл латинского текста. См. Блонделя, *des Sybilles*, кн. 1, гл. 14–16.

⁶¹⁾ Различные применения к старшим и к младшим сыновьям Поллиона, Юлии, Друза, Марцелла оказываются не согласными ни с хронологией, ни с историей, ни с здравым смыслом Вергилия.

⁶²⁾ См. Lowth de *Sacra Poesi Hebraeorum*, Praelect. XXI, стр. 289–293. Рассматривая четвертую эклогу, почтенный лондонский епископ обнаружил знание, вкус, остроумие и умеренный энтузиазм, возбуждающий его фантазию, не ослепляя его ума.

63) Различие между публичными и тайными частями богослужения, между *missa catechumenorum* и *missa fidelium*, равно как таинственное покрывало, брошенное на эту последнюю благочестием или политикой, очень основательно объяснены Тьером в его *Exposition du Saint Sacrement*, кн. 1, гл. 8–12, стр. 59–91; но так как папист может возбуждать основательное недоверие, когда идет речь о таком предмете, то протестантский читатель может с большим доверием положиться на ученого Бингама (*Antiquities*, кн. 10, гл. 5).

64) См. Евсевия, in *Vit. Constant.*, кн. 4, гл. 15–32 и все содержание речи Константина. Вера и благочестие императора доставили Баронию благовидный аргумент в пользу его раннего крещения.

65) Зосим, кн. 2, стр. 105.

66) Евсевий, in *Vit. Constant.*, кн. 4, гл. 15, 16.

67) Древняя теория и практика касательно таинства крещения подробно объяснены Дом-Шардоном в его *Hist. des Sacremens*, том 1, стр. 3–405, Дом-Мартеном в его сочин. *de Ritibus Ecclesiae Antiquis*, том 1 и Бингамом в десятой и одиннадцатой книгах его *Христианских Древностей*. В одном отношении новейшие церкви существенно уклонились от древнего обычая. За таинством крещения (даже когда оно совершалось над детьми) немедленно следовали конфирмация и приобщение Св. Таин.

68) Отцы церкви, порицавшие такое преступное отлагательство, однако не могли отвергать верной и громадной пользы крещения даже для тех, кто лежит на смертном одре. Искусная риторика Златоуста могла отыскать только три аргумента против таких предусмотрительных христиан. 1. Что мы должны любить добродетель и стремиться к ней ради ее самой, а не только ради награды. 2. Что смерть может неожиданно постигнуть нас в такую минуту, когда не представляется возможности совершить крещение. 3. Что хотя мы и будем приняты на небеса, мы будем только мерцать, как маленькие звезды, в сравнении с блеском тех праведных людей, которые провели жизнь в труде с успехом и славой. Златоуст in *Epsit. ad Hebraeos*, Homil. 13, apud Chardon. *Hist. des Sacremens*, том 1, стр. 49. Я того мнения, что, хотя такое отлагательство крещения сопровождалось самыми пагубными последствиями, оно никогда не было осуждено каким-либо генеральным или провинциальным собором, или каким-либо публичным актом, или декларацией церкви. Усердие епископов легко воспламенялось менее важными вопросами.

69) Зосим, кн. 2, стр. 104. За эту бессовестную ложь он заслуженным образом подвергся самым резким обвинениям со стороны всех церковных писателей, кроме кардинала Барония (324 г., N 15–28), который пользуется удобным случаем, чтоб противопоставить этого неверующего арианину Евсевию.

70) Евсевий, кн. 4, гл. 61–63. Епископ Кесарии говорит с самой полной уверенностью о вечном спасении Константина.

71) См. Тильемона, *Hist. des Empereurs*, том IV, стр. 429. Греки, русские, а в самые отдаленные времена сами латины желали внести Константина в список святых.

72) См. третью и четвертую книгу его жизнеописания. Он говаривал, что, проповедуют ли веру во Христа притворно или искренно, ему это одинаково приятно (кн. 3, гл. 58).

73) Тильмон (*Hist. des Empereurs*, том IV, стр. 274–616) с энергией и умом защищал девственную чистоту Константинополя от некоторых коварных намеков язычника Зосима.

74) Автор книги *Histoire Politique et Philosophique des deux Indes* (том I, стр. 9) порицает закон Константина, дававший свободу всем рабам, которые перейдут в христианство. Император действительно издал закон, запрещавший евреям со-

вершать обряд обрезания над рабами христианского исповедания, а может быть, и вовсе воспрещавший им держать у себя таких рабов. (См. Евсев. in Vit. Constant., кн. 4, гл. 27 и Код. Феод., кн. 16, тит. 9 с комментарием Годафруа, том VI, стр. 247.) Но это исключение относилось к одним евреям, а огромная масса рабов, составлявших собственность и христиан и язычников, не могла улучшить своего положения переменой религии. Мне неизвестно, кто вел в заблуждение аббата Рейнальда, так как совершенное отсутствие цитат составляет непростительный недостаток его интересного сочинения.

75) См. Acta Sancti Silvestri и Hist. Eccles. Nicephor. Callist., кн. 7, гл. 34; ap. Baronium Annal. Eccles. 324 г. по Р. X., N 67, 74. Такие свидетельства не заслуживают доверия, но приведенные подробности сами по себе столь правдоподобны, что ученый докт. Гозул (History of the World, том III, стр. 14) принял их без колебаний.

76) Обращение варваров в христианство в царствование Константина воспевают церковные историки. (См. Созомена, кн. 2, гл. 6 и Феодорета, кн. 1, гл. 23, 24.) Но латинский переводчик Евсевия Руфин заслуживает того, чтоб его считали за самобытный авторитет. Его сведения странным образом собраны от одного из товарищей апостола Эфиопии и от иберийского принца Бакурия, который был начальником дворцовой прислуги. От Мамахи оставил нам обширную компиляцию об успехах христианства в первом и втором томах своего большого, но неудовлетворительного сочинения.

77) См. у Евсевия (in Vit. Constant., кн. 4, гл. 9) настоятельное и трогательное послание Константина в пользу его христианских братьев, живущих в Персии.

78) См. Баснажа Hist. des Juifs, том VII, стр. 182; том VIII, стр. 333; том IX, стр. 810. Странное усердие этого писателя преследует еврейских изгнанников до крайних оконечностей земного шара.

79) Феофил был в детстве отдан своими соотечественниками острова Дивы в качестве заложника и был воспитан римлянами в научных познаниях и в христианской вере. Мальдивские острова, на которых Маль, или Дива, вероятно, была столицей, состоят из группы тысяч девяносто или двух тысяч маленьких островов Индийского океана. Древние были мало знакомы с Мальдивскими островами, но эти острова описаны в изданных Рендо путешествиях двух мусульман в девятом столетии. Geograph. Nubiensis, стр. 30, 31. Д'Эрбело, Bibliotheque Orientale, стр. 704. Hist. Generale des Voyages., том VIII.

80) Филосторгий, кн. 3, гл. 4—6 с учеными замечаниями Годафруа. Историческое повествование скоро переходит в исследование о месте нахождения рая, о странах чудовищах и пр.

81) См. послание Озия ap. Athanasium, ч. 1, стр. 840. Публичные замечания, с которыми Озий нашелся вынужденным обратиться к сыну, заключали в себе те же самые принципы церковного и гражданского управления, которые он тайным образом внушал отцу.

82) Де-ла Басти (Memoires de l'Academie des Inscriptions, том XV, стр. 38—61) ясно доказал, что Август и его преемники лично исполняли все священные обязанности Верховного Первосвященника или главного жреца Римской империи.

83) В константинопольской церкви мало-помалу установились обычаи иного характера, но строгий Амвросий приказал Феодосию удалиться за решетку и научил его понимать, какое различие между монархом и священником. См. Феодорета, кн. 5, гл. 18.

84) За столом у императора Максима епископ турский Мартин, приняв чашу с вином из рук слуги, передал ее сопровождавшему его пресвитеру, прежде чем дать напиток императору; императрица прислуживала Мартину за столом. Сульпиций Север in Vit. S-ti Martin., гл. 23 и диалог 11, 7. Впрочем, неизвестно, оказывались ли эти необыкновенные почести епископу или святому. Почести, которые

обыкновенно воздавались епископам, описаны у Бингама в его Древностях, кн. 2, гл. 9 и у Вазезия ad Theodoret, кн. 4, гл. 6. См. каким высокомерным правилам этикета подчинил императрицу епископ триполитский Леонтий. Тильемон, *Hist. des Empereurs*, том IV, стр. 754. (*Patres Apostol.*, том II, стр. 179.)

⁸⁵ Плутарх, в своем трактате об Изиде и Озирисе сообщает нам, что египетские цари, еще не бывшие священнослужителями, посвящались, после своего избрания, в духовное звание.

⁸⁶ Эти цифры не удостоверены ни каким-либо древним писателем, ни оригинальными списками имен, а частные списки восточных церквей относятся к более поздней эпохе. Терпеливое трудолюбие Шарля Сен-Поля, Луки Голштеня и Бингама тщательно расследовало все епископские кафедры католической церкви, имевшей почти одинаковые размеры с Римской империей. Девятая книга Христианских Древностей представляет очень подробную карту церковной географии.

⁸⁷ Касательно сельских епископов или так называемых *Chorepiscopi*, которые подавали голоса на соборах и посвящали в низшие церковные звания, см. Томас-сена *Discipline de l'Eglise*, том I, стр. 447 и пр. и Шардона *Hist. des Sacremens*, том V, стр. 395 и сл. Они появляются лишь с четвертого столетия, но их двусмысленный характер, возбуждавший недоверие в прелатах, послужил причиной для уничтожения их должности в конце десятого столетия как на востоке, так и на западе.

⁸⁸ Томассен (*Discipline de l'Eglise*, том II, кн. 2, гл. 1–8, стр. 673–721) подробно описывает избрание епископов в течение первых пяти столетий как на востоке, так и на западе; но он обнаруживает очень сильное пристрастие к епископской аристократии. Бингам (кн. 4, гл. 2) отличается умеренностью, а Шардон (*Hist. des Sacremens*, том V, стр. 108–128) очень ясен и краток. (Эта свобода была очень ограничена и скоро была уничтожена; уже с третьего столетия диаконы назначались не членами христианской общины, а епископами; хотя из писем св. Киприана (посл. 68) и можно заключить, что в его время ни один пресвитер не назначался без согласия общины, однако эти избрания были далеки от того, чтоб быть совершенно свободными. Епископ предлагал своим прихожанам избранного им кандидата, а они могли делать те возражения, какие им внушались поведением и нравственностью кандидата. (Св. Кипр., посл. 33.) Они утратили это последнее право около половины четвертого столетия. — *Гизо*.) (Порядки, указанные Г-ном Гизо в этом примечании, относятся только к избранию пресвитеров и не имеют непосредственной связи с избранием епископов, которое служит предметом для замечаний Гиббона. Впрочем, они объясняют влияние, мало-помалу приобретенное епископами при назначении лиц низшего духовного звания, через посредство которых епископы, без сомнения, влияли косвенным образом на выбор тех, кем пополнялись вакантные места в их собственных рядах. — *Издат.*)

⁸⁹ *Incredibilis multitudo, non solum ex eo oppido (Tours), sed etiam ex vicinis urbibus ad suffragia ferenda convenerat* и т. д. Сульпиций Север, in *Vit. Martin*, гл. 7. Лаодикийский собор (постановл. 13) воспрещает народные сборища и шум, а Юстиниан предоставляет право участия в выборах одной знати. *Novell.* 123, 1.

⁹⁰ Послания Сидония Аполлинария (IV, 25; VII 5–9) знакомят нас с некоторыми скандалами галльской церкви, а Галлия была менее образованна и менее нравственно испорчена, нежели восточные провинции.

⁹¹ Иногда закон или общее согласие допускали такого рода сделку, что или епископы, или прихожане избирали одного из трех кандидатов, предложенных противной стороной.

⁹² Все примеры, приводимые Томассеном (*Discipline de l'Eglise*, том II, кн. 2, гл. 6, стр. 704–714), представляются чрезвычайными актами власти и даже угнетения. По словам Филосторгия (*Hist. Eccles.*, кн. 2, стр. 11), утверждение епископа александрийского происходило более правильным путем.

93) Безбрачие духовенства во время первых пяти или шести столетий представляет такой предмет церковной дисциплины или, скорее, церковных споров, который был исследован с большим тщанием. См. в особенности Томассена, *Discipline de l'Eglise*, том 1, кн. 2, гл. 60, 61, стр. 886–902 и Бингама Древности, кн. 4, гл. 5. Каждый из этих ученых, но пристрастных критиков выводит наружу одну половину правды, а другую половину скрывает.

94) Диодор Сицилийский удостоверяет и одобряет факт наследственности духовного звания у египтян, халдеев и индийцев (кн. 1, стр. 84; кн. 2, стр. 142–153, изд. Весселинга). По словам Аммиана, у магов были многочисленные семьи: «*Per saecula multa ad praesens una eademque prosapia multitudo creata, Deorum cultibus dedicata*» (XXII, 6). Азаний перевозит *Stirps Druidarum* (*De Professoribus*, Бурдигал. 4), но из одного замечания, сделанного Цезарем (VI, 13) мы можем заключить, что в кельтской иерархии оставалось некоторое место для выбора и для соревнования.

95) Вопросы о призвании, посвящении, повиновении духовенства и пр. тщательно рассмотрены Томассеном (*Discipline de l'Eglise*, том II, стр. 1–83) и Бингамом (в четвертой книге его Древностей и в особенности в главах четвертой, шестой и седьмой). Когда брат св. Иеронима был посвящен на Кипре, диаконы силою закрывали ему рот из опасения, чтоб он не заявил торжественного протеста, от которого весь священный обряд оказался бы не имеющим силы.

96) Список льгот, полученных духовенством от христианских императоров, находится в шестнадцатой книге Кодекса Феодосия; его с достаточной добросовестностью объяснил ученый Годефруа, ум которого находился под влиянием противоположных предубеждений цивилиста и протестанта. (Эти льготы были очень ограничены: муниципальные должности были двух родов; одни из них предоставлялись местным жителям, а другие землевладельцам. Константин освободил церковнослужителей от должностей первого разряда (Код. Феод. кн. XVI, тит. 11, зак. 1, 2; Евсевий, *Hist. Eccles.*, кн. X, гл. 7.) Они старались такою освободиться от должностей второго разряда (*munera patrimoniorum*): богатые люди, чтоб получить эту привилегию, брали на себя низшие церковные должности; эти злоупотребления вызвали жалобы. Константин издал в 320 г. эдикт, которым он запрещал самым богатым гражданам (*decuriones, singales*) вступать в духовное звание, а епископам запрещал принимать новых церковнослужителей прежде, нежели место сделается вакантным вследствие смерти того, кто его занимал. (Годефруа, *ad Cod. Theod.*, кн. XII, тит. 1, de *Decur.*) Валентиниан I-й издал еще более генеральный эдикт, в котором говорилось, что ни один богатый гражданин не может получать церковной должности. (De *Episc.*, кн. XVII.) Он также приказал, чтоб лица духовного звания, которые захотят освободиться от податей, уплачиваемых в качестве собственников, были обязаны отдавать свои имения родственникам. Код. Феод. кн. XII, тит. 1, зак. 49. — Гизо.)

97) Юстиниан, *Novell.* 103. Шестьдесят пресвитеров или священников, сто диаконов, сорок диаконис, девяносто поддиаконов, сто десять чтецов, двадцать пять певчих и сто привратников — всего пятьсот двадцать пять человек. Это умеренное число было назначено императором с целью облегчить затруднительное положение церкви, которая сделала долги за громадные проценты, чтоб покрывать расходы содержания более многочисленного персонала.

98) *Universus clerus ecclesiae Carthaginiensis... fere quingenti vel amplius: inter quos quamplurimi erant lectores infantuli.* Виктор Витензис de *Persecut. Vandal.* V, 9, стр. 78, изд. Рюинара. Эти остатки более цветущего государства существовали даже под гнетом вандалов.

99) В латинской церкви было семь разрядов должностей, не считая епископской. Но четыре низших разряда должностей обратились в настоящее время в пустые и бесполезные титулы.

100) См. Код. Феодос., кн. 16, тит. 2, зак. 42, 43. Комментарий Годефруа и история александрийской церкви доказывают опасность этих благочестивых учреждений, нередко нарушавших спокойствие этой шумной столицы.

101) Здесь Гиббон раскрыл настоящую причину, вызвавшую падение Римской империи и следовавшие за этим падением века мрака. Но он не объяснил действие этой причины с достаточной ясностью. Шрейтер основательно винил его в том, что он смешивал христианство с христианской иерархией и приписывал первому то зло, виною которого была последняя. Зло происходило от злоупотреблений, которые укоренялись в христианстве могущественным, честолюбивым и высокомерным духовенством. Благоговейный страх, который внушали эти учреждения, и покорность, которой они требовали, привели к упадку энергии и к умственному оцепенению, которые мало-помалу ослабили и разрушили всю социальную систему. Это могущество и этот всеобщий упадок вместе начались и вместе развивались. Они в течение пятнадцати столетий шли рука об руку «омрачая христианский мир», пока реформация не низвергнула первого, не приостановила второго и не дала нового импульса человеческому уму. — *Издаст.*

102) Миланский эдикт (de Mort. Pers., гл. 48) признает существование особого вида земельной собственности "ad jus corporis eorum, id est, ecclesiarum non hominum sigulorum pertinentia". Такое торжественное заявление со стороны верховного сановника, конечно, было принято во всех трибуналах за принцип гражданского права.

103) *Habeat unusquisque licentiam sanctissimo Catholicae (ecclesiae) venerabilique concilio, decedens bonorum quod optavit relinquere.* (Код. Феодос., кн. 16, тит. 2, зак. 4.) Этот закон был издан в Риме в 321 году, в то время когда Константин мог предвидеть необходимость разрыва с восточным императором.

104) Евсевий, *Hist. Eccles.*, кн. X, 6, in *Vit. Constantin.*, кн. 4, гл. 28. Он неоднократно говорит о щедрости христианского героя, с которой он сам имел случай познакомиться и которую он даже имел случай испытать на самом себе.

105) Евсевий, *Hist. Eccles.*, кн. 10, гл. 2–4. Епископ Кесарийский, изучавший и удовлетворявший вкусы своего повелителя, публично произнес тщательное описание иерусалимской церкви (in *Vit. Const.*, кн. 4, гл. 46.). Эта речь не дошла до нас, но в своем жизнеописании Константина (кн. 3, гл. 36) он вкратце описал архитектуру этой церкви и ее украшения. Он также упоминает о церкви св. Апостолов в Константинополе (кн. 4, гл. 59).

106) См. Юстиниана *Novell.* 123, 3. Здесь не упоминается ни о доходах патриархов, ни о доходах самых богатых епископов; высший доход епископства определен в тридцать фунтов золота, а низший в два; стало быть, средний доход мог бы быть определен в шестнадцать фунтов золота, но эти вычисления гораздо ниже настоящей суммы доходов.

107) См. Бароний (*Annal. Eccles.*, 324 г., N 58, 65, 71). Все отчеты, исходящие из Ватикана, возбуждают основательное недоверие, но эта роспись носит на себе отпечаток древности и достоверности, и по меньшей мере очевидно, что если она и поддельная, то она была подделана в такое время, когда целью папской жадности были еще фермы, а не королевства.

108) См. Томассена, *Discipline de l'Eglise*, том III, кн. 2, гл. 13–15, стр. 689–706. Легальное разделение церковных доходов, по-видимому, еще не было установлено во времена Амаросия и Златоуста. Симплиций и Желазий, которые были римскими епископами во второй половине пятого столетия, упоминают о нем в своих пастырских посланиях, как об общем законе, уже вошедшем в обычай в Италии.

109) Амаросий, который был самым горячим защитником церковных привилегий, подчинился безропотно уплате поземельного налога: «*Si tributum petit imperator, non negamus; agir ecclesiae solum tributum; solvimus quae sunt Caesaris Caesari, et quae*

sunt Dei Deo: tributum Caesaris est; non negatur». Бароний старается доказать, что уплата этих налогов производилась скорее из милосердия, чем по обязанности (Annal. Eccles. 387 г.), но мысль или по меньшей мере слова Амвросия более добросовестно объяснены Томассеном в его *Discipline de l'Eglise*, том III, кн. 1, гл. 34, стр. 268.

110) In Ariminense synodo super ecclesiarum et clericorum privilegiis tractatu habito, usque eo dispositio progressa est, ut iuga quae viderentur ad ecclesiam pertinere, a publica functione cessarent inquietudine desistente; quod nostra videtur dudum sanctio repulisse. Код. Феод. (кн. 16, тит. 2, зак. 15). Если бы собравшийся в Римини синод достиг желаемого, он мог бы такой практической заслугой загладить некоторые еретические заблуждения.

111) Евсевий (in Vit. Constant., кн. 4, гл. 27) и Созомен (кн. 1, гл. 9) уверяют, что епископская юрисдикция была расширена и утверждена Константином; но подделку знаменитого эдикта, который никогда не был вполне помещен в Кодексе Феодосия (см. том VI, стр. 303), доказал Годефруа самым убедительным образом. Странно, что Монтескье, который был и юрист и философ, ссылается на этот эдикт Константина (*Esprit des Loix*, кн. 29, гл. 16), не выражая ни малейшего к нему недоверия.

112) Вопрос о церковной юрисдикции был затемнен страстями, предрассудками и личными интересами. Две лучшие книги по этому предмету, попавшие в мои руки, суть: Постановления Канонического Права аббата Флери и Гражданская история Неаполя Джиганноне. Умеренность их авторов была результатом столько же их общественного положения, сколько их характера. Флери был французский аббат, уважавший авторитет парламентов, а Джиганноне был итальянский юрист, опасавшийся могущества церкви. Здесь я считаю нужным заметить, что так как высказываемые мною общие положения суть вывод из многих частных и неполных фактов, то я вынужден отсылать читателя к тем новейшим писателям, которые подробно рассматривали этот предмет; иначе мне пришлось бы дать этим подстрочным примечаниям слишком большие размеры.

113) Тильмон собрал из сочинений Руфина, Феодорета и др. те места, в которых излагаются мнения и выражения Константина. *Mem. Eccles.*, том III, стр. 749, 750.

114) См. Код. Феод., кн. 9, тит. 45, зак. 4. В сочинениях Фра Паоло (том IV, стр. 192 и пр.) есть превосходное рассуждение касательно происхождения святилищ, их притязаний, злоупотреблений и пределов. Он основательно замечает, что в Древней Греции было пятнадцать или двадцать *азула* или святилищ, тогда как теперь они находятся в Италии в таком же числе иногда внутри стен одного города.

115) Юриспруденция касательно церковных покаяний постоянно усовершенствовалась постановлениями соборов. Но так как многие случаи все еще были предоставлены на усмотрение епископов, то они, по примеру римских преторов, иногда издавали правила дисциплины, которых они намеревались держаться. Между каноническими посланиями четвертого столетия всего более славился послания Василия Великого. Они помещены в Пандектах Бевериджа (том II: стр. 47–151) и переведены Шардоном (*Hist. des Sacrements*, том IV, стр. 219–277).

116) Св. Василий, Послание 47 у Барония (Annal. Eccles. 370 г., N 91), который говорит, что он рассказывает это с намерением убедить правителей, что они также могут быть подвергнуты отлучению от церкви. По его мнению, даже коронованные особы не могут считать себя в безопасности от громов Ватикана, и в этом случае кардинал оказывается гораздо более последовательным, чем юристы и богословы Галликанской церкви.

117) Длинный ряд его предков, начиная с Еврисфена, первого дорического царя Спарты и пятого по прямой линии потомка Геркулеса, был вписан в публичные регистры лакедемонской колонии Кирены. (Синез. *Epist.* 57, стр. 197, изд. Петав.) Такая чистая и блистательная генеалогия, которая обнимает тысячу семьсот лет, не считая царственных предков Геркулеса, не имеет себе подобной в истории чело-

веческого рода. (Клинтон (F. H. I. 101) сообщает генеалогию Геркулеса, начинающуюся с Даная. Царство лакедемонское было основано его потомком Аристодемом, сыновьями которого Еврисфеном и Проклесом начинается с 1102 г. до Р. Х. двойной ряд царей – Агидов и Проклидов, существовавших столько веков в Спарте. К первому из этих рядов принадлежит Батт, основавший Кирену в 631 г. до Р. Х. – *Издат.*)

¹¹⁸) Синезий (de Regno, стр. 2) оплакивает в трогательных выражениях упадок и разрушение Кирены, polis Hellenis palaion onoma kai semnon, kai en ödē hymnia tōn palai sorphōn, nyn penēs kai katēphēs, kai mega egeirion – Греческий город, носящий древнее имя и почтенный, воспетый в гимнах древними мудрецами, ныне же бедный, унылый и сильно разрушенный (Перев. ред.). Птолемиада, новый город в восьмидесяти двух милях на запад от Кирены, сделанас метрополией Пентаполиса или Верхней Ливии, а впоследствии это отличие перешло к Созузе. См. Весселинга, Itinerar. стр. 67, 68, 732; Целларий, Geograph. том II, часть 2, стр. 72–74; Шарль Санта Паоло. Geograph. Sacra, стр. 273; Анвиль, Geographie Ancienne, том III, стр. 43, 44; Memoires de l'Acad. des Inscriptions, том XXXVII, стр. 363–391.

¹¹⁹) Синезий, до вступления в эту должность, указывал на свою неспособность к ней. (Epist. гл. 5, стр. 246–250). Он любил светские научные занятия и светские удовольствия; он не был способен выносить безбрачия; он не верил в воскресение мертвых и отказывался проповедовать народу басни, если ему не будет дозволено философствовать у себя дома. Египетский примас Феофил, которому были известны его личные достоинства, согласился на эти необыкновенные условия. См. Жизнеописание Синезия у Тильмона. Met. Eccles., том XII, стр. 492–554. (Синезий был родом из Кирены и мог основательно гордиться древним и знаменитым именем, на которое сделаны указания в одном из примечаний к первой главе этой истории. В последние дни древней учености он слабо поддерживал философский характер, рано приобретенный его родиной и долго в ней державшийся. Известность, которую он приобрел в то время, как учился в Александрии под руководством талантливого, но несчастного Гипатия, обратила на него внимание Феофила. Его философия обнимала многие из мистических нелепостей неоплатоников, хотя и не впадала в их дикие безрассудства. Воскресение из мертвых, которому он не верил, было воскресением тела; он не мог бы носить имя своей школы, если бы отвергал бессмертие души. Бруккер (Ист. Филос., ч. 2, стр. 312) допускает, что он «держался мнений, не совсем согласных с народными верованиями». Тем не менее, по словам Дюпена (Hist. Eccl. ч. 1, стр. 410), он был «очень мудрым, благоразумным и хорошим епископом». Варбуртон (Div. Leg., ч. 3, стр. 196) был так скандализован философскими еретическими мнениями Синезия, что называет его «немалым безумцем» и продолжает так: «он вступил в церковь последователем Платона и оставался таким нелепым и бессмысленным последователем этого философа, какие только встречались впоследствии». О Синезии придется снова говорить в главе 30. – *Издат.*)

¹²⁰) См. оскорбительные нападки Синезия в Послании 57, стр. 191–201. Назначение Андроника было противозаконно, так как он был родом из Береники, в той же провинции. Орудия пытки подробно указаны: piesteriōn, или тиски, daktylēthra, podostrathē, rinophathis, hōtagra и kelotrophion, которые различным образом сдавливали и вытягивали пальцы, ноги, носы, уши и губы жертв.

¹²¹) Приговор об отлучении от церкви написан риторским слогом. (Синезий, Epist. 58, стр. 201–203). Манера влутывать целые семейства, хотя и несогласная со справедливостью, была доведена до того, что стала обнимать целые нации.

¹²²) См. Синезия Epist. 47, стр. 186, 187; Epist. 72, стр. 218, 219; Epist. 89, стр. 230, 231.

123) См. Томасена (*Discipline de l'Eglise*, том II, кн. 3, гл. 83, стр. 1761–1770) и Бингама (*Древности*, ч. 1, кн. 14, гл. 4, стр. 688–717). Проповедь считалась за самую важную обязанность епископа; но эта обязанность иногда возлагалась на таких пресвитеров, как Златоуст и Августин. (Этими могущественными пособниками первобытная церковь была обязана философии. Лекции, которые читались в школах, служили образцами и для первых собраний верующих греков, и для речей их проповедников. Таким способом сделались известными «апостольские предания» и истолкования происходивших в Антиохии совещаний. Те, которые читали лекции, с завистью смотрели на увеличивавшееся число христианских слушателей, и это заставило Оригена сказать в возражение Цельсу: «Как были бы философы довольны, если бы могли собрать столько лиц, желающих слушать их поучения о прекрасном» (*Cont. Cels.*, кн. 3). – *Издат.*)

124) Королева Елизавета употребляла это выражение и прибегала к этому средству, когда желала расположить умы своих подданных в пользу какой-нибудь чрезвычайной правительственной меры. Ее преемник очень боялся влияния этой враждебной музыки, а сын этого преемника испытал его на себе самым неприятным образом. «Когда кафедра, эта церковная труба», и т. д. См. *Жизнеописание архиепископа Лода* Гейлина, стр. 153.

125) Эти скромные ораторы признавались, что так как они не обладали даром чудес, то старались приобретать искусство хорошо говорить.

126) Никейский собор в четвертом, пятом, шестом и седьмом постановлениях сделал некоторые основные распоряжения касательно соборов, митрополитов и примасов. Духовенство, сообразно с своими интересами, извращало постановления Никейского собора, ложно истолковывало их смысл, умышленно прибавляло к ним вставки или подделки. Церкви, называвшиеся *Suburbicarian*, которые были отнесены (Руфином) к ведомству римского епископа, сделались предметом самых горячих споров. См. *Opera* Сирмонд., том IV, стр. 1–238.

127) Мы имеем только тридцать три или сорок семь епископских подписей, но Адо, который, впрочем, принадлежит к числу писателей, не заслуживающих большего доверия, насчитывает шестьсот епископов, присутствовавших на соборе в Арелате. Тильефон, *Mem. Eccles.* том VI, стр. 422.

128) См. Тильефона, том VI, стр. 915 и Бособра *Hist. du Manicheisme*, том I, стр. 529. Название епископов, которое дает Евтихий двум тысячам сорока восьми лицам духовного звания (*Annal.*, том 1, стр. 440, vers Росок.), должно быть распространено далеко за пределами православного или даже епископского посвящения.

129) См. Евсев. in *Vit. Contantin.*, кн. 3, гл. 6–21. Тильефон, *Mem. Ecclesiast.*, том VI, стр. 669–759.

130) *Sancimus igitur vicem legum obtinere, quae a quatuor Sanctis Conciliis... expositae sunt aut firmatae. Praedictarum enim quatuor synodorum dogmata sicut sanctas scripturas et regulas sicut leges observamus.* Юстиниана *Novel. 131.* Беве-ридж (*as Pandect. ploleg.* стр. 2) замечает, что императоры никогда не издавали новых законов о церковных делах, а Джанноне замечает совершенно в ином духе, что они давали легальную санкцию соборным постановлениям. *Istoria Civile dsi Napoli*, том I, стр. 136.

131) См. статью *Concile* в энциклопедии, том III, стр. 668–679, ed. de Lucques. Ее автор, док. Бушо, рассмотрел согласно с принципами Галликанской церкви, главные вопросы, касающиеся формы и состава генеральных, национальных и провинциальных соборов. Издатели (см. Предисловие, стр. 16) имеют основание гордиться этой статьей. Всякий, кто прибегает к этим обширным компиляциям, редко останется в такой же степени довольным.

ГЛАВА XXI

Преследование еретиков. - Секта донатистов. -

Споры, вызванные Арием. - Афанасий. -

**Тревожное состояние церкви и империи
при Константине и его сыновьях. -**

Терпимость язычества

Признанные похвалы служителей церкви увековечили славу монарха, потворствовавшего их страстям и соблюдавшего их интересы. Константин доставил им безопасность, богатства, почести и средства для мщенья, а поддержание православной веры стало считаться за самую священную и самую важную обязанность гражданских должностных лиц. Миланский эдикт - эта великая хартия религиозной терпимости - утвердил за каждым из подданных Римской империи право выбирать и исповедовать свою собственную религию. Но эта неоценимая привилегия была скоро нарушена: вместе с познанием истины император впитал в себя принципы религиозного угнетения, и торжество христианства обратилось в невыносимый гнет для тех сект, которые не сходились в убеждениях с католической церковью. Константин пришел без труда к тому убеждению, что еретики, осмеливавшиеся оспаривать его мнения или не подчиняться его приказаниям, были виновны в самом бессмысленном и самом преступном упорстве и что своевременное применение некоторых мер строгости может спасти этих несчастных от вечной гибели. Император поспешил устранить священнослужителей и проповедников различных иноверческих сект от всякого участия в наградах и привилегиях, которыми он так щедро осыпал православное духовенство. Но так как сектанты могли бы существовать и под бременем монаршей немилости, то немедленно вслед за покорением востока был издан эдикт, предписывавший их совершенное истребление¹⁾. После предисловия, полного раздражения и упреков, Константин безусловно воспрещает сборища еретиков и приказывает конфисковать все их общественные имущества в пользу или казны, или католической церкви. К числу тех сект, против которых была направлена императорская строгость, как кажется, принадлежали: приверженцы Павла Самосатского;

фригийские монтанисты, отличавшиеся непрерывным рядом восторженных пророков; новациане, решительно отвергавшие мирскую пользу покаяния; маркиониты и валентиниане, под чьим руководящим знаменем мало-помалу соединились различные гностики Азии и Египта, и, может быть, манихеи, незадолго перед тем принесшие из Персии более искусную смесь восточного богословия с христианским²). Намерение искоренить название или, по меньшей мере, остановить распространение этих ненавистных ересей приводилось в исполнение с энергией и успехом. Некоторые из уголовных наказаний были заимствованы слово в слово из эдиктов Диоклетиана против христиан, и этот способ обращения в истинную веру был одобрен теми самыми епископами, которые испытали на самих себе тяжесть угнетения и которые вступались за права человечества. Впрочем, два факта, которые сами по себе незначительны, служат доказательством того, что душа Константина не была еще совершенно заражена религиозным усердием и ханжеством. Прежде нежели произнести приговор над манихеями и родственными с ними сектами, он решился тщательно исследовать характер их религиозных принципов. Как будто не доверяя беспристрастию своих советников из духовного звания, он возложил это щекотливое поручение на одного гражданского сановника, которого он уважал за ученость и скромность, но о продажности которого он, вероятно, ничего не знал³). Император скоро пришел к убеждению, что он слишком поспешно осудил православные верования и примерную нравственность новациан, расходившихся с церковью только в некоторых правилах дисциплины, может быть, безусловно необходимых для вечного спасения. Поэтому он издал особый эдикт, освобождавший их от установленных законами общих уголовных наказаний⁴), позволил им выстроить церковь в Константинополе, стал относиться с уважением к чудесам их святых, пригласил их епископа Акезия на Никейский собор и только позволил себе легкие и фамильярные шуточки насчет строгости его учения, которые нельзя было принять из уст монарха иначе как с одобрением и признательностью⁵).

Жалобы и взаимные обвинения, с которыми стали осаждать трон Константина, лишь только смерть Максенция подчинила Африку его победоносному оружию, не могли служить назиданием для не вполне уверовавших новообращенных. Он с удивлением узнал, что провинции этой об-

ширной страны, простиравшейся от пределов Кирены до Геркулесовых столбов, были раздираемы религиозными распрями⁶⁾. Причиной раздоров было двойное избрание в Карфагенской церкви, занимавшей по своему рангу и богатству второе место между западными церквями. Цецилиан и Майорин были два соперника, спорившие из-за звания африканского архиепископа; а смерть последнего из них скоро очистила место для Доната, который по своим выдающимся дарованиям и по своим мнимым добродетелям был самой твердой опорой своей партии. Преимущества Цецилиана, основанные на том, что он был посвящен ранее своего соперника, теряли свою силу ввиду противозаконной или, по меньшей мере, непристойной торопливости, с которой его рукоположили в епископское звание, не дожидаясь прибытия нумидийских епископов. Авторитет этих епископов, которые в числе семидесяти осудили Цецилиана и рукоположили Майорина, в свою очередь был ослаблен личными пороками некоторых из них, а также женскими интригами, нечестивыми денежными сделками и бесчинствами, в которых обвиняют этот Нумидийский собор⁷⁾. Епископы двух враждебных партий с одинаковым жаром и упорством утверждали, что их противники лишили себя всех своих прав или по меньшей мере опозорили себя ужасным преступлением - тем, что выдали Св. Писание офицерам Диоклетиана. Из их взаимных обвинений и вообще из всех подробностей этого дела можно заключить, что последнее гонение разожгло усердие африканских христиан, но не исправило их нравов. Такая разделенная на партии церковь была неспособна к беспристрастному отправлению правосудия; эта тяжба рассматривалась, одним вслед за другим, пятью трибуналами, назначенными императором, и все это дело, начиная с первой жалобы и кончая решительным приговором тянулось более трех лет. И строгое исследование, произведенное преторским наместником вместе с африканским проконсулом, и донесение посланных в Карфаген двух инспекторов, и декреты соборов римского и арелатского, и верховный приговор, произнесенный самим Константином в его священной консистории, - все было в пользу Цецилиана, и он был единогласно признан и гражданскими, и церковными властями за истинного и законного архиепископа Африки. Его викарным епископам были предоставлены церковные отличия и богатства, и Константин не без затруднений удовольствовался присуждением главных вожа-

ков партии донатистов к ссылке. Так как это дело было рассмотрено с большим вниманием, то можно полагать, что оно было решено согласно с правилами справедливости. Но, быть может, не были лишены основания жалобы донатистов, что легковерие императора было введено в заблуждение коварными происками его фаворита Озия. Влияние лжи и подкупа могло привести к осуждению невинного или к чрезмерно строгому приговору над виновным. Впрочем, если бы такой акт несправедливости был совершен с целью прекратить опасную распрю, он мог бы быть отнесен к числу тех переходящих зол деспотического управления, которые не имеют никакого влияния на потомство и легко им позабываются.

Но этот случай, сам по себе столь ничтожный, что он едва ли имеет право занимать место в истории, породил тот достопамятный раскол, который раздирал африканские провинции более трехсот лет и угас лишь вместе с самим христианством. Непоколебимая любовь к свободе и фанатизм, которые одушевляли донатистов, заставили их отказаться от повиновения узурпатору, избрание которого они считали неправильным и духовную власть которого они не признавали. Будучи исключены из гражданского и религиозного общения с человеческим родом, они смело произнесли отлучение от церкви над всеми, кто принял сторону Цецилиана и тех изменников, от которых он принял мнимое рукоположение в епископы. Они с уверенностью и почти с торжеством утверждали, что преемничество апостольской власти было прервано, что все епископы Европы и Азии были поражены преступной заразой раскола и что прерогативы католической церкви принадлежат лиге избранной части африканских верующих, которая одна сохранила ненарушимыми чистоту веры и правила церковного благочиния. С этой суровой теорией они соединяли такой образ действий, который был вовсе несогласен с правилами христианского милосердия. Всякий раз, как они приобретали нового последователя, хотя бы из отдаленных восточных провинций, они снова совершали над ним священные обряды крещения⁸⁾ и рукоположения, так как считали недействительными те, которые уже были совершены руками еретиков и раскольников. Епископов, молодых девушек и даже чистых от всякого греха детей донатисты подвергали публичному покаянию, прежде чем допустить к св. причастию. Если они вступали в обладание церковью, в которой прежде того священнодействовали их католические противники, они очищали осквер-

ненное здание с такой же бдительной заботливостью, с какой стали бы очищать храм, в котором совершалось поклонение идолам. Они обмывали пол, обчищали стены, сжигали алтарь, который обыкновенно делался из дерева, расплавляли священные сосуды и бросали освященные просфоры собакам, сопровождая все эти действия такими позорными церемониями, какие только можно было придумать для того, чтоб разжечь и сделать непримиримой взаимную вражду религиозных партий⁹⁾. Несмотря на такое взаимное непреодолимое отвращение, приверженцы обеих партий, хотя и чуждавшиеся друг друга, но жившие попеременно во всех африканских городах, имели одинаковый язык и нравы, одинаковое усердие и ученость, одинаковую веру и богослужение. Гонимые гражданскими и церковными властями, донатисты все-таки удерживали за собой численное превосходство в некоторых провинциях, и в особенности в Нумидии, и четыреста епископов признавали над собой юрисдикцию их архиепископа. Но неукротимый дух сектантства иногда снедал жизненные силы самой секты, и недра этой еретической церкви терзались внутренними раздорами. Четвертая часть донатистских епископов перешла под самостоятельное знамя максиминистов. Узкая и уединенная тропа, проложенная их первыми руководителями, все более и более удаляла их от общения с человечеством. Даже ничтожная секта рогацциан имела смелость утверждать, что, когда Христос придет на землю судить смертных, он найдет, что истинное его учение сохранилось лишь в нескольких ничтожных деревушках Кесарийской Мавритании¹⁰⁾.

Ересь донатистов ограничивалась пределами Африки, но более широко распространившееся зло от споров касательно Св. Троицы мало-помалу проникло во все части христианского мира. Первая возникла от случайной ссоры, вызванной употреблением во зло свободы, а второе истекало из возвышенной и таинственной аргументации, возникшей от употребления во зло философии. Со времен Константина до времен Хлодвиг и Феодориха мирские интересы римлян и варваров были тесно связаны с богословскими спорами по поводу учения Ария. Поэтому историку должно быть дозволено приподнять покрывало с святилища и проследить влияние разума и веры, заблуждений и страстей со времен Платоновой школы и до разрушения и упадка Римской империи.

Ум Платона, просветившись своими собственными размышлениями или основанными на преданиях научными по-

знаниями египетских жрецов¹¹⁾, осмелился взяться за исследование таинственных свойств Божества. Когда он возвысился до мысленного созерцания первой существующей сама собою необходимой причины вселенной, афинский мудрец был неспособен понять, *каким образом* несложное единство ее сущности может допускать бесконечное разнообразие отдельных и последовательных идей, образующих совокупность духовного мира, - *каким образом* Существо совершенно бестелесное могло привести в исполнение этот удивительный план и придать пластические формы грубому и самобытному хаосу. Тщетная надежда выпутаться из затруднений, которых никогда не будет в состоянии преодолеть слабый человеческий ум, вероятно, и побудила Платона рассматривать свойства Божества в его трех видоизменениях - в первопричине, в разуме или Logos'e, в душе или духе вселенной. Его поэтическое воображение иногда придавало этим метафизическим отвлеченностям определенные формы и одушевляло их: три первоначальных (archical) принципа представлены в системе Платона тремя богами, связанными друг с другом таинственным и невыразимым произрождением, а Логос рассматривался под более доступным для понимания характером Сына Вечного Отца - Творца и Правителя мира. Таково, как кажется, было тайное учение, которое осторожно проповедовалось вполголоса в садах Академии и которое, по словам позднейших последователей Платона, могло быть вполне понятно лишь после прилежного тридцатилетнего изучения¹²⁾.

Завоевания македоян распространили в Азии и Египте язык и ученость Греции, а богословская система Платона преподавалась с меньшей сдержанностью и, может быть, с некоторыми улучшениями в знаменитой александрийской школе¹³⁾. Но приглашению Птолемеев многочисленная иудейская колония поселилась в их новой столице¹⁴⁾. В то время, как большинство этих переселенцев довольствовалось исполнением установленных обрядов и занималось выгодными торговыми операциями, некоторые из иудеев, отличавшиеся более просвещенным умом, посвятили свою жизнь на религиозные и философские размышления¹⁵⁾. Они с усердием изучали и с горячностью усвоили богословскую систему афинского философа. Но их национальная гордость была бы унижена чистосердечным признанием своей прежней бедности, и они стали смело выдавать за священное наследство, доставшееся им от предков, те золотые вещи и драгоценные

камня, которые они так незадолго перед тем похитили у своих повелителей египтян. За сто лет до рождения Христова философский трактат, носивший на себе явные признаки слога и мыслей платоновской школы, был издан александрийскими иудеями и единогласно признан за подлинный и неоценимый остаток боговдохновенной мудрости Соломона¹⁶). Таким же сочетанием учения Моисея с греческой философией¹⁷) отличаются сочинения Филона, написанные большей частью в царствование Августа¹⁸). Материальная душа вселенной¹⁹) могла оскорблять благочестие иудеев, но они применили характер *Логоса* к Иегове Моисея и патриархов, и Сын Бога был низведен на землю под видимой и даже человеческой внешностью для того, чтоб исполнить те интимные обязанности, которые кажутся несовместимыми с натурой и атрибутами первопричины всех вещей²⁰).

Красноречие Платона, имя Соломона, авторитет александрийской школы и одобрение иудеев и греков были недостаточны для того, чтоб удостоверить истину таинственного учения, которое могло привлекать к себе рациональные умы, но не могло удовлетворять их. Только вдохновленный Богом пророк или апостол мог приобрести законное господство над верованиями человеческого рода, и теология Платона могла бы навсегда остаться смешанной с философскими грезами Академии, Портика* и Ликеея, если бы имя и божественные атрибуты *Логоса* не были подтверждены божественным пером последнего и самого возвышенного из евангелистов²¹). Христианское откровение, завершившееся в царствование Нервы, раскрыло перед всем миром поразительную тайну, что *Логос*, который был вечно с Богом и сам был Бог, который все создал и для которого все было создано, воплотился в лице Иисуса Назаретского, родившегося от девы и претерпевшего смерть на кресте. Кроме общего намерения утвердить божественные отличия Христа на незыблемом основании, самые древние и самые почтенные из церковных писателей приписывали евангельскому богослову особую цель - а именно желание опровергнуть две противоположные одна другой ереси, нарушавшие спокойствие первобытной церкви²²). 1. Вера эбионитов²³) и, быть может, также вера назареев²⁴) была груба и несовершенна. Они чтили Иисуса, как величайшего из пророков, одаренного сверхъестественной добродетелью и могуществом. Они относили к нему и к

* Или Стон (Примеч. ред.).

его будущему царствию все те предсказания еврейских оракулов, которые относились к духовному и вечному царствию Мессии²⁵). Некоторые из них, быть может, и признавали, что он родился от девы, но они упорно отвергали предшествовавшее существование и божественные совершенства *Логоса* или Сына Божия, так ясно указанные в Евангелии св. Иоанна. Почти через пятьдесят лет после того эбиониты, о заблуждениях которых Юстин Мученик отзывается не с такой строгостью, какой они, по-видимому, заслуживают²⁶), - составляли весьма незначительную часть христианского общества. II. Гностики, носившие название докетов, впали в противоположную крайность: они признавали божественную натуру Христа, но отвергали в нем человеческую натуру²⁷). Воспитанные в школе Платона и свыкшиеся с возвышенной идеей *Логоса*, они охотно допускали, что самые чистые *зоны* или *эманации* Божества могут принимать наружные формы и внешний вид смертных²⁸), но они тщетно настаивали на том, что несовершенства материи несовместимы с чистотой небесной субстанции. В то время, как кровь Христа еще дымилась на Голгофе, докеты сочинили нечестивую и нелепую гипотезу, что будто он не родился из чрева Девы²⁹), а сошел на берега Иордана в форме вполне развитого мужчины, что он был узан как своими врагами, так и своими последователями и что исполнители приказаний Пилата изливали свою бессильную ярость над призраком, который, по-видимому, испустил дух на кресте и воскрес через три дня из мертвых³⁰).

Божественная санкция, которую основной принцип Платоновой теологии получил от апостола, побудила ученых новообращенных второго и третьего столетий восхвалять и изучать сочинения афинского мудреца, таким чудесным образом предвкусившего одно из самых поразительных открытий христианского откровения. На уважаемое имя Платона ссылались и правоверные³¹), и еретики³²); первые пользовались им для подкрепления истины, а вторые злоупотребляли им для подкрепления своих заблуждений: авторитет его искусных комментаторов и научные познания диалектиков были употреблены в дело для того, чтоб подкреплять отдаленные выводы, которые можно было делать из его мнений, и для того, чтоб восполнять то, о чем из осторожности умалчивали вдохновленные свыше писатели. И в философских, и в христианских школах Александрии обсуждались одни и те же трудные и важные вопросы о свойствах, проис-

хождении, различии и равенстве трех божественных лиц таинственной *Триады*, или *Троицы*³³⁾. Пылкая любознательность заставляла их исследовать тайны этой глубокой пропасти, а тщеславие профессоров и их учеников удовлетворялось знанием слов. Но даже сам Афанасий Великий - этот самый здравомыслящий из христианских богословов - откровенно сознавался³⁴⁾, что всякий раз, как он напрягал свой ум на размышления о божественности *Логоса*, его тяжелые и бесплодные усилия наталкивались на непреодолимые препятствия, что чем более он вдумывался, тем менее понимал, и что чем более он писал, тем менее оказывался способным выражать свои мысли. При таком исследовании мы на каждом шагу чувствуем и сознаем, какая существует неизмеримая несоразмерность между предметом исследования и способностями человеческого ума. Мы в состоянии мысленно отбросить те понятия о времени, пространстве и материи, которые так тесно связаны со всеми нашими познаниями, извлеченными из опыта; но лишь только мы дерзаем рассуждать о бесконечной субстанции или о духовном зарождении, лишь только мы начинаем делать какие-либо положительные выводы из отрицательной идеи, мы впадаем в неясность, в замешательство и в неизбежные противоречия. Так как эти трудности возникают из свойств самого предмета, то и философы, и богословы чувствуют себя в одинаковой мере подавленными их непреодолимой тяжестью; однако мы усматриваем два существенных и специальных обстоятельства, служивших отличием учений кафолической церкви от мнений платоновской школы.

1. Избранный кружок философов - людей с хорошим образованием и сильно развитой любознательностью - мог в тишине исследовать и спокойно обсуждать в афинских садах или в александрийской библиотеке отвлеченные метафизические вопросы. Возвышенные умозрения, не убеждавшие ума и не волновавшие страстей даже в самих последователях Платона, оставались без всякого внимания и людьми, жившими в праздности, и людьми деловыми, и даже теми, которые посвящали себя ученым занятиям³⁵⁾. Но после того, как откровение сделало из *Логоса* священный предмет веры, упований и религиозного культа христиан, эта таинственная система нашла многочисленных и постоянно увеличивавшихся числом последователей во всех провинциях Римской империи. Люди, которые по своему возрасту, по своему полу или по своим занятиям были менее всех других способны су-

дить и которые никогда не упражнялись в отвлеченном мышлении, захотели уразуметь сущность божеских свойств, и Тертуллиан³⁶⁾ мог похвастаться тем, что христианский ремесленник имеет готовый ответ на такие вопросы, которые поставили бы в затруднение самого умного из греческих мудрецов. Действительно, всякий раз, когда предмет наших размышлений недоступен для нашего понимания, различие между гениальным умом и умом самым ограниченным становится бесконечно малым; однако степень умственного бессилия, как кажется, может в таких случаях измеряться степенью упорства и догматической самоуверенности. Эти умозрения, вместо того чтоб служить развлечением в часы досуга, сделались самым серьезным занятием в настоящей жизни и самой полезной подготовкой к будущей жизни. Теология, в которую верить было обязанностью, в которой сомневаться было нечестьем и которую неверно понимать было бы опасно и даже пагубно, сделалась обычным предметом домашних размышлений и публичных бесед. Холодное равнодушие философии воспламенялось пылкостью благочестия, и даже метафоры обыденного языка вводили в заблуждение и ум и опытность. Христиане, ненавидевшие грубую и грязную родовую связь между богами греческой мифологии³⁷⁾, попытались основать свои доводы на аналогии с естественными отношениями между отцом и сыном. Характер Сына, по-видимому, обуславливался всегдашним подчинением добровольному виновнику его существования³⁸⁾; но так как следует полагать, что рождение, в самом духовном и отвлеченном его смысле, передает родившемуся одинаковые свойства с отцом³⁹⁾, то они не осмелились ставить какие-либо пределы могуществу и продолжительности существования такого Сына, Отец которого вечен и всемогущ. Жившие в Вифинии христиане объявили перед трибуналом Плиния, через восемьдесят лет после смерти Христа, что они зывают к нему, как к Богу, а различные секты, принимавшие наименование его последователей, поддерживали эти божеские отличия во все века и во всех странах⁴⁰⁾. Их нежное уважение к памяти Христа и их отвращение к нечестивому культу всякого созданного существа привели бы их к признанию равной с Отцом и абсолютной божественности Логоса, если бы их быстрое стремление к небесному престолу не было сдержано опасением нарушить единство и исключительное верховенство Отца Христа и вселенной. Недоумения и колебания, вызванные в умах христиан этими противопо-

ложными стремлениями, проглядывают в сомнениях богословов, славившихся после окончания апостольского века и до начала споров, вызванных Арием. На авторитет этих писателей ссылаются с одинаковой уверенностью и правоверные, и еретики, а, по мнению самых разборчивых критиков, если они действительно имели счастье обладать кафолической истиной, то они были не правы в том, что облекали свои идеи в неопределенные, неточные, а иногда и противоречивые выражения⁴¹⁾.

II. Набожность была первой особенностью, отличавшей христиан от последователей Платона; вторым отличием был авторитет церкви. Люди, изучавшие философию, отстаивали права умственной свободы, а их уважение к мнениям их наставников было не вынужденной, добровольной данью, которую они платили умственному превосходству. А христиане составляли многочисленное и дисциплинированное общество; их законы и должностные лица держали умы верующих в строгой от себя зависимости. Вольные бредни фантазии были мало-помалу вставлены в рамки символов и догматов веры⁴²⁾; свобода личных мнений подчинилась публичной мудрости соборов; авторитет богослова стал определяться его церковным рангом, а заменившие апостолов епископы стали налагать церковные кары на тех, кто отклонялся от православных верований. Но в эпохи религиозных споров каждый акт угнетения придает новые силы эластической энергии ума, а усердию или упорству духовных бунтовщиков иногда служили стимулом скрытые мотивы честолюбия или корыстолюбия. Метафизический аргумент сделался причиной или предлогом политических раздоров; тонкости Платонова учения обратились в отличительные признаки народных партий, а расстояние между несходными мнениями расширялось и увеличивалось от ожесточения полемики. Пока темные ереси Праксея и Савеллия старались смешать Отца с Сыном⁴³⁾, партию правоверных можно было извинить в том, что она придерживалась более строгого и более настойчивого различия, чем равенства лиц божества. Но лишь только горячность спора стихла, а успехи савеллиан перестали наводить ужас на церкви римскую, африканскую и египетскую, поток богословских мнений направился тихо, но непреклонно к противоположной крайности, и самые православные проповедники позволили себе употреблять те самые выражения и определения, которые осуждались в устах сектантов⁴⁴⁾. После того как эдикт о веротерпимости возвра-

тил христианам спокойствие и досуг, споры о Троице возобновились в древнем седалище платонизма, в ученом, богатом и шумном городе Александрии, и пламя религиозных раздоров быстро перешло из школ на духовенство, на народ, на всю провинцию и, наконец, на весь восток. Темный вопрос о вечности Логоса сделался сюжетом церковных конференций и речей обращенных к народу, а еретические мнения Ария⁴⁵⁾ скоро сделались общезвестными благодаря и его собственному усердию, и усердию его противников. Самые непримиримые враги отдавали справедливость учености и безупречной жизни этого знаменитого пресвитера, заявившего на одном из епископских выборов свои права на епископское звание и, быть может из великодушия, отказавшегося от них⁴⁶⁾. Его соперник Александр принял на себя роль его судьи. Он председательствовал при рассмотрении этого дела и хотя сначала как будто колебался, но в конце концов произнес свой окончательный приговор как безусловное правило веры⁴⁷⁾. Неустрашимый пресвитер, осмелившийся не подчиниться авторитету своего разгневанного епископа, был отлучен от общения с церковью; но гордость Ария нашла себе поддержку в одобрении многочисленной партии. Он считал в числе своих непосредственных приверженцев двух египетских епископов, семерых пресвитеров, двенадцать диаконов и (что может казаться почти невероятным) семьсот девственников. Значительное большинство азиатских епископов, по-видимому, поддерживало его или благоприятствовало ему, а их мероприятиями руководили самый ученый из христианских прелатов епископ Кесарии Евсевий и епископ Никомедии Евсевий, приобретший репутацию государственного человека, не утрачивая своей репутации святого. Соборы в Палестине и Вифинии стали противодействовать соборам, собиравшимся в Египте. Этот богословский спор привлек на себя внимание и монарха, и народа, а его разрешение было, по прошествии шести лет⁴⁸⁾, предоставлено верховному авторитету Никейского вселенского собора.

Когда мистерии христианской веры были опасным образом предоставлены публичному обсуждению, можно было заметить, что человеческий ум был способен составить три отдельные, но несовершенные, системы касательно свойств божественной Троицы, и было признано, что ни одна из этих систем в своем чистом и абсолютном смысле не была свободна от ереси и заблуждений⁴⁹⁾. I. Согласно с первой гипоте-

зой, которая была поддерживаема Арием и его последователями, Логос был зависимым и самопроизвольным творением, созданным из ничего волей Отца. Сын, который был зиждителем всех вещей⁵⁰), был рожден прежде всех миров, и самый длинный из астрономических периодов может считаться не более как мгновением в сравнении с продолжительностью его существования; однако эта продолжительность не бесконечна⁵¹), и было такое время, которое предшествовало неисповедимому рождению Логоса. Этому едиnorodному Сыну Всемогуший Отец сообщил всю свою духовную силу и наложил на него печать своего величия. Будучи видимым изображением невидимого совершенства, он видел на неизмеримом расстоянии под своими стопами тропы самых светлых архангелов; тем не менее он блестел лишь отраженным светом и, подобно сыновьям римских императоров, облеченным титулами цезарей и августов⁵²), он управлял вселенной, исполняя волю своего Отца и Монарха. - II. По второй гипотезе, Логос обладал всеми врожденными непередаваемыми совершенствами, какие приписываются религией и философией Всевышнему Богу. Три отдельных и бесконечных духа, или субстанции, три равных одно другому и одинаково вечных существа составляли божескую сущность⁵³), и было бы противоречием, если бы какое-либо из них могло когда-либо не существовать или когда-либо перестать существовать⁵⁴). Защитники системы, по-видимому, признававшей три самостоятельных божества, попытались сохранить столь очевидное в плане и порядке вселенной единство первопричины при помощи вечного согласия в их управлении и существенного однообразия их воли. Слабое сходство с таким единством действия можно найти в обществах людей и даже животных. Причины, нарушающие между ними гармонию, происходят единственно из несовершенства и неравенства их способностей; но всемогущество, руководимое бесконечной премудростью и благостью, не преминет найти одинаковые средства для достижения одинаковых целей. - III. Три существа, которые вследствие находящейся в них самих необходимости их существования обладают всеми божественными атрибутами в их самой высшей степени, которые вечны во времени, бесконечны в пространстве и внутренне присущи одно другому и всей вселенной, неотразимо представляются удивленному уму одним и тем же существом⁵⁵), которое и в сфере благодати, и в сфере природы может проявлять себя под различными формами и может быть рассматриваемо под раз-

личными видами. В силу этой гипотезы Троица утрачивает свою реальность и свою субстанцию и утончается до того, что обращается в тройственность названий и отвлеченных видоизменений, существующих только в том уме, который их задумал. Логос, переставая быть личностью, делается атрибутом, и название Сына может быть только в иносказательном смысле применяемо к вечному разуму, который был с Богом от самого начала и которым, а не кем все было создано. Воплощение Логоса обращается в простое вдохновение божественной мудростью, наполнявшее душу и руководившее всеми действиями человека Иисуса. Таким образом, обойдя круг богословских идей, мы, к нашему удивлению, находим, что система савеллиан оканчивается тем, с чего начиналось учение эбионитов, и что непонятная мистерия, которой мы поклоняемся, не подчиняется нашим исследованиям⁵⁶).

Если бы епископам Никейского собора⁵⁷) было дозволено, не стесняясь, следовать внушениям своей совести, Арий и его последователи едва ли могли бы льстить себя надеждой получить большинство голосов в пользу гипотезы, столь решительно противоположной двум самым популярным мнениям католического мира.

Ариане скоро поняли опасность своего положения и из предосторожности прикрылись теми скромными добродетелями, которые в разгаре политической и религиозной вражды почти никогда не применяются к делу и даже не ценятся никем, кроме приверженцев самой слабой партии. Они советовали придерживаться правил христианского милосердия и воздержания; они настаивали на том, что предмет спора недоступен человеческому пониманию; они отказывались от употребления каких-либо выражений или определений, которых нельзя найти в Св. Писании, и предлагали очень широкие уступки с целью удовлетворить своих противников без нарушения неприкосновенности своих собственных принципов. Победоносная партия относилась ко всем их предложениям с высокомерным недоверием и тщательно искала какого-нибудь непримиримого разномыслия, которое послужило бы основанием для признания ариан еретиками. На соборе было публично прочитано и с позором разорвано письмо, в котором покровитель ариан епископ Никомедийский Евсевий простодушно сознавался, что с принципами их богословской системы несовместимо *homoousion*, или единосущ, - слово, уже хорошо знакомое последователям Платона.

Епископы, руководившие решениями собора, горячо схватились за этот удобный предлог и, по живописному выражению Амвросия⁵⁸⁾, отсекали ненавистному чудовищу голову тем мечом, который вынули из ножен сами еретики. Единосущность Отца и Сына была утверждена Никейским собором и единогласно принята за основное правило христианской веры с одобрения церковей греческих, латинских, восточных и протестантских. Но если бы одно и то же слово не исполняло двух назначений - если бы оно не клеймило еретиков и вместе с тем не соединяло между собой католиков, оно не могло бы удовлетворить желаний большинства, которое внесло его в число православных догматов. Это большинство разделялось на две партии, отличавшиеся одна от другой противоположными влечениями к мнениям тритеистов и к мнениям савеллиан. Но так как эти противоположные крайности, по видимому, ниспровергали основы или натуральной религии, или откровенной, то обе партии условились смягчить суровость своих принципов и отвергнуть те основательные, но ненавистные выводы, которые могли бы извлечь из этих принципов их противники. Общие интересы заставили их соединить свои силы и скрыть свои разногласия: их вражда утихла благодаря благотворным внушениям веротерпимости, а их споры прекратились благодаря употреблению таинственного слова *homoousion*, которое каждая из двух партий могла объяснять согласно с своими собственными идеями. Савеллианское толкование, которое почти за пятьдесят лет перед тем заставило Антиохийский собор⁵⁹⁾ запретить употребление этого знаменитого термина, сделало его дорогим для тех богословов, которые питали тайное и пристрастное расположение к номинальной Троице. Но самые знаменитые святые времен Ария, неустрашимый Афанасий, ученый Григорий Назианзин и другие столпы церкви, с искусством и успехом поддерживавшие Никейское учение, по видимому, смотрели на слово «субстанция» как на синоним слова «естество» и стали объяснять свое толкование посредством утверждения, что три человека единосущны или *homoousion* один с другим, так как они принадлежат к одному и тому же общему виду⁶⁰⁾. Это ясное и определенное равенство умерялось, с одной стороны, внутренней связью и духовным общением, неразрывно соединяющими Божественные личности⁶¹⁾, а с другой стороны, первенством Отца, которое признавалось настолько, насколько оно совместимо с самостоятельностью Сына⁶²⁾. Таковы были пределы, внутри

которых мог безопасно двигаться едва видимый для глаз и колеблющийся маятник православия. Вне этой священной почвы скрывшиеся в засаде еретики и демоны со всех сторон подстерегали заблудившихся странников и пожирали их. Но так как степень богословской ненависти зависит не столько от важности спора, сколько от силы вражды, то с еретиками, унижавшими личность саны, обращались строже, чем с теми, которые совсем ее не признавали. Жизнь Афанасия прошла в непримиримой оппозиции нечестивому безумству ариан⁶³); но он в течение двадцати лет защищал савеллианские мнения Марцелла Анкирского, а когда он был наконец вынужден отказаться от всякого с ним общения, он не говорил иначе как с двусмысленной улыбкой о легких заблуждениях своего почтенного друга⁶⁴).

Авторитет вселенского собора, которому сами ариане были вынуждены подчиниться, надписал на знамени православной партии таинственные буквы слова homoousion, которое, несмотря на некоторые неважные словопрения и ночные стычки, существенно способствовало поддержанию и упрочению однообразия верований или по меньшей мере однообразию выражений. Приверженцы Единосущности, которые благодаря своим успехам оказались достойными названия католиков и получили его, стали гордиться простотою и непоколебимостью своих верований и стали издеваться над беспрестанными колебаниями своих противников, не имевших никаких установленных религиозных правил. Искренность или лукавство арианских вождей, опасение законов или народа, уважение к Христу, ненависть к Афанасию - одним словом, все человеческие и божественные мотивы, способные влиять на решения богословской партии и вносить в нее смуту, возбудили между сектантами дух раздора и непостоянства, создавший в течение нескольких лет восемнадцать различных религиозных систем⁶⁵) и отомстивший за оскорбленное достоинство церкви. Пылкий Гиларий⁶⁶), который вследствие особых трудностей своего положения был склонен скорее извинять, чем преувеличивать заблуждения восточного духовенства, объявляет, что на обширном пространстве десяти азиатских провинций, куда он был сослан, можно найти лишь очень немногих прелатов, сохранивших познание истинного Бога⁶⁷). Угнетения, которым он подвергался, и раздоры, которых он был и свидетелем и жертвой, укротили на непродолжительное время пылкие страсти его души, и в следующем месте, из которого я выписываю не-

сколько строк, епископ города Пуатье, сам того не замечая, впадает в тон христианского философа. «Я нахожу, - говорит Гиларий, - столько же прискорбным, сколько и опасным тот факт, что у людей столько же верований, сколько и мнений, столько же теорий, сколько наклонностей и столько же источников богохульства, сколько у нас недостатков; а все это оттого, что мы создаем верования произвольно и так же произвольно их объясняем. Следующие один за другим соборы то отвергают homoousion, то принимают его, то объясняют. Частное или цельное сходство между Отцом и Сыном сделалось в эти несчастные времена предметом споров. Каждый год, даже каждый месяц мы придумываем новые догматы для выражения незримых тайн. Мы раскаиваемся в том, что мы сделали, мы защищаем тех, кто раскаивается, и проклинаем тех, кого защищали. Мы то осуждаем в самих себе учение других, то осуждаем в других наше собственное учение, и, разрывая друг друга в куски, мы привели друг друга к гибели»⁶⁸).

От меня, конечно, не потребуют и, может быть, найдут неуместным, чтоб я расширил рамки этого богословского отступления подробным анализом восемнадцати вероисповеданий, авторы которых большей частью отвергали ненавистное название последователей Ария, от которого они вели свое начало. Можно находить удовольствие в описании формы и развития оригинального растения, но утомительные подробности о листьях без цветов и о ветвях без плодов скоро истощили бы терпение читателя, не удовлетворив его любознательности. Впрочем, есть один вопрос, мало-помалу возникший из споров об арианском учении, который заслуживает внимания, потому что он породил и ясно обрисовал три секты, примыкавшие одна к другой только в силу их общего отвращения к homoousion'у Никейского собора.

1. На вопрос, подобен ли Сын Отцу, еретики, придерживавшиеся принципов Ария или, вернее говоря, принципов философии, отвечали решительным отрицанием, и этим, по видимому, устанавливали бесконечное различие между Творцом и самыми совершенным из его творений. Это ясное положение поддерживалось Эцием⁶⁹), которому усердие его противников дало прозвище атеиста. Его беспокойный и предприимчивый ум заставил его испробовать почти все профессии, какие встречаются в человеческой жизни. Он был попеременно то рабом или по меньшей мере поденщиком, то странствующим медником, то золотых дел мастером, то док-

тором, то школьным учителем, то богословом и наконец сделавшись апостолом новой церкви, которая стала распространяться благодаря дарованиям его ученика Евномия⁷⁰). Вооруженный текстами Св. Писания и двусмысленными силлогизмами аристотелевской логики, вкрадчивый Эций приобрел репутацию непобедимого спорщика, которого нельзя было ни заставить молчать, ни разубедить. Благодаря таким способностям он снискал дружеское расположение арианских епископов; но в конце концов они были вынуждены отвергнуть и даже преследовать такого опасного союзника, который ясностью своей аргументации повредил их делу в общественном мнении и оскорбил благочестивые чувства самых преданных между их последователями. 2. Всомогущество Создателя внушило благовидное и почтительное разрешение вопроса о тождестве Отца и Сына, и вера могла с смирением принять то, чего не мог опровергнуть разум, - что верховный Бог может сообщать другим свои бесконечные совершенства и мог создать существо, себе подобное⁷¹). Этих ариан сильно поддерживали авторитет и дарования их вождей, заменивших Евсевия и занимавших главные епископские должности на востоке. Они обнаруживали явное и, может быть, отчасти притворное отвращение к нечестию Эция; они верили или без всяких оговорок, или согласно с Св. Писанием, что Сын отличен от всех других созданий и подобен только Отцу. Но они не признавали, что он имеет одну и ту же или подобную сущность, иногда смело обнаруживая свое разномыслие, а иногда споря об употреблении слова «сущность», которое, по-видимому, включает в себе полное или по меньшей мере определенное понятие о свойствах Божества. 3. Секта, проповедовавшая учение о сходной сущности, была самая многочисленная по меньшей мере в азиатских провинциях, и если вожди обеих партий действительно собирались на соборе в Селевкии⁷²), то ее мнения должны бы были одержать верх большинством ста пяти епископов против сорока трех. Греческое слово, которое было выбрано для выражения этого таинственного сходства, так близко подходит к православному символу, что миряне всех веков находили нелепыми неистовые споры, которые велись из-за одной буквы, отличавшей слово *homoousion* (единосущен) от слова *homoioousion* (подобносущен). Так как звуки и слова, всего более схожие между собой, нередко случайным образом выражают самые противоположные понятия, то сделанное нами замечание было бы неуместным, если

бы можно было указать какое-либо существенное и осязательное различие между учением полуариан, как их ошибочно называли, и учением самих католиков. Епископ города Пуатье, весьма благоразумно стремившийся к примирению обеих партий в то время, как он жил в ссылке во Фригии, старается доказать путем благочестивого и православного истолкования⁷³⁾, что слово *Номоюузион* может быть принято в смысле единосущности. Тем не менее он признается, что в этом слове есть что-то неясное и подозрительное; но неясность как будто была существенной принадлежностью богословских споров, и полуариане, уже стоявшие почти у самых врат церкви, напали на них с самой неумолимой яростью.

Египетские и азиатские провинции, свыкшиеся с языком и нравами греков, были глубоко заражены ядом арианской распри. Близкое знакомство с системой Платона, врожденная склонность к бессодержательной аргументации, богатый и гибкий язык - все это доставляло восточному духовенству и восточному населению неистощимый запас слов и тонких отличий, а среди своих ожесточенных споров они легко позабывали и о требованиях философии, рекомендующей сомнение, и о требованиях религии, предписывающей покорность. Жители запада не обладали таким пытливым умом; их страсти не приходили в такое сильное волнение от невидимых предметов; их умы реже упражнялись в словопрениях, а счастливое невежество Галликанской церкви было так велико, что сам Гиларий, по прошествии с лишком тридцати лет после первого вселенского собора, ничего не знал об утвержденном в Никее символе веры⁷⁴⁾. К латинам дошли лучи божественного знания через неясное и сомнительное посредство перевода. Их бедный и негибкий природный язык не всегда был способен дать равносильное выражение с греческими терминами и с техническими словами платоновской философии⁷⁵⁾, которые были освящены Евангелием или церковью для формулирования тайн христианской веры; а только одно неточное выражение могло бы вовлечь латинское богословие в длинный ряд заблуждений и замешательств⁷⁶⁾. Но так как западные провинции имели счастье получить свою религию из православного источника, то они с твердостью держались того учения, которое они приняли с покорностью; а когда арианская зараза приблизилась к их границам, они своевременно были снабжены предохранительным *Номоюузион*'ом благодаря отеческой заботливости

римского первосвященника. Их чувства и характер проявились на достопамятном соборе в Римини, который был многочисленнее собора Никейского, так как в нем участвовали четыреста с лишним епископов из Италии, Африки, Испании, Галлии, Британии и Иллирии. Уже в самом начале прений обнаружилось, что арианская партия состоит только из восьмидесяти прелатов, которые, впрочем, делали вид, будто они проклинаят и имя, и память Ария. Но эта численная слабость вознаграждалась преимуществами искусства, опытности и дисциплины; руководителями меньшинства выступили два иллирийских епископа Валент и Урзаций, которые провели свою жизнь среди интриг двора и соборов и которые научились на востоке, под знаменем Евсевия, как вести религиозные войны. При помощи аргументов и переговоров они привели в замешательство, сбили с толку или по меньшей мере ввели в заблуждение честную наивность латинских епископов, из рук которых палладиум веры был вырван скорее обманом и докучливостью, чем явным насилием. Собранным в Римини членам собора не позволяли разъехаться, пока они не подписали двусмысленного догмата, в котором вместо слова *homoousion* были вставлены некоторые выражения, допускавшие возможность еретических толкований. По этому-то случаю мир - по выражению Иеронима - с удивлением узнал, что он перешел в арианство⁷⁷). Но лишь только епископы латинских провинций возвратились в свои диоцезы, они поняли свою ошибку и раскаялись в своем слабодушии. Постыдная капитуляция была отвергнута с презрением и отвращением, и *homoousion*, который был лишь поколеблен в своих основаниях, а не низвергнут, еще прочнее прежнего утвердился во всех западных церквах⁷⁸).

Таковы были возникновение, развитие и видоизменения тех богословских споров, которые нарушали спокойствие христианства в царствование Константина и его сыновей. А так как эти монархи позволяли себе распространять свой деспотизм как на жизнь и имущество своих подданных, так и на их верования, то влияние их мнений иногда склоняло церковные весы на их сторону и прерогативы Царя Небесного устанавливались, изменялись и урезывались в кабинете царя земного.

Пагубный дух раздора, охвативший восточные провинции, прервал ряд триумфов Константина, но император в течение некоторого времени смотрел на предмет спора с холодным и

беспечным равнодушием. Так как он еще не знал, как трудно укрощать богословские распри, то он обратился к борющимся партиям, к Александру и к Арию, с примирительным посланием⁷⁹⁾, которое можно скорее приписать самостоятельному здравому смыслу солдата и государственного человека, чем внушениям какого-либо из его духовных советников. Он приписывает происхождение всей распри ничтожному и мелкому вопросу касательно одного непонятого пункта установленных верований - вопросу, который был безрассудно поднят епископом и неосмотрительно разрешен пресвитером. Он сожалеет о том, что христианский народ, имеющий одного Бога, одну религию и одно богослужение, разделяется на партии вследствие таких незначительных разномыслий, и затем серьезно советует духовенству Александрии следовать примеру греческих философов, которые умели развивать свои аргументы, не теряя своего хладнокровия, и сохраняли свободу своих мнений, не нарушая своих дружеских отношений. Равнодушие и пренебрежение монарха могло бы быть самым лучшим средством для прекращения распри, если бы поток народного увлечения был менее быстр и стремителен и если бы сам Константин мог посреди крамолы и фанатизма спокойно владеть самим собой. Но его церковные сановники скоро успели развратить в нем беспристрастие судьи и разжечь усердие новообращенного. Он был раздражен оскорблениями, нанесенными его статуй; он был встревожен как действительной, так и воображаемой важностью столь быстро распространявшегося зла, и он уничтожил всякую надежду на примирение и терпимость с той минуты, как он собрал триста епископов в стенах одного и того же дворца. Присутствие монарха раздуло важность спора; его внимание увеличило число аргументов, и он жертвовал своей особой с терпеливой неустрашимостью, воодушевлявшей мужество сражающихся. Несмотря на похвалы, вызванные красноречием и прозорливостью Константина⁸⁰⁾, трудно поверить, чтоб римский генерал, религия которого еще могла возбуждать сомнения и ум которого не был просвещен ни образованием, ни вдохновением, был способен обсуждать на греческом языке метафизический вопрос или религиозный догмат. Но влияние его любимца Озия, как, кажется, председательствовавшего на Никейском соборе, могло расположить императора в пользу православной партии, а своевременное напоминание, что тот самый Евсевий Никомедийский, который покровительствует еретикам, еще не-

давно был на стороне тирана⁸¹⁾, могло восстановить его против ее противников. Никейский догмат был утвержден Константином, а его решительное заявление, что всякий, кто не подчинится божественному приговору собора, должен готовиться к немедленной ссылке, прекратило ропот слабой оппозиции, которая с семнадцати протестующих епископов почти мгновенно уменьшилась до двух. Евсевий Кесарийский неохотно дал двусмысленное согласие на признание Homoousion'a⁸²⁾, а нерешительный образ действий Евсевия Никомедийского послужил лишь к тому, чтоб замедлить почти тремя месяцами его опалу и ссылку⁸³⁾. Нечестивый Арий был сослан в одну из отдаленных иллирийских провинций; и он и его последователи были заклеяны, в силу закона, позорным названием порфирия; его сочинения были преданы сожжению, а тем, у кого нашлись бы эти сочинения, угрожала смертная казнь. Император, как видно, всецело увлекся полемикой, а гневный и саркастический тон его эдиктов имел целью внушить его подданным такую же ненависть к врагам Христа, какую питал он сам⁸⁴⁾.

Но можно бы было подумать, что не принцип, а страсть руководила образом действий императора, так как по прошествии трех лет после Никейского собора он стал обнаруживать признаки сострадания и даже снисходительности к запрещенной секте, которой втайне покровительствовала его любимая сестра. Виновные были возвращены из ссылки, а Евсевий, мало-помалу снова приобретший свое прежнее влияние на ум Константина, снова был возведен в епископское звание, которое было отнято у него с таким позором. С самим Арием обошлись при дворе с таким уважением, какое обыкновенно оказывается невинным и угнетенным; его догмат был одобрен Иерусалимским собором, и император, по видимому горевший нетерпением загладить свою несправедливость, дал абсолютное приказание допустить его публично к приобщению св. Таин в константинопольской соборной церкви. Но Арий умер в тот самый день, на который было назначено его торжество, а странные и ужасные подробности его смерти способны возбудить подозрение, не прибегнули ли православные святые к более действенным средствам, чем молитвы, для избавления церкви от самого страшного из ее противников⁸⁵⁾. Три главных вождя католиков, Афанасий Александрийский, Евстафий Антиохийский и Павел Константинопольский, были вследствие различных обвинений низложены по приговорам нескольких соборов и

впоследствии сосланы в отдаленные провинции первым христианским императором, над которым был совершен, в последние минуты его жизни, обряд крещения арианским епископом Никомедии. Церковное управление Константина не может избежать упреков в легкомыслии и слабости. Но легковверный монарх, незнакомый с уловками богословской борьбы, мог быть введен в заблуждение скромными и благовидными заявлениями еретиков, убеждения которых никогда не были ему вполне понятны, и в то время как он покровительствовал Арию и преследовал Афанасия, он все-таки считал Никейский собор за оплот христианской веры и за одно из самых славных событий своего царствования⁸⁶⁾.

Сыновья Константина, вероятно, были с самого детства приняты в число оглашенных, но, следуя примеру своего отца, они откладывали свое крещение. Подобно ему, они позволяли себе постановлять решения касательно таких тайн, в которые они никогда не были правильно посвящены⁸⁷⁾, и исход споров о трех ипостасях зависел в значительной мере от мнений Констанция, получившего в наследство восточные провинции, а затем сделавшегося обладателем всей империи. Арианский епископ или пресвитер, припрятавший для его пользы завещание покойного императора, воспользовался этим удобным случаем, чтоб войти в близкие сношения с монархом, который всегда подчинялся в делах управления влиянию окружавших его любимцев. Евнухи и рабы распространили духовный яд по всему дворцу, и эта опасная зараза была сообщена через посредство прислуги женского пола гвардейцам, а через посредство императрицы ее доверчивому супругу⁸⁸⁾. Пристрастие, которое Констанций всегда обнаруживал к партии Евсевия, мало-помалу усилилось благодаря искусному поведению ее вождей, а его победа над тираном Магненцием усилила его желание и его способность употреблять орудия власти на пользу арианства. В то время как две армии боролись на равнинах подле Мурсы и судьба обоих соперников зависела от исхода сражения, сын Константина проводил эти тревожные минуты в церкви Мучеников у подножия городского вала. Его духовный утешитель, арианский епископ местного диоцеза Валент, употреблял в дело самые искусные меры предосторожности, чтоб быть в состоянии прежде всех известить его об исходе сражения и в случае победы приобрести его милостивое расположение, а в случае поражения способствовать его бегству. Секретная цепь ловких и надежных гонцов извещала его о ходе битвы,

и в то время как дрожащие от страха царедворцы окружали своего напуганного повелителя, Валент стал уверять его, что галльские легионы побеждены, и имел достаточно присутствия ума, чтоб намекнуть при этом на то, что будто он узнал об этом славном событии от ангела. Признательный император приписал свою победу достоинствам и заступничеству епископа Мурсы, вера которого удостоилась публичного и чудесного одобрения Небес⁸⁹). Ариане, считавшие победу Констанция за свою собственную, стали ставить его славу выше славы его отца⁹⁰). Иерусалимский епископ Кирилл немедленно сочинил описание небесного креста, окруженного великолепной радугой, который, во время празднования Пятидесятницы, появился около третьего часа дня над Масличною горой в назидание благочестивым богомольцам и жителям священного города⁹¹). Размеры этого воздушного явления были мало-помалу увеличены, и один арианский историк позволил себе утверждать, что оно было видимо для обеих армий, сражавшихся в равнинах Паннонии, и что тиран, которого он с намерением выдает за язычника, обратился в бегство при виде символа, охраняющего православное христианство⁹²).

Мнения здравомыслящего постороннего человека, беспристрастно рассматривающего причины гражданских и церковных распрей, всегда достойны нашего внимания, и следующее краткое извлечение из сочинений Аммиана, служившего в армиях Констанция и изучившего его характер, едва ли не более поучительно, чем целые страницы, наполненные богословской бранью. «Христианскую религию, - говорит этот воздержанный историк, - которая сама по себе ясна и проста, Констанций смешал с бреднями суеверия. Вместо того, чтоб примирить партии влиянием своего авторитета, он своими спорами о словах поощрял и усиливал разномыслие, возбужденное его суетной любознательностью. Большие дороги были покрыты толпами епископов, со всех сторон скакавших в галопе на те собрания, которые они называют соборами, а в то время как они всеми силами старались обратить всех последователей секты в свои собственные верования, их быстрые и беспрестанные разъезды почти совершенно расстроили общественное учреждение почтовых сообщений»⁹³). Более близкое изучение церковных дел в царствование Констанция послужило бы обширным комментарием к этому замечательному отрывку, который оправдывает основательные опасения Афанасия, что беспокойная

деятельность духовенства, странствующего по империи в поисках за истинной верой, вызовет со стороны всех неверующих презрение и насмешки⁹⁴). Лишь только император избавился от ужасов междоусобной войны, он посвятил досуги своих зимних стоянок в Арелате, Милане, Сирмиуме и Константинополе развлечениям или трудностям словопреятий; меч судьи и даже меч тирана был обнажен для подкрепления богословских доводов, а так как он отверг Никейский православный догмат, то все без труда признают, что его неспособность и невежество равнялись его самонадеянности⁹⁵). Евнухи, женщины и епископы, руководившие тщеславным и слабым императором, внушили ему непреодолимое отвращение к Номооузион'у, но его робкая совесть была встревожена нечестием Эция. Виновность этого атеиста казалась еще более тяжелой вследствие подозрительной благосклонности несчастного Галла, и даже гибель императорских министров, умерщвленных в Антиохии, приписывалась внушениям этого опасного софиста. Ум Констанция, неспособный ни руководствоваться рассудком, ни остановиться на каких-нибудь догматах, блуждал в мрачной пропасти, слепо устремляясь в противоположную сторону от той, которая наводила на него ужас; он попеременно то одобрял, то осуждал одни и те же мнения; он то отправлял в ссылку, то призывал назад вожakov арианской и полуарианской партий⁹⁶). В эпохи государственной деятельности или публичных празднеств он проводил целые дни и даже целые ночи, выбирая слова и взвешивая выражения, из которых составлялись его непрочные догматы. Предмет его размышлений не переставал преследовать и занимать его даже во время сна; бессвязные сновидения императора принимались за небесные видения, и он охотно принимал высокий титул епископа из епископов от тех лиц духовного звания, которые позабывали об интересах своего сословия ради удовлетворения своих страстей⁹⁷). Намерение ввести однообразную доктрину, заставившее его созывать столько соборов в Галлии, Италии, Иллирии и Азии, постоянно наталкивалось на его собственное легкомыслие, на раздоры ариан и на сопротивление католиков, и он решился на последнее и решительное усилие - он задумал созвать вселенский собор, которому он повелительно продиктует его декреты. Разрушительное землетрясение в Никомедии, трудность найти удобное место для собора и, может быть, некоторые скрытые политические мотивы заставили его сделать изменение в приготовительных распоряжениях.

Восточным епископам было приказано собираться в Селевкии, в Исаврии; западные епископы собрались на свои совещания в Римини, на берегу Адриатического моря, а вместо двух или трех депутатов от каждой провинции были созваны все епископы без исключения. Восточный собор, после четырехдневных горячих и бесплодных прений, разошелся, не постановив никакого окончательного решения. Заседания западного собора продолжались более шести месяцев. Преторианскому префекту Тавру было поручено не позволять прелатам разъезжаться до тех пор, пока они все не придут к одному убеждению, а его усилия были поддержаны дозволением сослать пятнадцать самых нестоворчивых из них и обещанием консульского звания в случае, если он с успехом доведет до конца столь трудное предприятие. Его просьбы и угрозы, авторитет монарха, софистика Валента и Урзация, лишения от холода и голода и невыносимая скука нескончаемой ссылки - все это, вместе взятое, наконец заставило епископов дать требуемое от них согласие. Депутаты от востока и запада явились к императору в константинопольский дворец, и он мог доставить себе удовольствие предписать всему миру исповедание веры, которое устанавливало подобие Сына Божия, но умалчивало о его единосущности⁹⁸). Но триумфу арианства предшествовало удаление православного духовенства, которое нельзя было ни застрашать, ни подкупить, и царствование Констанция опозорилось несправедливым и бесполезным преследованием великого Афанасия.

Нам нечасто представляется случай наблюдать, в деятельной или в созерцательной жизни, какие результаты могут быть достигнуты и какие препятствия могут быть преодолены силою одного ума, если он непреклонно направлен к достижению одной цели. Бессмертное имя Афанасия⁹⁹) всегда будет неразрывно связано с кафолическим учением о Троице, на защиту которого он посвятил все свои силы и способности. Воспитанный в семье Александра, он энергично восстал против арианской ереси с первых моментов ее возникновения; он исполнял важные обязанности секретаря при престарелом прелате, и отцы Никейского собора смотрели с удивлением и уважением на добродетели, обнаруживавшиеся в молодом диаконе. В минуты общей опасности нередко откладываются в сторону нелепые преимущества возраста и ранга, и диакон Афанасий был возведен, через пять месяцев после своего возвращения из Никеи, в звание египетского архиепископа. Он занимал этот высокий пост в течение бо-

лее сорока шести лет, и его продолжительное управление прошло в непрерывной борьбе с арианством. Пять раз Афанасий был изгнан со своего архиепископского трона; двадцать лет он провел изгнанником или беглецом, и почти все провинции Римской империи были поочередно свидетельницами его трудов и страданий для защиты Homoousion'a, которую он считал единственным удовольствием и занятием, единственной обязанностью и славой своей жизни. Среди тревог преследования архиепископ александрийский был терпелив в своих занятиях, заботлив о своей репутации и беспечен в том, что касалось его безопасности, и, хотя его ум не избежал заразы фанатизма, Афанасий обнаружил такое превосходство характера и дарований, благодаря которому он был гораздо более способен к управлению великой монархией, чем выродившиеся сыновья Константина. Его ученость была менее глубока и обширна, нежели ученость Евсевия Кесарийского, а его грубое красноречие не могло равняться с изящным витийством Григория или Василия, но всякий раз, как египетскому примасу приходилось защищать свои мнения или свой образ действий, его импровизированная речь, и устная и письменная, была ясна, сильна и убедительна. Православная церковь всегда уважала в нем одного из самых основательных знатоков христианского богословия, и его считали очень сведущим в двух мирских науках, менее подходящих к характеру епископа, - в юриспруденции¹⁰⁰⁾ и в ворожбе¹⁰¹⁾. Некоторые удачные предугадывания будущих событий, которые беспристрастный мыслитель мог бы приписать опытности и здравомыслию Афанасия, приписывались его друзьями внушениям свыше, а его врагами - действию адского чародейства.

Но так как Афанасий постоянно должен был бороться с предрассудками и страстями людей всякого разряда, начиная с монахов и кончая императорами, то знание человеческого сердца было первым и самым важным из его научных познаний. Он с постоянным вниманием следил за всеми переменами развертывавшейся перед его глазами сцены и никогда не пропускал удобного случая, чтоб воспользоваться теми решительными моментами, цену которых узнают дюжинные натуры лишь тогда, когда они безвозвратно миновали. Архиепископ Александрийский был способен различать, когда можно было смело приказывать и когда следовало с осторожностью внушать, когда можно было бороться с властью и когда следовало избегать преследования, а в то время, как он

направлял церковные громы против ереси и неповиновения, он умел сохранять в среде своих приверженцев податливость и снисходительность осторожного предводителя партии. Избрание Афанасия не избегло упреков в неправильности и торопливости¹⁰²⁾, но безупречность его поведения расположила в его пользу и духовенство и народ. Жители Александрии были готовы взяться за оружие для защиты своего красноречивого и великодушного пастыря. В своих несчастьях он всегда находил подпору или по меньшей мере утешение в неизменной преданности подчиненного ему духовенства, и все сто египетских епископов держали его сторону с непоколебимым усердием. В скромной обстановке, которою иные окружают себя из гордости или из политических расчетов, он часто объезжал свою епархию от устьев Нила до границ Эфиопии, фамильярно беседовал с людьми самого низкого звания и со смирением приветствовал святых и отшельников пустыни¹⁰³⁾. И не только в церковных собраниях, но и в обществе людей одного с ним образования и воспитания Афанасий обнаруживал превосходство своего ума. Он держал себя с развязной и почтительной самоуверенностью при дворе монарха и среди превратностей фортуны никогда не утрачивал ни доверия своих друзей, ни уважения своих врагов.

В своей молодости египетский первосвященник оказывал сопротивление Константину Великому, неоднократно заявлявшему ему о своем желании, чтобы Арий был снова принят в лоно кафолической церкви¹⁰⁴⁾. Император уважал такую непреклонность убеждений и готов был извинить ее, а партия, считавшая Афанасия за самого грозного из своих противников, была вынуждена скрыть свою ненависть и втайне подготовить издалека недобросовестное на него нападение. Она стала распускать слухи и внушать подозрения,ставлявшие архиепископа надменным тираном, и смело обвинила его в нарушении утвержденного Никейским собором договора с еретическими последователями Мелетия¹⁰⁵⁾. Афанасий открыто протестовал против этого позорного мирного договора, а императора уверили, что он употреблял во зло свою церковную и гражданскую власть для преследования этих ненавистных для него сектантов, что он совершил святотатство, разбив сосуд в одной из их церквей в Мареотиде, что он приказал бить плетью и заключить в тюрьму шестерых из их епископов и что седьмой епископ той же партии Арсений был или умерщвлен, или по меньшей мере изувечен собственными руками жестокосердого епископа¹⁰⁶⁾. Эти об-

винения, грозившие чести и жизни Афанасия, были переданы Константином его брату, цензору Далмацию, жившему в Антиохии; затем были созваны соборы сначала в Кесарии, а потом в Тире, и восточным епископам было поручено рассмотреть дело Афанасия, прежде нежели они приступят к освящению новой церкви Воскресения в Иерусалиме. Первосвященитель сознавал свою невинность, он он знал, что та же самая непримиримая ненависть, которая взвела на него обвинения, будет руководить производством дела и постановлением приговора. Он отказался предстать перед трибуналом своих врагов, не обращал никакого внимания на повестки о явке в суд, присылавшиеся к нему от Кесарийского синода, и после продолжительных и искусно мотивированных отлагательств подчинился не допускавшему возражений приказанию императора, который грозил наказанием за преступное неповиновение, если он не явится на собор в Тире¹⁰⁷). Прежде чем отплыть из Александрии во главе пятидесяти египетских прелатов, Афанасий имел благоразумие обеспечить себе содействие приверженцев Мелетия, и сам Арсений - воображаемая его жертва и тайный его друг - был скрыт между лицами его свиты. Епископ Кесарийский Евсевий руководил совещаниями Тирского собора с такой страстностью и неумелостью, каких трудно было ожидать от его учености и опытности; его многочисленная партия постоянно произносила слова «убийца» и «тиран», а ее шумные возгласы находили для себя поощрение в притворной терпеливости Афанасия, который только ожидал решительной минуты, чтобы представить собранию Арсения живым и невредимым. Другие обвинения, по своему характеру, не допускали таких ясных и удовлетворительных возражений, однако архиепископ был в состоянии доказать, что в той деревне, где, по словам обвинителей, он разбил священный сосуд, не было ни церкви, ни алтаря, ни сосудов. Ариане, втайне решившиеся во что бы то ни стало доказать виновность своего противника и произнести над ним обвинительный приговор, однако, попытались прикрыть свою несправедливость внешними формальностями судопроизводства: собор назначил епископскую комиссию из шести делегатов для собрания справок на месте, и эта мера, встретившая сильнейшее сопротивление со стороны египетских епископов, послужила поводом для новых сцен насилия и клятвопреступлений¹⁰⁸). После возвращения депутатов из Александрии большинство собора постановило окончательно

ный приговор о низложении и ссылке египетского первосвященителя. Декрет, написанный таким несдержанным слогом, в котором проглядывали злоба и жажда мщения, был сообщен императору и католической церкви, и немедленно вслед за тем епископы приняли такой вид кротости и благочестия, какой приличен святым странникам, отправляющимся на поклонение гробу Господню¹⁰⁹).

Но Афанасий не только не подчинился несправедливому приговору своих судей, но даже не придал ему некоторого веса своим присутствием. Он решился сделать смелую и опасную попытку, не окажется ли верховная власть доступной голосу правды, и прежде, нежели окончательное решение было постановлено в Тире, неустрашимый первосвященитель бросился в лодку, готовую отплыть к императорской резиденции. Просьба о формальной аудиенции могла бы быть оставлена без внимания или отклонена, поэтому Афанасий постарался не разглашать о своем прибытии, выждав минуту, когда Константин возвращался из соседней виллы, и смело подошел к своему разгневанному государю в то время, как он проезжал верхом по главной улице Константинополя. Такое странное появление возбудило в Константине удивление и негодование, и он дал приказание своей страже удалить докучливого просителя; но его гнев уступил место невольному уважению, и высокомерие монарха смягчилось перед мужеством и красноречием епископа, умолявшего его о справедливости и пробуждавшего в нем голос совести¹¹⁰). Константин выслушал жалобы Афанасия с беспристрастным и даже благосклонным вниманием; членам Тирского собора было приказано представить отчет о своих действиях, и все хитрости Евсевиевой партии оказались бы бесплодными, если бы она не присовокупила к обвинениям первосвященителя ловкой клеветы в непростительном преступлении - в том, что будто бы он имел преступное намерение задержать флот, доставлявший из Александрии хлеб в новую столицу¹¹¹). Император был доволен тем, что отсутствие популярного вождя обеспечит в Египте спокойствие, но он отказался от замещения вакантной архиепископской должности, и приговор, который он постановил после долгих колебаний, был скорее похож на вынужденное опасением изгнание, чем на позорную ссылку. Афанасий провел около двадцати восьми месяцев в отдаленной галльской провинции при гостеприимном Трирском дворе. Смерть императора изменила ход дел, и, благодаря мягкости нового царствования,

первосвятителю было возвращено прежнее положение почетным для него эдиктом младшего Константина, который выразил по этому случаю глубокое сознание невинности и заслуг почтенного гостя, которого он принимал при своем дворе¹¹²⁾.

Смерть этого императора навлекла на Афанасия вторичное гонение, и царствовавший над востоком слабый Констанций скоро обратился в тайного сообщника последователей Евсевия. Девяносто епископов этой секты или партии собрались в Антиохии под благовидным предлогом освящения собора. Они составили двусмысленное исповедание веры, которое слегка окрашено полуарианством, и двадцать пять церковных постановлений, которые до сих пор еще служат руководством для православных греков¹¹³⁾. Было решено, по-видимому, не без разумного основания, что епископ, низложенный собором, может быть восстановлен в своем епископском звании только решением другого собора, составленного из не меньшего числа членов; это постановление было немедленно применено к делу Афанасия; Антиохийский собор произнес или, вернее, подтвердил его низложение, чужеземец по имени Григорий был назначен на его место, а египетскому префекту Филагрию¹¹⁴⁾ было предписано поддерживать нового первосвятителю при помощи всех гражданских и военных властей провинции. Не устоявший против заговора азиатских прелатов Афанасий удалился из Александрии и провел три¹¹⁵⁾ года изгнанником и просителем у священного порога Ватикана¹¹⁶⁾. Благодаря своим усиленным стараниям изучить латинский язык он скоро сделался способным вести переговоры с западным духовенством, а своею скромною услужливостью он сумел подчинить своему влиянию высокомерного Юлия: он убедил римского первосвященника, что интересы папского престола требуют пересмотра его дела, и его невинность была единогласно признана на соборе из пятидесяти итальянских епископов. По прошествии трех лет Афанасий был вызван в Милан императором Константом, который и среди своих безнравственных развлечений относился с горячим участием ко всему, что касалось православной веры. Дело истины и справедливости подвинулось вперед при помощи золота¹¹⁷⁾, и министры Константа посоветовали своему государю потребовать созыва церковного собрания, которое могло бы действовать в качестве представителя кафолической церкви. Девяносто четыре западных епископа и семьдесят шесть вос-

точных собрались в Сардике, на границах двух империй, но во владениях Афанасиева покровителя. Их прения скоро превратились в проникнутые враждой пререкания; азиатские епископы, страшась за свою личную безопасность, удалились в Филиппополь, во Фракию, и каждый из двух соборов - соперников стал поражать духовными громами своих противников, благочестиво понося их названием противников истинного Бога. Их декреты были опубликованы и утверждены в тех провинциях, на которые простиралась их власть, и Афанасий, чтимый на западе как святой, был ненавидим на востоке как преступник¹¹⁸). Собор в Сардике обнаружил первые признаки раздора и раскола между церквами греческой и латинской, которых разделяло случайное различие верований и неизменное различие языка.

Во время своей вторичной ссылки на запад Афанасий был часто допускаем до личных свиданий с императором в Капuae, в Леди, Милане, Вероне, Падуе, Аквилее и Трире. Местный епископ обыкновенно присутствовал при этих свиданиях; министр двора стоял перед занавесью, прикрывавшей священный апартамент, и всегдашняя воздержанность первосвященника могла быть удостоверена этими почтенными свидетелями, на показания которых он торжественно ссылается¹¹⁹). Благоразумие, без сомнения, заставляло его выражаться тем мягким и почтительным тоном, какой приличен подданному и епископу. В этих интимных беседах с повелителем запада Афанасий, вероятно, высказывал сожаления о заблуждениях Констанция, но он смело нападал на его евнухов и арианских прелатов, оплакивал бедствия и опасности кафолической церкви и побуждал Константа подражать религиозному усердию его отца и достигнуть такой же славы. Император объявил о своей решимости употребить войска и сокровища Европы на защиту православия и заявил ясным и не допускавшим возражений письмом к своему брату Констанцию, что, если Афанасию не будет немедленно возвращено его прежнее положение, он сам с своим флотом и армией посадит архиепископа на его трон в Александрии¹²⁰). Но своевременная уступчивость Констанция предотвратила религиозную войну, которая была бы оскорблением тех чувств, которые внушаются самой природой, и восточный император снизошел до того, что просил примирения с подданным, которого он оскорбил. Афанасий с благородной гордостью выжидал, пока не получил от своего государя трех следовавших одно за другим писем, наполнен-

ных самыми горячими уверениями в покровительстве, милостивом расположении и уважении; Констанций приглашал его снова занять свое епископское место и присовокуплял унижительную предосторожность - удостоверение своих главных министров в искренности своих намерений. Эти намерения выразились еще более явным образом в отправленных в Египет положительных приказах вызвать из ссылки приверженцев Афанасия, возратить им их привилегии, признать их невинность и уничтожить в публичных регистрах противозаконные решения, постановленные во время преобладания Евсевиевой партии. После того как ему были даны всякого рода удовлетворения и обеспечения, каких только могла требовать справедливость или деликатность, первосвященитель направился небольшими переездами к месту своего служения через Фракию, Азию и Сирию и получал на своем пути от восточных епископов униженные изъявления уважения, которые возбуждали в нем презрение, но несколько не мешали ему ясно смотреть на вещи¹²¹). В Антиохии он виделся с императором Констанцием, который обнял его и осыпал уверениями в своем милостивом расположении; Афанасий принял эти заявления своего повелителя с скромной сдержанностью и отклонил предложение уступить в Александрии арианам только одну церковь, возразив, что тогда он потребовал бы такой же терпимости для своей собственной партии во всех других городах империи. Такое возражение могло бы считаться справедливым и умеренным в устах независимого монарха. Въезд архиепископа в его резиденцию был триумфальной процессией; отсутствие и гонения сделали его еще более дорогим для жителей Александрии; власть, которою он пользовался с большой твердостью, еще более упрочилась, а его слава распространилась по всему христианскому миру от Эфиопии до Британии¹²²).

Но подданный, который довел своего государя до необходимости лицемерить, не может рассчитывать на искреннее и прочное примирение, а трагическая смерть Константа скоро лишила Афанасия могущественного и великодушного покровителя. Междоусобная война между убийцей Константа и единственным из его братьев, оставшимся в живых, раздиравшая империю более трех лет, обеспечила в этот промежуток времени спокойствие кафолической церкви, и обе враждовавшие между собою партии старались приобрести расположение епископа, способного, силою своего личного

влияния, направить в ту или другую сторону симпатии важной провинции. Он принимал в аудиенции послов тирана и впоследствии подвергся обвинению в том, что вел с ним тайную переписку¹²³⁾, а император Констанций неоднократно уверял своего дорогого отца, многоуважаемого Афанасия, что, несмотря на распускаемые их общими врагами злонамеренные слухи, он наследовал не только трон своего умершего брата, но и его чувства¹²⁴⁾. Признательность и человеколюбие, конечно, должны были внушать египетскому первосвященнику скорбь о преждевременной кончине Константа и отвращение к преступлению Магненция; но так как он ясно сознавал, что его единственной охраной были опасения Констанция, то это должно было охлаждать горячность его молитв об успехе правого дела. Афанасию стала грозить гибелью не одна только скрытая злоба нескольких фанатических и раздраженных епископов, употреблявших во зло влияние легковверного монарха. Сам монарх высказал столь долго им скрываемое желание отомстить за свои личные обиды¹²⁵⁾ и употребить проведенную им в Арелате первую зиму после своей победы на приготовление к борьбе с таким врагом, который был для него более ненавистен, чем побежденный тиран Галлии.

Если бы император самовольно декретировал смертную казнь самого знаменитого и самого добродетельного гражданина республики, его жестокосердное приказание было бы без колебаний исполнено его министрами или путем явного насилия, или под благовидным прикрытием форм судопроизводства. Предосторожности, отсрочки и затруднения, с которыми он достиг осуждения и наказания популярного епископа, послужили в глазах всего мира доказательством того, что привилегии церкви уже успели внести в систему римского управления понятия о порядке и свободе. Приговор, постановленный на Тирском соборе и подписанный огромным большинством восточных епископов, не был формальным образом отменен, а так как Афанасий был лишен епископского сана решением себе равных, то все его дальнейшие действия по управлению его епархией могли считаться неправильными и даже преступными. Но воспоминания о твердой и деятельной поддержке, которую египетский первосвященитель нашел в преданности западной церкви, заставило Констанция отложить исполнение приговора до тех пор, пока он не получит содействия со стороны латинских епископов. Два года прошли в переговорах с представи-

телями церкви, и важная тяжба между императором и одним из его подданных публично рассматривалась сначала на соборе в Арелате, а потом на соборе в Милане¹²⁶⁾, состоявшем более чем из трехсот епископов. Их чистосердечие было мало-помалу поколеблено аргументами ариан, уловками евнухов и настоятельными просьбами монарха, удовлетворявшего свою жажду мщения в ущерб своему достоинству и обнаруживавшего свои собственные страсти в то время, как он старался влиять на страсти духовенства. В дело был с успехом употреблен подкуп, этот самый достоверный признак конституционной свободы; почести, подарки и привилегии предлагались и принимались в уплату за голоса епископов¹²⁷⁾, а осуждение александрийского архиепископа коварным образом выдавалось за единственное средство, способное восстановить внутри кафолической церкви спокойствие и согласие. Впрочем, друзья Афанасия не изменяли ни своему вождю, ни общему делу. Как в публичных заседаниях, так и в частных совещаниях с императором они отстаивали неизменные требования религии и справедливости с мужеством, которое не грозило им большой опасностью ввиду святости их звания. Они объявили, что ни расчеты на его милости, ни опасения прогневить его не заставят их согласиться на обвинительный приговор над отсутствующим, невинным и достойным уважения собратом¹²⁸⁾. Они, как кажется, не без основания утверждали, что противозаконные и устарелые декреты Тирского собора давно уже отменены императорскими эдиктами, возвращением александрийскому архиепископу его прежнего сана и молчанием или отречением от своих мнений со стороны самых крикливых его противников. Они ссылались на то, что его невинность была единогласно удостоверена египетскими епископами и признана на соборах в Риме и в Сардике¹²⁹⁾ беспристрастным решением латинской церкви. Они оплакивали горькую участь Афанасия, который в течение стольких лет занимал свой высокий пост, пользовался прекрасной репутацией и доверием своего государя, а теперь снова вынужден защищаться от самых неосновательных и нелепых обвинений. Их возражения были основательны, их поведение было достойно уважения, но в течение этого долгого и упорного спора, останавливавшего взоры всей империи на одном епископе, церковные партии были готовы жертвовать правдой и справедливостью более интересной для них цели — поддержанию или низложению неустрашимого поборника

Никейского символа веры. Ариане еще находили нужным прикрывать свои настоящие мысли и намерения двусмысленными выражениями, но православные епископы, опиравшиеся на сочувствие народа и на декреты вселенского собора, настаивали при всяком удобном случае, и в особенности в Милане, на том, что их противники должны очистить себя от подозрений в ереси, прежде чем позволят себе судить о поведении великого Афанасия¹³⁰).

Но голос рассудка (если рассудок действительно был на стороне Афанасия) был заглушен криками крамольного и продажного большинства, и соборы Арелатский и Миланский были распущены только после того, как александрийский архиепископ был торжественно осужден и низложен приговором как восточной, так и западной церкви. От епископов, которые были в оппозиции, потребовали, чтобы они подписались под приговором и присоединились к одному вероисповеданию с внушавшими им недоверие вождями противной партии. Правительственные гонцы развозили отсутствующим епископам формулу для изъявления согласия, а те, которые не хотели подчинить свои личные мнения вдохновенной мудрости соборов Арелатского и Миланского, немедленно отправлялись в ссылку по приказанию императора, который делал вид, будто приводит в исполнение декреты кафолической церкви. Между теми прелатами, которые принадлежали к почтенной кучке изгнанников, заслуживают особенного упоминания Либерий Римский, Озий Кордовский, Павлин Трирский, Донисий Миланский, Евсевий Верчеллийский, Люцифер Кальярийский и Гиларий, епископ города Пуатье. Высокое положение Либерия, заведовавшего столицей империи, и как личные достоинства, так и многолетняя опытность почтенного Озия, пользовавшегося особым расположением Константина Великого и бывшего главным деятелем при составлении Никейского символа веры, ставили этих прелатов во главе латинской церкви, а их покорность или сопротивление, вероятно, заставили бы и большинство епископов последовать их примеру. Но неоднократные попытки императора подкупить или застрашать епископов Римского и Кордовского оставались некоторое время бесплодными. Испанский прелат объявил, что он готов пострадать при Констанции так же, как он пострадал за шестьдесят лет перед тем при его деде Максимиане. Римский прелат защищал в присутствии своего государя невинность Афанасия и свободу своих собственных мнений. Когда его со-

слали в Берею, во Фракию, он отослал назад значительную сумму денег, которая была ему предложена для покрытия путевых издержек, и оскорбил миланский двор высокомерным замечанием, что это золото может понадобится императору и его евнухам для уплат солдатам и епископам¹³¹). В конце концов твердость Либерия и Озия не устояла против неудобств ссылки и ареста. Римский епископ купил свое возвращение из ссылки некоторыми преступными уступками и впоследствии загладил свою вину благовременным раскаянием. Убеждения и насилие были употреблены в дело для того, чтобы вынудить письменное согласие от престарелого епископа Кордовского, силы которого уже были надорваны, а умственные способности, быть может, уже ослабели под бременем прожитых им ста лет, а наглое торжество ариан раздражило некоторых членов православной партии до того, что они отнеслись с бесчеловечной строгостью к личности или, вернее, к памяти несчастного старца, успевшего в былое время оказать важные услуги христианству¹³²).

Нравственное падение Либерия и Озия придало еще более блеска твердости тех епископов, которые с непоколебимой преданностью оставались верными Афанасию и религиозной истине. Изобретательная злоба их врагов лишила их наслаждения взаимными утешениями и советами, разослала этих знаменитых изгнанников по отдаленным провинциям и постаралась выбрать для их пребывания самые негостеприимные местности, какие только можно было отыскать в обширной империи¹³³). Однако они скоро узнали по опыту, что степи Ливии и самые дикие места Каппадокии менее негостеприимны, чем те города, в которых арианские епископы могли, ничем не стесняясь, удовлетворять изысканную мстительность богословской злобы¹³⁴). Они находили для себя утешение в сознании своей правоты, в своей независимости, в одобрении, посещениях, письмах и щедрых подаяниях своих приверженцев¹³⁵) и в скоро дошедших до их сведения внутренних раздорах между противниками Никейского символа веры. Констанций был так шаток и причудлив в своих мнениях и так легко оскорблялся малейшим уклонением от его воображаемого мерила христианской истины, что преследовал с одинаковым усердием и тех, кто защищал единственность, и тех, кто вступался за подобносущность, и тех, кто не признавал подобия в Сыне Божиим. Три епископа, низложенные и сосланные за эти противоположные мнения, могли бы встретиться в одном и том же месте ссылки и, смотря по

своему характеру, или скорбеть, или насмехаться над слепым фанатизмом своих антагонистов, обрекших себя на страдания, за которые они никогда не будут вознаграждены счастьем в будущей жизни.

Опала и ссылка православных епископов западной церкви были лишь приготовлением к тому, чтоб окончательно погубить самого Афанасия¹³⁶⁾. В течение двадцати шести месяцев императорский двор втайне прибегал к самым коварным уловкам, чтоб удалить его из Александрии и лишить его тех денежных средств, которые давали ему возможность приобретать популярность своими щедрыми подаяниями. Но когда покинутый и осужденный латинскою церковью египетский архиепископ лишился всякой денежной помощи извне, Констанций командировал двух своих секретарей со словесным поручением передать и привести в исполнение распоряжение о его ссылке. Так как справедливость этого решения была публично признана всей партией, то императора могли удерживать от выдачи письменного приказания лишь неуверенность в исходе этого дела и сознание опасности, которой он мог бы подвергнуть второй по значению город и самую плодородную провинцию империи в том случае, если бы народ настаивал на своей решимости защищать с оружием в руках невинность своего духовного пастыря. Эта чрезвычайная осторожность доставила Афанасию благовидный предлог для того, чтобы почтительно оспаривать достоверность приказания, которое он не мог согласить ни со справедливостью, ни с прежними заявлениями своего всемилостивейшего государя. Египетские гражданские власти не могли склонить его путем убеждения к отречению от епископского звания и не были в состоянии принудить его к тому силой; поэтому они нашлись вынужденными заключить с народными вожаками Александрии договор, которым было условлено, что все мероприятия и враждебные действия будут приостановлены до тех пор, пока воля императора не будет выражена более ясным образом. Обманутые этой притворной умеренностью, католики предались неосновательной и пагубной беззаботности, а между тем легионы Верхнего Египта и Ливии, исполняя данные втайне приказания, приближались усиленными маршами для осады или, скорее, для взятия врасплох столицы, привыкшей к восстаниям и одушевленной религиозным фанатизмом¹³⁷⁾. Положение Александрии между морем с одной стороны и озером Мареотидой с другой благоприятствовало приближению и высадке войск, которые проникли внутрь го-

рода прежде, нежели можно было принять какие-либо меры, чтобы запереть ворота или занять важные оборонительные посты. В полночь, ровно через двадцать три дня после подписания упомянутого договора, египетский герцог Сириан во главе пяти тысяч солдат, вооруженных как бы для приступа, неожиданно окружил церковь св. Феона, в которой архиепископ совершал вместе с некоторыми членами духовенства ночное богослужение в присутствии народа. Двери священного здания не устояли против стремительности нападения, которое сопровождалось всем, что есть самого отвратительного в свалке и кровопролитии; но тела убитых и обломки оружия оказались на следующий день в руках католиков как неоспоримое доказательство того, что попытка Сириана могла считаться скорее за удачное вторжение, чем за полную победу. Другие церкви были осквернены такими же насилиями, и в течение по крайней мере четырех месяцев Александрия выносила оскорбления от бесчинной армии, которую подстрекало духовенство противной партии. Многие из верующих лишились жизни и были бы достойны названия мучеников, если бы их смерть не была вызвана их поведением и если бы она осталась без отмщения; епископы и пресвитеры подверглись самым жестоким и позорным насилиям; священных девственников раздевали донага, били плетью и насиловали; дома богатых граждан были ограблены, а прикрывавшиеся личиной религиозного усердия сластолюбие, корыстолюбие и личная ненависть не только доставляли себе безнаказанно полное удовлетворение, но даже встречали одобрение. Александрийские язычники, все еще составлявшие многочисленную партию недовольных, без труда согласились покинуть епископа, которого они и уважали, и боялись. Ожидание особых милостей и опасение навлечь на себя наказания, ожидавшие всех бунтовщиков, заставили их обещать свою поддержку знаменитому Георгию Каппадокийскому, назначенному в преемники Афанасия. Этот узурпатор, получив посвящение от арианского собора, был посажен на епископский трон Севастианом, который был назначен египетским графом именно для исполнения этого важного поручения. Как в приобретении власти, так и в пользовании ею тиран Георгий не обращал никакого внимания на требования религии, справедливости и человеколюбия, и такие же сцены насилия и скандала, с какими познакомилась столица, повторились более чем в девяноста городах Египта, служивших резиденциями для епископов.

Ободренный успехом, Констанций осмелился одобрить образ действий своих уполномоченных. В публичном и воодушевленном послании император выражал свое удовольствие по случаю освобождения Александрии от популярного тирана, обольщавшего своих ослепленных приверженцев чарами своего красноречия, распространялся насчет добродетелей и благочестия вновь избранного епископа, высокочтимого Георгия, и выражал надежду, что в качестве покровителя и благодетеля города он затмит славу самого Александра. Но вместе с этим он торжественно заявлял о своей непоколебимой решимости преследовать огнем и мечом мятежных приверженцев нечестивого Афанасия, который, уклоняясь бегством от суда, тем самым сознался в своей виновности и избежал позорной смерти, столько раз им заслуженной¹³⁸).

Афанасий действительно спасся бегством от самой неминуемой опасности, и приключения этого необыкновенного человека заслуживают того, чтобы мы остановили на них наше внимание. В ту достопамятную ночь, когда церковь св. Феона была окружена войсками Сириана, архиепископ сидел на своем троне, ожидая приближающейся смерти со спокойным и неустрашимым достоинством. Когда публичное богослужение было прервано криками ярости и отчаяния, он убеждал дрожащее от страха духовенство выразить свое благочестивое бесстрашие пением одного из псалмов Давида, прославляющего торжество Бога Израилева над высокомерным и могущественным египетским тираном. Двери храма были наконец взломаны, туча стрел посыпалась в народ, солдаты устремились с обнаженными мечами в святилище, и в грозном сверкании их оружия отражался свет священных светильников, горевших вокруг алтаря¹³⁹). Но Афанасий все-таки не уступал настояниям состоявших при его особе монахов и пресвитеров и не хотел покинуть своего епископского сидалища, пока самый последний из членов конгрегации не был в безопасности. Ночной мрак и суматоха благоприятствовали его бегству, и, несмотря на то, что ему пришлось пробираться сквозь взволнованную народную толпу, что он упал и пролежал некоторое время в бесчувственном состоянии, он в конце концов опять воодушевился своим неукротимым мужеством и уклонился от тщательных розысков солдат, которым арианские начальники внушили убеждение, что голова Афанасия была бы самым приятным для императора подарком. С этого момента египетский архиепископ исчез из глаз своих врагов, и в течение более чем шести лет его местопребывание было окружено непроницаемым мраком¹⁴⁰).

Деспотическая власть его непримиримого врага простиралась на всю Римскую империю, а разгневанный монарх сверх того обратился с настоятельным письмом к христианским владетелям Эфиопии с целью закрыть Афанасию доступ даже в самые отдаленные и самые глухие части земного шара. Преследование беглого епископа попеременно поручалось то графам, то префектам, то трибунам, то целым армиям; бдительность гражданских и военных властей была возбуждена императорскими эдиктами; щедрые награды были обещаны тому, кто доставит Афанасия живым или мертвым, и самые строгие наказания угрожали тем, кто осмелился бы оказывать покровительство общественному врагу¹⁴¹). Но пустыни Фиваиды были в ту пору населены дикими, но способными к покорности фанатиками, для которых приказания их пастыря были более обязательны, чем приказания их государя. Многочисленные последователи Антония и Пахомия приняли спасавшегося бегством архиепископа как родного отца, удивлялись терпению и смирению, с которыми он подчинялся самым строгим из их постановлений, ловили каждое падавшее из его уст слово, как подлинное излияние вдохновенной свыше мудрости, и руководствовались убеждением, что их молитвы, посты и бдения были менее достохвальны, чем то усердие, с которым они защищали истину и невинность, и чем те опасности, которым они себя подвергали¹⁴²). Египетские монастыри были расположены в уединенных и безлюдных местах, или на вершинах гор, или на островах, образуемых Нилом, а звуки священного рога или трубы Табенна были хорошо знакомым сигналом, по зову которого собиралось несколько тысяч здоровых и храбрых монахов, которые большею частью были из крестьян соседней местности.

Когда в их мрачные убежища проникали военные силы, которым они не были в состоянии сопротивляться, они молча подставляли свои головы под меч своих палачей, но, верные своему национальному характеру, не выдавали тайны, несмотря ни на какие пытки¹⁴³). Александрийский архиепископ, для защиты которого они готовы были жертвовать своею жизнью, терялся в толпе однообразно одетых и привыкших к дисциплине монахов, которые, в случае приближения опасности, быстро перемещали его из одного убежища в другое до тех пор, пока он не достигал страшных степей, которые мрачное и легковверное суеверие населяло демонами и страшными чудовищами. Почти все время своего удаления

от света, окончившееся лишь вместе с жизнью Констанция, Афанасий провел в обществе монахов, преданно служивших ему и стражей, и секретарями, и рассыльными; но всякий раз, как горячность преследований ослабевала, он увлекался желанием поддержать более близкие сношения с католической партией, покидал свою пустыню, проникал в Александрию и вверял себя скромности своих друзей и приверженцев.

Его разнохарактерные приключения могли бы служить сюжетом очень интересного романа. Однажды ему случилось укрыться внутри высохшего водохранилища, из которого он только что успел выйти перед тем, как одна рабыня изменнически указала место его укрывательства¹⁴³); другой раз ему пришлось укрыться в еще более странном убежище - в доме одной девушки, которой было только двадцать лет от роду и которая была известна всему городу своей изящной красотой. В полночь - как она сама рассказывала через несколько лет после того - она была поражена появлением архиепископа, который был полуодет и, приблизившись к ней быстрыми шагами, стал умолять ее оказать ему покровительство, за которым он обратился под ее гостеприимный кров по указанию небесного видения. Благочестивая девушка приняла и сохранила священный залог, вверенный ее благоразумию и мужеству. Не сообщив никому этой тайны, она тотчас отвела Афанасия в самую секретную из своих комнат и наблюдала над его безопасностью с нежностью друга и с усердием служанки. Пока не прекратилась опасность, она аккуратно доставляла ему книги и съестные припасы, обмывала его ноги, служила посредницей для его переписки и ловко скрывала от недоверчивых взоров эти фамильярные и интимные отношения между святым, характер которого требовал самого незапятнанного целомудрия, и женщиной, прелести которой могли возбуждать самые опасные эмоции¹⁴⁴). В течение шестилетних гонений и ссылки Афанасий несколько раз посещал свою прекрасную и преданную подругу, а его формальное заявление, что он видел соборы в Римини и в Селевкии¹⁴⁵), заставляет нас думать, что он тайным образом находился в том месте и в то время, где и когда они были созданы. Желание лично побеседовать с друзьями и лично следить за раздорами врагов, чтоб извлечь из них для себя пользу, могло побудить даже осторожного государственного человека на такое смелое и опасное предприятие, а Александрия была связана торговлей и мореплаванием со всеми портами Средиземного моря. Из глубины своего недоступного

убежища неустрашимый архиепископ вел непрерывную наступательную войну против покровителя ариан, а его кстати написанные сочинения, быстро распространявшиеся благодаря усердию его приверженцев и читавшиеся с жадностью, поддерживали внутреннее единство и бодрость православной партии. В своих публичных апологиях, с которыми он обращался к самому императору, он иногда выражался тоном умеренности, но в то же самое время употреблял в своих тайных беседах самые оскорбительные для Констанция выражения, называя его слабым и злым государем, палачом своего семейства, тираном республики и антихристом церкви. Победоносный монарх, наказавший опрометчивого Галла, подавивший восстание Сильвана, сорвавший диадему с головы Ветраниона и разбивший на поле брани легионы Магненция, получал - в то время, как находился на высоте своего могущества, - от невидимой руки такие раны, которых он не мог залечить и за которые он не был в состоянии отомстить; таким образом, сын Константина был первый христианский монарх, познакомившийся на опыте с могуществом тех принципов, которые в деле религии способны противостоять самым энергическим усилиям гражданской власти¹⁴⁶⁾.

Преследование Афанасия и стольких почтенных епископов, пострадавших за истину или по меньшей мере за чистоту своей совести, возбуждало справедливое негодование и неудовольствие во всех христианах, кроме тех, которые были слепо преданы арианской партии. Верующие сожалели об утрате своих достойных пастырей, изгнание которых обыкновенно сопровождалось вступлением в епископскую должность какого-нибудь самозванца¹⁴⁷⁾; они громко жаловались на неуважение к их избирательным правам и на то, что их заставляли повиноваться наемным узурпаторам, личность которых была им незнакома, а принципы которых не внушали им доверия. Католики могли двумя способами доказывать, что они непричастны виновности и ереси своих церковных правителей, - публичным заявлением своего разномыслия или устранением себя от всяких с ним сношений. Первый из этих способов был придуман в Антиохии и практиковался там с таким успехом, что скоро распространился по всему христианскому миру. Славословие, или священный гимн, воспевающий славу Троицы, доступен для очень деликатных, но существенно важных модуляций голоса, так что сущность православного или еретического догмата может быть выражена различием между разделительной и соедини-

тельной частицами речи. Два благочестивых и предприимчивых мирянина, преданных Никейскому символу веры, Флавиан и Диодор, ввели в публичное богослужение поочередные ответы хора и более правильное пение псалмов¹⁴⁸). Под их руководством вышли из соседних степей массы монахов, в Антиохийском соборе появились хорошо обученные певчие, слава Отца и Сына и Святого Духа¹⁴⁹) была торжественно воспета целым хором, и католики стали оскорблять чистотою своего учения арианского прелата, незаконным образом воссевшего на епископском престоле почтенного Евстафия.

То же самое усердие, которым вдохновлялось это пение, заставляло самых добросовестных членов православной партии составлять отдельные общества, которые управлялись пресвитерами до тех пор, пока смерть их изгнанного епископа позволяла им приступить к избранию и посвящению нового верховного пастыря¹⁵⁰). Происходившие при дворе перевороты увеличивали число претендентов, и в царствование Констанция нередко случалось, что духовную власть над одним и тем же городом оспаривали друг у друга два, три и даже четыре епископа, юрисдикция которых признавалась только их приверженцами и которые попеременно то утрачивали, то снова приобретали временную власть над церковью. Злоупотребления христианства внесли в римское управление новые поводы для тирании и мятежа; узы гражданского общества были разорваны яростью религиозных партий, а те незнатные граждане, которые могли с равнодушием смотреть на попеременное возвышение и падение императоров, воображали и узнавали на опыте, что их собственная жизнь и их состояние были тесно связаны с интересами популярного пастыря. Пример двух столиц, Рима и Константинополя, может дать нам понятие о том, каково было положение империи и каково было общее направление умов в царствование сыновей Константина.

I. Пока римские первосвященники держались своего ранга и своих принципов, их охраняла горячая привязанность великого народа и они могли с презрением относиться к просьбам, угрозам и милостям еретического монарха. Когда евнухи втайне присудили Либерия к ссылке, основательные опасения мятежа заставили их принять самые большие предосторожности при приведении этого приговора в исполнение. Столица была окружена со всех сторон, и префекту было приказано арестовать епископа или с помощью какой-нибудь хитрости, или вооруженной силой. Это приказание

было исполнено, и Либерий был с большим трудом выпро-
вожден в полночь из города, прежде нежели изумление рим-
лян успело перейти в ярость. Лишь только они узнали о
ссылке Либерия во Фракию, было созвано общее собрание, и
римское духовенство обязалось публичной торжественной
клятвой никогда не отречься от своего епископа и никогда
не признавать узурпатора Феликса, который, благодаря вли-
янию евнухов, был неправильно избран и посвящен внутри
стен неосвященного здания. Через два года после того их
благочестивое упорство оставалось во всей своей силе, и,
когда Констанций посетил Рим, ему пришлось выслушивать
неотступные просьбы народа, который из всех остатков своей
древней свободы сохранил лишь право обращаться к своему
монарху с фамильярной смелостью. Жены многих сенаторов
и самых уважаемых граждан сначала упрашивали своих му-
жей ходатайствовать за Либерия, а потом послушались совета
взять на самих себя поручение, которое в их руках было
бы менее опасно и могло бы скорее привести к успеху. Импе-
ратор вежливо принял этих депутатов женского пола, выка-
зывавших свое богатство и достоинство в великолепии своих
туалетов и украшений; он был поражен их непреклонной ре-
шимостью следовать за любимым пастырем до самых отда-
ленных уголков земного шара и согласился на то, чтоб два
епископа, Либерий и Феликс, управляли в мире каждый
своею конгрегацией. Но понятия о религиозной терпимости
были до такой степени несогласны с обычаями и убеждения-
ми того времени, что, когда ответ Констанция был публично
прочтен в римском цирке, столь благоразумный проект при-
мирения был отвергнут с презрением и насмешками. Страст-
ное увлечение, воодушевлявшее зрителей в окончательный
момент конской скачки, направилось на иной предмет, и
цирк огласился возгласами многих тысяч людей, неодно-
кратно повторявших: один Бог, один Христос, один епископ.
Усердие римского населения к делу Либерия не ограничи-
лось одними словами: опасное и кровавое восстание, вспых-
нувшее в его среде вскоре после отъезда Констанция,
заставило этого государя принять изъявления покорности от
изгнанного прелата и возвратить ему нераздельную духов-
ную власть над столицей. После безуспешных попыток к со-
противлению его соперник был выгнан из города усилиями
оппозиционной партии и с дозволения императора; привер-
женцев Феликса бесчеловечно умерщвляли в улицах, в пуб-
личных местах, в банях и даже в церквях, и с возвращением

христианского епископа Рим принял такой внешний вид, который напоминал отвратительные сцены кровопролитий Мария и проскрипций Суллы¹⁵¹).

II. Несмотря на то что число христиан быстро возрастало в царствование императоров из рода Флавиев, и в Риме, и в Александрии, и в других больших городах империи все еще существовала сильная и влиятельная партия неверующих, завидовавших благосостоянию церкви и осмеивавших даже на своих театрах ее богословские споры. Один Константинополь пользовался тем преимуществом, что он и возник и вырос в лоне христианской веры. Столица востока никогда не была запятнана поклонением идолам, а ее население глубоко впитало в себя и мнения, и добродетели, и страсти, отличавшие христиан того времени от остального человечества. После смерти Александра епископский престол сделался предметом спора между Павлом и Македонием¹⁵²). По своему усердию и по своим дарованиям они оба были достойны того высокого звания, на которое заявляли свои притязания, и если нравственность Македония была более безупречна, зато его соперник имел то преимущество, что был избран ранее и держался более православной доктрины. Непокколебимая привязанность Павла к Никейскому символу веры, доставившая ему в календаре место наряду со святыми и мучениками, навлекла на него ненависть ариан. В течение четырнадцати лет он был пять раз низвергаем со своего трона, в обладание которым он снова вступал чаще вследствие народных восстаний, чем с разрешения своего государя; а власть Македония могла упрочиться лишь вследствие смерти его соперника. Несчастного Павла влекли в оковах из песчаных степей Месопотамии до самых безлюдных местностей Тавра¹⁵³); его заключили в мрачную и тесную темницу, оставили шесть дней без всякой пищи и наконец задушили по приказанию Филиппа, одного из главных министров императора Констанция¹⁵⁴). Первая кровь, запятнавшая новую столицу, была пролита во время этой церковной борьбы, и много граждан погибло с обеих сторон во время свирепых и упорных народных восстаний. Поручение исполнить приговор об изгнании Павла было возложено на главного начальника кавалерии Гермогена, но оно оказалось гибельным для него самого. Католики восстали на защиту своего епископа; они сожгли дворец Гермогена и тащили этого высшего военного сановника империи за ноги по улицам Константинополя; а когда он испустил дух, они подвергли его труп самым

непристойным оскорблениям¹⁵⁵). Участь Гермогена научила преторианского префекта Филиппа действовать в подобных случаях более осмотрительно. Он в самых любезных и почтительных выражениях пригласил Павла прибыть на минеральные воды в Зевксипп, откуда было устроено тайное сообщение с дворцом и с морем. Павел был посажен на корабль, который стоял наготове у садовой лестницы и который немедленно отплыл, так что жители Константинополя еще ничего не знали об этом предумышленном святотатстве, в то время как их епископ уже был на пути к Фессалонике.

Они скоро с удивлением и негодованием увидели, как отворились дворцовые ворота и как узурпатор Македоний сел рядом с префектом на высокой колеснице, которую окружал отряд гвардейцев с обнаженными мечами. Эта воинственная процессия двинулась по направлению к собору; тогда ариане и католики устремились к этому важному посту, чтоб скорее занять его, и три тысячи сто пятьдесят человек лишились жизни среди вызванного общим смятением беспорядка. Поддерживаемый регулярными военными силами Македоний одержал решительную победу; но его владычество нарушалось смутами и мятежами, а для того, чтоб поддерживать и разжигать пламя внутренних раздоров, оказывались достаточными такие мотивы, которые, по-видимому, не имели никакой связи с предметом спора. Так как капелла, в которой было положено тело Константина Великого, пришла в разрушение, то епископ перенес эти почтенные смертные останки в церковь Св. Акакия. Партия, стоявшая за Номооусион, стала выдавать эту благоразумную и даже благочестивую меру за преступное святотатство. Противники немедленно взялись за оружие; освященная почва сделалась их полем битвы, и один из церковных историков рассказывает - как действительно случившийся факт, а не ради риторических прикрас, - что находившийся перед церковью колодец был наполнен доверху кровью, которая текла из него ручьем в портики и соседние дворы. Писатель, который приписал бы эти смуты единственно религиозному принципу, обнаружил бы недостаточное знание человеческой натуры; тем не менее следует признаться, что мотив, вовлекший религиозное усердие на ложный путь, и предлог, послуживший прикрытием для разнузданности страстей, заглушили угрызения совести, которые во всяком другом случае пробудились бы вслед за неистовствами константинопольских христиан¹⁵⁶).

Констанций, жестокий и деспотический нрав которого не всегда нуждался для своего проявления в действительной преступности и в сопротивлении, был выведен из терпения происходившими в его столице смутами и преступным поведением партии, восстававшей против власти и религии своего государя. Он с чрезвычайной строгостью подверг ее обычным наказаниям смертью, ссылками и конфискацией имуществ, а греки до сих пор еще чтят память двух церковнослужителей, одного чтеца и одного поддиакона, которые обвинялись в умерщвлении Гермогена и были обезглавлены у ворот Константинополя. В силу изданного Констанцием эдикта против католиков, который не был признан достойным занимать место в Кодексе Феодосия, всякий, кто отказывался от общения с арианскими епископами, и в особенности с Македонием, лишался привилегий духовного звания и прав христианина; этих людей заставили отказаться от пользования их церквями и строго запретили им устраивать сборища внутри городских стен. Исполнение этого несправедливого закона во Фракии и в Малой Азии было поручено усердию Македония; гражданским и военным властям было приказано исполнять его требования, а совершенные этим полуарианским тираном жестокости для поддержания homoiousion'a вышли из пределов того, что было приказано Констанцием, и запятнали царствование этого императора. Церковные таинства силою совершались над теми, кто не признавал Македония епископом и кто ненавидел его принципы. Обряд крещения совершался над женщинами и детьми, нарочно вырванными для этой цели из рук их друзей и родителей; приобщавшимся св. Таин держали рот открытым при помощи деревянной машинки, а освященный хлеб впихивали им силою в горло; груди молодых девушек или выжигали докрасна раскаленной яичной скорлупой, или безжалостно сжимали острыми и тяжелыми досками¹⁵⁷⁾. Жившие в Константинополе и его окрестностях новациане были так сильно преданны учению о homoousion'e, что были достойны стоять наряду с самими католиками. Македоний узнал, что обширный округ в Пафлагонии¹⁵⁸⁾ почти сплошь населен этими сектантами. Он решился или обратить их в настоящую веру, или совершенно их истребить, а так как он не верил, чтоб отправка какого-нибудь миссионера могла принести в этом случае пользу, то он отрядил против мятежников четыре тысячи легионеров с приказанием подчинить его духовной власти территорию Мантиниума. Новацианские кре-

стьяне, воодушевленные отчаянием и религиозной яростью, смело выступили навстречу вторгнувшемуся неприятелю, и, хотя многие из пафлагонцев пали в сражении, римские легионы были побеждены недисциплинированной толпой, вооруженной лишь косами и топорами; на поле битвы легли четыре тысячи солдат, за исключением очень немногих, спасшихся постыдным бегством. Преемник Констанция обрисовал в сжатой и энергической форме некоторые из бедствий, обрушившихся вследствие богословских распрей на империю и в особенности на ее восточные провинции в царствование такого императора, который был рабом и своих собственных страстей, и страстей своих евнухов. «Многих заключали в тюрьмы, преследовали и отправляли в ссылку; массы людей, которых называли еретиками, были умерщвлены, в особенности в Кизике и в Самосате. А в Пафлагонии, Вифинии, Галатии и многих других провинциях города и деревни обезлюдели и были совершенно разорены»¹⁵⁹).

В то время как пламя арианских раздоров поглощало жизненные силы империи, африканские провинции страдали от своих особых местных врагов - от тех диких фанатиков, которые под именем циркумцеллионов составляли силу и позор партии донатистов¹⁶⁰). Строгое исполнение законов Константина раздражило умы и вызвало сопротивление; усиленные старания его сына Константа восстановить единение церкви усилили те чувства взаимной ненависти, которые были первой причиной разрыва, а насилие и подкуп, к которым прибегали императорские комиссары Павел и Макарий, доставили приверженцам раскола повод указывать на противоположность между принципами апостолов и поведением их мнимых преемников¹⁶¹). Крестьяне, жившие в деревнях Нумидии и Мавритании, составляли свирепую породу людей, которая не вполне подчинялась авторитету римских законов, не вполне обратилась в христианскую веру, но вступалась за своих донатистских наставников с слепым и неустовым энтузиазмом. Они с негодованием выносили изгнание своих епископов, разрушение своих церквей и прекращение своих тайных сборищ. Насильственные меры, к которым прибегали представители правосудия, обыкновенно опиравшиеся на военную стражу, иногда встречали решительное сопротивление, а пролитая в этой борьбе кровь некоторых популярных духовных лиц внушала их грубым приверженцам горячее желание отомстить за смерть этих святых мучеников. Гонители иногда погибали жертвами

своей собственной жестокости и опрометчивости, а случайное участие в каких-нибудь смутах заставляло виновных прибегать из отчаяния к восстанию. Изгнанные из своих жилищ донатистские крестьяне собрались многочисленными толпами на окраине Гетулианской степи и охотно переменяли свои привычки к труду на праздную жизнь хищников, которая была освящена именем религии и которую наставники секты порицали лишь слегка. Вожди циркумцеллионов принимали титул: *полководцы святых*; так как у них было мало мечей и копий, то их главным оружием была уродливая и тяжелая палица, которую они называли *израильтянином*, а служивший для них боевым криком хорошо известный возглас «Хвала Господу!» наводил ужас на безоружные африканские провинции. Сначала их грабежи извинялись нуждой, но они скоро перестали довольствоваться лишь средствами продовольствия, стали бесконтрольно удовлетворять свою неводержанность и жадность, стали жечь ограбленные ими селения и обратились в распутных тиранов над беззащитной страной. Земледельческие занятия и отправление правосудия прекратились, а так как циркумцеллионы уверяли, что они намерены восстановить первобытное равенство человеческого рода, уничтожить вкравшиеся в общество злоупотребления, то они открыли у себя безопасное убежище для рабов и должников, толпами стекавших под их священное знамя. Когда они не встречали сопротивления, они обыкновенно довольствовались грабежом; но малейшая оппозиция вызывала их на насилия и убийства, а некоторых католических священников, некстати выказавших свое усердие, эти фанатики пытали с самым утонченным варварством. Храбрость циркумцеллионов давала себя знать не одним только беззащитным противникам; они вступали в борьбу и с стоявшими в провинции войсками и даже иногда одерживали над ними верх, а в кровопролитном деле при Багае они напали в открытом поле, хотя и без успеха, на передовой кавалерийский отряд императорской гвардии. С донатистами, взятыми с оружием в руках, обходились так же, как с жившими в пустыне дикими зверями, и они скоро доказали, что были достойны такого обхождения; они безропотно умирали от меча, секиры или огня; а случаи отплаты такою же монетой умножались в быстро возрастающей пропорции и, увеличивая ужасы восстания, делали невозможным забвение взаимных обид. В начале настоящего столетия пример циркумцеллионов нашел себе подражание в гонении, отваге, преступ-

лениях и энтузиазме камисардов, и если лангедокские фанатики превосходили нумидийских военными дарованиями, зато африканцы отстаивали свою дикую независимость с большею твердостью и непреклонностью¹⁶²⁾.

Такие смуты бывают естественным последствием религиозной тирании; но ярость донатистов воспламенялась от особого и чрезвычайно странного вида безумия, которое - если оно действительно развилось между ними в такой сильной степени, как рассказывают, - не имело ничего себе подобного ни в какой стране и ни в каком веке. Многие из этих фанатиков были одержимы отвращением к жизни и желанием мученичества; им было все равно, каким способом и от чьей руки они погибали, лишь бы только их смерть была освящена желанием увеличить славу истинной веры и надеждой вечного блаженства¹⁶³⁾. Иногда они грубо расстраивали празднества язычников и оскверняли их храмы с намерением вызвать со стороны самых усердных идолопоклонников отмщение за поруганную честь их богов. Иногда они силою проникали в суды и тем заставляли испуганных судей немедленно предавать их смертной казни. Они нередко останавливали на больших дорогах путешественников и добивались от них мученической смерти, обещая наградить их в случае их согласия и угрожая им немедленной смертью, если они не захотят оказать такой странной услуги. Когда у них не было никакого другого ресурса, они объявляли, что в назначенный день, в присутствии своих друзей и единомышленников, они бросятся головою вниз с какого-нибудь высокого утеса, и любопытным указывали немало пропастей, прославившихся многочисленностью таких религиозных самоубийств. В действиях этих бешеных энтузиастов, - которых одна партия превозносила, как мучеников за веру, а другая ненавидела, как жертв сатаны, - беспристрастный философ усматривает влияние и доведенное до крайности употребление во зло той непреклонности ума, которая первоначально истекала из характера и принципов иудейской нации.

Безыскусный рассказ о внутренних раздорах, нарушавших спокойствие церкви и позоривших ее торжество, может служить подтверждением замечаний одного языческого историка и оправданием жалоб одного почтенного епископа. Опыт привел Аммиана к убеждению, что злоба, которую христиане питали друг к другу, превосходила ту ярость, с которой дикие звери бросаются на людей¹⁶⁴⁾, а Григорий Назианзин высказывает в самых трогательных выражениях свою скорбь

по поводу того, что царство небесное превратилось, вследствие внутренних раздоров, в нечто похожее на хаос, на ночную бурю и даже на ад¹⁶⁵). Заносчивые и пристрастные писатели того времени, приписывая самим себе все добродетели и взваливая всю вину на своих противников, точно будто описывали войну ангелов с демонами. Но наш более спокойный ум не допускает, чтоб могли существовать такие чистые и цельные образцы чудовищных пороков или чудовищной святости; он признает, что враждовавшие между собою сектанты, называвшие самих себя православными, а своих противников еретиками, творили и добро и зло если не в одинаковой мере, то в такой, которая не может быть с точностью определена. Они были воспитаны в одной и той же религии и в недрах одного и того же гражданского общества. Их надежды и опасения и в здешней жизни, и в том, что касается жизни будущей, уравнивались в одинаковой пропорции. С обеих сторон заблуждения могли быть невинны, вера могла быть искренна, а деяния могли быть или достойны похвалы, или преступны. Их страсти воспалялись одними и теми же предметами, и они могли попеременно употреблять во зло сочувствие двора или народа. Метафизические идеи приверженцев Афанасия и приверженцев Ария не могли влиять на их нравственность, и они одинаково увлекались духом религиозной нетерпимости, который они черпали из чистых и простых принципов Евангелия¹⁶⁶).

Один из новейших писателей, вполне основательно поставивший перед написанной им самим историей почетные эпитеты политической и философской¹⁶⁷), обвиняет Монтескье в трусливой осмотрительности, потому что он не включил в число причин упадка империи закон Константина, безусловно запрещавший отправление языческого богослужения и оставлявший значительную часть его подданных без священнослужителей, без храмов и без всякой общественной религии. Из желания вступить за права человечества этот историк-философ поверил двусмысленному свидетельству тех лиц духовного звания, которые слишком охотно приписывали своему любимому герою заслугу всеобщего гонения¹⁶⁸). Вместо того, чтобы сослаться на воображаемый закон, который мог бы занимать блестящее место во главе императорских кодексов, мы можем с уверенностью указать на подлинное послание, с которым Константин обратился к приверженцам старой религии в такое время, когда он уже не скрывал своего обращения в христианство и когда уже никакой соперник не оспаривал у него верховной власти.

Он в самых настоятельных выражениях приглашает и увещевает подданных Римской империи подражать примеру их государя, но вместе с тем он объявляет, что те, которые все-таки будут закрывать свои глаза перед небесным светом, могут свободно пользоваться своими храмами и поклоняться своим мнимым богам. Мнение, что будто языческие обряды и богослужения были запрещены, формально опровергается самим императором, который благоразумно указывает, как на мотив своей умеренности, на непреодолимую силу привычек, предрассудков и суеверий¹⁶⁹). Не нарушая святости данного им обещания и не встревоживая язычников никакими опасениями, хитрый монарх стал медленно и осторожно подкапываться под нестройное и разваливавшееся здание политеизма. Отдельные строгие меры, к которым ему случалось прибегать, хотя и были втайне вызваны его христианским усердием, приукрашивались благовидными мотивами справедливости и общественной пользы, и в то время как Константин старался уничтожить самые основы старой религии, он, по-видимому, только исправлял вкравшиеся в нее злоупотребления. По примеру самых мудрых между своими предшественниками он воспретил, под страхом самых жестоких наказаний, тайное и нечестивое искусство ворожбы, возбуждавшее неосновательные надежды, а иногда и поползновение к преступным попыткам в тех, кто был недоволен своим настоящим положением. Позорное молчание было предписано оракулам, которые были так явно уличены в мошенничествах и обмане; изнеженные священнослужители берегов Нила были уволены, и Константин исполнил обязанности римского цензора, когда дал приказание разрушить в Финикии храмы, в которых из благочестия совершались среди белого дня разные прелюбодеяния в честь Венеры¹⁷⁰). Столица империи, Константинополь, был построен в некоторой мере на счет богатых храмов Греции и Азии и был украшен вывезенною из них добычей; их священные имущества были конфискованы; статуи богов и героев были с грубой фамильярностью перевезены к такому народу, который смотрел на них не как на предметы поклонения, а как на предметы, возбуждавшие любопытство; золото и серебро были пущены в обращение, а должностные лица, епископы и евнухи воспользовались этим удобным случаем, чтоб удовлетворять и свое религиозное рвение, и свое корыстолюбие, и свою злобу. Но это хищничество ограничивалось небольшою частью римского мира, а провинции уже задолго перед тем при-

выкли выносить такие же святотатственные грабежи со стороны таких государей и проконсулов, которых нельзя было заподозрить в намерении ниспровергнуть установленную религию¹⁷¹).

Сыновья Константина шли по стопам своего отца с большим рвением, но с меньшей сдержанностью. Предлоги для хищений и угнетений мало-помалу увеличивались¹⁷²); противозаконным поступкам христиан оказывались всякие снисхождения; всякое сомнение объяснялось в ущерб язычеству, а разрушение языческих храмов прославлялось, как одно из самых счастливых событий, ознаменовавших царствования Константа и Констанция¹⁷³). Имя Констанция стояло во главе следующего краткого закона, по-видимому уничтожавшего на будущее время всякую надобность в каких-либо новых запрещениях: «Нам угодно, чтоб во всех местах и во всех городах храмы были немедленно закрыты и тщательно охраняемы для того, чтоб никто не имел возможности впасть в преступление. Нам также угодно, чтоб все наши подданные воздерживались от жертвоприношений. Если кто-либо из них провинится в таком деянии, пусть он погибнет от меча, а после его казни пусть его имущества будут конфискованы на общественные нужды. Мы осуждаем на такие же наказания губернаторов провинций, если они будут небрежны в наказании виновных»¹⁷⁴). Но самые убедительные резоны заставляют нас думать, что этот страшный эдикт или не был опубликован, после того как был написан, или не приводился в исполнение, после того как был опубликован. Очевидность фактов и сохранившиеся до нашего времени памятники из бронзы и мрамора доказывают нам, что публичное исполнение обрядов языческого богослужения не прекращалось в царствование сыновей Константина. И на востоке и на западе, и в городах и в селах еще было множество храмов, уцелевших от разрушения, а благочестивая чернь могла по-прежнему наслаждаться пышной обстановкой жертвоприношений, празднеств и процессий с разрешения или с тайного одобрения гражданских властей. Почти через четыре года после того, как был издан приписываемый Констанцию кровожадный эдикт, этот император посетил римские храмы, а один языческий оратор рекомендовал его благопристойное по этому случаю поведение как пример, достойный подражания его будущих преемников. «Этот император, - говорит Симмах, - оставил неприкосновенными привилегии девственных весталок; он раздал жреческие должности знат-

ным римлянам, приказал по-прежнему выдавать деньги на покрытие расходов, сопряженных с публичными обрядами и жертвоприношениями, и хотя он перешел в другую веру, он никогда не пытался лишить подданных империи их древнего священного культа¹⁷⁵). Сенат по-прежнему считал себя вправе освящать публичными декретами божественную память своих государей, и сам Констанций после своей смерти был сопричислен к тем богам, от которых он отрекся и которых он поносил в течение своей жизни. И титул, и внешние отличия, и привилегии верховного первосвященника, установленные Нумой и усвоенные Августом, были без колебаний приняты семью христианскими императорами, которые оказались облеченными более абсолютною властью над той религией, от которой они отказались, нежели над той, которую они исповедовали¹⁷⁶).

Раздоры христиан замедлили гибель язычества¹⁷⁷), так как священная война против неверующих велась без надлежащей энергии государями и епископами, которых более непосредственно тревожили опасения внутренних восстаний. Искоренение идолопоклонства¹⁷⁸) могло бы найти для себя оправдание в установленных принципах религиозной нетерпимости, но враждебные одна другой секты, попеременно властвовавшие при императорском дворе, опасались совершенно оттолкнуть от себя и, может быть, даже довести до отчаяния партию, хотя и приходившую в упадок, но все еще очень влиятельную. Все мотивы авторитета и моды, интереса и рассудка были на стороне христианства, но прежде, нежели их победоносное влияние проникло повсюду, протекли два или три поколения. Религия, издавна установившаяся и так еще недавно господствовавшая в Римской империи, все еще чтилась многочисленным населением, привязанным не столько к философским идеям, сколько к старинным обычаям. И Константин, и Констанций раздавали государственные и военные отличия безразлично всем своим подданным, и между теми, кто исповедовал многобожие, было еще много людей и ученых, и богатых, и храбрых. Сенаторы и крестьяне, поэты и философы впали в суеверия из весьма различных причин, но они с одинаковым благочестием сходились в храмах своих богов. Их религиозное рвение мало-помалу воспламенялось вследствие оскорбительного для них торжества запрещенной секты, а их надежды ожили от основательной уверенности, что наследник престола - юный и отважный герой, избавивший Галлию от нашествий варваров, - втайне принял религию своих предков.

¹⁾ Евсевий in Vit. Constantin., кн. 3, гл. 63–66.

²⁾ Рассмотрев разнообразные мнения Тильмона, Бособра, Ларднера и др., я пришел к убеждению, что Мани не распространял своей секты, даже в Персии, ранее 270 года. Странно, что философская и чужеземная ересь могла так быстро проникнуть в африканские провинции; тем не менее я не могу отвергать эдикт Диоклетиана против манихеев, помещенный у Барония (Annal. Eccl. 287 г. после РХ).

³⁾ Constantinus enim, cum limatius superstitionum quaereret sectas, Manichaeorum et similia, etc. Аммиан, XV, 15. Стратер, получивший вследствие этого поручения прозвание Musonianus, был христианин арианской секты. Он участвовал в качестве графа на соборе в Сардики. Либаний хвалит его кротость и благоразумие. Вalez. ad locum Ammian.

⁴⁾ Код. Феод., кн. 16, тит. 5, зак. 2. Так как общий закон внесен в Кодекс Феодосия, то можно полагать, что в 438 году осуждаемые им секты уже угасли.

⁵⁾ Созомен, кн. 1, гл. 22. Сократ, кн. 1, гл. 10. Этих историков подозревали, – но я полагаю, неосновательно – в привязанности к учению новациан. Император сказал епископу: «Акезий, возьми лестницу и полезай один на небеса». В свою очередь, многие из христианских сект пользовались лестницей Акезия. (В этих первых актах Константина обнаруживается не столько влияние религии, которую он скорее употреблял на свою пользу, чем исповедовал, сколько влияние церковной иерархии, в которой он видел удобное орудие для подчинения народа своей воле. Чтоб быть уверенным в преданности этих вождей церкви, их хитрый покровитель устранил всех их соперников и осыпал их самих наградами и привилегиями. И самые расколы, составляющие сюжет настоящей главы, никогда бы не раздирали империю, если бы не существовало таких целей для честолюбия, как епископские тропы и епископские доходы. – *Издат.*)

⁶⁾ Лучшие материалы для этого отдела церковной истории можно найти в издании Оптата Милевитана, напечатанном в Париже в 1700 г. Дюпеном, который обогатил его критическими заметками, географическими объяснениями, подлинными актами и аккуратным сокращенным изложением всего спора. Тильмон посвятил донатистам большую часть одного тома (том VI, часть I), и я обязан ему полным сборником всех мест его любимца св. Августина, касающихся этих еретиков.

⁷⁾ Schisma igitur illo tempore confusae mulieris iracundia peperit; ambitus nutrit; avaritia roboravit. Оптат, кн. 1, гл. 19. Выражения Пурпурия приличны лишь пришедшему в ярость умалишенному: Putas me terreri a te... occidi; et occido eos qui contra me faciunt. Acta Concil. Cirtensis, as calc. Оптат, стр. 274. Когда Цецилиан был приглашен в собрание епископов, Пурпурий сказал своим собратям или скорее своим сообщникам: «Пусть он придет сюда получить от нас рукоположение; мы разобьем ему голову под видом наложения покаяния». Оптат., кн. 1, гл. 19.

⁸⁾ Соборы в Арелате, Никее и Триенте одобрили мудрый и умеренный образ действий римской церкви. Впрочем, донатисты сохранили расположение Киприана и значительной части первобытной церкви. Винцентий Лиринензис (стр. 332, ap. Tillemont, Mém. Eccles., том VI, стр. 138) объяснил, почему донатисты горят вместе с дьяволом в вечном огне, тогда как св. Киприан царствует на небесах вместе с Иисусом Христом.

⁹⁾ См. шестую книгу Оптата Милевитана, стр. 91–100.

¹⁰⁾ Тильмон, Mém. Ecclesiastiques, том VI, ч. 1, стр. 253. Он смеется над их пристрастным легковерием. Он чтит Августина, великого проповедника системы предопределения.

11) *Piatio Aegyptum peragravit, ut a sacerdotibus barbaris numeros et coelestia acciperet.* Цицерон *de Finibus*, V, 25. Египтяне, может быть, еще сохраняли в ту пору традиционные верования патриархов. Иосиф уверил многих отцов церкви, что Платон заимствовал часть своих познаний от иудеев; но это мнение не может быть согласовано с незначительностью и необщительностью иудейского народа, священные книги которого сделались доступными для любознательных греков лишь через сто с лишним лет после смерти Платона. См. Маршама *Canon Chron.*, стр. 144, Ле-Клерк, *Epostol. Critic.* 7, стр. 177–194.

12) Следующие новейшие писатели были моими руководителями при изучении системы Платона: Cudworth (*Intellectual System*, стр. 568–620); Basnage (*Hist. des Juifs*, кн. 4, гл. 4, стр. 53–86); Le Clerc (*Epost. Crit.* 7, стр. 194–209); и Brucker (*Hist. Philosoph.*, том 1, стр. 675–706). Так как ученость этих писателей одинакова, а их цели различны, то пытливый наблюдатель может извлечь для себя назидание из их разногласий и, конечно, такое из того, в чем их мнения сходятся. (Это изложение Платонова учения кажется мне несогласным с настоящим смыслом сочинений этого философа. Блестящая фантазия, которую он внес в свои метафизические исследования, и его слог, изобилующий аллегориями и фигурами, могли ввести в заблуждение тех истолкователей, которые не искали сущности мнений философа в совокупности его произведений и вне тех фигурных выражений, к которым прибегал писатель. По моему мнению, у Платона нет никакого Троичества и он не устанавливал никакого таинственного произхождения между тремя принципами, которые ему приписывают. Короче сказать, он считал лишь атрибутами Божества или материи те идеи, из которых, как уверяют, он сделал субстанции или действительные существа. По словам Платона, Бог и материя существовали вечно. До сотворения мира материя имела в себе принцип движения, но без цели и без законов: этот-то принцип Платон и называет неразумной душой мира (*alogos psuchē*), потому что в его учении всякий самопроизвольный и первобытный принцип движения называется душой. Бог захотел дать этой материи форму, то есть, во 1-х, обработать материю и образовать из нее тела, во 2-х, регулировать ее движения и подчинить их цели и законам. Божество не могло при этой операции действовать иначе как по тем идеям, которые существуют в его уме: их соединение наполняло его и образovalo идеальный тип мира. Этот-то идеальный мир, этот божественный ум, существующий с Богом от вечности и названный Платоном словом *poys* или *logos*, он, как уверяют, олицетворил и овеществил; тогда как достаточно внимательного исследования, чтоб убедиться, что Платон никогда не приписывал ему существования вне Божества и что он считал Логос лишь совокупностью идей Бога, лишь божеским разумом в его отношениях к миру.

Противное мнение было бы несогласно со всей его философией: так, например, он говорит (*Тимей*, стр. 348), что с идеей о Божестве существенным образом связана идея об интеллигенции, о Логосе; стало быть, следовало бы полагать, что он допускал двойственный Логос – один, присущий Божеству в качестве атрибута, а другой – существующий вне его в качестве субстанции. Он утверждает (*Тимей*, стр. 316, 337, 348, *Софисты*, т. II, стр. 265, 266), что интеллигенция принцип порядка (*poys* или *logos*) не может существовать иначе как в качестве атрибута души (*psuchē*), принципа движения и жизни, свойства которого нам неизвестны. Как же мог он после этого считать Логос за субстанцию, одаренную самостоятельным существованием? В другом месте он объясняет значение Логоса двумя словами: *epistēmē* – знание и *dianoia* – интеллигенция, обозначающими атрибуты божества (*Софисты*, том II, стр. 299). Наконец, из многих мест, и между прочим из некоторых мест *Филеба*, том IV, стр. 247–248, следует, что Платон всегда придавал словам

poys, logos одно из следующих двух значений: результат действия Божества, то есть порядок, совокупность законов, управляющих миром, и разумная душа мира (logistikē psuchē), или самая причина результата, то есть божеская интеллигенция. Когда он отделяет Бога, идеальный тип мира, от материи, он делает это для того, чтоб объяснить, каким образом в его системе Бог поступал во время сотворения мира, чтоб соединить находившийся в нем принцип порядка, свою собственную интеллигенцию или Логос с принципом движения, с неразумной душой, alogos psuche, находившейся в материи. Когда он говорит о месте, занимаемом идеальным миром (topos poëtos), он делает это для того, чтоб указать на божеский разум, который тому причиной. Наконец, в его сочинениях нигде нет настоящего олицетворения мнимых существ, из которых он будто бы составил Троицу; а если бы и было такое олицетворение, оно могло бы быть одинаковым образом применено ко многим другим идеям, из которых можно бы было составить несколько различных Троиц. Впрочем, это заблуждение, в которое впадало большинство как древних, так и новейших истолкователей Платона, довольно естественно. Не говоря уже о ловушках, в которые их заманивал его фигурный слог, не говоря о необходимости обнимать систему его идей во всей их целостности и не объяснять его слова отрывочно, — самое свойство его учения влекло к подобным заблуждениям. Когда появилось учение Платона, недоверие к человеческим знаниям и постоянный обман, в который нас увлекают наши чувства, были всеми признаны и порождали всеобщий скептицизм. Сократ хотел оградить от этого скептицизма нравственность; Платон постарался избавить от него метафизику, отыскивал в человеческом разуме тот источник достоверности, которого не могли дать чувства. Он избрал систему врожденных идей, совокупность которых составила, по его словам, идеальный мир, и утверждал, что эти идеи были настоящими атрибутами, привязанными не только к нашим представлениям о предметах, но и к натуре самих предметов, — к натуре, которую мы можем познавать по ним. Стало быть, он приписывал этим идеям положительное существование в качестве атрибутов; его комментаторы тем легче могли приписывать им действительное существование как субстанциям, что выражения, которые употреблял Платон для их обозначения *auto to kalon*, *auto to agathon* (сама красота, сама доброта), подавали повод к такому овеществлению (*hypostasis*). — Гизо.)

(Вопрос не в том, как следует понимать слова Платона, а в том, как их понимали в тот период времени, о котором говорит Гиббон. Гизо сознает, что и в ту пору, и впоследствии все были того мнения, что греческие философы олицетворяли или овеществляли три принципа Платона. Если это и было ошибкой, самый факт ее существования оправдывает Гиббона. — Издат.)

¹³⁾ Бруккер, *Hist. Philosoph.*, том 1, стр. 1349—1357. Александрийскую школу восхваляют Страбон (кн. 17) и Аммиан (XII, 6).

¹⁴⁾ Иосиф, *Древности*, кн. 12, гл. 1—3. Баснаж, *Hist. des Juifs*, кн. 7 гл. 7. (По словам Иосифа, иудеи также поселились в Кирене. — Издат.)

¹⁵⁾ Касательно происхождения иудейской философии см. Евсевия *Praeparat. Evangel.*, 8, 9, 10. По мнению Филона, терапевты изучали философию, а Бруккер доказал (*Hist. Philosoph.*, том II, стр. 787), что они отдавали предпочтение философии Платона.

¹⁶⁾ См. Calmet. *Dissertations sur la Bible*, том II, стр. 277. Книга Премудрости Соломона была принята многими отцами церкви за произведение этого монарха, и, хотя ее отвергли протестанты за неимением еврейского подлинника, она получила вместе с остальной Вульгатой санкцию Тридентского собора.

17) Философия Платона не была единственным источником той, которой учили в александрийской школе. Этот город, служивший сборным пунктом для ученых греческих, еврейских и египетских, был театром причудливого смешения систем этих трех народов. Греки приносили туда учение Платона, уже несколько извращенное; иудеи, вынесшие из Вавилона множество восточных идей и благодаря этим сношениям уже значительно изменившие свои теологические и философские понятия, постарались согласовать учение Платона с своей новой доктриной и совершенно обезобразили его; наконец, египтяне, не желавшие отказываться от таких идей, к которым сами греки питали уважение, постарались с своей стороны согласовать их с идеями своих соседей. Именно в Экклезиасте и в книге Премудрости чувствуется влияние скорей восточной философии, чем платонизма: в этих сочинениях и в сочинениях последних пророков, как, например, Езекииля, встречаются идеи, с которыми иудеи не были знакомы до Вавилонского пленения, зародыши которых нельзя найти у Платона и которые, очевидно, заимствованы от жителей востока. Так, например, Бог, представляемый под видом света, а принцип зла — под видом мрака, история добрых и злых ангелов, рай и ад и пр., — это такие догматы, происхождение или по меньшей мере положительное определение которых может быть отнесено не иначе как к восточной философии. Платон считал материю вечной, а жители востока и иудеи считали ее творением Бога, который один вечен. Нет возможности объяснить философию александрийской школы одним смешением иудейской теологии с греческой философией; в ней на каждом шагу узнается восточная философия, как бы мало она ни была знакома: так, например, по словам Зенд-Авесты, Ормузд* создал все словом (*honover*), более древним, чем мир. Это слово есть Логос Филона и, стало быть, совершенно отлично от Логоса Платона. Я уже доказал, что Платон никогда не олицетворял Логос идеального типа мира; а Филон осмелился сделать это олицетворение. Божество имеет, по его словам, двойной Логос; первый (*logos endiathetos*) есть идеальный тип мира, а идеальный мир есть первожденный Божества; второй (*logos prothorikos*) есть самое слово Божие, олицетворенное под видом существа действующего, чтоб создать чувственный мир и сделать его похожим на мир идеальный; это второй сын Бога. Доводя свои мечты до крайних пределов, Филон дошел до того, что снова олицетворил идеальный мир под видом небесного человека (*ouranios anthropos*), первобытного человеческого типа, а чувственный мир под видом другого человека, менее совершенного, чем человек небесный. Некоторые идеи восточной философии могли привести к этому странному злоупотреблению аллегорией, на которое достаточно одного указания для того, чтоб доказать, каким извращениям уже подверглось в ту пору учение Платона и что было их источником: впрочем, между всеми александрийскими иудеями Филон был тот, чей платонизм самый чистый. (См. Булз, Введение в историю новейшей философии на нем. яз., стр. 590 и след. Михаэлис, Введение к Новому Завету, на немецк. яз., ч. 2, стр. 973. Из этого-то смешения ориентализма, платонизма и иудаизма и произошел гностицизм, который породил столько богословских и философских нелепостей и в котором, очевидно, преобладают восточные идеи. — Гизо.)

(Главный вопрос не в том, каким образом мнения немногих иудеев могли пропитаться идеями халдеев или магов, а в том, какое влияние на умы образованных греков имел тот факт, что созданные их философией неполные понятия о Высшем Существо смешались с понятием о бестелесном Божестве, которому поклонялась иудейская раса, и что эти понятия получили вследствие того точность и последовательность. Внимание не должно отвлекаться от этого пункта сомнительными эпи—

* Более правильно Ахура-Мазда (Примеч. ред.).

зодами и незначительными неточностями. Гизо питал слишком много доверия к обманчивой «восточной философии» Мозгейма. Не там отыскал Филон свои «миры чувственный и идеальный», а в Аристотелевых *eide aistheta* и *eide noeta*. (*Metaphys. Zeta. c. 7 et passim*). Здесь странным образом глава перипатетиков оставлен без внимания или на заднем плане. — *Издат.*)

18) Платонизм Филона, до того прославившийся, что обратился в пословицу, так ясно доказан Ле-Клерком, что уже не может подлежать сомнению (*Epist. Crit., VIII* стр. 221–228). Баснаж (*Hist des Juifs*, кн. 4, гл. 5) ясно доказал, что богословские сочинения Филона были написаны прежде смерти, а весьма вероятно, и прежде рождения Христа. В такие времена мрака познания Филона более достойны удивления, чем его заблуждения. Булл. *Defens. Fid. Nicen.* отд. 1, гл. 1, стр. 12.

19) *Mens agitat molem et magno se corpore miscet*.

Кроме этой материальной души, Кадворт* открыл (стр. 562) у Амелия, Порфирия, Плотина и, как он полагает, у самого Платона, высшую, бестелесную (*supercozmian*) душу вселенной; но Бруккер, Баснаж и Ле-Клерк считают эту двойную душу пустым вымыслом позднейших последователей Платона.

20) Петав. *Dogmata Theologica*, том II, кн. 8, гл. 2, стр. 791. Булл. *Defens. Fid. Nicen.* отд. 1, гл. 1, стр. 8–13. Пока это мнение не было употреблено во зло арианами, оно легко допускалось христианской теологией. У Тертуллиана (*adv Praxeas*, гл. 16) есть одно замечательное и опасное место. Противопоставив с нескромным остроумием свойства Бога деяниям Иеговы, он говорит в заключение: *Scilicet ut haec de Filio Dei non credenda fuisse, si non scripta essent; fortasse non credenda de Patre licet scripta*. Этим вещам, конечно, нельзя бы было поверить о Сыне Божиим, если бы они не были написаны, и едва ли им можно верить об Отце, хотя они и написаны.

21) Последователи Платона восхищались началом Евангелия св. Иоанна, так как видели в нем точное изложение своих собственных принципов. Августин de *Civitat. Dei*. X, 29; Амелий, *apud Cyril. advers. Iulian.*, кн. 8, стр. 283. Но alexandрийские последователи Платона могли в третьем и четвертом столетиях усовершенствовать свои понятия о Троице тайным изучением христианской теологии. (Краткий разбор значения, в котором св. Иоанн принимал слово Логос, докажет, что он не заимствовал его из философии Платона. Евангелист употребляет это слово без предварительных объяснений, как такое выражение, которое уже знакомо его современникам и должно быть понятно им. Поэтому, чтоб узнать, какое он придавал ему значение, надо доискаться, какое значение придавали ему в то время. Оно имело два значения: одно из них придавали слову Логос жившие в Палестине иудеи, а другое оно получило от alexandрийской школы, и в особенности от Филона. Иудеи во все времена боялись произносить самое имя Иеговы; они приучились обозначать Бога которым—нибудь из его атрибутов и называли его то премудростью, то словом: «Небеса созданы словом Предвечного» (Пс. 32, 6). При—

* Р.Кадворт, кембриджский неоплатоник XVII в., справедливо обозначил основные черты античного неоплатонизма, но, как неоплатоник, не разделял учение Платона и неоплатоников, считая, что все концепции последних сформулированы Платоном, а неоплатоники — не более чем его последователи и комментаторы. И хотя сами неоплатоники именно так о себе и думали (и античные, и кембриджские), приписывать их философские новации Платону является серьезным заблуждением, преодоленным историками философии в XX веке. (*Примеч. ред.*).

вышли к аллегориям, они часто обращались к этому атрибуту Божества как к действительному существу. Соломон алагает в уста Премудрости следующие слова: «Я принадлежу Предвечному, я присутствовала на его советах, я существовала прежде всех его творений; от века веков, я господствовала задолго до того, как была создана земля» и пр. (Притчи, гл. 8, V. 22 seq.) Пребывание в Персии лишь усилило склонность к выдержанным аллегориям. В книге Иисуса сына Сирахова и в книге Премудрости есть аллегорические описания Премудрости вроде следующего: «Я исхожу из уст Всевышнего, и я покрыла землю, точно облако... Я одна наметила границы неба и прорыла морские бездны... Творец создал меня прежде всех веков, и я буду существовать в течение всех веков... Кто будет питаться моими плодами, не будет знать голода; кто будет пить из моего источника, не будет знать жажды». (Кн. Ис. сына Сирах., гл. 24, V. 3, 5, 9 и 20; см. такую книгу Премудрости Соломона, гл. 7 и 9.) Отсюда видно, что под еврейскими и халдейскими словами, которые обозначают премудрость, слово и которые были переведены на греческий язык словами *sophia*, *logos*, иудеи разумели простой атрибут Божества, который они олицетворяли аллегорически, но из которого они не делали действительного существа, отдельного, находящегося вне Бога. Напротив того, александрийская школа, и между прочими Филон, смешали греческие идеи с иудейскими и восточными и, увлекаясь склонностью к мистицизму, олицетворили Логос и изобразили его отдельным существом, созданным Богом и средним между Богом и людьми; это – второй Логос Филона (*logos prophorikos*), тот, который действует при зарождении мира, который один в своем роде (*monogenes*) и создал чувственный мир (*kosmos aisthetos*), которого Бог сотворит по образу идеального мира (*kosmos noetos*), находившегося в нем самом и представлявшего первый Логос (*ho anotato*) перворожденного (*ho presbyteros*) от Божества. Принимаемый в этом значении Логос, стало быть, был сотворенное существо, но предшествовавшее сотворению мира, близкое к Богу и обязанное вести его сношения с людьми. Какое же из этих двух значений придавал св. Иоанн слову Логос в первой главе своего Евангелия и во всем, что он писал? Св. Иоанн был иудей, родившийся и воспитавшийся в Палестине; он вовсе не был знаком или был очень мало знаком с философией греков и с философией иудеев, изучавших греческих философов; поэтому он натурально должен был придавать слову «Логос» такое же значение, какое придавали ему жившие в Палестине иудеи. Действительно, если мы сравним атрибуты, приписываемые им Логосу, с теми, которые приписываются ему в Притчах, в Премудрости Соломона, в книге Иисуса сына Сирахова, то мы увидим, что они одинаковы: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, все через Него начало быть; в Нем была жизнь, и жизнь была свет человека» и т.д. (Евангелие св. Иоанна, гл. 1, V. 4, 10 и сл.) Нельзя не усмотреть из этой главы понятия иудеев об облеченном в аллегорию Логосе. Потом евангелист действительно олицетворяет то, что его предшественники олицетворяли лишь поэтически, так как он утверждает, что слово сделалось плотью (V. 14): он и писал для того, чтоб это доказать. Понятия, которые он соединяет с словом «Логос», – если в них старательно вникнуть, – не могут быть согласованы с теми, которые имели о нем Филон и александрийская школа; напротив того, они сходятся с мнениями иудеев, живших в Палестине. Может быть, св. Иоанн, употребляя слово всем знакомое для объяснения учения, которое еще не было всем знакомо, несколько изменил его смысл: это – то изменение многие и стараются объяснить путем сопоставления различных мест из его повествования. Достоин внимания то, что жившие в Палестине иудеи, не примечавшие этого изменения, не могли находить ничего странного в том, что говорил св. Иоанн о Логосе; по крайней мере они без труда понимали все, что он говорил, тогда как греческие философы и изучавшие греческую философию

фию иудеи вносили в это понимание такие предвзятые понятия и идеи, которые было нетрудно согласовать с идеями евангелиста, не представлявшими решительного с ними противоречия. Это обстоятельство должно было много способствовать распространению христианства; вот почему отцы церкви первых двух столетий, будучи воспитаны почти все без исключения в Александрийской школе, придавали Логосу Св. Иоанна значение, весьма похожее на то, какое придавал ему Филон. Их учение было очень близко к тому, которое было осуждено в четвертом столетии Никейским собором в лице Ария. — Гизо.)

(Ссылаясь в доказательство своих мнений на Псал. 33 и на Притчи, Гизо забывает, что оба венценосных автора, на которых он указывает, жили за шестьсот лет до Платона; он полагается также на некоторые подобные места из Кн. Иисуса сына Сир. и из Книги Премудрости, но декан Мильман, в своем комментарии к этому примечанию, напоминает ему, что последнее из этих произведений не было написано в Палестине, а «чисто александрийское». С другой стороны, Гизо не принимает в соображение различных греческих школ, Старой Академии, или непосредственных последователей Платона, Новой Академии, или последователей Карнеада, и перипатетиков, приверженцев Аристотеля; а все они имели свой Логос, в некоторых отношениях одинаковый, а в некоторых различный. Эти последние имели преподавателей в каждом городе и изучали не только произведения своих двух великих наставников и произведения Ксенофонта, которые дошли до нас, но также утраченные впоследствии шестьдесят трактатов Ксенократа и других. В течение некоторого времени Антиохия по-прежнему была центром христианской деятельности. Отправившись из этого города для проповедования Евангелия язычникам, Павел и Варнава возвратились туда снова, приписали свой успех тем, «кто призвал на них милость Божию для исполнения того, что они предприняли», и затем задумали предпринять вместе с ними новые миссии (Деяния. гл. 14. V. 26, 28; гл. 15, V. 36). Поэтому очевидно, что Платонов Логос был хорошо знаком образованным грекам, между которыми вводилась новая вера. Но по словам Гизо, «он был или вовсе незнаком св. Иоанну, или очень мало», хотя он прожил шестьдесят лет в этой среде и, как указал декан Мильман, долго жил в «Эфесе, то есть в таком центре, где смешивались идеи востока с идеями запада». Только после этого и когда ему было девяносто лет, было написано его Евангелие, и тогда — как сообщают Иероним (в Предисловии к своему комментарию на Евангелие св. Матфея) и Златоуст (Введение к его Беседам о Евангелии св. Матфея и в четвертой Беседе о Евангелии св. Иоанна), — настоящие азиатских епископов заставили последнего из находившихся в живых евангелистов одобрить их веру. «Coactus est, — говорит Иероним, — de Divinitate Salvatoris altius scribere». Есть еще некоторые другие неточности в подстрочном примечании Гизо. — Издат.)

22) См. Бособра, *Hist. Critique du Manichéisme*, том 1, стр. 377. Евангелие св. Иоанна, как полагают, вышло в свет почти через семьдесят лет после смерти Христа.

23) Мнения эбионитов ясно изложены Мозгеймом (стр. 331) и Ле-Клерком (*Hist. Eccles.*, стр. 535). Критики приписывают одному из этих сектантов составленные отцами церкви постановления папы Климента V.

24) Упорные полемисты вроде Булля (*iudicium Eccles. Cathol.*, гл. 2) настаивают на православии назареев, которое в глазах Мозгейма менее чисто и несомненно, стр. 330.

25) Незнатьность и страдания Иисуса всегда были камнем преткновения для иудеев. «Deus... contrariis coloribus Messiam depinxerat; futurus erat Rex, Iudex, Pastor», etc. См. Лимборха и Ороббио *Amica Collat.*, стр. 8, 19, 53 — 76, 192—234. Но

это возражение заставило верующих христиан обратить свои взоры к духовному и вечному царствию.

26) Юстин мученик, *Dialog. cum Tryphonte*, стр. 143, 144. См. Ле-Клерк *Hist. Eccles.*, стр. 615. Буль и его издатель Грабе (*Judicium Eccles. Cathol.*, гл. 7, и приложение) стараются извратить мнения и выражения Юстина, но их насильственное извращение текста отвергается даже бенедиктинскими издателями.

27) Большинство докетов отвергало истинную божественность Иисуса Христа, равно как его человеческую натуру; они были из числа тех гностиков, мнения которых происходили от мнений Платона, — как это находили некоторые философы, на сторону которых склоняется и Гиббон. Эти философы не соображали того, что учение Платона подвергалось постоянным изменениям и что те из этих изменений, которые придавали ему некоторую связь с мнениями гностиков, были сделаны после возникновения сект, носящих это название. Мозгейм доказал (в своих *Instit. histor. Eccles. major.*, отд. 1, стр. 136 sqq., и стр. 399 sqq.), что восточная философия, в связи с каббалистической философией иудеев, породила гностицизм. Связь, существующая между этим учением и дошедшими до нас памятниками учения восточных народов, как, например, халдеев и персов, очевидна; она-то и была источником заблуждений гностиков, старавшихся согласовать свои старые идеи с новыми верованиями. Поэтому-то, отвергая человеческое естество в Христе, они также отвергали его тесное общение с Богом и считали его лишь за одну из субстанций (эонов), созданных Богом. Так как они верили в вечность материи и считали ее за принцип зла в противоположность Божеству, первопричине и принципу добра, то они не могли допустить, чтоб одна из чистых субстанций, чтоб один из исходящих от Бога эонов мог соединиться с принципом зла, вследствие того, что сочетался с материальной природой; этот мотив и заставил их отвергать действительные человеческие свойства в Иисусе Христе. См. Ch. G. F. Walch, *Истор. Ересей*, на нем. яз., т. 1, стр. 217 и след.; Brucher, *Крит. Истор. Филос.*, том II, стр. 639. — Гизо.

(Не подлежит сомнению, что в течение четырех столетий в учении Платона были сделаны некоторые изменения, в особенности Новой Академией, но его основные принципы оставались такими же, какими были прежде, и даже школа Аристотеля была в некоторой мере лишь одной из его ветвей. В эпоху Августа эта философия сделалась более известной, а ее таинственное учение стало облекаться в более разнообразные формы. Это — как уже было замечено в одном из предыдущих подстрочных примечаний — и породило гностицизм с его пятьюдесятью подразделениями, которые представляли такую смесь разнообразных мнений, что между ними можно было подыскать подходящих к какой бы то ни было теории. В этом случае мы должны останавливать наше внимание только на самых общих явлениях. Если бы приведенное выше мнение Мозгейма было основательно, то гностицизм должен бы был господствовать главным образом в Палестине; а напротив того, его приверженцы были почти все без исключения из язычников; они были более других враждебны к иудеям и по своим понятиям, так как они отвергали «божественное призвание» Моисея, оспаривали и даже осмеивали многие части еврейских священных книг и строго критиковали историю самого народа. С другой стороны, он слишком высоко оценил влияние восточной философии, которое едва ли было замечено многими, кроме него. (См. примечание его английского переводчика, *Inst. of Eccl. Hist.*, ч. 1, стр. 68.) Может быть, там и были некоторые следы этой философии. Но когда Мани попытался сделать из нее более значительные заимствования, образование христианской секты было для него второстепенной целью, а главной его целью было придать христианству такую форму, что оно могло бы сделаться удобоприемлемым для персов (Бособр, кн. 2, гл. 2, стр.

179). Поэтому только из разнообразных переработок своей собственной философии «самые образованные, самые ученые и самые богатые» из христианских греков заимствовали те идеи, которым было дано название гностицизма. Если в позднейший период истории Аммоний Саккас согласовал с некоторыми из этих идей свой Новый Платонизм²⁰, по-видимому, представлявший самое позднее из изменений, на которые указывает Гизо, то это служит еще более ясным указанием на первоначальный источник. — *Издат.*

²⁰) Ариане упрекали партию правоверных за то, что она позаимствовала свою трицу от валентиниан и маркионитов. См. Бособра, *Истор. Манихейства*, кн. 3, гл. 5–7.

²⁹) Non dignum est ex utero credere Deum et Deum Christum... non dignum est ut tanta majestas per sordes et squalores mulieris transire credatur. Гностики указывали на нечистоту материи и брака и были скандализированы грубыми истолкованиями отцов церкви и даже самого Августина. См. Бособра, т. II, стр. 523.

³⁰) Apostolis adhuc in saeculo superstitionibus apud Iudaeam Christi sanguine recente, et phantasma corpus Domini asserebatur. Котелье (*Patres Apostol.* том II, стр. 24) находит, что те, которые отвергают появление докетов во времена апостолов, могли бы с таким же основанием отвергать, что солнце светит в полдень. Эти докеты, составлявшие значительную часть гностиков, назывались так потому, что придавали Христу только кажущееся тело. (Название докетов было дано этим сектантами только в течение второго столетия; оно не обозначало секты в собственном смысле этого слова, а относилось ко всем сектам, которые не признавали материального тела в Иисусе Христе; к этому числу принадлежали валентиниане, василидиане, офиты, маркиониты, против которых Тертуллиан написал свое сочинение *de Carne Christi*, и некоторые другие гностики. Правда, Климент Александрийский (*Stromat.*, кн. 3, гл. 13, стр. 552) упоминает о секте докетов и даже называет некоего Кассиана одним из ее вождей; но все заставляет нас думать, что это не была особая секта. Филастрий (*de Haeres.*, гл. 3) упрекает Сатурнина в том, что он докет. Ириней (*adversus Haereses*, гл. 23) делает такой же упрек Василиду. Епифаний и Филастрий, говорившие подробно о каждой секте в отдельности, не называют секты докетов: епископ Антиохийский Серапион (Евсевий, *Hist. Ecclesiast.*, кн. VI, гл. 12) и Климент Александрийский (*Stromat.*, кн. VII, стр. 900), как кажется, были первые писатели, употребившие это родовое название, и его нет ни в одном из прежних письменных памятников, хотя обозначаемое им заблуждение уже существовало во времена апостолов. См. Вальша, *Истор. Ересей*, т. 1, стр. 233; Тильмон Мем. pour servir a l' *Hist. Ecclesiast.* т. II, стр. 50' Буддеус, *de Eccl. apostol.*, гл. 5, 7. — *Гизо.*)

(Смысл слов Гиббона не тот, что докеты составляли особую секту, а тот, что это название обозначало последователей мнения, общего большинству пятидесяти сект, на которые делился гностицизм. Здесь выясняются раннее происхождение и философский характер этих видоизменений христианства. — *Издат.*)

³¹) Некоторые доказательства того, какое уважение питали христиане к личности и к учению Платона, можно найти у De la Mothe le Vayer, V, 135 и сл., изд. 1775, и у Баснажа в *Hist. des Juifs*, IV, 29, 79 и сл. (Они изучали греческих философов прежде, чем сделаться христианами, и пользовались сочинениями этих философов, когда обращали других в христианство. — *Издат.*)

³²) Doleo bona fide, Platonem omnium hereticorum condimentarium factum: Тертуллиан, *de Anima*, гл. 23. Петавий (*Dogm. Theolog.*, том III proleg. 2) доказывает, что эта жалоба была всеобщей. Бособра (т. 1, кн. 3, гл. 9, 10) находит, что заблуждения

* Неоплатонизм (*Примеч. ред.*).

гностиков исходили из платоновских принципов, а так как в александрийской школе эти принципы смешивались с восточной философией (Бруккер, т. 1, стр. 1356), то мнение Бособра может быть согласовано с мнением, высказанным Мозгеймом в его *Общей Истории Церкви*, ч. 1, стр. 37.

³³⁾ Если епископ антиохийский Феофил (см. Дюпона, *Bibliothèque Ecclesiastique*, том 1, стр. 66) был первый писатель, употребивший слова «Триада», «Троица», то следует полагать, что это увлеченное выражение, уже хорошо знакомое философским школам, было введено в теологию христиан после половины второго столетия.

³⁴⁾ Афанасий, том 1, стр. 808. Его выражения отличаются особенной энергией, а так как он писал монахам, то ничто не заставляло его придавать своим словам оттенок рационализма.

³⁵⁾ Мы могли бы ожидать, что найдем теологическую трицу Платона в том из его сочинений, которое написано с целью изложить мнения древних философов о свойствах богов. Но Цицерон наивно признается, что, хотя он и перевел Тимея, он никогда не мог понять этого таинственного диалога. См. Иеронима *Praef. ad 1. 12, in Isaiam*, том V, стр. 154.

³⁶⁾ Тертуллиан в *Apolog.*, гл. 46. См. в Лексиконе Бэйля слово *Simonide*. Его замечания касательно самонадеянности Тертуллиана и глубокомысленны, и интересны.

³⁷⁾ Лактанций, IV, 8. Однако *Probole* или *Prolatio*, которое было без колебаний заимствовано самыми православными богословами от валентиниан и которое объяснялось сравнениями с источником и потоком, с солнцем и его лучами, и пр., или равно ничего не значило, или же благоприятствовало материальному понятию о божественном рождении. См. Бособра, том 1, кн. 3, гл. 7, стр. 548.

³⁸⁾ Многие из древнейших писателей откровенно признавали, что Сын был обязан своим существованием воле Отца. См. Кларка, *Троица Св. Писания*, стр. 280–287. С другой стороны, Афанасий и его последователи, по-видимому, не расположены допускать то, чего они не смеют отрицать. Богословы выпутываются из этого затруднения, устанавливая различие между волей предшествующей и со-присутствующей. Петав. *Dogm. Nhejlog.*, т. II, кн. 6, гл. 8, стр. 587–603.

³⁹⁾ См. Петав. *Dogm. Theolog.*, т. II, кн. 2, гл. 10, стр. 159.

⁴⁰⁾ *Carmenque Christo quasi Deo dicere secum invicem*. Плин. *Epist.* X, 97. Значение на древних языках слов *Deus Theos, Elohim* рассмотрено критически Ле-Клерком (*Ars Critica*, стр. 150–156), а сочинянин Эмлин с талантом доказывает, что весьма уместно поклоняться творению, обладающему большими совершенствами. (Его *Трактат*, стр. 29–36, 51–145.)

⁴¹⁾ См. Дальше *se Usu Patrum* и Ле-Клерка, *Bibliothèque Universelle*, том X, стр. 409. Огромное сочинение Петавия о Троице (*Dogm. Theolog.*, т. II) было написано с намерением уличить отцов церкви, противившихся Никейскому собору, или по меньшей мере оно имело такие последствия: произведенное им глубокое впечатление не могло быть заглажено ученой защитой епископа Булля.

⁴²⁾ Самые древние догматы излагались так, что предоставляли верующим самый широкий простор. Булля (*Judicium Eccles. Cathol.*) старается помешать Епископию воспользоваться этим замечанием.

⁴³⁾ Ереси Праксея, Савеллия и др. с точностью объяснены Мозгеймом (стр. 425, 680–714). Праксей, прибывший в Рим в конце второго столетия, употреблял в те-

чение некоторого времени во зло простодушие епископа и был опровергнут гневным Тертуллианом.

44) Сократ говорит, что ересь Ария возникла из сильного желания поддерживать мнения, диаметрально противоположные мнениям Савеллия.

45) Елифаний (том I, *Haeres.* 69, 3, стр. 729) описал очень живыми красками наружность и манеры Ария, характер и число его первых последователей; нам остается только пожалеть, что он скоро позабыл, что пишет историю, и вовлекся в полемику.

46) См. Филострогия (кн. 1, гл. 3) и обширный комментарий Гodefруа. Однако авторитету Филострогия много вредит в глазах правоверных его склонность к учению Ария, а в глазах рациональных критиков его страстность, его предрассудки и его невежество.

47) Созомен (кн. 1, гл. 15) говорит, что Александр в начале спора не принимал в нем участия и даже ничего не знал о нем, а Сократ (кн. 1, гл. 5) приписывает начало спора пустой мелочности его богословских умозрений. Докт. Жортен (Примечания к Церковной Истории, ч. 2, стр. 178) с своей обычной нестесняемостью порицал поведение Александра *pros orgen exartetai... homoios phronein ekeleyse* — он зависел от гнева... так, он указывал, как следует мыслить (Перев. ред.).

48) Пламя арианства могло в течение некоторого времени гореть незамеченным, но есть основание полагать, что оно вспыхнуло с особенной силой еще с 319 года. Тильмон, *Mem. Eccles.*, том VI, стр. 774–780.

49) *Quid credidit? Certe, aut tria nomina audiens tres Deos esse credidit, et idololatra effectus est; aut in tribus vocabulis trinominem credens Deum, in Sabellii haeresi incurrit; aut edoctus ab Arianis unum esse verum Deum Patrem, Filium et Spiritum Sanctum credidit creaturas. Aut extra haec quid credere potuerit nescio.* (Иероним *adv. Luciferianos*). — («Во что он верил? Конечно, когда он слышал три имени, он верил, что есть три Бога и таким образом делался язычником; или же, веруя, что те три слова были три имени одного Бога, он впадал в савеллианизм; или же, следуя учению Ария, он верил, что есть только один истинный Бог и Отец, а что Сын и Святый дух — сотворенные существа. Я не знаю, чему другому мог бы он верить»). Иероним прибегает к концу православную систему, как более сложную и более трудную.

50) Так как учение о безусловном творении из ничего мало-помалу утвердилось между христианами (Бособр, том 2, стр. 165–215), то достоинства творца натурально возрастали соразмерно с творением.

51) Метафизика докт. Кларка (Троица Св. Писания, стр. 276–280) могла переаивать вечное произхождение от бесконечной причины.

52) Это нечестивое и нелепое сравнение употреблялось многими из первых отцов Церкви, и в особенности Афинагором в его апологии императору Марку и его сыну; сам Буль ссылается на него без порицаний. См. *Defens. Fid. Nicen.* отд. 3, гл. 5, № 4.

53) См. *Intellectual System Cudworth'a*, стр. 559, 579. Эту опасную гипотезу поддерживали оба Григория — Нисский и Назианзин, Кирилл Александрийский, Иоанн Дамаскин и др. См. *Cudworth'a*, стр. 603. Ле-Клерк, *Bibliothèque Universelle*, том XVIII, стр. 97–105.

54) Августин, по-видимому, завидует свободе философов: «*Liberis verbis loquuntur philosophi... Nos autem non dicimus duo vel tria principia, duos vel tres Deos*». *De Civitat. Dei*, X, 23.

⁵⁵⁾ Бозций, который был очень сведущ в философии Платона и Аристотеля, объясняет единство Троицы безразличием трех лиц. См. основательные замечания Ле-Клерка в *Bibliothèque Choisie*, XVI. стр. 225 и сл.

⁵⁶⁾ Если савеллиане восставали против такого вывода, они вовлекались в другую пропасть, утверждая, что отец родился от девы и что он пострадал на кресте; за это их противники заклеили их названием *Patri-passians*. См. бранные отзывы Тертуллиана о Праксее и умеренные размышления Мозгейма (стр. 423–681) и Босбра (том 1, кн. 3, гл. 6, стр. 533).

⁵⁷⁾ Все, что происходило на Никейском соборе, рассказывается древними писателями не только с пристрастием, но и с чрезвычайной неполнотой. У них нет таких описаний, какие был бы способен нарисовать Фра Паоло, а те грубые очерки, которые были сделаны рукой ханжества и рукой рассудка, можно найти у Тильмона (*Mem. Eccles.*, том V, стр. 669–759) и у Ле-Клерка (*Bibliothèque Universelle*, то X, стр. 435–454). (Всякий, кто строго придерживается исторической истины, не согласится с мнением, что соборы имели столь решающий авторитет. Вот что говорит об этом Неандер в своей *Истории Христианства* (ч. 3, стр. 189, изд. Бона): «Как решительно ни утверждали императоры, что одни епископы имели право разрешать вопросы касательно христианского учения, однако человеческие страсти оказывались более могущественными, чем теоретическая форма. Хотя назначение этих соборов заключалось в том, чтоб служить органами для Божественного Духа и чтоб высказывать его решения, однако всякий раз, как интересы какой-либо теории приобретали симпатии византийского двора, этот двор заранее решал вопрос о том, какую партию следует считать благочестивой и которую нечестивой. Прежде чем собрался Никейский собор, Константин пришел к тому убеждению, что арианское учение заключало в себе богохульство против божественности Христа и что *homoousion* было безусловно необходимо для поддержания достоинства личности Христа. Когда двор преследовал какую-нибудь из борющихся религиозных партий единственно из нерасположения к стоявшему в ее главе лицу, тогда догматический вопрос обращался в средство удовлетворения личной ненависти. На первом соборе в Эфесе управлявшая императорским двором Пулхерия обратила догматический спор в средство для перемещения патриарха Нестория из Константинополя. Императоры не имели надобности прибегать к насилиям против епископов; косвенным образом они могли достаточно влиять на умы тех, кто ставил мирские интересы выше требований истины или кто не был в состоянии заглушить в себе чувство страха. Одно только влияние Константина заставило восточных епископов допустить на Никейском соборе принятие догматической формулы, которая была им противна и от которой они тотчас стали стараться избавиться». Светские интересы, преобладавшие под личиной православия, с своей стороны, приобретали влияние вследствие тайных интриг и инструкций тех честолюбцев духовного звания, которые хотели унижить своих противников. Церковная история требует добросовестных повествователей и непредубежденных исследователей. — *Издат.*)

⁵⁸⁾ Мы обязаны Амвросию (*de Fide*, кн. 3, гл. последн.) знакомством с этим интересным анекдотом. *Hoc verbum posuerunt patres, quod viderunt adversariis esse formidint; ut tanquam evaginato ab ipsis gladio, ipsum nefandae caput heraeeseos amputarent.*

⁵⁹⁾ Буль, *Defens. Fid. Nicen.*, отд. 1, гл. 1, стр. 25–36. Он считает своей обязанностью согласить два православных собора.

60) По словам Аристотеля, звезды были *homoeousion* одна к другой. «Петавий, Курцеллей, Кадворт, Ле-Клерк и др. полагали, что *homoeousios* значит одной субстанции по разряду, а доказывать это было бы то же, что *actum agere*». Это основательное замечание сделано док. Жортемом (ч. 2, стр. 212), который рассматривает вызванный учением Ария спор с знанием дела, добросовестностью и прозорливостью.

61) См. Петавия (*Dogm. Theolog.*, том II кн. 4, гл. 16, стр. 453 и сл.), Кадворта (стр. 559) и Булля (отд. 4, стр. 285 – 290, изд. Граб.) *Perichōrēsis* или (триипостасное Божество) представляет едва ли не самый глубокий и самый темный уголок всей богословской бездны.

62) Третий отдел написанной Буллем защиты Никейского символа веры одни из его противников называют бессмыслицей, а другие ересью; он посвящен вопросу о первенстве Отца.

63) Афанасий и его последователи, обращаясь к арианам, обыкновенно называли их *Ariomanites*.

64) Епифаний, том I, *Haeres.* 72, 4, стр. 837. См. о похождениях Марцелла у Тильемона (*Mem. Eccles.*, том VII, стр. 880–899). На его сочинение в одной книге о единстве Божиим Евсевий отвечал дошедшим до нас сочинением в трех книгах. После продолжительного и тщательного разбора Петавий (том 2, кн. 1, гл. 14, стр. 78) неохотно произнес осуждение Марцелла.

65) Афанасий в своем послании касательно соборов в Селевкии и Римини (том I, стр. 886–905) поместил обширный список арианских догматов, который был дополнен и исправлен усилиями неутомимого Тильемона (*Mem. Eccles.*, том VI, стр. 477).

66) Эразм обрисовал настоящий характер Гилария с удивительной точностью и свободой. А бенедиктинские издатели восстановили текст его сочинений, составили летопись его жизни и постарались оправдать его мнения и поведение.

67) *Absque episcopo Eleusio et paucis cum eo, ex maiore parte Asiae Decem provinciae, inter quas consisto, vere Deum nesciunt. Atque utinam penitus nescirent cum proclivore enim venia ignorarent quam obtrecent.* Гилар. de Synodis, sive de Fide Orientalium, гл. 63, стр. 1186, изд. Бенедикт. Знаменитая «Параллель между атеизмом и суеверием» могла бы уличить епископа города Пуатье в сочувствии философским идеям Бэйля и Плутарха.

68) Гиларий ad Constantium, кн. 1, гл. 4, 5, стр. 1227. Это замечательное место остановило на себе внимание Локка, который вписал его (ч. 3, стр. 470) в свой обзорный сборник новых идей.

69) У Филосторгия (кн. 3, гл. 15) характер и приключения Эция кажутся очень странными, хотя они тщательно смягчены пером приятеля. Издатель Гюдефруа (стр. 153), который чувствовал более сильную привязанность к своим убеждениям, чем к автору, собрал все отвратительные подробности, которые были сохранены или выдуманы его врагами.

70) По мнению одного писателя, уважавшего этих обоих сектантов, Эций был одарен более сильным умом, а у Евномия было больше искусства и знания (Филосторгий, кн. 8, гл. 18). Исповедь и апология Евномия (Фабриций, *Bibliot. Graec.*, том VIII, стр. 258–305) принадлежат к числу немногих еретических произведений, избегнувших уничтожения.

71) Однако, по мнению Эстия и Булля (стр. 297), есть одна способность – способность создавать, которую Бог не может передать созданному существу. Эстий,

так точно определивший пределы всемогущества, был родом голландец, а по занятиям схоластический богослов. Дюпен, *Bibliot. Eccles.*, том XVII, стр. 45.

⁷²⁾ Сабин (ар. *Socrat.*, кн. 2, гл. 39) списал акты этого арианского собора; Афанасий и Гиларий объяснили причины обнаружившихся на нем разномыслий; а прочие подробности касательно этого собора тщательно собраны Баронием и Тильемоном.

⁷³⁾ *Fidei et pia intelligentia... De Synod.*, гл. 77, стр. 1193. В своих кратких оправдательных примечаниях, впервые изданных бенедиктинцами с одного шартрского манускрипта, он замечает, что он употребил это умеренное выражение *qui intelligerem et impiam*, стр. 1206. См. стр. 1146. Филосторгий, смотревший на эти предметы иными глазами, готов позабыть различие, происходящее от многозначительной гласной буквы. См. в особенности VIII, 17 и Годефрау, стр. 352.

⁷⁴⁾ *Testor Deum coeli atque terrae me cum neutrum audissem, semper tamen utrumque sensisse... Regeneratur pridem et in episcopatu aliquantisper manens fidem Nicenam nunquam nisi exsulaturus audiui.* Гилар. de *Synodis*, гл. 91, стр. 1205. Бенедиктинцы убеждены, что он управлял епархией в Пуатье в течение нескольких лет перед своей ссылкой.

⁷⁵⁾ Сенека (*Epist.* 58) жалеет, что даже то он последователей Платона (*ens* у более смелых ученых) не могло быть выражено латинским существительным именем.

⁷⁶⁾ Предпочтение, которое было в конце концов отдано четвертым Латеранским собором численному единству над родовым (см. Петаавия, том II, кн. 4, гл. 13, стр. 424), было поддержано свойствами латинского языка: *trias*, по-видимому, возбуждает мысль о субстанции, а *trinitas* о свойствах.

⁷⁷⁾ *Ingenuit totus orbis, et Arianum se esse miratus est.* Иероним *adv. Lucifer.*, том 1, стр. 145.

⁷⁸⁾ История собора в Римини очень изящно изложена Сульпицием Севером (*Hist. Sacra*, кн. 2, стр. 419–430, изд. *Lugd. Bat.* 1647) и Иеронимом в его диалоге *adv. Lucifer*. Последний из этих писателей старался оправдать образ действий латинских епископов, которые были введены в заблуждение и потом раскаялись.

⁷⁹⁾ Евсевий in *Vit. Constant.*, кн. 2, гл. 64–72. Принципы терпимости и религиозного равнодушия, содержащиеся в этом послании, сильно оскорбляют Барония, Тильемона и др.; эти писатели полагают, что император писал послание под влиянием какого-нибудь дурного советника — или сатаны, или Евсевия. См. Примечания Жортена, том 2, стр. 183.

⁸⁰⁾ Евсевий, in *Vit. Constant.*, кн. 3, гл. 13.

⁸¹⁾ Феодорет сохранил (кн. 1, гл. 20) послание Константина к жителям Никомедии, в котором монарх выступает публичным обвинителем одного из своих подданных; он называет Евсевия *ho tēs tyrannikēs homotētos symmystēs* — сообщником тайнств тиранической жестокости (Перев. ред.) и жалуется на его враждебное поведение во время междоусобной войны.

⁸²⁾ См. у Сократа (кн. 1, гл. 8) или скорей у Феодорета (кн. 1, гл. 12) подлинное письмо Евсевия Кесарийского, в котором он старается оправдать себя в том, что подписался под *Номоусион*’ом. Характер Евсевия всегда был загадкой; но тот, кто прочтет второе критическое письмо Ле-Клерка (*Ars Critica*, том 3, стр. 30–69), получит очень неблагоприятное мнение о православии и искренности епископа Кесарийского.

⁸³⁾ Афанасий, том 1, стр. 727. Филосторгий, кн. 1, гл. 10 и комментарий Годефруа, стр. 41.

⁸⁴⁾ Сократ, кн. 1, гл. 9. В своих окружных посланиях к различным городам Константин употреблял против еретиков оружие насмешки и комической шутливости.

⁸⁵⁾ Мы заимствуем эти подробности от Афанасия (том 1, стр. 670), который не совсем охотно клеймит память умершего. Может быть, он и преувеличивает, но постоянные сношения между Александрией и Константинополем не позволили бы ему прибегать к выдумкам. Тот, кто примет рассказ о смерти Ария в его буквальном смысле (его внутренности вышли вон вместе с его испражнениями), должен будет делать выбор между ядом и чудом.

⁸⁶⁾ Перемену, происшедшую в мнениях или по меньшей мере в образе действий Константина, можно проследить по сочинениям Евсевия (in Vit. Constant., кн. 3, гл. 23, кн. 4, гл. 41), Сократа (кн. 1, гл. 23–39), Созомена (кн. 2, гл. 16–34), Феодорета (кн. 1, 11–34) и Филосторгия (кн. 2, гл. 1–17). Но первый из этих писателей был слишком близко к сцене действия, а другие были слишком далеко от нее. Довольно странно, что продолжение церковной истории было предоставлено двум мирянам и одному еретику.

⁸⁷⁾ Quia etiam tum catechumenus sacramentum fidei merito videretur potuisse nescire. Сульп. Север Hist. Sacra. кн. 2, стр. 410.

⁸⁸⁾ Сократ, кн. 2, гл. 2. Созомен, кн. 3, гл. 18. Афанас., том I, стр. 813, 834. Он замечает, что евнухи – натуральные враги Сына. Сравн. Примечания докт. Жортена к Церковной Истории (ч. 4, стр. 3) с генеалогией в Кандиде (гл. 4), останавливающейся на одном из первых спутников Христофора Колумба.

⁸⁹⁾ Сульпиций Север в Hist. Sacra., кн. 2, стр. 405, 406.

⁹⁰⁾ Кирилл (apud Baron. A. D. 353, № 26) положительно замечает, что в царствование Константина крест был найден в недрах земли, а в царствование Констанция он появился на небесах. Это противоположение, очевидно, доказывает, что Кириллу было неизвестно поразительное чудо, которому приписывают обращение Константина в христианство; а это незнание тем более удивительно, что по прошествии не более двенадцати лет после смерти этого императора Кирилл был посвящен в иерусалимского епископа непосредственным преемником Евсевия Кесарийского. См. Тильмона Mem. Eccles., том VIII, стр. 715.

⁹¹⁾ Нелегко решить, в какой мере изобретательности Кирилла могло содействовать натуральное явление солнечного венца.

⁹²⁾ Филосторгий, кн. 3, гл. 26; его придерживаются автор Александрийской Хроники, Седрен и Никифор. (См. Диссерт. Годефруа, стр. 188.) Они не могли отказаться от чуда даже из рук врага.

⁹³⁾ Это интересное место стоит того, чтобы быть цитированным: «Christianam religionem absolutam et simplicem, anili superstitione confundens; in qua scrutanda perplexius, quam componenda gravius excitaret discidia plurima; quae progressa fusius aluit concertatione verborum, ut catervis antistitum jumentis publicis ultro citroque discurrentibus, per synodos (quas appellant) dum ritum omnem ad suum trahere conantur (Валений читает conatur) rei vehiculariae concideret nervos». Аммиан, XXI, 16. (Причиненное этими разъездами истощение казны (fere aerarium deficeret) считается за одну из причин, внушивших Юлиану нерасположение к христианству. Эггель, De Num. Vet., ч. VIII, стр. 130. – Издат.)

⁹⁴⁾ Афанас., том I, стр. 870.

⁹⁵⁾ Сократ, кн. 2, гл. 35–47. Созомен, кн. 4, гл. 12–30. Феодорет, кн. 2, гл. 18–32. Филосторг., кн. 4, кл. 4–12; кн. 5, гл. 1–4; кн. 6, гл. 1–5.

⁹⁶⁾ Созомен, кн. 4, гл. 23. Афанас. том I, стр. 831. Тилье́мон (Mem. Eccles. том VII, стр. 947) изалек из отрывочных трактатов Кальярийского Люцифера несколько примеров высокомерного фанатизма Констанция. Сами заглавия этих трактатов внушают религиозное равение и ужас: «Moriendum pro Dei Filio». «De Regibus Apostaticis». «De non conveniendo cum Haeretico». «De non parcendo in Deum Delinquentibus».

⁹⁷⁾ Здесь Гиббон относится слишком слегка и иронически к тому развивавшемуся злу, в котором лежали зародыши невежества и бедствий следующих столетий. Предприимчивая иерархия никогда ничего не видела «в интересах своего сословия», кроме «удовлетворения своих страстей». Для первых они требовали власти только как средства приобретать богатства, необходимые для удовлетворения последних. Эта цель всегда была у них перед глазами и тогда, когда они заявляли притязания на святость, и тогда, когда они предавались богословским спорам. Старались ли они застрашивать и совсем подавить интеллигенцию или же интриговали при дворах и льстили монархам, они и тут и там искали лишь обеспечения или увеличения своих доходов. — *Издат.*

⁹⁸⁾ Сульп. Север, Hist. Sacra, кн. 2, стр. 418–430. Греческие историки были мало знакомы с тем, что делалось на западе.

⁹⁹⁾ Можно пожалеть о том, что Григорий Назианзин написал вместо жизнеописания Афанасия его панегирик; но мы можем извлечь самые достоверные и обильные материалы из его посланий и апологий (том I, стр. 670–951). Я не последую примеру Сократа (кн. 2, гл. 1), который выпустил первое издание своей истории, не потрудившись справиться с сочинениями Афанасия. Но даже Сократ и более любознательный Созомен и ученый Феодорет связывают жизнь Афанасия с историей церкви. Стараниями Тилье́мона (том VIII) и бенедиктинских издателей собраны все факты и рассмотрены все затруднения.

¹⁰⁰⁾ Сульпиций Север (Hist. Sacra, кн. 2, стр. 396) называет его законоводителем и юрисконсультom. Этих познаний нельзя теперь найти ни в истории жизни, ни в сочинениях Афанасия.

¹⁰¹⁾ Dicebatur enim fatidicarum sortium fidem, quaeve augurales portenderent alites scientissime callens aliquoties praedixisse futura. Аммиан XV, 7. Созомен рассказывает об одном предсказании или, скорее, об одной шутке (кн. 4, гл. 10), которая очевидно доказывает (если вороны говорят по-латыни), что Афанасий понимал язык ворон.

¹⁰²⁾ На соборах, которые собирались против Афанасия, делались легкие намеки на неправильность его посвящения. См. Филосторгия кн. 2, гл. 11 и Годефрау, стр. 71. Но едва ли можно предполагать, чтоб собрание египетских епископов публично удостоверило явную ложь. Афанас., том I, стр. 726.

¹⁰³⁾ См. Историю Отцов Пустыни, изданную Розвейдом, и жизнеописание Антония, Пахомия и др. у Тилье́мона в Mem. Eccles., том VII. Сам Афанасий, составивший жизнеописание своего друга Антония, действительно упоминает о том, что этот святой монах и оплакивал, и предсказывал вредные последствия арианской ереси. Афанас., том II, стр. 492–498 и сл.

¹⁰⁴⁾ Сначала Константин на словах грозил, а в письмах упрашивал kai agraphōs men θρεῖλει graphōn de, ἔχιον. Его письма принимали мало-помалу угрожающий тон, но в то время как он требовал, чтоб вход в церковь был открыт для всех, он избегал упоминать ненавистное имя Ария. Афанасий, как искусный политик, тща-

тельно указывает на эти оттенки (том 1, стр. 788), доставлявшие ему предлог для извинений и отлагательства.

105) Секта мелетиян в Египте; подобно секте донатистов в Африке, возникла от епископских распрей, вызванных преследованиями. Я не имею времени излагать сущность этого малоизвестного спора, который, как кажется, был представлен в ложном свете пристрастием Афанасия и невежеством Елифания. См. Мозгейма Всеобщую Историю Церкви, ч. 1, стр. 201. Мелетий был епископом Ликополя в Фиваиде в начале четвертого столетия. Даже жестокости Диоклетиановых гонений не могли заглушить его наклонности к полемике, так как во время своего тюремного заключения он вел ожесточенные споры с другими заключенными. Получив свободу, он присовокупил к этой наклонности желание исполнять обязанности александрийского архиепископа Петра, который, спасаясь от угрожавшей ему опасности, скрывался для спасения своей жизни. Он, очевидно, имел в виду сместить и заменить египетского первосвященителя. Каждый из них имел многочисленных приверженцев, и их ожесточенная распря породила раскол, который в течение более ста лет усиливал внутренние раздоры церкви. Неандер (ч. 3, отд. 2, изд. Бона) описал эту ересь, исправив описание Елифания по документам, которые издал Маффей с рукописи, находящейся в капитуле Веронского собора. — *Издат.*

106) Созомен (кн. 2, гл. 25) рассказывает, как было поступлено с шестью епископами, но сам Афанасий, так подробно рассказывающий об Арсени и о сосуде, оставляет это важное обвинение без возражений.

107) Афанас., том 1, стр. 788. Сократ, кн. 1, гл. 28. Созомен, кн. 2, гл. 25. Император в своем послании о созвании собора (Евсев, in Vit. Constant., кн. 4, гл. 42), по-видимому, заранее осуждает некоторых членов духовенства, и было более нежели вероятно, что собор отнесет эти упреки к Афанасию.

108) См. в особенности вторую апологию Афанасия (том I, стр. 763–808) и его Послания к монахам (стр. 808–866). Они подтверждаются подлинными и достоверными документами, но они внушали бы более доверия, если бы он выставял себя менее невинным, а своих противников менее нелепыми.

109) Евсевий in Vit. Constantin., кн. 4, гл. 41–47.

110) Афанас., том I, стр. 804. В церкви, посвященной св. Афанасию, это положение могло бы служить более интересным сюжетом для живописца, чем разные истории о чудесах и мученичествах.

111) Афанас., том I, стр. 729. Евнаний приводит (in Vit. Sophist., стр. 36, 37, изд. Коммелина) странный пример жестокосердия и легковерия, обнаруженных Константином в другом подобном случае. Сирийский философ, красноречивый Сопатр, пользовался его милостивым расположением, но не расположил к себе его преторианского префекта Аблавия. Флот с хлебом был задержан в ожидании южного ветра; константинопольское население пришло в волнение, и Сопатр был обезглавлен вследствие обвинения, что он задержал ветер при помощи магии. Суд присовокупляет, что Константин хотел доказать этой казнью, что он совершенно отказался от суеверия язычников.

112) На возвратном пути он видел Констанция два раза, в Виминиаке и в Кесарии, в Каппадокии (Афанас., том I, стр. 676). Тильемон полагает, что Константин ввел его на совещание трех царственных братьев, происходившее в Паннонии (Memoires Eccles., том VIII, стр. 69).

113) См. Бевериджа Pandect., том I, стр. 429 – 452 и том II; Примечания, стр. 182. Тильемона Mem. Eccles., том VI, стр. 310 – 324. Св. Гиларий, епископ города Пу-

атье, упоминает об этом Антиохийском соборе с излишним сочувствием и уважением. Он полагает, что там было девяносто семь епископов.

114) Этого сановника, столь ненавистного для Афанасия, восхваляет Григорий Назианзин, том I, *Orat.* 21, стр. 390, 391:

Saepe premente Deo fert Deus alter opem. Я всегда радуюсь, когда, к чести человеческой природы, нахожу какие-нибудь хорошие качества в тех людях, которых дух партии выдает за тиранов и чудовищ.

115) *Baluа* (*Observat. ad Calcem.* том II, *Hist. Eccles.*, кн. 1, кгл. 1 – 5) и Тильмон (*Mem. Eccles.*, том VIII, стр. 674 и сл.) тщетно разбирали хронологические затруднения касательно пребывания Афанасия в Риме. Я придерживался несложной гипотезы Валуа, который допускает только одну поездку после захвата власти Григорием. (Клинтон устранил все неясности касательно этого предмета. Афанасий прибыл в Рим в начале мая 341 г. Он пробыл там три года и затем отправился в Милан и в Галлию. Оттуда он сопровождал в 347 году Озия на собор в Сардику и возвратился в Александрию в половине 349 г. (*Fasti Rom.* 1, 403, 411, 415). – *Издат.*)

116) Я не могу отказать себе в удовольствии цитировать следующее основательное замечание Ветштейна (*Prolegomen.* N. T. стр. 19): «*Si tamen Historiam Ecclesiasticam velimus consulere patebit jam inde a seculo quarto, cum, ortis controversiis ecclesiae Graeciae doctores in duas partes scinderentur, ingenio, eloquentia, numero, tantum non aequales, eam partem quae vincere cupiebat Romam confugisse, majestatemque pontificis comiter coluisse, eoque pacto opperssis per pontificem et episcopos Latinos adversariis praevaluisse, atque orthodoxiam in consiliis stabilivisse. Eam ob causam Athanasius, non sine comitatu, Romam petiit, pluresque annos ibi haesit.*»

117) Филосторгий, кн. 3, гл. 12. Если действительно был употреблен в дело подкуп для интересов религии, то защитник Афанасия мог бы оправдать или извинить такой сомнительный образ действий примером Катона и Сиднея; первый из них, как говорят, давал взятки на пользу свободы, а второй получал.

118) Церковное постановление, дозволяющее обращаться с жалобами к римским первосвященникам, почти придало собору в Сардиике значение Вселенского собора; а его акты были по невежеству или с коварным намерением смешаны с актами Никейского собора. См. Тильмона, том VII, стр. 689 и Трактат Геддесса, ч. 2, стр. 419 – 460.

119) Так как Афанасий втайне распространял оскорбительные отзывы о Констанции (см. Послание к монахам) в то самое время, как уверял его в своем глубоком уважении, то мы имеем право не доверять заявлениям архиепископа. Том I, стр. 677.

120) Несмотря на скромное молчание Афанасия и на явную подложность письма, цитируемого Сократом, существование этих угроз доказывается неоспоримым свидетельством Люцифера Кальярийского и даже самого Констанция. См. Тильмона том VII, стр. 693.

121) Я всегда сомневался в том, что Урзаций и Валент отказались от своих мнений (Афанас., том I, стр. 776). Их послания к римскому епископу Юлию и к самому Афанасию так не похожи одно на другое, что не могут быть оба подлинными. Одно написано языком преступников, сознающих в своей вине и в своем позоре, а другое языком противников, ищущих примирения на равных условиях.

122) Подробности его второго взращения могут быть извлечены из сочинений самого Афанасия, том I, стр. 769, 822 – 843. Сократ, кн. 2, гл. 18. Созомен, кн. 3, гл. 19. Феодорет, кн. 2, гл. 11, 12. Филосторгий, кн. 3, гл. 12.

123) Афанасий (том 1, стр. 677, 678) защищает свою невинность трогательными жалобами, торжественными уверениями и благовидными аргументами. Он допускает, что были написаны от его имени подложные письма, но он требует, чтоб его собственный секретарь и секретарь тирана были подвергнуты допросу, писал ли первый из них эти письма и получал ли их последний.

124) Афанас., том I, стр. 825 – 844.

125) Афанас., том I, стр. 861. Феодорет, кн. 2, гл. 16. Император объявил, что желание одолеть Афанасия было в нем более сильно, чем желание победить Магненция или Сильвана.

126) Греческие писатели так неполно и неверно описывают то, что происходило на Миланском соборе, что мы должны радоваться дополнительным сведениям, которые находим в письмах Евсевия, добытых Баронием из церковных архивов в Верчелли, и в старинной биографии Дионисия Миланского, изданной Болландом. См. Барония, 355 г., и Тильемона том VII, стр. 1415.

127) О почестях, подарках и празднествах, соблазнивших стольких епископов, с негодованием упоминают те, которые были слишком честны и слишком горды, чтоб принимать их. «Мы сражаемся – говорит епископ города Пуатье Гиларий, – против антихриста Констанция, который метит в живот вместо того, чтобы бить по задку», – *qui non dorsa caedit, sed ventrem palpat*. Гиларий *contra Constant.*, гл. 5, стр. 1240.

128) Об этой оппозиции слегка упоминает Аммиан (XV, 7), имевший весьма неясные и поверхностные познания в церковной истории. *Liberius... perseveranter renitebatur, nec visum hominem, nec auditum damnare nefas ultimum saepe exclamans; aperte scilicet recalcitrans imperatoris arbitrio. Id enim ille Athanasio semper infestus, etc.*

129) Или, вернее, православной партией собора в Сардики. Если бы епископы обеих партий подавали голоса добросовестно, то на одной стороне было бы девятью четыре голоса, а на другой семьдесят шесть. Тильмон (см. том VIII, стр. 1147 – 1158) основательно удивляется тому, что такое незначительное большинство действовало с такой энергией против своих противников, из которых главный был немедленно им низложен.

130) Сульп. Север, *Hist. Sacra.* кн. 2, стр. 412.

131) О ссылке Либерия упоминает Аммиан, XV, 7. См. Феодорета, кн. 2, гл. 16. Афанас., том 1, стр. 834 – 837. Гиларий, *Fragment* 1.

132) Тильмон собрал все подробности о жизни Озия (том VII, стр. 524 – 561); он в самых вычурных выражениях сначала превозносит епископа Кордовского, а потом порицает его. В жалобах, которые раздавались по поводу падения Озия, можно заметить различие между благоразумием Афанасия и слепым неводержанным усердием Гилария.

133) Западные епископы были сосланы сначала в степи Аравии и Фиваиды, потом в пустынные места Тавра, затем в самые дикие места Фригии, находившиеся под влиянием нечестивых монтанистов и т.д. Когда еретик Даций нашел гостеприимный прием в Мопсуэстии, в Киликии, его место ссылки, по совету Акакия, было заменено Амбладой – округом, который был населен дикарями и опустошен войной и моровой язвой. Филосторг., кн. 5, гл. 2.

134) О жестоком обхождении, которому подвергся Евсевий, и о его странном упорстве можно узнать из его собственных писем, изданных Баронием, 356 г. после Р. X., № 92 – 102.

135) *Caeterum exules satis constat, totius orbis studiis celebratos pecuniasque eis in sumptum affatim congestas legationibus quoque eos plebis Catholicae ex omnibus fere provinciis frequentatos.* Сульп. Север, *Hist. Sacra*, стр. 414, Афанас., том 1, стр. 836 – 840.

136) Для истории этого третьего гонения Афанасия можно найти подробные материалы в его собственных сочинениях. См. в особенности его очень искусную апологию, написанную для Констанция (том 1, стр. 673); его первую апологию о его бегстве (стр. 701); его растянутое послание к пустынноикам (стр. 808) и подлинный протест жителей Александрии против насилий, совершенных Сирианом (стр. 866). Созомен (кн. 4, гл. 9) внес в свой рассказ две или три бросающие ясный свет и важные подробности.

137) Афанасий незадолго перед тем вызывал к себе Антония и некоторых избранных монахов из его монастыря. Они сошли со своей горы, возвестили александрийцам о святости Афанасия и были с почетом провождены архиепископом до городских ворот. Афанасий, том 2, стр. 491, 492. См. также Руфина III, 164, in *Vit. Pat.*, стр. 524.

138) Афанас., том 1, стр. 694. Сквозь гнев императора или его арианских секретарей проглядывают страх и уважение, которые внушал Афанасий.

139) Эти мелкие подробности особенно интересны потому, что они слово в слово выписаны из протеста, публично заявленного через три дня после происшествия с александрийскими католиками. См. Афанас., том 1, стр. 867.

140) Янсенисты нередко сравнивали Афанасия с Арнольдом и с удовольствием описывали верования и усердие, достоинства и изгнание этих знаменитых духовных наставников. Аббат де-ла Блетери очень искусно проводит эту параллель. *Vie de Jovien*, том 1, стр. 130.

141) *Hinc jam toto orbe profugus Athanasius, nec ullus ei tutus ad latendum supererat locus. Tribuni, praefecti, comites, exercitus quoque, ad pervestigandum eum moventur edictis imperialibus; praemia delatoribus proponuntur, si quis eum vivum, si id minus, caput certe Athanasii detulisset.* Руфин, кн. 1, гл. 16.

142) Григорий Назианзин, том 1, *Orat.* 21, стр. 384, 385. См. Тильемона, *Mem. Eccles.*, том VII, стр. 176 – 410, 820 – 880.

143) Руфин, кн. 1, гл. 18. Созомен, кн. 4, гл. 10. Эта история и следующая казались бы неправдоподобными, если бы мы допустили, что Афанасий постоянно жил в том убежище, которым он пользовался случайно или только по временам.

Et nulla tormentorum vis inveneri adhuc potuit; quae obdurato illius tractus iatroni invito elicere potuit, ut nomen proprium dicat. Аммиан XXII, 16 и Валуа ad locum.

144) Первый писатель, сообщивший этот анекдот, Палладий (*Hist. Lausiaca*, гл. 136, in *Vit. Patrum*, стр. 776) беседовал с этой девицей, и она в старости еще с удовольствием вспоминала об этом благочестивом и делающем ей честь сближении. Я не могу сочувствовать деликатности Барония, Валуа, Тильемона и др., которые отвергают этот анекдот, как недостойный фигурировать в серьезной истории церкви.

145) Афанасий, том 1, стр. 869. Я разделяю мнение Тильемона (том VIII, стр. 1197), что из его слов можно заключить о его личном, хотя, быть может, и секретном посещении соборов.

146) Послание Афанасия к монахам наполнено такими упреками, основательность которых бросается в глаза (ч. 1, стр. 834 – 856), а для того, чтобы доставить удовольствие своим читателям, он употребляет сравнения с Фараоном, Ахабом, Бельшаззаром и др. Смелость Гилария не подвергала его такой же опасности, если правда, что он издавал свои наполненные бранью сочинения в Галлии после вос-

стания Юлиана; но Люцифер посылал свои сатиры к Констанцию и как будто до-бывался почестей мученичества. См. Тильемона, том VII, стр. 905.

¹⁴⁷⁾ Афанасий (том I, стр. 811) вообще порицает такое обыкновение и впоследствии (стр. 861) указывает, как на подобный пример, на мнимое избрание Феликса: три евнуха представляли собою римский народ, а три прелата, следовавшие за императорским двором, приняли на себя звание епископов соседних провинций.

¹⁴⁸⁾ Thomassin (*Discipline de l'Eglise*, том I, кн. 2, гл. 72, 73 стр. 966 – 984) собрал много интересных подробностей касательно происхождения и развития церковного пения как на востоке, так и на западе.

¹⁴⁹⁾ Филосторгий, кн. 3, гл. 13. Годефруа исследовал этот предмет с замечательной точностью (стр. 147 и сл.). Существовали три еретические формулы: «Отцу через Сына и в Святом Духе», «Отцу и Сыну в Святом Духе», «Отцу в Сыне и Святом Духе».

¹⁵⁰⁾ После изгнания Евстафия, в царствование Константина, самая непреклонная партия между православными отделилась от других и впоследствии перешла в раскол, продолжавшийся более восьмидесяти лет. См. Тильемона, *Mem. Eccles.*, том VII, стр. 35 – 54, 1137 – 1158; том VIII, стр. 537 – 632, 1314 – 1332. Во многих церквах ариане и приверженцы Homoousion'a, отказавшиеся от взаимного между собою общения, не переставали в течение некоторого времени соединяться в своих молитвах. Филосторгий, кн. 3, гл. 14.

¹⁵¹⁾ Касательно этих церковных переворотов в Риме см. Аммиана, XV, 7; Афанасия, том I, стр. 834 – 861; Созомена, кн. 4, гл. 15; Феодорета, кн. 2, гл. 17; Сульп. Севера, *Hist. Sacra.*, кн. 2, стр. 413; Иеронима *Chron.*, Марцеллина и Фаустина, *Libell.*, стр. 3, 4; Тильемона, *Mem. Eccles.*, том VI, стр. 336. (Неандер сообщает некоторые дальнейшие подробности, которые хотя и опущены Гиббоном, но очень верно обрисовывают дух того времени и мотивы, руководившие действиями духовенства. Для того, чтобы снова вступить в управление своей епархией, Либериус подписал в 358 году символ веры, составленный в Сирмиуме арианскими прелатами. Но тем временем один пресвитер, по имени Евсевий, созвал в Риме конгрегацию, которая собралась в частном доме и отказалась от всякого общения с теми, кто пользовался расположением двора. По возвращении Либериус эти последователи Евсевия отказались признать его за епископа по причине его отречения от прежних верований и продолжали собираться отдельно, пока они не были уничтожены силой и пока их руководитель не был посажен под арест в одной комнате в своем собственном доме. Затем наступили двадцать лет борьбы и кровопролитий, отличавшиеся трагическими сценами, которые описаны Гиббоном в двадцать пятой главе. Чтоб положить конец этой борьбе, Грациан нашелся вынужденным издать особый декрет, когда надменный и тщеславный Дамаз сделался спокойным обладателем богатой добычи, из-за которой он пожертвовал и своим личным достоинством, и спокойствием Рима, и жизнью нескольких сот отчаянных фанатиков. «В этом расколе, – говорит Неандер, – мы усматриваем развращающее влияние мирских благ и богатства на римскую церковь и то, каким образом духовные интересы смешивались с мирскими. Мы видим, как уже сильны были там внушения мирских страстей». Но ни триумф Дамаза, ни ссылка его соперника, ни декрет Грациана не могли тотчас восстановить спокойствия; раздоры все еще продолжались, и в происходившие волнения вмешались другие епископы. *Ист. Христианства*, ч. 3, стр. 313 – 315. – *Издат.*)

¹⁵²⁾ Евсевий Никомедийский заменил Александра; он умер в 342 г., после чего спор возник между Павлом и Македонием. Павел был убит в 352 г. *Clin. F. R. I.*, 397, 407, 423. – *Издат.*

153) Кукуз был последним местом его жизни и его страданий. Положение этого уединенного города на границах Каппадокии, Киликии и Малой Армении вызвало некоторые географические затруднения; но его настоящее место указывается нам римской большой дорогой из Кесарии в Аназарб. См. Целлария Географ., том 2, стр. 213. Весселинг, ad Itinerar., стр. 179 – 703.

154) Афанасий (том I, стр. 703, 813, 814) утверждает в самых ясных выражениях, что Павел был умерщвлен, и ссылается не только на общераспространенный слух, но и на неопровержимое свидетельство Филагрия, одного из арианских гонителей. Однако он сознает, что еретики приписывали смерть константинопольского епископа болезни. Сократ рабски повторяет то, что говорит Афанасий (кн. 2, гл. 26), но Созомен, обнаруживающий более самостоятельности, осмеливается (кн. 4, гл. 2) слегка выражать некоторые сомнения.

155) Аммиан (XIV, 10) ссылается на свой собственный рассказ об этом трагическом происшествии. Но до нас не дошла эта часть его истории. (Мятеж, во время которого погиб Гермоген, отнесен Сократом, по тщательном исследовании (II, 12, 13), к 342 году. На основании различных авторитетов Клинтон доказал (F. R. I, 423), что окончательное изгнание и умерщвление Павла по приказанию Филиппа произошли в 352 г. Между двумя событиями, рассказанными Гиббоном, прошли десять лет борьбы. – *Издат.*)

156) См. Сократа, кн. 2, гл. 6, 7, 12, 13, 15, 16, 26, 27, 38, и Созомена, кн. 3, гл. 3, 4, 7, 9; кн. 4, гл. 2, 21. Деяния св. Павла Константинопольского, из которых Фотий сделал извлечение (Фот., Biblioth., стр. 1419 – 1430), представляют плохую копию с сочинений эти историков, но новейший греческий писатель, умевший рассказывать жизнь святых без примеси басен и чудес, заслуживает некоторой похвалы. (Религия профанируется от одной мысли, что она может заключать в себе такие принципы или внушать такие чувства, которые заставляют совершать такие жестокости. Вина лежит на тех, кто дает название религии тому, что служит лишь орудием для их честолюбия. Деяния, о которых идет речь на последних страницах этой истории, никогда не запятнали бы человеческую натуру, если бы не было иерархических наград, которые возбуждали корыстолюбие и соперничество в претендентах и заставляли их покупать содействие продажных партий. Следует также заметить, что это пагубное влияние, постоянно усиливаясь, порождало раздражение в обессиленном уме и пароксизмы страсти, которые были непосредственными причинами и предвозвестниками социального разложения. – *Издат.*)

157) Сократ, кн. 2, гл. 27, 38. Созомен, кн. 4, гл. 21. Главными помощниками Македония в деле гонений были епископы Никомедии и Сизика, пользовавшиеся уважением за свои добродетели и в особенности за свою благотворительность. Я не могу воздержаться от того, чтоб не напомнить читателю, что различие между словами Homoousion и Homoiousion было почти неуловимо для самого проницательного богословского глаза.

158) Нам неизвестно в точности положение Мантиниума. Говоря об этих четырех отрядах легионных солдат, Сократ, Созомен и автор Деяний св. Павла употребляют неопределенные выражения *arithmoi*, *phalagges*, *tagmata* (буквально: числа, фаланги, отряды. – *Перев. ред.*), которые Никифор очень основательно переводит словом «тысячи». Валуа ad Socrat. кн. 2, гл. 38.

159) Юлиан, Послан. 52, стр. 436, изд. Шпангейма.

160) См. Optatus Milevitanus (в особенности III, 4) и "Историю донатистов" Дюпена вместе с подлинными документами, помещенными в конце его издания. Упоминаемые Августином многочисленные подробности касательно того, с какой яростью

циркумцеллионы действовали и против других и друг против друга, тщательно соображены Тильеомом (Mém. Eccles., том VI, стр. 147 – 165); он также нередко, хотя и без намерения, описывает оскорбления, возбуждавшие ярость этих фанатиков. (По словам Неандера (Истор. Христианства, ч. 3, стр. 272), который ссылается на Августина (Enarrat. in 4, 132, s.6), «ясно, что этих людей называли циркумцеллионами лишь их противники, а сами они называли себя агностиками». Эти когда-то столь пылкие раскольники давно уже исчезли и теперь почти забыты; о них стоит упомянуть только потому, что в них как в зеркале может видеть свое собственное изображение фанатизм всякого рода и может прочесть свою судьбу всякая бессмыслица, из-за которой люди рвут в куски и самих себя, и других. – *Издат.*)

161) Интересно сравнить способ выражения противоположных партий, когда идет речь об одном и том же человеке и предмете. Карфагенский епископ Грат так начинает хвалу православному собору: «Gratias Deo omnipotenti et Christo Iesu... qui imperavit religiosissimo Constanti imperatori, ut votum generet unitatis, et mitteret ministros sancti operis famulos Dei Paulum et Macarium». (Благодарение Всемогущему Богу и Иисусу Христу, которые повелели благочестивейшему императору Константу издать эдикт о единении и послать служителей Божиих Павла и Макария в качестве исполнителей этого святого дела.) Monument Vet. ad Calcem Orati стр. 313: «Ecce subito (говорит донатист, описывающий страдания Маркулла) de Constantis regis tyrannica domo... pollutum Macarianae persecutionis murmur increpuit, et duabus bestiis ad Africam missis, eodem scilicet Macario et Paulo execrandum prorsus ac dirum ecclesiae certamen indictum est; ut populus Christianus ad unionem cum traditoribus faciendam, nudatis militum gladiis et draconum praesentibus signis, et tubarum vocibus cogeretur». (Тогда внезапно распространился из тиранического дворца Константа слух о проклятом Макариевом гонении и две бестии – Макарий и Павел были посланы в Африку для того, чтобы вести безжалостную и отвратительную войну с церковью и чтоб заставить последователей Христа соединиться с изменниками при помощи обнаженных солдатских мечей, их знамен с изображениями дракона и звука их труб.) Monument. стр. 304.

162) Histoire des Camisards, в трех томах, 12-то. Виллефранш, 1760, может быть рекомендована за свою точность и беспристрастие. Но довольно трудно догадаться, какой религии был автор.

163) В оправдание своих самоубийств донатисты ссылались на пример Разия, о котором рассказывает четырнадцатая глава второй книги Маккавеев.

164) Nullas infestas hominibus bestias, ut sunt sibi ferales plerique Christianorum, expertus. Аммиан, XII, 5.

165) Григор. Назианзин. Orat. 1, стр. 33. Тильеом, том VI, стр. 501, изд. in-4°.

166) Здесь необходимо повторить уже заявленный ранее протест против идеи об этом «духе религиозной нетерпимости, почерпнутом из чистых и простых принципов Евангелия»; он был анушен единственным себялюбивым корыстолюбием тех ложных наставников, которые пренебрегали этими принципами, ложно истолковывали и извращали их. – *Издат.*

167) Histoire Politique et Philosophique des Etablissements des Europeens dans les deux Indes, том 1, стр. 9.

168) По словам Евсевия (in Vit. Constantin., кн. 2, гл. 45), император запретил и в городах, и в селениях отвратительные обычаи идолопоклонников, ta mysara... tes eidoloiastrias. Сократ (кн. 1, гл. 17) и Созомен (кн. 2, гл. 4, 5) описывали поведение Константина с надлежащим уважением к истине и к истории, которого не было ни у Феодорета (кн. 5, гл. 21), ни у Орозия (VII, 28). Tum deinde (говорит этот послед-

ний) *primus Constantinus justo ordine et pio vicem vertit edicto: siquidem statuit citra ulla hominum caedem, Paganorum templa claudi.*

¹⁶⁹ См. Евсевия in *Vit. Constant.*, кн. 2, гл. 56 – 60. В речи, которую император произнес в собрании св. отцов церкви в то время, как и его лета, и его благочестие достигли зрелости, он объявляет язычникам (гл. 12), что им дозволяется совершать их жертвоприношения и исполнять все обряды их богослужения.

¹⁷⁰ См. Евсевия in *Vit. Constantin.*, кн. 3, гл. 54–58 и кн. 4, гл. 23–25. Эти акты верховной власти можно сравнить с уничтожением Вакханалий и с разрушением храма Исиды по распоряжению должностных лиц языческого Рима.

¹⁷¹ Евсевий (in *Vit. Constant.*, кн. 3, гл. 54) и Либаний (*Orat. pro Templis*, стр. 9, 10, из Годефруа) оба упоминают о благочестивом святотатстве Константина, на которое они смотрели с совершенно различных точек зрения. Последний из этих писателей положительно утверждает, что «он пользовался священными денежными суммами, но не делал перемен в установленных обрядах богослужения; храмы действительно обеднели, но в них по-прежнему совершались священные обряды». Ларднер, Иудейские и языческие свидетельства, ч. 4, стр. 140.

¹⁷² Аммиан (XXII, 4) говорит о некоторых придворных евнухах, которые были *Spolis templorum pasti*. Либаний говорит (*Orat. pro Templ.*, стр. 23), что император часто дарил храмы, как дарят собаку, лошадь, раба или золотую чашу; но благочестивый философ дает себе труд заметить по этому поводу, что эти обогащавшиеся святотатством любимцы очень редко бывали счастливы.

¹⁷³ См. Годефруа, Код. Феодос., том VI, стр. 262, Либан. *Orat. Parental.*, гл. 10, in *Fabric. Bibl. Graec.*, том VII, стр. 235.

¹⁷⁴ *Placuit omnibus locis atque urbibus universis claudi protinus templa, et accessu vetitis omnibus licentiam delinquendi perditis abnegari. Volumus etiam cunctos a sacrificiis abstinere. Quod si quis aliquid forte huiusmodi perpetraverit, gladio sternatur: facultates etiam perempti fisco decernimus vindicari et similiter adfligi rectores provinciarum si facinora vindicare neglexerint.* Код. Феодос., кн. 16, тит. 10, зак. 4. Была найдена хронологическая несообразность в числе, которым помечен этот нелепый закон, — может быть, единственный в том отношении, что угрожал смертной казнью и конфискацией за небрежность должностных лиц. Де-ла Басти (*Mem. de l'Academie*, том XV, стр. 98) предполагает, по-видимому не без некоторого основания, что это был не более как проект закона, как заголовок предполагаемого законоположения, отысканный в *Scriniis Memoriae*, то есть в бумагах Констанция, и впоследствии внесенный в Кодекс Феодосия в качестве достойного подражания образца.

¹⁷⁵ Симмах, Послан. X, 54.

¹⁷⁶ Четвертая Диссертация де-ла Басти *sur le Souverain Pontificat des Empereurs Romains* (в *Mem. de l'Acad.*, XV, стр. 75–144) очень ученое и умное сочинение, объясняющее положение язычества от Константина до Грациана и доказывающее, что в течение этого периода времени оно пользовалось терпимостью. Утверждение Зосима, что Грациан был первый император, отказавшийся от первосвященнического одеяния, доказано так, что на этот счет уже не может быть сомнений, и ропот ханжей должен был почти совершенно умолкнуть.

¹⁷⁷ Так как я не стесняюсь употреблять слова *Pagans* (язычники) и *Paganism* (язычество), не объяснив предварительно их значения, то я считаю нужным указать, какие странные перемены происходили в значении этих знаменитых слов. 1. *Pagē* на дорическом диалекте, столь близко знакомом италийцам, означает источник, а соседние поселения, обыкновенно пользовавшиеся этим источником, получили общее название *Pagus* и *Pagans*. (Фест *sub voce* Сервий *ad Virgil. Georgic. II, 382.*) 2.

Путем нетрудного расширения смысла этого слова *Pagan* и сельский житель сделались почти синонимами (Плиний, *Hist. Natur.*, XXVIII, 5), и низший класс поселян получил это название, извратившееся на новейших европейских языках в слово *peasants*, крестьяне. 3. Необычное разномножение военного сословия создало необходимость в соотносительном термине (Юма *Essays*, ч. 1, стр. 555), и все жители, не завербованные в службу к государю, были заклеены презрительным эпитетом *Pagans*, язычников. (Тацит, *Ист.*, III, 24, 43, 77. Ювенал, *Сатира* 16. Тертуллиан de *Pallio*, гл. 4.) 4. Христиане были Христовы воины; их противники, отвергавшие таинство или воинскую присягу крещения, могли заслужить метафорическое прозвище *Pagans*, язычников; а это популярное выражение упрека было внесено с царствования Валентиниана (365 г. по Р. Х.) в императорские законы (Код. Феодос., кн. 16, тит. 2, зак. 18) и в богословские сочинения. 5. Христиане размножились в городах, а старая религия во времена Пруденция (*advers. Symmachum*, кн. 1, ad fin.) и Орозия (*in Praefat. Hist.*) удалась в незначительные деревушки и там увядала, и слово *Pagans* в своем новом значении возвратилось к своему первоначальному корню. 6. С тех пор как прекратилось поклонение Юпитеру и окружавшему его сонму богов, вакантный титул язычников поочередно давался всем идолопоклонникам и политеистам и Старого и Нового Света. 7. Латинские христиане давали его без колебаний своим смертельным врагам мусульманам, и таким образом самые чистые унитарии были заклеены незаслуженным упреком в идолопоклонстве и язычестве. См. Жерара Воссия, *Etymologicon Linguae Latinae* в Полном собрании его сочинений, том I, стр. 420, Комментарий Годефруа к Кодексу Феодосия, том VI, стр. 250 и Дюканжа, *Mediae et infimae Latinitat. Glossar.* (В первые эпохи римского управления сельские и городские трибы разделялись на *pagi* и *vici*. (Лекции Нибура, ч. 1, стр. 174). Кроме того, слово *pagus*, на которое указывает Гиббон, послужило корнем для многих других слов, которые были извращены дурным средневековым латинским языком и французской полировкой и оттого дошли до нас с таким значением, которое весьма далеко от их коренного смысла. *Pagius* был сначала поселянином, потом сельским работником, потом слугою разного рода и наконец превратился в состоящего при свите пажа. *Pagina*, сначала обозначавшая огороженное квадратное пространство обработанной земли, находящейся подле деревни, мало-помалу перешло в название *page* (страницы) книги. *Pagare*, обозначавшее полевые работы, которые отправлялись в виде уплаты тому, кто доставлял пищу и одежду, было применено ко всем формам, в которых производилась уплата за то, что получено. См. Дюканжа ad *Voc.* Гиббон вполне основательно делает из этимологии орудие для изучения истории. — *Издат.*)

178) На чистом ионийском и афинском языке слова *eidōlon* и *latreia* были древни и общеупотребительны. Первое обозначало сходство, явления (Гомер. *Одиссея*, II, 601), представление, изображение, созданное фантазией или искусством. Последнее обозначало всякого рода службу или рабство. Египетские иудеи, которые перевели еврейские книги Св. Писания, ограничили употребление этих слов (Кн. *Исх.* XX, 4, 5) религиозным поклонением какому-нибудь изображению. Особый язык эллинистов или греческих иудеев был принят священными или церковными писателями, а упрек в идолопоклонстве (*eidōlolatrea*) заклеил тот материальный и грубый вид суеверия, который некоторые из христианских сект не должны бы были торопиться приписывать политеистам Греции и Рима. (Латинское слово *Imago*, образовавшееся из глагола *imitari*, служит корнем для слова *imagination*, которое творит из запасов памяти уместные *images* всякого рода. Стало быть, это была самая деятельная и самая могущественная из наших способностей, оставлявшая слишком мало места своему старшему — разуму. — *Издат.*)

ГЛАВА XXII

Галльские легионы провозглашают Юлиана императором. - Его поход и успехи. -

Смерть Констанция. -

Гражданское управление Юлиана

В то время как римляне томилась под позорной тиранией свнухов и епископов, похвалы Юлиану с восторгом повторялись во всех частях империи, только не во дворце Констанция. Германские варвары, испытывавшие на себе военные дарования юного цезаря, боялись его; его солдаты разделяли с ним славу его побед; признательные провинции наслаждались благодеяниями его царствования; но фавориты, противившиеся его возвышению, были недовольны его доблестями и не без основания полагали, что друг народа должен считаться врагом императорского двора. Пока слава Юлиана еще не упрочилась, дворцовые буфоны, искусно владевшие языком сатиры, испробовали пригодность этого искусства, так часто употреблявшегося ими с успехом. Они без большого труда открыли, что простота Юлиана не была лишена некоторой аффектации, и стали называть этого война-философа оскорбительными прозвищами косматого дикаря и обезьяны, одевшейся в пурпуровую мантию, а его скромные депеши они клеймили названием пустых и натянутых выдумок болтливового грека и философствующего солдата, изучавшего военное искусство в рощах Академии¹⁾. Но голос злобы и безрассудства наконец должен был умолкнуть пред победными возгласами; того, кто одолел франков и алеманнов, уже нельзя было выдавать за человека, достойного одного презрения, и сам монарх оказался настолько низким в своем честолюбии, что постарался обманчивым образом лишить своего заместителя почетной награды за его заслуги. В украшенных лаврами письмах, с которыми император по старому обычаю обращался к провинциям, имя Юлиана было опущено. Они извещали, что Константин лично распоряжался приготовлениями к бою и выказал свою храбрость в самых передних рядах армии, что его воинские дарования обеспечили победу и что взятый в плен король варваров был представлен ему на поле сражения, от которого Константин

находился в это время на расстоянии почти сорока дней пути²⁾.

Однако эта нелепая выдумка не могла ни ввести в заблуждение публику, ни удовлетворить тщеславия самого императора. Так как Констанций вполне сознавал, что одобрение и расположение римлян были на стороне Юлиана, то его недовольный ум был подготовлен к тому, чтоб впитывать тонкий яд от тех коварных наущников, которые прикрывали свои пагубные замыслы под благовидной личиной правдолюбия и чистосердечия³⁾. Вместо того чтоб умалять достоинства Юлиана, они стали признавать и даже преувеличивать его популярность, необыкновенные дарования и важные заслуги. Но вместе с этим они слегка намекали на то, что доблести цезаря могут мгновенно превратиться в самые опасные преступления, если непостоянная толпа предпочтет свою сердечную привязанность своему долгу или если начальник победоносной армии, забывши о своей присяге, увлечется желанием отомстить за себя и сделаться независимым.

Советники Констанция выдавали его личные опасения за похвальную заботливость об общественной безопасности, а в интимных беседах и, может быть, в своей собственной душе он прикрывал менее отвратительным названием страха те чувства ненависти и зависти, которые он втайне питал к недостижимым для него доблестям Юлиана.

Кажущееся спокойствие Галлии и неминуемая опасность, грозившая восточным провинциям, послужили благовидным предлогом для исполнения тех планов, которые были искусно задуманы императорскими министрами. Они решились обезоружить цезаря, отозвать преданные войска, охранявшие его особу и его достоинство, и употребить для войны с персидским монархом тех храбрых ветеранов, которые одолели на берегах Рейна самые свирепые германские племена. В то время как Юлиан, зимовавший в Париже, проводил свое время в административных трудах, которые в его руках были делами добродетели, он был удивлен торопливым приездом одного трибуна и одного нотариуса с положительными предписаниями императора, которые им велено было привести в исполнение и которым Юлиан должен был не противиться. Констанций приказывал, чтоб четыре полных легиона - кельты, петуланы, герулы и батавы покинули знамена Юлиана, под которыми они приобрели и свою славу, и свою дисциплину, чтоб в каждом из остальных легионов было выбрано по триста самых молодых и самых храбрых сол-

дат и чтоб весь этот многочисленный отряд, составлявший главную силу галльской армии, немедленно выступил в поход и употребил всевозможные усилия, чтоб прибыть на границы Персии до открытия кампании⁴⁾. Цезарь предвидел последствия этого пагубного приказа и скорбел о них. Вспомогательные войска состояли большею частью из людей, добровольно поступивших на службу с тем условием, что их никогда не поведут за Альпы. Честь Рима и личная совесть Юлиана были ручательством того, что это условие не будет нарушено. В этом случае обман и насилие уничтожили бы доверие и возбудили бы мстительность в независимых германских воинах, считавших добросовестность за самую главную из своих добродетелей, а свободу за самое ценное из своих сокровищ. Легионные солдаты, пользовавшиеся названием и привилегиями римлян, поступили в военную службу вообще для защиты республики, но эти наемные войска относились к устарелым названиям республики и Рима с холодным равнодушием. Будучи привязаны и по рождению, и по долгой привычке к климату и нравам Галлии, они любили и уважали Юлиана; они презирали и, может быть, ненавидели императора; они боялись и трудностей похода, и персидских стрел, и жгучих азиатских степей. Они считали своим вторым отечеством страну, которую они спасли, и оправдывали свой недостаток усердия священной и более непосредственной обязанностью охранять свои семейства и своих друзей. Опасения самих жителей Галлии были основаны на сознании немедленной и неизбежной опасности; они утверждали, что, лишь только их провинция лишится своих военных сил, германцы нарушат договор, на который они были вынуждены страхом, и что, несмотря на дарования и мужество Юлиана, начальник армии, существующей лишь по имени, будет признан виновным во всех общественных бедствиях и после тщетного сопротивления очутится или пленником в лагере варваров, или преступником во дворце Констанция. Если бы Юлиан исполнил полученные им приказания, он обрек бы на неизбежную гибель и самого себя, и ту нацию, которая имела права на его привязанность. Но положительный отказ был бы мятежом и объявлением войны. Неумолимая зависть императора и не допускавший никаких возражений и даже лукавый тон его приказаний не оставляли никакого места ни для чистосердечных оправданий, ни для каких-либо объяснений, а заискиваемое положение цезаря не позволяло ему ни медлить, ни колебаться. Одиночество

усиливало замешательство Юлиана; он уже не мог обращаться за советами к преданному Саллюстию, который был удален от своей должности расчетливою злобой евнухов; он даже не мог подкрепить свои возражения одобрением министров, которые не осмелились бы или постыдились бы подписывать гибель Галлии. Нарочно была выбрана такая минута, когда начальник кавалерии Лупиций⁵⁾ был командирован в Британию для отражения скоттов и пиктов, а Флоренций был занят в Виенне раскладкой податей. Этот последний, принадлежавший к разряду хитрых и нечестных государственных людей, старался отклонить от себя всякую ответственность в этом опасном деле и не обращал внимания на настоятельные и неоднократные приглашения Юлиана, который объяснял ему, что, когда идет речь о важных правительственных мерах, присутствие префекта необходимо на совещаниях, происходящих у государя. Между тем императорские уполномоченные обращались к цезарю с грубыми и докучливыми требованиями и позволяли себе намекать ему на то, что, если он будет дожидаться возвращения своих министров, вина в промедлении падет на него, а министрам будет принадлежать заслуга исполнения императорских приказаний. Не будучи в состоянии сопротивляться, а вместе с тем не желая подчиняться, Юлиан очень серьезно высказывал желание - даже намерение отказаться от власти, которую он не мог удерживать с честью, но от которой он и не мог отказаться, не подвергая себя опасности.

После тяжелой внутренней борьбы Юлиан был вынужден сознаться, что повиновение есть первый долг самого высокопоставленного из подданных и что один только монарх имеет право решать, что необходимо для общественного блага. Он дал необходимые приказания для исполнения требований Констанция; часть войск выступила в поход в направлении к Альпам, а отряды от различных гарнизонов направились к назначенным сборным пунктам. Они с трудом прокладывали себе дорогу сквозь толпы дрожавших от страха провинциальных жителей, старавшихся возбудить в них сострадание своим безмолвным отчаянием или своими громкими воплями; а жены солдат, держа на руках своих детей, укоряли своих мужей за то, что они остаются покинутыми, и выражали свои упреки то с скорбью, то с нежностью, то с негодованием. Эти сцены всеобщего отчаяния огорчали человеколюбивого цезаря; он дал достаточное число почтовых экипажей для перевозки солдатских жен и детей⁶⁾, постарался облегчить

страдания, которых он был невольным виновником, и при помощи самых похвальных политических хитростей увеличил свою собственную популярность и усилил неудовольствие отправляемых в ссылку войск. Скорбь вооруженной массы людей легко превращается в ярость; их вольнодумный ропот, переходивший из одной палатки в другую, становился все более и более смелым и сильным, подготавливая умы к самым отважным мятежным поступкам, а распространенный между ними с тайного одобрения их трибунов пасквиль описывал яркими красками опалу цезаря, угнетение галльской армии и низкие пороки азиатского тирана. Служители Констанция были удивлены и встревожены быстрым распространением таких слухов. Они настаивали, чтобы цезарь ускорил отправку войск, но они неблагоразумно отвергли добросовестный и основательный совет Юлиана, предлагавшего не проводить войска через Париж и намекавшего, что было бы опасно подвергать их соблазнам последнего свидания с их бывшим главнокомандующим.

Лишь только известили цезаря о приближении войск, он вышел к ним навстречу и взошел на трибунал, который был воздвигнут в равнине перед городскими воротами. Оказав отличие тем офицерам и солдатам, которые по своему рангу или по своим заслугам были достойны особого внимания, Юлиан обратился к окружающим его войскам с заранее приготовленной речью; он с признательностью восхвалял их военные подвиги. Убеждал их считать за особую честь службу на глазах у могущественного и великодушного монарха и предупреждал их, что приказания августа должны исполняться немедленно и охотно. Солдаты, из опасения оскорбить своего генерала неуместными возгласами и из нежелания прикрывать свои настоящие чувства притворными выражениями удовольствия, упорно хранили молчание и после непродолжительного общего безмолвия разошлись по своим квартирам. Цезарь пригласил к себе на пир высших офицеров и в самых горячих дружеских выражениях уверял их в своем желании и в своей способности наградить своих товарищей в стольких победах соразмерно с их заслугами. Они удалились с празднества с скорбью и тревогой в душе и горевали о своей несчастной судьбе, отрывавшей их и от любимого генерала, и от родины. Единственный способ избежать этой разлуки был смело подвергнут обсуждению и одобрен; всеобщее раздражение мало-помалу приняло формы правильного заговора; основательные причины недо-

вольствия были преувеличены от разгорячения умов, а умы разгорячились от вина, так как накануне своего выступления в поход войска предавались необузданному праздничному веселью. В полночь эта буйная толпа, держа в руках мечи, луки и факелы, устремилась в предместья, окружила дворец⁷⁾ и, не заботясь о будущих опасностях, произнесла роковые и неизгладимые слова: *Юлиан Август!*

Тревожные думы, в которые был погружен в это время Юлиан, были прерваны их шумными возгласами; он приказал запереть двери и, насколько это было в его власти, уберечь и свою личность, свое достоинство от случайностей ночной суматохи. Солдаты, усердие которых усилилось от встреченного ими сопротивления, силою вошли на другой день утром во дворец, схватили с почтительным насилием того, на ком остановился их выбор, охраняли его с обнаженными мечами во время проезда по парижским улицам, возвели его на трибунал и громко приветствовали его как своего императора. И благоразумие, и долг преданности заставляли Юлиана сопротивляться их преступным намерениям и подготовить для своей угнетенной добродетели благовидную ссылку на насилие. Обращаясь то к толпе, то к отдельным личностям, он то умолял их о пощаде, то выражал им свое негодование; он настоятельно просил не пятнать славу их бессмертных побед и осмелился обещать им, что, если они немедленно возвратятся к своему долгу, он постарается исходатайствовать у императора не только неограниченное и милостивое помилование, но даже отмену тех приказаний, которые вызвали их неудовольствие. Но сознававшие свою вину солдаты предпочитали положиться скорее на признательность Юлиана, чем на милосердие императора. Их усердие малопомалу перешло в нетерпение, а их нетерпение перешло в иступление. Непреклонный цезарь выдерживал до третьего часа дня их мольбы, их упреки и их угрозы и уступил только тогда, когда ему неоднократно повторили, что, если он желает сохранить свою жизнь, он должен согласиться царствовать. Его подняли на щит в присутствии войск и среди единогласных одобрительных возгласов; случайно отыскавшееся богатое военное ожерелье заменило диадему⁸⁾; эта церемония окончилась обещанием скромной денежной награды⁹⁾, и, удрученный действительной или притворной скорбью, новый император удалился в самые уединенные из своих внутренних апартаментов¹⁰⁾,

Скорбь Юлиана могла происходить только от его невинности, но его невинность должна казаться чрезвычайно сомнительной¹¹⁾ тем, кто научился не доверять мотивам и заявлениям членов царствующих династий. Его живой и деятельный ум был доступен для разнообразных впечатлений надежды и страха, признательности и мстительности, долга и честолюбия, желания славы и страха упреков. Но мы не в состоянии определить относительный вес и влияние этих чувств и не в состоянии уяснить мотивы, которые руководили Юлианом или, вернее, толкали его вперед, так как, может быть, и сам он не отдавал себе в них отчета. Неудовольствие войск было вызвано коварной злобой его врагов; их буйство было натуральным последствием нарушения их интересов и раздражения их страстей; а если бы Юлиан старался скрыть свои тайные замыслы под внешним видом случайности, он употребил бы в дело самые ловкие приемы лицемерия без всякой надобности и, вероятно, без всякого успеха. Он торжественно заявил перед лицом Юпитера, Солнца, Марса, Минервы и всех других богов, что до конца того дня, который предшествовал его возведению на престол, ему были совершенно неизвестны намерения солдат¹²⁾, а с нашей стороны было бы невеликодушием не доверять чести героя и искренности философа. Однако вследствие суеверной уверенности, что Констанций был враг богов, а сам он был их любимец, он, может быть, желал, чтоб скорей наступил момент его собственного воцарения, и, может быть, старался ускорить наступление этого момента, так как он был уверен, что его царствованию было предназначено восстановить древнюю религию человеческого рода. Когда Юлиана уведомили о заговоре, он лег на короткое время уснуть и впоследствии рассказывал своим друзьям, что он видел Гения империи, который с некоторым нетерпением стоял у его двери, настаивал на позволении войти и упрекал его в недостатке мужества и честолюбия¹³⁾. Удивленный и встревоженный, он обратился с мольбами к великому Юпитеру, который немедленно объяснил ему путем ясных и очевидных предзнаменований, что он должен подчиниться воле небес и армии. Образ действий, отвергающий обыкновенные принципы рассудка, возбуждает в нас подозрение и не поддается нашим исследованиям. Когда такой легковверный и вместе с тем такой изворотливый дух фанатизма вкрадывается в благородную душу, он мало-помалу уничтожает в ней все принципы добродетели и правдолюбия.

Первые дни своего царствования новый император провел в заботах о том, чтоб умерить рвение своих приверженцев, охранить личную безопасность своих врагов¹⁴⁾ и разрушить тайные замыслы, направленные против его жизни и его власти. Хотя он твердо решился сохранить принятый им титул, он все-таки желал предохранить страну от бедствий междоусобной войны, желал уклониться от борьбы с превосходными военными силами Констанция и оградить самого себя от упреков в вероломстве и неблагодарности. Украшенный внешними отличиями военной и императорской власти, Юлиан появился на Марсовом поле перед солдатами, которые встретили с самым пылким восторгом того, кого они считали своим воспитанником, своим вождем и своим другом. Он перечислил их победы, выразил сожаление о вынесенных ими лишениях, похвалил их за их мужество, воодушевил их надеждами и сдержал их нетерпение; он распустил собравшиеся войска только после того, как получил от них торжественное обещание, что в случае, если бы восточный император подписал справедливый мирный договор, они откажутся от всякой мысли о завоеваниях и удовлетворятся спокойным обладанием галльскими провинциями. На основании этого обещания он написал от своего собственного имени и от имени армии приличное и умеренное послание¹⁵⁾ и передал его своему министру двора Пентадику и своему камергеру Евферию; это были два посла, которым он поручил принять от Констанция ответ и выведать его намерения. Это послание было подписано скромным титулом цезаря, но Юлиан решительным, хотя и почтительным, тоном просил утвердить за ним титул августа. Он сознавал неправильность своего избрания, но старался в некоторой мере оправдать раздражение и насилия войск, вырвавших у него невольное согласие на то, чего они желали. Он объявлял, что готов признать верховную власть своего брата Констанция, и обещал присылать ему ежегодно в подарок испанских коней, пополнять его армию отборными молодыми варварами и принять выбранного им преторианского префекта испытанной опытности и преданности. Но он оставлял за собой назначение других гражданских и военных должностных лиц, главное начальство над армией, заведование доходами и верховную власть над провинциями, лежащими по сю сторону Альп. Он убеждал императора сообразоваться с требованиями справедливости, не полагаться на тех продажных льстецов, которые питаются только раздорами правителей, и принять

предложение справедливого и почетного мирного договора, одинаково выгодного и для республики, и для царствующего дома Константина. В этих переговорах Юлиан требовал только того, что уже ему принадлежало. Та зависимая власть, которою он долго пользовался над провинциями Галлии, Испании и Британии, теперь уже признавалась под более самостоятельным и более высоким титулом. Солдаты и народ радовались перевороту, который даже не был запятнан кровью виновных. Флоренций спасся бегством; Лупициний содержался в заключении. Люди, питавшие нерасположение к новому правительству, были обезоружены и лишены возможности сделаться опасными, а вакантные должности были замещены лишь людьми способными по выбору монарха, ненавидевшего дворцовые интриги и солдатские мятежи¹⁶⁾.

Переговоры о мире сопровождались и поддерживались самыми энергичными приготовлениями к войне. Смуты, раздиравшие так долго империю, доставили Юлиану возможность пополнить и увеличить ту армию, которую он держал наготове для немедленного выступления против неприятеля. Жестокие гонения, возбужденные против приверженцев Магненция, наполнили Галлию многочисленными шайками, которые состояли из людей, лишенных покровительства законов и занимавшихся разбоями. Они охотно приняли предложение помилования от такого государя, на слово которого они могли положиться, подчинились всем требованиям военной дисциплины и сохранили только свою непримиримую ненависть к особе и к правительству Констанция¹⁷⁾. Лишь только настало время года, удобное для военных действий, Юлиан выступил в поход во главе своих легионов, перекинул через Рейн мост вблизи от Клеве и приготовился наказать вероломство аттуариев - одного франкского племени, вообразившего, что оно может безнаказанно опустошать границы разделившейся империи. И трудность, и слава этого предприятия заключались в преодолении препятствий, мешавших движению вперед, и Юлиан победил врага, лишь только успел проникнуть в страну, которую прежние императоры считали недоступной. Даровавши варварам мир, император тщательно осмотрел укрепления на Рейне от Клеве до Базеля, объезжая с особым вниманием территорию, которую он отвоевал у алеманнов, посетил сильно пострадавший от их ярости Безансон¹⁸⁾ и назначил Виенну¹⁹⁾ местом своей главной квартиры на следующую зиму. Прибавив к охранявшим границы Галлии крепостям новые укреп-

ления, Юлиан питал некоторую надежду на то, что побежденных столько раз германцев будет сдерживать в его отсутствие страх его имени. Вадомер²⁰⁾ был единственный из алеманских князей, которого он уважал и опасался; а в то время, как этот хитрый варвар делал вид, будто соблюдает условия мирных трактатов, успех его военных предприятий грозил империи войной, которая при тогдашних обстоятельствах была бы крайне несвоевременна. Политика Юлиана снизошла до того, что прибегла к таким же хитростям, какие употреблял алеманский принц: Вадомер, неосторожно принявший, в качестве друга, приглашение римских губернаторов, был арестован во время пиршества и отправлен пленником внутрь Испании. Прежде нежели варвары успели опомниться от удивления, император появился во главе своих войск на берегах Рейна и, еще раз перейдя через реку, освежил глубокие впечатления ужаса и уважения, произведенные четырьмя предшествовавшими экспедициями²¹⁾.

Послам Юлиана было приказано исполнить данное им поручение с самой большой поспешностью. Но во время их проезда через Италию и Иллирию местные губернаторы задерживали их под разными вымышленными предлогами; от Константинополя до Кесарии, в Каппадокии, их везли с большой медленностью, а когда они были наконец допущены в присутствие Констанция, император уже составил себе из донесений своих собственных чиновников самое неблагоприятное мнение о поведении Юлиана и галльской армии. Он выслушал с признаками нетерпения содержание писем, отпустил дрожавших от страха послов с негодованием и презрением, а его взгляды, телодвижения и гневные возгласы свидетельствовали о происходившем в его душе волнении. Родственная связь могла бы облегчить примирение между братом и мужем Елены, но она была незадолго перед тем расторгнута смертью этой принцессы, беременность которой несколько раз была бесплодна, а в конце концов сделалась гибельной для нее самой²²⁾. Императрица Евсевия сохранила до последних минут своей жизни ту горячую и даже ревнивую привязанность, которую она питала к Юлиану; но ее кроткое влияние уже не могло сдерживать раздражительности монарха, который сделался со времени ее смерти рабом своих собственных страстей и коварства своих евнухов. Однако страх, который внушало ему нашествие внешнего врага, заставил его на время отложить наказание врага

внутреннего; он продолжал подвигаться к границам Персии и счел достаточным указать на те условия, исполнение которых могло дать Юлиану и его преступным сообщникам право на милосердие со стороны их оскорбленного государя. Он потребовал, чтоб самонадеянный цезарь самым решительным образом отказался от звания и ранга августа, принятых им от бунтовщиков; чтоб он снизошел на прежнее положение ограниченного в своих правах и зависимого правителя; чтоб он передал гражданскую и военную власть в руки лиц, которые будут назначены императорским двором, и чтоб он положился в том, что касается его личной безопасности, на уверения в помиловании, которые будут переданы ему одним из арианских епископов Галлии, Эпиктетом, который был любимцем Констанция. Несколько месяцев прошли в бесплодных переговорах, которые велись на расстоянии трех тысяч миль, отделявших Париж от Антиохии, и, лишь только Юлиан заметил, что его скромный и почтительный образ действий только усиливал высокомерие непримиримого соперника, он смело решилсяверить свою жизнь и свою судьбу случайностям междоусобной войны. Он принял квестора Леона в публичной аудиенции в присутствии войск; высокомерное письмо Констанция было прочитано перед внимательной толпой, и Юлиан протестовал в самых льстивых выражениях о своей готовности отказаться от титула августа, если получит на это согласие от тех, кого он признает виновниками своего возвышения. Это предложение, сделанное нерешительным тоном, было с горячностью отвергнуто, и возгласы: «Юлиан Август, продолжайте царствовать по воле армии, народа и республики, которых вы спасли», разразились как гром по всему полю и привели в ужас бледного Констанциева посла. Затем была прочитана та часть письма, где император укорял в неблагодарности Юлиана, которого он облек отличиями верховной власти, которого он воспитал с такой заботливостью и нежностью и которого он охранял в детстве в то время, как он оставался беспомощным сиротой. «Сиротой! - воскликнул Юлиан, увлекшийся, из желания оправдать себя, чувством ненависти. - Разве тот, кто умертвил всех членов моего семейства, может ставить мне в упрек, что я остался сиротой? Он принуждает меня мстить за те обиды, которые я долго старался позабыть». Собрание было распушено, и Леон, которого с трудом оградили от народной ярости, был отослан к своему повелителю с письмом, в котором Юлиан выражал с пылким и энергичным красноречием

презрение, ненависть и жажду мщения, доведенную до ожесточения вынужденной двадцатилетней сдержанностью. После отправки этого послания, равносильного с объявлением войны на жизнь и на смерть, Юлиан, за несколько недель перед тем праздновавший христианский праздник Богоявления²³⁾, сделал публичное заявление, что он ввергает заботу о своей безопасности бессмертным богам, и таким образом публично отрекся и от религии, и от дружбы Констанция²⁴⁾.

Положение Юлиана требовало, чтобы он немедленно принял какое-нибудь энергическое решение. Из перехваченных писем он узнал, что его противник, жертвуя интересами государства для своих личных интересов, возбуждал варваров к вторжению в западные провинции. Положение двух складов провианта, из которых один был устроен на берегах Констанского озера, а другой у подножия Коттийских Альп, указывало направление двух неприятельских армий, а размер этих складов, в каждом из которых было по шестьсот тысяч четвертей пшеницы или, скорее, пшеничной муки²⁵⁾, был грозным свидетельством силы и многочисленности врага, который готовился окружить его. Но императорские легионы находились еще на своих отдаленных стоянках в Азии; Дунай охранялся слабо, и если бы Юлиан мог, благодаря внезапности своего вторжения, занять важные иллирийские провинции, он мог бы надеяться, что множество солдат станет под его знамена и что богатые золотые и серебряные руды покроют расходы на междоусобную войну. Он предложил собравшимся решиться на это отважное предприятие, внушил им основательное доверие и к их генералу, и к самим себе и убеждал их поддержать приобретенную ими репутацию, что они страшны врагам, скромны в обхождении со своими согражданами и послушны своим офицерам. Его воодушевленная речь была принята с самым громким одобрением, и те самые войска, которые восстали против Констанция, потому что он вызвал их из Галлии, теперь с горячностью заявили, что они готовы следовать за Юлианом на край Европы и Азии. Солдаты принесли присягу в верности; бряцая своими щитами и приложив к своему горлу обнаженные мечи, они с страшными заклинаниями обрели себя на службу вождю, которого они превозносили как освободителя Галлии и как победителя германцев²⁶⁾. Это торжественное обязательство, вынужденное, по-видимому, не столько чувством долга, сколько личной привязанностью, встретило противодействие лишь со стороны Небридия, незадолго перед тем назначенно-

го преторианским префектом. Этот честный министр осмеллся вступить, без всякой посторонней помощи, за права Констанция посреди вооруженной и возбужденной толпы людей и едва не сделался почтенной, но бесполезной жертвой ее ярости. Лишившись одной руки от удара меча, он пал к стопам государя, которого оскорбил. Юлиан прикрыл префекта своей императорской мантией и, защитив его от усердия своих приверженцев, отправил его домой с меньшим уважением, чем какого заслуживало мужество врага²⁷⁾. Высокая должность Небридия была передана Саллюстию, и галльские провинции, освободившиеся теперь от невыносимой тяжести налогов, стали наслаждаться мягким и справедливым управлением Юлианова друга, который получил возможность применять к делу те добродетели, которые они влил в душу своего воспитанника²⁸⁾.

Надежды Юлиана были основаны не столько на многочисленности его войска, сколько на быстроте его движений. Пускаясь на такое отважное предприятие, он принимал все меры предосторожности, какие только могло внушить благоразумие, а когда не было возможности поступать так, как требовало благоразумие, он полагался на свое мужество и на свою фортуны. Он собрал свою армию в окрестностях Базеля и там же разделил ее на части²⁹⁾. Отряд из десяти тысяч человек, под предводительством кавалерийского генерала Невитты, должен был направиться внутрь Реции и Норика. Другой такой же отряд, под начальством Иовия и Иовина, приготовился к выступлению кривым путем больших дорог через Альпы и северные границы Италии. Генералам были даны энергические и ясные инструкции: быстро продвигаться вперед густыми и сомкнутыми колоннами, которые, сообразно с расположением местности, могли бы быть легко выстроены в боевом порядке; предохранять себя от нечаянных ночных нападений сильными патрулями и бдительными часовыми; предотвращать сопротивление неожиданностью своего появления, уклоняться от расспросов быстрым удалением из занятой местности, распространять слухи о своей силе и внушать страх к имени Юлиана; присоединиться к своему государю под стенами Сирмиума. Самому себе Юлиан предоставил исполнение самой трудной и самой блестящей части общего плана. Он выбрал три тысячи храбрых и ловких волонтеров, отказавшихся, подобно своему вождю, от всякой надежды на отступление; во главе этого преданного отряда он бесстрашно устремился в самую глубь Маркиан-

ского, или Черного, леса, скрывающего в своих недрах истоки Дуная³⁰⁾, и в течение некоторого времени никто ничего не знал о том, где находится Юлиан. Таинственность его похода, его быстрота и энергия преодолели все препятствия; он прокладывал себе путь через горы и болота, овладевал мостами или переправлялся через реки вплавь, подвигался вперед по прямому направлению³¹⁾, не обращая никакого внимания на то, через какую территорию ему приходится переходить, через римскую или через варварскую, и наконец появился между Ратисбоном и Веной в том самом месте, откуда он предполагал спустить свою армию вниз по Дунаю. Благодаря искусно задуманной хитрости он захватил стоявший на якоре флот из легких бригантин³¹⁾, запаса плохой провизией, способной удовлетворять неразборчивый, но ненасытный аппетит галльской армии, и смело пустился вниз по течению Дуная. Благодаря неутомимым усилиям гребцов и постоянно благоприятному попутному ветру его флот проплыл в одиннадцать дней более семисот миль³²⁾, и он высадил свои войска в Бононии, только в девятнадцати милях от Сирмума, прежде нежели до неприятеля дошло известие о том, что он покинул берега Рейна. Во время этого далекого и быстрого плавания Юлиан не уклонялся от главной цели своего предприятия, и, хотя он принимал депутации от некоторых городов, спешивших приобрести своей торопливой покорностью его милостивое расположение, он проезжал не останавливаясь мимо неприятельских постов, расположенных вдоль реки, и не увлекаясь соблазном выказать бесполезную и несвоевременную храбрость. Берега Дуная были с обеих сторон покрыты толпами любопытных, которые глазели на пышность военной обстановки, предчувствовали важность предстоящих событий и распространяли по окрестным странам славу юного героя, подвигающегося вперед с нечеловеческою скоростью во главе бесчисленных военных сил запада. Луцилиан, соединявший с рангом кавалерийского генерала главное начальство над военными силами Иллирии, был встревожен и смущен неопределенными донесениями, которых он не мог опровергнуть, но которым трудно было верить. Он принял некоторые медленные и нерешительные меры с целью собрать войска, когда был застигнут врасплох Дагалефом - деятельным офицером, которого Юлиан послал вперед с небольшим отрядом легкой кавалерии немедленно вслед за своей высадкой в Бононии. Взятый в плен генерал, не знавший, что его ожидает, был тотчас посажен на лошадь

и отправлен к Юлиану, который милостиво поднял его и разогнал чувства страха и удивления, по-видимому совершенно притупившие его умственные способности. Но лишь только Луцилиан пришел в себя, он позволил себе обратиться к победителю с неуместным замечанием, что он поступил опрометчиво, появившись среди своих врагов с небольшой кучкой людей. «Поберегите эти трусливые замечания для вашего повелителя Констанция, - возразил Юлиан с презрительной улыбкой. - Дозволяя вам поцеловать полу моей мантии, я принял вас не как советника, а как просителя». Сознавая, что только успех может оправдать его попытку и что только смелость может доставить успех, он немедленно предпринял, во главе трех тысяч солдат, нападение на самый сильно укрепленный и самый населенный город иллирийских провинций. Когда он вступил в длинное предместье Сирмиума, он был встречен с радостными криками армией и народом, которые, украсившись венками из цветов и держа в руках зажженные свечи, проводили его, как своего государя, в императорскую резиденцию. Два дня были проведены среди общей радости, которая была отпразднована играми цирка; но на третий день рано утром Юлиан выступил в поход с целью занять узкие проходы *Succi*, в ущельях горы Гемуса, которая, находясь почти на полпути между Сирмиумом и Константинополем, отделяет Фракию от Дакии, представляя со стороны первой из этих провинций крутой склон, а со стороны второй - легкую покатость³³). Защита этого важного пункта была поручена храброму Невитте, который - точно так же, как и генералы итальянского отряда - успешно исполнил план похода и соединения, так искусно задуманный его повелителем³⁴).

Отчасти благодаря страху, который наводило имя Юлиана, отчасти благодаря сочувствию, которое он внушал населению, его власть распространилась гораздо далее тех пределов, которыми ограничивались его военные успехи³⁵). Префектуры итальянская и иллирийская управлялись Тавром и Флоренцием, соединявшими с своей важной должностью пустые отличия консульского звания; а так как эти сановники поспешно удалились к императорскому двору в Азию, то Юлиан, не всегда умевший сдерживать свою склонность к насмешкам, заклеил их бегство тем, что во всех публичных актах того года прибавлял к именам двух консулов эпитет «беглые». Покинутые своими высшими должностными лицами провинции признали над собой власть такого импе-

ратора, который, соединяя в себе достоинства воина с достоинствами философа, внушал одинаковое к себе уважение и в расположенных на Дунае лагерях, и в греческих школах. Из своего дворца или, вернее говоря, из своей главной квартиры, находившейся то в Сирмиуме, то в Нессе, он разослал главным городам империи тщательно изложенную апологию своего поведения, опубликовал секретные депеши Констанция и приглашал все человечество сделать выбор между двумя соперниками, из которых один прогнал варваров, а другой поощрял их вторгнуться внутрь империи³⁶). Глубоко оскорбленный упреком в неблагодарности, Юлиан хотел доказать справедливость своего дела как силою оружия, так и силою аргументов, - хотел выказать не только свои военные, но и свои литературные дарования. Его послание к афинскому сенату и народу³⁷), по-видимому, было внушено сильным влечением к изящному, заставившим его представить свои действия и свои мотивы на суд выродившимся афинянам своего времени с такой смиренной почтительностью, что он как будто защищался, во дни Аристиды, перед трибуналом Ареопага. Его обращение к римскому сенату, которому все еще дозволяли утверждать права на императорскую власть, было согласно с обычаями издыхавшей республики. Городской префект Тертулл созвал сенат: там было прочитано послание Юлиана, а так как он, по-видимому, был властителем Италии, то его притязания были уважены и ни один голос не нарушил общего равнодушия. Его косвенное порицание нововведений Константина и его страстные нападки на пороки Констанция были выслушаны с меньшим удовольствием, и - как будто Юлиан лично присутствовал на заседании - сенаторы единогласно воскликнули: «Просим вас, уважайте виновника вашей собственной фортуны»³⁸). Это было двусмысленное выражение, допускавшее различные толкования смотря по тому, каков будет исход войны; оно могло быть принято или за смелый упрек узурпатору в неблагодарности, или за льстивое признание, что Констанций загладил все свои ошибки тем, что возвысил Юлиана.

Известие о движении и быстрых успехах Юлиана дошло до его соперника в то время, как отступление Шапура дало ему возможность отложить на время заботы о войне с Персией. Скрывая свою душевную тревогу под маской презрения, Констанций выражал намерение возвратиться в Европу и заняться погоней за Юлианом, так как он никогда не говорил об этой экспедиции иначе, как об охотничьей прогулке³⁹). В

своим лагере близ Гиераполя, в Сирии, он сообщил об этом намерении своим войскам, слегка упомянул о виновности и опрометчивости цезаря и уверял, что, если галльские мятежники осмелятся помериться в открытом поле с императорской армией, они будут неспособны выдержать огня ее глаз и падут от одних ее воинственных возгласов. Речь императора вызвала одобрение солдат, и президент Гиерапольского совета Феодот из лести умолял со слезами, чтобы голова побежденного бунтовщика была назначена на украшение его города⁴⁰). Избранный отряд был отправлен в почтовых экипажах, чтоб занять, если еще было возможно, проход Succii; рекруты, лошади, оружие и магазины, приготовленные для войны с Шапуром, получили новое назначение сообразно с требованиями междоусобной войны, а победы, одержанные Констанцием над его внутренними врагами, внушали его приверженцам полную уверенность в успехе. Нотариус Гауденций, принявший от его имени управление африканскими провинциями, пресек доставку съестных припасов в Рим, а затруднения Юлиана еще увеличились вследствие одного неожиданного события, которое могло иметь для него самые пагубные последствия. Юлиан принял изъявления покорности от стоявших в Сирмиуме двух легионов и одной когорты стрелков; он, не без основания, не полагался на преданность этих войск, получивших некоторые отличия от императора, и под предлогом, что границы Галлии охраняются слишком слабо, удалил их от главного театра военных действий. Они неохотно выступили в поход и дошли до границы Италии; а так как их пугали и дальность пути, и дикая отвага германцев, то они решились, по наущению одного из своих трибунов, остановиться в Аквилее и водрузить знамя Констанция на стенах этой неприступной крепости. Бдительный Юлиан тотчас понял, как велика угрожавшая ему опасность и как необходимо немедленно принять против них меры. По его приказанию Иовин отвел часть армии в Италию, предпринял осаду Аквилеи и вел ее с энергией. Но легионные солдаты, по-видимому сбросившие с себя иго дисциплины, обороняли крепость с искусством и упорством; они пригласили остальную Италию последовать данному ими примеру мужества и преданности своему государю и грозили отрезать отступление Юлиана в случае, если бы он не устоял против численного превосходства восточных армий⁴¹).

Но человеколюбие Юлиана было избавлено от печальной необходимости, о которой он скорбел в таких трогательных

выражениях, - ему не пришлось делать выбора между гибелью других и своей собственной, так как кстати приключившаяся смерть Констанция предохранила Римскую империю от бедствий междоусобной войны. Приближение зимы не помешало императору покинуть Антиохию, а его приближенные не осмелились противиться его нетерпеливой жажде мщения. Легкая лихорадка, которая, быть может, была вызвана его душевной тревогой, усилилась от утомительного путешествия, и Констанций был вынужден остановиться в небольшом городке Мопсукрене, в двенадцати милях по ту сторону Тарса, где он и умер после непродолжительной болезни на сорок пятом году от рождения и на двадцать четвертом году своего царствования⁴²). Из предшествующего изложения мирских и церковных событий уже можно было составить себе ясное понятие о его характере, представлявшем смесь гордости с малодушием и суеверий с жестокостью. Долгое злоупотребление властью придало его личности высокое значение в глазах его современников, но так как одни только личные достоинства имеют значение в глазах потомства, то мы ограничимся замечанием, что последний из сыновей Константина унаследовал лишь недостатки своего отца, но не обладал ни одним из его дарований. Утверждают, будто Констанций перед смертью назначил Юлиана своим преемником, и мы не находим ничего неправдоподобного в том, что его заботливость об участи молодой и нежно любимой жены, которую он оставлял беременной, могла в последние минуты его жизни одержать верх над его более грубыми страстями, над ненавистью и жаждой мщения. Евсевий, вместе со своими преступными сообщниками, сделал слабую попытку продолжить владычество евнухов путем избрания нового императора; но их заискивания были с негодованием отвергнуты армией, которой была отвратительна одна мысль о междоусобице, и два офицера высшего ранга были немедленно отправлены к Юлиану с уверением, что ни один меч в империи не будет вынут из своих ножен иначе, как по его приказанию. Это счастливое событие предотвратило исполнение военных планов Юлиана, задумавшего напасть на Фракию с трех различных сторон. Без пролития крови своих сограждан он избежал опасностей борьбы, исход которой был сомнителен, и приобрел все выгоды полной победы. Горя нетерпением посетить место своего рождения и новую столицу империи, он направился туда из Нэсса через Гемские горы и через города Фракии. Когда он

прибыл в Гераклею, находившуюся от Константинополя на расстоянии шестидесяти миль, все население столицы высыпало к нему навстречу, и он совершил свой торжественный въезд при громких изъявлениях преданности со стороны солдат, народа и сената. Бесчисленная толпа теснилась вокруг него с почтительным любопытством и, может быть, была обманута в своих ожиданиях, когда увидела небольшого роста и просто одетого героя, который в пору своей неопытной юности одолел германских варваров, а теперь совершил удачный поход через весь европейский континент от берегов Атлантического моря до берегов Босфора⁴³). Через несколько дней после того, когда прибыли в гавань смертные останки покойного императора, подданные Юлиана восхищались искренней или притворной чувствительностью своего государя. Пешком, без диадемы и одетый в траурное платье, сопровождал он погребальное шествие до церкви Св. Апостолов, где было положено тело усопшего, и если эти доказательства уважения могли бы быть истолкованы как себялюбивая дань, принесенная высокому происхождению и положению его родственника, то слезы Юлиана свидетельствовали пред всем миром о том, что он позабыл нанесенные ему Констанцием оскорбления и помнил лишь сделанное ему добро⁴⁴). Лишь только стоявшие в Аквилее легионы убедились, что император действительно умер, они отворили городские ворота и, принеся в жертву своих преступных вождей, без труда получили прощение от благоразумия или снисходительности Юлиана, который, на тридцать втором году своей жизни, получил бесспорную власть над всей Римской империей⁴⁵).

Философия научила Юлиана сравнивать выгоды деятельной жизни с выгодами уединения, но знатность его рождения и случайности его жизни никогда не давали ему свободы выбора. Он, может быть, искренне предпочел бы роши Академии и афинское общество; но сначала воля, а впоследствии несправедливость Констанция заставили его подвергнуть свою личность и свою репутацию опасностям, сопряженным с императорским величием, и принять на себя перед целым миром и перед потомством ответственность в благополучии миллионов людей⁴⁶). Юлиан со страхом припоминал замечание своего любимого философа Платона⁴⁷), что заботы о нашем скоте и стадах всегда поручаются существам более высокого разряда и что управление народами требует небесных дарований богов или гениев. Отправляясь от этого прин-

ципа, он основательно приходил к заключению, что тот, кто хочет царствовать, должен стремиться к божественным совершенствам; что он должен очищать свою душу от всего, что в ней есть смертного и земного; что он должен подавлять свои плотские вожделения, просвещать свой ум, управлять своими страстями и укрощать в себе дикого зверя, которому, по живописному выражению Аристотеля⁴⁸⁾, редко не удастся воссесть на трон деспота. Но трон Юлиана, утвердившийся вследствие смерти Констанция на самостоятельном фундаменте, был седалищем разума, добродетели и, может быть, тщеславия. Юлиан презирал почести, отказывался от удовольствий, исполнял с непрестанным старанием обязанности своего высокого сана, и между его подданными нашлось бы немного таких, которые захотели бы избавить его от тяжести диадемы, если бы они были обязаны подчинить свое распределение времени и свои действия тем суровым законам, которые наложил сам на себя этот император-философ. Один из самых близких его друзей⁴⁹⁾, с которыми он нередко делил свой скромный и простой обед, высказал замечание, что его легкая и необильная пища (обыкновенно состоявшая из различных овощей) никогда не отнимала у его ума и у его тела той свободы и той способности к деятельности, которые необходимы для разнообразных и важных занятий писателя, первосвященника, судьи, генерала и монарха. В один и тот же день он давал аудиенции нескольким послам и писал или диктовал множество писем к своим генералам, к своим гражданским сановникам, к своим личным друзьям и к различным городам империи. Он выслушивал чтение присланных ему заметок, рассматривал содержание прошений и диктовал решения так быстро, что его секретари едва успевали вкратце их записывать. Его ум был так гибок, а его внимание так сосредоточенно, что он мог пользоваться своей рукой для того, чтобы писать, своими ушами для того, чтобы слушать, своим голосом для того, чтобы диктовать, и таким образом одновременно следовать за тремя различными нитями идей без колебаний и без ошибок. В то время как его министры отдыхали, монарх быстро переходил от одной работы к другой и, после торопливо съеденного обеда, удалялся в свою библиотеку; там он оставался до тех пор, когда назначенные им на вечер деловые занятия заставляли его прервать его занятия научные. Ужин императора был еще менее обилен, чем обед; его сон никогда не отягощался трудным пищеварением и, за исключением небольшого промежутка времени после его

бракосочетания, которое было результатом не столько сердечной склонности, сколько политических расчетов, целомудренный Юлиан никогда не разделял своего ложа с подругой женского пола⁵⁰). Его будили рано утром входившие в его комнату секретари, которые запаслись свежими силами, отдыхая в течение предшествующего дня, а его слуги дежурили попеременно, в то время как для их неутомимого повелителя главный способ отдохновения заключался в перемене занятий.

Предшественники Юлиана, и его дядя, и его родной брат, и его двоюродный брат, удовлетворяли свою ребяческую склонность к играм цирка под благовидным предлогом, что они желают сообразоваться с вкусами народа, и они нередко проводили большую часть дня как праздные зрители блестящего представления или как участники в нем до тех пор, пока не был закончен полный комплект двадцати четырех бегов⁵¹). В торжественные праздники Юлиан снисходил до того, что появлялся в цирке, несмотря на то, что чувствовал и высказывал несогласное с господствовавшей модой отвращение к таким пустым забавам; но, просидев с равнодушным невниманием в течение пяти или шести бегов, он удалялся с торопливостью философа, считающего потерянной каждую минуту, которая не была посвящена общественной пользе или обогащению его собственного ума⁵²). Благодаря такой бережливой трате своего времени он как будто удлинил свое непродолжительное царствование, и, если бы все числа не были с точностью определены, мы отказались бы верить, что только шестнадцать месяцев отделяли смерть Констанция от выступления его преемника в поход против персов. История может сохранить воспоминание лишь о деяниях Юлиана; но до сих пор сохранившаяся часть его объемистых сочинений служит памятником как трудолюбия императора, так и его гения. *«Мизопогон»*, *«Цезари»*, некоторые из его речей и его тщательно обработанное сочинение против христианской религии были написаны во время длинных вечеров двух зим, из которых первую он провел в Константинополе, а вторую в Антиохии.

Преобразование императорского двора было одним из первых и самых необходимых дел Юлианова управления⁵³). Вскоре после его прибытия в константинопольский дворец Юлиану понадобился брадобрей. Перед ним тотчас явился великолепно разодетый сановник, «Я требовал брадобрея, - воскликнул император с притворным удивлением, - а не

главного сборщика податей⁵⁴). Он стал расспрашивать этого человека о выгодах, доставляемых его должностью, и узнал, что, кроме большого жалования и некоторых значительных побочных доходов, он получал суточное продовольствие для двадцати слуг и стольких же лошадей. Тысяча брадобреев, тысяча виночерпиев, тысяча поваров были распределены по разным заведениям, созданным роскошью, а число евнухов можно было сравнить с числом насекомых в летний день⁵⁵). Монарх, охотно предоставлявший своим подданным превосходства заслуг и добродетели, отличался от них разорительным великолепием своей одежды, своего стола, своих построек и своей свиты. Роскошные дворцы, воздвигнутые Константином и его сыновьями, были украшены разноцветными мраморами и орнаментами из массивного золота. Не столько для удовлетворения вкуса, сколько для удовлетворения тщеславия ко двору доставлялись самые изысканные съестные припасы - птицы из самых отдаленных стран, рыбы из самых дальних морей, плоды не по времени года, розы зимой и лед в летнюю пору⁵⁶). Содержание бесчисленной дворцовой прислуги стоило дороже, чем содержание легионов, но лишь весьма незначительная ее часть употреблялась на служение монарху или хотя бы на увеличение блеска его власти. На стыд монарху и на разорение народу было учреждено бесчисленное множество неважных и даже только номинальных должностей, которые можно было приобретать покупкой, так что самый последний из подданных мог купить за деньги право существовать на счет государственной казны без всякой обязательной работы. Эта надменная челядь быстро обогащалась остатками расходов от такого громадного хозяйства, увеличением подарков и наград, которых она скоро стала требовать как долга, и взятками, которые она вымогала от тех, кто боялся ее вражды или искал ее дружбы. Она расточала эти богатства, забывая о своей прежней нищете и не заботясь о том, что ожидает ее в будущем, и одна только безрассудная ее расточительность могла стоять на одном уровне с ее хищничеством и продажностью. Ее шелковые одеяния были вышиты золотом, ее стол был изящен и обильен; дома, которые она строила для своего собственного употребления, занимали такое же пространство, как мизаиног древнего консула, и самые почтенные граждане были обязаны сходить с лошади, чтобы почтительно поклониться встреченному ими на большой дороге евнуху. Дворцовая роскошь возбуждала отвращение и негодование в Юлиане, ко-

торый имел обыкновение спать на полу, неохотно подчинялся самым неизбежным требованиям человеческой природы и находил удовлетворение своего тщеславия не в старании превзойти царственную пышность своих предшественников, а в презрении к ней. Он поспешил совершенно искоренить зло, которому общественное мнение придавало еще более обширные размеры, чем те, какие оно имело на самом деле, и горел нетерпением облегчить положение и прекратить ропот народа, который легче выносит тяжесть налогов, когда уверен, что плоды его труда употребляются на нужды государства. Но Юлиана обвиняют в том, что при исполнении этой благотворной задачи он поступал с торопливою и неосмотрительною строгостью. Изданием только одного эдикта он превратил константинопольский дворец в обширную пустыню и с позором распустил весь штат рабов и служителей⁵⁷⁾, не сделав ни из чувства справедливости, ни даже из милосердия никаких исключений в пользу старости, заслуг или бедности преданных служителей императорского семейства. Таков в действительности был нрав Юлиана, часто позабывавшего основной принцип Аристотеля, что истинная добродетель находится между двумя противоположными пороками на одинаковом от них расстоянии. Великолепные и приличные женщинам одеяния азиатов, завитые локоны и румяны, ожерелья и браслеты, казавшиеся столь смешными на Константине, были вполне основательно отвергнуты заменившим его на троне философом. Но вместе с щегольством Юлиан, по видимому, отвергал и необходимость быть прилично одетым; он точно будто гордился своим пренебрежением к требованиям чистоплотности. В сатирическом произведении, назначенном для публички, император с удовольствием и даже с гордостью говорит о длине своих ногтей и о том, что его руки всегда выпачканы в чернилах; он утверждает, что хотя большая часть его тела покрыта волосами, бритва бреет только то, что у него на голове, и с очевидным удовольствием восхваляет свою косматую и густо населенную⁵⁸⁾ бороду, которую он, по примеру греческих философов, нежно лелеет. Если бы Юлиан руководствовался простыми требованиями здравого смысла, то первый римский сановник не унизился бы в его лице ни до жеманства Дногена, ни до жеманства Дария.

Но дело общественного преобразования оставалось бы недоконченным, если бы Юлиан только уничтожил злоупотребления предшествовавшего царствования, оставив

безнаказанными его преступления. «Мы теперь избавились, - говорит он в фамильярном письме к одному из своих близких друзей, - мы удивительным образом избавились от ненасытной пасти гидры⁵⁹⁾. Я отношу это название вовсе не к брату моему Констанцию. Его уже нет в живых; пусть будет ему легка та земля, которая лежит над его головой! Но его коварные и жестокосердые любимцы старались обманывать и раздражать монарха, отличавшегося таким мягкосердечием, которое нельзя хвалить, не впадая в лесть. Впрочем, даже этих людей я не намерен притеснять: их обвиняют, и они должны пользоваться благодеяниями справедливого и беспристрастного суда». Для разбирательства этих дел Юлиан назначил шесть судей из лиц, занимавших высшие должности на государственной службе и в армии, а так как он желал отклонить от себя упрек в наказании своих личных врагов, то местом заседаний этого чрезвычайного трибунала он назначил Халкедон, на азиатском берегу Босфора, и дал судьям безусловное право постановлять и приводить в исполнение свои окончательные приговоры без всяких отсрочек и без апелляций. Звание председателя было возложено на почтенного восточного префекта, *второго* Саллюстия⁶⁰⁾, добродетели которого одинаково ценились и греческими софистами, и христианскими епископами. Ему дан был в помощники один из выбранных консулов, красноречивый Мамертин⁶¹⁾, достоинства которого громко превозносились на основании сомнительного свидетельства тех похвал, которые он расточал сам себе. Но гражданская мудрость этих двух сановников перевешивалась свирепой запальчивостью четырех генералов: Невитты, Агилона, Иовина и Арбециона. Публика была бы менее удивлена, если бы увидела Арбециона не на судейском кресле, а на скамье подсудимых; тем не менее существовало общее убеждение, что ему одному была известна тайная задача комиссии; начальники отрядов юпитерцев и геркулианцев гневно стояли с оружием в руках вокруг трибунала, и судьи подчинялись в своих решениях то законам справедливости, то громким требованиям крамолы⁶²⁾.

Камергер Евсевий, так долго злоупотреблявший милостивым расположением Констанция, поплатился позорною смертью за наглость, безнравственность и жестокости своего рабского владычества. Казнь Павла и Аподемия (из которых первый был сожжен живым) была неудовлетворительным наказанием в глазах вдов и сирот стольких сот римлян, на

которых донесли и которых погубили эти легальные тираны. Но сама справедливость (по живописному выражению Аммиана⁶³⁾) пролиwała слезы над участью имперского казначея Урсула; его смерть была свидетельством неблагодарности Юлиана, который несколько раз выпутывался из затруднительного положения благодаря неустрашимой щедрости этого честного министра. Причиной и оправданием его казни была ярость солдат, которых он раздражил своими разоблачениями, и Юлиан, глубоко потрясенный и угрызениями своей совести, и ропотом публики, постарался утешить семейство Урсула тем, что возвратил ему его конфискованное имущество. Прежде нежели истек год, в течение которого Тавр и Флоренций были возведены в звание префектов и консулов⁶⁴⁾, они были вынуждены обратиться с мольбами о помиловании к безжалостному халкедонскому трибуналу. Первый из них был сослан в город Верчелли, в Италию, а над вторым был произнесен смертный приговор. Мудрый монарх награждал бы Тавра за то, что считалось его преступлением: этот верный министр, не будучи в состоянии воспротивиться наступательному движению бунтовщика, укрылся при дворе своего благодетеля и своего законного государя. Но преступление Флоренция оправдывало строгость судей, а его бегство доставило Юлиану случай выказать свое великодушие: император обуздал себялюбивое усердие одного доносчика и не захотел знать, в каком месте этот несчастный беглец скрывается от его справедливого гнева⁶⁵⁾. Через несколько месяцев после того, как халкедонский трибунал был закрыт, в Антиохии были казнены смертью заместитель африканского префекта нотариус Гауденций и египетский герцог Артемий⁶⁶⁾. Этот последний властвовал над обширной провинцией как жестокий и развратный тиран, а Гауденций долго занимался клеветническими доносами на невинных и добродетельных граждан и даже на самого Юлиана. Однако разбирательство их дела велось так неискусно и приговор над ними был постановлен так неумело, что в общественном мнении составилось убеждение, будто они пострадали за непоколебимую преданность, с которой они защищали интересы Констанция. Остальные виновные спаслись благодаря всеобщей амнистии и могли безнаказанно пользоваться взятками, которые они брали или за то, чтоб защищать угнетенных, или за то, чтоб угнетать беззащитных. Эта мера, которая достойна одобрения, если смотреть на нее с точки зрения здравых политических принципов, была приведена в исполнение та-

ким способом, который унижал величие императорского престола. Множество просителей, в особенности египтян, докучали Юлиану настойчивыми требованиями, чтобы им были возвращены назад подарки, розданные ими или по неблагоразумию, или противозаконно; он предвидел бесконечный ряд утомительных процессов и дал просителям слово, которое должен был считать священным, что, если они отправятся в Халкедон, он сам придет туда, чтобы лично рассмотреть их жалобы и постановить решение. Но лишь только они высадились на противоположном берегу, он безусловно запретил лодочникам перевозить кого-либо из египтян в Константинополь и таким образом задержал своих разочарованных клиентов на азиатской территории до тех пор, когда они, истощив и свое терпение и свои денежные средства, поневоле возвратились на родину с ропотом негодования⁶⁷⁾.

Многочисленная армия шпионов, агентов и доносчиков, набранная Констанцием для того, чтобы обеспечить спокойствие одного человека и нарушить спокойствие миллионов людей, была немедленно распущена его великодушным приемником. Юлиан был нелегко доступен подозрениям и не был жесток в наказаниях: его пренебрежение к измене было результатом здравомыслия, тщеславия и мужества. Из сознания своего нравственного превосходства он был убежден, что между его подданными нашлось бы немного таких, которые осмелились бы или открыто восстать против него, или посягнуть на его жизнь, или занять в его отсутствие вакантный престол. Как философ, он мог извинять опрометчивые выходки недовольных; как герой, он мог относиться с пренебрежением к честолюбивым замыслам, для успешного осуществления которых у опрометчивых заговорщиков не хватало бы ни авторитета, ни дарований. Какой-то житель Анкиры сделал для своего собственного употребления пурпуровую одежду; благодаря докучливому заискиванию одного из его личных врагов Юлиан узнал об этом неосторожном поступке, который был бы признан в царствование Констанция за уголовное преступление⁶⁸⁾. Собрав сведения о ранге и характере своего соперника, монарх послал ему через доносчика в подарок пару пурпуровых туфель, чтобы довершить великолепие его императорского одеяния. Более опасный заговор был составлен десятью состоявшими при нем гвардейцами, которые вознамерились убить Юлиана на поле близ Антиохии, где происходили военные упражнения. Они рас-

крыли свою тайну в то время, как были пьяны; их привели закованными в цепи к оскорбленному монарху, который с воодушевлением объяснил им преступность и безрассудство их замысла и затем, вместо того чтобы подвергнуть их пытке и смертной казни, которой они и заслуживали и ожидали, он произнес приговор о ссылке двух главных виновных. Только в одном случае Юлиан, по-видимому, отступился от своего обычного милосердия - когда он приказал казнить опрометчивого юношу, задумавшего захватить своею слабою рукой бразды правления. Но этот юноша был сын того кавалерийского генерала Марцелла, который в первую кампанию против галлов покинул знамена цезаря и республики. Вовсе не из желания удовлетворить свою личную жажду мщения Юлиан мог легко смешать преступление сына с преступлением отца; но он был тронут скорбью Марцелла, и щедрость императора постаралась залечить рану, нанесенную рукою правосудия⁶⁹).

Юлиан не был равнодушен к выгодам, доставляемым общественной свободой⁷⁰). Из своих ученых занятий он впитал в себя дух древних мудрецов и героев, его жизнь и его судьба зависели от каприза тирана, и, когда он вступил на престол, его гордость нередко бывала унижена той мыслью, что рабы, которые не осмелились бы порицать его недостатки, неспособны ценить его добродетелей⁷¹). Он питал искреннее отвращение к восточному деспотизму, установленному к империи Диоклетианом, Константином и восьмидесятилетней привычкой к покорности. Основанный на суеверии мотив не позволял Юлиану исполнить нередко возникавшее в его уме намерение избавить свою голову от тяжести дорогой диадемы⁷²), но он решительно отказался от титула *Dominus*, или *Господин*⁷³), с которым уже так свылся слух римлян, что они совершенно позабыли о его рабском и унижительном происхождении. Должность или, скорее, название консула было приятно для монарха, с уважением взиравшего на все, что оставалось от республики, и он по сознательному выбору и по склонности держался той политики, которую Август принял из предусмотрительности. В январские календы, лишь только рассвело, новые консулы Мамертин и Невитта поспешили во дворец, чтобы приветствовать императора. Когда его уведомили об их приближении, он встал со своего трона, поспешил к ним навстречу и заставил сконфуженных сановников принять изъявления его притворной покорности. Из дворца они отправились в сенат. Император шел пешком

впереди их носилок, и глазевшая толпа любовалась зрелищем, напоминавшим старые времена, или втайне порицала образ действий, унижавший в ее глазах императорское достоинство⁷⁴). Впрочем, Юлиан во всех своих действиях неизменно держался одних и тех же принципов. Во время происходивших в цирке игр он, по неосмотрительности или с намерением, отпустил на волю одного раба в присутствии консула. Лишь только ему напомнили, что он присвоил себе право, принадлежащее другому сановнику, он присудил самого себя к уплате пени в десять фунтов золота и воспользовался этим случаем, чтобы публично заявить, что он, точно так же, как и все его сограждане, обязан соблюдать законы⁷⁵) и даже формы республики. Согласно с общим духом своего управления и из уважения к месту своего рождения Юлиан предоставил константинопольскому сенату такие же отличия, привилегии и власть, какими пользовался сенат Древнего Рима⁷⁶). Была введена и мало-помалу упрочилась легальная фикция, что половина национального собрания переселилась на восток, а деспотические преемники Юлиана, принявши титул сенаторов, признали себя членами почтенного собрания, которому было дозволено считать себя представителем величия римского имени. Заботливость монарха, не ограничиваясь Константинополем, распространилась и на муниципальные сенаты провинций. Он несколькими эдиктами уничтожил несправедливые и вредные льготы, устранявшие стольких досужих граждан от службы их родине, а благодаря справедливому распределению общественных обязанностей он возвратил силу, блеск и (по живописному выражению Либания⁷⁷) душу издыхавшим городам своей империи. Древние времена Греции возбуждали в душе Юлиана нежное соболезнование, воспламенявшееся до восторженности, когда он вспоминал о богах и героях и тех людях, возвышавшихся над богами и героями, которые завещали самому отдаленному потомству памятники своего гения и пример своих добродетелей. Он облегчил стесненное положение городов Эпира и Пелопоннеса и возвратил им их прежний блеск⁷⁸). Афины признавали его своим благодетелем, а Аргос - своим избавителем. Гордый Коринф, снова восставший из своих развалин с почетными отличиями римской колонии, требовал от соседних республик дани для покрытия расходов на публичные зрелища, которые устраивались на перешейке и заключались в том, что в амфитеатры ставили медведей и барсов. Но города Элида,

Дельфы и Аргос, унаследовавшие от дальних предков священную обязанность поддерживать Олимпийские, Пифийские и Немейские игры, основательно требовали для себя освобождения от этого налога. Привилегии Элиды и Дельфы были уважены коринфянами, но бедность Аргоса внушила смелость угнетателям, и слабый протест его депутатов был заглушен декретом провинциального сановника, заботившегося, как кажется, лишь об интересах столицы, в которой находилась его резиденция. Через семь лет после того, как состоялось это решение, Юлиан⁷⁹⁾ дозволил принести на него апелляцию в высший трибунал и употребил свое красноречие - вероятно с успехом - на защиту города, который был резиденцией Агамемнона⁸⁰⁾ и дал Македонии целое поколение царей и завоевателей⁸¹⁾.

Юлиан употреблял свои дарования на дела военного и гражданского управления, увеличившиеся числом соразмерно с расширением империи, но он сверх того нередко принимал на себя обязанности оратора⁸²⁾ и судьи⁸³⁾, с которыми почти вовсе незнакомы новейшие европейские монархи. Искусство убеждать, которое так тщательно изучали первые цезари, было оставлено в совершенном пренебрежении воинственным невежеством и азиатской гордостью их преемников; если же они снисходили до того, что обращались с речами к солдатам, которые внушали им страх, зато они относились с безмолвным пренебрежением к сенаторам, которые внушали им презрение. Заседания сената, которых избегал Констанций, считались Юлианом за самое удобное место, где он мог высказывать свои республиканские принципы и выказывать свои ораторские способности. Там, точно в школе декламации, он изоощрялся попеременно то в похвалах, то в порицаниях, то в увещеваниях, а его друг Либаний заметил, что изучение Гомера научило его подражать и безыскусному сжатому стилю Менелая, и многоречивости Нестора, из уст которого слова сыпались как хлопья зимнего снега, и столько же трогательному, сколько энергичному красноречию Улисса. Обязанности судьи, не всегда совмещающиеся с обязанностями монарха, исполнялись Юлианом не только по чувству долга, но и ради развлечения, и, хотя он мог бы полагаться на честность и прозорливость своих преторианских префектов, он нередко садился рядом с ними за судейским столом. Его проницательный ум находил приятное для себя занятие в том, что старался разоблачать и опровергать придирки адвокатов, старавшихся скрыть правду и из-

вратить смысл законов. Он иногда позабывал о своем высоком положении, делал нескромные и неуместные вопросы и обнаруживал громкими возгласами и оживленными жестами горячее убеждение, с которым он отстаивал свои мнения против судей, адвокатов и их клиентов. Но сознание своих собственных недостатков заставляло его поощрять и даже просить своих друзей и министров, чтобы они сдерживали его увлечения, и всякий раз, как эти последние осмеливались возражать на его страстные выходки, зрители могли заметить выражение стыда и признательности на лице своего монарха. Декреты Юлиана почти всегда были основаны на принципах справедливости, и он имел достаточно твердости, чтобы противостоять двум самым опасным соблазнам, осаждающим трибунал монарха под благовидными формами сострадания и справедливости. Он решал тяжбы без всякого внимания к положению тяжущихся, и бедняк, участь которого он желал бы облегчить, присуждался им к удовлетворению справедливых требований знатного и богатого противника. Он тщательно отделял в себе судью от законодателя⁸⁴⁾, и, хотя он замышлял необходимую реформу римского законодательства, он постановлял свои решения согласно со строгим и буквальным смыслом тех законов, которые судья был обязан исполнять и которым подданный был обязан подчиняться.

Если бы монархам пришлось лишиться своего высокого положения и остаться без всяких денежных средств, они большей частью немедленно снизошли бы в низшие классы общества без всякой надежды выйти из неизвестности. Но личные достоинства Юлиана были в некоторой мере независимы от фортуны. Какую бы он ни избрал карьеру, он достиг бы или, по меньшей мере, оказался бы достойным высших отличий своей профессии благодаря своему непреклонному мужеству, живости своего ума и усидчивому прилежанию; он мог бы возвыситься до звания министра или начальника армии в той стране, где он родился простым гражданином. Если бы завистливая прихоть правителя обманула его ожидания или если бы он из благоразумия не захотел идти по тому пути, который ведет к величию, он стал бы упражнять те же дарования в уединенных занятиях, и власть королей не могла бы влиять ни на его земное благополучие, ни на его бессмертную славу. Кто будет рассматривать портрет Юлиана с мелочным или, быть может, недоброжелательным вниманием, тот найдет, что чего-то недостает для изящества и

красоты его наружности. Его гений был менее могуч и менее высок, чем гений Цезаря, и он не обладал высокой мудростью Августа. Добродетели Траяна кажутся более надежными и естественными, а философия Марка Аврелия более проста и последовательна. Однако и Юлиан выносил несчастья с твердостью, а в счастье был воздержан. После ста двадцатилетнего промежутка времени, истекшего со смерти Александра Севера, римляне созерцали деяния такого императора, который не знал других удовольствий, кроме исполнения своих обязанностей, который трудился с целью облегчить положение своих подданных и вдохнуть в них бодрость и который старался всегда соединять власть с достоинством, а счастье с добродетелью. Даже крамола, и даже религиозная крамола, нашлась вынужденной признать превосходство его гения и в мирных, и в военных делах управления и с прискорбием сознаться, что вероотступник Юлиан любил свое отечество и был достоин всемирного владычества⁸⁵).

¹⁾ Omnes qui plus poterant in palatio, adulandi professores jam docti, recte consulta, prospereque completa vertebant in deridiculum, talia sine modo strepentes insulse; in odium venit cum victoriis suis; capella, non homo; ut hirsutum Julianum carpentes, appellantesque loquacem talpam, et purpuratam simiam, et litterionem Graecum; et his congruentia plurima atque vernacula principi resonantes, audire haec taliaque gestienti, virtutes ejus obruere verbis impudentibus conabantur, ut segnem incessentes et timidum et umbratilem, gestaque secus verbis comptioribus exornantem. Аммиан, XVII, II.

²⁾ Аммиан, XVI, 12. Оратор Фемистий (IV, стр. 56, 57) верил всему, что содержалось в императорских письмах, которые были адресованы к константинопольскому сенату. Аврелий Виктор, издавший свое сокращение в последний год царствования Констанция, приписывает победы над германцами мудрости императора и счастью цезаря. Однако этот историк вскоре после того был обязан милостям и уважению Юлиана тем, что ему была воздвигнута бронзовая статуя и что он получил важную должность консуляра второй Паннонии и городского префекта. Аммиан, XXI, 10. (На одной из монет Юлиана стоит надпись *Victoria Augustorum*. Эггелъ объясняет ее тем, что Констанцию приписывалась честь участия в успешных войнах юного цезаря с германцами. В этом случае Юлиан, без сомнения, сообразовался с обычаями того времени и с советами своей покровительницы Евсевии: когда Констанций не решался назначить своего двоюродного брата своим представителем в галлии, она уверяла его, что этот преданный подчиненный будет приписывать своему начальнику все победы, какие он одержит, — «*faciet ut imperatori felices illi successus adscribantur*». Эггелъ, *Num. Vet.*, ч. VIII, стр. 128. — *Издает.*)

³⁾ *Callido nocendi artificio accusatoriam diritatem laudum titulis peragebant... Hae voces fuerunt ad inflammanda odia probis omnibus potentiores.* См. Мамертина in *Actione Gratiarum*, in *Vet. Panegyrr.*, XI, 5, 6.

⁴⁾ Короткий промежуток времени, который можно предполагать между аммиановскими *hujus aetate* и *primo vere* (XX, 1—4), вместо того, чтоб быть достаточным для перехода в три тысячи миль, заставил бы считать приказания Констанция столько же безрассудными, сколько они были несправедливы. Галльские войска не могли достигнуть Сирии прежде конца осени. Или воспоминания Аммиана были неясны, или он выражался неточно.

⁵⁾ Аммиан, XX, I. Храбрость Лупициния и его военные дарования признаются этим историком; но на своем вычурном языке он обвиняет генерала в том, что он слишком высоко подымает рога своей гордости, ревет страшным образом и возбуждает сомнение насчет того, что в нем сильнее — жестокосердие или алчность. Опасность от вторжения скоттов и пиктов была так велика, что Юлиан намеревался сам отправиться на место военных действий.

⁶⁾ Он дал им позволение пользоваться тем, что называлось *cursus clavularis* или *clabularis*. Эти почтовые экипажи часто упоминаются в кодексе; они, как полагают, могли выносить тяжесть в тысячу пятьсот фунтов. См. Валуа ad *Ammian.* XX, 4. (Это прежде называлось *Cursus Angarialis*. См. Дюканжа. Это название происходило, через посредство греков, от *Angari*, или персидских публичных гонцов, придумавших этот быстрый способ сообщения между отдаленными один от другого пунктами (Геродот. *Uran.*, гл. 98). У тех же персов существовал быстрый способ передачи известий, несколько похожий на голосовой телеграф и описанный Диодором Сицилийским (кн. 19, стр. 233): с одной возвышенности на другую передавались громкие звуки, пробегая в один день длину тридцатидневной ходьбы. Но письмены, употреблявшиеся Антигоном (*ib.*, стр. 326), как кажется, были то же, что *Angari*. Кучера колесниц или телег, употреблявшиеся для этой цели римлянами, назывались *clavati* или *clavulares* от слова *clava* — дубина или палка, которую они имели при себе; отсюда первоначальное чужеземное название было заменено ту—

земным названием *cursus clauvaris*, которое употребляется Аммианом Марцелином и в Кодексе. — Издат.)

7) Это, вероятно, был так называемый дворец Бань (*Thermaum*), от которого до сих пор сохранилась в rue de Harpe одна прочно выстроенная и высокая зала. Здания занимали значительное пространство теперешнего университетского квартала, а сады, в царствование Меровингов, сообщались с аббатством St. Germain des Pres. Этот старинный дворец обратился в двенадцатом столетии в кучу развалин от разрушительной руки времени и норманнов; его мрачные внутренние апартаменты бывали сценами разврата.

Explicat aula sinus montemque alis;

Multiplaci latebra sceierum tersura ruborem.

..... pœreuntis sæpe pudoris

Celatura nefas, Venerisque accommoda furtis.

(Эти строки взяты из Архитрения, кн. 4, кл. 8, — поэтического произведения Джона Готевилла или Ганвилля, монаха из Сент-Альбана, писавшего около 1190 г. См. Вертона, Историю Английской Поэзии, ч. 1, диссерт. 2.) Однако такие похищения были менее пагубны для человечества, чем богословские споры Сорбонны, происходившие впоследствии на той же почве. Вонами, *Mem. de l'Academie*, том XV, стр. 678—682.

8) Даже в эту минуту общей суматохи Юлиан придерживался своих суеверий и упорно отказывался надеть вместо диадемы женское ожерелье или лошадиное украшение, которые предлагались ему солдатами; он полагал, что употребление этих предметов было бы дурным предзнаменованием.

9) По равному количеству золота и серебра — по пяти монет первого и по одному фунту второго; все это вместе составляло на наши деньги около пяти фунт. стерл. и десяти шиллингов.

10) Подробное описание этого мятежа можно найти в подлинных и оригинальных произведениях самого Юлиана (*ad S.P.Q. Atheniensem*, стр. 282—284); Либания (*Orat. Parental.* гл. 44—48, в *Bibliot. Graec.* Фабриция, том VII, стр. 369—273); Аммиана (XX, 4) и Зосима (кн. 3, стр. 151—153), который — в том, что касается царствования Юлиана, — как кажется, придерживался более почтенного авторитета Еванпия. Имея таких руководителей, мы можем относиться с пренебрежением к сократителям и к церковным историкам.

11) Евтропий, авторитет которого заслуживает уважения, употребляет сомнительное выражение «*consensu militum*» X, 15. Григорий Назианзин, невежество которого может служить извинением его фанатизма, прямо обвиняет вероотступника в самомнении, безрассудстве и нечестивом мятеже, *aythadeia*, *arponia*, *asebeia* *Orat.* 37 стр. 67.

12) Юлиан, *ad S.P.Q. Athen.*, стр. 284. Благочестивый аббат де-ла Блетери (*Vie de Julien*, стр. 159) почти готов уважить благочестивые заявления язычника.

13) Аммиан, XX, 5, с примечанием Линденброгия о Гении империи. Сам Юлиан в конфиденциальном письме к своему другу и доктору Орибазию (*Epist.* 17, стр. 384) говорит о другом сновидении, которое предшествовало событию и которое поразило его; он видел огромное дерево поваленным на землю и небольшое растение, пустившее в землю глубокие корни. Должно быть, даже во время сна ум цезаря волновался надеждами и опасениями. Зосим (кн. 3, стр. 155) рассказывает о сновидении, виденном уже после события.

14) Трудности положения того, кто стоит во главе взбунтовавшейся армии, очень хорошо описаны Тацитом (Ист., 1, 80—85). Но Отон был более виновен, чем Юлиан, и гораздо менее даровит.

15) К этому открытому посланию он присовокупил, по словам Аммиана, частные письма *obiurgatorias et mordaces*, которых историк не видел и которых он не захотел бы опубликовать. Может быть, они никогда и не существовали.

16) См. о первых деяниях его царствования in Julian ad S.P.Q. Athen., стр. 285, 286. Аммиан, XX, 5, 8. Либаний, *Orat. Parent*, гл. 49, 50, стр. 273–275.

17) Либан. *Orat. Parent*, гл. 50, стр. 275, 276. Это были странные беспорядки, так как они продолжались более семи лет. Во время раздоров между греческими республиками число изгнанников доходило до двадцати тысяч, и Исократ уверял Филиппа, что было бы легче набрать армию из бродяг, чем из городских жителей. См. *Essays* Юма, том 1, стр. 426, 427. (По словам Нибура (Лекции, ч. 3, стр. 332), война галльских крестьян, которые под именем багаудов «взялись за оружие для самозащиты против вымогательства правительства» (как замечено Гиббоном, ч. 1, гл. 13, стр. 449), продолжалась с небольшими перерывами с царствования Галлиена до распада империи. Весьма вероятно, что эти инсургенты и доставили рекрут для Юлиановой армии: им был расчет поддерживать такого государя, который обнаружил намерение уменьшить тяжесть налогов. – *Издат.*)

18) Юлиан (*Epist.* 38, стр. 414) вкратце описывает Везонцию, или Безансон: утесистый полуостров, почти со всех сторон омываемый рекою Доих: когда-то был великолепным городом, имел множество храмов и пр., а теперь это маленький городок, впрочем, поднимающийся из своих развалин.

19) Теперешняя Виенна, на берегах Роны, к югу от Лиона. Иногда ее ошибочно принимают за Виндобонум – новейшую Вену, столицу Австрии. – *Издат.*

20) Вадомер вступил в римскую службу и из правителя варварского королевства был возведен в военный ранг герцога Финикии. Он оставался таким же вероломным, каким был прежде (Аммиан, XXI, 4), но в царствование Валента отличился своей храбростью в Армянской войне. (XXIX, 1.)

21) Аммиан, XX, 10; XXI, 3, 4. Зосим, кн. 3, стр. 155.

22) Ее смертные останки были отвезены в Рим и погребены рядом с ее сестрой Константиной в предместье *Via Nomentana*. Аммиан XXI, 1. Либаний написал очень слабую апологию, чтобы оправдать своего героя от нелепого обвинения в том, что он отравил свою жену и наградил за это ее доктора драгоценностями, принадлежащими его матери. (См. седьмую и семнадцатую из новых речей, изданных в Венеции в 1754-м с манускрипта, находящегося в библиотеке св. Марка, стр. 117–127.) Либаний называет изнеженным и неблагодарным преторианского префекта восточных провинций Эппидия, на свидетельство которого ссылается обвинитель Юлиана; однако св. Иероним хвалит благочестие Эппидия (том 1, стр. 243), а Аммиан – его человеколюбие (XXI, 6).

23) *Feriarum die quem celebrantes mense Januario, Christiani Epiphania dictitant, progressus in eorum ecclesiam, solemniter numine orato discessit.* Аммиан, XXI, 2. Зонара замечает, что это произошло на Рождество, и его мнение не лишено основательности, так как церкви египетская, азиатская и, может быть, галльская праздновали в один и тот же день [шестого января] и Рождество, и Крещение Спасителя. Римляне, столько же незнакомые, как их собратья, с настоящим днем его рождения, назначили празднование на 25 декабря, на *Brumalia*, или время зимнего солнцестояния, когда язычники ежегодно праздновали рождение Солнца. См. Бингама, Древности христианской Церкви, кн. 20, гл. 4 и Бособра *Hist. Critique du Manichisme*, том 2, стр. 690–700.

24) Сведения о публичных и о тайных переговорах между Констанцием и Юлианом можно извлечь – но с осмотрительностью – из сочинений самого Юлиана [*Orat. ad S. P. Q. Athen.*, стр. 286] Либания [*Orat. Parent*, гл. 51, стр. 276] Аммиана [XX, 9], Зосима [кн. 3, стр. 154] и даже Зонары [том 2, кн. 13, стр. 20–22] который, как кажется, черпал в этом случае из ценных источников.

25) Триста мириад, или три миллиона *medimni*; эта хлебная мера была в большом употреблении у афинян; она содержала шесть римских *modii*. Юлиан объясняет как воин и как государственный человек опасности своего положения и как необходимость, так и выгоды наступательной войны [*ad S. P. Q. Athen.*, стр. 286, 287].

26) См. касательно его речи и поведения его войск Аммиана XXI, 5.

27) Он грубо отказался дать свою руку умолявшему префекту и отправил его в Тоскану [Аммиан, XXI, 5]. Либаний нападает с дикой яростью на Небридия, хвалит солдат и почти порицает Юлиана за его человеколюбие [*Orat. Parent.*, гл. 53, стр. 278].

28) Аммиан, XXI, 8. При этом назначении Юлиан¹ придерживался того закона, исполнению которого он публично подчинил самого себя. *Neque civilisquisquam iudex nec militaris rector, alio quodam praeter merita suffragante, ad potia rem veniat gradum* [Аммиан, XX, 5]. Разлука не ослабила его уважения к Саллюстию, именем которого [336 г. после Р. X.] он почтил консульское звание.

29) Аммиан [XXI, 8] полагает, что Александр Великий и другие даровитые полководцы поступали точно так же и по таким же мотивам.

30) Этот лес составлял часть большого Герцинианского леса, который простирался, во времена Цезаря, от страны равраков [Базеля] до самых отдаленных северных стран. См. Ключье, *Germania Antiqua*, кн. 3, гл. 47.

31) Сравн. *Orat. Parent.* Либания, гл. 53, стр. 278, 279, с *Orat.* Григория Назианзина, стр. 68. Даже этот святой удивляется быстроте и таинственности этого похода. Один из новейших богословов мог бы отнести к Юлиану те строки, которые первоначально относились к другому вероотступнику:

So eagerly the fiend,

O'er bog, or steep, through strait, rough, dense, or rare,

With head, hands, wings, or feet, pursues his way,

And swims, or sinks, or wades, or creeps, or flies.

Потерянный Рай, кн. VII.

31) К этому промежутку времени *Notitia* относит два или три флота — *Lauriacensis* [в Лавриакуме или Лорхе], *Arlapensis* и *Maginensis* и упоминает о пяти легионах или когортах либурнов, которые, должно быть, были чем-то вроде моряков. Отдел, 58, изд. Лабб. [Это был экипаж так называемых *Liburnae*, или легких судов римского флота. Либурны были иллирийский народ, живший на том северо-восточном берегу Адриатического моря, который называется теперь Хорватией. Для морских разбоев, доставлявших им средства существования, они употребляли небольшие суда, построенные так, чтобы они могли быстро двигаться по воде. В битве при Акциуме у Октавия было во флоте много таких судов; он был в значительной мере обязан своей победой тому, что эти суда благодаря быстроте своих движений имели большие преимущества над неповоротливыми египетскими галерами Антония. С той поры эти барки, под именем *Liburnae*, сделались любимой частью римского флота и употреблялись преимущественно на таких больших реках, как Дунай. Эти подробности можно найти у Верегия [*De Re Milit.*, кн. 4] и у Аппиана [кн. 4]; он объясняет смысл слов Горация [*Carmin.*, кн. 1, 37, 30 и Эпод. кн. 1] — *Издат.*]

32) Зосим единственный писатель [кн. 3, стр. 156], который сообщает эти интересные подробности. Мамертин [*in Panegy. Vet.* 11, 6—8], сопровождавший Юлиана в качестве графа священных щедрот, описывает это путешествие цветистым и живописным слогом, сравнивает его с путешествиями Триптолема и аргонавтов и пр.

33) Описание Аммиана, которое может быть подкреплено побочными свидетельствами, в точности указывает положение *Angustiae Succorum* или дефилеев *Succi*. Ан-

вить, увлекшись некоторым сходством в названиях, поместил их между Сардиной и Эссом. Ради моего собственного оправдания я вынужден указать на единственную ошибку, найденную мною в планах и в сочинениях этого превосходного географа. [Теперешние Балканы назывались у древних Гемусом. См. Путешествия Кларка, изд. in -80, ч. 8, стр. 220. Описанный этим путешественником самый узкий проход, называемый Bouscoze, вероятно, и был дефилей Succì — *Издат.*]

³⁴⁾ Хотя бы мы и заимствовали некоторые подробности от других писателей, мы руководствуемся в главной нити рассказа тем, что сообщает нам Аммиан [XXI, 8–10].

³⁵⁾ Аммиан, XXI, 9, 10. Либаний *Orat. Parent.*, гл. 54, стр. 279, 280. Зосим, кн. 3, стр. 156, 157.

³⁶⁾ Юлиан [*ad S. P. Q. Athen.*, стр. 286] положительно утверждает, что он перехватил письма Констанция к варварам, а Либаний так же положительно утверждает, что он читал их войскам и городам во время похода. Однако Аммиан [XXI, 4] выражается по этому поводу с характерным сомнением: «*si factae solius admittenda est fides*». Впрочем, он говорит об одном перехваченном письме Вадомера к Констанцию, которое заставляет думать, что между ними велась интимная переписка. «*Caesar tuus disciplinam non habet*».

³⁷⁾ Зосим упоминает о его посланиях к афинянам, коринфянам и лакедемонянам. Содержание их, вероятно, было одинаковое, хотя внешняя форма и могла быть различна. Послание к афинянам дошло до нас [стр. 268–287], и мы почерпнули оттуда много ценных сведений. Оно удостоилось похвал от аббата де-ла Блетери [*Pref. a l'Histoire de Jovien*, стр. 24, 25] и представляет один из лучших манифестов, какие только были написаны на каком-либо языке.

³⁸⁾ *Auctori tuo reverentiam rogamus*. Аммиан, XXI, 10. Интересна происходившая в душе сенаторов борьба между лестью и страхом. См. Тацита, *Ист.*, кн. 85.

³⁹⁾ *Tanquam venaticiam praedam caperet: hoc enim ad leniendum suorum metum subinde praedicabat*. Аммиан, XXI, 7.

⁴⁰⁾ См. речь и приготовления у Аммиана, XXI, 13. Низкий Феодот впоследствии просил и получил прощение от великодушного победителя, объявившего, что он желает уменьшать число своих врагов и увеличивать число своих друзей [XXII, 14].

⁴¹⁾ Аммиан, XXI, 7, 11, 12. Он, по-видимому, потратил слишком много труда на описание осады Аквилеи, которая и в этом случае поддержала свою репутацию неприступной крепости. Григорий Назианзин [*Orat.* 3, стр. 68] приписывает это случайное восстание мудрости Констанция и, по-видимому, не без основания предсказывает ему верную победу. — *Consantio quem credebat proculdubio fore victorem: nemo enim omnium tunc ad hac constanti sententia discrebat*. Аммиан, XXI, 7.

⁴²⁾ Аммиан верно описывает его смерть и его характер [XXI, 14–16], и мы вправе относиться с презрением и отвращением к нелепой клевете Григория Назианзина [*Orat.* 3, стр. 68], который обвиняет Юлиана в составлении заговора против жизни своего благодетеля. Высказанные императором в частной беседе сожаления о том, что он пощадил жизнь Юлиана и возвысил его [стр. 69 *Orat.* 21, стр. 389], сами по себе не лишены правдоподобия; их также нельзя считать несовместимыми с публичным словесным завещанием, которое могло быть внушено ему в последние минуты его жизни требованиями предусмотрительности.

⁴³⁾ В описании триумфа Юлиана Аммиан [XXII, 1, 2] выражается возвышенным тоном оратора или поэта, тогда как Либаний [*Orat. Parent.*, гл. 56, стр. 281] нисходит до серьезной безыскусственности историка.

⁴⁴⁾ Погребение Констанция Аммианом [XXI, 16], Григорием Назианзином [*Orat.* 4, стр. 119], Мамертином [*in Panegy. Vet.* XI, 27], Либанием [*Orat. Parent.*, гл. 56, стр. 283] и Филосторгием [кн. 6, гл. 6, с Диссертациями Годефруа, стр. 265]. И эти пи—

сатели и их последователи языческие, кафолические и арианские смотрели совершенно различными глазами и на нового императора, и на умершего.

⁴⁵⁾ День и год рождения Юлиана не определены с точностью. Его день рождения, вероятно, был 6 ноября, а год был 331-й или 332-й. Тильмеон, *Hist. des Empereurs*, том IV, ст. 693. Дюканж, *Fam. Byzantin.*, стр. 50. Я предпочел более ранний год. [Что Юлиан родился в Константинополе в 331 г. после Р. X., доказываются некоторыми местами из его собственных сочинений; см. Клинт. *F. R. I.*, 386, 421. Месяц не определен с точностью. По словам Идация, Констанций умер 3 ноября, Юлиан вступил в Константинополь 3 декабря 361 г., и в это время ему только минуло тридцать лет. — *Издат.*]

⁴⁶⁾ Сам Юлиан [стр. 253–267] выразил эти философские идеи с большим красноречием и с некоторой аффектацией в тщательно отделанном послании к Фемистию. Аббат де-ла Блетери [том II, стр. 146–193], сделавший изящный перевод этого послания, полагает, что это был знаменитый Фемистий, речи которого дошли до нас.

⁴⁷⁾ Юлиан *ad. Themist.*, стр. 258. Петавий [прим. стр. 95] замечает, что это место взято из четвертой книги *de Legibus*; но или Юлиан цитировал по памяти, или его манускрипт отличался от наших. Ксенофонт начинает Киропедию таким же замечанием.

⁴⁸⁾ *Ho de anthrōpon keleyōn archein, prostithēsi kai thērion* (К человеку властвующему и приказывающему присоединяется еще и зверь. — *Перев. ред.*). Арист. *ar Julian*, стр. 261. Манускрипт Воссия, не довольствуясь одним зверем, употребляет более сильное выражение *thēria* (звери), за которое может ручаться знакомство на опыте с деспотизмом.

⁴⁹⁾ Либаний [*Orat. Parentalis*, гл. 84, 85, стр. 310–312] сообщает эту интересную подробность о жизни Юлиана. Сам Юлиан говорит [*in Misorogon*, стр. 350] о своем питании овощами и нападает на грубые чувственные наклонности жителей Антиохии.

⁵⁰⁾ *Lectulus... Vestalium toris purior* — такова похвала, с которой Мамертин [*Panegy. Vet.*, XI, 13] обращается к самому Юлиану. Либаний утверждает в кратких, но положительных выражениях, что ни до своей женитьбы, ни после смерти своей жены Юлиан никогда не имел любовной связи ни с одной женщиной [*Orat. Parent.*, гл. 88, стр. 313]. Целомудрие Юлиана подтверждается беспристрастным свидетельством Аммиана [XXV, 4] и пристрастным молчанием христиан. Однако Юлиан с иронией отзывался об упреке, который делали ему жители Антиохии, что он почти всегда (*ὅς ἐρίπαν*, *in Misorogon*, стр. 345) спал один. Это подозрительное выражение объяснено аббатом де-ла Блетери [*Hist. de Jovien*, том 2, стр. 103–109] добросовестно и остроумно.

⁵¹⁾ См. Салмазия *ad Sueton. in Claud.* гл. 21. Был прибавлен двадцать пятый бег или *missus*, чтобы пополнить число ста колесниц; в каждом беге участвовали четыре разноцветные колесницы:

Centum quadrijugos agitabo ad flumina currus.

Они, как кажется, пробегали пять или шесть раз вокруг *Meta* [Светон. *in Domitian*, гл. 4], что составляло [судя по размерам римского *circus maximus*, константинопольского ипподрома и пр.] длину бега почти в четыре мили.

⁵²⁾ Юлиан *in Misorogon*, стр. 240. Юлий Цезарь оскорбил римских жителей тем, что читал во время бега полученные им депеши. Август удовлетворял их наклонности или свои собственные, оказывая постоянное внимание к играм цирка, к которым он, по-видимому, питал самое пылкое влечение. Светон. *in August.*, гл. 45.

⁵³⁾ Дворцовые преобразования описаны Аммианом [XXII, 4], Либанием [*Orat. Parent.*, гл. 62, стр. 288 и пр.], Мамертином [*in Panegy. Vet.*, XI, II], Сократом [кн. 3, гл. 1] и Зонарой [том 2, кн. 13, стр. 24].

⁵⁴⁾ *Ego non rationalem jussi sed tonsorem acciri*. Зонара употребляет менее умное слово *сенатор*. Однако сборщик податей, пресыщенный богатствами, мог добиваться отличий сенаторского звания и получить их.

55) Mageiroy's men chilioys, koyrees de oyk elattoys, oinochooys de pleioys, smēnē trapedzopoiōn, eynoychoys hyper tas myias para tois poimesin en ēri (Поваров тысячи, цирюльников немало, виночерпиев множество, толпы готовящих трапезу, евнухов же – больше, чем мух, облепивших стадо на выпасе. – *Перев. ред.*) – таковы подлинные выражения Либания, которые я привожу слово в слово, для того чтобы меня не могли заподозрить в преувеличении дворцовых злоупотреблений.

56) Выражения Мамертина живы и энергичны: «Quin etiam prandiorum et coenarum laboratas magnitudines Romanus populus sensit; cum quaesitissimae dapes non gustu sed difficultatibus aestimarentur; miracula avium, longinqui maris pisces, alieni temporis poma, aestivae nives, hybarnae rosaer».

57) Однако самого Юлиана обвиняли в том, что он дарил евнухам целые города [Orat. 7 против Поликлета, стр. 117–127]. Либаний ограничивается хладнокровным, но положительным отрицанием факта, который, по-видимому, скорее можно отнести к Констанцию. Впрочем, это обвинение могло быть намеком на какое-нибудь неизвестное нам обстоятельство.

58) В Мизопогоне [стр. 338, 339] он описывает самого себя в очень странном виде, а следующие слова чрезвычайно характеристичны: Aytas prosetheina ton bathyn toyton pogōna... tahta toi diatheontōn anechomai tōn phtheirōn hōsper en lochmē tōn theriōn – Он поражал в глубине своей бороды (насекомых)... и носил их, раздавленных до смерти, подобно зверям, носящим их в своей шерсти. – (*Перев. ред.*) Друзья аббата де-ла Блетери умоляли его от имени французской нации не переводить этого места, столь оскорбительного для их деликатности [Hist. de Jovien, том II, стр. 94]. Подобно ему, и я ограничился легким намеком, но то маленькое насекомое, которое Юлиан называет по имени, очень близко знакомо людям и служит эмблемой сердечной привязанности.

59) Юлиан, Epist. 23, стр. 389. Он употребляет слова polykephalon hydran (многоголовая гидра) в письме к своему другу Гермогену, который, подобно ему самому, был хорошо знаком с произведениями греческих поэтов.

60) Не следует смешивать между собою двух Саллюстиев, из которых один был префектом Галлии, а другой префектом восточных провинций [Hist. des Empereurs, том IV, стр. 696]. Я нашел весьма уместным эпитет Secundus. Второй Саллюстий умел внушить уважение даже христианам, а Григорий Назианзин, осуждавший его религию, восхвалял его добродетели [Orat. 3, стр. 90]. См. интересное примечание аббата де-ла Блетери, Vie de Julien, стр. 363. Клинтон [F. R. II, 112] ясно указал различие между двумя Саллюстиями, которых смешивали и Вольф, и Валуа, и Рейтемейнер. Галльский префект был товарищем Юлиана по консульству 363 года. – *Издат.*

61) Мамертин хвалит императора [XI, 1] за то, что возложил должности казначея и префекта на такого мудрого, твердого, честного и пр. человека, каков он, Мамертин. Однако Аммиан [XXI, 1] ставит его наряду с теми министрами Юлиана, quorum merita norat et fidem.

62) Аммиан описывает приемы этого суда [XX, 3], а Либаний [Orat. Parent, гл. 74, стр. 299, 300] хвалит их.

63) Ursuli vero necem ipsa mihi videtur flesse iustitia. Либаний, приписывая его смерть солдатам, старается обвинить и Графа священных щедрот.

64) Еще так уважались почтенные названия республиканских должностных лиц, что публика была удивлена и скандализирована тем, что в консульство Тавра вызывается в суд Тавр как преступник. Вызов к суду его товарища Флоренция, вероятно, был отложен до начала следующего года.

65) Аммиан, XX, 7.

66) Касательно преступления и наказания Артемия см. Юлиана [Epist. 10, стр. 379] и Аммиана [XXII, 6 и Val. ad. loc.]. Заслуги Артемия, разорявшего языческие

храмы и лишенного жизни вероотступником, внушили греческим и латинским церквям мысль считать его за мученика. Но так как история церкви свидетельствует, что он был не только тиран, но и арианин, то было бы нелегко оправдать столь легкомысленную награду. Тильемон, *Mém. Eccles.* том VII, стр. 1319.

⁶⁷⁾ См. Аммиана, XX, 6 и Val. ad locum, а также Кодекс Феодосия, кн. 2, тит. 39, зак. 1 и Комментарий Годефруа, том 1, стр. 218, ad locum.

⁶⁸⁾ Монтескье (*Considerations sur la Grandeur etc. des Romains*, гл. 14) в Полном собрании его сочинений, том III, стр. 448, 449 оправдывает такую мелочную и налетую тиранию на основании того предположения, что поступки, незначительные в наших глазах, могли возбуждать в уме римлян мысль о преступлении и опасности. Эту странную апологию он подкрепляет странным изречением смысла английских законов — «chez une nation... ou il est défendu de boire à la santé d'une certaine personne».

⁶⁹⁾ Милосердие Юлиана и заговор, составленный против его жизни в Антиохии, описаны Аммианом (XXII, 9, 10 и Val. ad loc.) и Либанием (*Orat. Parent*, гл. 99, стр. 323.)

⁷⁰⁾ Аристотель говорит (его слова цитируют Юлиан и Фемист., стр. 261), что форма абсолютного правления... противна природе. Однако человек, который был и монархом, и философом, предпочел искусно и старательно окружить эту вечную истину мраком.

⁷¹⁾ Эта мысль выражена почти теми же словами, какими ее выразил сам Юлиан. Аммиан, XXII, 10.

⁷²⁾ Либаний (*Orat. Parent*, гл. 95, стр. 320), упоминая об этом желании и намерении Юлиана, намекает в таинственных выражениях (θεὸν ἠοὐτὸ γνόντων... αἱ εἰ ἀπεινῶν ἢ κοῦβιν — Итак, он знал намерение богов... но решил, что лучше воздержаться. — *Перев. ред.*) на то, что императора удержало какое-то особое откровение свыше.

⁷³⁾ Юлиан, *Мизопогон*, стр. 343. Так как он никогда не отменял никаким публичным законом надменных титулов *Despot* и *Dominus*, то они до сих пор сохранились на его медальях (Дюканж, *Fam. Byzantin*, стр. 38, 39); а нерасположение, которое он выражал к этим титулам частным образом, лишь придавало иной тон природной лести. Аббат де-ла Блетери (*Hist. de Jovien*, том II, стр. 99—102) интересно описал происхождение и употребление слова *Dominus* при императорском управлении. (Касательно употребления этого титула на медальях Юлиана см. Эггеля (*Num. Vet.* ч. VIII, стр. 127). Общие замечания о словах *Dominus* (*inimicum libertati nomen*) ВАСИЛЕУС и ДЕСПОТНС можно найти там же на стр. 364—366 и 501. — *Издат.*

⁷⁴⁾ Аммиан. XXII 7. Консул Мамертин (*in Panegy. Vet.* II, 28—30) воспевае этот счастливый день как красноречивый раб, удивленный и упоенный милостивым расположением своего господина.

⁷⁵⁾ Сатиры на чью-либо личность были запрещены законами двенадцати таблиц:

Si mala condiderit in quem quis carmina, jus est, iudiciumque. Горац. *Sat.* II, I, 82.

Юлиан (в *Мизопогоне*, стр. 337) признает, что и он должен подчиняться законам, аббат де-ла Блетери (*Hist. de Jovien*, том II, стр. 92) горячо схватился за это заявление, столь согласное и с его собственной системой и даже с настоящим духом императорской конституции.

⁷⁶⁾ Зосим, кн. 3, стр. 158.

⁷⁷⁾ *He tes boyles ischys poyche poleos estin* — Сина совета — это душа города. (*Перев. ред.*) См. Либания (*Orat. Parent*, гл. 71, стр. 296), Аммиана (XXII, 9) и Кодекс Феодосия (кн. 12, тит. 1, зак. 50—55) с комментарием Годефруа (том IV, стр. 390—402). Однако, несмотря на множество материалов, все, что касается так называемых *Curiae*, до сих пор остается самым темным вопросом в истории законодательства времен империи. (Нибур несколько осветил этот предмет в своей *Истории* и еще более в своих *Лекциях* (ч. I, стр. 119, 161 и сл., изд. Бона). — *Издат.*

⁷⁸⁾ Quae paulo ante arida et siti anhelantia visebantur, ea nunc perlui, mundari, madere; Fora, Deambulacra, Gymnasia, laetis et gaudentibus populis frequentari; dies festos, et celebrari veteres, et novos in honorem principis consecrari (Мамертин, XI, 9). Он в особенности восстановил город Никополь и установленные Августом игры в память о победе при Акциуме.

⁷⁹⁾ Юлиан, Epist. 35, стр. 407–411. Это послание, освещающее век упадка Греции, опущено аббатом де-ла Блетери и странным образом извращено латинским переводчиком, который, переводя *ateleis* словом *tributum*, а *idiōtai* словом *populus*, выражает совершенно противоположное тому, что сказано в подлиннике.

⁸⁰⁾ Он царствовал в Микенах, на расстоянии пятидесяти стадий или шести миль от Аргоса; но эти города, процветавшие попеременно одни вслед за другими, смешиваются греческими поэтами. Страбон, кн. 8, стр. 579, изд. Амстел. 1707.

⁸¹⁾ Маршам, Canon. Chron., стр. 421. Это происхождение от Темена и Геркулеса может вызывать недоверие, однако оно было признано после строгого исследования судьями Олимпийских игр (Геродот, кн. 5, гл. 22) в такое время, когда македонские цари были малоизвестны и непопулярны в Греции. Когда Ахейский союз объявил себя против Филиппа, сочли приличным, чтобы депутаты Аргоса были удалены (Т. Лив. XXXI, 22). (Касательно генеалогии македонских царей см. Клинтона F. H. II, 221. Первый из них, по имени Каран, был седьмой в нисходящей линии от Темена, который был четвертым в нисходящей линии от Геркулесова сына Гилла, ib. 1, 247. Но Геркулес происходил от Даная, а не от Инаха и Арга (ib. 1, 110). — Издат.)

⁸²⁾ Его красноречие восхваляется Либанием (Orat. Parent, гл. 75, 76, стр. 300, 301), который узнает в нем различных ораторов, выводимых на сцену Гомером. (Сократ (кн. 3, гл. 1) опрометчиво утверждал, что Юлиан был единственный монарх со времен Юлия Цезаря, обращавшийся с устными речами к сенату. Все предшественники Нерона (Тацит, Анналы, XIII, 3) и многие из его преемников обладали способностью произносить перед публикой речи, и можно доказать ссылкой на различные примеры, что они часто упражняли эту способность в сенате.

⁸³⁾ Аммиан (XXII, 10) беспристрастно указывает на достоинства и недостатки его судебных разбирательства. Либаний (Orat. Parent, гл. 90, 91, стр. 315 и сл.) примечал лишь хорошую сторону, и, если его описание лестно для личности судьи, оно по меньшей мере объясняет, в чем состоят его обязанности. Григорий Назианзин (Orat. 4, стр. 120), умалчивающий о добродетелях вероотступника и преувеличивающий даже его легкие недостатки, с торжеством задается вопросом: «Достоин ли такой судья заседать в Елисейских полях между Миносом и Радамантом?»

⁸⁴⁾ Из тех законов, которые были изданы Юлианом в течение его шестнадцатимесячного царствования, пятьдесят четыре были внесены в кодексы Феодосия и Юстиниана (Готфрид, Chron. Legum, стр. 64–67). Аббат де-ла Блетери (том II, стр. 329–336) избрал один из этих законов для того, чтобы дать понятие о латинском языке Юлиана; этот язык энергичен и обработан, но не так чист, как его способ выражения на греческом языке.

⁸⁵⁾ ...Ductor fortissimus armis;

Conditor et legum celeberrimus; ore manuque

Consultor patriae; sed non consultor habendae

Religionis; amans tercentum millia Divum.

Perfidus ille Deo, sed non et perfidus orbi.

Пруденц. Apotheosis, 450 и сл.

Сознание чужого благородства, по-видимому, возвысило христианского поэта над его обычной посредственностью.

ГЛАВА XXIII

**Религия Юлиана. - Всеобщая веротерпимость. -
Он пытается восстановить и преобразовать
языческое богослужение. - Он хочет вновь
построить Иерусалимский храм. -
Коварство, с которым он преследует христиан. -
Фанатизм и несправедливость обеих партий**

Название вероотступника запятнало репутацию Юлиана¹⁾, а фанатизм, старавшийся запятнать его добродетели, превеличил действительную или мнимую важность его недостатков. С другой стороны, те, которые предубеждены в его пользу, считают его за монарха-философа, старавшегося в равной мере покровительствовать всем религиозным партиям, какие существовали в империи, и ослабить богословскую горячку, воспламенявшую умы народа со времени Диокле-тиановых эдиктов до изгнания Афанасия. Более тщательное исследование его характера и образа действий устранил столь благоприятное предубеждение в пользу монарха, который не избежал общей заразы своего времени. При этом мы можем пользоваться тем редко встречающимся удобством, что можем сравнивать портреты, нарисованные самими страстными его поклонниками, с теми, которые нарисованы его непримиримыми врагами. Деяния Юлиана верно описаны здравомыслящим и прямодушным историком, который был беспристрастным свидетелем и его жизни и его смерти. Единогласные отзывы его современников подтверждаются публичными и частными заявлениями самого императора, а в его разнообразных сочинениях высказываются всегда одни и те же религиозные убеждения, которые он должен был из политических расчетов скорее скрывать, чем высказывать слишком явно. Благоговейная и искренняя привязанность к богам Афин и Рима была господствующей страстью Юлиана²⁾; влияние суеверных предрассудков вовлекло в заблуждения и извратило его просвещенный ум, а призраки, существовавшие лишь в воображении императора, имели действительное и пагубное влияние на управление империей. Пылкое усердие христиан, презиравших культ и ниспровергавших алтари баснословных богов, вовлекало

Юлиана в непримиримую вражду с весьма многочисленной частью его подданных, а желание победы и стыд поражения иногда вовлекали его в нарушения требований не только благоразумия, но и справедливости. Торжество партии, которую он покинул и с которой он боролся, наложило пятно позора на имя Юлиана, и на не достигшего своих целей отступника полился целый поток благочестивой брани, для которой подала сигнал звучная труба³⁾ Григория Назианзина⁴⁾. Интересный характер событий, накопившихся в непродолжительное царствование этого деятельного императора, достоин точного и подробного описания. Поэтому мы посвятим настоящую главу изложению его мотивов, замыслов и деяний в той мере, в какой они находятся в связи с историей религии.

Причину его странного и пагубного вероотступничества следует искать в раннем периоде его жизни, когда он остался сиротой в руках убийц своего семейства. Имена Христа и Констанция, понятия о рабстве и о религии смешались в его юношеском воображении, которое было доступно для самых живых впечатлений. Заботы о его детстве были возложены на епископа Никомедии Евсевия⁵⁾, который приходился ему родственником с материнской стороны, и пока он не вступил в двадцатый год своей жизни, он получал от своих христианских наставников воспитание не героя, а святого. Император, заботившийся не столько о небесном венце, сколько о земном, довольствовался для самого себя неполными достоинствами оглашенного, тогда как племянникам Константина⁶⁾ доставлял все выгоды крещения⁷⁾. Они даже допускались к исполнению низших обязанностей лиц духовного звания, и Юлиан публично читал Св. Писание в Никомедийской церкви. Изучение религии, которым они прилежно занимались, по-видимому, приносило самые обильные плоды веры и благочестия⁸⁾. Они почтительно беседовали с епископами, отличавшимися особенной святостью, и подходили под благословение к монахам и отшельникам, познакомившим Каппадокию с добровольными лишениями аскетической жизни⁹⁾.

Они молились, постились, раздавали милостыню бедным, делали подарки духовенству и клали приношения на могилы мучеников, а великолепный памятник св. Мамасу в Кесарии был воздвигнут или, по меньшей мере, был начат постройкой благодаря совокупному усердию Галла и Юлиана¹⁰⁾. Когда эти два принца стали приближаться к зрелому возра-

сту, различие их характеров обнаружилось в различии их религиозных убеждений. Тяжелый и упорный ум Галла предался с слепым усердием христианскому учению, которое никогда не оказывало влияния на его поведение и никогда не сдерживало его страстей. Мягкий нрав младшего брата был менее неподходящ к принципам Евангелия, а его деятельная любознательность могла бы найти для себя удовлетворение в такой богословской системе, которая объясняет таинственную сущность Божества и открывает в будущем беспредельную перспективу невидимых миров. Но самостоятельный ум Юлиана не мог подчиниться тому пассивному и беспрекословному повиновению, которого требовали от имени религии высокомерные представители церкви.

Их философские мнения возводились ими в положительные законы, охранявшиеся страхом вечных наказаний; но, в то время как они составляли суровые правила для руководства молодого принца в его мнениях, словах и действиях, в то время как они не хотели слушать его возражений и строго порицали его за свободу его исследований, они бессознательно возбуждали в его беспокойном уме желание отвергнуть авторитет его духовных наставников. Он воспитывался в Малой Азии посреди скандалов, вызванных полемикой по поводу учения Ария¹¹). Горячие споры восточных епископов, беспрестанные изменения в их символе веры и мирские мотивы, по-видимому руководившие их действиями, мало-помалу укрепили в уме Юлиана убеждение, что они и не понимали той религии, из-за которой так горячо спорили, и даже не верили в нее. Вместо того чтобы выслушивать доказательства христианских догматов с тем благосклонным вниманием, которое придает вес самым почтенным свидетельствам, он принимал с недоверием и оспаривал с упорством и придирчивостью учение, к которому он уже питал непреодолимое отвращение. Всякий раз, как молодым принцам задавали сочинение публичной речи касательно происходивших в ту пору богословских споров, Юлиан всегда брал на себя защиту язычества под тем благовидным предлогом, что защита самой слабой стороны дает его знаниям и его искусству возможность упражняться и выказывать себя с самой выгодной стороны.

Лишь только Галл был облечен в порфиру, Юлиан получил возможность дышать воздухом свободы, литературы и язычества¹²). Софисты, которые привлекали к их царственному ученику его литературные наклонности и его щедрость,

установили тесную связь между литературой Греции и ее религией, и Гомеровы поэмы, вместо того чтобы возбуждать удивление в качестве оригинального произведения человеческого гения, серьезно приписывались небесному вдохновению Аполлона и муз. Олимпийские боги - в том виде, как они описаны бессмертным певцом, - сами собой запечатлеваются в умах, всего менее склонных к суеверной мнительности. Наше близкое знакомство с их именами и характерами, с их формами и атрибутами как будто придает этим химерическим созданиям действительное и телесное существование, а восхищение, в которое они нас приводят, заставляет наше воображение на минуту верить тем басням, с которыми никак не могут примириться ни наш разум, ни наш опыт. Во времена Юлиана все содействовало тому, чтобы продлить и упрочить эту иллюзию, - и великолепные храмы Греции и Азии, и произведения тех художников, которые выразили божественные мысли поэта в живописи или ваянии и пышности празднеств и жертвоприношений, и успешные хитрости прорицателей, и народные предания об оракулах и чудесах, и старинная двухтысячелетняя привычка. Слабость политеизма в некоторой мере объяснялась умеренностью его притязаний, и благочестие язычников не было несовместимо с самым необузданным скептицизмом¹³⁾. Мифология греков не представляла неразделенной и правильной системы, способной подчинить себе все умственные способности верующего, а состояла из тысячи отдельных и гибких частиц, так что поклонник богов мог по своему произволу определять степень и меру своих религиозных верований. Вера, которую избрал Юлиан для своего собственного употребления, была самых широких размеров, и, по какому-то странному противоречию, он отвергал спасительное иго Евангелия, тогда как добровольно приносил в жертву свой разум на алтарях Юпитера и Аполлона. Одна из речей Юлиана написана в честь матери богов Кибелы, требовавшей от своих изнеженных жрецов той кровавой жертвы, которая была так опрометчиво принесена безрассудным фригийским юношей. Благочестивый император снисходит до того, что без краски на лице и без улыбки на устах описывает путешествие богини от берегов Пергама до устьев Тибра, и удивительное чудо, убедившее римский сенат и народ, что кусок глины, перевезенный через моря их посланцами, одарен жизнью, умом и божественной силой¹⁴⁾. В удостоверение этого чуда он ссылается на публичные памятники столицы и с некоторой язви-

тельностью порицает дурной и испорченный вкус тех, кто дерзко осмеивал священные предания своих предков¹⁵⁾.

Но благочестивый философ, искренне принявший и горячо поощрявший народные суеверия, предоставил самому себе привилегию свободного толкования и молча удалился от подножия алтарей в самое святилище храма. Сумасбродная греческая мифология провозглашала ясным и громким голосом, что благочестивый исследователь ее мистерий, вместо того чтобы находить в их буквальном смысле или повод к скандалу, или полное удовлетворение, должен старательно доискиваться сокровенной мудрости, которую древние из предосторожности прикрыли маской безрассудства и вымысла¹⁶⁾. Философы Платоновой школы¹⁷⁾, Плотин, Порфирий и божественный Ямвлих, считались самыми искусными знатоками этой аллегорической науки, старавшейся смягчить и согласовать между собой безобразные черты язычества. Сам Юлиан, изучавший эту таинственную науку под руководством почтенного преемника Ямвлиха, Эдесия, стремился к приобретению сокровища, которое - если верить его формальным уверениям - он ценил гораздо дороже, чем владычество над всем миром¹⁸⁾. В действительности это было такое сокровище, цена которого зависела лишь от личной точки зрения, и каждый художник, льстивший себе мыслью, что ему удалось извлечь драгоценный металл из окружавшей его массы мусора, требовал для себя равного со всеми права отчеканить на нем такое имя и такую фигуру, какие более всего приятны для его личной фантазии. Басня об Аттисе и Кибеле уже была объяснена Порфирием, но его труд лишь воодушевил благочестивое усердие Юлиана, который придумал и опубликовал свое собственное аллегорическое объяснение этого древнего и мистического рассказа. Эта свобода толкований могла удовлетворять тщеславие последователей Платона, но она вместе с тем выставляла наружу бессодержательность их искусства. Нам пришлось бы входить в очень скучные подробности, если бы мы захотели дать читателю нашего времени ясное понятие о странных намеках, натянутых словопроизводствах, напыщенной болтовне и непроницаемой неясности этих мудрецов, воображавших, что они раскрывают систему вселенной. Так как традиции языческой мифологии были изложены в разнообразных видах, то их священные истолкователи могли по своему произволу выбирать самые удобные для них рассказы, а так как они переводили на общепонятный язык произвольно взятый

шрифт, то они могли извлекать из *всякой* басни *всякий* смысл, какой только мог подходить к их излюбленной религиозной или философской системе.

В сладострастных позах обнаженной Венеры они старались отыскать какое-нибудь нравственное правило или какую-нибудь физическую истину, а в осклоплении Аттиса они усматривали или прохождение солнца между тропиками, или освобождение человеческой души от порока и заблуждения¹⁹⁾.

Богословская система Юлиана, как кажется, заключала в себе возвышенные и важные принципы натуральной религии. Но так как вера, не основанная на откровении, лишена всякой твердой опоры, то последователь Платона неосторожно вовлекся в привычки, свойственные вульгарному суеверию, так что народные и философские понятия о Божестве смешались между собой и в практической жизни Юлиана, и в его сочинениях, и даже в его уме²⁰⁾. Благочестивый император признавал и боготворил Вечную Причину вселенной, приписывая ей все совершенства бесконечной природы, невидимые для глаз и недоступные для разума слабых смертных. Верховный Бог создал или - согласно со способом выражения последователей Платона - породил постепенную последовательность зависимых духов, богов, демонов, героев и людей, и каждое из существ, получивших жизнь непосредственно от Первопричины, получило вместе с тем и врожденный дар бессмертия. Для того чтобы столь ценное благо не доставалось тем, кто его недостоин, Создатель возложил на искусство и могущество низших богов обязанность организовать человеческое тело и привести в прекрасный стройный порядок царства животное, растительное и ископаемое. Руководству этих божественных министров он поручил временное управление нашим ничтожным миром, но их несовершенное управление не обходится без раздоров и заблуждений. Они разделяли между собой землю и ее обитателей, так что в законах и нравах их поклонников можно ясно различать характеры Марса или Минервы, Меркурия или Венеры. Пока наша бессмертная душа заключена в свою смертную оболочку, и наш интерес, и наш долг требуют, чтобы мы искали милостивого расположения и избегали гнева небесных сил, которые находят в благочестии человеческого рода удовлетворение своей гордости и, может быть, питают самую грубую часть своего существа дымом жертвоприношений²¹⁾. Низшие боги иногда снисходят до того, что одушевляют статуи и по-

селяются на жительство в храмах, воздвигнутых в их честь. Они по временам посещают землю, но небеса - их настоящий трон и символ их величия. Неизменный порядок, которому подчинены солнце, луна и звезды, был неосмотрительно принят Юлианом за доказательство их вечности, а эта вечность была принята им за достаточное доказательство того, что они были творением не какого-либо низшего божества, а Всемогущего Царя. По системе последователей Платона, видимый мир служит первообразом для мира невидимого. Оживленные божественным духом небесные тела можно считать за самые достойные предметы религиозного поклонения. Солнце, животворное влияние которого проникает и поддерживает вселенную, имеет основательное право на обожание со стороны всего человеческого рода, как блестящий представитель *Логоса*, этого одушевленного, разумного и благотворного изображения духовного Отца²²⁾.

Во все века недостаток неподдельного вдохновения возмещался могущественными иллюзиями энтузиастов и ловкими плутнями обманщиков. Если бы во времена Юлиана одни языческие жрецы прибегали к этим уловкам для поддержания своего ослабевавшего авторитета, то их, может быть, можно бы было в некоторой мере извинить ради интересов и привычек жреческого сословия. Но нас и удивляет, и оскорбляет тот факт, что сами философы употребляли во зло суеверное легкоеверие человеческого рода²³⁾ и что они старались поддерживать греческие мистерии при помощи магии или теургии позднейших платоников. Они нагло хвастались тем, что могут влиять на установленный в природе порядок, проникать в тайны будущего, требовать услуг от низших демонов, наслаждаться лицезрением высших богов и беседой с ними и, освободив душу от ее материальных оков, соединять эту бессмертную частичку с Бесконечным и Божественным Духом.

Благочестивая и отважная любознательность Юлиана обещала философам легкую победу, которая могла иметь чрезвычайно важные последствия благодаря высокому положению их юного приверженца²⁴⁾. Юлиан усвоил начальные правила платоновской философии от Эдесия, который перенес в Пергам свою блуждающую и гонимую школу. Но так как по своим преклонным летам этот почтенный мудрец не годился для такого пылкового, деятельного и сметливого ученика, то, по собственному желанию Юлиана, его престарелый наставник был заменен двумя из самых искусных сво-

их учеников, Хрисанефием и Евсевием. Эти философы, как кажется, распределили между собой роли и подготовились к ним; возбудив в искателе истины нетерпеливые надежды путем темных намеков и притворных споров, они передали его на руки своего сообщника Максима, который был самым смелым и самым искусным мастером в теургии. Его руками Юлиан и был втайне посвящен в Эфесе, когда ему был двадцатый год от роду. Его пребывание в Афинах скрепило этот неестественный союз философии с суеверием. Он получил право торжественного посвящения в Элевсинские таинства, еще сохранившие некоторые признаки своей первобытной святости, и таково было усердие Юлиана, что он впоследствии пригласил Элевсинского первосвященника прибыть к галльскому двору для того только, чтобы довершить великое дело его посвящения посредством мистических обрядов и жертвоприношений. Так как эти обряды совершались в глубине пещер и среди ночной тишины и так как сдержанность новообращенных никогда не выдавала тайны этих мистерий, то я не могу братья за описание тех страшных звуков и окруженных пламенем привидений, которые действовали на чувства и на воображение легковерного новообращенного²⁵⁾ до тех пор, пока не являлись перед ним утешительные и поучительные видения, окруженные блеском небесного сияния²⁶⁾. В пещерах Эфеса и Элевсины душа Юлиана прониклась искренним, глубоким и неизменным энтузиазмом, что, однако, не мешало ему иногда прибегать к тем благочестивым подлогам и к тому лицемерию, в которых можно уличить или по меньшей мере в которых можно заподозрить таких фанатиков, которые кажутся самыми добросовестными. С этого момента он посвятил свою жизнь служению богам, и в то время как военные, правительственные и научные занятия, по-видимому, совершенно поглощали все его внимание, он постоянно уделял несколько часов ночи на исполнение своих религиозных обязанностей. К скромным привычкам, украшавшим суровый нрав этого солдата-философа, присоединялись некоторые строгие и мелочные правила воздержания из религиозных мотивов: в честь Пана или Меркурия, Гекаты или Исиды Юлиан отказывался в известные дни от употребления некоторых видов пищи, которые могли бы быть неприятны для его богов-покровителей. Этими добровольными постами он приготавливал свои чувства и свой ум к частным и фамильярным посещениям, которыми его удостаивали небесные силы. Несмотря на скромное мол-

чание самого Юлиана, мы знаем от его верного друга оратора Либания, что он жил в постоянных сношениях с богами и богинями, что они сходили на землю для того, чтобы наслаждаться беседой со своим любимым героем, что они деликатно прерывали его сон, прикасаясь к его руке или к его волосам, что они предупреждали его о всякой приближающейся опасности и своей непогрешимой мудростью направляли все действия его жизни и что он так близко познакомился со своими небесными посетителями, что без труда различал голос Юпитера от голоса Минервы и формы Аполлона от наружности Геркулеса²⁷⁾. Эти сны или видения, являющиеся обычным последствием поста и фанатизма, могли бы низвести императора на один уровень с любым из египетских монахов. Но бесполезная жизнь Антония или Пахомия была всецело посвящена этим пустым занятиям. А Юлиан был способен оторваться от иллюзий суеверия для того, чтобы готовиться к бою, и, победив в открытом поле врагов Рима, спокойно удалялся в свою палатку для того, чтобы диктовать мудрые и благотворные законы для империи или для того, чтобы удовлетворять влечения своего ума занятиями литературой и философией.

Важная тайна Юлианова вероотступничества была вверена посвященным, с которыми его связывали священные узы дружбы и религии²⁸⁾. Эта приятная весть была с осторожностью распущена между приверженцами старого культа, и будущее повышение Юлиана сделалось предметом надежд, молитв и предсказаний язычников во всех провинциях империи. От усердия и добродетелей этого царственного новообращенного они с уверенностью ожидали избавления от всех зол и возвращения им всех благ, а Юлиан, вместо того чтобы порицать горячность их благочестивых ожиданий, чистосердечно сознавался, что желал бы достигнуть такого положения, в котором мог бы быть полезным своему отечеству и своей религии. Но к этой религии относился враждебно преемник Константина, капризные страсти которого то спасали жизнь Юлиана, то грозили ему гибелью. Искусства магии и прорицания были запрещены при деспотическом правительстве, которое унижалось до того, что боялось их, и, хотя язычникам неохотно позволяли совершать их суеверные обряды, Юлиану, вследствие его высокого положения, не было бы дозволено пользоваться всеобщей веротерпимостью. Вероотступник скоро сделался вероятным наследником престола, и только его смерть могла бы успокоить основательные

опасения христиан²⁹⁾. Но молодой принц, мечтавший не столько о славе мученика, сколько о славе героя, скрывал свою религию ради своей личной безопасности, а податливый характер политеизма позволял ему присутствовать при публичном богослужении секты, которую в глубине своей души он презирал. Либаний считал такое лицемерие со стороны своего друга достойным не порицания, а похвалы. «Подобно тому, - говорит этот оратор - как статуи богов, которые когда-то были запачканы в грязи, снова ставятся в великолепном храме, и в уме Юлиана утвердилось полная красоты истина, после того как она очистилась от заблуждений и безрассудств его воспитания. Его убеждения изменились, но так как было бы опасно их высказывать, то он ничего не переменил в своем образе действий. В противоположность Эзопову ослу, спрятавшемуся под львиной шкурой, наш лев был вынужден спрятаться под ослиной шкурой, и, хотя он принял те мнения, какие предписывал рассудок, он счел нужным подчиниться требованиям благоразумия и необходимости³⁰⁾. Притворство Юлиана продолжалось более десяти лет - со времени его тайного посвящения в Эфесе и до начала междоусобной войны, когда он публично признал себя непримиримым врагом и Христа, и Констанция. Это стесненное положение, может быть, содействовало усилению его благочестия, и, после того как он исполнял свою обязанность присутствовать в торжественные праздники на христианских собраниях, он с нетерпением влюбленного спешил домой, чтобы добровольно жечь в своей домашней капелле ладан перед Юпитером и Меркурием. Но так как всякое притворство тяжело для добросовестного человека, то исполнение христианских обрядов усиливало отвращение Юлиана к религии, отнимавшей свободу у его ума и заставлявшей его держаться образа действий, несогласного с самыми благородными свойствами человеческой природы - искренностью и мужеством.

Ничто не мешало Юлиану предаваться своим влечениям и отдавать предпочтение богам Гомера и Сципионов перед новой религией, которую его дядя ввел в Римской империи и в которую он сам был посвящен таинством крещения. Но, в качестве философа, он сознавал свою обязанность оправдать свое отпадение от христианства, для которого служили опорой огромное число новообращенных, ряд пророчеств, блеск чудес и множество свидетельств. В тщательно обработанном сочинении³¹⁾, которое он писал среди приготовлений к войне

с Персией, он изложил сущность тех аргументов, которые он долго взвешивал в своем уме. Некоторые отрывки из этого сочинения, дошедшие до нас благодаря тому, что были спрятаны его противником, запальчивым Кириллом Александрийским³²⁾, представляют странную смесь остроумия и учености, лжеумудрствования и фанатизма. Изящество слога и высокое положение автора рекомендовали его вниманию публики³³⁾, и в списке нечестивых врагов христианства знаменитое имя Порфирия стерлось перед превосходствами личных достоинств и репутации Юлиана. Умы верующих были или увлечены, или скандализированы, или встревожены; а язычники, иногда пускавшиеся в эту неравную борьбу, стали заимствовать из популярного произведения своего царственного миссионера неистощимый запас обманчивых возражений. Но, усидчиво предаваясь этим богословским занятиям, римский император впитал в себя низкие предубеждения и страсти, свойственные тем, кто занимается богословской полемикой; он проникся непоколебимым убеждением, что на нем лежит обязанность поддерживать и распространять свои религиозные мнения, и в то время, как он втайне оставался доволен силой и ловкостью, с которыми он владел орудиями полемики, он начинал не доверять искренности своих противников и презирать их слабоумие, если они упорно сопротивлялись силе его доводов и его красноречия.

Христиане, взиравшие на отступничество Юлиана с ужасом и негодованием, боялись не столько его аргументов, сколько его могущества. Язычники, видя его пылкое усердие, ожидали, быть может, с нетерпением, что против тех, кто отвергает богов, зажгутся костры гонения и что изобретательная ненависть Юлиана придумает какие-нибудь усовершенствованные способы казней и пыток, с которыми была незнакома грубая и неопытная ярость его предшественников. Но ни надежды, ни опасения религиозных партий, по-видимому, не сбылись благодаря благоразумию и человеколюбию монарха³⁴⁾, заботившегося о своей собственной репутации и об общественном спокойствии и о правах человеческого рода. И история, и собственные размышления научили Юлиана, что, если спасительное насилие и может иногда излечивать телесные недуги, ошибочных мнений не могут вырвать из ума ни железо, ни огонь. Сопротивляющуюся жертву можно силой притащить к подножию алтаря, но ее сердце будет протестовать против невольно совершенного ею святотатства. От угнетения религиозное упорство лишь

укрепляется и доводится до ожесточения, а, лишь только гонение прекращается, тот, кто не устоял против него, восстанавливается в своих прежних правах в качестве раскаявшегося грешника, а того, кто был непоколебим, чтят как святого и мученика. Юлиан сознавал, что, если он будет держаться безуспешной жестокой политики Диоклетиана и его соправителей, он запятнает свою память именем тирана и лишь увеличит славу католической церкви, приобретающей новые силы и новых последователей благодаря строгости языческих судей. Руководствуясь этими соображениями и опасаясь нарушить спокойствие еще неупрочившегося царствования, Юлиан удивил мир изданием эдикта, который не был недостоин ни государственного человека, ни философа. Он распространил на всех жителей Римской империи благодеяния равной для всех веротерпимости, и единственное стеснение, наложенное им на христиан, заключалось в том, что он лишил их права мучить тех из своих братьев, которых они клеймили гнусными названиями идолопоклонников и еретиков. Язычники получили милостивое дозволение, или, скорей, положительное приказание открыть все свои храмы³⁵⁾ и разом избавились от притеснительных законов и самоправных угнетений, которым они подвергались в царствование Константина и его сыновей. Вместе с тем были возвращены из ссылки и снова вступили в заведование своими церквями те епископы и лица духовного звания, которые были сосланы арианским монархом; такой же милостью воспользовались донатисты, новациане, македонийцы, евномииане и те, которые имели счастье придерживаться догматов Никейского собора. Юлиан, хорошо понимавший, в чем заключалась сущность их богословских споров и находивший ее достойной смеха, пригласил к себе во дворец вожаков враждующих сект для того, чтобы насладиться приятным зрелищем их яростных пререканий. Их шумные споры иногда заставляли императора обращаться к ним со словами: «Выслушайте же, что я хочу сказать! Ведь меня слушали и франки и алеманны»; но он скоро убеждался, что имел дело с врагами более упорными и более непримиримыми, и, хотя он употреблял все ресурсы своего красноречия, чтобы внушить им желание жить в согласии или по меньшей мере в мире, он, распуская их, ясно видел, что ему нет никакого основания опасаться единодушия христиан. Беспристрастный Аммиан приписывал это притворное милосердие желанию разжигать внутренние раздоры церкви, а коварное

намерение подкопаться под самые основы христианства было неразрывно связано с горячим желанием Юлиана восстановить древнюю религию империи³⁶⁾.

Немедленно вслед за своим вступлением на престол он, по обычаю своих предшественников, принял на себя звание верховного первосвященника не только как самый почетный из всех императорских титулов, но как священную и важную должность, обязанности которой он намеревался исполнить с благочестивым усердием. Так как дела управления не позволяли императору ежедневно присутствовать вместе со своими подданными при исполнении обрядов богослужения, то он посвятил домашнюю капеллу своему богу-покровителю Солнцу; его сады наполнились статуями богов и их алтарями, и каждый апартамент его дворца стал походить на великолепный храм. Каждое утро он приветствовал жертвоприношением появление источника света; кровь другой жертвы он проливал в ту минуту, когда солнце скрывалось за горизонтом; сверх того неутомимое благочестие Юлиана воздавало в назначенные часы приличные почести луне, звездам и гениям ночи. В торжественные праздники он регулярно посещал храм того бога или той богини, чествованию которой был посвящен тот день, и старался возбудить своим примером религиозное усердие в должностных лицах и в народе. Вместо того, чтобы сохранять величественную обстановку монарха, отличающегося блеском своей пурпуровой мантии и окруженного золотыми щитами своих гвардейцев, Юлиан с почтительным рвением просил, чтобы ему поручили одну из самых низших должностей при отправлении богослужения.

Среди священной, но бесчинной толпы жрецов, низших служителей и посвященных на служение в храме танцовщиц император занимался тем, что приносил дрова, разводил огонь, вонзал в жертву нож, всовывал свои окровавленные руки во внутренности издыхающего животного, вынимал из него сердце или печень и, с искусством самого опытного гарuspика, читал на них воображаемые предзнаменования будущих событий. Самые благоразумные между язычниками порицали это чрезмерное суеверие, доходившее до пренебрежения к требованиям благоразумия и приличия. В царствование монарха, державшегося самых строгих правил бережливости, на расходы для богослужения тратилась весьма значительная часть государственных доходов; самые редкие и самые красивые птицы привозились из отдаленных

стран для того, чтобы проливать свою кровь на алтарях богов; нередко случалось, что Юлиан приносил в жертву в один и тот же день по сто быков, и в народе вошла в обыкновение поговорка, что если Юлиан возвратится с войны против персов победителем, порода рогатого скота неизбежно должна будет прекратиться. Однако эти расходы могли казаться незначительными в сравнении с великолепными подарками, которые раздавались или рукою императора, или по его приказанию всем знаменитым местам благочестия в Римской империи, и в сравнении с теми суммами, которые назначались на восстановление и украшение древних храмов, пострадавших или от разрушительного влияния времени, или от хищничества христиан. Поощряемые примером, увещеваниями и щедростью своего благочестивого государя, и целые города, и отдельные семьи снова принялись за исполнение впавших в пренебрежение обрядов. «Все части света, - восклицает с благочестивым восторгом Либаний, - свидетельствовали о торжестве религии и представляли приятную картину пылающих алтарей, окровавленных жертв, дымящегося фимиама и великолепных шествий жрецов и пророков, избавившихся от всякого страха и всяких опасностей. С вершин самых высоких гор можно было слышать голоса молящихся и звуки музыки, а те самые быки, которые приносились в жертву богам, служили вечером пищей для весело пирующих поклонников этих богов»³⁷⁾.

Но Юлианова гения и могущества было недостаточно для восстановления религии, у которой не было ни богословских принципов, ни нравственных правил, ни церковной дисциплины, которая быстро приходила в упадок и которая была недоступна ни для каких прочных или серьезных преобразований. Юрисдикция верховного первосвященника, в особенности после того, как это звание было соединено с императорским достоинством, обнимала всю Римскую империю. Юлиан назначил своими заместителями в различных провинциях тех жрецов и философов, которых он считал всех более способными содействовать исполнению его великих замыслов, а его папские послания³⁸⁾ - если можно их так называть - представляют весьма интересный очерк его желаний и намерений. Он требовал, чтобы в каждом городе жреческое сословие составлялось, без всяких преимуществ в пользу знатности рождения и богатства, из тех лиц, которые более всех отличаются любовью к богам и к людям. «Если они провинятся, - продолжает он, - в каком-нибудь скан-

дальном поступке; верховный первосвященник или накажет их, или сменит, но пока они состоят в своем звании, они имеют право на уважение должностных лиц и народа. Их смирение должно выражаться в простоте их домашней одежды, а их достоинство в пышности их священных облачений. Когда наступает их очередь служить перед алтарем, они не должны, в течение определенного числа дней, удаляться из пределов храма и не должны проводить ни одного дня без молитв и жертвоприношений за благоденствие всего государства и отдельных лиц. Исполнение их священных обязанностей требует безукоризненной чистоты и душевной и телесной, и даже тогда, когда они оставляют храм для обыденных житейских занятий, они должны превосходить остальных своих сограждан и благопристойностью, и добродетелями. Служитель богов не должен никогда показываться ни в театрах, ни в питейных домах. Его разговор должен отличаться скромностью, его образ жизни воздержанностью, а его друзья хорошей репутацией; он может иногда посещать форум или дворец, но не иначе как в качестве защитника тех, кто тщетно искал или правосудия, или милосердия. Его литературные занятия должны соответствовать святости его профессии. Безнравственные рассказы, комедии и сатиры не должны находить места в его библиотеке, которая должна состоять только из исторических сочинений, имеющих основой истину, и из философских, находящихся в связи с религией».

Нечестивые мнения эпикурейцев и скептиков должны внушать ему отвращение и презрение³⁹⁾; но он должен тщательно изучать системы Пифагора, Платона и стоиков, которые единогласно поучают, что есть боги, что мир управляется их промыслом, что их благость есть источник всякого мирского благополучия и что они приготовили для человеческой души будущую жизнь или в награду, или в наказание⁴⁰⁾. Царственный первосвященник, в самых убедительных выражениях, внушает обязанности быть благосклонным и гостеприимным, убеждает низшее духовенство всем рекомендовать исполнение этой обязанности, обещает выдавать из государственной казны вспомоществования тем из них, которые впадут в бедность, и объявляет о своем намерении устроить во всех городах госпитали, в которых будут принимать бедных без всяких различий происхождения или религии. Юлиан с завистью смотрел на мудрые и человеколюбивые церковные постановления и откровенно

высказывал свое намерение лишить христиан похвал и выгод, приобретенных ими благодаря тому, что они одни посвящали себя на дела милосердия и благотворительности⁴¹). Из той же самой склонности к подражанию император мог бы позаимствовать от церкви многие учреждения, польза и важность которых были доказаны успехами его противников. Но если бы он осуществил эти фантастические планы реформ, получилась бы неудовлетворительная копия, которая сделала бы много чести христианству, но принесла мало пользы язычеству⁴²). Идололоклонники, спокойно державшиеся обычаев своих предков, были скорее удивлены, чем порадованы введением чуждых для них нравов, и Юлиан в свое короткое царствование часто имел повод жаловаться на недостаток рвения со стороны тех, кто принадлежал к его партии⁴³).

Фанатизм Юлиана заставлял его смотреть на друзей Юпитера, как на своих личных друзей и братьев, и хотя он из пристрастия не отдавал должной справедливости постоянству христиан, он хвалил и награждал благородную твердость тех язычников, которые предпочли благосклонность богов благосклонности императора⁴⁴). Если же они любили не только религию, но и литературу греков, они приобретали новые права на дружбу Юлиана, который относил муз к числу своих богов-покровителей. В религии, которую он исповедовал, благочестие и ученость были почти синонимами⁴⁵), и множество поэтов, риторов и философов спешили к императорскому двору, чтобы занять вакантные места тех епископов, которые злоупотребляли легковерием Констанция. Преемник этого императора считал религиозные узы более священными, нежели узы кровного родства, и выбирал своих любимцев между мудрецами, обладавшими самой большой опытностью в магии и ворожбе, так что всякий обманщик, приписывавший себе умение угадывать тайны будущего, мог быть уверен, что на него тотчас польются и почести и богатства⁴⁶). Между философами Максим был тот, кто занимал первое место в сердце своего царственного ученика, который, в тревожное время междоусобной войны, сообщал ему с полным доверием и о своих действиях, и о своих чувствах, и о своих религиозных замыслах⁴⁷). Лишь только Юлиан вступил в обладание константинопольским дворцом, он стал настоятельно звать к себе Максима, жившего в то время в Сардах, в Лидии, и Хрисанфия, помогавшего Максиму в его искусстве и занятиях. Осторожный и суеверный Хрисанфий

отказался от поездки, которая, по всем правилам ворожбы, грозила самыми страшными и пагубными последствиями; но его товарищ, отличавшийся фанатизмом более крепкого закала, не переставал допрашивать богов до тех пор, пока они не дали ему мнимого согласия на исполнение его желаний и желаний императора. Путешествие Максима через города Малой Азии было триумфом философского тщеславия, и должностные лица старались превзойти один другого торжественностью приема, который они приготавливали другу своего государя. Юлиан произносил перед сенатом речь в то время, как его уведомили о прибытии Максима. Император тотчас прервал свою речь, пошел к нему навстречу, нежно обнял его и, введя его за руку в собрание, публично заявил о пользе, которую он извлек из поучений этого философа. Максим⁴⁸⁾, скоро приобретший доверие Юлиана и влияние на дела управления, мало-помалу вовлекся в соблазны, окружающие двор. Он стал одеваться роскошнее прежнего, стал держать себя гордо, а в следующее царствование подвергся унижительному расследованию, какими способами последователь Платона, так недолго пользовавшийся милостями своего государя, мог нажить такое громадное состояние. Из других философов и софистов, которые были привлечены в императорскую резиденцию приглашениями Юлиана или успехами Максима, лишь немногие сохранили свою нравственную чистоту и свою хорошую репутацию⁴⁹⁾. Щедрые подарки деньгами, землями и домами не могли насытить их хищнической алчности, и народ основательно приходил в негодование, вспоминая их прежнюю крайнюю бедность и их протесты о бескорыстии их убеждений. Прозорливость Юлиана не всегда вдавалась в обман; но ему не хотелось обнаруживать своего презрения к характеру людей, внушавших ему уважение своими дарованиями; он желал избежать двойного упрека в неосмотрительности и в непоследовательности и опасался унижить в глазах неверующих честь языческой литературы и религии⁵⁰⁾.

Милости Юлиана распределялись почти равномерно между язычниками, твердо державшимися богослужения своих предков, и христианами, принявшими из предусмотрительности религию своего государя. Приобретение новых приверженцев⁵¹⁾ удовлетворяло главные страсти его души — суеверие и тщеславие, и он с энтузиазмом миссионера открыто заявлял, что, если бы он сделал каждого из своих подданных более богатым, чем Мидас, и каждый город более

обширным, чем Вавилон, он не считал бы себя благодетелем человеческого рода, если бы в то же время не положил конец нечестивому восстанию своих подданных против бессмертных богов⁵²). Монарх, изучивший человеческую натуру и имевший в своем распоряжении сокровища Римской империи, мог влиять своими аргументами, обещаниями и наградами на все разряды христиан⁵³), а заслуга своевременного обращения в язычество восполняла в его глазах недостатки кандидата и даже заглаживала его преступления. Так как армия есть самое могущественное орудие абсолютной власти, то Юлиан с особенным усердием старался извратить религию своих войск, без добровольного содействия которых все принимаемые им меры оказались бы опасными и безуспешными; но благодаря натуральным наклонностям солдат эта победа оказалась столько же легкой, сколько она была важна. Галльские легионы связали себя с религией и с судьбой своего победоносного вождя, и еще прежде смерти Констанция он с удовольствием сообщал своим друзьям, что они присутствовали с пылким благочестием и с ненасытным аппетитом на неоднократно совершавшихся в его лагере жертвоприношениях целых гекатомб жирных быков⁵⁴). Для восточных армий, привыкших сражаться под знаменем креста и Констанция, требовался более искусный и более дорогостоящий способ убеждения. В дни торжественных и публичных празднеств император принимал от своих войск выражения преданности и раздавал награды за их заслуги. Его трон был окружен военными знаменами Рима и республики; священное имя Христа было стерто с *Лабарума*, а символы войны, императорского величия и языческого суеверия были так искусно перемешаны между собой, что христианские подданные императора навлекали на себя упрек в идолопоклонстве, когда почтительно преклонялись перед особой или изображением своего государя. Солдаты проходили одни вслед за другими перед Юлианом, и каждый из них, прежде чем получить из рук императора подарок, соответствующий их рангу и их заслугам, должен был бросить несколько крупинок фимиама в горевшее перед алтарем пламя. Некоторые из христиан не подчинялись этому требованию, некоторые другие потом раскаявались в своей уступчивости, но большей частью они увлекались приманкой золота и страхом, который внушало им присутствие императора, и вступали в преступную сделку с своей совестью; а в будущем за их привязанность к культу богов ругались все соображения, осно-

ванные на чувстве долга и на личном интересе. Частым повторением этих хитростей и тратой таких денежных сумм, на которые можно было бы купить службу половины живших в Скифии народов, Юлиан мало-помалу приобрел для своих войск воображаемое покровительство богов, а для самого себя прочную и не воображаемую, а действительную преданность римских легионов⁵⁵). Впрочем, более чем вероятно, что восстановление и поощрение язычества обнаружили существование множества мнимых христиан, которые из мирских выгод присоединились к религии предшествовавшего царствования, а впоследствии возвратились, с такой же гибкостью совести, к религии, которую исповедовали преемники Юлиана.

В то время как набожный монарх непрестанно хлопотал о восстановлении и распространении религии своих предков, в его уме возникла необычайная мысль снова выстроить Иерусалимский храм. В публичном послании⁵⁶) к иудейской нации общин, рассеянной по различным провинциям, он выражает сожаление о ее несчастьях, осуждает ее притеснителей, хвалит ее постоянство, объявляет себя ее благосклонным покровителем и высказывает благочестивую надежду, что по возвращении с персидской войны ему будет дозволено с признательностью преклониться перед Всемогущим в святом городе Иерусалиме. Слепое суеверие и низкое раболепие этих несчастных изгнанников должны бы были возбуждать в императоре-философе презрение, но они заслужили милостивое расположение Юлиана своей непримиримой ненавистью к последователям Христа. Бесплодная синагога питала ненависть и зависть к плодovitости мятежной церкви; материальные силы иудеев не стояли на одном уровне с их зложелательством, но самые серьезные из их раввинов одобряли тайное убийство вероотступников⁵⁷), а их мятежные крики нередко пробуждали языческие правительственные власти из их усыпления. В царствование Константина иудеи сделались подданными своих взбунтовавшихся детей, а вскоре за тем им пришлось испытать горечь домашней тирании. Гражданские привилегии, дарованные им или подтвержденные Севером, были мало-помалу уничтожены христианскими монархами, а опрометчивый мятеж, возбужденный палестинскими иудеями⁵⁸), по-видимому, оправдывал доходные способы угнетения, которые были придуманы епископами и евнухами Констанциева двора. Иудейский патриарх, которому еще дозволялось пользоваться непрочной властью,

имел свою резиденцию в Тивериаде⁵⁹⁾, а соседние города Палестины были наполнены остатками народа, нежно привязанного к обетованной земле. Но эдикт Адриана был подтвержден и даже усилен, и этот народ лишь издали мог смотреть на стены священного города, которые были профанированы в его глазах торжеством креста и благочестием христиан⁶⁰⁾.

Расположенный среди утесистой и бесплодной местности Иерусалим⁶¹⁾ вмещает внутри своих стен две горы - Сион и Акру, образуя овальную фигуру, внешнее очертание которой имеет в длину около трех английских миль⁶²⁾. Верхняя часть города и крепость Давида находились на южной стороне, на высокой покатости горы Сиона; на северной стороне здания нижнего города покрывали широкую вершину горы Акры, а часть холма, которая носила название Мориа и была выровнена усилиями человеческих рук, была увенчана великолепным храмом иудейской нации. После окончательного разрушения храма Титом и Адрианом священная почва была вспахана в знак того, что она навсегда лишается своего священного характера. Сион опустел, а там, где прежде был нижний город, были выстроены публичные и частные здания Элианской колонии, распространившиеся на соседнюю гору Голгофу. Эти священные места были осквернены языческими памятниками, и с намерением или случайно капелла в честь Венеры была воздвигнута на том самом месте, которое было освящено смертью и воскресением Христа⁶³⁾. Почти через триста лет после этих изумительных событий осквернительная капелла Венеры была разрушена по приказанию Константина, и при очистке этого места от мусора и камней взорам человеческого рода представился гроб Господень. Первый христианский император воздвиг на этой мистической почве великолепную церковь, и его благочестивая щедрость распространилась на все места, освященные присутствием патриархов, пророков и Сына Божия⁶⁴⁾.

Страстное желание видеть подлинные памятники своего искупления привлекало в Иерусалим толпы богомольцев, стекавшихся от берегов Атлантического океана и из самых отдаленных стран востока⁶⁵⁾, а их набожность находила для себя поощрение в примере императрицы Елены, которая, как кажется, соединяла легковерие преклонных лет с пылким рвением новообращенной. Мудрецы и герои, которым случалось посещать места, прославленные мудростью или величием древних, сознавали, что местный гений вдохнов-

лял их⁶⁶⁾, а христианин, преклонявший свои колена перед гробом Господним, приписывал свою пылкую веру и свою горячую набожность более непосредственному влиянию Святого Духа. Усердие, а может быть, и корыстолюбие иерусалимского духовенства поощряло эти выгодные для него посещения и старалось сделать их более многочисленными. Оно с точностью определило, на основании неоспоримых преданий, сцену каждого достопамятного события. Оно выставило напоказ орудия, с помощью которых подвергали Христа страданиям, - гвозди и копье, которыми были проколоты его руки, ноги и ребро; терновый венец, который был надет на его голову; столб, у которого он был подвергнут бичеванию, и в особенности крест, на котором он испустил дух и который был вырыт из земли в царствование тех монархов, которые поместили символ христианства на знаменах римских легионов⁶⁷⁾. Рассказы о чудесах, считавшиеся необходимыми для того, чтобы объяснять, каким образом он так удивительно сохранился и так своевременно отыскивался, мало-помалу распространились повсюду, не встречая возражений. Охрана подлинного креста, который торжественно показывали народу в Светлое Воскресение, была вверена иерусалимскому епископу: он один мог удовлетворять любознательное благочестие пилигримов раздачей маленьких кусочков дерева, которые они отделявали золотом или драгоценными камнями и с торжеством увозили к себе домой. Но так как эта прибыльная отрасль торговли должна была скоро истощиться, то нашли удобным предположить, что его субстанция хотя и уменьшалась постоянно, но все-таки оставалась цельной и неизменной⁶⁸⁾. Можно бы было ожидать, что впечатление, производимое этими местами, и вера в беспрестанно возобновлявшееся чудо окажут благотворное влияние не только на верования народа, но и на его нравственность. Однако самые почтенные из церковных писателей были вынуждены сознаться, что не только улицы Иерусалима были наполнены непрерывной суматохой деловых занятий и веселья⁶⁹⁾, но что даже постоянные обитатели святого города освоились с пороками всякого рода - с прелюбодеяниями, воровством, идолопоклонством, отравлениями и убийствами⁷⁰⁾. Богатство и первенство Иерусалимской церкви возбуждали честолюбие как в арианских, так и в православных кандидатах, а добродетели Кирилла, который после смерти был почтен титулом святого, обнаружили

скорее в исполнении им епископских обязанностей, чем в том, как он достиг этого звания⁷¹⁾.

И тщеславие, и честолюбие Юлиана могли внушать ему желание восстановить древнюю славу Иерусалимского храма⁷²⁾. Так как христиане были твердо уверены, что приговор вечного разрушения был произнесен над всей системой Моисеева законодательства, то царственный софист мог бы обратить успех своего предприятия в благовидный аргумент против веры в пророков и истины откровения⁷³⁾. Ему не нравился духовный культ синагоги, но он одобрял учреждения Моисея, который не гнушался заимствованием многих египетских обрядов и церемоний⁷⁴⁾. Местное и национальное божество иудеев было предметом искреннего поклонения со стороны политеиста, заботившегося лишь об увеличении числа богов⁷⁵⁾, и Юлиан был так жаден до кровавых жертвоприношений, что в нем могло быть возбуждено желание соревнования благочестием Соломона, принесшего в жертву, в день освящения храма, двадцать две тысячи быков и сто двадцать тысяч баранов⁷⁶⁾. Эти соображения могли повлиять на его замыслы, но перспектива немедленной и важной выгоды не позволяла нетерпеливому монарху ожидать отдаленного и неверного исхода войны с Персией. Он решился без всяких отлагательств воздвигнуть на господствующем над окружающею местностью холме Мориа великолепный храм, который затмил бы своим блеском выстроенную на соседней горе Голгофе церковь Воскресения, учредить духовное сословие, которое из личных интересов старалось бы разоблачить хитрости и сдерживать честолюбие своих христианских соперников, и поселить там многочисленную колонию иудеев, которые, благодаря своему суровому фанатизму, были бы всегда готовы поддерживать враждебные меры языческого правительства и даже предупреждать их. Между друзьями императора (если слова «император» и «друг» не несовместимы одно с другим) самим Юлианом было назначено первое место добродетельному и ученому Алипию⁷⁷⁾. Человеколюбие Алипия умерялось строгою справедливостью и мужественною твердостью, и в то время, как он применял свои дарования к гражданскому управлению Британией, он подражал в своих поэтических произведениях гармонии и нежности од Сафо. Этому министру, которому Юлиан сообщал и все свои самые легкомысленные фантазии, и все свои самые серьезные замыслы, было поручено восстановить Иерусалимский храм в его первобытной красоте, а усердие Алипия нашло де-

тельную поддержку в палестинском губернаторе. На зов своего могущественного освободителя иудеи стали стекаться на священную гору своих предков из всех провинций империи, а их дерзкое ликование встревожило и раздражило живших в Иерусалиме христиан.

Желание вновь выстроить храм всегда было господствующей страстью детей Израиля. В эту счастливую минуту мужчины отложили в сторону свое корыстолюбие, а женщины свою деликатность; серебряные лопаты и заступы были доставлены тщеславием богачей, а мусор переносился в шелковых и пурпуровых мантиях. Все кошельки открылись для щедрых пожертвований, все руки хотели участвовать в этой благочестивой работе, и приказания великого монарха исполнялись энтузиазмом целого народа⁷⁸⁾.

Однако соединенные усилия могущества и энтузиазма оказались в этом случае безуспешными, и назначенное для иудейского храма место, занятое в настоящее время мусульманской мечетью⁷⁹⁾, по-прежнему представляло назидательное зрелище разорения и опустошения. Отсутствие и смерть императора и новые принципы христианского царствования, по-видимому, служат удовлетворительным объяснением того, почему были прерваны трудные работы, предпринятые лишь в последние шесть месяцев жизни Юлиана⁸⁰⁾. Но христиане питали естественную и благочестивую надежду, что в этой важной борьбе какое-нибудь замечательное чудо отмстит за честь религии. Современные и достойные уважения писатели рассказывают с различными вариациями, как землетрясение, вихрь и внезапно вспыхнувший огонь разрушили и разбросали по сторонам новый фундамент храма⁸¹⁾. Это событие описано: миданским епископом Амвросием⁸²⁾ в письме к императору Феодосию, которое должно было возбудить в иудеях сильнейшее негодование; красноречивым Златоустом⁸³⁾, который мог сослаться на воспоминания старожиллов своей антиохийской епархии, и Григорием Назианзином⁸⁴⁾, который обнародовал свой рассказ о чуде в конце того года, в котором оно случилось. Последний из этих писателей смело утверждал, что этого сверхъестественного происшествия не отрицали неверующие; а его слова, как бы ни казались они странны, подтверждаются неопровержимым свидетельством Аммиана Марцеллина⁸⁵⁾. Этот солдат-философ, ценивший добродетели своего повелителя, но не заражавшийся его предрассудками, рассказал в написанной им дельной и добросовестной истории своего времени, какие не-

обычайные препятствия остановили постройку Иерусалимского храма. «В то время как Алипий, при содействии местного губернатора, руководил работами с энергией и усердием, страшные огненные шары стали лопаться вблизи от фундамента и своими часто повторяющимися взрывами иногда делали это место недоступным для рабочих, которых они опалили и убивали; а так как эта непреодолимая сила не переставала упорно и решительно действовать описанным образом, как будто с целью держать рабочих в отдалении, то предприятие было отложено в сторону». Такой авторитет должен бы был удовлетворить тех, кто верует, и привести в изумление тех, кто не верует. Но философ все-таки потребует подлинного свидетельства беспристрастных и интеллигентных очевидцев. Во время этого важного кризиса всякое необычайное натуральное явление было бы принято за действительное чудо. Это славное освобождение было разукрашено и преувеличено благочестивыми хитростями иерусалимского духовенства и легковерием христиан, а по прошествии двадцати лет один римский историк, стоявший вне богословских распрей, мог украсить свое произведение этим необыкновенным и блестящим чудом⁸⁶⁾.

Реставрация иудейского храма имела тайную связь с разрушением христианской церкви. Юлиан все еще поддерживал свободу вероисповеданий, оставляя всех в неизвестности насчет того, истекает ли эта всеобщая веротерпимость из его справедливости или из его милосердия. Он делал вид, будто жалеет несчастных христиан, заблуждающихся насчет того, что всего важнее в человеческой жизни, но к его состраданию примешивалось презрение, а его презрение отзывалось ненавистью, и его мысли выражались в сарказмах, которые наносят глубокую и смертельную рану, когда они исходят из уст монарха. Так как ему было известно, что христиане гордятся тем, что носят имя своего Исккупителя, то он одобрил и, может быть, предписал употребление менее почетного названия галилеян⁸⁷⁾. Он объявил, что безрассудство галилеян - этой секты фанатиков, презираемых людьми и ненавидимых богами, - привело империю на край гибели, а в одном публичном эдикте он намекает, что спасительное насилие может иногда излечивать бешеных пациентов⁸⁸⁾. И в своем уме, и в своем образе действий Юлиан допускал то невеликодушное различие, что, смотря по своим религиозным верованиям, одна часть его подданных достойна его милостей и дружбы, а другая имеет право только на те общие выгоды, в

которых его справедливость не может отказывать покорным гражданам⁸⁹). Согласно с этим принципом - источником раздоров и угнетений - император передал первосвященнику своей собственной религии заведование значительной долей государственных доходов, которая была предоставлена христианской церкви благочестием Константина и его сыновей. Воздвигнутая с таким искусством и с таким трудом система клерикальных отличий и привилегий была скрыта до основания; строгие законы положили конец надеждам на щедрость завещателей, и священнослужители христианской секты смешались с самым низким и самым презренным классом населения. Те из этих постановлений, которые, по-видимому, были необходимы для того, чтоб сдерживать честолюбие и корыстолюбие духовенства, были вскоре после того одобрены мудростью православного монарха. Особые отличия, которыми политика и суеверие щедро наделили церковнослужителей, должны были ограничиваться теми лицами духовного звания, которые исповедовали государственную религию. Но воля законодателя не была свободна от предубеждений и страстей, и коварная политика Юлиана имела целью лишить христиан всех тех мирских отличий и преимуществ, которые делали их почтенными в глазах народа⁹⁰).

Справедливое и строгое порицание вызвал закон, запрещавший христианам преподавать грамматику и риторику⁹¹). Мотивы, на которые ссылался император в оправдание этой пристрастной и притеснительной меры, могли, в течение его жизни, налагать печать молчания на уста рабов и вызывать одобрение из уст льстецов. Юлиан употребляет во зло двоякое значение слова, которое может быть безразлично отнесено и к языку, и к религии греков: он с презрением замечает, что люди, восхваляющие достоинство слепой веры, неспособны искать или достигать выгод знания, и полагает, что, если они отказываются от поклонения богам Гомера и Демосфена, они должны довольствоваться изложением в галилейских церквях Евангелий Луки и Матфея⁹²). Во всех городах Римской империи воспитание юношества было поручено преподавателям грамматики и риторики, избравшимся правительственными властями, содержавшимся на счет государства и отличавшимся многими выгодными и почетными привилегиями. Эдикт Юлиана, как кажется, обнимал докторов и преподавателей всех свободных искусств; таким образом император, удержавший за самим собою право утверждать кандидатов, был уполномочен законами развра-

щать или наказывать религиозную твердость самых ученых между христианами⁹³). Лишь только увольнение самых непокорных⁹⁴) христианских преподавателей обеспечило за языческими софистами беспорное господство, Юлиан обратился к молодому поколению с приглашением посещать публичные школы, будучи вполне уверен, что мягкий ум юношей проникнется там духом языческой литературы и религии. Если бы христианское юношество, повинаясь голосу своей собственной совести или советам родителей, отказалось от такой опасной системы воспитания, оно лишило бы себя выгод хорошего образования. Юлиан основательно надеялся, что по прошествии нескольких лет христианская церковь возвратится к своей первобытной простоте и что христианских богословов, стоящих по своей учености и по своему красноречию на одном уровне с лучшими учеными и ораторами своего времени, заменит поколение слепых и невежественных фанатиков, неспособных ни доказывать истину своих собственных принципов, ни разоблачать различные безрассудства политеизма⁹⁵).

Юлиан, без сомнения, желал и намеревался отнять у христиан все выгоды богатства, знания и власти; но их несправедливое удаление от всех должностей, соединенных с общественным доверием и с денежными выгодами, было, как кажется, скорее результатом его общей политической системы, чем непосредственным последствием какого-либо положительного закона⁹⁶). В пользу выдающихся личных достоинств, быть может, делались некоторые редкие исключения; но большая часть христианских должностных лиц была мало-помалу удалена из государственной службы, из армии и из службы в провинциях. Надежды молодого поколения были уничтожены явным пристрастием монарха, коварно напоминавшего ему, что христианам не дозволено употреблять в дело ни меч судьи, ни меч воина, и тщательно окружавшего лагерь и трибуналы внешними признаками идолопоклонства. Правительственная власть вверялась язычникам, обнаруживавшим пылкую преданность к религии их предков, а так как в своем выборе император часто руководствовался указаниями ворожбы, то фавориты, которые были, по его мнению, всех более приятны богам, не всегда пользовались общественным уважением⁹⁷). Тяжелы были страдания христиан под управлением их врагов, но еще более тяжелы были их опасения. По своему характеру Юлиан не был склонен к жестокосердию, а забота о том, чтоб его де-

яния, совершавшиеся перед глазами всего мира, не повредили его репутации, удерживала этого монарха-философа от нарушения тех законов справедливости и веротерпимости, которые еще так недавно были им самим установлены. Но провинциальные представители его власти занимали менее видное положение. В пользовании своей неограниченной властью они сообразовывались не столько с предписаниями, сколько с желаниями своего государя и позволяли себе подвергать тайным и придирчивым притеснениям тех сектантов, которых им не дозволялось почитать отличиями мученичества. Император, старавшийся как можно дольше скрывать, что ему известны совершающиеся от его имени несправедливости, выражал в легких упреках и в щедрых наградах свой настоящий взгляд на поведение своих представителей⁹⁸⁾.

Самым целесообразным орудием угнетения служил для них закон, обязывавший христиан вполне восстанавливать разрушенные ими в предшествовавшее царствование языческие храмы. Усердие торжествующей церкви не всегда дождалось разрешения местных властей, и уверенные в безнаказанности епископы нередко нападали во главе своих прихожан на крепости сатаны и разрушали их. Всем были известны размеры освященных участков земли, увеличивших наследственные владения монарха или духовенства, и вернуть их было нетрудно. Но на этих участках земли на развалинах языческого суеверия христиане часто воздвигали свои собственные религиозные здания, а так как прежде чем приступить к постройке языческого храма было необходимо снести христианскую церковь, то одна партия превозносила справедливость и благочестие императора, а другая оплакивала и проклинала это святотатственное насилие⁹⁹⁾. После того как почва была очищена, обязанность снова соорудить громадные здания, которые были скрыты до основания, и вернуть драгоценные украшения, которые были употреблены для христианского богослужения, превращалась в длинный список убытков, подлежащих вознаграждению. Виновники зла не имели ни средств, ни желания уплачивать эти накопившиеся долги, и законодатель доказал бы свое беспристрастие и свое благоразумие, если бы употребил свое справедливое и хладнокровное посредничество на то, чтобы уравновесить притязания и протесты противников. Но вся империя, и в особенности восток, пришли в смятение вследствие опрометчивых эдиктов Юлиана, и языческие должно-

стные лица, воспламеняясь рвением и жадной мщениия, стали злоупотреблять предоставленным им римскими законами правом заменять недостаточную для уплаты долга собственность личностью несостоятельного должника. В предшествовавшее царствование епископ Аретузы¹⁰⁰⁾ Марк обращал народ в христианскую веру таким способом, который более действителен, чем убеждения¹⁰¹⁾. Должностные лица потребовали всей стоимости храма, разрушенного его не терпящим иноверия усердием, но так как им была известна его бедность, то они хотели только вынудить от этого непреклонного человека обещание самого незначительного вознаграждения. Они схватили престарелого прелата, бесчеловечно били его и вырвали ему бороду; его голое тело, намазанное медом и повешенное в сетке между небом и землею, было изъедено насекомыми и обожжено жгучими лучами сирийского солнца¹⁰²⁾. С этой вышины Марк не переставал хвастаться своим преступлением и издеваться над бессильной яростью своих гонителей. Он был наконец вырван из их рук и мог насладиться славой своего необычайного триумфа. Ариане превозносили доблести своего благочестивого единоверца; католики из честолюбия заявляли притязание на то, что он принадлежит к их партии¹⁰³⁾, а те из язычников, которые были доступны для стыда и угрызений совести, потеряли охоту повторять такие бесполезные жестокости¹⁰⁴⁾. Юлиан пощадил его жизнь; но если правда, что епископ Аретузы спас Юлиана в детстве, то потомство вместо того, чтоб хвалить милосердие императора, будет порицать его неблагодарность.

На расстоянии пяти миль от Антиохии македонские цари Сирии посвятили Аполлону одно из самых привлекательных мест благочестия в языческом мире¹⁰⁵⁾. Был воздвигнут великолепный храм в честь бога света, а его колоссальная фигура¹⁰⁶⁾ почти совершенно наполняла обширное святилище, блесквшее золотом и драгоценными камнями и украшенное произведениями греческих художников. Бог был изображен слегка наклонившимся вперед и держал в руке золотую чашу, из которой лилось на землю вино, точно будто он умолял эту почтенную родительницу возратить в его объятия холодную и прекрасную Дафну, - так как это место было прославлено вымыслами фантазии и воображение сирийских поэтов перенесло эту любовную историю с берегов Пеней на берега Оронта. Царственная антиохийская колония придерживалась древних греческих обрядов. Из Кастальского ис-

точника Дафны¹⁰⁷⁾ вытекал поток пророчеств, соперничествовавших по своей достоверности и знаменитости с предсказаниями Дельфийского оракула. На смежных полях было устроено ристалище, благодаря особой привилегии¹⁰⁸⁾, купленной у Элиды. Олимпийские игры происходили на счет города, и доход в тридцать тысяч фунт. стерл. ежегодно употреблялся на общественные удовольствия¹⁰⁹⁾. Постоянный прилив богомольцев и зрителей мало-помалу образовал в соседстве с храмом обширное и многолюдное селение Дафну, которое могло соперничать своим великолепием с любым провинциальным городом, хотя и не носило этого названия. И храм и селение были со всех сторон окружены рощей из лавровых и кипарисных деревьев, которая имела в окружности десять миль и доставляла в самые знойные летние дни прохладную и непроницаемую для солнечных лучей тень. Множество сбегавших с холмов ручейков самой чистой воды сохраняли свежесть зелени и благорастворение воздуха; гармонические звуки и ароматические запахи очаровывали слух и обоняние, и эта мирная роща была посвящена здоровью и радости, наслаждению и любви. Пылкая юность преследовала там, подобно Аполлону, предмет своих желаний, а судьба Дафны предупреждала стыдливых девушек о неблагоразумии неуместной застенчивости. Солдаты и философы благоразумно избегали этого чувственного рая¹¹⁰⁾, где удовольствие, принимавшее характер религии, незаметным образом расслабляло мужественные доблести. Но рощи Дафны не переставали в течение многих веков пользоваться уважением и туземцев и чужестранцев; привилегии священной почвы были расширены щедростью императоров, и каждое поколение прибавляло к великолепию храма новые украшения¹¹¹⁾.

Когда Юлиан спешил к Аполлону Дафны, чтобы поклониться ему в день его ежегодного празднования, его благочестие дошло до высшей степени горячности и нетерпения. Его пылкое воображение заранее наслаждалось пышностью жертвоприношений, возлияний и курения фимиама; оно рисовало ему длинную процессию юношей и дев, одетых в белые одеяния - этот символ их невинности, - и шумное сборище бесчисленных посетителей. Но со времени водворения христианства религиозное рвение Антиохии приняло иное направление. Император жалуется на то, что вместо целых гекатомб жирных быков, принесенных в жертву местному божеству богатыми горожанами, он нашел только одного гу-

ся, доставленного на свой собственный счет жрецом - бледным и одиноким обитателем этого пришедшего в упадок храма¹¹²⁾. Алтарь был покинут, оракул умолк, а священная почва была осквернена введением мрачных христианских обрядов. После того как Вавила¹¹³⁾ (антиохийский епископ, умерший в тюрьме во время гонений Деция) пролежал в своем гробу около ста лет, его тело было перенесено по приказанию цезаря Галла внутрь рощи Дафны. Над его смертными останками была воздвигнута великолепная церковь; часть освященной земли была захвачена для содержания духовенства и для погребения антиохийских христиан, желавших покоем у ног своего епископа, а служители Аполлона удалились вместе со своими испуганными и негодующими приверженцами. Лишь только новый переворот, по-видимому, возвратил язычеству его прежнее могущество, церковь св. Вавилы была разрушена и новые постройки были прибавлены к полуразрушенному зданию, воздвигнутому благочестием сирийских монархов. Но первая и самая важная забота Юлиана заключалась в том, чтобы освободить его угнетенного бога от ненавистного присутствия мертвых и живых христиан, так успешно заглушивших голос обмана или энтузиазма¹¹⁴⁾. Место заразы было очищено по всем формам древней обрядности; тела усопших были приличным образом перенесены в другое место, и служителям христианской церкви было дозволено сопровождать бранные останки св. Вавилы до их прежнего жилища внутри стен Антиохии. В этом случае усердие христиан пренебрегло таким скромным поведением, которое могло бы смягчить недоброжелательство правительства, враждебно относившегося к их религии. Высокую колесницу, на которой перевозили тело Вавилы, сопровождала и встречала бесчисленная толпа, распевавшая с оглушительными возгласами те из псалмов Давида, в которых всего резче выражалось ее презрение к идолам и к идолопоклонникам. Возвращение святого было триумфом, а этот триумф был оскорблением для религии императора, из гордости скрывавшего свое негодование. В течение ночи, с наступлением которой окончилась эта нескромная процессия, храм Дафны был объят пламенем, статуя Аполлона сгорела, и от здания остались лишь голые стены, как будто в память его страшного разрушения. Антиохийские христиане с религиозной уверенностью утверждали, что могущественное заступничество св. Вавилы направило молнию на проклятое здание, а так как Юлиану приходилось делать выбор

между верой в преступление и верой в чудо, то он без колебаний и без доказательств, на основании не лишенной правдоподобия догадки, приписал пожар Дафны мстительности галилеян¹¹⁵). Если бы их преступление было вполне доказано, оно могло бы служить оправданием для приведенного немедленно в исполнение приказания Юлиана запереть, в отщепенные христианам, двери Антиохийского собора и конфисковать его богатства. Чтобы открыть виновников мятежа и поджога и тех, кто скрыл церковные сокровища, некоторые лица духовного звания были подвергнуты пытке¹¹⁶), а один пресвитер, по имени Феодорет, был обезглавлен по приговору восточного графа. Однако этот опрометчивый поступок вызвал порицание со стороны императора, который с искренней или с притворной скорбью сожалел о том, что неблагоприятное усердие его министров может омрачить блеск его царствования религиозным гонением¹¹⁷).

Министры Юлиана стали сдерживать свое рвение, лишь только они заметили, что их государь нахмурился; но когда отец своего отечества объявляет себя вождем партии, он лишается возможности обуздывать народную ярость и поступил бы непоследовательно, если бы стал ее наказывать. В написанном для публики сочинении Юлиан хвалит благочестие и преданность священных городов Сирии, набожные жители которых разрушили по первому сигналу гробницы галилеян, и слегка сожалеет о том, что они отомстили за нанесенные богам оскорбления не с такой умеренностью, какой он от них ожидал¹¹⁸). Это неполное и нерешительное признание, по-видимому, подтверждает рассказы церковных писателей, что в городах Газе, Аскалоне, Кесарии, Гелиополе и некоторых других язычники злоупотребляли своим минутным преобладанием без всякой осмотрительности и без угрызений совести, что несчастные жертвы их жестокосердия избавлялись от пытки только смертью, что в то время, как искалеченные тела этих жертв влачили по улицам, повара вонзали в них свои вертела, а рассвирепевшие женщины свои прялки (так сильно было общее ожесточение), и что эти кровожадные фанатики, отведав внутренностей христианских церковнослужителей и девственников, смешивали их с ячменем и презрительно бросали на съедение нечистым животным¹¹⁹). Такие сцены религиозного иступления обнаруживают самые презренные и самые отвратительные стороны человеческого характера, но избиение, происшедшее в Александрии, еще более достойно внимания вследствие достовер-

ности факта, общественного положения жертв и блеска египетской столицы.

Георгий¹²⁰⁾, прозванный Каппадокийским или по происхождению своих родителей, или по месту своего воспитания, родился в городе Эпифании, в Киликии, в лавке сукновала. Благодаря дарованиям паразита, он, несмотря на свое незнатное и рабское происхождение, сумел выйти в люди; его покровители, которым он усердно льстил, доставили ему выгодную комиссию: он взял на себя поставку ветчины для армии. Его занятие было низко, но он сделал его позорным. Он накопил богатства путем самых бесчестных подлогов и подкупов, но его лихоимство сделалось настолько гласным, что он был вынужден спастись бегством от преследований правосудия. После этого несчастья, как кажется, не помешавшего ему сохранить свои богатства в ущерб своей чести, он с искренним или с притворным усердием принял арианскую веру. Из склонности или из желания выказать свою ученость он собрал ценную библиотеку из исторических, риторических, философских и богословских сочинений¹²¹⁾, и, благодаря выбору господствующей партии, Георгий Каппадокийский был возведен на вакантный епископский трон Афанасия. Вступление в должность нового архиепископа было похоже на вступление варварского завоевателя, и каждый момент его владычества был запятнан актами жестокосердия и корыстолюбия. Александрийские и египетские католики подпали под власть тирана, который и по своей природе, и по своему воспитанию был годен только на то, чтоб играть роль гонителя; но он угнетал без разбора всех жителей своей обширной епархии. Египетский первосвященитель усвоил себе роскошь и высокомерие, соответственные его высокому положению, но это не мешало ему обнаруживать пороки, свойственные людям его низкого и рабского происхождения. Александрийские торговцы обеднели вследствие приобретенной им несправедливой и почти всеобщей монополии на селитру, соль, бумагу, похороны и пр., и духовный отец великого народа унизился до того, что взял на себя гнусную роль доносчика. Жители Александрии никогда не могли позабыть и никогда не могли простить ему того, что по его совету были обложены налогом все городские дома под тем устарелым предлогом, что основатель города передал вечное право собственности на эту землю своим преемникам - Птолемеям и цезарям. Язычники, льстившие себя надеждой, что для них настали времена свободы и терпимости, возбуди-

ли в нем набожное-корыстолюбие, и богатые храмы Александрии были или ограблены, или осквернены надменным прелатом, восклицавшим громким и угрожающим голосом: «Долго ли будет дозволено стоять здесь этим гробницам?» В царствование Констанция он был изгнан яростью или, скорее, справедливостью населения, и только после упорной борьбы удалось гражданским и военным властям восстановить его владычество и дать ему возможность удовлетворить жажду мщения. Посланец, известивший Александрию о восшествии на престол Юлиана, объявил об увольнении архиепископа. Георгий и вместе с ним двое из его услужливых помощников, граф Диодор и начальник монетного двора Драконций, были с позором отведены в тюрьму, закованными в цепи.

По прошествии двадцати четырех дней в тюрьму ворвалась яростная и суеверная толпа, которой наскучило ждать исполнения утомительных формальностей судебного разбирательства. Эти враги богов и людей испустили дух в жестоких истязаниях; бездыханные тела архиепископа и его сообщников были с торжеством провезены по улицам на спине верблюда, а бездеятельность партии Афанасия¹²²⁾ была принята за блестящий пример евангелической терпеливости. Бренные останки этих низких преступников были брошены в море, а популярные вожаки мятежа объявили, что они решились воспротивиться проявлению христианского благочестия и не допускать, чтобы воздавались какие-либо почести этим мученикам, которые, подобно их предшественникам, были казнены врагами их религии¹²³⁾. Опаения язычников были основательны, но принятые ими предосторожности оказались недействительными. Дстойная смерть архиепископа изгладила воспоминания о его жизни. Соперник Афанасия был дорог и свят для ариан, а кажущееся обращение этих сектантов в православие¹²⁴⁾ ввело в кафолическую церковь поклонение Георгию. Скрывши все обстоятельства, касающиеся времени и места его смерти, на этого отвратительного чужестранца надели маску мученика, святого и христианского героя¹²⁵⁾, и гнусный Георгий Каппадокийский преобразился¹²⁶⁾ в знаменитого св. Георгия Английского - патрона воинства, рыцарства и ордена Подвязки¹²⁷⁾.

Почти в то самое время, как Юлиана известили о смутах в Александрии, он получил известие из Эдессы, что гордая и богатая арианская партия оскорбила слабых валентиниан и

учинила такие беспорядки, которые не могут оставаться безнаказанными в благоустроенном государстве. Отложив в сторону медленные порядки правосудия, раздраженный монарх обратился к должностным лицам Эдессы¹²⁸⁾ с предписанием конфисковать всю церковную собственность; деньги были розданы солдатам, земли были присоединены к государственным имуществам, и этот акт угнетения был усилен самой безжалостной иронией. «Я выказал себя, - пишет Юлиан, - самым искренним другом галилеян. Их превосходный закон обещает беднякам царствие небесное, и они скорей подвигнутся вперед по пути добродетели и вечного спасения, когда освободятся при моем содействии от бремени мирских благ». «Постарайтесь, - продолжает монарх более серьезным тоном, - не выводить меня из терпения и не заставлять меня прибегать к строгим мерам. Если эти беспорядки будут продолжаться, я накажу представителей власти за преступления народа, и тогда вам придется опасаться не только конфискации и ссылки, но огня и меча». Смуты, происходившие в Александрии, конечно, были более кровопролитны и более опасны; там погиб от руки язычников христианский епископ, и публичное послание Юлиана представляет очень яркое доказательство того, как он был пристрастен в делах управления. Упреки, с которыми он обращается к жителям Александрии, перемешаны с выражениями уважения и благосклонности, и он сожалеет о том, что в этом случае они уклонились от мягкости и великодушия, свидетельствовавших об их греческом происхождении. Он строго порицает их за нарушение законов справедливости и человеколюбия, но с видимым удовольствием перечисляет невыносимые обиды, которые они так долго терпели от нечестивой тирании Георгия Каппадокийского. Юлиан допускает в принципе, что мудрое и сильное правительство должно наказывать дерзость народа, но, из уважения к основателю города Александру и к богу-покровителю Серапису, он вполне и милостиво прощает провинившихся жителей, к которым он снова будет питать братскую привязанность¹²⁹⁾.

Когда в Александрии утихли смуты, Афанасий снова воссел, среди общих выражений радости, на троне, с которого был низвергнут его недостойный соперник; а так как рвение архиепископа умерялось сдержанностью, то он стал пользоваться своим влиянием не для того, чтоб воспламенять умы народа, а для того, чтоб склонять их к примирению. Его пастырские заботы не ограничились узкими пределами Египта.

Его деятельный и обширный ум имел в виду положение всего христианского мира, а преклонные лета, личные достоинства и репутация Афанасия делали его способным принять на себя, в минуту опасности, роль церковного диктатора¹³⁰). Еще не прошло трех лет с тех пор, как большинство западных епископов, по незнанию или против воли, подписалось под символом веры, установленным в Римини. Они раскаивались и верили в православный символ веры, но опасались неуместной взыскательности своих православных единоверцев; а если бы их гордость была сильнее их верований, они могли бы броситься в объятия ариан во избежание позора публичного покаяния, которое низвело бы их до положения незнатных мирян. Между тем в среде католических ученых обсуждались с некоторой горячностью различные мнения касательно единства и различия лиц Св. Троицы, и эта метафизическая полемика, по-видимому, угрожала явным и окончательным разрывом между церквами греческой и латинской. Благодаря мудрости избранного собора, которому имя и личное присутствие Афанасия придали авторитет вселенского собора, неосмотрительно впавшие в заблуждение епископы были приняты в лоно церкви на том нестеснительном условии, что они подчинятся Никейскому символу веры без всякого формального сознания в своих прежних заблуждениях и без всякого подробного изложения своих религиозных убеждений. Советы египетского архиепископа уже подготовили духовенство галльское и испанское, итальянское и греческое к одобрению этой благотворной меры, и, несмотря на сопротивление некоторых пылких умов¹³¹), страх перед общим врагом восстановил между христианами мир и согласие¹³²).

Египетский архиепископ искусно и деятельно воспользовался непродолжительным спокойствием, прежде нежели оно было нарушено враждебными эдиктами императора¹³³). Презиравший христиан Юлиан почтил Афанасия своей искренней ненавистью. Только ради Афанасия он дозволил себе произвольное толкование, несогласное по меньшей мере с духом его прежних заявлений. Он стал утверждать, что вызванные им из ссылки галилеяне не уполномочены этим общим помилованием вступать в управление своими церквами, и выразил свое удивление по поводу того, что преступник, неоднократно осужденный императорами, осмелился издеваться над святостью законов и дерзко присвоить себе архиепископский престол Александрии, не дождавшись

приказаний своего государя. В наказание за это воображаемое преступление он снова изгнал Афанасия из города и вообразил, что этот акт правосудия будет чрезвычайно приятен его благочестивым подданным. Настоятельные просьбы народа скоро убедили его, что большинство жителей Александрии состояло из христиан и что большая часть христиан была очень привязана к своему угнетенному архиепископу. Но знакомство с настроением умов населения, вместо того чтоб вызвать отмену его предписания, побудило его изгнать Афанасия из пределов Египта. Рвение народной толпы сделало Юлиана еще более неумолимым; он был встревожен мыслью, что было бы опасно оставлять во главе мятежного населения отважного и популярного руководителя, а из выражений его гнева видно, какого он был мнения о мужестве и дарованиях Афанасия. Исполнение приговора было замедлено осторожностью или небрежностью египетского префекта Экдиция, который был наконец пробужден из своей летаргии строгим выговором. «Хотя вы и не находили нужным (говорит Юлиан) писать мне о других делах, вы были обязаны по меньшей мере уведомить меня о вашем образе действий по отношению к Афанасию, этому недругу богов. Я давно уже сообщил вам мою волю. Клянусь великим Сераписом, что если в декабрьские календы Афанасий еще не покинет Александрии и даже Египта, служащие у вас чиновники заплатят пеню в сто фунтов золота. Вам известен мой нрав: я нелегко произношу обвинительный приговор, но еще менее легко прощаю». Это послание было усилено коротенькой прибавкой, написанной собственною рукою императора: «Презрение, которое высказывают ко всем богам, наполняет мое сердце скорбью и негодованием. Ничто не доставит мне большего удовольствия, чем извещение об изгнании Афанасия из Египта. Какой отвратительный негодяй! В мое царствование результатом его угнетений было крещение нескольких греческих дам самого высшего ранга»¹³⁴). Смертная казнь Афанасия не была *положительно* предписана, но египетский префект понял, что более безопасно преувеличивать приказания разгневанного повелителя, чем относиться к ним с невниманием. Архиепископ благоразумно удалился в монастыри Пустыни, избежал с своей обычной ловкостью ловушек, расставленных врагами, и дожил до того, что восторжествовал над прахом монарха, выразившего в многозначительных словах свое желание, чтоб весь яд галилейской школы был сосредоточен в одном лице Афанасия¹³⁵).

Я постарался верно описать коварную систему, с помощью которой Юлиан предполагал достигнуть результатов гонения, не навлекая на себя обвинений или подозрений в этом преступлении. Но если пагубный дух фанатизма развратил сердце и разум добродетельного монарха, следует сознаться, что и *действительные* страдания христиан были раздуты и преувеличены человеческими страстями и религиозным энтузиазмом. Смирение и покорность, которыми отличались первые последователи Евангелия, служили для их преемников скорее предметом похвал, чем предметом подражания. Христиане, уже более сорока лет руководившие гражданским и церковным управлением империи, впали в наглые пороки, порождаемые удачей¹³⁶⁾, и привыкли верить, что одни святые имеют право господствовать над землей. Лишь только неприязнь Юлиана лишила духовенство тех привилегий, которые были ему предоставлены благосклонностью Константина, оно стало жаловаться на самые жестокие угнетения, а веротерпимость по отношению к идолопоклонникам и к еретикам сделалась для православной партии предметом скорби и скандала¹³⁷⁾. Насилия, которым перестали благоприятствовать должностные лица, все еще совершались усердием народа. В Пессине алтарь Кибелы был ниспровергнут почти в глазах императора, а в городе Кесарии, в Каппадокии, храм Фортуны - единственное место, оставленное язычникам для богослужения, - был разрушен яростью народного мятежа. В этих случаях монарх, страдавший душою за честь богов, не был расположен мешать действию правосудия, а его раздражение еще более усиливалось, когда он видел, что фанатики, подвергнутые наказанию за поджигательство, вознаграждались почестями мученичества¹³⁸⁾. Христианским подданным Юлиана были известны враждебные замыслы их государя, и для их недоверчивого беспокойства все дела его управления служили предлогом для неудовольствий и подозрения. При обыкновенном отправлении правосудия христиане должны были нередко подвергаться обвинительным приговорам, так как они составляли столь значительную часть населения; но их снисходительные единоверцы, не вникая в суть дела, считали их невинными, приписывали их жалобы основательными и приписывали строгость их судей пристрастной злобе религиозного гонения¹³⁹⁾. Эти притеснения, как бы они ни казались невыносимыми, выдавались за легкую прелюдию к предстоявшим бедствиям. Христиане считали Юлиана жестоким и лукавым

тираном, откладывавшим исполнение своих планов мщения до того времени, когда он возвратится победителем из похода в Персию; они полагали, что, когда он восторжествует над внешними врагами Рима, он сбросит с себя несносную маску притворства, что тогда в амфитеатрах польется кровь пустынных и епископов и что христиане, не поколебавшиеся в своей вере, будут лишены всех прав и человеческих и общественных¹⁴⁰⁾. Страх и ненависть заставляли противников вероотступника верить всякой клевете¹⁴¹⁾, которая могла уронить его репутацию, а их нескромные жалобы раздражали монарха, которого они были обязаны уважать и которому, ради своих интересов, они должны бы были льстить. Они все еще заявляли, что молитвы и слезы были их единственным оружием против нечестивого тирана, на голову которого они призывали правосудие оскорбленных небес. Но они тоном зловещей решимости намекали, что их покорность не следует приписывать их бессилию и что, при несовершенстве человеческой добродетели, терпение, истекающее из принципа, может истощиться от притеснений. Нет возможности решить, в какой мере фанатизм Юлиана мог взять верх над его здравым смыслом и человеколюбием; но если мы серьезно размыслим о том, каковы были силы и мужество церкви, то мы придем к убеждению, что прежде, чем искоренить религию Христа, императору пришлось бы навлечь на свое отечество ужасы междоусобной войны¹⁴²⁾.

¹⁾ У Эггеля есть интересное примечание касательно этого ненавистного названия. Он утверждает, что слово «вероотступничество» означает просто перемену убеждений и что само по себе оно несколько не оскорбительно, а становится оскорбительным в устах тех, от кого отрекся новообращенный. Хотя он сам и христианин, тем не менее он утверждает, что Константин был такой же вероотступник, как и Юлиан. «Non vereretur Christianus ego, spectata ejus vocis natura, ipsum Constantinum M. vocare apostatam, quippe qui, abjecto polytheismo, Christiana sacra respexit» Num. Vet., ч.8, стр. 130, примеч. — *Издат.*

²⁾ Я приведу некоторые из его собственных выражений из коротенькой религиозной речи, написанной императором—первосвященником для порицания смелого нечестия одного циника: *Alf' homos hoyto de ti toys theoy's pephrika, kai philo, kai sebo, kai adzomai, kai panth' haplos ta toleyta pros aytoys pascho, hosaper an tis kai hola pros agathoya despotas, pros didaskaloys, pros pateras, pros kedemonas* (Таким образом, так же, как я трепетал перед богами, я люблю их и почитаю, и благоговейно перед ними, и просто терплю все, что они исполняют, подобно тому, как терпят все от добрых господ, учителей, отцов, попечителей. — *Перев. ред.*) Речь 7, стр. 212. По-видимому, ни разнообразие, ни богатство греческого языка недостаточны для выражения его пылкого благочестия.

³⁾ Этот оратор обнаруживает некоторое красноречие, много восторженности и еще более тщеславия, когда обращается в своей речи и к небесам и к земле, и к людям и к ангелам, и к живым и к мертвым и главным образом к великому Констанцию (*ei tis aisthesis* — выражение языческое и очень странное). Он кончает смелым утверждением, что он воздвигнул памятник не менее прочный и гораздо удобнее переносимый с места на место, чем Геркулесовы столбы. См. Григория Назианзина, Речь 3, стр. 50; 4, стр. 134.

⁴⁾ См. эту длинную брань, которая была неосновательно разделена на две речи в Полном собрании сочинений Григория Назианзина, том I, стр. 49–134. Париж, 1630 г. Она была обнаружена Григорием и его другом Василием (4, стр. 133) почти через шесть месяцев после смерти Юлиана, когда его смертные останки были перенесены в Тарс (4, стр. 120), но в то время как Юлиан еще был на престоле (8, стр. 54; 4, стр. 177). Я пользовался французским переводом, изданным с примечаниями в Лионе, в 1735.

⁵⁾ *Nicomediae ab Eusebio educatus Episcopo, quem genere longius contingebat.* (Аммиан, XXI, 9). Юлиан никогда не выражал никакой признательности к этому арианскому прелату, но восхвалял своего наставника евнуха Мардония и описывал его способ воспитания, внушивший ученику страстное влечение к гению и, может быть, к религии Гомера. Мизопогон, стр. 351, 351. (Всякая подробность, касающаяся воспитания столь замечательного человека, имеет интерес и значение. Неандер и в своем сочинении «Юлиан», и в своей «Истории христианской религии» обратил серьезное внимание на этот предмет, а так как все сообщаемые им сведения почерпнуты из лучших источников, то мы воспользуемся некоторыми из них для того, чтобы исправить некоторые ошибки Гиббона и пополнить некоторые из его упущений. В №11 приложений к своему сочинению «Юлиан» Неандер высказывает недоверие к утверждению Аммиана, что Юлиан воспитывался в Никомедии под руководством местного епископа Евсения, так как «этот прелат был назначен епископом константинопольским до собиравшегося в Антиохии в 341 г. собора, и вскоре после того умер»; а Юлиан не жил в Никомедии до 315 года. Впрочем, так как Юлиан провел в Константинополе часть своего детства, то этот епископ, может быть, и принимал в этом городе в течение непродолжительного времени какое-нибудь участие в заботах о его воспитании. Однако во второй части своего сочинения Неандер говорит, что к молодому двоюродному брату императора родственники относились почти с полным пренебрежением и что он был поручен «престарелому наставнику Мардонию, а этот Мардоний был раб, достав-

шийся по наследству семейству его матери и воспитанный его отцом для того, чтобы он мог познакомить ее с изящной литературой». Отсюда ум Юлиана вынес свои первые впечатления. Но мальчик был от природы одарен такими умственными способностями, которые влекли его к возвышенным идеям. Впоследствии он писал о себе самом (Гимн к Солнцу, стр. 130): «С моей ранней молодости я чувствовал сильнейшее влечение к великолепию бога Солнца (Гелиоса). Появление небесного светила приводило меня, даже в моем детстве, в такое восторженное состояние, что я не только старался смотреть на него не сводя глаз, но нередко выходил на открытый воздух в светлые безоблачные ночи, и, не заботясь ни о чем другом, я с восторгом любовался звездным небом, забывал обо всем, что касалось самого меня, и не слыша того, что мне говорили. Я мог бы рассказать еще многое, если бы я захотел сообщить, что думал я в такие минуты о богах». После того Юлиан провел шесть лет в уединении в Мацелле, там один восторженный поклонник гения Древней Греции, по имени Никоклес, научил его изучать Гомера «как руководителя к высшей мудрости, чрез посредство аллегорических толкований». В этот период его жизни, когда мысли юноши сложились в принципы зрелого человека, этот пылкий ум погрузился в восторг, разливавший неземной свет на все, к чему он прикасался. Из этого уединения Юлиана перевезли в Константинополь; там ему не дозволили слушать лекции первого ритора того времени, явного язычника Либапия, а дали в воспитатели человека с меньшими дарованиями и без всяких принципов по имени Экеболла, который «в царствование Констанция был ревностным христианином и решительным врагом язычества; потом, в царствование Юлиана, сделался столь же ревностным язычником и врагом христианства, а после смерти Юлиана еще раз притворился христианином и подчинился наложенной церковью эпитимии для того, чтобы снова быть допущенным в ее лоно». Когда император нашел нужным отправиться на запад, он отослал своего двоюродного брата в Никомедию. За молодым ученым, которому было в то время двадцать лет и который привлекал на себя особое внимание как член императорской фамилии, стали ухаживать тамошние философы, в особенности те, которые принадлежали к числу неоплатоников, не сочувствовавших христианству, и у которых было много школ в Малой Азии. Самыми знаменитыми между этими наставниками были Злесьи, Хрисанфий, Евсевий и Максим. Этот последний был «ловкий фокусник» и уверял, будто имеет власть над сверхъестественными силами. Узнавши о прибытии в Никомедию такого высокопоставленного лица, он отправился туда и приобрел там такой кредит, что склонил восприимчивого Юлиана последовать за ним при его возвращении в Эфес; там хитрости и лесть ионийских софистов воспользовались прежними влечениями Юлиана для того, чтобы достигнуть его тайного обращения в язычество. После того, как был умерщвлен его брат Галл, его два раза вызывали ко двору в Милан и два раза дозволяли жить в Афинах. Слава этого города, памятники его древнего величия, окружавшие его привлекательные и величественные изображения героев и богов, наглядное представление всего, чему Юлиан верил в глубине своей души, беседы с учеными и их изъявления уважения, их основательная гордость славными предками и негодование при мысли, что такую славу может помрачить новая система, у которой нет никакого прошлого, — все это довершило и упрочило в душе Юлиана перемену (если можно назвать переменной мало-помалу развившееся убеждение), которую он не смел обнаружить при жизни Констанция из опасения погубить себя. Такого содержания рассказа Неандера в его «Истории христианской религии» (ч. 3, отд. 1, стр. 49–58) и в его «Императоре Юлиане» (отд. 2, стр. 71–87). —

Издат.

⁶ Сам Юлиан (Посл. 51, стр. 454) уверял жителей Александрии, что до двадцатого года своей жизни он был христианином (он, вероятно, хотел сказать «искренним христианином»).

⁷ Григ. Наз. III, стр. 70. Он старался смыть с себя этот священный знак в крови, быть может, Тавроболла. Бароний, *Annal. Eccles.* 361 г. №3, 4.

⁸⁾ См. касательно его христианского и даже церковного воспитания сочинения Григория Назианзина (3, стр. 58), Сократа (кн. 3, гл. 1) и Созомена, (кн. 5, гл. 2). Он мог бы попасть в епископы и, может быть, в святые.

⁹⁾ Философ (отрывок, стр. 288) смеется над железными цепями этих отказавшихся от мира фанатиков (см. Тильмона, *Met. Eccles.* том IX, стр. 661, 662), позабывших, что человек по своей природе кроткое и общительное животное, *anthrōpou physei politikou dzōu kai hēmerou*. Этот язычник полагает, что так как они отказались от богов, то ими овладели и мучат их злые демоны.

¹⁰⁾ Та часть этой работы, которая выпала на долю Галла, исполнялась с энергией и успехом; но земля упорно отвергала и ниспровергала постройки, которые возводились нечестивой рукой Юлиана (Григ. Наз., 3, стр. 59–61). Это местное землетрясение, засвидетельствованное многими очевидцами, может считаться за одно из самых несомненных чудес в церковной истории.

¹¹⁾ См. Юлиана *apud Cyril*, кн. 6, стр. 206; кн. 8, стр. 253, 262. «Вы преследуете (говорит он) тех еретиков, которые оплакивают умерших не тем самым способом, какой вы одобряете». Он оказывается довольно хорошим богословом, но утверждает, что учение о христианской Троице истекает не из того, чему учили св. Павел, Иисус и Моисей. (Отвращение Юлиана к христианству приняло более решительный характер, когда он познакомился с высокомерием, честолюбием и корыстолюбием церковной иерархии. В его уме, уже предубежденном против самой религии, натурально возникло отвращение к созданному этой религией словию, которое отличалось упомянутыми пороками и теснилось у самых ступеней императорского престола, с ожесточением нападая на мнения своих противников и заявляя свое божественное право на повиновение верующих. Мрачная тень, которую набросило это обстоятельство на его мнения о христианстве, не избежала наблюдательности некоторых писателей, изучавших мотивы его действий. Главным из этих мотивов, по словам Эггеля (VIII, 130), были его «*ingestum odium epis sororum ejus aetatis*» и «*aliquorum non ferenda ambitio*». Неандер (Ист. III, 82) также говорит, что «Юлиан в особенности ненавидел епископов»; он замечает (Имп. Юл., стр. 132), что «обхождение Юлиана с христианами вообще отличалось от его обхождения с епископами», и признает, что эти последние «позабывали о своих обязанностях по отношению к верховному сановнику». Даже Варбуртон (Юлиан, стр. 24) не в состоянии отвергать, что «по своим буйным и дерзким манерам они были достойны всей строгости его правосудия». Гиббон (гл. 25) цитирует из сочинений Аммиана (кн. 27, гл. 3) описание их роскоши и блеска, превосходивших блеск императорского величия. Уничтожить их влияние и унизить их гордость было главной целью мероприятий Юлиана. С целью создать новые поводы для раздоров и тем ослабить епископов он позволил возвратиться из ссылки тем, кто был изгнан во время предшествовавшего господства противоположной секты; но он снова отправил в ссылку Афанасия, господствовавшего над Александрией с такой абсолютной властью, какой не имел он сам. Он не уклонялся от своей цели и тогда, когда писал первосвященнику Галации, что советует ему и его сотоварищам «брать пример с христианских епископов и заявлять притязания на такое достоинство, которое выше всякого земного звания». Он ежедневно мог замечать, какую власть способно приобрести правильно организованное духовное сословие, и он намеревался упорчить противоположное влияние, которым он стал бы руководить в качестве верховного первосвященника. Эта мысль упорила его предвзятое нерасположение к церкви, способной иметь таких руководителей, и усилила в его глазах безрассудство их мелких споров о словах, ярость их борьбы и ожесточение их взаимных гонений. — *Издает.*)

¹²⁾ Либаний, *Orat. Parentalis*, гл. 9, 10, стр. 232 и сл. Григ. Назианзин, Речь 3, стр. 61. Евнан., *Vit. Sophist. in Maximo*, стр. 68–70, изд. Коммелина.

13) Один из новейших философов остроумно сравнивает различное влияние деизма и политейзма по отношению к сомнениям и убеждениям, которые они порождают в человеческом уме. См. *Essays Юма*, ч.II, стр. 444–457 изд. in 8–v o 1777.

14) Кибела была привезена в Италию в конце второй Пунической войны. Чудо девственности или матроны Клавдии, доказавшей свою добродетель таким способом, который оскорбил скромность римских дам, засвидетельствовано множеством очевидцев. Их показания собраны Дракенборхом (*ad Silium Italicum*, XVII, 33); но мы можем заметить, что Ливий (XXX, 14) слегка упоминает об этом факте в скромной и двусмысленной форме.

15) Я не могу воздержаться от цитирования энергических выражений Юлиана: *Envoi de dokei tais poleis pistayein mallon ta tolayta, 8 toytoisi tois komposois, ofi to psυχarion drimny men, hygies de oyde en blepei* (Я же считаю, что городские жители во все это гораздо больше верят, чем все эти разряженные обитатели дворцов, поскольку душа первых сильна, а у вторых здоровье в небрежении. – *Перев. ред.*) Речь 5, стр. 161. Юлиан также заявляет о своей твердой вере в *andlia* или священные щиты, упавшие с неба на Квиринальский холм, и скорбит о странном ослеплении христиан, которые предпочли крест этим небесным трофеям. *Apud Cyril*, кн. 6, стр. 194.

16) См. принципы аллегорий у Юлиана (Речь 7, стр. 216–222). Его доводы менее нелепы, чем доводы некоторых новейших богословов, которые утверждают, что бессмысленная или полная противоречий доктрина должна быть божественной, потому что никому не пришло бы в голову выдумывать ее.

17) Евнапий сделал этих софистов сюжетом написанной им истории, которая полна пристрастия и фанатизма, а ученый Бруккер (*Ист. филос.*, том II, стр. 217–303) потратил много труда на то, чтобы описать их неинтересную жизнь и непонятную доктрину.

18) Юлиан, Речь 7, стр. 222. Он клянется с самым пылким и восторженным чувством благочестия и опасается не в меру обнаружить сущность этих священных мистерий, над которыми неверующие стали бы смеяться нечестивым и язвительным смехом.

19) См. пятую речь Юлиана. Но все аллегории, придуманные последователями Платона, не стоят коротенькой поэмы Катупла, написанной на тот же сюжет. Переход Аттиса от самого дикого энтузиазма к спокойной трогательной печали о своей невозвратимой потере должен возбуждать в мужчине сострадание, а в евнухе отчаяние.

20) Правильное понятие о религии Юлиана можно извлечь из его сочинения «Цезари» (стр. 308, с примечаниями и объяснениями Шпангейма), из его отрывков in *Cyril*, кн. 2, стр. 57, 58 и в особенности из богословской речи in *Solem Regem*, стр. 130–158, с которой он, из доверчивой дружбы, обратился к префекту Саллюстию.

21) Юлиан принимает эту грубую мысль, приписывая ее своему любимцу Марку Антонину (Цезари, стр. 333). Стоики и последователи Платона колебались между телесным сходством и духовной чистотой, однако самые серьезные из философов склонялись в пользу той причудливой мечты Аристофана и Лукиана, что неверующее поколение может умирить бессмертных богов голодом. См. Замечание Шпангейма, стр. 284, 444 и сл.

22) *Helion legō, to drōn agalma kai empsychon, kai ennoyn, kai agathoergon toy poētou patros* (Я говорю, что солнце – живое, одушевленное, разумное, благодетельное изображение Умного Отца. – *Перев. ред.*) (Юлиан, Послание 51. В другом месте (*apud Cyril* 87 кн. 2, стр. 69) он называет солнце богом и троном божьим. Юлиан верил в платоновскую Троицу и только порицал христиан за то, что они предпочли смертного Логоса бессмертному. (Помощь, оказанная философией первобытному христианству, не находится в противоречии с ее противоположным влиянием на Юлиана. При правильном взгляде на эти два факта они оказываются вполне совместимыми один с другим. Во-первых, существенный характер христианства совершенно изменился. Из религии, удовлетворявшей две главные потребности того

времени — потребности в духовном культе и в твердом веровании в бессмертие души, оно превратилось в политико-иерархическое мирское господство над опасениями, мнениями, ресурсами и богатствами покорной толпы. Оно почти совершенно отбросило философию, которая была его союзницей, и лишь употребляло самые неопределенные ее термины как воинственный клич в борьбе партий, споривших из-за выгод власти. Это мнение высказано Невандером в его Имп. Юп. стр. 118 и 134 и в его Истории, стр. 49 и 140. Следующие слова Невандера сводят все под одну точку зрения: «Руководимые мирскими целями епископы, поведение которых было виной того, что имя Господа проносилось между язычниками с хулою, свирепствовали против язычества и были готовы награждать всем, что могли добыть благодаря своему могущественному влиянию при дворе и в особенности милостями монарха, титулами и почетными должностями, лицемерие тех, кто ценил земные блага более небесных». Затем тот же писатель рассказывает, как эта безнравственность служила поощрением для тех, кто пытался поднять язычество из его упадка. Привычки и страсти, не терпящие никаких перемен, многим помешали покинуть религию их отцов; а видя, как философия помогла введению и успехам враждебной веры, они задумали — как уже было замечено ранее — употребить то же средство для обновления своей собственной религии. Вновь оживившийся платонизм Аммония Саккаса не имел в виду этой цели, но некоторые из его положений, развитые до необычайных размеров, оказались пригодными для такой попытки и с этой целью были или усвоены с фанатизмом или бессовестно извращены. «Изображение религиозных понятий символами, заимствованное из философии неоплатоников, было главным средством, к которому прибегали для того, чтобы дать язычеству возможность бороться с христианством, и для того, чтобы придать искусственную жизнь тому, что уже отжило. Философские идеи и мистические толкования должны были придать более возвышенный смысл старому непереполненному учреждению. Теургия и низкая торговля хвастливыми мистериями также способствовала своими обманчивыми хитростями тому, чтобы привлекать и поработать умы, на которые влияла не столько настоящая потребность в религии, сколько правдивая любознательность, желавшая проникнуть за пределы того, что доступно человеческому уму» (Невандер, Ист., ч. III, стр. 51). Нет более убедительного доказательства услуг, оказанных христианству философией, чем это отчаянное усилие употребить ее на поддержку безнадежно погибавшего дела. Неудача этого усилия делает всякие комментарии излишними; мы можем только заметить, что даже в руках Юлиана оно не было способно возратить жизнь таким ребяческим суевериям. Ни его бесспорные дарования, ни его пылкий энтузиазм, ни его императорская власть, ни выгоды, доставленные ему соперниками тем, что они уклонились от своих принципов, — ничто не могло воскресить того, что было отвергнуто духом того времени. — *Издает.*

23) Евнапиевы софисты творили столько же чудес, как и святые пустынножители; в их пользу говорит лишь тот факт, что их душевное настроение было менее мрачно. Вместо чертей с рогами и хвостами Ямвлих вызывал из близлежащего ручья гениев любви: Эрота и Антерота. Вышедшие из воды два красивых мальчика нежно обнимали его, как своего отца, и исчезали по его приказанию. Стр. 26, 27.

24) Евнапий (стр. 69—70) чистосердечно описывает ловкие проделки этих софистов, передавших своего легковверного ученика с рук на руки один другому. Аббат де-ла Блетери понял и ясно описал всю эту комедию (Vie de Julien, стр. 61—67.)

25) Начаянно чего-то испугавшись, Юлиан перекрестился; тогда демоны мгновенно исчезли (Григорий Наз., Речь 3, стр. 71). Григорий полагает, что они испугались, а жрецы объявили, что они пришли в негодование. Предоставляю читателю разрешить этот глубокомысленный вопрос сообразно со своими верованиями.

26) Дион, Златоуст, Фемикий, Прокл и Стобей дают нам туманное и приблизительное понятие об ужасах и радостях посвящения. Ученый автор Божественной миссии приводит их слова, которые он ловко и с натяжкой приспособляет к своей собственной системе.

27) Юлиан из скромности ограничивался неясными и случайными намеками на эти факты, но Либаний с удовольствием вдаётся в описание постов и видений этого религиозного героя. (*Legat. ad Julian.*, стр. 157 и *Orat. Parent.*, гл. 83, стр. 309, 310.)

28) Либаний, *Orat. Parent.*, гл. 10, стр. 233, 234. Галл имел некоторые основания догадываться о тайном веротступничестве своего брата и в письме, которое может считаться неподдельным, убеждал Юлиана держаться религии своих предков; этот аргумент, как кажется, не был зрело обдуман. См. Юлиана, *Сочин.*, стр. 454 и *Hist. de Jovien*, том 2, стр. 141. (Юлиан верит свою тайну пергамскому доктору Орибасию. Клин. F. R. I, 431. — *Издат.*)

29) Григорий Наз. (3, стр. 50) с жестокосердным усердием порицает Констанция за то, что он пощадил жизнь юного отступника (*kakos sothenta*). Его французский переводчик (стр. 265) из предосторожности замечает, что такие выражения не следует принимать в буквальном смысле слова. (Однако самые преданные Григорию Назианзину писатели не в состоянии отвергать буквального смысла его выражения; его такою не могут отвергать те, которые выносят ничем не стесняющийся папский деспотизм, руководивший мечом Альбы и Тилли и одобрявший свирепые варварства Варфоломеевской ночи. — *Издат.*)

30) Либаний, *Orat. Parent.*, гл. 9, стр. 233.

31) Фабриций (*Biblioth. Graec.*, кн. 5, гл. 8, стр. 88–90) и Ларднер (*Языческие Свидетельства*, ч. IV, стр. 44–47) тщательно собрали все, что сохранилось из сочинения Юлиана против христиан.

32) Почти через семьдесят лет после смерти Юлиана он выполнил ту задачу, за которую безуспешно брался многоречивый и не заслуживающий никакого уважения писатель — Филипп Сидский. Даже произведение Кирилла не вполне удовлетворило самых снисходительных судей, и аббат де-ла Блетери (*Preface a l'Hist. de Jovien*, стр. 30–32) выражает желание, чтобы какой-нибудь *theologien philosophe* (какое странное сочетание достоинств) взялся за опровержение мнений Юлиана.

33) Либаний (*Orat. Parental.*, гл. 87, стр. 313), которого подозревали в том, что он помогал своему другу, предпочитает это сочинение (*Orat. G. in peset. Julian.*, стр. 255, изд. Морел.) сочинениям Порфирия. Можно ослабивать мнение Либания (*Сократ*, кн. 3, гл. 23), но его нельзя обвинять в лести монарху, которого уже не было в живых.

34) Либаний (*Orat. Parental.*, гл. 58, стр. 283, 284) красноречиво объясняет принципы веротерпимости и поведение своего царственного друга. В замечательном послании к жителям Бостры сам Юлиан (*Посл. 52*) заявляет о своей умеренности и обнаруживает то усердие, которое признавал Аммиан и в котором обвинял его Григорий Назианзин (*Orat. 3*, стр. 72). (Это послание могло быть внушено его скрытым рвением в пользу язычества, но оно представляет явное выражение враждебных чувств, которые он питал к христианскому духовенству. О Бостре уже было упомянуто, как о месте рождения императора Филиппа. Это была колония, находившаяся в Аравии на границах Иудеи неподалеку от Пеллы — раннего седалища иудейского христианства. Ее жители, как кажется, приобрели или унаследовали от своих еврейских соседей склонность к распрям. Так как они почти равномерно разделялись на христиан и язычников, то их раздоры привели к сценам насилия, обратившим на себя внимание правительства. Юлиан обратился с упреками к епископу Титу и возложил на него ответственность за общественное спокойствие. Епископ и его духовенство отвечали памятной запиской, утверждавшей, что своими увещаниями они прекратили беспорядки. Тогда император обратился ко всем гражданам вообще с посланием, в котором убеждал их жить в согласии. Но он искусно воспользовался этим удобным случаем, чтобы сказать мирянам христианского вероисповедания, что их духовенство обвиняет их в склонности к буйст—

вам. Впрочем, он не признавал за ними никакой вины и приписывал все беспорядки ухищрению духовенства, о котором говорил, что оно раздражено утратой власти и привилегий и по этой причине старается внушать населению неуважение к государственной власти. Он советует им изгнать этих агитаторов из города для того, чтобы между ними водворилось спокойствие, и советует спокойно исполнять те обряды богослужения, которые он дозволил им выбирать по своему усмотрению. Неандер (Ист. ч. III, стр. 83) порицает Юлиана за его образ действий по отношению к епископу Бостры. Однако тот же писатель (Имп. Юл., 154) допускал, что монарх считал строгость необходимой по отношению к епископам, так как «смотрел на них как на нарушителей общественного спокойствия, не обращавших никакого внимания на человеческий авторитет, и в этом смысле писал к гражданам Бостры». — *Издат.*

³⁵ В Греции храмы Минервы были открыты по его особому приказанию перед смертью Констанция (Либиан, *Orat. Parent.* гл. 55, стр. 280), а в своем публичном манифесте к афинянам Юлиан сам выдает себя за язычника. Это неоспоримое свидетельство опровергает опрометчивое утверждение Аммиана, который, по-видимому, полагает, что Константинополь был тем местом, где Юлиан обнаружил свою привязанность к богам. (Это произошло лишь после того, как он был провозглашен августом, и в то время, как он подвигался вперед с целью напасть на Константинополь; во всяком случае этот факт предшествовал лишь несколькими днями его вступлению в восточную метрополию. Он ни разу не заявлял публично о своих убеждениях, пока не утратил всякую надежду на поддержание дружеских сношений со своим двоюродным братом. Как тщательно он скрывал эти убеждения, видно из того, как он себя вел на празднике Богоявления в том же самом году. — *Издат.*)

³⁶ Аммиан, *XXI*, 5. *Cozomen*, кн. 5, гл. 5. *Bestia moritur, tranquillitas redit... omnes episcopi qui de propriis sedibus fuerant exterminati per indulgentiam novi principis ad ecclesias redeunt.* Иерон. *adversus Luciferianos*, том II, стр. 143. Опат обвиняет донатистов в том, что они были обязаны своей безопасностью вероотступнику (кн. 2, гл. 16, стр. 36, 37, изд. Дюлена.

³⁷ Восстановление языческого богослужения описано Юлианом (Мизопогон, стр. 346). Либианом (*Orat. Parent.*, гл. 60, стр. 286, 287 и *Orat. Consulat. ad Julian* стр. 245, 246, изд. Морел.), Аммианом (*XXII*, 12) и Григорием Назианзином (*Orat.* ч. стр. 121). Эти писатели сходятся между собой не только в главных фактах, но и в мелких подробностях, но различные точки зрения, с которых они смотрели на чрезмерное благочестие Юлиана, сказываются постепенно то в самовосхвалении, то в пылком восторге, то в легких укорах, то в пристрастной брани.

³⁸ См. Юлиана *Epistol.* 49, 62, 63, и длинный и интересный отрывок без начала и конца (стр. 288—305). Верховный первосвященник смеется над историей Моисея и над правилами христианского благочиния, предпочитает греческих поэтов иудейским пророкам и, с ловкостью иезуита, оправдывает относительное поклонение иконам.

³⁹ В качестве первосвященника Юлиан (стр. 301) мог радоваться тому, что эти нечестивые секты исчезли и что даже их сочинения уничтожены; но в качестве философа он не должен бы был радоваться тому, что от человеческого рода будут скрыты какие-либо мнения и аргументы, хотя бы они и были совершенно несогласны с его собственными.

⁴⁰ В этих письмах Юлиан дает такое понятие о язычестве, которое несколько не похоже на мифологии Гесиода, Гомера, Нумы и Овидия. Наставления, с которыми он обращается к жрецам, суть не что иное, как пространный комментарий к тем наставлениям, которые давал св. Павел Титу касательно выбора епископа. Самая замечательная особенность этих странных произведений заключается в том, что в качестве Верховного первосвященника он заботится о восстановлении идолопоклонства, а в качестве императора и философа он старается достигнуть того, в чем он видит удовлетворение потребности своего времени — старается придать языче-

скому богослужению более духовный характер согласовать с ним верование в будущую жизнь. Он даже указывает на учение Платона как на ту философию, которая произвела такое впечатление на умы и создала такие потребности. — *Издат.*

41) Однако он намекает на то, что христиане, под маской милосердия, отрывали детей от их религии и от их родителей, сажали на корабль и, перевоза в дальние страны, обрекали на нищету и рабство (стр. 305). Если бы это обвинение могло быть доказано, он должен бы был не скорбеть, а наказывать.

42) Григорий Назианзин говорит об этом предмете то с насмешкой, то с остроумием, то с убедительными доводами (Orat. 3, стр. 101, 102 и сл.). Он поднимает на смех нелепость такого подражания и забавляется разрешением вопроса, какие нравственные или богословские поучения можно извлечь из греческих басен.

43) Он обвиняет одного из своих жрецов в тайном союзе с христианскими епископами и пресвитерами: (Epist. 62) *Horōn oup polēn men oligōbian ouzan hēmin pros toys theous* (...видя, что нет у вас к богам большого рвения... (Письмо 62) — и (Epist. 63): *hēmas de ou to gathutos* (...так вы беспечны... (Письмо 63). — *Перев. ред.*) и пр.

44) Он хвалит верность одной из жриц Цереры, Калликсены, которая была дважды так же постоянна, как Пенелопа, и в награду назначает ее жрицей Фригийской богини в Пессине (Юлиан, Epis. 21). Он хвалит твердость Гиерапольского Сопатера, которого неоднократно пытались склонить к вероотступничеству и Констанций, и Галл (Epis. 27, стр. 401.)

45) *Ho de nomidzōn adelpha logoys te kai theōn hiera*. (Он считался братом и наук, и святыней богов. — *Перев. ред.*) Orat. Parent., гл. 77, стр. 302. Та же мысль часто выражается Юлианом, Либанием и другими членами той же партии.

46) Аммиан (XXII, 12) откровенно описывает любознательность и легкоеверие императора, испробовавшего все способы ворожбы.

47) Юлиан, Epist., 38. Три других послания (15, 16, 39), написанные в таком же тоне дружбы и доверия, адресованы к философу Максиму.

48) Евнапий (in Maximo, стр. 77–79 и in Chrysanthio, стр. 147, 148) подробно рассказывает об этих фактах, считая их за самые важные события того времени. Однако он откровенно сознает слабость Максима. Прием Максима в Константинополе описан Либанием (Orat. Parent., гл. 86, стр. 301) и Аммианом (XXII, 7).

49) Хрисанфий, не захотевший выехать из Лидии, был назначен главным жрецом провинции. Его осторожное и умеренное пользование властью предохранило его от последствий переворота, и он жил спокойно, тогда как Максим, Приск и другие подверглись гонениям со стороны христианских министров. См. приключения этих фанатиков—софистов, собранные Бруккером, том II, стр. 281–293. (Хрисанфий дожил до восьмидесяти лет, а Орибазий еще был жив в 395 по Р.Х. (Клинтон. F. R., II, 309, 311). — *Издат.*)

50) См. Либания (Orat. Parent., гл. 101, 102, стр. 324–326) и Евнапия (Vit. Sophist. in Proaeresio, гл. 126). Некоторые из ученых, быть может, питавшие неосновательные или преувеличенные ожидания, удалились из чувства отвращения (Григ. Наз., Orat. 4, стр. 120). Странно, что мы не в состоянии опровергнуть правильность заголовка одной из глав Тильемона (Hist. des Empereurs, том IV, стр. 960): «La Cour de Julien est pleine de philosophes et de gens perdus».)

51) В царствование Людовика XIV его подданные всех званий старались приобрести славный титул *Convertisseur*, выражавший их усердие и их успехи в деле приобретения новообращенных. И это слово и соединенное с ним понятие становятся во Франции устарелыми; было бы желательно, чтобы с ними никогда не знакомилась Англия!

52) См. энергические выражения Либания, которые, вероятно, были выражениями самого Юлиана (Orat. Parent., гл. 59, стр. 285).

⁵³⁾ Когда Григорий Назианзин (Orat. 10, стр. 167) желает превознести христианское мужество своего брата Цезария, служившего доктором при императорском дворе, он сознается, что Цезарий вел спор с могущественным противником *polyn en hoplois kai megan en logon deinoteti* (во всеоружии и с большой силой в словах. — *Перев. ред.*) В своих бранных отзывах он с трудом допускает, чтобы у вероотступника могло быть сколько-нибудь остроумия и мужества.

⁵⁴⁾ Юлиан, Epist. 38. Аммиан, XXII, 12. Adeo ut in dies paene singulos milites carnis distentiore sagina victitantes incultius, potusque aviditate correpti, humeris impositi transeuntium per plateas, ex publicis aedibus... ad sua diversoria portarentur. И набожный монарх, и негодующий историк описывают одну и ту же сцену; и в Иллирии, и в Антиохии одни и те же причины должны были приводить к одним и тем же последствиям.

⁵⁵⁾ Григорий Наз. (Orat. 3, стр. 74, 75, 83–86) и Либаний (Orat. Parent., гл. 81, 82, стр. 307, 308), *peri tautēn tēn spoydēn ouk apnoymai ployton anēbōsthoi megan*. (Что же касается (их) усердия (в вере), то его я не приобрел, хотя и потратил много богатства. — *Перев. ред.*) Софист признается в расходах на обращение солдат в язычество и оправдывает их.

⁵⁶⁾ Это послание Юлиана (25) адресовано к обществу иудеев. Альд (Venet. 1499) заклеил его словами *ei Iuēios*, но это клеймо было основательно стерто позднейшими издателями Петавием и Шпангеймом. Об этом послании упоминает Созомен (кн. 56 гл. 22), а его содержание подтверждается Григорием Наз. (Orat. 4, стр. 111) и самим Юлианом (Отрывок, стр. 295).

⁵⁷⁾ Мишна устанавливала смертную казнь против тех, кто оставлял иудейскую веру. Как производилось разбирательство, объясняют Маршам (Canon. Chron., стр. 161, 162, изд. in fol., Лондон, 1672) и Баснаж (Hist. des Juifs, том VIII, стр. 120). Константин издал закон для окрещения тех, кто переходил из иудейской веры в христианскую. Код. Феод., кн. 16, тит. 8, зак. 1. Годефруа, том VI, стр. 215.

⁵⁸⁾ Et interea (во время междоусобной войны, вызванной восстанием Магненция) *Judaeorum seditio, qui Patricium nefarie in regni speciem sustulerunt, oppressa*. Аврелий Виктор in Constantio, гл. 42. См. Тильемона Hist. des Empereurs, том IV, стр. 379, in 4-to. (Диокесария была сценой этого мятежа, а его подавление было единственным военным подвигом, совершенным братом Юлиана Галлом во время его непродолжительного царствования с титулом цезаря. Сократ, Н. Е. 2, 33. — *Издат.*)

⁵⁹⁾ Город Тивериада и его синагога интересно описаны Реландом (Палест., том II, стр. 1036–1042).

⁶⁰⁾ Баснаж вполне удовлетворительно описал положение иудеев при Константине и его преемниках (том VIII, гл. 4, стр. 111–153).

⁶¹⁾ Реланд (Палестин., кн. 1, стр. 309–390; кн. 3, стр. 838) описал с ученостью и ясностью Иерусалим и внешний вид окружающей его местности.

⁶²⁾ Я справлялся с редким и интересным сочинением Анвилля (sur l'Ancienne Jerusalem, Париж 1747, стр. 75). Древний город имел в окружности (Евсев. Preparat. Evangel., кн. 9, гл. 36) двадцать семь стадий, или две тысячи пятьсот пятьдесят туазов. Снятый на месте план дает новейшему городу не более тысячи девятисот восьмидесяти туазов в окружности. Его круглая черта обозначается натуральными границами, которые не могут вводить в заблуждение и которых нельзя передвигать.

⁶³⁾ См. два интересных места у Иеронима (том I, стр. 102; том VI, стр. 315) и пространные подробности у Тильемона (Hist. des Empereurs, том I, стр. 569; том II, стр. 289, 294, изд. in 4-to).

⁶⁴⁾ Евсевий, in Vit. Constantini., кн. 3, гл. 25–47, 51–53. Император также построил церкви в Вифлееме, на Оливковой горе и подле Мамврийского дуба. Гроб Господень описан у Санди (Путешествия, стр. 125–133) и очень интересно нарисован у Le Bruyn в его Voyage au Levant, стр. 288–296. (Докт. Кларк и его товарищ были,

как кажется, единственные богомольцы, видевшие настоящий гроб Господень. (См. его Путешествия, ч. 2, стр. 57, 59.) Но слишком глубоко вкоренившиеся и выгодные предрассудки воспрепятствовали открытию. — *Издат.*

⁶⁵⁾ Дорожный путеводитель от Бордо до Иерусалима был составлен в 333 году для богомольцев, в числе которых, по словам Иеронима (том I, стр. 216), были и британцы и индийцы. Причины этой суеверной моды обсуждаются в ученом и хорошо написанном предисловии Весселинга (*Itinerar.*, стр. 537–545).

⁶⁶⁾ Цицерон (*de Finibus*, V, I) прекрасно выразил это общее всему человечеству чувство. (Докт. Джонсон во время своей поездки на Гебридские острова выражает те же чувства среди развалин Ионы. — *Издат.*)

⁶⁷⁾ Бароний (*Annales Eccles.*, A. D. 326, N42–50) и Тильмон (*Mem. Eccles.*, том VIII, стр. 8–16) рассказывают и защищают это чудесное изобретение креста в царствование Константина. Самые древние свидетели, на которых они ссылаются, суть: Павлин, Сульпиций Север, Руфин, Амвросий и, может быть, Кирилл Иерусалимский. Молчание Евсевия и Бордосского пилигрима, удовлетворяя тех, кто мыслит, вводит в замешательство тех, кто верует. См. основательные замечания Жортена, часть 2, стр. 238–248.

⁶⁸⁾ Это воспроизведение подтверждается Павлином, *Epist.* 37. См. Дюпена (*Biblioth. Eccles.*, том III, стр. 149), который, по-видимому, принял риторическую фигуру Кирилла за действительный факт. Такой же сверхъестественной привилегией, должно быть, пользовались: моноко св. Девы (*Erasmii Opera*, том I, стр. 778, *Lugd. Batav.* 1703 in *Colloq. de Peregrini nat Religionis ergo*), головы святых и другие мощи, находившиеся в одно и то же время в стольких различных церквях.

⁶⁹⁾ Иероним (том I, стр. 103), живший в соседней деревне Вифлеем, описывает пороки Иерусалима по своему личному опыту.

⁷⁰⁾ Григор. Нисский, *apud Wesseling*, стр. 539. Все послание, осуждающее обычай религиозных странствований или злоупотребление ими, неприятно католическим богословам, а протестантским полемизаторам оно мило, и они часто на него ссылаются.

⁷¹⁾ Он отказался от своего православного посвящения, служил дьяконом и был снова посвящен руками ариан. Но Кирилл с течением времени изменился и благоразумно принял Никейский символ веры. Тильмон (*Mem. Eccles.*, том VIII), относящийся к его памяти с любовью и уважением, описал его добродетели в тексте, а его заблуждения в примечаниях — в приличном полумраке, в конце тома. (О переменах в судьбе Кирилла говорит Иероним (*Chron. anno* 2364). Он был впервые избран в 348 г. (он был в то время арианином) в царствование Констанция, был три раза низложен и столько же раз снова возведен в прежнее звание. В последний раз он был восстановлен в 381 г. на третьем году царствования православного Феодосия; с этого времени он держался на своем месте до своей смерти в 388 г. Эти последние указания времени заимствованы от Клинтонa (*F. R.* 2, 536. — *Издат.*)

⁷²⁾ *Imperii sui memoriam magnitudine operum gestiens propagare.* Аммиан, XIII, I. Иерусалимский храм славился даже между язычниками. У них было много храмов в каждом городе (в Сихеме пять, в Газе восемь, в Риме четыреста двадцать четыре), но богатство и религия иудейской нации были сосредоточены в одном месте.

⁷³⁾ Тайные намерения Юлиана раскрыты покойным епископом Глостерским, ученым и догматическим Варбуртоном, который, с авторитетом богослова, объяснил мотивы и образ действий Высшего Существа. Его диссертация, носящая заглавие «Юлиан» (2-е лондонское издание 1751 г.), отличается всеми теми особенностями, которые приписываются его школе.

⁷⁴⁾ Я ссылаюсь на Маймонида, Маршама, Спенсера, Ле-Клерка, Варбуртона и др., которые, не стесняясь, осмеивали опасения, безрассудства и ложь некоторых суеверных богословов. См. *Divina Legation*, ч. IV, стр. 25 и сл.

⁷⁵⁾ Юлиан (Отрыв., стр. 295) почтительно называет его *megas theos* (Великий Бог), а в другом месте (Послан. 63) говорит о нем еще с большим уважением. Он вдвойне осуждает христиан — и за то, что они верили в религию иудеев, и за то, что они отказались от нее. Их Божество было истинное, но не было единственным Богом. *Apud Cyril*, кн. 9, стр. 305, 306.

⁷⁶⁾ Первая Книга Царств, VIII, 63; 2-я книга Паралипоменон, VII, 5; Иосифа Иуд. Древности, кн. 8, гл. 4, стр. 431, изд. Гаверкампа. Так как кровь и дым от такого множества жертвоприношений могли причинять неудобства, то христианский раввин Лайтфут удаляет их посредством чуда. Ле-Клерк (*ad. loc.*) так смел, что подозревает верность этих цифр.

⁷⁷⁾ Юлиан, Послан. 29, 30. Де-ла Блетери пренебрег переводом второго из этих посланий.

⁷⁸⁾ Касательно усердия и нетерпения иудеев см. Григория Назианзина (*Orat. 4* стр. III) и Феодорета (кн. 3, гл. 20).

⁷⁹⁾ Построенный вторым халифом Омаром, умершим в 644 г. по Р.Х. Эта большая мечеть покрывает освященную почву иудейского храма и представляет почти правильный квадрат, имеющий в окружности семьсот шестьдесят туазов, или одну римскую милю. См. Анвилля Иерусалим, стр. 45.

⁸⁰⁾ Аммиан называет консулов 363 года, прежде чем излагать замыслы Юлиана. *Templum... instaurare sumptibus cogitabat immodicis*. Варбуртон обнаруживает желание дать этим замыслам более раннее начало, но он должен бы был усмотреть из прежних примеров, что исполнение такой работы потребовало бы многих лет.

⁸¹⁾ Позднейшие свидетельства Сократа, Созомена, Феодорета, Филосторгия и др. не придают достоверности этому чуду, а скорей вносят в него противоречия. Сравн. возражения Баснажа (*Hist. des Juifs*, том VIII, стр. 157—168) с ответами Варбуртона (Юлиан, стр. 174—258). Епископ остроумно объяснил удивительные кресты, появившиеся на одежии зрителей, другим подобным случаем и натуральными действиями молнии.

⁸²⁾ Амврос., том II послан. 40, стр. 946, изд. бенедиктинц. Он написал это фанатическое послание (388 г.) для того, чтоб оправдать одного епископа, осужденного гражданскою властью за сожжение синагоги.

⁸³⁾ Златоуст, том 1, стр. 580, *advers. Judaeos et Gentes*, том II, стр. 574; de S-to Babyla, изд. Монфокона. Я придерживался общего и естественного предположения; но ученый бенедиктинец, относящий эти речи к 383 г., уверен, что они никогда не были произнесены с церковной кафедры.

⁸⁴⁾ Григ. Назианзин, *Orat. 4*, стр. 110—113. *Ho de oyn periboston pasiothayma, kai oyde tois atheois haytois apistoymenon lexon erchomai*. (Это ведь великое и для всех очевидное чудо, и даже те безбожники, которые в него сначала не поверили, начали о нем говорить. — *Перев. ред.*)

⁸⁵⁾ Аммиан, *XIII, 1*. *Cum itaque rei fortiter instaret Alypius, juvaretque provinciae rector, metuendi globi flammarum prope fundamenta crebris assultibus erumpentes fecere locum exustis aliquoties operantibus inaccessum; hocque modo elemento destinatus repellente, cessavit inceptum*. Варбуртон (стр. 60—90) старается вырвать из уст Юлиана и Либания сознание чуда и ссылается на свидетельство одного раввина, жившего в пятнадцатом столетии. Такие свидетельства могут быть принимаемы лишь очень благосклонным судьей. (Михаэлис объяснял остроумным и довольно правдоподобным способом этот странный факт, достоверность которого невозможно отвергать ввиду положительного свидетельства современника и язычника Аммиана; его навело на это объяснение одно место у Тацита, который, описывая Иерусалим, говорит: «Этот город, удобный для защиты по своему положению, был еще защищен множеством укреплений, которые сделали бы его силь-

ным даже при менее благоприятном естественном положении. Два очень высоких холма (гора Сион и гора Храма, находившиеся одна подле другой в южной части Иерусалима) были окружены стенами, искусно построенными со множеством изгибов и углублений, дававших возможность нападать со всех сторон на фланги осаждающих... Сам храм был чем-то вроде цитадели, у которой были свои стены, еще лучше построенные и укрепленные, чем все остальное: даже портики, которые его окружали, были превосходными укреплениями. Там был источник, который никогда не высыхал, были под горой обширные подземелья, водохранилища и резервуары для сохранения дождевой воды». Тацит, *Истор.*, кн. V, гл. 11 и 12. — Эти подземелья и резервуары, должно быть, были очень обширны. Резервуары доставляли воду в течение всей осады Иерусалима миллиону ста тысячам жителей, которых не мог удовлетворять источник Силоа и которые не могли пользоваться дождевой водой, потому что осада велась с апреля до августа, то есть в такое время года, когда в Иерусалиме редко выпадает дождь. Что же касается подземелий, то и после и до возвращения иудеев из Вавилона в них помещались не только запасы оливкового масла, вина и хлеба, но также сокровища, которые обыкновенно хранились в храме. Иосиф сообщает несколько фактов, доказывающих, как они были обширны. Когда стало ясно, что Иерусалим должен будет сдаться Титу, вожди бунтовщиков, возлагая свою последнюю надежду на эти огромные пустые пространства (υποποτοις, hypopotaia, diorychas), задумали спрятаться там и оставаться во время сожжения города до тех пор, пока римляне не уйдут. Большая часть из них не имела времени привести это намерение в исполнение, но один из них, сын Гиоры Симон, запасшись съестными припасами и землекопными орудиями, спустился туда с несколькими товарищами и оставался там до отъезда Тита в Рим: когда его стал мучить голод, он вышел внезапно в том самом месте, где прежде был храм, и очутился между римскими часовыми. Он был арестован и с торжеством отправлен в Рим. Его появление заставило предполагать, что и другие иудеи укрылись в том же убежище: были сделаны розыски, и было найдено множество укрывавшихся там иудеев. Иосиф, *de Bell. jud.*, VII, гл. 2. Эти подземелья, вероятно, были остатками времен Соломона, когда подземные работы были в большом употреблении: во всяком случае, их нельзя отнести ни к какой другой эпохе. Иудеи, при возвращении из изгнания, были слишком бедны, чтобы быть в состоянии предпринимать такие работы, и хотя Ирод, перестраивая храм, приказал вырыть несколько подземелий (Иосиф, *Иуд. Древности*, XV, 11, 7), поспешность, с которой была окончена эта постройка, не позволяет думать, чтоб все подземелья вели с этого времени свое начало. Одни из них были клоаками и водосточными трубами, другие служили складочным местом для огромных сокровищ, которые были награблены Крассом за сто двадцать лет до войны с иудеями и которые, конечно, были заменены впоследствии другими. Храм был разрушен в 70 г. по Р.Х.; попытки Юлиана восстановить его и факт, рассказанный Аммианом, относятся к 363 году; стало быть, между этими двумя эпохами был промежуток времени почти в триста лет, в течение которого засыпанные мусором подземелья должны были наполниться воспаляющимися испарениями. В наше время уже всякому известно, что, когда открывают подземелья, которые были долго запгерты, случается одно из двух или светильники гаснут, а люди сначала падают в обморок и потом умирают; или же, если воздух способен воспламеняться, вокруг лампы летают огоньки, которые увеличиваются и умножаются числом до тех пор, пока пожар не примет широких размеров; тогда происходят взрывы, которые убивают тех, кто там находится. Работники, которых употреблял Юлиан, достигли в своих подземных работах до подземелья, находившегося под храмом; чтоб проникнуть туда, нужно было иметь в руках факелы; внезапно вспыхивавшее пламя отталкивало тех, кто туда приближался, раздавались взрывы, и это повторялось всякий раз, как работники проникали в новые подземелья. Это объяснение подтверждается тем, что рассказывает Иосиф о другом однородном происшествии. До царя Ирода дошел

слух, что в гробнице Давида скрыты громадные сокровища; он спустился туда с несколькими преданными ему людьми; в первом подземелье он не нашел ничего, кроме драгоценных камней и одежд; но когда он захотел проникнуть в другое подземелье, которое было долгое время закрыто, его оттолкнуло пламя, лишившее жизни двоих из тех, кто сопровождал его (Иуд. Древ., XVI, 7, 1). Так как тут не было никого чужда, то можно смотреть на это как на новое доказательство истинности того факта, о котором сообщают Аммиан и современные писатели. — Гизо)

⁸⁶⁾ Докт. Ларднер, как кажется, был единственный из христианских критиков, осмелившийся сомневаться в действительности этого знаменитого чуда. (Иудейские и языческие свидетельства, ч. IV, стр. 47–71.) Молчание Иеронима внушает подозрение, что та же самая история, которая славилась адали, была в полном пренебрежении на самом месте происшествия.

⁸⁷⁾ Григ. Наз., *Orat* 3, стр. 81. Это предписание было подкреплено со стороны самого Юлиана тем, что он неизменно держался его на практике. Варбуртон основательно заметил (стр. 35), что последователи Платона верили в таинственную силу слов и что отвращение Юлиана к имени Христа могло происходить не только от презрения, но и от суеверия.

⁸⁸⁾ Орывок Юлиана, стр. 288. Он осмеивает *moria Galilaion* (глупость галилеян), (Послан. 7) и до такой степени теряет из виду принцип веротерпимости, что желает (Послан. 42). *Akontas iasthai* (недобровольного исцеления).

⁸⁹⁾ *Ou gar moi themis esti komidzemen e eleairein Aneras, hoi ke theoidin aprechthont' athenatoisin.* (Я не считаю справедливым заботиться или чувствовать сострадание к тем губителям, которые отказались от бессмертных богов. — Перев. ред.) Эти две строчки, измененные и извращенные Юлианом в духе ханжества (Послан. 49), заимствованы из речи Зола, когда он отказывается дать Улиссу свежий запас ветров (Одис., X, 73). Либаний (*Orat* Parent., гл. 59, стр. 286) старается оправдать этот пристрастный образ действий в апологии, в которой дух преследования проглядывает сквозь маску беспристрастия.

⁹⁰⁾ Существование этих законов касательно духовенства видно из легких намеков самого Юлиана (Послан. 52), из туманных декламаций Григория (*Orat* 3, стр. 86, 87) и из положительных утверждений Созомена (кн. 5, гл. 5).

⁹¹⁾ *Inclimens... perenni obrucidum silentio.* Аммиан, 10, XXV, 5.

⁹²⁾ Самый эдикт, до сих пор сохранившийся в числе посланий Юлиана (42), можно сравнивать с невоздержанной бранью Григория (*Orat* 3, стр. 96). Тильмон (*Mem. Eccles.*, том VII, стр. 1291–1294) указал кажущиеся разногласия между древними и новыми писателями, но их нетрудно согласить между собою. Христианам было прямо запрещено учить и коварным образом запрещено учиться, так как они не захотели бы посещать школы язычников.

⁹³⁾ Код. Феод., кн. 13, тит. 3 *de medicis et professoribus*, зак. 5 (изданный 17 июня и принятый в Сполетто, в Италии 29 июля 363 г.) с объяснениями Годефруа, том V, стр. 31.

⁹⁴⁾ Орозий восхваляет их бескорыстную твердость; *Sicut a majoribus nostris compertum habemus omnes ubique propemodum... officium quam fidem deserere maluerunt*, VII, 30. Христианский софист Прозерсий отказался принять пристрастные милости императора. Иероним, in *Chron.*, стр. 185, изд. Скалигера. Евнапий in *Proaeresio*, стр. 126.

⁹⁵⁾ Они прибегли к сочинению книг для своих собственных школ. В течение нескольких месяцев Аполлинарий составил христианское подражание Гомеру (священную историю в двадцати четырех книгах), Пиндару, Еврипиду и Менандру; а Созомен выражал свое удовольствие по поводу того, что эти произведения равнялись по достоинству с подлинниками или даже превосходили их. (Теперь уже бес-

полезно, но все-таки интересно ставить вопрос о том, что вышло бы из мероприятий Юлиана против христианства, если бы он прожил дольше? Унижая церковную иерархию, которая была его главной целью, он возвысил бы мирян. Незаконно присвоенная власть и высокомерные требования этой иерархии были бы ниспровергнуты, но миряне освободились бы от строгого контроля, под которым их энергия обращалась в апатию и в бессилие. Восстановление язычества было безнадежно и невозможно. Его «различные безрассудства» были разоблачены не учеными богословами и не горячими полемизаторами того времени, но развитием интеллигенции, которая после семисотлетней свободы исследований была запугана самой отвратительной тиранией, какой когда-либо подвергалось человечество. Если бы Юлиан ниспроверг эту тиранию и если бы христианство «возвратилось к своей первобытной простоте», то вместо «поколения слепых и невежественных фанатиков», о которых говорит Гиббон, мы, вероятно, увидели бы более рациональную религию, а ее более кроткие проповедники, может быть, предотвратили бы варварство и невежество следующих столетий. — *Издат.*

⁹⁶ Инструкции Юлиана к его чиновникам (Послан. 7) гласили: *protimasthai mentoi toys theoseboys kai pany phēmi dein*. (Я говорю, что вы должны во всем предпочитать тех, кто почитает богов. — *Перев. ред.*) Созомен (кн. 5, гл. 18) и Сократ (кн. 4, гл. 13) должны быть проверены сочинениями Григория (Orat. 3, стр. 95), который не менее их склонен к преувеличениям, но более сдержан вследствие близкого знакомства с требованиями современных читателей.

⁹⁷ *Psēphō theōn kai didoys kai mē didoys*. (Избранники богов, явных и тайных. — *Перев. ред.*) Либаний, Orat. Parent. гл. 88, стр. 314.

⁹⁸ Григ. Наз., Orat. 3, стр. 74, 91, 92. Сократ, кн. 3, гл. 14. Феодорет, кн. 3, гл. 6. Впрочем, следует несколько ослабить то, что они говорят, ввиду того чрезмерного усердия, которое не менее пристрастно, чем усердие Юлиана.

⁹⁹ Если мы сравним мягкие выражения Либания (Orat. Parent., гл. 60, стр. 286) со страстными возгласами Григория (Orat. 3, стр. 86, 87), то нам трудно будет поверить, что эти два оратора описывали одни и те же события.

¹⁰⁰ Рестан, или Аретуза, находящаяся на равном расстоянии шестнадцати миль от Эмеса (Гемса) и Елифании (Гамата), была основана Селевком Никатором или по меньшей мере получила от него свое название. Медали этого города относят его начало к 685 году от основания Рима. Во времена упадка Селевкидов Эмеса и Аретуза подпали под власть араба Сампсицерама, потомство которого, находившееся в вассальной зависимости от Рима, еще существовало в царствование Веспасиана. См. Анвилля, Ландкарты и Древнюю Географию, том II, стр. 134, Весселинга, Itineraria, стр. 188, и Норис., Epoch. Syro-Macedon., стр. 480, 481, 482.

¹⁰¹ Созомен, кн. 5, гл. 10. Странно, что Григорий и Феодорет умалчивают о таком факте, который в их глазах должен бы был увеличить религиозные заслуги епископа.

¹⁰² Страдания и твердость Марка, так трогательно описанные Григорием (Orat. 3, стр. 88—91), подтверждаются неопровержимым и вынужденным свидетельством Либания *Markos ekeinos krepatēnos, kai mastigoymenos, kai tou pōdōnos autō tūlomenou, panta enegkōn andreidōs nyn isotheos esti tais timais, kan phanē pol. perimachētōs euythys*. Послан. 730, стр. 350, 351, изд. Вольф. Амстел. 1738.

¹⁰³ Таким образом Ла-Кроз и Вольфий (adloc.) объяснили греческое слово, настоящий смысл которого был извращен прежними истолкователями и даже Ле-Клерком (Bibliothèque Ancienne et Moderne, том III, стр. 371). Однако Тильмон очень затрудняется объяснить (Mem. Eccles., том VII, стр. 1309), каким образом Григорий и Феодорет могли принять полуарианского епископа за святого.

¹⁰⁴ См. правдоподобное мнение Саллюстия (Григорий Назианзин, Orat. 3, стр. 90, 91). Либаний вступает за человека, совершившего такое же преступление, из

опасения, что найдется немало Марков; однако он допускает, что, если Орион захватил богатства, посвященные богам, он заслуживает такого же наказания, как Марсий, то есть чтобы с живого содрали кожу. (*Epist.* 730, стр. 349–351.)

¹⁰⁵ Роша и храм Дафны описаны: Страбоном (кн. 16, стр. 1089, 1090, изд. Амстел. 1707), Либанием (*Naenia*, стр. 185–186. *Antiochic. Orat.* II, стр. 380, 381) и Созоменом (кн. 5, гл. 19). Весселинг (*Itinerar.*, стр. 581) и Казобон (*ad Hist. August.*, стр. 64) разъясняют этот интересный сюжет.

¹⁰⁶ *Simulacrum in eo Olympiaci Jovis imitamenti aequiparans magnitudinem.* Аммиан, *XXI*, 13. Олимпийский Юпитер имел шестьдесят футов в высоту, и, стало быть, его масса была равна массе тысячи людей. См. интересный *Memoire* аббата Gedeon (*Academie des Inscriptions*, том IX, стр. 198).

¹⁰⁷ Адриан прочел историю своей счастливой будущности на листочке, вынутым из Кастальского источника; этот фокус, по словам доктора Вандаля (*de Oraculis*, стр. 281), нетрудно делать при помощи некоторых химических препаратов. Император закрыл источник таких опасных знаний, но он был снова открыт благочестивой любознательностью Юлиана.

¹⁰⁸ Эта привилегия была куплена в 44 г. по Р.Х. и в 92 году антиохийской эры (Норис, *EPOCH Syro-Maced.*, стр. 139–174) на срок девяносто Олимпиад. Но Олимпийские игры в Антиохии не праздновались регулярным образом до царствования Коммода. См. интересные подробности в Хронике Иоанна Малалы (том 1, стр. 293, 320, 372–381) – писателя, достоинства и авторитет которого ограничиваются пределами его родного города. (Эти игры возобновились в 260 году антиохийской эры, или в июле и августе 212 г. Р.Х., который был третьим годом царствования Каракаллы. Малала, писавший через 300 лет после того, неправильно называл Коммода. Клин. *F.R.* 1, 220. – *Издат.*)

¹⁰⁹ Пятнадцать талантов золота, завещанных Созибием, который умер в царствование Августа. В *Expositio totius Mundi*, стр. 6 (Гудсон, *Geograph. Minor.*, том III) дается сравнение театральных зрелищ в городах Сирии в век Константина.

¹¹⁰ *Avidio Cassio Syriacas legiones dedi luxuria diffuentes et Daphnicis moribus.* Это слова императора Марка Антонина в подлинном письме, сохраненном его биографом в *Hist. August.*, стр. 41. Кассий увольнял или наказывал всех солдат, посещавших Дафну.

¹¹¹ *Aliquantum agrorum Daphnensibus dedit (Pompey), quo locus spatiosior fieret: delectatus amoenitate loci et aquarum abundantia.* Евтропий, VI, 14. Секст Руф, *de Provinciis*, гл. 16.

¹¹² Юлиан (Мизопогон, стр. 361, 362) обнаруживает свой характер с той наивностью, с той бессознательной искренностью, которые могут быть только даром природы.

¹¹³ Имя Вавилы упоминает Евсевий, перечисляя антиохийских епископов (*Hist. Eccles.*, кн. 6, гл. 29, 39). Златоуст (том II, стр. 536–579, изд. Монфокона) пространно превозносит его триумф над двумя императорами (первый из этих триумфов баснословен, а второй исторически достоверен). Тильмон (*Met. Eccles.*, том III, часть 2, стр. 287–302, 459–465) становится похожим на скептика.

¹¹⁴ Церковные писатели, и в особенности те из них, которые очень любят мощи, приходят в восторг от признания Юлиана (Мизопогон, стр. 361) и Либания (*Naenia*, стр. 185), что Аполлона беспоконно соседство одного умершего. Однако Аммиан (*XXII*, 12) очищает всю эту почву согласно с обрядами, которые прежде исполнялись афинянами на острове Делосе.

¹¹⁵ Юлиан (Мизопогон, стр. 361) не утверждает положительно, что они виновны, но лишь намекает на это. Аммиан (*XXII*, 13) называет это обвинение *levissimus rumor* и рассказывает эту историю с чрезвычайным беспристрастием.

116) Quo tam atroci casu repente consumpto, ad id isque imperatoris ira provexit, ut quaestiones agitare juberet solito acriores (однако Юлиан порицает снисходительность антиохийских должностных лиц), et majorem ecclesiam Antiochiae claudi. Это закрытие собора сопровождалось оскорблением и богохульством, и аббат де-ла Блетери рассказывает с суеверным удовольствием о кстати случившейся смерти главного действующего лица, Юлианова дяди. *Vie de Julien*, стр. 362–369.

117) Кроме церковных писателей, более или менее не заслуживающих доверия, мы можем указать на описание страданий св. Федора в *Acta Sincera* Рюинара, стр. 591. Выраженные Юлианом сожаления придают этому описанию достоверность.

118) Юлиан. Мизопогон, стр. 361.

119) Григорий Назианзин. *Orat.* 3, стр. 87; Созомен, кн. 5, гл. 9; Филосторгий, кн. 7, гл. 4.

120) Жизнь и смерть Георгия Каппадокийского описаны Аммианом (XXII, 11), Григорием Назианзином (*Orat.* 21, стр. 382, 385, 389, 390) и Епифанием (Haeres. 76). Бранные выражения двух святых не заслуживали бы большого доверия, если бы они не подтверждались свидетельством хладнокровного и беспристрастного неверующего.

121) После умерщвления Георгия император Юлиан неоднократно посылал приказания, чтобы библиотеку сохранили для его собственного употребления и чтобы были подвергнуты пытке те рабы, которых можно было заподозрить в сокрытии каких-либо книг. Он хвалит библиотеку, из которой он брал и переписывал рукописи в то время, как учился в Каппадокии. Он, конечно, желал бы, чтобы сочинения галилеян погибли, но он требовал точного списка богословских сочинений из опасения, чтобы в числе их не погибли ценные произведения. Юлиан, *Epist.* 9, 36.

122) Филосторгий с осмотрительным зложелательством высказывает обвинение против этой партии kai ten Athanasioy gnōmēn strategēsai tes praxeōs, (этим делом руководила мысль Афанасия. — *Перев. ред.*) кн. 7, гл. 2. Годефруа, стр. 267.

123) *Cineres projecit in mare, id metuens ut clamabat, ne, collectis supremis, aedes illis extruerent; ut reliquis, qui deviare a religione compulsi, pertulere cruciabiles poenas, adusque gloriosam mortem intemerata fide progressi, et nunc Martyres appellantur.* Аммиан, XXII, 11. Епифаний доказывает арианами, что Георгий не был мучеником.

124) Некоторые из донатистов (Оптат Милев, стр. 60, 303, изд. Дюпера, и Тильмона, *Mém. Eccles.*, том VI, стр. 713, in 4-to) и из присциллианистов (Тильмон, *Mém. Eccles.*, том VIII, стр. 517, in 4-to) присвоили себе точно таким же образом почести христианских святых и мучеников.

125) Каппадокийские святые, Василий и два Григория, не знали, что Георгий был такою святой. Папа Желазий (494 г. по РХ), который был первый католик, признавший св. Георгия, ставит его в ряду мучеников «qui Deo magis quam hominibus potius sunt». Он отвергает его Деяния, как вымышленные еретиками. Некоторые из этих Деяний, может быть, не самые древние, сохранились до сих пор, и между различными вымыслами мы находим рассказ о борьбе, происходившей между св. Георгием Каппадокийским и волшебником Афанасием в присутствии царицы Александрии.

126) Это превращение не безусловно достоверно, но чрезвычайно правдоподобно. См. Longueval, том 1, 194.

127) От докт. Гейлина (*History of st. George*, 2-ое изд., Лондон, 1633 in 4-to, стр. 429) и от богландистов (*Act. ss. Mens. April.*, том III, стр. 100–163) можно получить интересные подробности о поклонении св. Георгию начиная с шестого столетия (когда его уже чтли как святого в Палестине, в Армении, в Риме и в Трире, в Гал-

лии). Его слава и популярность в Европе, и в особенности в Англии, начались с крестовых походов.

¹²⁸) Юлиан, Послан. 43.

¹²⁹) Юлиан, Послан. 10. Он позволял своим друзьям смягчать его гнев. Аммиан, XII, II.

¹³⁰) См. Афанас., ad Rufin., том II, стр. 40, 41 и Григ. Назианз., Orat. 3, стр. 395, 396, который основательно утверждает, что сдержанное рвение архиепископа более достохвальное, чем его молитвы, посты, гонения и пр.

¹³¹) Я не имею времени проследить историю слепого упорства Калиарийского Люцифера. Его приключения описаны Тильемоном (Mem. Eccles., том VII, стр. 900–926); читатель заметит изменения в колорите рассказа по мере того, как исповедник делается еретиком.

¹³²) Assensus est huic sententiae Occidens, et, per tam necessarium concilium, Satanae faucibus mundus ereptus. Живой и искусно написанный «Диалог» Иеронима против последователей Люцифера (том II, стр. 135–155) представляет оригинальное описание церковной политики того времени.

¹³³) Тильефон, который предполагает, что Георгий был убит в августе, относит все действия Афанасия к очень небольшому промежутку времени (Mem. Eccles., том VIII, стр. 360). Оригинальный отрывок, изданный маркизом Маффеи и взятый из старой библиотеки веронского капитула (Osservazioni Letterarie, том III, стр. 60–92), заключает в себе много важных указаний годов, достоверность которых подтверждается исчислением египетских месяцев.

¹³⁴) Toy miaron, hos etolmēsen Ellēnidas, ep' emoy, gynaikas tōn episēmōn baptisai diōkesthai. Я удержал двусмысленное значение последних слов. Эта двусмысленность прилична тирану, жаждавшему отыскать или создать преступление.

¹³⁵) Три послания Юлиана, объясняющие его намерения и его образ действий по отношению к Афанасию, должны быть расположены в следующем хронологическом порядке: 26, 10, 6. См. также Григ. Назианз., XI, стр. 393; Созомена, кн. 5, гл. 15; Сократа, кн. 3, гл. 14; Феодорета, кн. 2, гл. 9 и Тильефона, Mem. Eccles., том VII, стр. 361–368; этот последний пользовался некоторыми материалами, собранными болландистами.

¹³⁶) Григорий искренно в этом сознается (Orat. 3, стр. 61, 62).

¹³⁷) Выслушайте неистовые и нелепые жалобы Оптата (de Schismat. Donatist., кн. 2, гл. 16, 17).

¹³⁸) Григ. Назианзин (Orat. 3, стр. 91; 4, стр. 133). Он хвалит кесарийских мятежников, toutōn de tōn megalophyōn kai thermon eis eysebeian. См. Созомена, кн. VI, 4, 11. Тильефон (Mem. Eccles., том VII, стр. 649, 650) признается, что их поведение не было dans l'ordre commun; но он вполне удовлетворен тем, что св. Василий Великий всегда праздновал день этих святых мучеников.

¹³⁹) Юлиан решил процесс против нового христианского города, основанного в порте Газы Майуме, и хотя его приговор мог быть приписан ханжеству, он никогда не был отменен его преемниками. Созомен, кн. 5, гл. 3. Реланд, Палестина, том II, стр. 791.

¹⁴⁰) Григорий (Orat. 3, стр. 93–95. Orat. 4, стр. 114) уверяет, что он говорит по сведениям, полученным от лиц, которые пользовались доверием Юлиана и с которыми Орозий (VII, 30) не мог быть знаком.

¹⁴¹) Григорий (Orat. 3, стр. 91) обвиняет отступника в тайных жертвоприношениях мальчиков и девочек и положительно утверждает, что тела убитых бросались в реку Оронт. См. Феодорета, кн. 3, гл. 26, 27, и с каким двусмысленным чистосердечием выражается аббат де-ла Блетери, Vie de Julien, стр. 351, 352. Однако ненависть

современников не взваливала на Юлиана толпы мучеников, в особенности западных, которых Бароний глотает с такою жадностью, а Тильефон так слабо отвергает (Mem. Eccles., том VII, стр. 1205—1315).

¹⁴²⁾ Покорность Григория поистине назидательна (Orat. 4, стр. 123, 124); однако, когда посланный Юлиана попытался овладеть церковью Назианза, он лишился бы жизни, если бы не преклонился перед религиозным рвением епископа и народа (Orat. 18, стр. 308). См. размышления Златоуста в том виде, как они переданы у Тильефона (Mem. Eccles., том VII, стр. 575). (Несмотря на то, что Гиббон был очевидно увлечен предметом своего повествования, он так верно обрисовал мнения и образ действий Юлиана, что беспристрастные писатели выразили по этому поводу свое одобрение. Нибур говорит: «Юлиана, имя которого никогда не будет позавыто, иные превозносили не в меру, а иные позорили самым недостойным образом. В последние пять—десять лет на него обратили свое внимание даровитые люди самых противоположных убеждений, и прежде всех Гиббон, который, однако, не увлекся своими антихристианскими чувствами, а охотно вывел наружу его слабые стороны». (Лекция, ч. 3, стр. 309). Эггель еще более решительно высказывается в том же смысле: «Optime, ut ego existimo, de Juliani philosophia virtutibusque et vitiis, judicavit Eduardus Gibbon, Anglus» (Num. Vet., ч. 8, стр. 132). Ожесточение, с которым нападали на пятнадцатую и шестнадцатую главы, заставило Гиббона быть осмотрительным. Он до того дошел в этой осмотрительности, что последние издатели его Истории, пытавшиеся исправить его неосновательные отзывы о христианстве, не нашли ничего предосудительного во всей настоящей главе. Если он иногда заблуждался, то это происходило главным образом оттого, что он неясно понимал склонность императора к мистицизму. В некоторых случаях он ошибочно полагал, что все вообще христиане были предметом мстительности и притеснительных мер, которые были направлены только против духовенства; а отсюда он делал тот вывод, что существовало поощрение к тайному и косвенному гонению, которому Юлиан не мог благоприятствовать если не из великодушия, то из благоразумия. Конечно, тот, кто восстанавливал язычество, охотно искоренил бы христианство. Но его строгие меры клонились к этой цели только настолько, насколько они отнимали у церковной иерархии возможность приобретать подарками послушных приверженцев. Что он старался, мягким путем убеждения, расположить к себе мирян, и главным образом тех из них, которые были самыми образованными, это ясно видно из дошедших до нас отрывков тех сочинений, которые он писал против их религии. Первые отцы церкви с большим успехом доказывали, что священные книги иудеев предсказали христианству то учение, в котором осуществились любимые философские идеи греков. Поэтому Юлиан и направил свои нападки на законодательство Моисея. Против тех частей этого законодательства, которые было всего труднее защищать, он направил самые сильные из своих аргументов. Он полагал, что, если ему удастся уничтожить фундамент, всю верхнюю надстройку можно будет безопасно перенести на языческую почву, которую он постарался для этого подготовить, внося в нее более разумные начала. Монарх, способный входить в такие рассуждения с своими подданными, едва ли был способен питать те тайные замыслы о насильственной пропаганде, которые приписывались ему опасениями или ненавистью христиан. — *Издат.*)

ISBN 978-5-275-01702-1

9 785275 017021